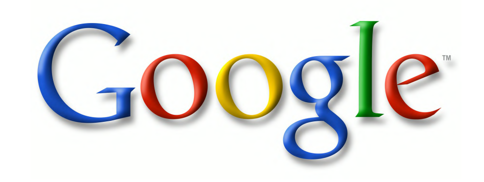
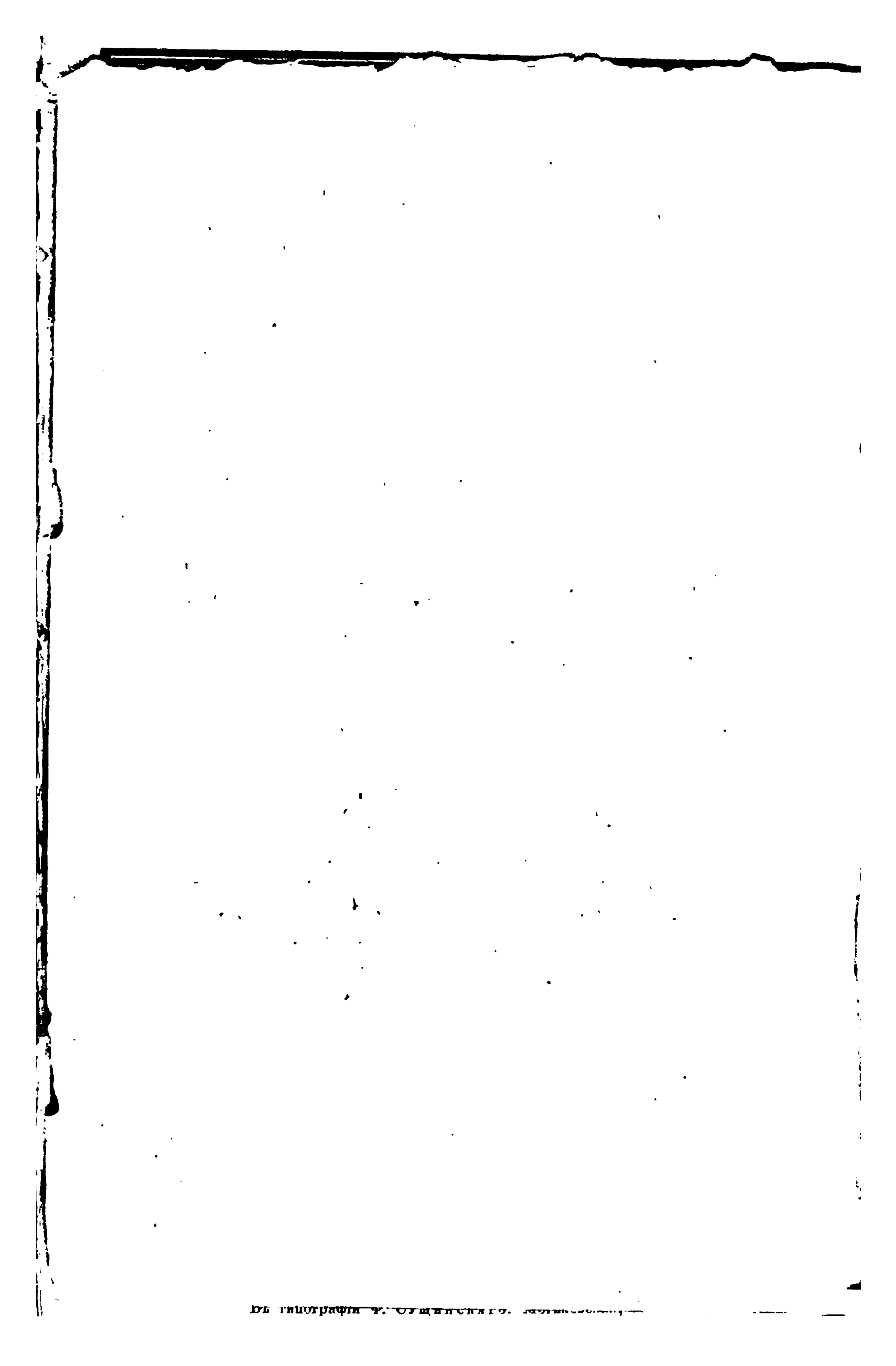

Google

SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

Въ типографіи Ф. Ущинскаго. Моховая...

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
·ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.
АВГУСТЪ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1871.

ОЧЕРКИ
КРАЙНЯГО ВОСТОКА

V *).

Торговля китайцевъ съ Европою и Америкою.

Задолго до открытія сношеній съ западными народами, китайская морская торговля обнимала уже обширную область отъ Кореи до Борнео и отъ Аннама и Бирмы до острововъ Филиппинскихъ. Обладая компасомъ, китайскіе торговцы смѣло пускались въ эти страны, не держась непосредственно береговъ, какъ то дѣлали европейскіе мореходцы до самаго XIV-го столѣтія. Но только въ IX-мъ вѣкѣ по Р. X. торговые ихъ города сдѣлались извѣстны промышленникамъ изъ сосѣдства Средиземнаго моря. Эти промышленники были арабы, которые и торговали потомъ нѣсколько вѣковъ въ одномъ изъ портовъ юговосточнаго Китая, именно въ Канфу. Былъ ли этотъ Канфу—Кантонъ или Канпу, близъ нынѣшняго Ганъ-чжеу-фу, описанный въ XIII-мъ столѣтіи Марко Поло,—это вопросъ нерѣшенный; но изъ извѣстій, оставленныхъ арабами, видно, что торговля въ немъ была очень обширна, хотя сопровождалась весьма стѣснительными для чужеземцевъ условіями. Когда иностранный корабль входилъ въ гавань Канфу, его тотчасъ окружали таможенные агенты, товары переносились въ складъ, и только по отобраніи почти третьей доли ихъ, именно 30%, въ казну, отдаваемо было остальное владѣльцу, который затѣмъ уже воленъ былъ торговать, гдѣ и какъ

*) См. выше, мартъ.

пожелаетъ. Иностраннымъ купцамъ того времени давалось даже право проникать внутрь Китая, для чего они получали особые виды, или паспорты, отъ таможенныхъ властей, учрежденіе которыхъ относится, вѣроятно, къ VI-му столѣтію, т.-е. ко времени династіи Танъ. Марко Поло, видѣвшій Канфу во второй половинѣ XIII-го вѣка, описываетъ его какъ цвѣтущій и богатый городъ, въ портѣ котораго всегда тѣснилось много судовъ изъ Индіи, а Ибнъ-Батута, въ концѣ того же вѣка, замѣчаетъ, съ другой стороны, что китайскія джонки проникали до Малабарскаго берега Индіи и вели тутъ выгодную торговлю. Шелкъ и шелковыя издѣлія, повидимому, были тогда главными статьями вывоза изъ Китая; о чаѣ же ничего неизвѣстно, хотя уже въ IX-мъ вѣкѣ арабы знали его обширное употребленіе въ Срединномъ царствѣ и описали способъ приготовленія.

Изъ европейцевъ первые прибыли въ Китай португальцы. Въ 1516-мъ году корабль ихъ, подъ начальствомъ Перестрелло, счастливо торговалъ въ устьяхъ Кантонской рѣки, почему на слѣдующее лѣто генералъ-капитанъ Малакки, знаменитый Альбукеркъ, отправилъ цѣлую флотилію изъ восьми судовъ для начала болѣе обширнаго торга. Эта флотилія, подъ начальствомъ Переса де-Андрады, вошла въ кантонскую дельту и достигла Вампоа, откуда начальникъ ея послалъ просить разрѣшенія у мѣстныхъ начальствъ Кантона торговать въ этомъ городѣ. Отвѣтъ былъ данъ благопріятный; но когда Андрада съ двумя судами самъ прибылъ къ городу и вступилъ въ переговоры объ основаніяхъ торга, то былъ вскорѣ извѣщенъ о нападеніи, сдѣланномъ на большинство его флотиліи пиратами, и потому долженъ былъ съ поспѣшностью возвратиться. Часть его судовъ вернулась въ Малакку, а другая направилась къ сѣверу и здѣсь успѣла основать первую европейскую коммерческую колонію въ Нингпо. Тутъ португальцы торговали очень успѣшно, но не долгое время. Ихъ жадность къ прибыли и безпорядочное поведеніе скоро привели къ разнымъ стѣсненіямъ торговли со стороны китайскихъ властей, а наконецъ и къ самому изгнанію торговцевъ-колонистовъ. Чтобы дать понятіе о тогдашнихъ способахъ наживаться, достаточно сказать, что извѣстный португальскій авантюристъ, Фернандъ Мендезъ Пинто, не затруднился ограбить семнадцать царскихъ могилъ, о существованіи которыхъ, на одномъ изъ острововъ къ сѣверу отъ Нингпо, онъ узналъ отъ китайцевъ. Пинто былъ пойманъ китайцами, взятъ въ плѣнъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ и вмѣстѣ съ другими своими спутниками подвергся разнымъ суровымъ наказаніямъ, въ томъ числѣ

отрѣзанію пальца на рукѣ. Портъ Нингпо послѣ этого былъ надолго для португальцевъ закрытъ.

Въ 1537-мъ году имъ однакоже удалось основаться на другомъ пунктѣ юго-восточнаго прибрежья Китая, именно въ Макао, гдѣ они и имѣли потомъ постоянный торгъ въ теченіи трехъ столѣтій. Но условія, въ которыя была поставлена торговля въ Макао, были далеко не тѣ, что въ Нингпо. Здѣсь португальцы должны были платить ежегодную подать китайцамъ за землю, занятую подъ городъ, имѣть среди себя постоянно китайскихъ чиновниковъ для надзора и только разъ-два въ годъ торговать на кантонскомъ рынкѣ. Самый городъ Макао, выстроенный на полуостровѣ, былъ отдѣленъ отъ твердой земли Китая каменною стѣною, и непосредственно у этой стѣны водворено довольно значительное селеніе китайцевъ, чтобы чужеземцы не могли безнаказанно проникать за нее. Въ 1582-мъ году торговля ихъ въ Кантонѣ должна была даже совсѣмъ прекратиться вслѣдствіе безпорядковъ, и только обязавшись платить ежегодно значительную сумму кантонскимъ чиновникамъ, могли португальцы сохранить за собою право ѣздить изъ Макао въ столицу двухъ южныхъ провинцій Китая. Они пробовали-было обращаться въ Пекинъ, надѣясь тамъ получить облегченіе по торговлѣ; но всѣ ихъ посольства были принимаемы дурно и подвергались униженіямъ. Казалось, китайцы дозволяли чужестранцамъ торговать въ Кантонѣ только изъ милости и лишь отчасти потому, что торговля приносила ихъ казнѣ порядочный доходъ въ видѣ пошлинъ. Но въ 1750-мъ году даже и эти побужденія были отброшены, и португальцамъ предложено или подвергнуться новымъ стѣсненіямъ по торговлѣ, или совсѣмъ оставить Китай. Напрасно они посылали, въ 1753-мъ году, новое посольство въ Пекинъ: оно не имѣло никакого успѣха, и торговля въ Макао падала все болѣе и болѣе, такъ что въ 1830-мъ году доходъ макаоской таможни простирался едва до 70,000 ланъ и не покрывалъ уже расходовъ на самое учрежденіе. Основаніе англичанами, въ 1841-мъ году, Гонъ-Конга окончательно убило торговлю въ Макао, а случившееся, въ послѣдніе годы (1867), банкротство огромнаго торговаго дома Дента, которому ввѣрены были почти всѣ остатки португальскихъ макаоскихъ капиталовъ, привело эту колонію въ состояніе почти всеобщаго нищенства.

Голландцы были второю европейскою націею, пытавшеюся завязать торговлю съ Китаемъ, послѣ открытія морского пути вокругъ Африки. Въ 1601-мъ году они появились въ Кантонѣ, но не имѣли успѣха. Тоже сначала было и на Формозѣ, куда

они обратились потомъ. Только цѣною уступки захваченныхъ было ими островов Пескадорскихъ, въ Формозскомъ проливѣ, достигли они возможности основать свою факторію на Формозѣ, гдѣ и торговали нѣкоторое время съ успѣхомъ. Но въ 1662-мъ году факторія ихъ была взята извѣстнымъ морскимъ разбойникомъ, Кошингою, и колонисты частью преданы смерти, частью прогнаны навсегда съ острова.

Это однакоже не обезохотило предпріимчивыхъ голландцевъ, и въ 1664-мъ году они отправили посольство въ Пекинъ, чтобы добиться позволенія торговать въ Кантонѣ и въ портахъ Фу-цзяна и Чже-цзяна. И хотя это посольство, предводимое Питеромъ фанъ-Горномъ, не имѣло большого успѣха, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что въ XVIII-мъ столѣтіи голландцы производятъ торговлю въ Кантонѣ, наравнѣ съ другими европейскими націями, а въ 1762-мъ году основана была ими, въ томъ же городѣ, постоянная торговая факторія. Въ 1794-мъ году голландцы пытались даже, вслѣдъ за англійскимъ посольствомъ Макартнея, хлопотать о дарованіи нѣкоторыхъ льготъ ихъ торговлѣ въ Китаѣ, но не имѣли успѣха. Теперь ихъ торговля довольно незначительна и производится болѣе между Китаемъ и нидерландскими колоніями въ Зондскомъ архипелагѣ, чѣмъ между Китаемъ и самой Голландіей.

Испанцы, съ начала XVII-го столѣтія, успѣли основать довольно дѣятельныя торговыя связи между Небесною имперіею и своими владѣніями на островахъ Филиппинскихъ. Ихъ корабли появлялись въ Кантонѣ, Макао и Амоѣ, и Манилла постоянно поддерживала торговлю особенно съ этимъ послѣднимъ городомъ. Это продолжается и доселѣ; только вся торговля въ рукахъ у китайцевъ и англичанъ.

Французы, съ самаго появленія своего въ Китаѣ, почти не занимались коммерческими дѣлами. Ихъ первый корабль, прибывшій въ Кантонъ въ 1560-мъ году, произвелъ тамъ такой переполохъ пушечными выстрѣлами, что мѣстныя власти донесли объ этомъ въ Пекинъ и требовали инструкцій, результатомъ чего было временное прекращеніе всякой иностранной торговли. Въ 1728-мъ году, когда французамъ удалось основать свою факторію въ Кантонѣ, при отбытіи оттуда перваго же французскаго судна, возникло между агентомъ факторіи и китайскими чиновниками столь рѣзкое столкновеніе по вопросу о пошлинахъ, что агентъ былъ посаженъ въ тюрьму, и только благодаря заступничеству іезуитовъ въ Пекинѣ получилъ свободу.

Въ 1745-мъ году французскія суда добились права продавать ихъ товары въ Вампоа, платя 100 ланъ съ корабля

пошлины, и съ того времени небольшое число этихъ судовъ ежегодно прибывало въ кантонскую дельту, гдѣ за грузы сукна, очковъ, галуновъ и серебра, получало чай, шелкъ, ревень, нанку и фарфоръ. Но уже въ 1754-мъ году французы отличились безпокойнымъ поведеніемъ: именно, матросы ихъ затѣяли сильную драку съ англичанами, результатомъ которой было названіе мѣста битвы непріятнымъ для нихъ именемъ French-foly; торговля же ихъ преуспѣвала очень мало, да и вниманіе было больше обращено не на нее, а на дѣло католической пропаганды, чтó составляетъ, въ извѣстной степени, характеристическую черту въ отношеніяхъ Франціи съ Небесной имперіей до настоящаго времени. Въ 1844—45 годахъ министерство Гизо, обезпокоенное успѣхами англичанъ въ Китаѣ, думало-было расширить торговыя связи Китая съ Франціею заключеніемъ коммерческаго трактата, для чего было отправлено большое посольство подъ начальствомъ Лагрене; но трактатъ былъ заключенъ, а связи расширились мало. Въ 1858—60 годахъ новые договоры, бывшіе слѣдствіемъ войны, дали французскимъ торговцамъ всевозможныя права въ открытыхъ китайскихъ портахъ, наравнѣ съ другими націями; но это немного измѣнило существо дѣла. Доселѣ французская торговля незначительна, и, можно сказать, вся ограничивается Шанхайскимъ портомъ, гдѣ есть нѣсколько богатыхъ французскихъ домовъ, скупающихъ шелкъ и чай, и продающихъ вина и нѣкоторыя издѣлія французскихъ мануфактуръ.

Наравнѣ съ французами, испанцами и голландцами торговали въ Кантонѣ, съ первой половины XVIII-го столѣтія, и скандинавскія націи. Но торговля ихъ никогда не была значительна. Такъ, въ 1750-мъ году мы видимъ на кантонскомъ рейдѣ всего два судна шведскихъ, одно датское и два французскихъ, между тѣмъ какъ англичане уже тогда высылали не менѣе девяти кораблей. Въ 1790-мъ году пропорція была еще менѣе выгодна; именно, датчане и французы выслали всего по одному кораблю, между тѣмъ какъ англичане двадцать одинъ и даже новорожденные тогда Соединенные Штаты четырнадцать.

Что касается до британской торговли, то изъ общей исторіи европейскихъ государствъ и ихъ колоній извѣстно, какія были причины, доставившія Англіи всемірное коммерческое преобладаніе. Здѣсь вспомнимъ только главные факты собственно изъ исторіи сношеній англичанъ съ Небесной имперіей. Первая торговая связь ихъ съ Китаемъ была завязана Остъ-Индской компаніей въ 1637-мъ году, когда эта компанія имѣла привилегію на торговлю съ Востокомъ. Снаряжены были пять кораблей, хорошо вооруженныхъ, и подъ начальствомъ капитана Уэдделя

отправлены въ кантонскую дельту. Но здѣсь они были встрѣчены довольно недовѣрчиво, особенно по наущенію португальцевъ, которые боялись торговаго совмѣстничества англичанъ. Эскадра была остановлена у входа въ Bocca-Tigris, и пока шли переговоры черезъ мелкихъ чиновниковъ съ кантонскими провинціальными властями, китайцы начали-было укрѣплять входъ въ рѣку. Тогда Уэддель бомбардировалъ вновь возникавшія укрѣпленія и, захвативъ съ нихъ пушки и нѣсколько джонокъ, объявилъ, что «онъ пришелъ съ добрыми намѣреніями и что выказывать къ себѣ недовѣріе не позволитъ». Испуганные мандарины уступили и дозволили ему выслать своихъ коммиссаровъ въ Кантонъ. Посланы были Джонъ Контеней и Томасъ Робинзонъ, которые, стоя на колѣняхъ и положивъ просьбу свою на голову, вручили ее португальскому переводчику, который передалъ уже начальнику китайской флотиліи въ Кантонѣ. Послѣдній, видя такое смиреніе англичанъ, обѣщался хлопотать о допущеніи ихъ въ Китай, и въ самомъ дѣлѣ Контеней и Робинзонъ скоро получили дозволеніе войти въ кантонскій портъ съ ихъ судами, которыя должны были заплатить по 2,000 ланъ пошлины и обязались вносить таковую ежегодно. Съ того времени корабли Остъ-Индской компаніи стали навѣщать Китай постоянно, но первоначально лишь въ очень небольшомъ числѣ, ибо торговля ихъ встрѣчала сильную конкурренцію въ другихъ европейцахъ, особливо въ голландцахъ. Чай, главный впослѣдствіи предметъ торговли съ Китаемъ, не былъ вовсе тогда вывозимъ, а покупались нанка, фарфоръ, шелковыя ткани и проч. Первый вывозъ чаю англичанами послѣдовалъ не ранѣе 1664-го года и состоялъ весь изъ ста съ небольшимъ фунтовъ, т.-е. изъ одного ящика.

Въ 1670-мъ году англичане успѣли добиться позволенія у тогдашняго повелителя Формозы, разбойника Кошинги, посѣщать этотъ островъ и начали-было на немъ торговлю, но скоро нашли ее невыгодной, а въ замѣнъ открыли факторію въ Амоѣ. Несмотря на большія прижимки чиновниковъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, на посаженіе, напр., подъ арестъ въ цѣпяхъ ихъ суперкарга и на возвышеніе пошлины съ чая до 160 коп. за фунтъ, англичане продолжали настойчиво торговать, и въ 1669-мъ году имѣли уже въ Китаѣ своего консула, въ лицѣ начальника кантонской факторіи. Въ 1701-мъ году Остъ-Индская компанія сдѣлала даже попытку торговли на Чусанѣ и не безъ успѣха. Но только успѣхъ этотъ былъ чисто временный, и не далѣе, какъ въ 1703-мъ году англійскіе корабли не были допущены въ Кантонскую рѣку прежде, чѣмъ не согласились уплатить всѣ пошлины и поборы для мандариновъ впередъ. Въ 1720-мъ году

англичане, вмѣстѣ съ другими націями, должны были подчиниться новому стѣснительному правилу, именно торговать лишь съ извѣстнымъ товариществомъ китайскихъ купцовъ въ Кантонѣ, которое получило названіе *хонъ* (hong, торговое товарищество). Всѣ находившіеся въ Кантонѣ суперкарги возстали противъ этого, но тщетно, и скоро должны были уступить. Компанія *хонъ* во многомъ походила на наше и китайское товарищества въ Кяхтѣ и Маймаченѣ, до 1861 г.; но только ея вліяніе было гораздо тягостнѣе въ Кантонѣ, чѣмъ въ Кяхтѣ, потому что тамъ китайское единодушіе встрѣчало противъ себя не только не союзъ, но даже соперничества разныхъ европейскихъ народовъ. Отъ этого англійскіе и другіе западные купцы на югѣ Китая были всегда въ рукахъ китайцевъ до самаго нанкинскаго мира въ 1842-мъ году. И справедливость требуетъ замѣтить, что они сами частью въ томъ виноваты. Съ самаго начала торговли постановлено было правиломъ торговать только на наличныя деньги или товары, чтобъ избѣжать процессовъ и жалобъ. Вопреки этому, европейцы открыли китайцамъ въ Кантонѣ кредита до 6.000.000 рублей, и когда послѣдніе, сдѣлавъ стачку, уговорились не платить этого долга, то пришлось раскрыть истину передъ китайскими властями и просить ихъ заступничества. Царствовавшій тогда въ Китаѣ императоръ Кханъ-си, хотя и внялъ этой просьбѣ европейцевъ, приказавъ, въ случаѣ нужды, взыскать со *всѣхъ* китайскихъ купцовъ, торговавшихъ съ иностранцами, а не съ однихъ должниковъ; но въ то же время постановилъ правиломъ, что «внѣшнюю торговлю могутъ производить только тѣ купцы, которымъ на то будетъ дано позволеніе мѣстными властями и которые притомъ должны вести торговлю подъ руководствомъ одного старшины, *хоппу*». Эти купцы связаны были круговою порукою въ уплатѣ всего должнаго иностранцамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязывались торговать всѣ какъ одинъ, т. е. не дѣлать перемѣнъ въ назначенныхъ разъ, по общему соглашенію, цѣнахъ. Такъ какъ въ этомъ заключалась общая ихъ выгода, то понятно, что они и держались строго разъ установленнаго порядка[1]). Европейцамъ же, снѣдаемымъ конкурренціею, было трудно бороться съ ними.

---

[1]) Отецъ Іакинеъ, въ сочиненіи: «Китай въ гражд. сост.» ч. I, стр. 57 и слѣд., дѣлалъ опытъ по-своему объяснить организацію компанія *хонъ*, называя ее собраніемъ не купцовъ, а маклеровъ. Но какъ онъ тутъ же прибавляетъ, что эти коммерсанты торговали за свой счетъ, то очевидно, что у него произошло смѣшеніе понятій, а вслѣдствіе того и неясность. Это, впрочемъ, довольно общая черта всѣмъ произведеніямъ русскихъ синологовъ духовнаго званія, которые, живя въ уединеніи своихъ монастырей, въ Пекинѣ, рѣдко успѣвали ознакомиться съ практической стороной

Въ 1725-мъ году, при императорѣ Юнъ-чженѣ, установленъ былъ правильный тарифъ для иностранной торговли; но таможенные чиновники въ Кантонѣ не слишкомъ сображались съ нимъ и взыскивали пошлинъ на 10% болѣе, чѣмъ по тарифу слѣдовало. Въ 1734-мъ году англичане попытались, поэтому, возобновить прежнюю торговлю въ Амоѣ; но встрѣтили тамъ еще болѣе суровыя условія. Только черезъ два года послѣ этого, при восшествіи на китайскій престолъ Цзянь-луня, удалось европейцамъ добиться одного облегченія въ денежномъ отношеніи, именно уничтоженія произвольно введенной десяти-процентной накидки,—но за то какою цѣною! Суперкарги всѣхъ европейскихъ факторій должны были выслушать императорскій указъ на колѣняхъ и притомъ узнать изъ него, что отнынѣ всякое входящее въ китайскіе порты иностранное судно должно, прежде всего, сдавать свои пушки и другое оружіе мандаринамъ. Исполненія этого послѣдняго условія въ Кантонѣ имъ удалось избѣгнуть, но лишь за взятку въ 12,000 рублей. Въ 1755-мъ году англичане сдѣлали-было новую попытку выдти изъ тягостной зависимости отъ кантонскихъ чиновниковъ переносомъ торговли на сѣверъ, въ Нингпо; но, заплативъ тамъ двойную пошлину и множество побочныхъ сборовъ, должны были вернуться съ убыткомъ, причемъ еще имъ было объявлено, что отнынѣ портъ Нингпо запертъ для иностранной торговли. Въ 1757-мъ году, наконецъ всѣ европейцы были поставлены въ извѣстность, что по волѣ императора вся иностранная торговля въ Китаѣ должна ограничиваться Кантономъ. Попытавшійся-было, въ 1759-мъ году, нарушить это распоряженіе англичанинъ Флинтъ былъ захваченъ, посаженъ на три года въ тюрьму и потомъ выгнанъ изъ предѣловъ имперіи.

Въ 1770-мъ году товарищество хонъ, по настоятельнымъ просьбамъ европейцевъ, было закрыто; но оно возобновилось, въ нѣсколько преобразованномъ видѣ, не далѣе, какъ въ 1779-мъ году. На этотъ разъ, такое возстановленіе было даже пріятно европейскимъ купцамъ, ибо обезпечивало ихъ въ уплатѣ долговъ, сдѣланныхъ купцами китайскими. Долги эти простирались тогда до $6^1/_2$ милліоновъ рублей, и никакой китайскій законъ не

китайской жизни, особенно съ торговлею, которая имѣетъ столько сложныхъ подробностей. Сильные въ археологіи, исторіи и отчасти географіи Китая, они слабы вездѣ, гдѣ нужно не книжное ученіе, а знакомство съ дѣйствительностью. Какъ естественное слѣдствіе этого является излишняя притязательность на знаніе, которою иные хотятъ прикрыть прямо незнаніе. Нынѣ нѣкоторые, впрочемъ немногіе, изъ нашихъ пекинскихъ синологовъ начинаютъ читать англійскіе журналы, выходящіе въ Шанхаѣ, чѣмъ отчасти и пополняютъ свои свѣдѣнія.

гарантировалъ ихъ уплаты. Приходилось обращаться къ генералъ-губернатору въ Кантонѣ и даже въ Пекинъ, откуда и было получено повелѣніе взыскать должное, но впредь не допускать ни долговъ, ни другой торговли съ иностранцами, какъ черезъ товарищество хонъ, обязанное круговою порукою.

Въ 1784-мъ году послѣдовалъ въ Кантонѣ случай, долго хранившійся въ памяти тамошнихъ европейскихъ резидентовъ и заставлявшій ихъ быть осторожными въ сношеніяхъ съ китайцами. Одно купеческое судно, Lady Hughes, вздумавъ салютовать боевыми зарядами, причинило смерть китайскому матросу на одной изъ джонокъ, стоявшихъ въ рѣкѣ. Такой грубый и безчеловѣчный поступокъ вызвалъ кровавую месть. Несмотря на разныя увертки англичанъ, хозяинъ судна былъ захваченъ китайцами и посаженъ подъ арестъ. Это взволновало всѣхъ европейцевъ, и они приготовились было къ военнымъ дѣйствіямъ. Но арестованный самъ положилъ предѣлъ недоразумѣніямъ. Онъ обвинилъ одного матроса, который будто бы сдѣлалъ боевой выстрѣлъ независимо отъ воли начальника судна, хотя, можетъ быть, и нечаянно. Тогда китайцы вытребовали матроса и казнили его. Этотъ эпизодъ былъ, можно сказать, высшимъ выраженіемъ того полновластія, которое китайцы долго сохраняли въ Кантонѣ во всемъ, чтó касалось иностранцевъ.

Въ 1792-мъ году англійское правительство, ревнуя о барышахъ своихъ купцовъ въ Китаѣ и думая доставить имъ нѣкоторыя исключительныя выгоды по торговлѣ въ этой странѣ, снарядило, по ходатайству Остъ-Индской компаніи, извѣстное посольство лорда Макартнея въ Пекинъ. Посольство это представило богатые подарки императору и важнѣйшимъ пекинскимъ чиновникамъ, посолъ былъ допущенъ на аудіенцію къ богдыхану въ Жехо; но практическаго результата его миссія не имѣла. Увѣривъ въ безпристрастіи и справедливости, которыя будутъ всегда оказываться англійскимъ торговцамъ въ Кантонѣ, посла отпустили ни съ чѣмъ, даже подтвердили ему, что ни о какомъ расширеніи торговли, черезъ открытіе Нингпо, Тяньцзина и Чусана, какъ того желали англичане, не должно быть и рѣчи.

Торговля въ Кантонѣ, однакоже, продолжала развиваться, особенно благодаря тому, что чай становился все болѣе и болѣе общеупотребительнымъ напиткомъ въ Европѣ. Въ 1813-мъ году одна англійская Остъ-Индская компанія вывезла разныхъ товаровъ изъ Китая болѣе чѣмъ на шесть милліоновъ рублей. Но, впрочемъ, нужно замѣтить, что успѣхи ея были результатомъ не однихъ честныхъ торговыхъ сдѣлокъ, а и подкуповъ китайскихъ чиновниковъ. Такъ, въ томъ же 1813-мъ году, открыто

было, что англичане посылали дорогіе подарки въ Пекинъ, къ члену совѣта имперіи Сунъ-да-женю, который былъ передъ тѣмъ кантонскимъ генералъ-губернаторомъ и покровительствовалъ британскимъ купцамъ. Сунъ былъ за это разжалованъ, а подарки возвращены. Другіе иностранцы, особенно сѣверо-американцы и голландцы, также дѣятельно торговали въ Кантонѣ. Но бывали и перерывы въ ходѣ коммерческихъ дѣлъ. Такъ, въ 1814-мъ году англичане, всегда завидовавшіе торговымъ успѣхамъ американцевъ и бывшіе тогда съ ними въ войнѣ, позволили себѣ захватить, въ портѣ Макао, американское судно *Doris:* кантонскія власти немедленно объявили, что вслѣдствіе такого нарушенія международнаго права англичанамъ долѣе торговать воспрещается. Хотя это запрещеніе и было снято, ибо оно было очень невыгодно для самихъ китайцевъ; однако случай этотъ окончательно улаженъ былъ лишь посольствомъ лорда Амгерста въ 1816-мъ году. За то послѣ этого посольства,—которое впрочемъ не имѣло никакого успѣха во всемъ, что̀ касалось облегченія условій торговли, — коммерческія дѣла въ Кантонѣ быстро начали расширяться. Въ 1817-мъ году обороты англійской факторіи по привозу и вывозу были уже свыше 33 милліоновъ рублей.

Спокойный ходъ торговли на установившихся началахъ не былъ нарушаемъ до 1822-го года, когда новое столкновеніе возникло между китайцами и англичанами же. Эти послѣдніе давно уже успѣли завести обширную контрабанду опіумомъ на островѣ Линтинѣ, въ устьѣ Кантонской рѣки. Корабли ихъ поэтому часто приставили къ острову, и между ними былъ военный фрегатъ *Topaze.* Команда съ этого корабля была однажды послана на берегъ, будто бы за водою, и здѣсь подверглась нападенію китайцевъ. Командиръ судна, замѣтивъ это, выслалъ вооруженныхъ солдатъ и въ то же время открылъ огонь по близлежащей деревнѣ.... Китайскія власти потребовали, чтобы контрабандисты-убійцы ихъ соотечественниковъ были выданы для суда надъ ними по китайскимъ законамъ и объявили, что въ противномъ случаѣ всѣ члены англійской факторіи будутъ отвѣтчиками. Послѣдніе однакожъ не испугались. Вытребовавъ вооруженную помощь изъ Макао, они перешли на свои корабли и съ ними отплыли изъ Кантона, гдѣ между тѣмъ торговля ихъ подверглась запрещенію. Такое рѣшительное поведеніе заставило китайцевъ быть снисходительнѣе. Начались переговоры, и скоро дѣло уладилось, тѣмъ болѣе, что командиръ *Topaze*'а былъ отданъ подъ судъ. Однако торговля 1822-го года была далеко не изъ лучшихъ, какъ благодаря этому случаю, такъ и пожару, который истребилъ большую часть Кантона и европейскихъ фак-

торій. Одна Остъ-Индская компанія понесла при этомъ убытку болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ милл. рублей.

Въ 1829-мъ году послѣдовали новыя замѣшательства въ кантонской торговлѣ. Двое изъ китайскихъ купцовъ отказались платить долги, простиравшіеся до огромныхъ суммъ, и лишь послѣ долгихъ переговоровъ удалось добиться отъ компаніи хонъ обязательства въ уплатѣ, но съ разсрочкою на 6 лѣтъ. Такъ какъ этотъ примѣръ показалъ самимъ членамъ товарищества всю невыгодность круговой поруки для нихъ, то было ими исходатайствовано уничтоженіе этой поруки. Такимъ образомъ, сдѣланъ былъ важный шагъ къ освобожденію торговли отъ одного изъ важнѣйшихъ стѣсненій; но самая компанія продолжала существовать и даже низведена была до весьма небольшого числа товарищей-монополистовъ, къ огромной невыгодѣ европейцевъ. Только по настоятельнымъ просьбамъ иностранныхъ факторій кантонскій генералъ-губернаторъ согласился увеличить число «хонистовъ»; но всѣ другія ихъ ходатайства объ облегченіяхъ были отвергнуты. Замѣтимъ, что въ это время европейцы въ Китаѣ еще не имѣли права привозить съ собою женъ и семейства, не могли употреблять носилокъ и проч. Порядки эти сохранялись до самаго нанкинскаго мира и были терпѣливо выносимы всѣми коммерсантами западныхъ націй.

Въ 1834-мъ году совершилось важное событіе въ исторіи англо-китайской торговли: истекъ срокъ привилегіи Остъ-Индской компаніи. Хотя уже и до того частнымъ англійскимъ кораблямъ изъ Индіи дозволялось приходить въ Кантонъ и здѣсь торговать подъ покровительствомъ британскаго консульства; но собственно англичанамъ, изъ Европы, доступъ въ Кантонъ былъ запертъ. Между тѣмъ мануфактурная промышленность Англіи получила такое сильное развитіе, что открытіе новыхъ рынковъ стало для нея вопросомъ первостепенной важности. И какъ въ Европѣ англійскія фабричныя издѣлія всюду встрѣчали конкурренцію мѣстныхъ произведеній, еще поддерживаемую покровительственными тарифами; то все вниманіе британскихъ торговыхъ домовъ было обращено на Востокъ. Китай былъ однимъ изъ тѣхъ рынковъ, которые должны были вознаградить англичанъ за потерю Россіи, Германіи и проч., гдѣ, со времени континентальной системы и введенія строгихъ тарифовъ, развились собственныя мануфактуры. Итакъ, едва срокъ стѣснительной остъ-индской привилегіи истекъ, какъ англійскіе промышленники направились въ Кантонъ. Здѣсь ихъ торговля скоро стала преобладающею надъ прочими, такъ что лондонскій портъ сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ по снабженію чаемъ всей западной Европы. Но это самое обиліе капиталовъ, направлен-

ныхъ къ одному промыслу, по закону совмѣстничества, уменьшало торговые съ нихъ проценты, и англійскіе купцы, разъ уже втянувшіеся въ дѣла съ Китаемъ и частію переселившіеся на Востокъ, должны были искать средства снова увеличить свои доходы. Къ этому ихъ побуждало еще то, что при всемъ развитіи сбыта фабричныхъ издѣлій въ Кантонѣ, все-таки огромныя суммы приходилось уплачивать китайцамъ за чай наличными деньгами. Тогда-то развилась знаменитая контрабанда опіума, столь настойчиво поддерживаемая англійскими купцами, а отчасти и государственными людьми, что они не устрашились войны за нее. Эта война не замедлила вспыхнуть. Въ 1838-мъ году китайское правительство, озабоченное успѣхами распространенія опіума въ странѣ и еще болѣе вывозомъ огромной массы серебра, которымъ оплачивался этотъ ядъ, рѣшилось принять строгія мѣры къ искорененію контрабанды. Одинъ изъ англійскихъ контрабандистовъ былъ арестованъ и высланъ изъ Китая; китайскіе купцы и чиновники застращены казнью одного изъ нихъ. Въ слѣдующемъ 1839-мъ году новый генералъ-губернаторъ Кантона, Линъ, настойчиво потребовалъ отъ англичанъ выдачи всего яда, а за ослушаніе всѣхъ ихъ арестовалъ. Въ этой крайности суперъ-интендентъ британской торговли, Элліотъ, предложилъ купцамъ отдать весь находившійся у нихъ опіумъ ему, обѣщая, отъ имени правительства, вознаградить ихъ. Болѣе 20,000 ящиковъ было выдано, причемъ купцы не упустили случая прибѣгнуть къ обману, наклавъ въ нихъ камней и проч. для увеличенія вѣса. Весь этотъ опіумъ былъ переданъ Лину и имъ брошенъ въ воду. 5-го мая арестованные англичане были выпущены, а 24-го Элліотъ, со всею британскою общиною, выселился сначала въ Макао, а потомъ въ Гонъ-Конгъ. Въ теченіе всего лѣта и осени 1839-го года переговоры о возобновленіи англійской торговли въ Китаѣ возобновлялись, но не привели ни къ какому успѣху, развивъ только до крайности обоюдную ненависть англичанъ и китайцевъ. Одинъ изъ послѣднихъ былъ даже убитъ, и англичане отказались выдать убійцу. 3-го ноября 1839-го года, наконецъ, начались военныя дѣйствія, которыя, съ перерывами, тянулись нѣсколько лѣтъ и привели къ знаменитому нанкинскому договору 29-го августа 1842-го года, по которому уступленъ Великобританіи островъ Гонъ-Конгъ,—сдѣлавшійся отнынѣ оффиціальнымъ убѣжищемъ контрабандистовъ и покровителей пиратства,—открыты, кромѣ Кантона, еще четыре китайскія гавани: Нингпо, Амой, Фу-чжеу-фу и Шанхай,—уничтожена навсегда компанія хонъ и англичане получили отъ Китая 28.000,000 руб. сер. вознагражденія за издержки войны. Статьи о разрѣшеніи торговли опіумомъ они не ввели въ до-

говоръ, такъ какъ китайцы рѣшительно не допускали ея; но и не было въ томъ нужды, ибо контрабанда отнынѣ могла совершаться вполнѣ безнаказанно на всемъ протяженіи юговосточнаго берега Китая, отъ Кантона до устья Янъ-цзе-кьяна[1]). Кромѣ того англійскіе дипломаты, Пальмерстонъ и Генри Поттинджеръ, хотѣли заискать своимъ трактатомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, которое могло бы оскорбиться поставленіемъ гнусной торговли подъ защиту международнаго права. Съ этою же цѣлью они внесли въ договоръ выраженіе, что «торговля въ пяти портахъ свободна для всѣхъ христіанскихъ націй», что̀ если не было ироніею, то не болѣе, какъ слѣдствіемъ опасенія американцевъ, французовъ и другихъ націй, ревниво слѣдившихъ за военными успѣхами британской эскадры въ Китаѣ.

Порядокъ, установленный договоромъ 1842-го года, продолжался безъ большихъ перемѣнъ до 1857-го года, т.-е. 15 лѣтъ. Въ это время экономическое господство Англіи въ Китаѣ пустило глубокіе корни. Огромное число британскихъ хлопчато-бумажныхъ и шерстяныхъ тканей ввозилось въ порты Небесной имперіи и продавалось безъ остатка. Большая половина чая, вывозимаго изъ Китая, приходилась на долю Англіи, которая снабжала имъ всю Европу. Въ 1847-мъ году, напр., Великобританія получила не менѣе 51.000.000 фунтовъ чая, что̀ вчетверо превосходитъ количество того же товара, вывезеннаго тогда въ Россію. Шелкъ также вывозился большими массами изъ Китая и преимущественно англичанами, хотя они и продавали его потомъ внѣ Англіи. Городъ Викторія, т.-е. Гонъ-Конгъ, основанный не далѣе 1841-го года, быстро возросъ до степени богатѣйшаго города юговосточной Азіи, гдѣ многіе купцы имѣли цѣлые флоты своихъ судовъ, большею частію, впрочемъ, занимавшихся контрабандою опіума. Домъ Джардина, Матисона и К° имѣлъ, напр., не менѣе 15 клиперовъ и нѣсколько пароходовъ, домъ Дента не многимъ лишь менѣе. Шанхай, открытый для чужеземной торговли не ранѣе 1843 года, въ 1850-хъ годахъ былъ уже третьимъ или четвертымъ портомъ Азіи, и

---

[1]) Вывозъ опіума изъ Индіи въ Китай былъ:

Въ 1816—17 году — 3,200 ящиковъ.		Въ 1846—47 году—болѣе 50,000 ящиковъ.	
» 1826—27 » — 9,960 »		» 1856—57 » — » 66,305 »	
» 1836—37 » —21,500 »		» 1866—67 » — » 77,000 »	

При средней цѣнѣ за ящикъ въ 900 р. сер. это даетъ для послѣдней эпохи около 70.000,000 рублей въ годъ. Правильныя станціи для контрабанды были учреждены съ 30-хъ годовъ близъ Кантона, Фу-чжеу, Шанхая и проч., гдѣ всегда на стоявшихъ близъ порта корабляхъ мелкіе китайскіе контрабандисты могли получать по нѣскольку ящиковъ за-разъ.

главнѣйшіе капиталисты въ немъ были англичане. Ведя въ то время не коммиссіонерскую только, какъ теперь, а непосредственную, личную торговлю, они, не будучи стѣсняемы конкурренціею, выручали за свой рискъ страшные барыши—250, 300, даже 700%. Но какъ ни велики были коммерческіе успѣхи британскихъ подданныхъ въ Небесной имперіи, вождю національной англійской политики, лорду Пальмерстону, да и самимъ купцамъ, казалось этого мало. Съ одной стороны, при небольшомъ числѣ открытыхъ портовъ нельзя было надѣяться на совершенное исключеніе совмѣстничества другихъ мореходныхъ націй, несмотря на многочисленность британскаго торговаго флота; съ другой, то же малое число открытыхъ рынковъ не позволяло надѣяться на скорое экономическое завоеваніе Китая. Необходимость быть всегда на сторожѣ по поводу контрабанды опіумомъ также безпокоила англичанъ, какъ потому, что контрабанда была, во всякомъ случаѣ, внѣ покровительства международнаго права, такъ и потому, что при неправильномъ сбытѣ затруднялось развитіе опіумныхъ плантацій въ Бенгаліи, что сокращало таможенный доходъ съ вывозимаго опіума, скоро занявшій видное мѣсто въ остъ-индскомъ бюджетѣ. Наконецъ успѣхи Россіи въ при-амурскомъ краѣ, возбудивъ ревнивое чувство самихъ государственныхъ людей Англіи, которые боялись усиленія русскаго могущества на Востокѣ, рѣшили новую войну съ Китаемъ, которая началась въ концѣ 1857-го года. Поводомъ къ этой войнѣ былъ избранъ столь ничтожный случай, что еслибы лордъ Пальмерстонъ не хотѣлъ войны quand même, нельзя было бы и думать о ея возможности. Китайская барка «Стрѣла», не имѣя никакого права вывѣшивать англійскій флагъ [1]), подняла его, въ устьѣ Кантонской рѣки, чтобы прикрыть кое-какія незаконныя свои дѣйствія, за которыя она была преслѣдуема таможенными властями. Она однако же была арестована. Казалось бы, что, по существу дѣла, на «Стрѣлѣ» были два преступленія: нарушеніе таможенныхъ законовъ своего правительства и нарушеніе международнаго права, противъ котораго должны были особенно возстать англичане; но вышло не такъ. Англійскія начальства въ Гонъ-Конгѣ вступились за честь британскаго флага по-своему; они обвинили не того, кто дѣйствительно позорилъ этотъ флагъ, прикрывая имъ преступленіе,

---

[1]) Многія китайскія джонки въ это время уже усвоили обычай прибѣгать къ покровительству британскаго флага для защиты отъ произвола чиновниковъ. Такое покровительство давалось британскими консульствами на годъ, на два и болѣе, смотря по условію. Предполагалось, что подобныя суда перевозятъ товары англійскихъ купцовъ и наняты этими купцами на долгій срокъ. Для «Стрѣлы» этотъ срокъ однако же давно миновалъ, когда она позволила себѣ злоупотребленіе.

а того, кто поймалъ преступника, т.-е. китайское правительство. Въ короткое время раздражительная переписка между представителями обѣихъ сторонъ, т.-е. Китая и Англіи, раздула пламя войны. Къ англичанамъ присоединилось бонапартовское правительство, которому, съ одной стороны, хотѣлось занять войною скучавшую дома армію и недовольныхъ подданныхъ, а съ другой, изъ скрытаго соперничества съ Англіею, усилить собственное вліяніе на Китай. Въ концѣ 1857-го и въ первыхъ числахъ 1858-го года союзниками былъ взятъ Кантонъ и порядкомъ ограбленъ; потомъ военныя дѣйствія перенесены были на сѣверъ и заняты форты Дагу, а наконецъ Тянь-цзинъ — ключъ къ столицѣ имперіи. Испуганное китайское правительство, вынужденное притомъ бороться внутри страны съ инсургентами, поспѣшило согласиться на всѣ предложенныя ему условія мира, въ числѣ которыхъ главными нужно считать: открытіе, вмѣсто пяти, тринадцати портовъ, изъ которыхъ три внутри страны на Янъ-цзе-кьянѣ, дозволеніе иностранцамъ каботажной торговли, уплату большой контрибуціи союзникамъ и узаконеніе торговли опіумомъ. По этой послѣдней статьѣ англійскому уполномоченному, лорду Эльджину, дѣлались, въ 1858-мъ году, серьезныя представленія сѣверо-американскимъ посланникомъ Ридомъ, который указывалъ на негуманность торговли ядомъ; но нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ дохода въ остъ-индскомъ бюджетѣ и не малая сумма въ видѣ барыша для британскихъ купцовъ въ Китаѣ, были слишкомъ достаточными доводами, чтобы лордъ Эльджинъ, какъ всякій государственный человѣкъ пальмерстоновской школы, не усумнился отложить въ сторону всѣ виды гуманности. Съ оплатою 30 ланъ съ пикуля (60 р. съ 147 фунт.) въ видѣ пошлины, опіумъ сталъ законною статьею торговли.... законною, впрочемъ, лишь въ Небесной имперіи, да и то не раньше разграбленія дворца Юань-минг-юань и ввоза 130,000 ящиковъ яда безъ всякой пошлины, по праву войны.

Изъ этого очерка исторіи внѣшней торговли Китая видно уже, что эта торговля возникла и развивалась во многомъ вопреки желаніямъ самой страны и, слѣдовательно, безъ существенной для нея потребности. Изъ этого нельзя, конечно, заключить, чтобъ она не удовлетворяла многимъ дѣйствительнымъ нуждамъ китайскаго народа; напротивъ, самый успѣхъ ея развитія доказываетъ, что въ ней было много жизненнаго. Но, тѣмъ не менѣе, какъ все искусственно привитое и даже насильно навязанное общественному организму, она стала источникомъ болѣзненныхъ явленій въ этомъ организмѣ и даже причиною его ослабленія. Двѣ несчастныя войны, выдержанныя страною для выгодъ чужеземцевъ, въ ней водворившихся силою, уже сами по

себѣ дорого обошлись населенію. Далѣе, въ числѣ статей привоза извнѣ страна получила одну такую, которая, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, способна убить всѣ живыя силы народа, убить физіологически и еще болѣе нравственно. Въ-третьихъ, торговля, быстро развившаяся въ нѣсколькихъ городахъ, есть торговля вполнѣ пассивная для Китая. Ее ведутъ только иностранные купцы, которые къ барышамъ отъ продажи ввозимыхъ предметовъ присоединяютъ больше барыши отъ того, что китайскіе товары идутъ въ чужіе порты черезъ ихъ руки и на принадлежащихъ имъ судахъ, что китайскій купецъ или промышленникъ есть нынѣ только коммиссіонеръ иностранца, а не руководитель торга, который могъ бы приносить ему обильныя выгоды, будь онъ активнымъ вмѣсто пассивнаго. Притомъ еще страна, столь отсталая, какъ Китай, проигрываетъ отъ водворенія иностранной торговли потому, что не можетъ развивать правильно собственную промышленность, особливо заводскую. Огромный приливъ дешевыхъ иностранныхъ фабрикатовъ не даетъ возникнуть собственнымъ фабрикамъ, такъ что Китай представляетъ теперь странное явленіе обширнаго государства, которое свои сырыя произведенія (хлопокъ, шелкъ) посылаетъ на обработку за 18 и 20,000 верстъ. О покровительственныхъ пошлинахъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ тарифы установлены по трактатамъ. Всѣ эти причины невыгодности быстраго и притомъ насильственнаго развитія внѣшней торговли въ Китаѣ такъ очевидны, что ихъ не оспариваютъ, на мѣстахъ, сами производители этой торговли, хотя они и стараются извинить насилія европейской политики такъ-называемымъ варварствомъ Срединнаго царства.

Ненормальность условій, въ которыхъ находится торговля Китая съ Европою и Америкою, отражается особенно на односторонности ея, на малочисленности главныхъ статей привоза и вывоза. Въ самомъ дѣлѣ, если назвать опіумъ и хлопчато-бумажныя ткани по ввозу, а шелкъ и чай по вывозу, то этими четырьмя статьями исчерпывается бо́льшая часть коммерческаго баланса Небесной имперіи. Очевидно, что затѣмъ множество нуждъ мѣстнаго населенія не находитъ себѣ удовлетворенія въ подвозахъ иностранныхъ продуктовъ, точно такъ, какъ, съ другой стороны, множество естественныхъ богатствъ страны не выходятъ изъ предѣловъ мѣстнаго рынка. Присоединивъ къ этимъ невыгоднымъ обстоятельствамъ худое состояніе дорогъ во всемъ Китаѣ и недостаточную обезпеченность лицъ и имуществъ отъ произвола администраціи, мы легко поймемъ, что внѣшняя торговля и не можетъ быть такъ обширна и цвѣтуща, какъ бы того слѣдовало ожидать по счастливому географическому поло-

женію Небесной имперіи, по способностямъ и трудолюбію ея обитателей. Въ самомъ дѣлѣ, если взять цифры за четыре года, съ 1865 по 1868 г., то мы увидимъ, что средній годовой итогъ всѣхъ оборотовъ внѣшней торговли Китая достигаетъ едва 250 мил. рублей сер., чтó даетъ не болѣе какъ по 70—75 коп. сер. на душу населенія привоза и вывоза вмѣстѣ. Между тѣмъ изъ европейскихъ странъ даже въ Австріи, расположенной столь невыгоднымъ образомъ для внѣшней торговли, на каждаго жителя приходилось, въ 1865 году, 4 рубля по привозу и 6 рублей по вывозу, и самая Турція представила въ томъ же году цифры 3 р. 75 к. вывоза и 5 р. ввоза. Путешественникъ, прибывшій въ Китай и особенно въ порты по Янъ-цзе-кьяну, отъ Шанхая до Ханькоу, однако склоненъ думать обыкновенно, что между Срединнымъ царствомъ и Европою существуютъ коммерческія связи почти столь же обширныя, какъ, напр., между Англіею и Соединенными Штатами. Множество пароходовъ на рейдѣ въ Шанхаѣ и на пути изъ него и къ нему; огромные купеческіе дома, почти дворцы, на шанхайской набережной; массы рабочихъ, занятыхъ перегрузкой товаровъ,—все заставляетъ думать, что находишься въ центрѣ торговли почти столь же обширной, какъ, напр., въ Нью-Іоркѣ или Лондонѣ. Но это только на первый разъ. Всмотрѣвшись въ перегрузку товаровъ, скоро замѣчаешь, что она потому занимаетъ такое огромное количество людей, что нѣтъ никакихъ машинъ, замѣняющихъ трудъ человѣка. Нѣтъ подъемныхъ крановъ, нѣтъ желѣзно-конныхъ дорогъ и вагоновъ; нѣтъ даже телѣгъ, а все замѣнено простыми носильщиками. Число пароходовъ, правда, значительное и само по себѣ, кажется необычайно большимъ лишь потому, что они стѣснены на небольшомъ рейдѣ. Крупныхъ коммерческихъ домовъ можно насчитать лишь два-три десятка, да и тѣ не затрачиваютъ свои капиталы въ странѣ, а ведутъ торговлю чисто коммиссіонную. Случись какое-нибудь несчастіе — внѣшняя война, междоусобіе, большой коммерческій кризисъ, — и значительная часть этихъ «князей торговли» безъ большого сожалѣнія и труда оставитъ Китай, забравъ свою движимость и не оставивъ по себѣ глубокаго слѣда. Они, какъ воины на бивакѣ, живутъ sur le qui vive, и ничѣмъ тѣснымъ, постояннымъ, кромѣ крупнаго барыша на денежные капиталы, не связаны съ Небесной имперіей. Они гораздо болѣе въ ней чужеземцы, чѣмъ, напр., у насъ англійскіе, нѣмецкіе и французскіе капиталисты и антрепренеры. Едвали не единственное исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ наши русскіе купцы въ Ханькоу, занимающіеся сами фабрикаціею чая, да нѣсколько владѣльцевъ доковъ въ Шанхаѣ, Фу-чжеу-фу и Кантонѣ.

Я сейчасъ упомянулъ, что торговля, производимая европейскими и американскими купцами въ китайскихъ портахъ, гдѣ они живутъ, есть чисто коммиссіонная. Это нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Можно сказать, что ни одинъ корабль не грузится въ Китаѣ, если грузъ его не купленъ заранѣе по приказу изъ Нью-Іорка или Лондона; ни одинъ не приходитъ на рейдъ, не бывъ ожидаемъ какимъ-нибудь европейскимъ купцомъ, коммиссіонеромъ китайцевъ. Даже такіе громадные дома, какъ Джардины, Россели, Гиббы, ведутъ торговлю исключительно коммиссіонную, не рискуя ничего предпринять на свой счетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ домъ Джардина, этого Ротшильда Востока, попробовалъ-было сдѣлать оборотъ шелкомъ на свой рискъ, и, какъ говорятъ, остался до крайности недоволенъ послѣдствіями, понеся убытокъ. Исключеніе изъ этого общаго правила о коммиссіонномъ характерѣ торга въ китайскихъ портахъ составляютъ, во-первыхъ, торговля опіумомъ, какъ товаромъ, котораго сбытъ всегда обезпеченъ и производство монополизировано, да транспортировка кладей, совершаемая на пароходахъ, которые принадлежатъ мѣстнымъ торговымъ фирмамъ. Однако и тутъ нужно замѣтить, что пароходы нынѣ не принадлежатъ отдѣльнымъ купцамъ, какъ было въ 1840-хъ годахъ, а компаніямъ на акціяхъ. Знаменитый домъ Джардина, нѣкогда владѣвшій флотами, теперь имѣетъ всего одинъ пароходъ, домъ Герда тоже, а Гиббъ, Ливингстонъ, Гловеръ, Пустау и проч. совсѣмъ не держатъ своихъ судовъ, предпочитая ихъ нанимать. Для почты и перевозки срочныхъ кладей, правда, существуютъ многочисленные пароходы въ Гонъ-Конгѣ и Шанхаѣ; но они, какъ уже сказано, принадлежатъ компаніямъ, значительная часть акціонеровъ которыхъ—китайцы.

Выше было упомянуто, что цифра всѣхъ оборотовъ внѣшней торговли Китая достигаетъ до 250.000,000 рублей. Такъ гласятъ «Returns on Trade», издаваемые общимъ управленіемъ китайскихъ морскихъ таможенъ въ Пекинѣ. Но здѣсь нужно сдѣлать оговорку. Цифра эта есть результатъ оффиціальныхъ оцѣнокъ, основанныхъ на заявленіяхъ самихъ купцовъ и, безъ сомнѣнія, ниже дѣйствительности. Оно и понятно, потому что тарифъ въ Китаѣ не дифференціальный, а простой: 5% со стоимости товара. Оттого, напр., въ отчетѣ за 1868 годъ по шанхайскому порту мы видимъ, что привезенные туда 7,549 музыкальныхъ ящиковъ стоютъ всего 11,400 р. сер., по 1 р. 60 к. за штуку, когда и въ самой Европѣ нельзя купить музыкальной табакерки дешевле какъ за 5 рублей; 2,784 штуки часовъ оцѣнены всего въ 14,000 рублей и т. под. Этого рода неточности цифръ чрезвычайно затрудняютъ изслѣдованіе о дѣйстви-

тельныхъ размѣрахъ внѣшней торговли Небесной имперіи и дѣлаютъ, во многихъ случаяхъ, выводы о ней невполнѣ надежными. Одно, впрочемъ, несомнѣнно на счетъ этой торговли, именно, что денежный балансъ ея, за послѣдніе годы, постоянно не въ пользу Китая. Прежде въ цѣлой Европѣ раздавались жалобы на поглощеніе Китаемъ огромныхъ массъ серебра, которое быстро исчезало съ европейскихъ рынковъ; теперь ежегодно многіе милліоны рублей вывозятся изъ Китая какъ въ Европу — преимущественно въ Англію,—такъ особенно въ Азію, именно въ Индію, за опіумъ.

Какъ ни гадательны, по сказанной сейчасъ причинѣ, цифры оффиціальныхъ отчетовъ китайскихъ таможенъ, попробуемъ однако сдѣлать нѣкоторый анализъ ихъ, чтобы ближе познакомиться съ характеромъ внѣшней торговли Китая. Здѣсь я прежде всего замѣчу, для лицъ любящихъ точность, что таможенные отчеты въ Китаѣ составляются на фиктивную монетную единицу, *ланъ* или taël, или даже на двѣ подобныя единицы; именно стоимость товаровъ обозначается въ торговыхъ или *шанхайскихъ* ланахъ, которыхъ внутренняя стоимость есть 1 рубль 88 к.=1 дол. 40 цент.=5 шил. 10 пенс.=7 фр. 50 сант., а пошлины берутся *хайкуанскими* ланами, стоимостью въ 2 рубля=1 д. 55 ц.=6 ш. 5 п.=8 фр. Переводя, на основаніи этого указанія, цифры «Returns on Trade» за 1864—68 годы въ рубли, мы получимъ, что всѣ обороты законной, т.-е. не-контрабандной внѣшней торговли Китая простирались:

	По ввозу.	По вывозу.	Итого.
Въ 1864 . . .	96.541,926 р.	101,532,237 р.	198,074,163 р.
— 65 . . .	116,267,017 —	112,902,711 —	229,169,728 —
— 66 . . .	140,179,606 —	105,584,197 —	246,763,803 —
— 67 . . .	130,339,130 —	108,843,930 —	239,183,843 —
— 68 . . .	133,707,880 —	129,935,378 —	263,643,258 —
Среднее . .	123,406,112 —	111,759,691 —	235,366,959 —

Балансъ не въ пользу Китая въ 12,000,000 рублей. И еще нужно замѣтить, что самый оффиціальный отчетъ пекинскаго таможеннаго управленія дѣлаетъ замѣчаніе, что изъ Гонъ-Конга отправлено въ Китай гораздо болѣе опіума, чѣмъ показано его привезеннымъ. Этотъ опіумъ, составляющій контрабанду, оцѣнивается слѣдующимъ образомъ:

Въ 1865 году	— 20,390	пикулей на	9,175,500	ланъ
— 66	— — 16,834	— —	7,743,600	—
— 67	— — 25,582	— —	12,023,500	—
— 68	— — 15,622	— —	7,029,900	—

среднимъ числомъ на 8,992,875 ланъ=16 милліонамъ рублей

ежегодно. Придавъ эту цифру въ 12 мил. средняго ежегоднаго излишка привоза надъ вывозомъ, мы получимъ общую цифру послѣдняго въ 28,000,000 р., оплачиваемыхъ чистыми деньгами. Явленіе печальное, если вспомнить, что за эту огромную сумму китайцы пріобрѣтаютъ товаръ не только обращающійся въ дымъ не метафорически, а буквально, — но и растлѣвающій ихъ природу нравственную и физическую.

Теперь посмотримъ на цифры таможенныхъ доходовъ, которыя, повидимому, должно бы считать вознагражденіемъ странѣ за извлекаемые изъ нея иностранцами прибытки, хотя это и фикція, ибо по установившимся торговымъ обычаямъ значительная часть пошлинъ уплачивается не европейскими, а китайскими купцами, даже съ товаровъ привозныхъ, напр., съ опіума. Цифры эти достигали:

Въ 1865 г.	до	6,775,700 ланъ	=13,551,400 р. с.		ср. ч. 14,6 мил.
— 66	— —	7,098,370 —	=14,196,740 —		
— 67	— —	7,350,434 —	=14,700,868 —		
— 68	— —	8,002,751 —	=16,005,502 —		

и даже, если придать каботажныя пошлины, взыскиваемыя китайскимъ правительствомъ съ китайскихъ же товаровъ, перевозимыхъ на иностранныхъ судахъ, то будетъ среднимъ числомъ таможеннаго дохода въ годъ 17,1 мил. руб. сер., что на цѣлые 10,9 мил. р. ниже суммы ежегодно переплачиваемой Китаемъ иностранцамъ за ихъ товары.

И здѣсь еще принято, что 14,6 мил. или 17,1 мил. рублей составляютъ *чистый* таможенный доходъ, что далеко несправедливо. Изъ дохода этого, прежде всего, содержатся сами таможни, а въ нихъ есть около 280 европейскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не получаетъ менѣе 2,700 рублей, а нѣкоторые по 10, 15 и 65,000 рублей сер. Общій итогъ ихъ вознагражденія достигаетъ до милліона рублей. Да стоимость содержанія таможенныхъ зданій, таможенной стражи, таможенныхъ чиновниковъ китайцевъ и крейсерскихъ пароходовъ составляетъ, вѣроятно, немеьше $1\frac{1}{2}$ милліона рублей. Все это низводитъ чистый доходъ съ китайскихъ таможенъ до какихъ-нибудь 12,000,000 р. с. и слѣд. даетъ, для окончательной цифры, убытка Китая отъ внѣшней торговли ежегодно въ 16,000,000 р. с.

Оставимъ, впрочемъ, вопросъ о балансѣ и перейдемъ къ другому важному экономическому вопросу: съ какими именно націями китайцы ведутъ заграничный торгъ и отъ которой изъ нихъ состоятъ въ наибольшей экономической зависимости. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующая таблица.

	Въ 1867 году.			Въ 1868 году.			
	Привезено изъ	Вывезено въ	Итого.	Привезено изъ	Вывезено въ	Итого.	
Великобританія	18.880,010 ланъ.	33.367,784 ланъ.	52.197,794 ланъ.	24.478,843 ланъ.	42.040,836 ланъ.	66.519,679 ланъ.	Англія и ея колоніи 122 м.
Острова въ Британ. каналѣ .	—	182,221 —	182,221 —	—	634,080 —	634,080 —	
Индія	31.915,504 —	366,908 —	32.282,412 —	26.098,085 —	264,530 —	26.362,615 —	
Гонъ-Конгъ	14.177,243 —	8.119,094 —	22.296,337 —	15.672,685 —	8.970,289 —	24.642,974 —	
Сингапуръ и др. порты въ Малак. проливѣ	861,861 —	376,769 —	1.238,630 —	743,879 —	293,692 —	1.037,571 —	
Австралія	547,896 —	2.575,578 —	3.123,474 —	734,718 —	2.849,636 —	3.584,354 —	
Канада	—	—	—	37 —	237,002 —	237,039 —	
Новая Зеландія	—	118,781 —	118,781 —	—	102,899 —	102.899 —	
Мысъ Доброй Надежды . .	—	35,667 —	35,667 —	—	44,122 —	44,122 —	
Материкъ Европы	40,716 —	2.369,054 —	2.409,770 —	325,450 —	4.586,406 —	4.911,856 —	
Соединенные Штаты Ам. . .	702,683 —	7.493,318 —	8.196,001 —	833,393 —	6.582,676 —	7.416,069 —	
Японія	2.214,489 —	1.180,702 —	3.395,191 —	2.614,007 —	937,482 —	3.551.489 —	
Сіамъ	858,731 —	106,670 —	965,401 —	691,251 —	77,673 —	768,924 —	
Филиппинскіе острова . . .	564,878 —	182,158 —	747,036 —	315,458 —	183,404 —	498,862 —	
Ява	266,055 —	235,215 —	501,270 —	264,887 —	228,028 —	492,915 —	
Кохинхина	—	122,996 —	122,996 —	68,318 —	231,630 —	299,948 —	
Южная Америка	508,363 —	119,610 —	627,973 —	383,710 —	46,274 —	429,984 —	
Россія и Сибирь, чрезъ Кяхту	45,077 —	924,942 —	970,019 —	—	796,240 —	796,240 —	900 т.
Амурскія провинціи	103,684 —	18,246 —	121,930 —	93,913 —	7,834 —	101,747 —	
Итого . . .	71.637,190 ланъ.	57.895,713 ланъ.	129.532,903 ланъ.	73.318,634 ланъ.	69.114,738 ланъ.	142.433,367 ланъ.	

Итакъ, изъ 270 милл. рублей ежегоднаго оборота за два послѣдніе года, 230 милліоновъ, т.-е. шесть седьмыхъ приходится на долю Великобританіи и ея колоній. Затѣмъ слѣдуютъ Сѣверо-Американскіе Штаты, материкъ западной Европы и Японія. Россія же, Сіамъ, Филиппинскіе острова, Ява, Кохинхина и Южная Америка составляютъ второстепенныхъ дѣятелей въ китайской внѣшней торговлѣ, хотя нужно замѣтить, что относительно Россіи цифры въ «Returns on Trade» не обнимаютъ всей торговли, совершающейся между двумя имперіями, а лишь тѣ данныя, которыя собраны въ таможняхъ Ханькоу и Тяньцзина. Насчетъ японской торговли слѣдуетъ замѣтить, что значительная часть ея находится въ рукахъ европейскихъ купцовъ и, вѣроятно, неменьшая въ рукахъ китайскихъ; сами же японцы въ ней не участвуютъ.

Теперь посмотримъ, какъ торговля распредѣляется по портамъ. Въ 1867-мъ и 1868-мъ годахъ обороты ихъ были:

	По ввозу.		По вывозу.	
	1867.	1868.	1867.	1868.
Шанхай (не считая товар., вывезен.		Лановъ.		
обратно изъ Китая)	44.331,073	48.392,121	29.228,074	39.153,329
Фу-чжеу-фу	3.872,280	3.837,464	14,323,230	14.814,354
Кантонъ	7.856,771	7.039,743	10.552,394	11.296,764
Амой	5.295,402	4.485,680	1.763,052	1.128,149
Сватоу	4.781,844	3.962,003	217,070	197,760
Тяньцзинъ	794,344	1.150,959	951,610	796,240
Чифу	770,656	1.066.137	191,759	127,907
Ханькоу	13,659	7.710	566,140	1.390,405
Нингпо	794,744	604.471	5.680	33,448
Тамсуй	398,558	351,143	61,638	99,128
Ньючуань	372,028	280,005	10.997	—
Такоу	160,790	54,402	24,069	31,514
Кью-Кьянъ	—	—	—	45,735
Чинъ-Кьянъ	—	—	—	—

Такимъ образомъ, Шанхай является рѣзко выдающимся изъ ряда четырнадцати портовъ. Но это только потому, что въ немъ живутъ главнѣйшіе негоціанты и что онъ, поэтому, служитъ для приходящихъ и отходящихъ иностранныхъ судовъ станціею, гдѣ нерѣдко товары перегружаются и даже оплачиваются пошлинами, но не продаются. Дѣйствительные обороты его рынка значительно меньше, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, которая вмѣстѣ показываетъ, что зависящіе отъ Шанхая порты, Ханькоу, Кью-Кьянъ, Нью-Чуань, Чифу, Тяньцзинъ и частію Нингпо, имѣютъ обороты очень значительные, въ суммѣ далеко превосходящіе собственно шанхайскую торговлю.

	Мѣстные обороты по привозу и вывозу. 1867.	1868.		Мѣстные обороты по привозу и вывозу. 1867.	1868.
	Л а н ъ.			Л а н ъ.	
Шанхай . . .	38.093,101	46.823,271	Амой	10.058,401	7.940,131
Ханькоу . . .	30.537,026	30,470,181	Кью-кьянъ . .	7.860,609	11.147,852
Кантонъ . . .	24.296,136	23.460,665	Чифу	6.265,373	8.538,706
Фу-чжеу-фу . .	23.457,792	22.338,997	Чинъ-кьянъ . .	5.806,802	6.135,899
Тяньцзинъ . .	14.720,294	17.386,889	Нью-чуань . .	5.444,230	6.507,457
Нингпо . . .	12.563,541	12.599,445	Такоу	2.022,948	1.442,903
Сватоу . . .	11.826,941	8.527,510	Тамсуй . . .	870,298	897,307

Эту таблицу и можно считать истиннымъ выраженіемъ того распредѣленія, которое имѣютъ товары по рынкамъ. Относительно же Шанхая можно еще замѣтить, что даже цифры выше помѣщенной таблицы не выражаютъ всѣхъ его оборотовъ, ибо въ портъ его входятъ многіе товары, которые вовсе не назначаются для китайской торговли или же имѣютъ точкою первоначальнаго отправленія за-границу одинъ изъ прочихъ китайскихъ портовъ. Если считать эти мимоходные грузы, предъявленные таможнѣ только для счета и для платежа ластоваго сбора, то вся стоимость товаровъ, прошедшихъ черезъ шанхайскій портъ, по привозу и по вывозу будетъ:

Въ 1867 году . . 97.035,459 ланъ.
» 1868 » . . 112.245,441 »

Откуда видно, что Шанхай есть дѣйствительный коммерческій центръ Китайскаго моря. По привозу онъ служитъ главною станціею для опіума, по вывозу же — для чая и шелка. Всѣ сѣверные и рѣчные порты снабжаются отсюда опіумомъ; рѣчные же порты и Нингпо высылаютъ сюда, для дальнѣйшаго отправленія, шелкъ, чай и пр.

О другихъ портахъ можно замѣтить слѣдующее.

Обороты Кантона въ таможенныхъ вѣдомостяхъ показаны, безъ сомнѣнія, много ниже дѣйствительности, ибо нигдѣ такъ контрабанда не развита, какъ въ окрестностяхъ этого города, чему способствуютъ многочисленные рукава Чунъ-кьяна и стоянка кораблей въ Вампоа, на 12 верстъ отъ Кантона.

Фу-чжеу-фу есть главный рынокъ для чая и важная контрабандная станція для опіума.

Ханькоу — второй послѣ Фу-чжеу чайный рынокъ и мѣсто сбыта европейскихъ тканей, а также мѣстопребываніе русскихъ купцовъ, которые доселѣ одни изъ всѣхъ иностранцевъ успѣли стать въ прямыя сношенія съ туземными производителями чая, минуя китайскихъ оптовыхъ торговцевъ.

Тянь-цзинъ любопытенъ тѣмъ, что въ немъ привозъ чрезвы-

чайно преобладаетъ надъ вывозомъ и что отсюда начинается неморское странствованіе русскихъ чаевъ.

Чифу, Нью-чуань, Кью-кьянъ, Чинъ-кьянъ и отчасти Нингпо суть какъ бы факторіи или отдѣленія Шанхая.

Предметы, обращающіеся во внѣшней торговлѣ Китая, какъ уже было упомянуто, далеко не столь многочисленны и разнообразны, какъ въ торговлѣ между европейскими націями, что происходитъ отъ неразвитости потребностей китайцевъ, отъ однообразія ихъ собственныхъ произведеній и отъ недостаточнаго знакомства съ Китаемъ самихъ негоціантовъ, производящихъ торговлю. Важнѣйшіе изъ этихъ предметовъ суть

По ввозу.	Въ 1867 г.		Въ 1868 г.	
Опіумъ	31.994,576	ланъ.	26.127,869	ланъ, кромѣ контрабанды
Хлопчато-бум. продукты	14.617,268	—	22.373,056	—
Шерстяныя ткани	7.391,226	—	6.511,514	—
Хлопокъ	5.164,392	—	4.299,709	—
Металлы	1.630,351	—	3.148,648	—
Уголь	1.001,840	—	1.517,152	—
Рисъ	1.101,565	—	510,009	—
Сахаръ	837,616	—	573,390	—
Морская капуста	573,998	—	489,107	—
Женьшень	369,656	—	289,466	—

Не трудно замѣтить отсутствіе въ этомъ перечнѣ машинъ, кожъ, свѣчей, табаку, винъ, мебели, ковровъ, льняныхъ полотенъ, шелковыхъ тканей, articles de Paris, и вообще всѣхъ тѣхъ предметовъ, которыхъ совокупность выражаетъ европейскую цивилизацію и комфортъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти предметы — большая рѣдкость въ Китаѣ и дѣлаютъ жизнь въ немъ на европейскій ладъ весьма дорогою, даже для самаго неприхотливаго человѣка.

Что касается до *вывоза*, то статьи его еще однообразнѣе, и изъ нихъ только двѣ первыя заслуживаютъ вниманіе, именно:

	Въ 1867 г.		Въ 1868 г.	
Чай	34.546,088	ланъ.	37.172,005	ланъ.
Шелкъ	18.862,211	—	27.577,589	—
Хлопокъ	458,424	—	587,821	—
Кассія	325,686	—	539,741	—
Циновки и др. плетен. издѣлія	384,542	—	351,797	—
Бумага и книги	255,323	—	273,033	—
Сахаръ и леденецъ	462,157	—	453,707	—
Вермишель и макароны	161,367	—	169,052	—
Ревень	123,672	—	159,502	—
Потѣшные огни	128,218	—	159,987	—
Вѣера	31,340	—	644,704	—

Послѣдняя статья ничтожна по стоимости, но важна по количеству вывозимыхъ предметовъ, ибо китайскіе вѣера въ огром-

номъ числѣ расходятся на всемъ Востокѣ и даже проникаютъ въ Европу. Что касается до другихъ предметовъ какъ вывоза, такъ и привоза, то о нихъ можно замѣтить слѣдующее.

1) *Опіумъ* — важнѣйшій и спеціальный предметъ китайской внѣшней торговли. Онъ весь привозится изъ Индіи и вообще изъ южной Азіи[1]), напр., изъ Кохинхины, Персіи, Турціи, и проходитъ почти сполна чрезъ Гонъ-Конгъ, откуда уже разсылается по прочимъ портамъ Китая. Общее количество этого товара, дѣйствительно ввозимое ежегодно въ Небесную имперію какъ чрезъ таможни, такъ и контрабандою, достигаетъ до 75,000 ящиковъ, каждый въ 1 пикуль (147 ф.) чистаго товара, что равно 275.000 пудамъ или 11.000,000 фунтамъ. Оцѣнивая ежегодную пропорцію яда, потребляемаго каждымъ курильщикомъ, въ 1 ф. 85 зол., какъ то обыкновенно принято, получимъ, что число лицъ, курящихъ опіумъ въ Китаѣ, простирается приблизительно до 6-ти милліоновъ; и въ этомъ числѣ, можно замѣтить, находится значительная часть интеллигенціи края, т.-е. чиновниковъ и богатыхъ купцовъ. Въ земледѣльческія части имперіи опіумъ проникаетъ медленнѣе; но въ городахъ, особенно большихъ, онъ въ обширномъ употребленіи. И хотя китайское правительство, сверхъ 30 ланъ пошлины, съ пикуля, при ввозѣ, беретъ съ него множество добавочныхъ сборовъ, потребленіе его быстро растетъ. Особенно привозному опіуму покровительствуетъ то, что онъ оплачиваетъ пошлину не тотчасъ по прибытіи въ портъ съ цѣлаго груза, а по мѣрѣ дѣйствительной продажи китайцамъ, малыми партіями, что даетъ возможность заниматься ядоторговлею не однимъ милліонерамъ. Въ дополненіе къ этому злу за послѣдніе годы многія поля въ Сы-чуани, Юнъ-нани, Цзянъ-си, Чжили, Ляодунѣ, и пр. стали обсѣменяться макомъ, дающимъ туземный, китайскій опіумъ. Несмотря на поземельную подать въ 4 р. 30 к. съ десятины, засѣянной этимъ растеніемъ, ежегодное производство и потребленіе китайскаго опіума въ одномъ Ляодунѣ достигаетъ до 4,000 пудовъ, не считая привозимаго изъ Индіи, котораго чрезъ Ньючуанскій портъ прошло болѣе 9,000 пудовъ. Если пропорція туземнаго опіума къ привозному такъ же велика во всѣхъ провинціяхъ Китая, какъ въ Ляодунѣ, то нужно считать, что вся Небесная имперія потребляетъ ежегодно не 11, а болѣе 15-ти милліоновъ фунтовъ и, слѣд., число курильщиковъ пере-

[1]) Кохинхина, по водвореніи въ ней владычества французовъ, не безъ успѣха начинаетъ соперничать съ Индіей въ производствѣ опіума. Въ Сайгонѣ ежемѣсячно собирается отъ 5 до 600,000 фр. пошлинъ съ вывозимаго опіума, котораго транспортировка доставляетъ немалыя выгоды пароходной компаніи Messageries Françaises,

ходитъ за 8.000,000 душъ самаго цвѣтущаго по лѣтамъ населенія. Цѣны на привозный опіумъ, по оплатѣ его пошлиною, доходятъ отъ 900 до 1,100 рублей за пикуль, изъ которыхъ большая половина достается англійскому остъ-индскому правительству въ видѣ отпускной пошлины въ Калькуттѣ, Бомбеѣ и пр.

2) *Хлопчато-бумажныя* издѣлія, а также иностранный хлопокъ, ввозятся изъ Англіи и ея колоній въ южной Азіи, и лишь очень немного изъ другихъ странъ. Между ними главное мѣсто принадлежитъ небѣленымъ и бѣленымъ миткалямъ, камчатнымъ тканямъ, холстинкѣ и пряжѣ, т.-е. продуктамъ дешевымъ, подвергавшимся менѣе тщательной, менѣе оконченной обработкѣ. Ихъ главный складъ въ Шанхаѣ, а продажа тамъ же и въ сѣверныхъ портахъ, гдѣ своего, мѣстнаго хлопка и издѣлій изъ него нѣтъ. Европейскіе ситцы, кисеи, кембрики мало находятъ сбыта въ Китаѣ и преимущественно потребляются самими же европейцами, живущими въ Небесной имперіи.

3) *Шерстяныя* издѣлія, третій и послѣдній предметъ значительнаго ввоза, также направляется предпочтительно въ сѣверную часть Китая, какъ оно и естественно по климату страны. Это единственная статья ввоза, въ которой Россія не отстала отъ прочихъ народовъ Запада и еще выдерживаетъ ихъ конкурренцію. Всѣ почти привозимыя въ Китай сукна — синяго цвѣта и изъ легкихъ сортовъ, хотя съ хорошею аппретурою. Главные ихъ склады для англійскихъ въ Шанхаѣ, для русскихъ въ Тянь-цзинѣ. Изъ прочихъ шерстяныхъ матерій болѣе другихъ привозятся и требуются люстрины, камлоты, лонгъ-эллызы и пр. Полушерстяныя ткани, столь распространенныя въ Европѣ, въ Китаѣ вовсе не употреблются.

4) *Чай* есть главный и спеціальный предметъ китайской внѣшней торговли по вывозу, какъ опіумъ по ввозу. Можно даже сказать, судя по стоимости обоихъ предметовъ, что одинъ изъ нихъ промѣнивается на другой западными народами у китайцевъ. О мѣстахъ добыванія чая, о способахъ его приготовленія и пр. такъ много писано, что нѣтъ нужды говорить здѣсь объ этомъ. Замѣчу впрочемъ, что *перевозка* чая требуетъ нѣкоторыхъ особыхъ условій, именно: весьма тщательной и потому тяжелой укупорки и сохраненія отъ подмочки. Оба эти условія содѣйствуютъ возвышенію перевозной платы какъ при морской торговлѣ, такъ особенно при сухопутной. Такъ какъ морская дорога, въ особенности на желѣзныхъ судахъ, во всякомъ случаѣ, безопаснѣе и притомъ несравненно дешевле, то я осмѣлюсь здѣсь высказать, кстати, что даже предположенная-было дорога для нашихъ чаевъ, на Улясутай вмѣсто Кяхты, не можетъ

служить ни къ улучшенію этихъ чаевъ, ни къ удешевленію ихъ. Одесса и Суэзскій каналъ кажутся единственными законными, т.-е. логическими и практическими наслѣдниками Нижняго и монгольскихъ степей. Фрахты на перевозку чаевъ изъ Шанхая въ Европу, по сказаннымъ сейчасъ причинамъ, всегда на 8—10 шиллинговъ за тонну дороже, чѣмъ прочихъ товаровъ, потому что корабельщикъ отвѣчаетъ за подмочку, а ни одно страховое общество не гарантируетъ отъ нея. Но какъ эти фрахты, несмотря даже на дорогую плату за проходъ черезъ Суэзскій каналъ, все же безъ сравненія дешевле, чѣмъ плата за сухопутную транспортировку, для Москвы напр., приблизительно въ 7 и 8 разъ, то я еще разъ повторю, что морская дорога для чаевъ цѣлаго міра скоро сдѣлается единственною, за исключеніемъ, конечно, средней и сѣверной Азіи, куда морскихъ дорогъ нѣтъ. И еще прибавлю, что по значительной стоимости товара и интересу имѣть его всегда свѣжій, вся будущая его транспортировка, безъ сомнѣнія, будетъ совершаться на желѣзныхъ пароходахъ. Это соображеніе подтвердилось уже и фактами. Съ самаго начала прошлаго 1870-го года въ Шанхаѣ и Фу-чжеу нанимаемы были для отправленія въ Лондонъ пароходы подъ чай, несмотря на сравнительно дорогую наемную цѣну при крайней дешевизнѣ перевозки на судахъ парусныхъ ($9^1/_2$ р. съ тонны изъ Шанхая въ Лондонъ). Въ Одессу къ концу іюля 1871-го г. долженъ прибыть пароходъ «Чихачевъ» съ русскими чаями изъ Хань-коу. Туда же поспѣшилъ переселиться изъ послѣдняго города одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ представителей русской чайной торговли, г. Оборинъ, чтобы находиться на мѣстѣ выгрузки и продажи товара, тогда какъ его компаньонъ, г. Ивановъ, остается на мѣстахъ покупки. Наконецъ наши ханькоусскіе торговцы пробуютъ въ нынѣшнемъ году завести свои конторы въ Фу-чжеу, т.-е. расширить свой рынокъ на югъ, къ сторонѣ Суэзскаго пути, въ противность желаніямъ нѣкоторыхъ коммерческихъ ретроградовъ, которымъ бы хотѣлось вернуться на сѣверъ, т.-е. въ Кяхту, чтобы вести дѣла «по-старинѣ». Главные чайные рынки Китая суть: Фу-чжеу-фу, гдѣ сверхъ массы черныхъ чаевъ продаются лучшіе цвѣточные, Ханькоу — важный рынокъ для черныхъ и кирпичныхъ чаевъ, Шанхай, Нингпо, Амой и Кантонъ — для разныхъ сортовъ, частію зеленыхъ, частію же сильно поджареныхъ и потому нѣсколько вяжущихъ и горьковатыхъ. Двѣ трети всего отправляемаго изъ Китая чайнаго товара идетъ въ Англію и преимущественно въ Лондонъ. Цѣны изъ *вторыхъ* рукъ, т.-е. отъ оптовыхъ китайскихъ скупщиковъ,

а не отъ самихъ чайныхъ плантаторовъ и фабрикантовъ, въ 1869 году, были приблизительно слѣдующія:

цвѣточный чай . .	отъ 60	до 80	коп.	с.	за	русскій	фунтъ.
лучшій черный . .	» 32	» 40	»	»	»	»	»
лучшій зеленый . .	» 40	» 55	»	»	»	»	»

смотря по рынкамъ и по свойствамъ самого чая, что показываетъ возвышеніе съ 1844—5 годовъ всего на 10 — 15 процентовъ.

5) *Шелкъ*, сдѣлавшійся особенно важною статьею вывоза изъ Китая со времени появленія болѣзни шелковичныхъ червей въ Европѣ, производится предпочтительно въ южныхъ областяхъ Небесной имперіи и по Янъ-цзе-кьяну. Шанхай для этого предмета есть главный складочный пунктъ, откуда вывезено его, въ 1868 году, свыше 140,000 пудовъ, на сумму до 40 милл. рублей; затѣмъ слѣдуетъ Кантонъ. Болѣе пятой части этого товара отправляется во Францію; изъ остального количества, покупаемаго преимущественно для Англіи, большая часть также уходитъ на материкъ Европы. Вмѣстѣ съ шелкомъ-сырцемъ, коконами и хлопкомъ, вывозится изъ Китая ежегодно и небольшое число шелковыхъ тканей, примѣрно на сумму 4,000,000 рублей сер. Но яичекъ шелковичныхъ червей, составляющихъ столь видную статью торговли въ Японіи, Китай почти вовсе не отпускаетъ. Замѣчу, что для шелка, какъ и для чая, европейскіе купцы держатъ особыхъ пробователей, называемыхъ инспекторами. Только русскіе чайные торговцы не имѣютъ особыхъ инспекторовъ, а пробуютъ товаръ сами.

Изъ прочихъ предметовъ международнаго торга въ Китаѣ нѣкотораго вниманія стали заслуживать, въ послѣднее время, металлы, какъ въ издѣліяхъ и машинахъ, такъ и въ сыромъ видѣ, для употребленія на китайскихъ казенныхъ пароходныхъ и оружейныхъ заводахъ. Потомъ стоитъ обратить вниманіе на морскую капусту, которую мы, русскіе, могли бы съ выгодою забрать въ свои руки, такъ какъ она ловится въ Японскомъ морѣ и отчасти у нашихъ береговъ; наконецъ можно упомянуть о китайскихъ циновкахъ, которыя составляютъ укупорочный матеріалъ на всемъ юговостокѣ Азіи и могли бы очень пригодиться у насъ, въ южныхъ портахъ, гдѣ лыковыя циновки и рогожи очень дороги.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, объемъ внѣшней торговли Китая, экономическое значеніе ея для страны, участіе, которое въ ней принимаютъ различныя націи, распредѣленіе ея по рынкамъ, и упомянувъ о главнѣйшихъ предметахъ привоза и вывоза, взглянемъ теперь на состояніе судоходства въ открытыхъ иностран-

цамъ портахъ и на способы перевозки товаровъ изъ этихъ портовъ въ Америку и Европу. Любопытно, что общее *число* иностранныхъ судовъ, посѣщающихъ Китай, не только не возрастало въ послѣдніе годы, но уменьшалось. Разумѣется, это уменьшеніе числа вознаграждалось отчасти увеличеніемъ вмѣстимости кораблей; но болѣе всего для цѣлей развивающейся торговли послужило увеличеніе числа пароходовъ, которые ту же массу грузовъ способны перевозить въ кратчайшіе сроки. Одинъ шанхайскій портъ имѣлъ въ 1869 году 64 парохода, совершавшіе правильные рейсы между нимъ и не только другими китайскими городами, но даже Японіею, Европою и Америкою. Разумѣется, соотвѣтственно этому падало парусное судоходство, особенно же перевозка товаровъ на джонкахъ. Какъ притомъ сами китайцы стали нынѣ заботиться о развитіи національнаго пароваго флота, то и отъ этой причины перевозка на иностранныхъ судахъ нѣсколько уменьшилась, именно:

Въ	1864 г.	посѣтило	кит.	порты	17,966	евр.	суд.	вмѣстимостью	6.635,485	тоннъ.
—	1865 —	—	—	—	16,628	—	—	—	7.136 301	—
—	1866 —	—	—	—	15,672	—	—	—	6 877,582	—
—	1867 —	—	—	—	14,704	—	—	—	6.396,815	—
—	1868 —	—	—	—	14,075	—	—	—	6.418,503	—

Изъ исчисленныхъ здѣсь судовъ половина принадлежала англичанамъ, одна треть американцамъ и только одна шестая приходилась на всѣ остальныя націи міра. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что *германское* судоходство въ Китайскомъ морѣ не только не падало въ послѣдніе годы, но постоянно возрастало, равно какъ и судоходство другой развивающейся державы, Сіама. Только нѣмецкія суда по большей части суть парусныя, занимаются предпочтительно каботажемъ, и успѣхами своими главнѣйше обязаны дешевизнѣ фрахтовъ. Вообще же говоря, до нынѣ транспортировка товаровъ на европейскихъ, особенно паровыхъ судахъ, китайскихъ товаровъ весьма распространена и есть весьма выгодный промыселъ, едвали даже не болѣе прибыльный, чѣмъ торговля товарами, за исключеніемъ развѣ опіума. Оттого ею занимаются не только отдѣльные судовладѣльцы, но и двѣ могущественныя мѣстныя компаніи: Росселя (Shanghai Steam Navigation C°, подъ американскимъ флагомъ) и Траутмана (North China Steam Nav. C°, подъ англійскимъ), не считая пакетботныхъ компаній Messageries Françaises, Peninsular and Oriental C°, и Pacific M. S. S. C°, которыя перевозятъ дорогіе и срочные грузы, какъ шелкъ и опіумъ [1]). Та-

[1]) Пакетботы изъ Шанхая достигаютъ Марселя въ 42 дня, Саутгэмптона въ 47 дней, С.-Франциско въ 30 дней.

рифы вездѣ высоки, что впрочемъ естественно какъ по малости конкурренціи, такъ особенно по дороговизнѣ содержанія техническаго персонала судовъ и техническихъ же учрежденій для ихъ исправленія. Замѣчательна перемѣна въ характерѣ судовладѣнія съ 1840-хъ годовъ. Тогда, и до самой войны 1858—60 годовъ, богатыя фирмы Гонъ-Конга и Шанхая, занятыя торговлею опіумомъ, чаемъ и шелкомъ, сами обладали цѣлыми флотиліями; нынѣ же, какъ было разъ упомянуто, судовладѣльцами являются не торговцы, а лица, имъ постороннія и занимающіяся своимъ дѣломъ, какъ спеціальностью. Законъ обособленія промысловъ или, пожалуй, раздѣленія труда и въ этой сферѣ возымѣлъ свое дѣйствіе.

Говоря о судоходствѣ въ китайскихъ портахъ, стóитъ упомянуть о начинающемся развитіи туземнаго флота. Я разумѣю здѣсь не военный, для котораго теперь есть два обширныя адмиралтейства, въ Шанхаѣ и Фу-чжеу-фу, уже приготовившія 6—7 кораблей, а купеческій. Съ удивленіемъ видитъ путешественникъ въ нѣкоторыхъ портахъ Китая джонки, имѣющія паровыхъ двигателей и обязанныя происхожденіемъ своимъ покупкѣ китайцами съ аукціоновъ въ Гонъ-Конгѣ старыхъ пароходовъ, которыхъ корпусъ уже сгнилъ, но машина еще годилась. Однако не эти ублюдки морской архитектуры составляютъ дѣйствительныхъ представителей китайскаго флота на европейскій ладъ. Для послѣдней цѣли служатъ настоящіе пароходы, пріобрѣтенные нѣкоторыми богатыми китайскими торговыми домами для ихъ надобностей. Только жаль, что этому зараждающемуся флоту приходится нести тяжелыя испытанія. Съ одной стороны его тѣснитъ конкурренція европейскихъ и американскихъ судовъ, которая уже заставила шанхайскихъ пароходовладѣтелей, пробовавшихъ плавать по Янъ-цзе, присоединиться къ большой американской компаніи, Sh. St. Nav. C°. Съ другой, ужасный произволъ и корыстолюбіе китайскаго чиновничества внушаютъ предпріимчивымъ китайскимъ арматорамъ страхъ, ибо ни надъ кѣмъ такъ не обрушивается сурово своеволіе мандариновъ, какъ надъ людьми богатыми, да еще осмѣливающимися вводить европейскія новизны. Поэтому то тѣ немногіе китайцы, которые имѣютъ суда европейской конструкціи, держатъ ихъ подъ англійскимъ флагомъ и для полученія на то права берутъ компаньонами англійскихъ подданныхъ изъ Гонъ-Конга. Разумѣется, при добросовѣстности такого компаньона и въ мирное время нѣтъ опасности для дѣйствительнаго хозяина лишиться своего судна; но захоти фиктивный совладѣлецъ, па имя котораго корабль внесенъ въ англійскіе портовые реестры, или начнись у Англіи

съ Китаемъ война,—китайцу придется лишиться собственности. Это фактъ любопытный, доказывающій, какъ ужасно экономическое и политическое состояніе Китая послѣ сорокавѣкового господства чиновничества.

Заключу настоящій очеркъ нѣкоторыми подробностями о прямыхъ почтовыхъ сообщеніяхъ Китая съ Европою и Америкою. Какъ уже упомянуто, три большія пароходныя компаніи дѣлаютъ нынѣ періодическіе рейсы, съ одной стороны между Шанхаемъ, Гонъ-Конгомъ и С.-Франциско, а съ другой между тѣми же портами Китайскаго моря, Марселью и Саусгэмптономъ. Эти компаніи суть: 1) американская Pacific Mail Steamship C°, 2) англійская Peninsular and Oriental C°, и 3) французская Messageries Françaises. Съ ними въ связи находятся мѣстныя компаніи Китайскаго моря: 4) американская (собственно, международная) Shanghai Steam Navigation C° и 5) англійская (опять международная) North China Steamship C°. Рейсы всѣхъ этихъ компаній распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1) *P. M. S. S. C°*, высылаетъ ежемѣсячно изъ Америки одинъ пароходъ въ Іокогаму, куда переѣздъ изъ С.-Франциско дѣлается въ 21—24 дня, смотря по погодѣ и времени года. Въ Іокогамѣ пассажиры и грузъ раздѣляются: одни пересаживаются на пароходъ той же компаніи, идущей въ Гонъ-Конгъ, другіе на пароходъ, направляющійся въ Шанхай чрезъ Хіого и Нагасаки. Въ Шанхай изъ Іокогамы есть даже три отправленія ежемѣсячно. Отъ Іокогамы до Гонъ-Конга американскіе пароходы идутъ 7 дней, т.-е. скорѣе всѣхъ прочихъ, до Шанхая тоже недѣлю, считая и остановки. Обратные рейсы — въ обратномъ порядкѣ, и притомъ росписаніе составлено такъ, что американцы уходятъ не въ тѣ дни, когда отходятъ европейцы. По вмѣстимости это самые большія паровыя суда изъ всѣхъ существующихъ, не исключая французскія трансатлантическія и англійскія, компаніи Кюнара. Фрахты у американцевъ дешевле, чѣмъ у англичанъ и французовъ,—такъ что, напр., есть возможность отправлять съ ними изъ Калифорніи въ Гонъ-Конгъ капусту и картофель,—доставка же нѣсколько скорѣе, почему эта компанія пользуется глубочайшею ненавистью своихъ соперниковъ, и были случаи, что пароходамъ ея, во время бѣдствій, европейскія суда отказывались дать помощь, даже намѣренно наводили на опасныя мѣста. Изъ Шанхая, въ настоящее время, для *пассажировъ* удобнѣйшій путь въ Европу есть съ пароходами P. M. S. S. C°, какъ потому, что они не выходятъ изъ умѣренной зоны, тогда какъ съ англичанами и французами приходится плыть въ жаркой полосѣ Индѣйскаго океана и по Крас-

ному морю, такъ и потому, что изъ 47 дней пути семь совершаются въ комфортабельныхъ спальныхъ вагонахъ-гостинницахъ американской желѣзной дороги между С.-Франциско и Нью-Іоркомъ. Но для европейскихъ *грузовъ* эта дорога неудобна, потому что требуетъ двухъ перегрузокъ, перевоза по желѣзной дорогѣ и двойного страхованія.

2) *P. and O. Co.* Пароходы ея отходятъ два раза въ мѣсяцъ изъ Шанхая, черезъ Гонъ-Конгъ въ Суэзъ и оттуда чрезъ Александрію въ Саусгэмптонъ. Изъ ревности къ французской компаніи Суэзскаго канала, пассажиры и грузы направляются обыкновенно не по каналу, а по желѣзной дорогѣ, принадлежащей англичанамъ. Субсидія въ 1 милл. рублей, получаемая компаніею отъ англійскаго правительства, могла бы дозволить ей уменьшить свои тарифы значительно больше, чѣмъ то сдѣлано въ 1870 году; но алчность и недобросовѣстность агентовъ, поглощающихъ огромныя суммы, не позволяетъ этого сдѣлать, ибо и безъ того дивидендъ акціонеровъ не великъ (6%). Что до субсидіи, то она совершенно законна, ибо сверхъ пароходныхъ линій въ Индію, Китай и Японію, компанія содержитъ пустынную линію въ Австралію и перевозитъ по всѣмъ своимъ линіямъ даромъ казенную почту.

3) *Messageries Françaises* — созданіе бонапартовскаго министра Бегика, взлелѣянное субсидіею въ 5.000,000 рублей и при всемъ томъ, едва конкуррирующее съ англичанами, несмотря на равенство тарифовъ и репутацію французской кухни на пароходахъ. Воровство агентовъ здѣсь еще значительнѣе, чѣмъ у P. and O. C°. Рейсы — разъ въ мѣсяцъ между Марселью, Гонъ-Конгомъ и Шанхаемъ, съ перегрузкою въ Гонъ-Конгѣ, гдѣ китайская вѣтвь раздѣляется съ японскою, идущею на Іокогаму. За то нѣтъ перегрузки на Суэзскомъ перешейкѣ, гдѣ пароходы идутъ по каналу. Огромную субсидію отъ правительства можно отчасти извинить тѣмъ, что пароходы M. F. перевозятъ даромъ почту и по уменьшеннымъ цѣнамъ казенные грузы и пассажировъ, которыхъ, со времени завоеванія Кохинхины, всегда есть не мало. Кромѣ того компанія содержитъ пустынную линію на о. С. Морисъ.

Станціи у англичанъ и французовъ между Средиземнымъ моремъ и Шанхаемъ почти однѣ и тѣже, именно:

У англичанъ.	*У французовъ.*
Александрія.	Портъ Саидъ.
Суэзъ.	Суэзъ.
Аденъ.	Аденъ.
Point de Galles.	Point de Galles.

Пуло Кинангъ.	Сингапуръ.
Сингапуръ.	Сайгонъ.
Гонъ-Конгъ.	Гонъ-Конгъ.
Шанхай.	Шанхай.

Всего пути отъ Марсели до Шанхая 42—46 дней, смотря по времени года, съ которымъ измѣняются муссоны Индѣйскаго океана. Вообще лѣто удобнѣе для плаванія изъ Европы въ Китай, зима — изъ Китая въ Европу.

Снабженіе углемъ европейскихъ пароходовъ производится на всѣхъ исчисленныхъ станціяхъ; но особенно стараются пополнять запасы его въ Сингапурѣ, гдѣ онъ всегда дешевъ (8—10 р. за тонну), благодаря подвозу изъ Австраліи и еще болѣе изъ Европы, откуда его привозятъ какъ балластъ, оказывающійся обыкновенно лишнимъ при изобиліи грузовъ въ Сингапурѣ. Дороже всего уголь былъ до послѣдняго времени въ Аденѣ; но теперь и тамъ цѣны на него упали, такъ какъ подвозъ изъ Европы, послѣ прорытія Суэзскаго канала, сдѣлался незатруднителенъ.

Стóитъ замѣтить, что всѣ пароходы, плавающіе между Европою и Китаемъ, сидятъ въ водѣ не бóлѣе 26-ти футовъ и соотвѣтственно этому имѣютъ машины не свыше 600 силъ. Это потому, что порты Суэзскій, Аденскій, Point de Galles, Сингапуръ и Сайгонъ мелки. Въ Шанхай не могутъ даже входить суда съ осадкою болѣе 18-ти футовъ, ибо столько лишь воды имѣется на барѣ въ Вусунгѣ.

4 и 5) *S. S. N. C°.* и *N. C. S. C°*, или какъ ихъ обыкновенно называютъ, компаніи Росселя и Траутмана, содержатъ правильныя и весьма частыя сообщенія между Шанхаемъ и портами по Янъ-цзе и въ Желтомъ морѣ, до Нью-чуаня и Тяньцзина. Пароходы ихъ большіе, способные, напр., принимать до 8,000 ящиковъ чая, но мелко-сидящіе, потому что на барѣ въ Дагу воды не бываетъ болѣе 14-ти футовъ, да и на Янъ-цзе есть перекаты съ 12-ю футами. Тарифы этихъ компаній очень высоки: 5 ланъ (10 р.) изъ Ханькоу въ Шанхай и 6 ланъ (12 р.) изъ Шанхая въ Тяньцзинъ. Этимъ-то тарифамъ мы, русскіе, обязаны тѣмъ, что чай обходится намъ въ Тяньцзинѣ столько же, какъ англичанамъ въ Лондонѣ. Но, разумѣется, ни англійскій, ни американскій, ни даже китайскій народъ никакихъ податей названнымъ компаніямъ не платитъ, а живутъ онѣ, какъ долженъ жить всякій честный коммерсантъ, своимъ умомъ и своими трудами, не допуская даровой или удешевленной перевозки даже для собственныхъ агентовъ и заботясь больше всего, чтобы эти агенты не обкрадывали компанію. Титулованныхъ покровителей-акціонеровъ, которые бы пріучили компанейскія прав-

ленія смотрѣть на государственныя казначейства, какъ на отдѣленія собственныхъ кассъ, у нихъ, разумѣется, нѣтъ.

VI.

Банковыя и промышленныя ассоціаціи въ Китаѣ.

Говоря о внѣшней торговлѣ Китая, коснулись мы почти всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые обыкновенно разсматриваются въ экономическихъ очеркахъ этого рода. Отъ исторіи торговли мы перешли къ изображенію современнаго ея состоянія и познакомились съ ея размѣрами, экономическимъ значеніемъ для страны, распредѣленіемъ по рынкамъ и главнѣйшими статьями торга, а наконецъ упомянули о сообщеніяхъ, которыя существуютъ между Небесною имперіею и Европою. Для общаго знакомства съ внѣшнею торговлею каждаго государства этого было бы достаточно; но торговля на Востокѣ поставлена въ столь своеобразныя условія, что многое въ ней можетъ остаться непонятнымъ,—особливо для людей, интересующихся ею практически,—если не коснуться именно этихъ побочныхъ условій, мощно на нее вліяющихъ. Изъ многихъ подобныхъ условій, съ нѣкоторыми, напр. съ пиратствомъ, съ составомъ европейскаго коммерческаго класса, читатели нашихъ «Очерковъ» познакомились прежде [1]); но о другихъ, напримѣръ, о характерѣ внутренняго торга въ Китаѣ, который собираетъ матеріалы для вывоза за границу и распредѣляетъ по странѣ привезенные изъ-за границы товары, объ устройствѣ и дѣйствіяхъ банковъ въ Небесной имперіи и всякаго рода промышленныхъ компаній, мы ничего не сказали. Попробуемъ же, въ настоящемъ очеркѣ, пополнить, хотя отчасти, недосказанное нами, и именно упомянемъ о банкахъ, страховыхъ обществахъ и промысловыхъ ассоціаціяхъ.

Европейскому негоціанту, естественно, чаще всего приходится имѣть дѣло съ европейскими же банками, устроенными въ разныхъ портахъ Китая. Тамъ онъ реализируетъ свои векселя, тамъ держитъ онъ суммы на текущемъ счету, туда вноситъ деньги за купленные товары. Поэтому упомянемъ, прежде всего, объ нихъ, тѣмъ больше, что число ихъ невелико, а именно:

Chartered Bank of India, Australia and China, главное бюро котораго въ Лондонѣ, а многочисленныя отдѣленія почти во всѣхъ портахъ Востока, между прочимъ въ Гонъ-Конгѣ, Шанхаѣ и Ханькоу.

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы» 1871, мартъ.

Chartered Mercantile Bank of India, London and China есть также лондонскій банкъ, котораго отдѣленія существуютъ въ Гонъ-Конгѣ, Шанхаѣ и Ханькоу.

Oriental Bank Corporation — опять лондонскій банкъ съ отдѣленіями въ Гонъ-Конгѣ, Фу-чжеу-фу и Шанхаѣ.

Comptoire d'Escomptes de Paris — французскій банкъ, имѣющій центральное бюро въ Парижѣ, а отдѣленія въ Гонъ-Конгѣ и Шанхаѣ.

Эти четыре банка суть первоклассныя учрежденія, имѣющія обширную извѣстность повсюду, хотя дающія неодинаковые доходы своимъ акціонерамъ. Оба привилегированные лондонскіе банка (chartered) въ этомъ отношеніи уступаютъ своимъ непривилегированнымъ товарищамъ, конечно потому, что уставы ихъ строже и не дозволяютъ пускаться въ рискованныя предпріятія, которыя, однако, обогащаютъ ихъ соперниковъ. Comptoire d'Escomptes, напр., даетъ въ годъ 13%, а Chartered Bank of India, Australia and China только 6—7%. Чеки и билеты всѣхъ этихъ банковъ на мѣстныхъ рынкахъ суть настоящія денежныя единицы, всегда стоящія al-pari, но, къ сожалѣнію для публики, написанныя большею частію на фиктивныя цѣнности — таели или ланы, вслѣдствіе чего курсъ ихъ на доллары (100 д.=$74^1/_2$ л.), дѣйствительную монету, колеблется, иногда очень внезапно, въ предѣлахъ 3—4%.

Наравнѣ съ четырьмя большими европейскими банками по кредиту и обширности операцій стоитъ и одно мѣстное, восточное учрежденіе: *Hong-Kong and Shanghaï Banking Corporation* — банкъ, основанный капиталистами Гонъ-Конга и Шанхая и пользующійся особою популярностью у китайцевъ, которые имѣютъ свои доли въ основномъ капиталѣ. Главное бюро банка въ Гонъ-Конгѣ; но отдѣленія его находятся въ Сингапурѣ, Сайгонѣ, Фу-чжеу-фу, Амоѣ, Сватоу, Нингпо, Шанхаѣ, Кью-кьянѣ, Ханькоу и Іокогамѣ, не говоря уже про другія, находящіяся въ разныхъ портахъ Азіи и Америки. Билеты и чеки пишутся въ Китаѣ на ланы, а въ Японіи на доллары. Годовой доходъ акціонеровъ банка 13%.

Кромѣ того покупку векселей, особенно на большія европейскія фирмы, охотно производятъ почти всѣ торговые дома Шанхая и Гонъ-Конга, а для коммерческихъ дѣлъ съ Индіей служатъ банки: *Agra Bank Corporation Limited* и *Commercial Bank of India and the East* — оба въ Шанхаѣ. Въ Кантонѣ, нѣкогда центральномъ пунктѣ заграничной торговли Китая, теперь нѣтъ европейскихъ банковъ, благодаря близости Гонъ-Конга, этого дѣйствительнаго средоточія денежныхъ капиталовъ Востока. Всѣ ев-

ропейскіе банки въ китайскихъ портахъ весьма неохотно и лишь за высокіе проценты выдаютъ ссуды подъ залогъ товаровъ, а тѣмъ болѣе недвижимостей; почему операціями этими занимаются частные дома, изъ которыхъ особенно извѣстенъ Сасуна.

Европейскія страховыя общества, съ которыми также безпрерывно приходится имѣть дѣло лицамъ, занимающимся торговлею въ Китаѣ, очень многочисленны (66), и потому было бы неумѣстно ихъ здѣсь исчислять. Но какъ нѣкоторыя изъ нихъ основаны европейцами уже въ самомъ Китаѣ и отчасти при содѣйствіи китайскихъ капиталовъ, то будетъ нелишнимъ упомянуть именно объ этого рода обществахъ. Ихъ всего восемь:

Canton Insurance Company—въ Кантонѣ, Гонъ-Конгѣ, Амоѣ, Фу-чжеу-фу, Нингпо, Шанхаѣ, Чинъ-кьянѣ.

China Traders Insurance Company — въ Гонъ-Конгѣ, Шанхаѣ, Ханькоу, Нингпо, Амоѣ, Сватоу, Кантонѣ.

China Fire Insurance Company — въ Шанхаѣ и Кью-кьянѣ.

China and Japan Marine Insurance Company — въ Шанхаѣ, и Гонъ-Конгѣ.

Hong-Kong Fire Insurance Company—въ Гонъ-Конгѣ, Амоѣ, Фу-чжеу-фу, Шанхаѣ, Кью-кьянѣ.

North China Insurance Company — въ Шанхаѣ, Гонъ-Конгѣ, Фу-чжеу-фу, Нингпо, Сватоу, Амоѣ, Тяньцзинѣ, Тамсуѣ.

Union Insurance Society of Canton — въ Кантонѣ, Гонъ-Конгѣ, Амоѣ, Нингпо, Шанхаѣ, Чифу.

Yangtze Insurance Association — въ Шанхаѣ, Гонъ-Конгѣ, Кантонѣ, Фу-чжеу-фу, Нингпо, Чинъ-кьянѣ, Ханькоу, Чифу.

Полный перечень всѣхъ европейскихъ и американскихъ страховыхъ компаній на Востокѣ лица интересующіяся могутъ найти въ «Hong-Kong Directory», любопытномъ статистическомъ альманахѣ, выходящемъ въ Гонъ-Конгѣ. Здѣсь замѣтимъ, что сами китайцы рѣдко прибѣгаютъ къ страхованію, и это служитъ одною изъ причинъ, почему у нихъ всѣ товары дешевле, чѣмъ у европейцевъ. Кажущаяся эта непредусмотрительность объясняется довольно естественно тѣмъ, что до сихъ поръ собственно китайскія суда плаваютъ почти исключительно вдоль береговъ, имъ хорошо знакомыхъ, а въ далекія заграничныя плаванія китайскіе продукты идутъ уже какъ собственность европейскихъ купцовъ. Страхованія же складовъ и домовъ китайцы не производятъ потому, что большая часть ихъ магазиновъ каменные, а дома потребовали бы уплаты очень высокихъ процентовъ, благодаря сгущенному ихъ расположенію и употребленію на постройку массы дерева. Впрочемъ, европейскія страховыя компаніи, не смотря на слабое участіе въ ихъ дѣлахъ туземцевъ Китая, успѣваютъ выручать постоянно хорошіе дивиденды, потому что пре-

міи у нихъ очень высоки, а обычай страхованія грузовъ, кораблей и разнаго рода зданій утвердился прочно у европейцевъ во всѣхъ портовыхъ городахъ Небесной имперіи.

Объ организаціи европейскихъ товариществъ, банковыхъ ли, страховыхъ ли, нѣтъ, конечно, надобности распространяться, потому что она та же, что и въ Европѣ. Но замѣтимъ, какъ характеристическую особенность, что, несмотря на дѣятельное участіе въ этихъ обществахъ — равно какъ и въ пароходныхъ компаніяхъ — китайскихъ капиталистовъ, послѣдніе вовсе не участвуютъ въ администраціи ихъ. Въ этомъ случаѣ европейцы неумолимы, и нѣтъ примѣра, даже въ Гонъ-Конгѣ, чтобы какой-либо капиталистъ-китаецъ былъ директоромъ или хоть членомъ совѣта европейскаго финансоваго учрежденія [1]). Отговоркою обыкновенно служитъ слишкомъ условная честность китайцевъ, или, проще, наклонность ихъ къ плутовству; но, на самомъ дѣлѣ, отстраненіе обитателей Небесной имперіи отъ европейскихъ коммерческихъ учрежденій объясняется только своекорыстіемъ самихъ европейцевъ и желаніемъ вести все въ тайнѣ отъ китайцевъ, какъ весьма смышленыхъ торговыхъ соперниковъ.

Впрочемъ, китайцы и не хлопочутъ много о томъ, чтобы вмѣшиваться въ дѣла европейскихъ торговыхъ ассоціацій. Довольствуясь полученіемъ отъ нихъ дивиденда и прочностью помѣщенія у нихъ капиталовъ, они главное вниманіе обращаютъ на свои національныя промышленныя товарищества, которыя весьма многочисленны и дѣйствуютъ во всемъ Китаѣ. Европейцамъ уже издавна былъ извѣстенъ одинъ изъ типовъ этихъ промышленныхъ компаній, именно товарищества *хонъ*, которыя возникаютъ съ цѣлью поддерживать цѣны и монополизировать торговлю съ иностранцами. Но, въ наше время, болѣе близкое изученіе Китая раскрыло множество новыхъ формъ торговыхъ ассоціацій, и о нихъ-то мы распространимся нѣсколько здѣсь, руководствуясь главнѣйше изысканіями итальянца Черутти и француза Симона, двухъ давнишнихъ обитателей Небесной имперіи и отличныхъ знатоковъ экономическаго быта ея.

Банки. Китай не имѣетъ центральнаго государственнаго банка, ни казеннаго, ни частнаго. Для банковыхъ операцій правительства существуютъ частные провинціальные банки, которые однако же стоятъ внѣ всякаго контроля администраціи. Правительство, въ нужныхъ случаяхъ, обращается къ нимъ за деньгами, возлагаетъ на нихъ уплаты, поручаетъ имъ сборъ поступающихъ въ казну налоговъ; но во всемъ этомъ относится къ нимъ почти какъ частное лицо, платя коммиссіонный процентъ.

[1]) Но въ частныхъ домахъ всѣ компрадоры, т.-е. кассиры и факторы—китайцы.

Банки, за которыми установилась, такъ-сказать, привилегія правительственныхъ сдѣлокъ, не имѣютъ однако же права выпускать въ публику билеты или другія бумаги ни за счетъ правительства, ни отъ себя. Исключеніе составляютъ нѣкоторые банковые дома въ Пекинѣ и въ областяхъ Чжили, Сань-си и Шень-си, гдѣ ходятъ бумажки, чисто впрочемъ мѣстной цѣнности, такъ-сказать чеки тамошнихъ банковъ, которые за стѣнами своего города не имѣютъ цѣны. Въ Пекинѣ эти ассигнаціи бываютъ иногда на очень небольшія суммы: копѣекъ на 25—30, что, впрочемъ, не возбуждаетъ ропота публики, а напротивъ служитъ удобствомъ. По неимѣнію въ Китаѣ серебряной монеты и по крайнему неудобству мѣдной, было бы трудно дѣлать многія расплаты безъ мелкихъ бумажекъ. Пекинъ обширенъ, и въ немъ не мало движенія на однихъ извозчикахъ; мелочныя покупки провизіи и предметовъ домашняго обихода также оплачиваются бумажками. Но въ другихъ городахъ, особенно въ среднемъ и южномъ Китаѣ, даже и такія бумажки на предъявителя не существуютъ. Ихъ замѣняютъ книжки или чеки именные, по которымъ разсчеты производятся между прикащиками различныхъ банковъ либо ежедневно, либо въ какіе-нибудь другіе сроки, но во всякомъ случаѣ не рѣже, какъ въ годъ разъ; ибо, по принятому въ Китаѣ обыкновенію, всѣ долги должны быть уплачены къ концу года, и каждый начинающійся годъ не наслѣдуетъ никакихъ финансовыхъ разсчетовъ отъ предыдущаго. Бумажныхъ денегъ—этого зла, которое разрушаетъ кредитъ многихъ европейскихъ государствъ и служитъ къ извлеченію изъ нихъ драгоцѣнныхъ металловъ, Китай вовсе не знаетъ, и всѣ попытки ввести ихъ оканчивались неудачею. Въ «Трудахъ Пекинской Миссіи» есть статья объ этомъ предметѣ, довольно логично излагающая причины такого неуспѣха, со словъ одного оффиціальнаго доклада.

Но если китайскіе банки, благодаря практическому, здравому уму населенія, лишены возможности эксплуатировать общество помощью самой нахальной, но, конечно, и самой выгодной для нихъ операціи, выпуска al-pari безпроцентныхъ бумагъ; то въ замѣнъ того они дѣлаютъ чрезвычайно обширные обороты по текущимъ счетамъ, по ссудамъ и по учету коммерческихъ бумагъ, обращающихся между частными лицами. Можно даже-сказать, что несуществованіе золотой и серебряной монеты передаетъ въ ихъ руки все денежное обращеніе страны. Всякій мало-мальски зажиточный горожанинъ-китаецъ имѣетъ свой банкъ, куда кладетъ свои сбереженія и гдѣ за это пользуется кредитомъ на вдвое бо́льшую сумму. Книжки, выдаваемыя ему банкомъ, служатъ для разсчетовъ, такъ что на одной сторонѣ каждаго листа

банкъ записываетъ ему весь дебетъ, т.-е. суммы имъ или на его имя внесенныя, а на другой весь кредитъ. Кредитора, имѣющаго получить деньги, или должника, желающаго ихъ уплатить, обращаютъ въ банкъ, а вечеромъ посылаютъ туда слугу съ книжкой для записи операціи. Такимъ образомъ устраняется множество сложныхъ канцелярскихъ формальностей, свойственныхъ нашимъ банкамъ, и дѣло ведется на чистоту, ибо сдѣлки одного дня, будучи всегда въ свѣжей памяти, никогда не могутъ подать повода къ спорамъ между частнымъ лицомъ и банкомъ. Суммы, которыя такимъ образомъ банки держатъ у себя на текущемъ счету, служатъ имъ для большихъ оборотовъ по выдачѣ ссуды и по уплатѣ за переводныя письма, присылаемыя изъ другихъ городовъ, что совершенно почти устраняетъ необходимость перевозки серебра, единственнаго драгоцѣннаго металла, обращающагося въ Китаѣ. Прибавимъ, что всѣ переводныя бумаги выдаются на самые короткіе сроки, можно сказать *à vue*, такъ что трехъ и шестимѣсячные банковые векселя вовсе не существуютъ.

Депозитно-учетные банки суть весьма древнія учрежденія въ Небесной имперіи и совершенно вошли въ нравы страны. Говорятъ, что первоначально они образовались изъ сохранныхъ казенъ, которыя возникали въ городахъ вслѣдствіе того, что всѣ китайскія постройки въ древности были деревянныя и что поэтому жители старались свои избытки беречь въ особыхъ, болѣе надежныхъ зданіяхъ[1]), гдѣ и возникли потомъ конторы ссудъ. Не вдаваясь въ подробности прошедшаго этихъ учрежденій, можно однако замѣтить, что китайское преданіе рѣзко различается отъ первоначальной исторіи европейскихъ банковъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, были первоначально мѣняльными лавками, *banco*, отъ чего произошло и самое ихъ названіе. Мѣняльныя лавочки очевидно были достояніемъ *частныхъ лицъ*, тогда какъ въ Китаѣ первыя банковыя учрежденія возникли по почину *ассоціацій*. Этотъ типъ денежныхъ корпорацій, это начало взаимнаго содѣйствія сохранились и доселѣ въ силѣ на всемъ пространствѣ Небесной имперіи и проявляются во множествѣ какъ большихъ, такъ и мелкихъ товариществъ. И замѣчательно, что членами ассоціацій обыкновенно бываютъ земляки, сограждане и даже сосѣди, не допускающіе въ нихъ чуждыхъ людей. Такъ есть банки и торговыя компаніи саньсійскіе, фуцзяньскіе, кантонскіе и т. п., точно такъ, какъ артели рабочихъ, лодочниковъ и пр. изъ Нингпо, изъ Шань-Дуни. Эта близость товарищей-пайщиковъ объясняетъ, почему дѣла внутри

[1]) Нѣчто подобное тому мы видимъ теперь въ Японіи.

ассоціаціи идутъ большею частью на вѣру, чѣмъ самымъ устраняется много формальностей, какъ у насъ въ артеляхъ.

Китайскіе банки должны имѣть очень хорошіе барыши отъ своихъ операцій. Обыкновенный годовой процентъ по заемнымъ обязательствамъ частныхъ лицъ есть 30—40%; даже самыя солидныя фирмы платятъ 20—30%. Конечно, банки, какъ и все въ Китаѣ, платятъ тяжелые оброки чиновникамъ, этимъ вампирамъ азіатскихъ народовъ; но, за всѣмъ тѣмъ, они могутъ процвѣтать какъ не процвѣтаетъ ни одинъ европейскій банкъ, если только сами не вдадутся въ рискованныя предпріятія. Къ сожалѣнію, эти рискованныя операціи—очень обыкновенное дѣло у китайскихъ банкировъ, особенно желающихъ скораго обогащенія. Оттого частыя банкротства, ведущія къ разоренію пайщиковъ и кредиторовъ. Законъ мало гарантируетъ этихъ лицъ отъ произвола дирекцій банковъ. Оттого въ Шанхаѣ и другихъ открытыхъ портахъ многіе солидные китайскіе дома предпочитаютъ, въ послѣднее время, имѣть дѣла съ европейскими банками, хотя они даютъ меньше барышей вкладчикамъ и обременяютъ при производствѣ операцій нѣкоторыми формальностями. Впрочемъ, существованіе европейскихъ банковъ въ открытыхъ портахъ Китая отнюдь не исключаетъ изъ нихъ банковъ туземныхъ, хотя, быть можетъ, понижаетъ коммиссіонные ихъ проценты. Шанхайскіе банки, напримѣръ, производятъ обширныя операціи, особенно по торговлѣ шелкомъ и чаемъ, которые свозятся въ Шанхай изъ разныхъ, часто очень отдаленныхъ провинцій Китая, и соперничество, на *мѣстномъ* рынкѣ, шести европейскихъ банковъ нисколько имъ не вредитъ по большей части оборотовъ. Въ случаѣ кризисовъ или опасностей, китайскіе банки дружно поддерживаютъ другъ друга.

Мелкія промышленныя товарищества, о которыхъ мы теперь скажемъ, столь же свойственны Китаю, какъ и банки или компаніи купцовъ хонъ. Мало того, онѣ охватываютъ почти все рабочее населеніе Небесной имперіи и отличаются многими такими особенностями, что могли бы, до извѣстной степени, служить предметомъ подражанія для европейскихъ ассоціацій. Устройство ихъ было недавно предметомъ любопытнаго изслѣдованія г. Симона, французскаго консула въ Нингпо, который, подобно многимъ своимъ западно-европейскимъ собратамъ, занимается усердно изученіемъ не археологическаго, не книжнаго, не оффиціальнаго, а дѣйствительнаго, живого Китая. Вотъ что говоритъ Симонъ въ статьѣ, напечатанной въ «Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society», 1869 года: «Ни въ одной странѣ плодотворное начало ассоціаціи не получаетъ столь частыхъ приложеній, какъ въ Китаѣ. Соединяются

для общихъ предпріятій въ городахъ и въ селеніяхъ. Богатые капиталисты складываются, чтобы учредить могущественные банки; бѣдные земледѣльцы, чтобы купить быка, который имъ нуженъ для работъ. Мелкіе торгаши входятъ въ товарищества, чтобы основать богатыя торговыя фирмы; уличные нищіе спѣшатъ сдѣлать складку изъ собранныхъ чоховъ, чтобы одинъ за другимъ начать торговлю фруктами или пирожками. Мандаринъ, который желаетъ подвинуться по службѣ, приглашаетъ своихъ друзей и родныхъ къ участію въ составленіи суммы, нужной ему для поѣздки въ столицу и для уплаты за мѣсто. Матери семействъ складываются, чтобы одѣвать дѣтей, слуги—чтобы поскорѣе стать самостоятельными людьми, мелкими торгашами, а потомъ и капиталистами. Вступаютъ въ промышленныя ассоціаціи на годъ, на мѣсяцъ, на недѣлю; дѣлаютъ складчины родные, друзья, сосѣди и иногда даже люди вовсе незнакомые другъ другу, такъ что въ провинціи съ 25—30 милліонами жителей нѣтъ, можетъ быть, и тысячи, которые бы не были, не бывали или не собирались быть членами промышленныхъ ассоціацій».

Есть ассоціаціи, утвержденныя закономъ: это — тѣ, которыхъ предпріятія имѣютъ извѣстную общественную важность (таковы, наприм., были компаніи хонъ въ Кантонѣ и Кяхтѣ, таковы нѣкоторые банки); но огромное большинство *хой-цзянь*, т.-е. денежныхъ товариществъ, есть просто результатъ частныхъ сдѣлокъ, вовсе неизвѣстныхъ властямъ или только терпимыхъ ими. Ихъ главная цѣль—дать недостаточному человѣку средства для полезной дѣятельности, избавить его отъ платы разорительныхъ процентовъ и доставить возможность возвращать капиталъ по частямъ, въ долгіе сроки. Бываютъ даже случаи, когда заемный процентъ равенъ нулю.

То важное неудобство китайскихъ хой-цзянь, что онѣ открываютъ только долгосрочный кредитъ и связываютъ надолго членовъ товарищества, окупается для китайцевъ тѣмъ, что каждый членъ ассоціаціи, въ свою очередь, пользуется выгодами кредита, получая въ свое распоряженіе значительную сумму денегъ. Статуты нѣкоторыхъ изъ подобныхъ товариществъ, приведенные ниже, дадутъ обстоятельное понятіе о предметѣ; здѣсь же разсмотримъ сначала случаи и способы образованія хой-цзяней. Онѣ получаютъ начало:

Когда земледѣлецъ имѣетъ нужду въ деньгахъ, чтобы купить землю, рабочую лошадь и т. п., или же приналять поле или домъ.

Когда молодой работникъ хочетъ завести самостоятельное фермерское хозяйство и хлопочетъ о пріобрѣтеніи земледѣльческихъ орудій и о наймѣ земли.

Когда купеческій прикащикъ желаетъ сдѣлаться купцомъ или купецъ желаетъ расширить свою торговлю.

Когда молодой человѣкъ находится въ затрудненіи продолжать свои учебныя занятія — случай возникновенія ассоціаціи, мало извѣстный въ просвѣщенной Европѣ, а въ нѣкоторыхъ полу-варварскихъ странахъ даже гонимый.

Когда бѣдная мать семейства хочетъ отдать замужъ дочь или имѣетъ какія-нибудь другія необычайныя надобности.

Когда мелкій чиновникъ хочетъ получить лучшее мѣсто и для этого заискать вниманіе высшихъ властей подарками.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нуждающійся въ деньгахъ, если не имѣетъ богатыхъ родственниковъ, которые бы ссудили ему на домашнихъ условіяхъ, прибѣгаетъ къ образованію ассоціаціи хой-цзянь. Для этого онъ обращается къ своимъ близкимъ и друзьямъ, изъясняетъ имъ свою нужду и проситъ принять отъ него угощеніе, во время котораго и условливаются относительно продолжительности существованія ассоціаціи, уставовъ ея, количества и качества серебра, подлежащаго взносу, и даже вѣсовъ, на которыхъ оно будетъ взвѣшиваемо. Когда условіе заключено, тогда опредѣляютъ очередь или нумерацію членовъ, соотвѣтственно которой они будутъ пользоваться выгодами ассоціаціи. Первый нумеръ, конечно, всегда принадлежитъ нуждающемуся въ данную минуту основателю товарищества; другіе распредѣляются по жребію.

По окончаніи этого, «товарищи» вносятъ деньги соотвѣтственно разсчету, предварительно сдѣланному и основанному на существѣ сдѣлки, между ними состоявшейся, и передаютъ ихъ нуждающемуся. Послѣдующія операціи общества состоятъ въ слѣдующемъ:

№ 1-й, то-есть первоначальный заемщикъ, черезъ годъ или вообще черезъ назначенный срокъ вноситъ обратно опредѣленную часть долга и процентовъ; № 2-й, не платя уже ничего, получаетъ эту сумму, а равно и всѣ тѣ деньги, которыя внесутъ прочіе члены товарищества, по разсчету. За это онъ угощаетъ публику и становится какъ-бы капиталистомъ.

На слѣдующій годъ тѣмъ же преимуществомъ пользуется № 3-й, а всѣ прочіе платятъ свои доли. Въ концѣ третьяго года то же повторяется съ № 4-мъ, и т. д., до послѣдняго года, когда, не платя уже ничего, получаетъ всю складку послѣдній нумеръ.

Чтобы дать ясное понятіе о раскладкѣ уплатъ и полученій, приведемъ здѣсь одну изъ многихъ таблицъ, представленныхъ Симономъ. Таблица эта употребляется для разсчетовъ въ такихъ хой-цзяняхъ, которыя называются *су-чжеускими*, отъ имени

города Су-чжеу, въ которомъ возникла первая ассоціація этого рода.

Общество предполагается состоящимъ изъ одиннадцати членовъ и складочный капиталъ его опредѣляется въ 100 ланъ, которые въ первый годъ вносятся всѣми членами, кромѣ № 1-го, въ слѣдующемъ размѣрѣ:

№ 2-й	$15^1/_2$ ланъ.	№ 7-й	$8^1/_2$ ланъ.
3-й	$14^1/_2$	8-й	$7^1/_2$
4-й	$13^1/_2$	9-й	$6^1/_2$
5-й	$12^1/_2$	10-й	$5^1/_2$
6-й	$11^1/_2$	11-й	$4^1/_2$

Эти 100 ланъ передаются № 1-му и въ теченіе года служатъ ему для его оборотовъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны кредиторовъ-товарищей. Затѣмъ въ концѣ перваго года онъ вноситъ въ общую кассу $15^1/_2$ ланъ и продолжаетъ вносить такую же сумму ежегодно, до конца ассоціаціи, то-есть до одиннадцатой сходки. Прочіе товарищи на второй годъ вносятъ:

№ 3-й	$14^1/_2$ ланъ.	№ 8-й	$7^1/_2$ ланъ.
4-й	$13^1/_2$	9-й	$6^1/_2$
5-й	$12^1/_2$	10-й	$5^1/_2$
6-й	$11^1/_2$	11-й	$4^1/_2$
7-й	$8^1/_2$		100

Вся эта сумма передается № 2-му, и т. д. Выходитъ, что всякій въ свое время получаетъ по 100 ланъ; но платитъ въ общую кассу меньше всѣхъ (45 ланъ) тотъ, кто стоитъ въ послѣднемъ нумерѣ, а больше всѣхъ (155 ланъ) тотъ, кто получилъ деньги въ первый годъ и пользовался ими всѣми или отчасти цѣлыя десять лѣтъ. Проценты тутъ очевидно очень невелики, именно не болѣе 5% въ годъ, а расплата очень легка. Аккуратность взносовъ обезпечивается тѣмъ, что не уплатившій своего въ срокъ исключается изъ ассоціаціи и становится съ той минуты человѣкомъ обезчещеннымъ передъ всѣми.

Въ товариществѣ *чже-конгскомъ*, названномъ такъ по имени изобрѣтателя этого типа хой-цзяней, нѣкоего Чже-Конга, разсчетъ дѣлается иначе. Именно, въ первый годъ изъ одиннадцати членовъ ассоціаціи десятеро вносятъ по 10 ланъ каждый и вся сумма, 100 ланъ, отдается № 1-му. По истеченіи года этотъ № 1-й уплачиваетъ 20 ланъ и продолжаетъ тоже дѣлать до конца шестого года, послѣ чего уплаты съ его стороны прекращаются, ибо онъ внесъ уже 120 ланъ, то-есть возвратилъ капиталъ съ процентами. Всѣ остальные товарищи, кромѣ № 2-го, на второй сходкѣ уплачиваютъ лишь по 8.89 ланъ, и составленную такимъ образомъ сумму 100 ланъ передаютъ этому

№ 2-му. На третій годъ первые два нумера платятъ по 20 ланъ, а всѣ прочіе, начиная съ четвертаго, по 7.5 ланъ, и т. д. Въ концѣ шестого года окончательно перестаетъ платить № 1-й, а потомъ и другіе товарищи, поочередно, такъ что на двѣнадцатой сходкѣ вносятъ по 20 ланъ, лишь №№ 6, 7, 8, 9, 10 и 11-й. Эта сумма распредѣляется, для уравненія выгодъ каждаго участника, по особой табличкѣ, которую здѣсь помѣщать было бы неудобно.

Въ третьемъ типѣ хой-цзяней, такъ-называемомъ *цзянъ-суйскомъ* обществѣ, есть та особенность, что основатель общества вноситъ свои 100 ланъ съ разсрочками, но безъ процентовъ. Итакъ далѣе: разсчеты между членами хой-цзяней дѣлаются очень разнообразными способами.

Изъ этого краткаго очерка мелкихъ китайскихъ промышленныхъ товариществъ не трудно понять, на какой практической почвѣ стоятъ онѣ, и какъ полезно было бы подробное ознакомленіе съ ними нашихъ и европейскихъ работниковъ и другихъ бѣдныхъ людей. Совершенно чуждыя соціалистскаго характера, въ дурномъ смыслѣ этого слова, нисколько не стѣсняя личной иниціативы каждаго участника, давая ему возможность заработывать пропорціонально труду и способностямъ, безъ всякаго стѣсненія отъ товарищей,—онѣ, безъ сомнѣнія, способны были бы помочь экономическому быту бѣднѣйшихъ классовъ нашего населенія. Мало того: требуя строгой честности, воздержности и правильнаго труда, не пріучая человѣка надѣяться на стачки, которыхъ обычный результатъ такъ печаленъ для бѣдняковъ и ведетъ къ столькимъ насиліямъ, онѣ способны удерживать людей на пути честнаго и правильнаго преуспѣянія и выручать ихъ въ самыя трудныя минуты жизни, не нарушая ничьихъ интересовъ. Сколько бы молодыхъ людей сохранились физически крѣпкими и нравственно чистыми, еслибы при началѣ карьеры они получали сразу достаточныя для обзаведенія и правильной дѣятельности средства! Сколько бы бѣдныхъ, но честныхъ невѣстъ избѣгли паденія черезъ своевременное замужство, еслибы имѣли хоть небольшое приданое! Сколько бы энергическихъ и способныхъ, но несчастливыхъ, недостаточныхъ людей, достигли высокой степени благосостоянія, еслибы могли у насъ пользоваться, но «варварскому», китайскому способу, благодѣяніями дешеваго взаимнаго кредита....

М. Венюковъ.

ЖЕНСКІЕ ТИПЫ

ВЪ РОМАНАХЪ

А. ТРОЛЛОПА.

I.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ таланта Троллопа, безъ сомнѣнія,—искусство его рисовать женскіе типы [1]... Въ этомъ отношеніи Троллопъ стоитъ гораздо выше большинства талантливыхъ беллетристовъ. Удачные, живые женскіе типы рѣдкость въ беллетристикѣ всѣхъ націй. У писательницъ женскимъ типамъ, по большей части, недостаетъ рельефности, а у писателей этимъ типамъ обыкновенно недостаетъ живости. Послѣдняя трудность зависитъ отъ того, что авторъ-мужчина только посредствомъ ряда усилій можетъ вести постепенное развитіе избраннаго имъ женскаго лица. Особое положеніе и особенное воспитаніе женщинъ до сихъ поръ обусловливаютъ значительное различіе между мужчинами и женщинами не только въ общемъ взглядѣ на вещи, но и въ воспріятіи впечатлѣній и еще въ тѣхъ умственныхъ методахъ и путяхъ, какими тѣ и другіе приходятъ къ заключеніямъ и рѣшеніямъ. Изображеніе женскаго лица авторомъ-мужчиною можетъ быть превосходно, пока онъ говоритъ самъ, пока изображеніе происходитъ его анализомъ: это—апріорическое изображеніе женскихъ типовъ у

[1]) Мы имѣли уже случай познакомить нашихъ читателей вообще съ талантомъ и дѣятельностью Троллопа: см. въ 1870 г. авг. 613 и окт. 667 стр.

авторовъ-мужчинъ бываетъ обыкновенно даже лучше, чѣмъ у писательницъ; оно бываетъ рельефнѣе, быть можетъ потому именно, что предметъ имъ менѣе близокъ, не такъ досконально знакомъ. Объ описаніи внѣшности и говорить нечего, это у писателей выходитъ всегда лучше, чѣмъ у писательницъ. Но какъ только выводимыя женскія личности начинаютъ говорить сами, какъ скоро авторъ предоставляетъ имъ дорисовывать самихъ себя — то, по большей части, тотчасъ оказывается сухость, безжизненность или, какъ бы авторъ ни усиливался вложить въ эти рѣчи и эти поступки побольше души — все не звучитъ та струна, которая дала бы читателю знакомый ему звукъ, напомнила бы ему то именно выраженіе, которое ему фамильярно, но котораго онъ самъ ни анализировать, ни воспроизвесть не можетъ.

Авторы такъ хорошо знаютъ эту трудность, что предпочитаютъ именно сами объясняться за своихъ героинь, и еслибы счесть въ любомъ романѣ, написанномъ мужчиною, слова, вложенныя въ уста героевъ и героинь, то это могло бы послужить опроверженіемъ предразсудка о женской рѣчистости. Мало того: чтобы превозмочь трудность въ рисованіи женскихъ типовъ, авторы прибѣгаютъ обыкновенно къ какой-нибудь оригинальности и затѣмъ на ней и выѣзжаютъ, такъ какъ, конечно, гораздо легче справляться на каждомъ шагу съ одной какой-либо особенностью, чѣмъ растирать вновь всѣ свои краски и дѣлать выборъ оттѣнковъ. Отъ этого происходитъ, что женскіе типы, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ у авторовъ оригинальнѣе, но вмѣстѣ и безжизненнѣе мужскихъ. И вотъ почему А. Троллопъ, еслибы у него даже не было иныхъ качествъ, уже по одному своему умѣнью мастерски рисовать женскіе типы заслуживалъ бы названіе художника весьма замѣтнаго въ ряду современныхъ беллетристовъ.

Любая женская личность, за которую онъ возьмется, выходитъ у него необыкновенно-живо, потому, что въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ подмѣченномъ жестѣ она совершенно вѣрна именно той сокровенной для насъ дѣйствительности, которую мы однакоже способны тотчасъ узнавать. — По самому свойству этого анализа, по выдержанности самыхъ тонкихъ оттѣнковъ и всегдашней вѣрности колорита — это спеціальное искусство нашего автора не можетъ быть передано въ краткомъ этюдѣ. Въ подтвержденіе нашего отзыва мы можемъ только сослаться на примѣры. А примѣромъ можетъ служить любой женскій типъ въ романахъ этого беллетриста. И замѣтимъ, что именно въ тѣхъ женскихъ типахъ, которымъ авторъ

придалъ менѣе исключительности, оригинальности, въ нихъ-то именно всего удивительнѣе та жизненность, та сила колорита, какою съумѣлъ ихъ облечь Троллопъ.

Но этимъ мы не хотимъ сказать, что у Троллопа нѣтъ оригинальныхъ женскихъ типовъ. Ихъ не мало, хотя вообще этотъ авторъ отличается не столько оригинальностью, сколько вѣрностью въ изображеніи окружающаго его общества. Удачно выходятъ у него не только тѣ миссъ, которыхъ назначеніе въ романѣ—обворожать героевъ и приковывать къ судьбамъ своимъ вниманіе читателей. И старушки, чопорныя или простыя, и педантки—посѣтительницы методистскихъ вечернихъ чайныхъ собраній, и свѣтскія, блестящія, порою бездушныя дамы, и исключительно—страстныя женщины, и свѣтскія умницы, и женщины вульгарныя, и — камень преткновенія почти для всѣхъ беллетристовъ — обыкновенныя, что называется, нѣжныя матери семействъ, вѣрныя подруги жизни — вся эта длинная галлерея женскихъ портретовъ заслуживаетъ вниманія, а мѣстами блещетъ замѣчательными красотами. Страстная, почти безразсудная, остроумная и въ тоже время сохранившая въ себѣ столько чисто-дѣтской наивности и сердечности леди Гленкора Паллизеръ [1]), честолюбивая, необыкновенно умная и чувствительная м-ссъ Гослеръ [2]), бездушная, какъ-то ледянисто-кокетливая леди Домбелло [3]), злая, но добродѣтельная педантка м-ссъ Преймъ [4]), чопорная, но истинно-добрая старушка леди Лофтонъ [5]), надменная и жестокая леди Десмондъ [6]) или эгоистичная и злая леди де-Курси, порядочно крутая, но славная старушка миссъ Стэнбэри [7]), причудливая, откровенная и смѣлая пожилая невѣста миссъ Донстэбль [8]), добродѣтельная, но весьма нелишенная хитрости м-ссъ Грэнтли [9]) и страшная деспотка и ханжа м-ссъ Проуди [10]) — какое разнообразіе въ этой коллекціи портретовъ, какъ всѣ они реальны, живы и какое отсутствіе малѣйшаго произвола въ ихъ чертахъ и позахъ, и въ самой манерѣ художника.

---

[1]) Can you forgive her.
[2]) Phineas Finn.
[3]) The Small House at Allington.
[4]) Rachel Ray.
[5]) Framley Parsonage.
[6]) Castle Richmond.
[7]) He knew he was right.
[8]) Doctor Thorne.
[9]) Last chronicle of Barset.
[10]) Barchester Towwers.

А молодыя дѣвицы, главныя героини англійскихъ романовъ, назначенныхъ для семейнаго чтенія: какія увлекательныя фигуры ихъ умѣетъ рисовать Тролоппъ! Здѣсь, въ коллекціи этихъ фигуръ, конечно, меньше разнообразія. Въ тѣхъ слояхъ общества, которые изучалъ Троллопъ, то-есть не *ниже* (допускаемъ это выраженіе для краткости) бѣднаго, но образованнаго пасторскаго семейства, воспитаніе дѣвушекъ въ Англіи довольно однообразно; бо́льшее или меньшее развитіе воспитательнаго плана зависитъ, разумѣется, отъ средствъ, которыя весьма различны и въ этихъ слояхъ, обнимающихъ собою и голодающее семейство пастора Кроули, и богатѣйшихъ аристократовъ Паллизеровъ и такихъ богачей-промышленниковъ, какъ сэръ Люисъ Скатчердъ или отецъ миссъ Донстэбль, изобрѣтатель «ливанскаго масла». По различію средствъ и исполненіе воспитательнаго плана весьма различно, но однообразіе тутъ все-таки есть и зависитъ оно оттого, что самый планъ-то и духъ воспитанія дѣвушекъ во всѣхъ этихъ сферахъ англійскаго общества тѣже самыя. Сверхъ того, понятно, что въ типахъ молодыхъ дѣвушекъ не можетъ быть такого разнообразія, какъ въ типахъ женщинъ уже и потому, что границы дѣятельности здѣсь гораздо у́же и внѣшнія условія жизни еще не успѣли такъ повліять на нихъ, чтобы дать полное развитіе характеру. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, эти внѣшія условія лѣтъ до шестнадцати вовсе и не касаются дѣвушки, въ англійскомъ обществѣ. До 16-ти лѣтъ она совершенно принадлежитъ «дому», и въ самомъ домѣ принадлежитъ еще особой области, которую составляютъ дѣтская (nursery) и школьная комнаты (schoolroom). Только съ 17-ти лѣтъ она начинаетъ понемногу «выѣзжать», т.-е. являться въ общество, при чемъ все-таки еще года два, даже три считается слишкомъ молодою для выхода замужъ.

Итакъ, молодая дѣвушка въ Англіи, пока внѣшнія обстоятельства не разовьютъ въ ней особенности характера, есть продуктъ nursery и schoolroom. А всѣ nurseries и всѣ schoolrooms въ англійскомъ обществѣ ведутся совершенно по одной системѣ. Нѣтъ другой страны въ мірѣ, въ которой на всѣ постоянныя условія быта было бы столько готовыхъ, общепринятыхъ образцовъ, какъ въ Англіи. Это и обусловливаетъ однообразіе до нѣкоторой степени и, въ особенности, до нѣкоторой поры. Правда, общепринятость и обязательность готовыхъ образцовъ для воспитанія и самаго образа жизни и создаютъ въ Англіи нѣкоторую узкость и нѣкоторый педантизмъ. Обязательность этихъ образцовъ въ англійской жизни и духъ нетерпимости и презрѣнія, съ какимъ англичане склонны относиться ко всему,

чтó съ этими образцами несходно, напоминаютъ непреложность католическихъ догматовъ и тотъ духъ нетерпимости и исключительности, который внѣ этихъ догматовъ не признаетъ возможности спасенія.

Все это правда. Но эту правду нельзя признать безъ оговорокъ, ибо неполная правда можетъ быть понята въ смыслѣ ложномъ. Правда, что когда есть на лицо готовые образцы для воспитанія и когда образцы эти считаются обязательными для всѣхъ семействъ, имѣющихъ право или хотя бы притязаніе на respectability, то въ этомъ есть и доля педантизма и стѣсненіе. Но слѣдуетъ однако имѣть въ виду, каковы именно главныя цѣли, которыя поставило себѣ такое образцовое, общеобязательное домашнее воспитаніе въ Англіи. А если цѣли эти, какъ въ воспитаніи англійскомъ, состоятъ въ укрѣпленіи характера, сообщеніи реальныхъ свѣдѣній о жизни, въ образованіи, а не въ приниженіи воли, наконецъ въ доставленіи возможно-большаго умственнаго развитія, то вѣдь придется сказать, что такое стѣсненіе, пожалуй, гораздо лучше той полной воспитательной свободы, какая существуетъ въ нѣкоторыхъ иныхъ обществахъ, гдѣ не установилось никакихъ общихъ понятій насчетъ пріемовъ домашняго воспитанія, гдѣ готовыхъ образцовъ вовсе нѣтъ, гдѣ, положимъ, нѣтъ обязательности и педантизма, но гдѣ вовсе нѣтъ и цѣлей, гдѣ все зависитъ отъ случая, гдѣ, наконецъ, домашнее воспитаніе хотя свободно отъ установленныхъ формъ, но зато вовсе не основано ни на какихъ принципахъ, и если въ немъ еще и можно открыть что-либо похожее на общій принципъ, то этотъ принципъ или это подобіе принципа есть: не созданіе твердаго характера, образованіе воли, предоставленіе на всякомъ шагу возможности благоразумнаго выбора, а совсѣмъ напротивъ—приниженіе характера, духъ покорности, духъ неразсужденія, духъ внѣшняго почитанія къ родителямъ, а не внутренняго, свободнаго къ нимъ уваженія.

Итакъ, признавая въ англійскомъ домашнемъ воспитаніи долю педантизма и стѣсненія, намъ, еслибы мы захотѣли рѣшить вопросъ, чтó либеральнѣе: это ли стѣсненіе и педантизмъ или замѣчаемый у насъ самихъ полный воспитательный хаосъ, съ единственнымъ плавающимъ на немъ ковчегомъ, (да и тотъ въ весьма дряхломъ видѣ), намъ пришлось бы вопросъ этотъ отложить въ сторону, какъ невозможное сравненіе величины извѣстной, опредѣленной, съ чѣмъ-то въ родѣ безконечнаго количества *x*-овъ, помноженныхъ на знаки удивленія и восклицанія.

Воспитаніе дѣвушекъ въ Англіи хотя и внушаетъ имъ непреложность разныхъ условій «приличія» и вообще выставляетъ

это слово propriety какъ нѣчто безусловное, unquestionable, но это объясняется не однимъ педантизмомъ, а еще тою весьма существенною цѣлью, что англійской дѣвушкѣ, когда она окончитъ свое воспитаніе, будетъ предоставлена такая свобода въ дѣйствіяхъ, какою дѣвушки не пользуются нигдѣ во всемъ мірѣ, за исключеніемъ именно Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ виду такого обстоятельства какже и не озаботиться сообщеніемъ дѣвушкѣ еще въ школьной компатѣ не только научныхъ свѣдѣній, но и всѣхъ, хотя бы то даже и пустыхъ, но тѣмъ не менѣе обязательныхъ правилъ жизни въ обществѣ? Уже въ школьной комнатѣ, въ Англіи, дѣтямъ постоянно твердятъ, что жизнь есть борьба, общество выставляется имъ въ реальномъ свѣтѣ, какъ общество взыскательное, полное борьбы, даже жестокое — the hard, cruel world; и внушается дѣтямъ, что для борьбы этой они должны запастись надежнымъ оружіемъ—свѣдѣніями и твердою, сознательной волею. И вотъ причина того, что въ англійскомъ обществѣ не только мужчины, не только женщины, но даже дѣвушки одарены такою энергіею—spirit, и опредѣленностью намѣреній—firmness of purpose—въ каждомъ случаѣ, которые возбуждаютъ удивленіе иностранцевъ. Дѣвушкамъ еще въ школьной комнатѣ внушаютъ избѣгать всякой приторности, преувеличенія женской слабости и дѣвичьяго жеманства. Не будьте missish, т.-е. не играйте «барышню»—это внушеніе одно изъ самыхъ частыхъ въ англійскомъ воспитаніи. Очень рано, едва выходя изъ дѣтства, англійскія дѣвушки узнаютъ, что, по всему вѣроятію, имъ предстоитъ бракъ, и что выборъ мужа онѣ должны сдѣлать сами, что шагъ этотъ безповоротный и потому выборъ долженъ быть какъ можно благоразумнѣе, для чего имъ и предоставляется большая свобода въ обращеніи съ мужчинами. Континентальную манеру «выдавать» дочерей замужъ англичане презираютъ и называютъ ее «продажею» дочерей.

Прибавимъ, что собственно научное образованіе дѣвушекъ въ Англіи до такой степени превосходитъ континентальное, въ томъ числѣ и нѣмецкое, что не можетъ быть никакого сравненія. О женскомъ образованіи въ Россіи и даже во Франціи—нечего и упоминать по этому поводу. Но и въ Германіи уровень женскаго образованія несравненно ниже, чѣмъ въ Англіи. Въ курсъ образованія англичанки средняго общества входятъ естественныя науки, даже химія, не говоря о физикѣ, зоологіи и ботаникѣ; математическое образованіе не ограничивается тройными правилами (еще *безъ доказательствъ*, какъ въ нѣмецкихъ пансіонахъ), а обнимаетъ геометрію. Сверхъ того, очень нерѣдко англичанки

учатся по-латыни и по-гречески (въ предѣлахъ благоразумныхъ, конечно, а не въ смыслѣ утвержденія всего умственнаго образованія на классицизмѣ). Что касается живыхъ языковъ, которые считаются для образованной дѣвушки уже не роскошью, какъ латынь, а необходимостью, то языки французскій и итальянскій издавна входятъ въ обязательный кругъ хорошаго образованія, а съ недавнихъ временъ и нѣмецкій языкъ [1]). Изъ искусствъ, въ англійскомъ женскомъ образованіи, кромѣ музыки, очень распространено рисованіе. Оно входитъ въ тотъ обязательный курсъ, о которомъ мы говоримъ, и почти всѣ образованныя дѣвушки въ Англіи рисуютъ недурно съ натуры и акварель одно изъ любимѣйшихъ ихъ занятій. При средствахъ, въ образованіе англичанки непремѣнно входитъ и верховая ѣзда.

Различіе съ Германіею здѣсь въ томъ, что нѣмецкія Töchterschulen хотя и даютъ дѣвушкамъ образованіе довольно солидное, но оно все-таки ведется въ такихъ размѣрахъ, чтобы приготовить изъ дѣвушки хорошую Hausfrau (конечно, несравненно основательнѣе образованную, чѣмъ даже тѣ изъ нашихъ дамъ, которыя говорятъ по-французски съ чисто-парижскимъ акцентомъ), между тѣмъ, какъ англичанка, даже средняго общества, получаетъ такое образованіе, которое можно назвать и солиднымъ, и «блестящимъ», по понятіямъ континентальнымъ. Отсюда происходитъ довольно замѣчательное явленіе: за исключеніемъ тѣхъ мужчинъ, которые получаютъ образованіе университетское потому ли, что не имѣютъ нужды приступать къ заработкамъ, или потому, что готовятся къ заработкамъ въ такъ-называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ, — женщины въ среднемъ англійскомъ обществѣ бываютъ образованнѣе и начитаннѣе мужчинъ. Это естественно: дѣвушки ничего не теряютъ, посвящая всѣ годы своей незамужней жизни усовершенствованію своего образованія; напротивъ, даже съ точки зрѣнія конкурренціи въ обществѣ, онѣ и не могутъ употребить этихъ годовъ выгоднѣе для себя, между тѣмъ, какъ тѣ молодые люди, которымъ предстоитъ конкурренція для заработковъ, не могутъ «терять» нѣсколькихъ лѣтъ, когда они уже въ состояніи сѣсть въ кон-

[1]) Замѣчательно, что знаніе нѣмецкаго языка въ Англіи до сихъ поръ было мало распространено, и еще недалеко то время, когда англичане вовсе не учились по-нѣмецки. Когда Карлейль захотѣлъ учиться нѣмецкому языку, то онъ нѣкоторое время не могъ найти въ Лондонѣ учителя и наконецъ нашелъ — польскаго еврея! Въ настоящее время самъ Карлейль болѣе кого-либо способствовалъ ознакомленію англійскаго общества съ Германіею, такъ что теперь именно въ Англіи стало являться множество учебниковъ нѣмецкаго языка, переводовъ съ нѣмецкаго, и вообще вниманіе англичанъ сильно обратилось на Германію еще до послѣдней войны.

тору, или на корабль, или за прилавокъ. Лѣтъ съ шестнадцати ихъ правильное умственное образованіе и оканчивается, и затѣмъ они стараются уже дополнить его урывочнымъ чтеніемъ, въ промежуткахъ между хлѣбной работой. Съ этой цѣлью издаются всякіе популярные научные очерки, историческія брошюры, краткія жизнеописанія знаменитыхъ людей, путешествія и т. д.

Мы вовсе не восторгаемся чрезмѣрно англійскимъ воспитаніемъ и никакъ не расположены видѣть въ немъ окончательный педагогическій идеалъ для человѣчества. Мы согласны, что это воспитаніе недостаточно способствуетъ искорененію въ обществѣ старыхъ предразсудковъ, но при нынѣшнемъ устройствѣ общества, когда усилія всѣхъ людей направлены къ полученію немногихъ значительныхъ призовъ, а затѣмъ вся остальная масса неумѣлыхъ и падающихъ остается въ положеніи недостаточномъ и неудовлетворительномъ, или хотя въ такомъ, которое, по существующимъ понятіямъ, неудовлетворяетъ человѣка, необезпечиваетъ ему довольства въ жизни, при такомъ, говоримъ мы, устройствѣ и направленіи, когда общественная жизнь есть отчаянная борьба, въ которой большинство впередъ осуждено на пораженіе и вопросъ именно въ томъ, чтобы *не быть* въ числѣ этого большинства, при такой безграничной, безусловной конкурренціи, когда каждый мужчина имѣетъ въ виду сдѣлать себѣ состояніе карьерою или спекуляціею, а каждая женщина—обезпечить свое положеніе въ жизни замужествомъ — англійское домашнее воспитаніе слѣдуетъ признать вполнѣ практичнымъ. Но и на этой оговоркѣ еще нельзя остановиться. Необходимо добавить, что если англійское домашнее воспитаніе, само по себѣ, и далеко еще отъ того идеала, который можно себѣ представить въ мечтахъ о будущности человѣчества, то, во всякомъ случаѣ, оно, въ сравненіи съ тѣмъ хаосомъ и даже отсутствіемъ домашняго воспитанія, какіе замѣчаются еще у насъ, составляетъ тоже своего рода идеалъ совершенства.

Въ типахъ дѣвушекъ, которыхъ выводитъ на сцену Троллопъ, замѣчаются весьма многія общія черты, тѣ именно, которыя и представляютъ сущность англійскаго женскаго воспитанія. Эти молодыя англичанки очень образованы, очень разсудительны, свободны отъ всякаго жеманства, однако въ высшей степени обладаютъ умѣньемъ держать себя постоянно «подъ контролемъ», отлично отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и ставя высоко чувство долга, ни на минуту не теряютъ изъ виду и яснаго сознанія своихъ правъ. Права эти невелики доселѣ по буквѣ закона, такъ невелики, что совокупность ихъ доселѣ можно

было скорѣе назвать безправіемъ. Но не все дѣло въ законахъ писанныхъ, а установившіеся обычаи предоставляютъ-таки женщинамъ въ Англіи нѣкоторыя права довольно существенныя. Главное изъ этихъ правъ, это — безспорное царствованіе женщины *въ домѣ*, въ дѣлахъ домашнихъ. Во Франціи, напримѣръ, вліяніе мужа и жены не такъ строго разграничены. Тамъ, и въ богатыхъ, и въ небогатыхъ сферахъ общества, въ сферѣ политической и въ сферѣ торговой женщины очень часто принимаютъ весьма важное участіе во внѣшней дѣятельности мужа. За то домашнее царствованіе ихъ не безспорно, и monsieur весьма часто позволяетъ себѣ отдавать приказаніе слугамъ помимо madame, и нерѣдко происходитъ междоусобица по поводу какого-нибудь вопроса, касающагося дѣтской или столовой. Въ Англіи не то. О подробностяхъ внѣшней дѣятельности мужа жена даже не знаетъ и участіе въ ней принимаетъ только насколько ее побуждетъ къ тому любопытство. Но въ дѣлахъ домашнихъ, она — королева, и тутъ только что-либо совсѣмъ чрезвычайное можетъ вызвать вмѣшательство мужа. Какъ хотите, а это — право довольно существенное, хотя оно и не записано ни въ какомъ законѣ.

Но.... вотъ и все. То-есть, что женщина, чтобы снискать себѣ положеніе, сколько-нибудь обезпеченное правами, *должна* выйти замужъ. И вотъ мы приходимъ къ тому вопросу, въ который мы вдаваться не будемъ, но котораго должны были коснуться, заговоривъ о женскихъ типахъ Троллопа. Троллопъ — не реформаторъ, а только наблюдатель и рисовщикъ. Онъ беретъ общество какъ оно есть, и такъ и передаетъ его, объективно, безнамѣренно. Критиковать самыя основы этого общества не входитъ въ общую его программу, хотя у него и вырываются порою намеки, что онъ могъ бы сказать нѣчто и о нѣкоторыхъ такихъ основахъ. Въ его планъ не входитъ разсматривать, до какой степени благоразумно то устройство общества, при которомъ каждый мужчина видитъ свою цѣль въ томъ, чтобы сдѣлать себѣ состояніе, то-есть стать въ положеніе исключительное, недоступное для большинства, а каждая дѣвушка стремиться найти и обезпеченіе въ жизни, и вѣчную любовь, и полное счастье въ такомъ союзѣ, который основанъ на взаимномъ самопожертвованіи, то-есть опять-таки видитъ свою цѣль въ положеніи исключительномъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ неосуществляющемся. И въ виду такого-то устройства, такого направленія, въ которомъ, въ примѣненіи къ большинству, очевидно есть абсурдъ, потому именно, что оно все состоитъ въ разсчетѣ на то, чтобы стать исключеніемъ — ведется воспитаніе всего большинства

средняго общества? Да, у Троллопа, какъ въ реальномъ обществѣ, дѣвушки воспитываются въ виду брака, и воспитаніе ихъ открыто снабжаетъ для этой борьбы полнымъ вооруженіемъ, какъ наступательнымъ, такъ и оборонительнымъ, даетъ имъ мечъ совершенствъ (accomplishments), рѣдкихъ на континентѣ и броню неизвѣстной на континентѣ въ юномъ возрастѣ житейской мудрости.

Есть много истинъ тривіальныхъ, открытыхъ житейской опытностью, которыхъ въ другихъ обществахъ не догадываются доводить до свѣдѣнія несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ, или которыми не хотятъ «разочаровывать ихъ прежде времени». А между тѣмъ, въ той упорной борьбѣ за положеніе и даже существованіе, которая постоянно выставляется въ англійскомъ воспитаніи какъ общій удѣлъ, ожидающій всякаго за предѣлами школьной комнаты, благовременное знакомство съ этою житейскою мудростью очень можетъ пригодиться. Для примѣра укажемъ на такія истины: что «любовь въ хижинѣ» есть пустая мечта; что для существованія необходимы деньги, что бѣдность разстраиваетъ и любовь, что если ни у одной изъ сторонъ нѣтъ готовыхъ достаточныхъ доходовъ, то слѣдуетъ *ждать годъ* до брака; что никто не долженъ вмѣшиваться между мужемъ и женою; что сожительство супруговъ съ родителями той или другой стороны въ высшей степени опасно, какъ бы хороши ни были первоначальныя отношенія; что дѣвушка должна имѣть свободу выбора; но что эта свобода означаетъ также, что ей предстоитъ озаботиться самой устройствомъ своей судьбы. И послѣднее совершенно справедливо, какъ эта истина ни прикрывается поученіями противъ кокетства и грубой ловли жениховъ; въ сущности, если назначеніе есть бракъ, то дѣвушка не можетъ же не озаботиться исполненіемъ своего назначенія. И пусть намъ не говорятъ, что все сейчасъ сказанное не входитъ въ воспитаніе женщинъ на континентѣ потому будто бы, что принципы континентальнаго общества болѣе мягки. Это совершенно невѣрно. Всякое общество, основанное на конкурренціи въ исключительнымъ цѣлямъ, стремится къ тому же, къ чему стремится общество англійское, и если континентальное — въ особенности же русское — общество въ чемъ-либо расходится по своимъ воспитательнымъ пріемамъ съ англійскимъ, то это происходитъ вовсе не по принципу, не по убѣжденію, а просто по незнанію, по меньшей образованности, меньшей выработкѣ сознанія условій успѣха, меньшей заботливости о своевременномъ вооруженіи дѣтей для борьбы.

Общія черты, замѣчаемыя нами въ дѣвицахъ, которыхъ вы-

водитъ на сцену Троллопъ, какъ уже выше сказано, образованность, разсудительность, постоянное наблюденіе за собою, чувство долга и сознаніе своихъ правъ. Къ этимъ чертамъ мы должны прибавить твердость воли и ту особую веселость (cheerfullness), которая внушается бодрымъ воззрѣніемъ на жизнь и увѣренностью въ себѣ.

Таковы всѣ эти въ высшей степени привлекательныя, но притомъ и нѣсколько «внушительныя»: Клара Бельтонъ, Лейли Дэль, Рахиль Рэй, Люси Робартсъ, Грація Кроули, Дороти Стэнбэри и т. д., и. т. д. Изъ длиннаго списка ихъ читателю наиболѣе понравится одна, двѣ, но онъ въ тоже время почувствуетъ, что охотно пожалъ бы руку каждой изъ этихъ славныхъ дѣвушекъ; онѣ именно — *славныя*. И въ виду той простоты манеръ и того открытаго, бодраго и мужественнаго характера, а также и образованности, какими онѣ отличаются, становится понятнымъ, почему уваженіе къ женщинѣ—и именно уваженіе, а не галантерейность — нигдѣ не стоитъ такъ высоко, какъ въ англійскомъ обществѣ.

Клара Бельтонъ [1])—дочь помѣщика, остается одна, безъ матери и отца, безъ брата, безъ состоянія. Она любитъ капитана Эльмёра, капитана аристократическаго, члена парламента, и этотъ блестящій джентльменъ дѣлаетъ ей предложеніе. Но когда она понемному узнаетъ его холодность и начинаетъ догадываться, что онъ беретъ ее только для исполненія обѣщанія, и что она не можетъ разсчитывать на то, чтобы быть для него *всѣмъ*, какъ онъ *все* для нея — она не только освобождаетъ этого блестящаго кавалера отъ обѣщанія, но даже, когда онъ, побуждаемый самолюбіемъ, начинаетъ подъ конецъ добиваться руки ея съ искреннимъ уже, хотя и непрочнымъ, конечно, увлеченіемъ, то она прямо ему отказываетъ. Она умѣла оцѣнить искреннюю любовь другого соискателя, гораздо менѣе блестящаго, и поставить эту любовь несравненно выше выгодъ положенія, а затѣмъ, за чувствомъ уваженія къ этому простому, даже грубоватому, но почтенному молодому человѣку, и сердечная склонность въ ней мало-по-малу измѣняется и, наконецъ, она сама не понимаетъ, какъ могла прежде увлекаться капитаномъ Эльмёромъ.

Рахиль Рэй [2])—дочь стряпчаго по церковнымъ дѣламъ, жила дома въ нѣкоторомъ угнетеніи. Ея мать была женщина слабая, и всѣмъ въ домѣ заправляла старшая сестра, Доротея, страшная педантка, посѣтительница методистскихъ митинговъ, смо-

[1]) The Belton Estate.
[2]) Rachel Ray.

трѣвшая на всѣ общественныя условія съ той мрачной строгостью, которая составляетъ исключительную принадлежность фанатизма почти всѣхъ протестантскихъ сектъ (т.-е. именно *сектъ*, а не церквей). Но это грозное господство сестры не забило характера Рахили, и когда въ ней просыпается чувство любви къ нѣкоторому весьма энергическому пивовару, то, несмотря на сильное сопротивленіе сестры, и притомъ безъ всякаго возмущенія, а просто пассивно, но весьма рѣшительно отстаивая свое право не подчинять всей своей судьбы чьему-либо капризу, она-таки достигаетъ своей цѣли. Въ этомъ весьма удачномъ романѣ замѣчательна еще сама личность влюбленнаго пивовара, Луки Роуэна, который производитъ революцію въ пивоваренномъ дѣлѣ города Экстера, впервые провозглашая тамъ принципъ, что «пиво слѣдуетъ варить хорошее, а не дрянное», принципъ, отъ котораго приходитъ въ ужасъ его компаньонъ, и самъ городъ раздѣляется на двѣ партіи. Люси Робартсъ [1]) и Грація Кроули [2]) — дочери пасторовъ, которымъ выпадаетъ жребій аристократическаго брака. Само собою разумѣется, что доля эта дается имъ не безъ затрудненій со стороны родственниковъ будущихъ ихъ мужей. Въ исторіи каждой изъ нихъ замѣчательна та сдержанность, то незлобіе и та благородная твердость, съ какими онѣ устраняютъ отъ себя все, что только могло бы быть похоже на интригу съ цѣлью сдѣлать хорошую партію. Каждая изъ нихъ нѣсколько разъ лучше готова пожертвовать своими надеждами, чѣмъ войти въ чужую семью насильно. И оттого, когда всѣ затрудненія наконецъ устраняются, то они устранены рукою самихъ будущихъ мужей, а никакъ не происками будущихъ женъ, вслѣдствіе чего и самое вступленіе ихъ въ чужую семью происходитъ уже при обстоятельствахъ благопріятныхъ и представляющихъ гарантію для прочности семейнаго благополучія.

Почти тоже можно сказать и о Мэри Торнъ [3]), дѣвушкѣ, которой рожденіе незаконно, и въ которую влюбленъ богатый молодой сквайръ Франкъ Грэшамъ. Чѣмъ неблагопріятнѣе ея положеніе, чѣмъ менѣе она можетъ имѣть притязаній на такую блестящую партію, тѣмъ съ большей гордостью она держитъ себя по отношенію къ человѣку, котораго любитъ съ дѣтства. Она даже уѣзжаетъ изъ его сосѣдства, чтобъ спасти его отъ нареканій его матери. Но, благодаря желанію автора, все кончается благополучно. Даже ма-

---

[1]) Framley Parsonage.

[2]) Last Chronicle of Barset.

[3]) Doctor Thorne.

ленькая Дороти Стэнбэри [1]), это нѣжное и робкое созданіе, повидимому, назначенное самой судьбою подчиняться чужой волѣ, пребывать подъ опекою, и поставленное подъ опеку такой типично-энергической старушки, какъ тетка ея, миссъ Стэнбэри, и это кроткое существо, когда тетка пріискала ей «отличнаго» мужа, вдругъ, неожиданно, объявляетъ, что онъ ей рѣшительно не нравится! Въ глазахъ старушки миссъ Стэнбэри она этимъ поступкомъ стала на такомъ же счету, какъ неисправимый, непослушный братъ ея, который—о ужасъ, работалъ въ газетахъ! Но Дороти, несмотря на свою кротость, все-таки одолѣла свою тетку, знаменитую на весь Экстеръ своей непоколебимостью и мужествомъ.

Та вышла замужъ, другая составила партію, третья добилась своей цѣли — преодолѣла препятствія и соединилась бракомъ.... вотъ что, пожалуй, приходитъ читателю на мысль вслѣдъ за этимъ перечнемъ. И вся эта энергія, всѣ эти дарованія и раннее знаніе жизни, все это проявляется только въ обыкновенной любовной исторіи, всѣ эти силы пошли на то, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе удовлетворительную партію? Да, но въ этомъ виноватъ не Троллопъ. Положимъ, какъ романистъ, онъ, по неизбѣжному требованію, долженъ былъ вплетать своихъ героинь въ исторіи любви. Но еслибы въ жизни были еще какія-либо иныя условія для дѣятельности дѣвушекъ, то вѣрный описатель англійскаго общества непремѣнно высказалъ бы и эти условія. Но такъ какъ ихъ нѣтъ въ дѣйствительности, то нельзя ихъ и требовать отъ романиста исключительно вѣрнаго дѣйствительности, каковъ Троллопъ. Дѣйствительность представляетъ, правда, и исключенія, даже нѣсколько блестящихъ исключеній.

Вотъ одно изъ нихъ, довольно извѣстное. Въ 1854-мъ году, когда въ англійскомъ лагерѣ въ Крыму оказались большіе недостатки въ устройствѣ медицинской части, свободная печать, не разъ оказавшая Великобританіи огромныя услуги, представила на судъ общества, въ самыхъ яркихъ краскахъ, картину того, что во всякой иной странѣ газетамъ запретили бы описывать—безпомощное положеніе раненыхъ, отсутствіе медицинскихъ средствъ, недостаточность врачебнаго штата, неразсчетливость военной администраціи и возмутительныя бѣдствія, постигшія, благодаря этой непредусмотрительности, раненыхъ слугъ отечества. Въ обществѣ раздался вопль боли и негодованія. Но это не былъ безплодный вопль обществъ, находящихся въ ре-

[1]) He knew he was right.

бячествѣ. За нимъ послѣдовали огромныя приношенія и пожертвованія не только денегъ, но личныхъ силъ. Одно изъ этихъ пожертвованій особенно памятно: миссъ Флоренсія Найтингэль, дочь богатаго гэмпшёрскаго землевладѣльца, дѣвица въ полномъ блескѣ юности и красоты, получившая то превосходное воспитаніе, о которомъ мы говорили, знавшая и естественныя науки, и древніе языки, и нѣсколько языковъ новѣйшихъ, литературу своей страны и другихъ главныхъ народовъ Европы, дѣвица богатаго дома, блиставшая въ аристократическомъ обществѣ, — собрала нѣсколько женщинъ, пожелавшихъ, подобно ей, посвятить себя служенію больнымъ солдатамъ, отправилась съ этими новыми подругами въ Крымъ, въ англійскій лагерь, зараженный лихорадками, и организовала тамъ общество сестеръ милосердія, общество, которое оказало во все время войны весьма существенныя услуги, и въ которомъ сама миссъ Найтингэль оставалась до конца войны.

Можно указать на нѣсколько дамъ и дѣвицъ, составившихъ себѣ имя въ литературѣ и независимое положеніе литературою. М-ссъ Брадонъ, одна изъ модныхъ писательницъ, составила себѣ, такимъ образомъ, даже большое состояніе. Но вѣдь все это исключенія и къ чести англійскаго женскаго воспитанія должно сказать, что нигдѣ нѣтъ такого числа подобныхъ исключеній, какъ именно въ англійскомъ обществѣ. Воспитаніе женщинъ тамъ превосходно, и главное преимущество его именно въ томъ, что оно направлено къ развитію въ женщинѣ энергіи, а не къ подавленію ея. Много наличнаго знанія, много наличной энергіи — но что же дѣлать, когда пока еще нѣтъ въ обществѣ широкаго доступа всѣмъ женщинамъ къ серьезной дѣятельности, дѣятельности болѣе самостоятельной и плодотворной для самихъ дѣятелей, чѣмъ, напр., трудъ гувернантокъ?

Во всякомъ случаѣ, и теперь, дѣвушки въ Англіи болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ, склонны заниматься чѣмъ-нибудь серьезнымъ, хотя бы и не по нуждѣ. Такъ, дочери помѣщиковъ и пасторовъ въ Англіи обыкновенно учатъ фермерскихъ и крестьянскихъ дѣтей въ приходскихъ и усадебныхъ школахъ. Все это, однако, не измѣняетъ того повсемѣстнаго факта, что прямымъ назначеніемъ женщины считается — вступить въ бракъ и посвятить себя хозяйству и воспитанію своихъ дѣтей. Если случается иначе, то это и обществомъ, и самою дѣвушкою, считается неудачею и жизнь ея признается «манкированною». Удивляться ли, что при такихъ условіяхъ устройство себѣ партіи представляется для дѣвушки главнымъ предметомъ думъ, главной сферой женской энергіи и главнымъ поприщемъ женскаго соревнованія, такъ, что въ концѣ

концовъ, исторія женщины есть не что иное, какъ исторія ея любви?

Замѣчательно однако, что самую любимую изъ своихъ героинь-дѣвушекъ, а именно миссъ Лейли Дэль [1]), которой самъ авторъ очевидно отдаетъ предпочтеніе предъ всѣми героинями своихъ романовъ, и изображенію которой онъ, въ самомъ дѣлѣ, посвятилъ всю свою задушевность и весь блескъ своего колорита, — Троллопъ замужъ не выдаетъ.

Ему какъ будто жалко выдать ее замужъ, и онъ такъ и оставляетъ ея при намѣреніи остаться «старой дѣвой». Въ такомъ фактѣ, то-есть въ томъ, что любимую, лучшую изъ своихъ героинь Троллопъ не хотѣлъ принесть въ жертву браку, со стороны самого автора нѣтъ прямого намѣренія протестовать противъ условій этого учрежденія. Но тѣмъ не менѣе, исторія Лейли Дэль можетъ служить иллюстраціею несообразности нѣкоторыхъ изъ тѣхъ видовъ, съ какими обыкновенно приступаютъ къ браку. Прелестная, въ высшей степени симпатичная фигура Лейли Дэль представляетъ англійскую дѣвушку со всѣми совершенствами, какія даетъ природа и англійское женское воспитаніе. Лейли не только хороша собой и умна, но одарена какъ всѣмъ тѣмъ, что̀ только можетъ дать лучшее женское воспитаніе при нынѣшнемъ его направленіи, такъ и всѣми «особенностями» женской привлекательности. Она остроумна, необыкновенно-граціозна, шаловлива, добра, и т. д. Но не слѣдуетъ думать, что изъ всѣхъ этихъ хорошихъ прилагательныхъ составляется нѣчто натянутое, неестественное: искусство автора порукою въ томъ, что ничего подобнаго у него не выйдетъ независимо отъ его воли.

Несмотря на всѣ свои совершенства, Лейли Дэль есть самая «славная» изъ всѣхъ славныхъ дѣвушекъ троллоповской галлереи.

И вотъ, отчасти именно потому, что она лучше ихъ всѣхъ, ей и не «удается» выйти замужъ. А такъ какъ женщины воспитываются въ той мысли, что бракъ есть главное ихъ назначеніе, то Лейли, разумѣется, и считаетъ свою жизнь «манкированною». Воспитаніе, пріучая дѣвушекъ смотрѣть на бракъ, какъ на главное назначеніе, пріучаетъ ихъ вмѣстѣ относиться къ этому назначенію въ двоякомъ смыслѣ, т.-е. съ двумя взглядами, которые невсегда совмѣстимы, а именно: имъ внушаютъ, что бракъ есть *дѣло*, и самое важное дѣло, которое рѣшается однажды

[1]) The Small House at Allington.
The Last Chronicle of Barset.

на всю жизнь, а потому къ нему должно относиться со всевозможной осторожностью и благоразуміемъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитатели не имѣютъ достаточно рѣшимости, скажемъ пожалуй цинизма, чтобы прямо отвергать участіе въ бракѣ того чувства любви, которое внушается природою, и которое, съ разсчетами благоразумія и вообще съ пріемами *дѣловыми*, не имѣетъ ничего общаго. Затѣмъ, въ дѣйствительности оказывается, что разсчеты и влеченіе чувства не всегда сходятся, а когда сходятся, то только отчасти и не навсегда. Отсюда тѣ многочисленныя «разочарованія» въ жизни замужнихъ женщинъ, разочарованія, которыхъ бы не было, еслибы онѣ смотрѣли на бракъ исключительно только такъ, какъ то воспитаніе старается внушить имъ, но внушаетъ не совсѣмъ смѣло, не рѣшаясь совершенно отбросить любовь какъ нѣчто случайное, и къ дѣлу неидущее.

Лейли Дэль вообще смотритъ на вещи тѣмъ здравымъ, самоувѣреннымъ и потому добрымъ взглядомъ, какой доставляется англійскою системою воспитанія. Она очень хорошо знаетъ, что бракъ есть дѣло, но ей вмѣстѣ съ тѣмъ хочется, чтобы онъ былъ романъ, и притомъ не такой романъ, какимъ довольствуется большинство дѣвушекъ, то-есть нѣкоторое подобіе романа, безъ глубины чувства, безъ требованія его вѣчности, коротенькій дюжинный романчикъ, котораго послѣдняя страница занумерована послѣднимъ числомъ медоваго мѣсяца.

Нѣтъ, она способна любить глубоко, любить такъ, чтобы быть готовою всю свою жизнь принесть въ жертву любимому человѣку, бросить свою жизнь къ его ногамъ и продолжать любить его, хотя бы онъ растопталъ эту жизнь. Пусть требуетъ этого отъ брака малообразованная, малоразвитая пансіонерка, полудитя; ея требованіе не серьезно, и при неисполненіи его она сама его забудетъ, утѣшивъ себя мыслью, что такъ бываетъ и со всѣми. Но здѣсь такое требованіе къ браку предъявляетъ дѣвушка высоко-развитая, не ребенокъ, съ характеромъ вполнѣ уже образовавшимся, и требованіе это основываетъ на весьма прочномъ убѣжденіи. Разумѣется, она должна быть несчастлива, и счастье Лейли въ томъ только и состоитъ, что она открываетъ еще до свадьбы неосуществимость своего идеала.

Ту глубокую, непригодную для жизни и едва-ли вполнѣ сообразную съ чувствомъ человѣческаго достоинства безграничную преданность, обожаніе до самоуничтоженія, однимъ словомъ, идеалъ любви—она почувствовала. Но предметомъ ея сталъ человѣкъ, который на бракъ смотрѣлъ какъ большинство людей смотритъ, именно видѣлъ въ немъ, прежде всего, вопросъ

о положеніи, дѣло, а вмѣстѣ и пріятный романчикъ. И вотъ, когда она поняла, что происходило въ умѣ этого человѣка, она сама возвратила ему свободу, которую онъ сперва не принялъ, но потомъ принялъ-таки. Разъ разочаровавшись такимъ образомъ, она уже навсегда покончила съ «главнымъ назначеніемъ» въ жизни. Она отвергаетъ любовь другого человѣка, котораго уважаетъ, отвергаетъ и новое предложеніе того самого человѣка, который ей однажды измѣнилъ. Въ какую-то сокровенную записную тетрадку она заноситъ свое имя съ надписью «старая дѣва», и можно поручиться, что это рѣшеніе неизмѣнится потому именно, что оно основано на сознательномъ убѣжденіи, которое выработалось долгими думами и немалою горечью.

Поговоривъ объ особенностяхъ женскаго воспитанія въ Англіи, и о томъ главномъ направленіи его, которое обще Англіи съ континентомъ, представимъ теперь двѣ интересныя по анализу картины брачной жизни.

II.

Въ одномъ изъ новѣйшихъ романовъ [1]) Троллопъ, можно сказать, въ первый разъ отступилъ отъ своей естественности и сдержанности и создалъ типъ, хотя въ сущности и возможный, но, во всякомъ случаѣ, преувеличенный, человѣка, который расходится со своей женой изъ-за пустяковъ, и продолжая любить ее, не хочетъ сдѣлать ни шагу ей на встрѣчу, а между тѣмъ такъ страдаетъ въ этомъ положеніи, что, наконецъ, чахнетъ и умираетъ. Правда, Троллопъ старается «спасти» возможность такого типа, возбуждая въ умѣ читателя подозрѣніе, въ своемъ ли умѣ г. Тревиліанъ — герой этого романа, и такъ и не разрѣшая этого вопроса. Но этотъ пріемъ, въ дѣйствительности, не спасаетъ ничего, ибо одно изъ двухъ: или Тревиліанъ—въ здравомъ умѣ, въ такомъ случаѣ упорство его до конца невозможно; или въ умѣ его есть-таки доля помѣшательства—но въ такомъ случаѣ анализъ подобнаго типа выходитъ изъ рамокъ романа, и можетъ представить только медицинскій интересъ—если только анализъ этотъ сдѣланъ надъ живымъ примѣромъ, а не надъ произвольнымъ типомъ. Два послѣдніе романа Троллопа были встрѣчены англійскою критикою неблагопріятно. О «Vicar of Bullhampton» мы читаемъ въ «Times», что «этотъ романъ ничего

---

[1]) He knew he was right.

не придастъ къ репутаціи А. Троллопа», но между тѣмъ «Times» даетъ тутъ же подробное изложеніе этого романа, въ статьѣ, которая по объему равна брошюрѣ. О романѣ «He knew he was right» мы читаемъ въ «Westminster Review», что онъ неправдоподобенъ, и что типы его слабы. Изъ той же статьи мы, между прочимъ, узнаемъ, что одно лицо и въ этомъ романѣ, именно старушка миссъ Стэнбэри скопирована съ живой личности. Но критика въ Англіи, какъ и вездѣ, дѣлаетъ оцѣнку новыхъ произведеній писателей давно извѣстныхъ гораздо строже, чѣмъ произведеній новыхъ писателей, и не будь этотъ романъ подписанъ А. Троллопомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что критика обратила бы вниманіе на «замѣчательный талантъ выказываемый авторомъ, несмотря на нѣкоторую долю преувеличенія». Таковъ, несомнѣнно, былъ бы отзывъ, такъ какъ такіе, и даже болѣе благопріятные отзывы мы читали въ англійскихъ журналахъ о произведеніяхъ, совершенно пустыхъ въ сравненіи и съ этимъ романомъ.

Можно даже сказать, что начало превосходно и принадлежитъ къ лучшимъ вещамъ Троллопа. Что касается того типа, который представляетъ миссъ Стэнбэри, то въ этомъ отношеніи отзывъ названнаго выше журнала нельзя не признать несправедливымъ. Сравненіе съ живою личностью могутъ сдѣлать только тѣ, кто зналъ миссъ Стэнбэри, но взятое само по себѣ литературное изображеніе этого типа очень удачно, и сдѣлано именно сильною, искусною рукой.

Конецъ романа слабъ потому, что упорство Тревиліана до самой смерти неправдоподобно. Но, *до нѣкотораго времени*, такое упорство очень правдоподобно и вотъ почему начало очень хорошо. Оно посвящено искусному, тонкому разъясненію, посредствомъ мелочныхъ фактовъ, развивающихся мало-по-малу въ факты крупные,—той истины, что брачный союзъ не допускаетъ дѣйствительнаго равенства воли супруговъ. Это, конечно, старая истина, и грубые законы, и грубые люди отлично поняли, что бракъ основанъ на господствѣ. Но дѣло не въ томъ, что бракъ можетъ или долженъ быть господствомъ одной стороны, а въ томъ, возможно ли, чтобы при наилучшихъ условіяхъ, если въ бракъ вступаютъ люди умственно развитые, съ наилучшими наклонностями, со взаимнымъ уваженіемъ, даже съ намѣреніемъ именно устранить между собой всякій вопросъ о личномъ преобладаніи, съ намѣреніемъ каждой стороны весть себя вполнѣ «конституціонно», ограничить свою власть чужою волею, съ наилучшимъ желаніемъ уступать другому всегда, когда тотъ въ самомъ дѣлѣ *правъ* — возможно ли, говоримъ, и при

такихъ условіяхъ истинное осуществленіе такого полнаго равенства, такого «искренняго конституціонализма» и «сердечнаго согласія»? Вотъ этотъ-то вопросъ весьма обстоятельно и логично разработанъ въ романѣ Троллопа. Слишкомъ ясно, что въ жизни онъ кончиться такъ не могъ, какъ онъ кончается. Въ жизни одна изъ сторонъ непремѣнно уступила бы; та сторона, которая слабѣе, или болѣе глубоко привязана—непремѣнно уступила бы, не допустивъ трагическаго конца. Но этотъ фактъ уступки, вынужденной, недобровольной, и былъ бы фактомъ дѣйствительнаго покоренія и затѣмъ въ жизни, по всей вѣроятности, и навсегда, сломилъ бы волю одной изъ сторонъ, той, которая не выдержала борьбы до конца.

Что Троллопъ не допустилъ такой уступки и тѣмъ самымъ удалился отъ житейской правдоподобности — это правда. Но съ точки зрѣнія мысли, онъ поступилъ вполнѣ логично: онъ предоставилъ дѣйствію свободный путь впередъ отъ точки исхода и показалъ, что выхода *тутъ нѣтъ*. Неправдоподобность его развязки есть та невозможная величина $\frac{A}{0}$, которою въ алгебрѣ разрѣшается неразрѣшимое уравненіе. Одна изъ величинъ этого уравненія должна быть, въ сущности, помножена на нуль. И вотъ, другая величина и оказывается безусловною, безконечною.

Люисъ Тревиліанъ былъ богатый, молодой, высокообразованный джентльменъ, весьма серьезный, несмотря на молодость, и всѣми уважаемый. Изъ своей университетской коллегіи онъ вышелъ девятымъ и могъ получить стипендію члена этой коллегіи, но, будучи богатъ, отказался отъ нея, въ пользу другого. Онъ могъ бы быть и въ парламентѣ, но самъ считалъ себя еще слишкомъ молодымъ для этого. Однимъ словомъ, онъ былъ крайне благоразумный, отличный во всѣхъ отношеніяхъ молодой джентльменъ. Англійскіе писатели всегда озабочиваются аккуратно ознакомить читателя съ средствами своихъ героевъ, то-есть финансовымъ ихъ положеніемъ, точно также, какъ они, среди описанія разныхъ возвышенныхъ радостей и горестей, никогда не упускаютъ изъ виду, гдѣ и какъ завтракали, обѣдали и ужинали герои тѣхъ горестей и радостей. И это пріемъ очень хорошій; положеніе человѣка весьма существенно зависитъ отъ «какой-нибудь» лишней тысячи фунтовъ, а слѣдить за движеніями его души легче, когда видишь, какъ они отражаются на его завтракѣ и обѣдѣ, и на числѣ рюмокъ послѣобѣденнаго бордò. Тоже и о Люисѣ Тревиліанѣ мы аккуратно узнаемъ, что онъ получалъ ежегоднаго дохода 3.000 фунтовъ со своего капитала. Къ этому необходимо прибавить, что онъ былъ

очень красивъ, не безъ успѣха работалъ въ журналахъ и даже напечаталъ томъ стихотвореній.

Тревиліанъ, въ ожиданіи зрѣлости, достаточной, по его мнѣнію, для вступленія въ палату общинъ, путешествовалъ, путешествовалъ такъ, какъ дѣлаютъ это англичане, которымъ и Швейцарія и Италія кажутся какъ будто окрестность Лондона, и которые считаютъ долгомъ, по меньшей мѣрѣ, побывать въ Малой Азіи, подняться немножко вверхъ по Нилу, и «переѣхать воду», т.-е. посѣтить Соединенные Штаты. Но Люисъ Тревиліанъ не ограничился и этой программою, а попалъ на какіе-то «Мандаринскіе острова». Губернаторомъ Мандаринскихъ острововъ—англійской колоніи—сэръ Мэрмадюкъ Роули. Сэръ Мэрмадюкъ тоже имѣлъ доходу 3,000 фунтовъ въ годъ, ровно столько, какъ Тревиліанъ, но положеніе его было совсѣмъ иное. Этотъ доходъ былъ только жалованье, изъ котораго онъ ничего отложить на сторону не могъ, во-первыхъ потому, что былъ губернаторъ, хотя и Мандаринскихъ только острововъ, но все-таки губернаторъ, обязанный широкимъ гостепріимствомъ; во-вторыхъ, еще потому, что у него было восемь дочерей.

И вотъ, когда случилось такъ, что Люисъ Тревиліанъ влюбился въ дочь Роули—Эмили, то это было сочтено истиннымъ благополучіемъ для нея, да и для всего семейства. Эмили полюбила Тревиліана и онъ сдѣлалъ предложеніе. Сэръ Мэрмадюкъ предварилъ его: «у меня ни полкопѣйки нѣтъ за нею», но Тревиліанъ отвѣчалъ: «мое убѣжденіе такое, что не слѣдуетъ приданаго; мнѣ кажется, мужъ чувствуетъ себя ловче безъ приданаго, и самая привязанность его, въ такомъ случаѣ, бываетъ прочнѣе». Прекрасныя убѣжденія, вполнѣ достойныя такого, во всѣхъ отношеніяхъ, совершеннаго джентльмена, какъ Тревиліанъ; вдобавокъ и «какъ будто этого еще недоставало» — онъ предложилъ оставить ему съ женою, въ Англіи, и одну изъ ея сестеръ, Нору Роули. Однимъ словомъ, превзошелъ даже тѣ ожиданія, которыхъ никто не имѣлъ.

Влюбленные супруги повѣнчавшись въ Лондонѣ, въ присутствіи родителей и поселились въ небольшой, хорошенькой квартирѣ въ Корзон-Стритѣ. Все пошло благополучно, и продолжалось благополучно около двухъ лѣтъ. У Тревиліановъ родился сынъ, которому дали имя отца, Люисъ. Они жили въ Лондонѣ, а лѣто провели на берегу моря, по обычаю достаточныхъ городскихъ жителей. Замѣтимъ однако, что въ то самое время, когда Тревиліанъ и его невѣста еще только-что получили согласіе родителей ея, на Мандаринскихъ островахъ, и когда эти родители восхищались счастьемъ своей дочери, леди Роули сказала ми-

мимоходомъ мужу, что Тревиліанъ вообще любитъ, «чтобы все шло по его нраву».

— Такъ чтожъ, возразилъ сэръ Мэрмадюкъ—его нравъ такой прекрасный, у него столько благоразумія, онъ будетъ отличнымъ руководителемъ для обѣихъ дочекъ.

— Да, проговорила леди Роули, — но Эмили тоже любитъ, чтобы все дѣлалось по ея нраву.

Еслибы авторъ представилъ намъ типы двухъ супруговъ, которые не могутъ ужиться потому, что ихъ характеры совершенно несходны, то это обстоятельство усложнило бы смыслъ изображенной имъ драмы. Еслибы онъ изобразилъ намъ разладъ между супругами, происходящій вслѣдствіе явнаго и несомнѣннаго проступка одной стороны, или вслѣдствіе нелюбви одного супруга къ другому, или вслѣдствіе охлажденія одного изъ нихъ къ другому—то каждое изъ такихъ данныхъ ослабляло бы смыслъ всей драмы, усложняя его обстоятельствомъ побочнымъ и случайнымъ. Вотъ, замѣтимъ мимоходомъ, слабости въ логическомъ отношеніи большинства тѣхъ романовъ Жоржа Санда, которые посвящены анализу брака. Она именно всегда строитъ свою драму на одномъ изъ перечисленныхъ сейчасъ обстоятельствъ, на какой-либо случайной страсти, или холодности, или винѣ. Поэтому, ея выводы и могутъ быть устраняемы побочными и случайными вопросами, отдѣльными для каждаго даннаго случая. Напримѣръ—что-жъ хорошаго можно ждать отъ брака по принужденію? или—зачѣмъ же она выходила за старика? или—развѣ любовь можетъ быть вѣчно страстною? или—развѣ въ проступкѣ виноватъ бракъ, а не самъ проступокъ?

Но у Троллопа дѣло обставлено совсѣмъ иначе, и случайнаго, побочнаго тутъ ничего нѣтъ. У него супруги не могутъ ужиться не потому, что не любятъ другъ друга, или пылаютъ преступной страстью, или упрямствуютъ просто по капризности своего характера. Нѣтъ, каждый изъ нихъ, съ своей точки зрѣнія, совершенно правъ и постоянно правъ. М-ръ Тревиліанъ «зналъ, что онъ правъ»; такъ и называется романъ. И точно также онъ могъ называться: «*она* знала, что *она* права». Они оба и любили другъ друга, а не могли ужиться потому именно, что, будучи оба совершенно правы, не хотѣли сдѣлать уступки тому, что имъ казалось неправымъ, несправедливымъ, неблагоразумнымъ. Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать уступки на счетъ своего достоинства и своего полнаго убѣжденія. И—*они* разошлись. А если читатель скажетъ, что оба они все-таки неправы потому, что каждый изъ нихъ долженъ былъ скорѣе согласиться на всѣ уступки, чѣмъ довести дѣло до трагическаго конца, то читатель

тѣмъ признаетъ, что равенство воли въ бракѣ невозможно, при самыхъ лучшихъ условіяхъ; что бракъ и держится именно фактомъ слабости на одной сторонѣ, и фактомъ силы на другой— и что любовь никакъ этого не исключаетъ, ибо есть и любящее рабство, и любящій деспотизмъ.

Сила разсказа Троллопа въ томъ и состоитъ, что изъ него иного вывода сдѣлать *нельзя*. И сила этого вывода еще увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ авторъ ничѣмъ необнаруживаетъ предвзятаго намѣренія провесть такую мысль. Очень можетъ быть даже, что Троллопъ и не имѣлъ такого намѣренія; что и здѣсь, какъ всегда, онъ нисколько не тенденціозенъ. Быть можетъ, онъ просто, какъ художникъ, схватилъ живыя черты, и какъ искусный анализаторъ, логически развилъ до конца, не спрашивая себя, что изъ этого выйдетъ. А вышло несомнѣнно то именно, на что мы сейчасъ указали.

Въ то время, когда сэръ Мэрмадюкъ Роули и леди Роули пріѣзжали въ Англію, по случаю свадьбы дочери, къ нимъ въ домъ являлся старинный другъ самого Роули—полковникъ Осборнъ. Полковникъ Осборнъ былъ не моложе, чѣмъ сэръ Мэрмадюкъ, которому было лѣтъ пятьдесятъ, пожалуй былъ даже старѣе его, но полковникъ принадлежалъ къ категоріи ci-devant молодыхъ людей, вѣчно играющихъ роль молодыхъ людей. Полковникъ Осборнъ былъ—старый франтъ; разумѣется, холостякъ. Саму Эмили полковникъ Осборнъ видалъ еще лѣтъ двадцать тому назадъ, когда она еще не умѣла ходить. Однимъ словомъ, старый другъ дома. Но, по характеру своему и репутаціи, онъ вовсе не соотвѣтствовалъ тому типу «стараго друга папаши», который даритъ дѣтямъ серебряные и золотые стаканчики на новый годъ.

Послѣ того, какъ Тревиліанъ года два счастливо прожилъ съ женою и свояченицею, полковникъ Осборнъ вдругъ какъ-то сталъ бывать у нихъ очень часто. Тревиліанъ, который его не уважалъ, высказалъ недовольство такими учащенными визитами. Недовольство это показалось женѣ его совершенно неблагоразумнымъ и даже смѣшнымъ. Чтожъ онъ, подозрѣвать ее что-ли вздумалъ? Да еще по поводу кого же—старика Осборна, который старше ея отца, который зналъ ее ребенкомъ! Неужели можно было оскорбить почтеннаго стараго друга родителей, отказавъ ему отъ дому, за то только, что мужу пришелъ въ голову нелѣпый капризъ? Нѣтъ, говорила Эмили сестрѣ, «если онъ хочетъ этого — пусть прямо прикажетъ, а я сдѣлать не могу, не могу признать справедливымъ такую волю и не могу притворяться и показывать ему видъ, что признаю благоразумнымъ то, что̀ есть пустой капризъ». Сестра совѣтовала все-таки подчиниться

волѣ мужа, на томъ собственно основаніи, что «такъ будетъ гораздо лучше». Но это было бы слишкомъ нелѣпо; наконецъ, этого нельзя было и требовать: пусть прямо прикажетъ—тогда будетъ ясно, что онъ смотритъ на жену какъ на рабу, и его приказаніе, конечно, будетъ исполнено. Но въ душѣ признать его правымъ — это было невозможно, этого нельзя было и требовать.

Между тѣмъ, Тревиліанъ, съ своей точки зрѣнія, тоже былъ правъ. Онъ зналъ о полковникѣ Осборнѣ то, чего не знала его жена. Онъ зналъ, что этотъ старый франтъ имѣетъ старую репутацію «обольстителя», что онъ былъ виною уже не одной домашней исторіи, что онъ постоянно ухаживалъ за замужними женщинами, что именно для поддержанія своей репутаціи молодого ловеласа, онъ считалъ нужнымъ продолжать такой образъ дѣйствій и нисколько не бояться притомъ огласки. Все это Тревиліанъ очень хорошо зналъ, а потому не только считалъ себя вправѣ не принимать въ свой домъ человѣка, котораго не уважалъ, но видѣлъ себя положительно обязаннымъ отклонить всякую интимность полковника Осборна съ его, Тревиліана, домомъ.

Отчего же онъ не объяснилъ этого откровенно женѣ? Понятно, что онъ не скоро могъ рѣшиться на подобное объясненіе. Предварить жену, которую онъ любилъ, которую онъ держалъ въ высокомъ уваженіи, о грозящей ей опасности—ему, разумѣется, было непріятно. Ему непріятно было сопоставлять даже въ мысли имя своей жены съ именемъ и репутаціею Осборна. Столь же непріятно ему было выступать какъ будто съ ревностью относительно такого недостойнаго, пустого и смѣшного влюбчиваго старика, какъ будто онъ видѣлъ въ немъ возможнаго соперника. Все это было крайне непріятно, но, наконецъ, Тревиліанъ все-таки рѣшился на такое откровенное объясненіе и остерегъ жену на счетъ репутаціи, прежнихъ подвиговъ и нынѣшнихъ замашекъ полковника Осборна.

И чтоже — жена его, конечно, ничему этому не повѣрила, опасности никакой не увидала, а напротивъ, усмотрѣла во всей этой выходкѣ только досаду Тревиліана, неуваженіе къ себѣ лично и общую манеру мужчинъ считать женщинъ неспособными судить объ общественныхъ условіяхъ. Особой щепетильности англійскихъ общественныхъ условій она не знала, потому что воспитывалась на Мандаринскихъ островахъ. Полковника Осборна она съ дѣтства привыкла считать другомъ своего отца, стало быть человѣкомъ заслуживающимъ уваженія. Она знала его двадцать лѣтъ, а мужъ едва былъ съ нимъ знакомъ. О подвигахъ его она ничего не знала сама потому, что очень рѣдко бывала въ томъ

обществѣ, въ которомъ онъ жилъ. Ей было ясно, что мужъ просто ухватился за нелѣпыя сплетни по антипатіи къ Осборну, и въ повтореніи имъ этихъ сплетень ей — она увидѣла недостатокъ уваженія мужа къ ней, и недостатокъ уваженія его къ самому себѣ.

Да, она была совершенно права, съ своей точки зрѣнія. Она и не могла судить иначе. Сопоставленіе такихъ понятій, какъ ревность мужа, долговременная дружба старика Осборна, котораго она знала двадцать лѣтъ, который видѣлъ ее ребенкомъ, любовь мужа и въ тоже время выступленіе съ капризами, деспотическою волею — такое сопоставленіе не могло не казаться ей рядомъ противорѣчій, невозможностей.

Но Тревиліанъ тоже былъ правъ. Правда, полковникъ Осборнъ былъ лѣтами не моложе сэра Мэрмадюка Роули; правда, что Осборнъ видѣлъ Эмили ребенкомъ, и она знала его двадцать лѣтъ. Но все это было справедливо только по буквѣ, а не по смыслу. Сэръ Мэрмадюкъ Роули, на шестомъ десяткѣ лѣтъ жизни, былъ растолстѣвшій, добродушный отецъ семейства и домосѣдъ. Всѣ затѣи молодости давно вышли изъ его головы. Онъ думалъ только о своихъ восьми дочеряхъ, о своей женѣ, да еще — о своемъ обѣдѣ. Онъ, вѣроятно, задумывался иногда и надъ тѣмъ, что ничего не успѣлъ отложить на черный день, что подъ старость онъ имѣлъ въ виду одно жалованье, пока правительство держало его на службѣ.

Полковникъ же Осборнъ, хотя и старше его нѣсколькими годами, былъ человѣкъ совсѣмъ иного рода. Онъ, какъ уже сказано, не былъ женатъ и никакихъ заботъ не имѣлъ, кромѣ заботъ члена парламента. Онъ очень хорошо «сохранился», очень хорошо одѣвался, ежедневно отправлялся въ Гайдъ-паркъ верхомъ на отличной лошади, съ грумомъ, тоже на отличной лошади. У него въ имѣніи былъ хорошій конскій заводъ, и самъ онъ славился и теперь охотою верхомъ. Однимъ словомъ, онъ былъ франтъ, со всѣми претензіями франтовства, считалъ себя молодымъ, хотѣлъ казаться и казался молодымъ, былъ высокій, худощавый, красивый мужчина, съ тою «опасною» репутаціей, о которой уже упомянуто. Эмили онъ видалъ ребенкомъ, но за то вовсе не видалъ ея съ тѣхъ поръ, и познакомился съ нею, когда она уже была невѣста, и продолжалъ это знакомство потому именно, что она была хорошенькая женщина. Она знала его уже двадцать лѣтъ, но еще вѣрнѣе можно было сказать, что она его двадцать лѣтъ не знала, а ей и теперь было всего двадцать два года.

Въ сценѣ объясненія съ женою относительно увеличившейся интимности этого «стараго друга», у Тревиліана, когда его доказа-

тельства были встрѣчены недовѣріемъ и самая мысль его признана нелѣпою, вырвалось одно, довольно рѣзкое слово, сказанное или въ сердцахъ, противъ воли, какъ то бываетъ при разставаньи, послѣ жаркаго спора. Какъ только онъ сошелъ въ нижній этажъ, въ свой кабинетъ, онъ тотчасъ сознаіъ, что это слово, сказанное сгоряча, было совершенно лишнее, и что оно должно было оскорбить его жену. Онъ былъ почти готовъ пойти опять на верхъ и просить у Эмили извиненія. Онъ и сдѣлалъ бы это, еслибы извиненіе его не было принято какъ сознаніе въ томъ, что онъ былъ неправъ вообще, во всемъ этомъ дѣлѣ. Эта мысль и задерживала его. Прохаживаясь взадъ и впередъ по кабинету, онъ, соображая, что у жены его характеръ не уступалъ въ твердости его собственному характеру, приходилъ къ ясному заключенію, что жена не помирится съ нимъ, если онъ не возьметъ своего слова назадъ. Но какъ взять назадъ одно слово, оговоривъ справедливость всего остальнаго, и могло ли это повесть къ примиренію? Наконецъ, онъ все-таки рѣшился просить у нея прощенія, но только не теперь, не сейчасъ, а тогда, когда представится какой-нибудь удобный случай. Напримѣръ, онъ могъ сдѣлать это тогда, когда пошелъ бы наверхъ, чтобы одѣваться къ обѣду. Въ этотъ день они приглашены были къ обѣду у графини Мильборо, старушки-вдовы, весьма почтенной и доброй, бывшей другомъ всего семейства Тревиліановъ, еще съ его дѣтства. Эмили немножко, не то что побаивалась, но стѣснялась, въѣзжая въ домъ этой старушки, окруженной въ обществѣ высокимъ почетомъ. Тревиліанъ разсчитывалъ на то, что досада его жены будетъ нѣсколько устранена этимъ чувствомъ робости, во время одѣванья къ выѣзду, и рѣшился тогда-то именно зайти къ ней, и сказать, что онъ никакъ не хотѣлъ ея обидѣть, и что предостереженіе его не имѣло ничего общаго съ малѣйшимъ какимъ-либо сомнѣніемъ или опасеніемъ насчетъ приличности собственнаго ея поведенія.

Между тѣмъ въ столовой поданъ былъ завтракъ. Тревиліанъ самъ никогда не завтракалъ, но иногда приходилъ къ завтраку и, для компаніи, съѣдалъ сухарь. Въ настоящемъ положеніи онъ могъ пойти въ столовую, могъ и не пойти, такъ какъ и то, и другое, не представляло бы ничего выходящаго изъ обыкновеній. Хорошо было бы, еслибы онъ пошелъ, но, при настоящемъ положеніи дѣлъ, явиться въ столовую ему было какъ-то неловко, и естественно, что онъ этого не сдѣлалъ. Когда же завтракъ кончился, и дамы опять пошли къ себѣ, наверхъ, онъ началъ думать о томъ, пріѣдетъ ли Осборнъ сегодня, и если пріѣдетъ, то будетъ ли принятъ его женою. Потомъ, онъ сѣлъ къ письменному столу и попробовалъ заняться статьею, которую онъ писалъ

для одного журнала; но мысль о визитѣ Осборна не оставляла его уже ни на минуту. Пятьдесятъ разъ онъ божился самъ себѣ, что то, чтó онъ чувствуетъ, не есть ревность, что всякое подобное чувство въ немъ было бы непростительнымъ оскорбленіемъ его жены. Но, между тѣмъ, онъ очень ясно чувствовалъ также, что былъ бы весьма радъ, еслибы хоть собственно въ этотъ день жена его не приняла Осборна. Просить у жены прощенія онъ рѣшился во всякомъ случаѣ: приметъ ли она Осборна или нѣтъ. Но, казалось ему, еслибы она *не* приняла, и тѣмъ выказала наклонность сообразоваться съ его желаніемъ, хотя бы въ этотъ только день, то ему было бы легче просить прощенія, и онъ съумѣлъ бы вложить въ свои слова болѣе нѣжности, болѣе выказать искреннюю свою привязанность.

— Не сказать ли слово Ричарду? — шепнула Нора сестрѣ, когда онѣ поднимались по лѣстницѣ, послѣ завтрака. Ричардъ былъ слуга, которому пришлось бы сказать, что — нѣтъ дома.

— Я не намѣрена, отвѣчала м-ссъ Тревиліанъ.

— Не могу ли я сказать?

— Конечно нѣтъ, Нора. Я бы чувствовала, что унижаю себя, еслибы допустила, чтобы вещи, сказанныя мнѣ *такимъ образомъ*, сколько-нибудь на меня подѣйствовали.

— Эмили, мнѣ кажется — вы неправы. Право, мнѣ кажется такъ.

— Согласитесь, что я лучше знаю, чтó мнѣ слѣдуетъ дѣлать въ моемъ домѣ и по отношенію къ моему мужу.

— О, конечно.

— Пусть онъ дастъ мнѣ приказаніе; приказаніе я исполню. Исполнила бы и простое желаніе, еслибы онъ выразилъ его иначе. Но когда онъ говоритъ, что ему «не хотѣлось бы», чтобы полковникъ Осборнъ бывалъ у насъ въ домѣ — чтó же это значитъ? И еслибы вы видали, *какъ* онъ это сказалъ, то думали бы точно также, какъ я. Это было просто грубое оскорбленіе, и — не въ первый разъ.

Во время этой рѣчи, глаза ея блистали огнемъ и щеки покрылись яркимъ румянцемъ гнѣва. Сестра видѣла, что она серьезно сердится. Въ эту минуту послышался ударъ молотка въ дверь, и обѣ сестры поняли, что это означало визитъ полковника Осборна. И Люисъ Тревиліанъ, сидя въ своей библіотекѣ, за своей статьей, тоже понялъ, чье прибытіе возвѣщалъ этотъ ударъ молотка.

Если читатель, желающій самъ стать судьею между Тревиліаномъ и его женою, обратится къ самому автору за болѣе полными справками насчетъ истинныхъ намѣреній полковника,

за такими справками, какихъ авторъ не могъ предоставить своимъ героямъ, но можетъ предоставить своимъ читателямъ, — то и эти справки не измѣнятъ въ умѣ читателя того, въ сущности неудовлетворительнаго мнѣнія, что и миссисъ Тревиліанъ была права, и мистеръ Тревиліанъ былъ правъ.

Чтобы, вѣря въ безтенденціозность Троллопа, не заподозрили насъ самихъ въ тенденціозномъ изложеніи настоящаго дѣла, мы справку эту выпишемъ собственными словами Троллопа: «Читатель можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что у полковника Осборна вовсе не было предвзятаго злонамѣреннаго плана, когда онъ позволялъ себѣ становиться въ интимность съ дочерью своего стараго друга. Въ природѣ его не было ничего «адскаго». Онъ не имѣлъ обычая хвастаться своими побѣдами. Онъ не былъ хищнымъ волкомъ, рыщущимъ по свѣту, кого бы поглотить, съ твердой рѣшимостью непремѣнно поглотить все то, что ему встрѣтится. Но онъ любилъ то, что пріятно; а изъ всѣхъ пріятныхъ вещей, самою пріятною для него было общество хорошенькой, умной женщины. Въ настоящемъ же періодѣ его жизни, ни одна женщина не нравилась ему до такой степени, какъ хорошенькая миссисъ Тревиліанъ, и не казался ему столь пріятно-умною, какъ она». Вотъ и все. Но изъ этой справки, разсматриваемой въ совокупности съ хорошо извѣстною репутаціею полковника Осборна явствуетъ, что хотя миссисъ Тревиліанъ была права, но и мистеръ Тревиліанъ былъ вполнѣ правъ.

Услыхавъ шаги Осборна по лѣстницѣ, Тревиліанъ поднялся со стула, какъ будто намѣреваясь послѣдовать за нимъ въ гостиную. И если бы онъ сдѣлалъ это, и успѣлъ не выказать никакой досады въ обращеніи съ этимъ человѣкомъ, то это могло открыть путь къ примиренію съ женою. Но дойдя до двери кабинета, и взявшись за ручку — онъ повернулся назадъ, говоря себѣ, что онъ не хочетъ позволить себѣ чего-либо похожаго на оскорбительную для жены ревность. А между тѣмъ, причиною этого отступленія было не это, а то, что онъ не чувствовалъ себя въ состояніи быть вѣжливымъ съ человѣкомъ, котораго ненавидѣлъ. Поэтому онъ опять сѣлъ за столъ, взялся за перо, и началъ долбить свой мозгъ, стараясь продолжать статью для журнала. Но въ умѣ его не оказывалось въ ту минуту ничего, кромѣ сознанія, что полковникъ Осборнъ — пошелъ наверхъ. Онъ оставилъ перо и сжалъ кулаки. Какое право имѣлъ тотъ человѣкъ вторгаться къ нему, непрошенный, и разрушать его счастіе? И жена его, воспитанная въ глуши, что могла она знать объ ухищреніяхъ этой великосвѣтской змѣи, и ея коварныхъ намѣреніяхъ? Онъ вспомнилъ примѣръ, какъ одну молодую даму

мужъ увезъ въ Неаполь, чтобы спасти ее отъ Осборна. Неужели дошло до того, что и ему, Тревиліану, необходимо спасать въ Неаполь свою, любимую жену отъ сѣтей такой презрѣнной твари? Самая мысль о бѣгствѣ передъ такимъ гадомъ была глубоко-язвительна. Да еслибы онъ и рѣшился поступить такъ, то еще согласится ли жена? Нѣтъ, она не захочетъ понять причину, недопуститъ, что на это есть основаніе, что благоразуміе требуетъ этого.

А между тѣмъ, полковникъ Осборнъ сидѣлъ наверху. Сидѣлъ онъ уже давно и повидимому не собирался уходить. При этой мысли, Тревиліанъ почти пришелъ къ тому убѣжденію, что его долгъ поступить въ этомъ дѣлѣ напрямки. Извѣстно, что значитъ, когда мужъ говоритъ себѣ, что онъ долженъ поступить съ женою напрямки.

Думая такъ, Тревиліанъ пришелъ къ заключенію, что не только не слѣдуетъ просить извиненія у жены за сказанныя имъ рѣзкія слова, но что полезно даже повторить ихъ еще нѣсколько внушительнѣе. Онъ предвидѣлъ, что она приметъ ихъ съ гнѣвомъ и что за этимъ гнѣвомъ послѣдуетъ періодъ молчаливаго негодованія, еще гораздо болѣе несноснаго, чѣмъ цѣлые потоки гнѣвныхъ словъ. Но неужели же онъ, мужчина, могъ не исполнить своей обязанности изъ одного страха передъ гнѣвомъ жены? Нѣтъ, не просить прощенія, а еще разъ напомнить ей слѣдовало, что для счастья ихъ обоихъ необходимо прекратить всякую интимность съ полковникомъ Осборномъ. Это рѣшеніе образовалось въ умѣ его вполнѣ естественно подъ вліяніемъ продолжительности визита Осборна; чѣмъ дольше тотъ сидѣлъ, тѣмъ горче и мрачнѣе становились мысли Тревиліана, тѣмъ болѣе, что онъ слыхалъ, какъ къ Норѣ пріѣхала знакомая дама, которая вызвала ее изъ гостиной, такъ что жена его сидѣла съ полковникомъ Осборномъ почти все время одна.

О чемъ же говорили въ это время *они*? Содержаніе ихъ бесѣды было не только невинно, но даже до нѣкоторой степени добродѣтельно. Осборнъ былъ избранъ членомъ парламентской коммиссіи, которой было поручено пересмотрѣть систему колоніальнаго управленія. Для этого, коммиссіи необходимо было призвать, для личныхъ объясненій, по меньшей мѣрѣ двухъ губернаторовъ колоній. А такъ какъ Осборнъ былъ въ связяхъ съ министромъ колоній, то отъ него зависѣло, чтобы въ числѣ этихъ двухъ губернаторовъ былъ вызванъ въ Англію губернаторъ Мандаринскихъ острововъ. Вотъ этотъ-то проектъ Осборнъ и сообщалъ женѣ Тревиліана. Этотъ проектъ открывалъ совершенно неожиданную возможность пріѣзда въ Англію отца ея и матери. Безъ него они не имѣли бы

еще долгое время возможности даже и помышлять о пріѣздѣ въ метрополію, какъ потому, что сэръ Мэрмадюкъ всего года два бралъ отпускъ туда, такъ и потому, что средства ихъ не позволяли имъ повторить такое путешествіе. Совсѣмъ иное дѣло быть вызвану въ Англію по казенной надобности: тутъ не надо просить отпуска, и всѣ издержки оплачиваются казною, включая даже расходы на извозчиковъ въ Лондонѣ «по дѣламъ службы». Вотъ какой добродѣтельный проектъ возымѣлъ полковникъ Осборнъ и сообщалъ своей собесѣдницѣ, которая, разумѣется, пришла въ восхищеніе.

Можно конечно сказать, что сэръ Мэрмадюкъ Роули вовсе не былъ губернаторъ особенно способный научить парламентъ чему-либо путному, и что, указывая министру на него, членъ парламента Осборнъ желалъ собственно оказать услугу хорошенькой женщинѣ, которой онъ былъ другомъ. Но можно также сказать, что такъ какъ другой губернаторъ, котораго при этомъ предполагалось вызвать, считался орломъ, былъ администраторъ, что называется «перваго сорта», то, чтобы избѣгнуть односторонности, небезполезно было придать ему въ товарищи администратора «второго сорта», какъ сэръ Мэрмадюкъ, особливо съ его опытностью. Такъ что, въ настоящемъ случаѣ, полковникъ Осборнъ, предлагая проектъ самъ по себѣ добродѣтельный, въ тоже время оставался безупреченъ и въ своемъ качествѣ одного изъ законодателей своего отечества.

Объ одномъ онъ серьезно просилъ свою «дорогую Эмили»... Какъ старый другъ родителей ея, Осборнъ считалъ себя вправѣ называть м-ссъ Тревиліанъ крестнымъ именемъ; прилагательное же «дорогая» было имъ употреблено по отношенію къ ней нѣсколько разъ также въ присутствіи ея отца и матери — безъ всякаго съ ихъ или съ ея стороны возраженія. Затѣмъ, онъ такъ и продолжалъ обращаться къ ней, какъ бы къ «дорогой Эмили»,—за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ случаевъ, когда присутствовалъ ея мужъ, который, какъ зараженный педантизмомъ, могъ бы обидѣться этой невинной вольностью. Объ одномъ Осборнъ серьезно просилъ «свою дорогую Эмили» — не говорить ни слова о проектѣ его относительно ея отца — мужу. М-ссъ Тревиліанъ очень хорошо понимала неловкость такихъ вещей, какъ обращеніе къ ней посторонняго человѣка съ выраженіемъ «моя дорогая Эмили», и въ особенности—совмѣстнаго сокрытія ими чего-либо отъ мужа, но она ничего не могла, въ обоихъ случаяхъ. Относительно «дорогой Эмили», ей крайне хотѣлось какъ-нибудь высказать Осборну, что такое обращеніе съ ней слишкомъ фамильярно и потому неумѣстно. Но какъ высказать

нѣчто подобное—не мальчику, а человѣку солидному, въ положеніи Осборна? Имѣть общую съ нимъ тайну отъ мужа ей также очень не хотѣлось; но Осборнъ положительно потребовалъ этого. «Если объ этомъ узнаетъ кто-нибудь, если объ этомъ хоть слово будетъ сказано въ одномъ изъ клубовъ — убѣждалъ онъ ее—то я, какъ членъ коммиссіи, буду поставленъ въ положеніе крайне-непріятное. Это тотчасъ назовутъ интригою и я долженъ буду отъ всего отречься». Нечего было дѣлать, и м-ссъ Тревиліанъ, которой страстно хотѣлось такъ неожиданно доставить отцу и матери средство побывать въ Лондонѣ, свидѣться съ нею и съ сестрою — дала обѣщаніе не говорить объ этомъ и мужу, чтобы какъ-нибудь, сохрани Богъ, не испортить всего дѣла.

Она была очень обрадована проектомъ Осборна, хотя въ бесѣду его съ нею, на этотъ разъ, какъ-то прокрались еще нѣкоторыя новыя неловкости. Такъ, напр., онъ сказалъ мимоходомъ, что «ни для кого иного въ свѣтѣ» онъ не сдѣлалъ бы того, чтó рѣшился сдѣлать для нея. Казалось, какъ будто Осборнъ сознавалъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ приноситъ въ жертву свою гордость политическаго человѣка, приноситъ жертву весьма серьезную, которую онъ только въ состояніи перенесть изъ любви къ ней. Сверхъ того, при прощаніи, онъ, назвавъ ее опять дорогою Эмили, придалъ своему голосу нѣкоторый оттѣнокъ нѣжности, который почти уже показался ей совершенно лишнимъ. Но, конечно, все это можетъ быть ей только показалось такъ, да, и во всякомъ случаѣ, все это были пустяки.

Когда Осборнъ ушелъ, м-ссъ Тревиліанъ оставалась нѣкоторое время въ гостиной одна. Она знала, что мужъ ея все еще въ нижнемъ этажѣ, и прислушивалась нѣсколько минутъ, не придетъ ли онъ къ ней. И онъ, онъ тоже слыхалъ, какъ уходилъ полковникъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не зналъ, идти ли сейчасъ къ женѣ или нѣтъ. Онъ считалъ себя человѣкомъ характера весьма твердаго, но, тѣмъ не менѣе, въ теченіи предшествовавшей четверти часа, умъ его колебался, то въ ту, то въ другую сторону, между двумя рѣшеніями: рѣшеніемъ поступить съ женою «напрямки» или же — просить-таки у нея извиненія и тѣмъ покончить ссору. Онъ сознавалъ, что лучше исполнитъ свой долгъ, если поступитъ «напрямки», это такъ. Но за то, въ сущности, гораздо пріятнѣе да и легче было бы извиниться. Въ одномъ онъ былъ положительно убѣжденъ, именно, что такъ или иначе, но непремѣнно слѣдовало выпроводить Осборна изъ дому, потому что жизнь — съ такими чувствами, какія онъ испыталъ, пока жена его сидѣла вдвоемъ

съ Осборномъ—была бы невыносима, невозможна. Очень можетъ быть, что тутъ и въ самомъ дѣлѣ не было ничего, сколько-нибудь серьезнаго. Въ невинности своей жены, даже въ мысляхъ, а не только въ намѣреніяхъ ея, онъ былъ увѣренъ вполнѣ. Все дѣло въ томъ, что *такъ* идти далѣе не могло, что если на то пойдетъ, то онъ готовъ скорѣе послѣдовать примѣру того джентльмена, который увезъ свою жену отъ полковника Осборна въ Неаполь. Иначе, всѣ его способности мышленія будутъ парализированы, онъ самъ не будетъ знать, что съ нимъ дѣлается, онъ станетъ негоднымъ ни на что. Съ этой рѣшимостью, онъ — не пошелъ на верхъ, а надѣлъ шляпу и вышелъ изъ дому.

А мисиссъ Тревиліанъ, между тѣмъ, все еще оставалась одна въ гостиной, ожидая, не зайдетъ ли мужъ. Ей очень хотѣлось, чтобы онъ зашелъ, и она рѣшилась, несмотря на предшествовавшія свои рѣшенія, не поддаваться несправедливости,—рѣшилась тѣперь ухватиться за всякій, хотя бы самый легкій намекъ своего мужа въ смыслѣ извиненія. И это было естественно. Сознаніе, что ей не слѣдовало бы имѣть тайну отъ мужа, и воспоминаніе о нѣжности тона, который былъ принятъ Осборномъ при прощаніи съ нею, смягчали сердце ея по отношенію къ мужу. И еслибы Тревиліанъ пришелъ наверхъ въ эту минуту, то все могло поправиться. Но онъ не пришелъ. «Хочетъ дуться, ну такъ и пусть дуется», — сказала себѣ Эмили, узнавъ объ уходѣ мужа изъ дому.

Чтобы провесть время до обѣда, Тревиліанъ пошелъ на улицу Пэлл-Мэллъ, въ свой клубъ. Осборнъ также членомъ въ этомъ клубѣ. Первое, что услыхалъ Тревиліанъ въ клубѣ, былъ разговоръ двухъ членовъ о предполагаемомъ вызовѣ сэра Мэрмадюка Роули въ Англію, и объ участіи принимаемомъ въ этомъ дѣлѣ Осборномъ. Такъ-то самъ Осборнъ хранилъ молчаніе о томъ дѣлѣ, въ которомъ онъ такъ настойчиво требовалъ тайны отъ м-ссъ Тревиліанъ. Тревиліанъ, разумѣется, понялъ, что между ними происходитъ нѣчто такое, изъ чего онъ исключенъ или при чемъ онъ оставленъ въ сторонѣ. Онъ узнавалъ въ клубѣ то, чего не могъ узнать дома! Каково это было для супруга любящаго и проникнутаго взаимными обязанностями мужа и жены, святостью откровенности, отвращеніемъ ко всякому постороннему вмѣшательству между ними?

Возвратясь домой, Тревиліанъ прямо отправился къ женѣ, но она одѣвалась при помощи горничной, такъ что онъ не могъ говорить, и опять ушелъ, говоря себѣ, что Эмили нарочно не выпускаетъ изъ комнаты горничную, для того, чтобы объясненія не могло быть. Когда дамы собрались, онѣ всѣ втроемъ отпра-

вились въ леди Мильборо, въ каретѣ. Тревиліанъ все время молчалъ, а сестры все время вели между собой разговоръ, но тонъ этого разговора былъ фальшивый, какой всегда бываетъ, когда говорятъ не для того, чтобы что-нибудь сказать, а для того собственно, чтобы избѣгнуть молчанія. Онѣ чувствовали, что разговоръ не достигалъ и этой цѣли, что принужденность его была очевидна.

Обѣдъ у леди Мильборо былъ скученъ, особенно для м-ссъ Тревиліанъ, которая не любила леди Мильборо, за то, что та раза два попробовала дать ей совѣты. Совѣты эти были самаго невиннаго свойства, напримѣръ, относительно пользы пить пиво въ нѣкоторомъ интересномъ періодѣ. Но вообще всякія наставленія и совѣты, даваемые замужней женщинѣ другою женщиною, которая принадлежитъ къ семьѣ или къ старымъ знакомымъ мужа, рѣдко имѣютъ успѣхъ, а по характеру Эмили, они не только успѣха не имѣли, но еще предрасположили ее противъ леди Мильборо.

Между тѣмъ, леди Мильборо сама очень не любила полковника Осборна, котораго она именно почитала какимъ-то «хищнымъ звѣремъ», рыщущимъ по свѣту, и случилось такъ, что именно въ этотъ день, отведя Тревиліана въ сторону, она сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ насчетъ того, часто ли бываетъ у нихъ Осборнъ. Итакъ, убѣдился Тревиліанъ, не одинъ онъ, а и другіе начинаютъ уже замѣчать неумѣстную интимность Осборна въ его домѣ, и быть можетъ въ свѣтѣ скоро начнутъ шептаться по этому поводу, соединяя съ именемъ Осборна имя его жены. Эта мысль была невыносима. Тутъ же кто-то другой обратился уже прямо къ нему съ вопросомъ: правда ли, что тесть его ѣдетъ въ Англію? Итакъ, это дѣло было извѣстно всему городу, и сохранялось въ тайнѣ только отъ него.

Когда они ѣхали домой, онъ обратился съ вопросомъ къ женѣ:

— Скажите, Эмили, правда ли, что̀ я слышу насчетъ пріѣзда вашего отца? Нѣсколько секундъ не было отвѣта. Можетъ вы, Нора,—продолжалъ онъ обращаясь къ свояченицѣ—скажете мнѣ, такъ какъ Эмили не хочетъ отвѣчать. Извѣстно вамъ, что вашъ отецъ пріѣдетъ?

— Да, нерѣшительно отвѣчала Нора.

— Почему же мнѣ не сказали объ этомъ?

— Это былъ секретъ, отвѣчала м-ссъ Тревиліанъ, вооружась смѣлостью.

— Секретъ — отъ меня? Между тѣмъ, всѣ уже знаютъ. И почему же это могло быть секретомъ?

— Потому, что полковникъ Осборнъ не желалъ, чтобы это стало извѣстно, отвѣчала Эмили.

— А какое можетъ быть дѣло полковнику Осборну въ чемъ-либо такомъ, что касается васъ и вашего отца, *не подлежа* моему свѣдѣнію? Я не хочу, чтобы вы имѣли какія-либо отношенія съ полковникомъ Осборномъ. Я не желаю, чтобы вы видѣлись съ полковникомъ Осборномъ, слышите?

— Слышу, Люисъ.

— Но намѣрены ли вы сообразоваться съ этимъ? Помните только, что я положительно приказываю вамъ не видаться съ полковникомъ Осборномъ. Вамъ можетъ быть неизвѣстно, что вы уже наносите себѣ ущербъ въ мнѣніи объ васъ людей, какъ о честной женщинѣ, и позорите меня вашей интимностью съ полковникомъ Осборномъ.

— Люисъ, какже можно!—вступилась Нора.

— Оставьте, пусть его выскажетъ все разомъ, возразила ея сестра.

— Я высказалъ все, что̀ слѣдуетъ и теперь необходимо только, чтобы вы дали мнѣ торжественное обѣщаніе исполнить мою волю.

— Если вы высказали все, что̀ имѣли сказать, то выслушайте же меня.

— Мнѣ нечего отъ васъ слушать, пока вы не дадите мнѣ обѣщанія, котораго я требую.

— Въ такомъ случаѣ, я, конечно, не дамъ вамъ его.

— Эмили, душа моя, — опять вмѣшалась Нора — сдѣлайте такъ, какъ онъ желаетъ.

— Она еще не знаетъ,—сказалъ Тревиліанъ,—что ее обязываетъ долгъ поступать такъ, какъ я желаю. И такъ какъ она упряма, и не хочетъ слушаться тѣхъ, кто лучше ея знаетъ, что̀ женщинѣ позволительно и что̀ нѣтъ—то дѣло и кончится тѣмъ, что она погубитъ себя и погубитъ мое счастье.

— Одно я знаю,—отвѣчала она,—что вы вашей безразсудной ревностью уже погубили мое счастье. Подумали ли вы, что̀ должна я чувствовать, слыша такія слова отъ мужа? Если я заслуживаю, чтобы отъ меня требовали обѣщанія не видѣть кого бы то ни было, то значитъ я не заслуживаю быть чьею бы то ни было женою. Затѣмъ она предалась истерическому плачу, и въ такомъ положеніи, подъѣхавъ къ дому, убѣжала прямо наверхъ.

После этого м-ссъ Тревиліанъ отказалась видѣться съ мужемъ, если онъ не намѣренъ извиниться передъ нею, а мистеръ Тревиліанъ отказался видѣться съ женою, если она не намѣрена

прежде всего дать ему требуемое обѣщаніе. И каждый былъ правъ по-своему. Онъ былъ убѣжденъ, что дѣло слишкомъ серьезно и что необходимо остановить жену на скользкомъ пути, во что бы то ни стало. А она была глубоко оскорблена. Такъ, они и не видались.

На другой день, Тревиліанъ, возвратившись домой, въ передобѣденное время, нашелъ у себя на столѣ конвертъ со своимъ именемъ, и узнавъ руку жены, обрадовался, думая, что онъ заключаетъ въ себѣ ея обѣщаніе. Онъ тотчасъ рѣшился высказать ей въ такомъ случаѣ всю свою привязанность и всю свою уступчивость. Но въ конвертѣ была только слѣдующая записка: «Дорогая Эмили, я только что возвратился изъ министерства колоній. Все устроено, и вызовъ сэру М. посланъ. Теперь, разумѣется, вы можете сказать объ этомъ Т. Вашъ Ф. О.». Записка эта была Осборна.

М-ссъ Тревиліанъ, хотя и отказывалась дать требуемое мужемъ обѣщаніе, считая это обидою, однако рѣшилась въ дѣйствительности исполнить его волю. Еслибы онъ запретилъ ей даже принимать письма отъ Осборна, она не вскрыла бы этого письма, а отправила бы его къ мужу непрочтеннымъ. Но въ его приказаніи ничего не было о письмахъ. Думая такъ, она прочла письмо и потомъ послала его внизъ съ Норою, чтобы не обратить вниманія прислуги. Въ самомъ этомъ дѣйствіи она видѣла такое заявленіе покорности, которое должно было показать мужу всю его несправедливость. Но вышло совсѣмъ не такъ.

Во-первыхъ, вскрывъ конвертъ, онъ тотчасъ почувствовалъ горькое разочарованіе, найдя вовсе не ея обѣщаніе, а нѣчто совсѣмъ иное. Во-вторыхъ, какое право имѣлъ этотъ человѣкъ называть его жену «дорогая Эмили»? Въ-третьихъ, она прочла письмо, стало быть прямо показывала, что намѣрена продолжать сношенія съ Осборномъ, и если послала письмо мужу, то только потому, что не намѣрена была скрывать своихъ дѣйствій. «Теперь вы можете сказать объ этомъ Т.», — каково было читать это позволеніе Осборна?

До сихъ поръ Тревиліанъ не думалъ о всемъ томъ, что̀ онъ сдѣлалъ для своей жены. Теперь онъ сталъ припоминать себѣ, какъ онъ взялъ ее, бѣдную дѣвушку, изъ глуши, изъ другой, части свѣта, окружилъ ее довольствомъ, ввелъ ее въ общество, взялъ къ съ себѣ ея сестру, исполнялъ малѣйшія желанія своей жены, искренно любилъ ее, не имѣлъ никакого удовольствія, кромѣ удовольствія быть съ нею, не имѣлъ никакой дамы, которая бы называла его «дорогой Люисъ», и которою бы онъ не пожертвовалъ малѣйшей прихоти своей жены, наконецъ ни-

когда не имѣлъ отъ нея рѣшительно никакихъ секретовъ. Честность, невинность своей жены онъ и теперь не думалъ заподозривать. Сохрани Богъ! Но ему было очевидно, что она недостаточно знаетъ свѣтъ, что она можетъ невинно компрометтировать себя, ему уже слышался возмутительный свѣтскій шепотъ... Не было никакого сомнѣнія, что онъ долженъ былъ исполнить долгъ, налагаемый на него именно любовью его къ женѣ. Онъ еще разъ рѣшился непремѣнно добиться отъ нея потребованнаго обѣщанія, объявивъ ей, если окажется нужно, что иначе они не могутъ жить вмѣстѣ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, жить вмѣстѣ, какая оставалась возможность для отношеній мягкихъ, искреннихъ, если она въ глаза отказывалась исполнить первую волю, которую пришлось облечь въ приказаніе?

Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ онъ написалъ женѣ письмо, весьма мягкое по формѣ, съ выраженіемъ любви и всякой готовности забыть все случившееся, но съ твердымъ повтореніемъ своего требованія, чтобы она обѣщалась не видѣться съ Осборномъ, прибавивъ къ этому еще свое желаніе, чтобы она не принимала и писемъ полковника, а отправляла ихъ къ мужу. Затѣмъ отъ отправился обѣдать въ клубъ.

Получивъ это письмо, м-ссъ Тревиліанъ сказала слугѣ, чтобы не принимать *никого*.

— Могу ли я сказать слугѣ, чтобы онъ не допускалъ ко мнѣ именно такого-то господина? говорила она сестрѣ. — Послѣ этого мнѣ совѣстно будетъ смотрѣть слугѣ въ глаза.

— Чтоже вы намѣрены дѣлать? спросила Нора.

— Да ничего. Что же можетъ сдѣлать женщина при подобныхъ обстоятельствахъ? Просто жить въ одиночествѣ, и ждать, пока мужу заблагоразсудится перестать глупить. О, кто могъ думать, что дойдетъ до этого! И что я сдѣлала, чтобы заслужить такое обращеніе? Было ли когда-нибудь болѣе нелѣпое, болѣе чудовищное обвиненіе!

Однако, наконецъ, состоялось нѣчто въ родѣ соглашенія. При усердномъ посредничествѣ Норы, произошло свиданіе мужа и жены, и м-ссъ Тревиліанъ сказала мужу, что она, разумѣется, не станетъ принимать кого-либо противъ воли мужа, и Тревиліанъ радъ былъ удовольствоваться этимъ обѣщаніемъ, хотя она отняла у него всякое значеніе уступки разными оговорками, и затѣмъ старалась постоянно показать, что считала себя оскорбленною совершенно безъ всякаго основанія. Однимъ словомъ, она ясно показала, что подчиняется только капризу мужа. Но Тревиліанъ и этимъ былъ бы доволенъ, еслибы жена не вы-

водила его иногда изъ терпѣнія возвращаясь къ этому обстоятельству въ видѣ *преувеличенія* приказанія мужа; такъ, однажды, когда Осборнъ написалъ, что пріѣздъ сэра Мэрмадюка отложенъ до зимы, она ни за что не хотѣла сама взять въ руки этого письма, хотя его подавалъ ей мужъ; если эти письма ядовиты, то зачѣмъ же брать ихъ? Другой разъ, когда Осборнъ впередъ написалъ, что придетъ къ завтраку, Тревиліанъ хотѣлъ, чтобы его принять на этотъ разъ, для устраненія всякихъ догадокъ съ его стороны — но жена его ни за что не хотѣла остаться въ столовой и не показалась Осборну. Когда Тревиліанъ, на прогулкѣ съ женою и свояченицею, встрѣтилъ Осборна и послѣдній заговорилъ съ его женою, то она рѣзко просила мужа увесть ее домой, — такъ что Осборнъ не могъ не понять всей исторіи. Тревиліану это было крайне непріятно, и чтобы загладить этотъ случай, онъ отмѣнилъ данное имъ слугѣ приказаніе не принимать Осборна. А когда онъ сдѣлалъ это, тогда м-ссъ Тревиліанъ стала опять принимать Осборна одна и вновь начала съ нимъ переписываться.

— Я готова слушаться его приказаній, возражала она сестрѣ, но онъ самъ не знаетъ чего хочетъ; сегодня одно, завтра другое. Захочетъ опять запретить — тогда я опять буду знать, что нельзя.

Тревиліанъ, видя, что жена, въ концѣ концовъ, одержала надъ нимъ самую безспорную побѣду, счелъ нужнымъ снова сдѣлать ей внушеніе. Но изъ этого внушенія ничего хорошаго не вышло; оно только послужило сигналомъ къ возобновленію враждебныхъ демонстрацій съ обѣихъ сторонъ, изъ которыхъ каждая, въ тоже время, чувствовала любовь къ непріятелю и свое несчастное положеніе быть въ необходимости поступать такъ, а не иначе, для защиты своего нравственнаго достоинства.

Такъ, узнавъ, что Осборнъ опять пишетъ къ его женѣ, Тревиліанъ потребовалъ отъ нея снова обѣщанія, въ которомъ она на этотъ разъ уже рѣшительно отказала, объявляя, что будетъ сообразоваться съ его волею только тогда, когда онъ самъ будетъ знать чего хочетъ. Она разсказала все одному близкому пріятелю мужа, прося этого пріятеля вразумить Тревиліана, а Тревиліанъ отказался его слушать. Потомъ, онъ послалъ къ ней леди Мильборо съ увѣщаніями, а она съ негодованіемъ отвергла увѣщанія, ссылаясь на то, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться между мужемъ и ею. При новомъ свиданіи мужа и жены — теперь уже прямо устроенномъ для переговоровъ, она, опираясь на тотъ фактъ, что онъ самъ нѣсколько разъ торжественно призналъ ея невинность, отказалась отъ всякихъ усту-

покъ капризамъ. Дѣло въ томъ, что каждому изъ нихъ хотѣлось собственно только того, чтобы другой *самъ призналъ*, что онъ былъ неправъ. А такъ какъ и онъ, и она были убѣждены въ совершенной своей правотѣ, то именно такого признанія ни онъ, ни она не хотѣли допустить съ своей стороны. При настоящемъ свиданіи въ первый разъ произнесено уже было слово о возможности—разлученія.

— Я требую только одного—сказалъ онъ—обѣщайте мнѣ не входить ни въ какія сношенія съ этимъ человѣкомъ.

— Я не хочу дать обѣщанія, которое свидѣтельствовало бы о моей винѣ.

— Тогда мы должны разойтись. Вы можете жить гдѣ вамъ угодно, въ Лондонѣ, или въ провинціи; но я приму мѣры, чтобы полковникъ Осборнъ не посѣщалъ васъ тамъ.

— Я не останусь въ этой комнатѣ, чтобы подвергаться вашимъ оскорбленіямъ,—сказала она и вышла.

— Лучше разойтись..., подумалъ Тревиліанъ.

И они разошлись. Но Тревиліана вѣчно мучила одна мысль. Онъ ничѣмъ не могъ заниматься, онъ мало-по-малу обращался въ маніака. Онъ пріискалъ — самъ внутренно презирая себя за это — человѣка, который слѣдилъ за его женою. И узнавъ отъ него, что Осборнъ осмѣлился явиться въ домъ, гдѣ м-ссъ Тревиліанъ поселилась съ однимъ семействомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что остается одно средство смирить ее: отнять у нея ребенка. И онъ это сдѣлалъ; по его распоряженію, ребенокъ былъ похищенъ изъ ея квартиры во время ея отсутствія.

Въ страшномъ горѣ, постигшемъ, такимъ образомъ, м-ссъ Тревиліанъ, нѣтъ сомнѣнія, что начала наконецъ угасать и самая любовь ея къ мужу. Но онъ — онъ продолжалъ горячо любить ее, и живя съ сыномъ въ дикомъ уединеніи, въ Италіи, онъ изсушалъ себя горемъ, сознавая, что она должна была разлюбить его, а вмѣстѣ мыслью о всей жестокости и несправедливости, какою она отплатила за его чистую любовь. Но—онъ зналъ, что онъ правъ.

Эмили, когда пріѣхали ея родители, переѣхала жить къ нимъ, и само собою разумѣется, что родители вполнѣ сочувствовали ея положенію. Она знала, что она невинна, она знала, что и онъ это знаетъ — а между тѣмъ онъ ее бросилъ и отнялъ у нея ребенка. Вся ея жизнь была испорчена. Чѣмъ заслужила она это? И въ дѣйствіяхъ, и въ мысляхъ она была вѣрна ему, она была права.

Сэръ Мэрмадюкъ два раза являлся къ Тревиліану, разъ еще

въ Англіи, другой разъ въ Италіи (на своемъ обратномъ пути въ колонію) и въ гнѣвѣ своемъ объявилъ зятю, что онъ—сошелъ съ ума, и что онъ, сэръ Мэрмадюкъ, потребуетъ освидѣтельствованія его врачами и затѣмъ потребуетъ учрежденія надъ нимъ опеки. Тревиліанъ съ негодованіемъ отвѣчалъ тестю, и просилъ его выйти вонъ; но такъ какъ въ самомъ дѣлѣ здоровье его приходило въ упадокъ, такъ какъ онъ вѣчно сидѣлъ въ задумчивости и не могъ ничего дѣлать — то въ немъ возникло опасеніе, что люди, судя по внѣшности, пожалуй и въ самомъ дѣлѣ сочтутъ его безумнымъ и примутъ какія-либо насильственныя мѣры. Это и было главной причиною его отъѣзда въ Италію.

Но его нашли и тамъ. Два раза Тревиліанъ видѣлся и съ женой. При видѣ его исхудавшаго тѣла, его померкшаго взгляда, наконецъ глубокой меланхоліи, которую выражали всѣ его движенія, она бросилась ему на шею, умоляя его не мучить себя. Въ первый разъ она только просила возвратить ей ребенка, обѣщая сдѣлать все, что будетъ угодно мужу: она видѣла, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который въ самомъ дѣлѣ боленъ. При этомъ она обѣщала ему забыть прошлое. Тревиліанъ, хотя отвѣчалъ ей мягко, но отказался отдать ребенка.

— Чтóже вы хотите, чтобы я сдѣлала? спрашивала она.

— Сознайтесь, что вы грѣшны предо мною. На это она отвѣчала слезами и заклинаніями, что она не согрѣшила, что она невинна передъ нимъ. Они разстались, предполагая увидѣться еще разъ. Но Тревиліанъ тогда-то вдругъ и рѣшился уѣхать въ Италію и уѣхалъ, не повидавшись съ нею.

Другой разъ они видѣлись въ Италіи. Она провожала отца и мать, и открывъ убѣжище мужа, просила его позволенія повидаться съ ребенкомъ. Онъ согласился. Она убѣдилась, что онъ сталъ еще болѣе боленъ, еще болѣе непохожъ на себя. Она опять умоляла его отдать ей ребенка, обѣщаясь забыть все прошлое.

Она обѣщала *ему* забыть прошлое. Еслибы только она была менѣе увѣрена въ совершенной своей правотѣ, то она догадалась бы иначе составить свою рѣчь—попросить *его*, чтобы *онъ* забылъ прошлое. Этого было бы довольно, потому что человѣкъ этотъ, въ то время, въ самомъ дѣлѣ уже былъ почти маніакомъ и стоило удовлетворить его idée fixe, чтобы спасти его отъ нея.

Но ей, искренно, добросовѣстно, при всемъ намѣреніи сдѣлать все для мужа въ его положеніи, все-таки не пришло въ голову малѣйшаго сомнѣнія насчетъ полной своей правоты.

Вотъ почему она и не догадалась сказать того, что могло спасти ея мужа, избавивъ его мысль отъ напряженія въ одной и той же цѣли.

Между тѣмъ, Тревиліанъ, чувствуя, зная, что онъ правъ, рѣшился все-таки принесть себя въ жертву—отдать ей ребенка. А самъ онъ, мало-по-малу, зачахъ. Жена ухаживала за нимъ во время послѣдней его болѣзни. Наконецъ, когда онъ уже умиралъ, ей внезапно пришла мысль, что онъ унесетъ съ собою во гробъ убѣжденіе въ ея невѣрности. Она стояла на колѣняхъ передъ его кроватью. Онъ повернулся къ стѣнѣ; онъ зналъ, что умираетъ.

— Другъ мой, дорогой мой Люисъ, скажи мнѣ одно слово... просила она.

— Какое?

— Обвиняешь ты меня *въ прелюбодѣяніи*—или нѣтъ? Если нѣтъ — поцалуй мою руку, Люисъ. И она приложила свои пальцы къ его губамъ. Нѣсколько секундъ она понапрасну ждала поцалуя. Страшное отчаяніе овладѣвало ею. Значитъ, онъ въ сердцѣ произноситъ надъ нею приговоръ — на вѣки? Наконецъ, она почувствовала движеніе его губъ. Онъ не произнесъ ни слова, ни въ подтвержденіе, ни въ отрицаніе, и испустилъ духъ.

Несовмѣстимость характеровъ, скажутъ пожалуй. Если несовмѣстимость значитъ несходство характеровъ, то возраженіе это было бы неосновательно: супруги Тревиліанъ оба совершенно сходны въ томъ, что каждый изъ нихъ безусловно убѣжденъ въ своей правотѣ. Если же несовмѣстимость характеровъ — извѣстная incompatibilité d'humeur, служащая легальнымъ поводомъ къ разводамъ — состоитъ именно въ томъ, что характеры супруговъ слишкомъ сходны въ твердости, а потому и несовмѣстны — то изъ этого выходитъ, что въ бракѣ немыслимо равенство.

Обратимся теперь къ другой картинѣ, картинѣ брака вполнѣ удовлетворительнаго, и предоставимъ судить, насколько онъ соотвѣтствуетъ идеаламъ женевской юности.

III.

Мистеръ Фэрнивалъ — одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Лондонѣ адвокатовъ. Съ нашею недавнею практикою гласнаго судопроизводства мы не можемъ имѣть понятія о томъ, какихъ усилій и трудовъ стоитъ адвокату, чтобы стать въ первомъ ряду въ Англіи. Причиною тому не столько сложность англійскаго законо-

дательства, сколько—огромная конкурренція. Образованныхъ людей, посвящающихъ себя юридической профессіи—множество, и начинающіе адвокаты цѣлые года сидятъ безъ серьезной практики. Мистеръ Фэрниваль [1]) въ настоящее время одинъ изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ, и разумѣется очень богатъ. Но извѣстность онъ пріобрѣлъ уже, когда ему было подъ пятьдесятъ лѣтъ, а для пріобрѣтенія ея ему, кромѣ замѣчательнаго таланта, надо было работать съ молодости по пятнадцати часовъ въ сутки. Во время сессій онъ весь свой день и часть ночи посвящалъ практикѣ; во время вакацій онъ составлялъ судебные сборники изъ процессовъ, которые имъ же были записаны; у адвокатовъ непремѣнно цѣлая полка занята семнадцатью томами судебныхъ сборниковъ, изданныхъ Фэрнивалемъ и Стэпльсомъ. Сверхъ того, Фэрниваль работалъ и для издателей-книгопродавцевъ, и для газетъ, и все работалъ по юридической части, и долгіе, долгіе годы работалъ такъ за безцѣнокъ. Этотъ работящій человѣкъ былъ вмѣстѣ человѣкъ терпѣливый: никто не слышалъ отъ него ни одной жалобы на жестокость свѣта и несправедливость судьбы, во все то долгое время, когда за непомѣрные труды свои онъ получалъ непомѣрно малое вознагражденіе, едва дававшее ему возможность сводить концы съ концами, или—какъ говорятъ англичане—«держать волка за дверьми».

Какой особенный случай вывелъ наконецъ Фэрниваля изъ этого положенія, какой процессъ далъ ему извѣстность, нельзя сказать, да едва-ли былъ въ дѣйствительности такой особый случай. Мало-по-малу установилось такое мнѣніе, что онъ — человѣкъ надежный, знающій свое дѣло, добросовѣстный со своими кліентами и весьма опасный для противной стороны. Люди, имѣющіе процессы, берутъ иногда извѣстнаго адвоката не только для того, чтобы онъ велъ ихъ дѣло, но и для того, чтобы онъ *не велъ* дѣла противной стороны. Нельзя было, конечно, пригласить вмѣстѣ, для одного и того же дѣла, и знаменитаго сэра Ричарда и г. Фэрниваля: это стоило бы слишкомъ дорого и представляло бы, пожалуй, излишекъ силъ, такъ какъ каждый изъ нихъ, самъ по себѣ, былъ уже могуществомъ. Но когда противная сторона брала, напримѣръ, сэра Ричарда, то было необходимо обратиться къ Фэрнивалю, для того, что «нейтрализировать» (выражаясь химически) знаменитаго сэра Ричарда.

Фэрниваль, достигнувъ въ своей профессіи извѣстности и составивъ себѣ въ ней состояніе, вступилъ—какъ подобаетъ для увѣнчанія карьеры — въ парламентъ. Само собою разумѣется,

---

[1]) Orley Farm.

что парламентской карьеры онъ уже не можетъ имѣть въ виду, такъ какъ онъ взялся за это дѣло слишкомъ поздно, но онъ можетъ все-таки оказаться весьма полезнымъ, по своимъ спеціальнымъ свѣдѣніямъ, членомъ палаты. У адвокатовъ, какъ и у врачей, есть различныя спеціальности. Спеціальностью Фэрниваля были не уголовныя дѣла, а наиболѣе трудныя, наиболѣе запутанныя изъ дѣлъ гражданскихъ, такія дѣла, въ которыхъ нужно было разъяснить запутанность самыхъ законовъ, дѣла по завѣщаніямъ, дѣла желѣзнодорожныхъ компаній, дѣла по брачнымъ записямъ и укрѣпленіямъ, и — дѣла бракоразводныя. Этотъ перечень не исчерпываетъ всего круга дѣятельности Фэрнивалля, но показываетъ только, въ какого рода дѣлахъ онъ былъ особенно великъ и побѣдоносенъ. Вообще же не было такой отрасли гражданскаго судопроизводства, по которой не имѣлъ бы репутаціи адвоката весьма сильнаго; при чемъ не мѣшаетъ замѣтить, что онъ имѣлъ также репутацію противника весьма опаснаго для добраго имени тѣхъ людей, противъ которыхъ онъ велъ дѣло. Такихъ соображеній, что поручаемое ему дѣло можетъ быть само по себѣ честно или безчестно, онъ не зналъ: *его* дѣло было всегда честно, въ томъ смыслѣ, что онъ поступалъ честно со своимъ поручителемъ. А было ли дѣло самого поручителя — честное, объ этомъ Фэрниваль и не спрашивалъ себя: его долгъ состоялъ въ томъ, чтобы выиграть дѣло ему порученное, какъ долгъ врача, призваннаго къ больному — излечить болѣзнь, не входя въ разсмотрѣніе, чѣмъ больной навлекъ на себя эту болѣзнь, и не заслуживаетъ ли онъ ея въ нравственномъ отношеніи. Исполнивъ свой долгъ по отношенію къ кліенту, онъ былъ спокоенъ. И таковъ былъ никакъ не одинъ Фэрниваль, а — всѣ юристы его времени. Вопросъ о томъ, честно *ли* со стороны адвоката браться за дѣло нравственно-неудовлетворительное, вопросъ весьма деликатный, котораго мы здѣсь касаться, разумѣется, не будемъ, вполнѣ сочувствуя тѣмъ примѣрамъ среди молодой нашей адвокатуры, которые отвѣчали на *этотъ* вопросъ отрицательно. Но это—одинъ изъ вопросовъ, *возбужденныхъ* нашимъ временемъ, и среди старинныхъ судебныхъ сословій онъ еще слыветъ какъ бы революціоннымъ. Ниже мы покажемъ, что Троллопъ коснулся этого вопроса, стало быть, онъ поставленъ и въ современной Англіи.

Фэрнивалю теперь пятьдесятъ-пять лѣтъ, и въ чертахъ его уже сказываются лѣта. Онъ высокаго роста, широкоплечь; лобъ его высокъ, взглядъ сѣрыхъ глазъ его необыкновенно «пронзителенъ». Это свойство было однимъ изъ элементовъ его успѣха. Если кліентъ, обращавшійся къ маклеру (attorney) за совѣтомъ,

какого взять адвоката, пугался имени — т. е. цѣны — Фэрнивала, то маклеръ имѣлъ полное право сказать ему: «если Фэрнивалъ будетъ на противной сторонѣ, то ваши свидѣтели не устоятъ на ногахъ подъ его взглядомъ». У Фэрнивала былъ голосъ громкій, не-непріятный въ залѣ суда, но нѣсколько рѣзкій для обыкновенной комнаты. Какъ только онъ надѣвалъ свой парикъ и мантію, на него тотчасъ какъ-то нисходилъ даръ слова, онъ тотчасъ начиналъ говорить ровно, плавно, безъ малѣйшаго усилія. Въ Англіи члены судебнаго сословія носятъ (въ судѣ) пудреные парики, съ горизонтально-приглаженными «коками», и черныя мантіи или плащи. Проходя въ залу засѣданій палаты общинъ, вы часто встрѣчаете, въ такъ-называемой «центральной залѣ», джентльменовъ въ такомъ удивительномъ для иностранца нарядѣ, со свертками бумагъ, или портфелемъ подъ мышкой: зданіе судебныхъ мѣстъ смежно съ новыми домами парламента и входитъ съ нимъ въ одну группу строеній.

Въ парикѣ и плащѣ мистеръ Фэрнивалъ былъ фигурой весьма внушительной, облеченной торжественнымъ и строгимъ достоинствомъ. Можно было, пожалуй, замѣтить въ этомъ величіи нѣкоторую долю претензіи, но, тѣмъ не менѣе, оно было своего рода величіе. Онъ говорилъ и смотрѣлъ такъ, какъ будто глубоко убѣжденъ, что дѣло его кліента — дѣло и честное, и вѣрное, а дѣло противной стороны — и некрасиво, и слабо. Разумѣется, и Фэрнивалю случалось проигрывать иныя дѣла: но и въ такихъ случаяхъ, видѣвшіе его во время преній и слышавшіе его рѣчь, обыкновенно выносили удивленіе, какъ могло быть проиграно такое дѣло.

Внѣ суда, безъ парика, безъ мантіи, фигура Фэрнивала лишалась значительной доли величественности и даже внушала гораздо менѣе довѣрія. Черты его были грубыя и выраженіе какъ будто немножко-подозрительнаго свойства. При первомъ взглядѣ на него могло показаться, что отъ него нельзя ожидать ни особенной добросовѣстности, ни особенно нѣжныхъ чувствъ.

Но Фэрнивалъ, по крайней мѣрѣ въ молодости, былъ весьма нѣжный мужъ и отецъ. Правда, въ послѣдніе года, то-есть съ тѣхъ поръ, какъ все положеніе его существенно измѣнилось, онъ довольно охотно сталъ исчезать изъ дому. Встарину онъ не могъ доставить своей женѣ никакого излишка, никакой роскоши, но за то самъ все свое время, за исключеніемъ утра, посвященнаго хлопотамъ внѣ дома, сидѣлъ у домашняго очага; жизнь его шла правильно, какъ прочный механизмъ: утро въ хлопотахъ, потомъ, усталый, онъ съ удовольствіемъ возвращался домой, садился съ женою за обѣдъ, который всегда казался ему вкусенъ, и за-

тѣмъ, вечеромъ обращался къ своей бумажной работѣ въ кабинетѣ. Теперь не то. Фэрнивалъ, пріобрѣтя извѣстность, столкнувшись съ людьми иныхъ сферъ, сталъ ощущать потребность чего-либо болѣе пикантнаго, записался въ клубъ, посѣщалъ друзей, выше его стоявшихъ по положенію, узналъ толкъ въ настоящемъ портвейнѣ, томъ портвейнѣ, за который въ Лондонѣ, въ клубахъ, платятъ по 9-ти рублей за бутылку,—а дома часто выражалъ недовольство, требовательность, даже выказывалъ несправедливость. За то онъ доставлялъ женѣ своей «весь желательный комфортъ», т. е. квартиру весьма роскошную для жены адвоката, экипажъ, нанимаемый помѣсячно и имѣющій «видъ собственнаго», лакея въ ливреѣ, и мѣсто на одной изъ переднихъ скамей въ самой фэшенебльной церкви въ Брайтонѣ. Затѣмъ, онъ самъ себя спрашивалъ, чего же ей нужно еще, и, разумѣется, отвѣчалъ себѣ на этотъ вопросъ самымъ успокоительнымъ образомъ, то-есть въ томъ смыслѣ, что онъ вполнѣ исполняетъ долгъ хорошаго семьянина.

Но миссисъ Фэрнивалъ думала иначе и нерѣдко совсѣмъ о былыхъ временахъ, о прежней бѣдности, которая такъ тѣсно связывала мужа съ нею. Г-жѣ Фэрнивалъ было лѣтъ не менѣе, чѣмъ ея мужу, то-есть ровно пятьдесятъ пять и ей, пятидесяти-пятилѣтней дамѣ, нравился мистеръ Фэрнивалъ пятидесяти-пяти лѣтъ отъ роду точно такъ, какъ ей нравился двадцати-пятилѣтній мистеръ Фэрнивалъ, въ то время, когда ей самой было двадцать пять лѣтъ. Нужды нѣтъ, что подъ глазами мистера Фэрнивала съ тѣхъ поръ образовались отёки и что верхушки щекъ его и носа покрылись синеватымъ оттѣнкомъ. Она все-таки желала, чтобы онъ былъ всегда при ней и въ этомъ полагала свое главное удовольствіе, и ощущала глубокую, хотя и сдерживаемую покамѣсть печаль и ревность при мысли, что пятидесяти-пятилѣтній Фэрнивалъ сталъ ухаживать за «посторонними идеалами».

Такое неправильное его направленіе она прямо приписывала тому самому портвейну, который въ клубѣ стоитъ 9 р. бутылка; между тѣмъ, какъ миссисъ Болль, старая кухарка ея, а нынѣ ключница, приписывала эту бѣду поварской кухнѣ, съ которою слишкомъ освоился мистеръ Фэрнивалъ, такъ что домашній обѣдъ ему казался невкуснымъ. Но предоставимъ слово Троллопу: «Миссисъ Фэрнивалъ была полная, солидная женщина, весьма здравомыслящая въ извѣстной сферѣ. Когда она еще была Китти Блэккеръ, то обладала прелестями, которыя могли бы прославить ее, еслибы только были болѣе извѣстны. Ея розовыя щеки, круглые глазки и полный бюстъ покорили себѣ работящаго молодого адвоката; и вотъ она соединилась съ нимъ и они по-

шли вмѣстѣ бороться съ міромъ. Глаза ея и теперь были круглые, и щеки красныя, и бюстъ—полный; во всемъ этомъ не произошло никакой убыли; не скажу даже, чтобы губы ея имѣли теперь менѣе свѣжести. Но, тѣмъ не менѣе она отцвѣла, и въ настоящее время обратилась въ полную, крѣпкую женщину материнскаго характера, не особенно-блестящую въ разговорахъ, но никакъ не лишенную природнаго смысла, признающую вполнѣ всѣ свои обязанности по отношенію къ другимъ, но вмѣстѣ сознающую столь же ясно все, что было должно ей отъ другихъ. Развѣ вся красота ея молодости не была отдана мужу, и вся энергія ея въ борьбѣ съ жесткимъ окружающимъ міромъ? Когда они вдвоемъ переносили бѣдность, развѣ она не просиживала рядомъ съ нимъ долгіе вечера, молча штопая, выворачивая, обшивая, потому только, что не хотѣла спросить у него денегъ на новое платье? Почему же должно быть иначе теперь, когда они разбогатѣли?—Теперь денегъ и всякихъ удобствъ у нея было довольно, но сама она все-таки была недовольна, такъ какъ м-ръ Фэрнивалъ постоянно ссылался на какія-то юридическія или политическія дѣла, которыя отзывали его изъ дому на весь день, и даже за городъ. Между тѣмъ, миссисъ Фэрнивалъ не желала оставаться покинутой или утѣшаться обществомъ другихъ женщинъ въ такомъ же положеніи. Фэрнивалъ былъ ея мужъ и она хотѣла, чтобы онъ сидѣлъ за столомъ, разрѣзывалъ жаркое, сидѣлъ съ ней за утреннимъ чаемъ, разсказывалъ ей новости, слышанныя имъ въ теченіи дня, и шелъ подъ ручку съ нею въ церковь, въ воскресенье. Тридцать лѣтъ тому назадъ они были соединены въ плоть едину, дѣлить вмѣстѣ и радость, и горе; и вотъ нынѣ, въ зрѣлыя лѣта, она не могла привыкнуть къ разлученію.

«Но люди, которымъ, подобно Фэрнивалю, удается возвыситься въ обществѣ, часто находятся въ затрудненіи, куда дѣвать своихъ женъ. Дѣло не въ томъ, что дамы, сами по себѣ, менѣе способны стать въ уровень съ высшимъ положеніемъ, чѣмъ ихъ счастливые обладатели. Дѣло въ томъ, что имъ вовсе не предстоитъ дѣлать усилій къ собственному возвышенію. Мистеръ Броунъ, дѣлаясь генеральнымъ прокуроромъ, получаетъ кавалерское достоинство, становится сэръ Джакобъ Броунъ, а миссисъ Броунъ тѣмъ самымъ дѣлается леди Броунъ. Но всѣ тѣ люди, въ среду которыхъ сэръ Джакобъ бываетъ принужденъ при этомъ входить, вовсе не интересуются новою леди, и не желаютъ съ нею познакомиться. Броунъ возвысился, вышелъ въ люди, но женѣ его вовсе не представляется и случая попробовать, могла ли бы и она занять мѣсто въ новой сферѣ, ибо при возвышеніи

Броуна вовсе не было включено такое условіе, что женѣ его будетъ предоставлено такое мѣсто. Хорошо, если она сама чѣмъ-либо можетъ привлечь къ себѣ особенное вниманіе: кокетствомъ ли, или необыкновенною роскошью, или хотя бы сочиненіемъ стиховъ пріобрѣсть себѣ отдѣльную отъ мужа, независимую славу и почетъ. Но почтенная миссисъ Фэрниваль—она была въ самомъ дѣлѣ достойная женщина—никакой такой отдѣльной славы себѣ не составляла, да и не мечтала о чемъ-либо подобномъ. Вотъ почему положеніе ея и стало неопредѣленно». Приведемъ еще отрывокъ изъ одного разговора между миссисъ Фэрниваль, миссъ Софіею—дочерью ея, и однимъ молодымъ человѣкомъ, Люціемъ Мэзономъ:

— Папа́ какъ разъ теперь очень занятъ политикою,—сказала Софи́, желая смягчить недовольство матери;—ему необходимо было поѣхать въ Ромфордъ въ началѣ недѣли, а потомъ онъ долженъ ѣхать въ Бэрмингэмъ. Тамъ, кажется, засѣдаетъ какой-то конгрессъ, не такъ ли?

— Все это требуетъ много времени,—сказалъ Люцій.

— Да, и все это прескучно, прибавила Софи́. Я знаю, что папа̀ такъ именно смотритъ на это.

— Вашему папа́, напротивъ, это нравится, сказала миссисъ Фэрниваль, которая не могла скрыть даже своей скорби притворнымъ молчаніемъ.

— Не думаю, мама́, чтобы ему нравилось такъ часто отлучаться изъ дому. Хотя, разумѣется, и онъ любитъ возбужденіе и успѣхъ. Всѣ мужчины любятъ это. Не такъ ли, м-ръ Мэзонъ?

— Такъ и слѣдуетъ; и женщины должны бы любить это.

— Да, но у женщинъ нѣтъ сферы для такой дѣятельности.

— Умъ женщинъ равенъ уму мужчинъ, сказалъ Люцій, и слѣдовало бы, чтобы имъ былъ открытъ доступъ къ блестящимъ карьерамъ, также какъ мужчинамъ.

— Никакихъ сферъ женщинамъ имѣть не слѣдуетъ, возразила м-ссъ Фэрниваль.

— Не знаю, помоему это не совсѣмъ такъ, мама́.

— Свѣтъ нынче что-то ужъ слишкомъ стремится къ тому, что вы называете возбужденіемъ и успѣхомъ. Конечно, хорошо, если человѣкъ заработываетъ себѣ состояніе въ своей профессіи и ему очень тяжело, когда это ему неудается—прибавила м-ссъ Фэрниваль, вспомнивъ о давнихъ годахъ. Но если успѣхомъ въ свѣтѣ называется то, чтобы вѣчно скакать куда-нибудь, не находя ни минуты, чтобы спокойно присѣсть у своего очага, то, по мнѣ, по крайней мѣрѣ легко было бы обойтись безъ такого успѣха.

— Но, мама, сказала Софи, почему же успѣхъ непремѣнно долженъ вѣчно связать?

— Женщины, которыя пріобрѣли себѣ имя въ литературѣ, замѣтилъ Люцій — носятъ свой почетъ спокойно.

— Не знаю, возразила м-ссъ Фэрниваль. Говорятъ, нѣкоторыя изъ нихъ также рады таскаться изъ одного мѣста въ другое, какъ мужчины. Хорошо, если онѣ старыя дѣвы. О такихъ я не говорю. Кто не замужемъ и не женатъ, можетъ дѣлать съ собою что хочетъ, и никто не въ правѣ сказать ему что-либо. Но у кого мужъ или жена — того дѣло совсѣмъ иное. Никакой успѣхъ не долженъ отстранять ихъ отъ дома. Жить слѣдуетъ дома, и жизнь дома есть лучшая часть жизни. Иначе, я не понимаю, что же значитъ домъ».

Претензія пятидесяти-пятилѣтней м-ссъ Фэрниваль вести жизнь аркадскихъ пастушковъ съ ровесникомъ ея и супругомъ забавна, но нельзя не согласиться, что въ ея положеніи, столь часто встрѣчаемомъ въ обществѣ, есть и нѣчто трогательное. Троллопъ превосходно развилъ эти естественныя, обыденныя данныя, и создалъ изъ нихъ полный юмора и тонкаго анализа эпизодъ о томъ, какъ между этими супругами происходитъ сперва недоразумѣніе, а потомъ разладъ, доходящій до того, что м-ссъ Фэрниваль, поощряемая одною знакомою старою дѣвицею, рѣшается покинуть домъ своего мужа, подъ вліяніемъ ревности къ одной изъ его кліентокъ, точно какъ будто обоимъ дѣйствующимъ лицамъ этой трагедіи лѣтъ по двадцати. У супруговъ Фэрниваль есть взрослая дочь, а у мнимой соперницы м-ссъ Фэрниваль — леди Мэзонъ есть взрослый сынъ. Тѣмъ не менѣе дѣла доходятъ совершенно естественно до такого кризиса, что почтенная хозяйка уходитъ отъ своего мужа. И какъ ни забавно это странное положеніе читателю, разсказъ веденъ такъ, что м-ссъ Фэрниваль вовсе не кажется взбалмошною старухой; напротивъ, читатель никакъ не можетъ отказать ей въ нѣкоторомъ сочувствіи, хотя внутренно и улыбается ея горю, зная, какъ малы въ сущности вины мистера Фэрниваля, и наконецъ, какъ мало онъ похожъ на Париса, Лозена или Бокингэма, изъ-за которыхъ сердца могли бы предаваться отчаянію. М-ссъ Фэрниваль уходитъ, оставляя мужу трогательное по простотѣ и истинности чувства письмо, въ которомъ говоритъ ему, между прочимъ, что она чувствуетъ себя такъ глубоко несчастною, что могла бы сидѣть цѣлый день и все плакать, еслибы не гордость и то, что прислуга увидитъ это, и спрашиваетъ его, думаетъ ли онъ когда-нибудь о старыхъ временахъ, когда они были такъ счастливы вдвоемъ въ бѣдной квартирѣ въ Кеппель-стритѣ.

«Не знаю—говоритъ затѣмъ самъ Троллопъ—думаете ли вы когда-нибудь о тѣхъ старыхъ временахъ, когда вы были такъ счастливы въ Кеппель-Стритѣ? О, какъ часто, въ позднѣйшее время жизни, въ тотъ періодъ, увѣнчанный успѣхомъ, когда война доведена до конца и привела къ побѣдѣ, когда все, по-видимому, уже обстоитъ благополучно,—какъ часто именно тогда ссылаются на тѣ счастливыя времена въ Кеппель-Стритѣ! Не награда, не призъ, за которымъ мы гнались, могутъ сдѣлать насъ счастливыми, даже не самый моментъ побѣды, хотя онъ самъ по себѣ и доставляетъ короткое наслажденіе. Борьба, жаркій часъ честнаго боя, жестокая работа, когда сжимаются зубы, а кожа покрывается потомъ и пылью, когда все еще сомнительно, а иногда чуть не отчаянно, когда человѣкъ долженъ самъ вѣрить въ свое мужество и силу, зная, что окружающіе его вовсе въ немъ не увѣрены — вотъ это-то время и есть счастливое время жизни. Нѣтъ такого доступнаго человѣку наслажденія, которое бы равнялось съ работою на двѣнадцать часовъ, при всего шести часахъ времени для исполненія ея. И если еще ожидаемая плата за эту работу сомнительна — то тѣмъ сильнѣе внутреннее довольство своимъ усиліемъ. О, эти счастливые дни въ Кеппель-Стритѣ, а можетъ быть и дальше — въ грязномъ предмѣстьѣ или гдѣ-нибудь вблизи Мэрилебонскаго рабочаго пріюта, — да, вездѣ, гдѣ за квартиру платится понедѣльно и платится дешево. Эти-то дни были для насъ, а теперь есть для другихъ—и всегда будутъ для многихъ—счастливыми днями жизни. Какъ прекрасна была въ то время любовь, какъ полна поэзіи! Искры юмора порою освѣщали все это, и какъ радушно онѣ встрѣчались, какъ грѣли онѣ сердце. А бутылка, рѣдкая въ то время! Мнѣ кажется, съ тѣхъ поръ вино совсѣмъ утратило свой вкусъ. Ничто въ свѣтѣ не можетъ сравниться съ этимъ: долгая работа, жестокая, утомительная работа, работа безъ увѣренности въ платѣ, работа безнадежная, но работа такая, въ которую работникъ вѣритъ самъ, считая ее цѣнною. Пусть только будетъ у него, какъ у Магомета, одинъ кто-нибудь, кто увѣруетъ въ него, и больше ничего не надо. Да, да; не знаю, думаете ли вы когда-нибудь о тѣхъ старыхъ временахъ, когда вы были такъ счастливы въ Кеппель-Стритѣ»?

«Ничто не дѣлаетъ изъ человѣка такого брюзгу, какъ успѣхъ, ничто не превращаетъ такъ легко хорошаго пріятеля въ неблагонадежнаго знакомаго, какъ успѣхъ. Человѣкъ, увѣнчанный успѣхомъ, начинаетъ слишкомъ плотно ѣсть, и желудокъ начинаетъ докучать ему; онъ слишкомъ много пьетъ, и носъ его синѣетъ. Онъ начинаетъ чувствовать потребность въ удовольствіяхъ и возбужденіи, и гоняется за благополучіемъ въ такія

мѣста, гдѣ еще никто не находилъ его. Его безпокоитъ счетъ его у банкира, и все ему не нравится, что не позолочено. Онъ замѣчаетъ, что солома, подостланная въ омнибусахъ, воняетъ, а подкладка въ кэбахъ грязна. Во всемъ Лондонѣ только и оказываются три мѣста, въ которыхъ *можно* обѣдать. А между тѣмъ еще немного лѣтъ тому назадъ, какой великолѣпный кусокъ жаренаго гуся подавали—всего за шиллингъ—въ кухмистерской гдѣ-то вблизи Гольден-Сквера. М-ссъ Джонсъ и м-ссъ Гринъ, м-ссъ Уокеръ, и всѣ другія миссизы такъ приторны, глупы и ограничены въ понятіяхъ, что нѣтъ средствъ выносить ихъ. Театры скучны, какъ рѣка Лета, и въ политикѣ нѣтъ болѣе соли. Короче—успѣхъ есть въ жизни необходимое несчастіе, но хорошо, что только немногимъ, наиболѣе несчастнымъ, онъ достается въ жизни рано».

Мы привели эту тираду потому, что много говорили о разныхъ карьерахъ въ англійской жизни. Тирады у Троллопа — рѣдкость. Въ настоящемъ случаѣ онъ довольно близко подошелъ къ Тэккерею, въ томъ юмористическомъ идеализмѣ, который доказываетъ прозрачность, такъ-называемыхъ реальныхъ благъ, и реальность такъ-называемыхъ иллюзій.

М-ссъ Фэрниваль, когда она вышла изъ мужняго дому, конечно не особенно озаботившись своимъ туалетомъ, при такихъ обстоятельствахъ, казалась, на посторонній взглядъ, просто неряшливою, сердитою, брюзгливою пожилою дамою. А между тѣмъ сердце ея было полно нѣжности, полно до изобилія любви къ *нему*; она уже готова была искренно и навсегда простить его, еслибы только онъ обѣщалъ не видаться болѣе съ тою «негодной женщиной», т.-е. съ леди Мэзонъ, — которая, замѣтимъ, сама и не подозрѣвала, что по ея винѣ происходитъ драма. Переселившись на маленькую квартиру, вблизи своей пріятельницы, старой дѣвы, м-ссъ Фэрниваль не осталась однакоже въ бездѣйствіи, какое часто внушается отчаяніемъ, а напротивъ, отправилась за городъ, къ самой леди Мэзонъ, убѣдилась, что у той въ самомъ дѣлѣ есть процессъ, порученный ея мужу, разузнала всѣ обстоятельства у другой дамы, жившей въ сосѣдствѣ, увидѣла, что она, миссизъ Фэрниваль, поступила глупо, и — стала въ весьма неловкое положеніе. Но характеръ ея былъ слишкомъ открытый и добросовѣстность ея не дозволяла ей окружить свое отступленіе и раскаяніе какими-либо предлогами и оговорками для поддержанія мнимаго достоинства. Возвратясь въ Лондонъ, она прямо такъ и поѣхала въ свой домъ и застала мужа, скучавшаго за одинокимъ обѣдомъ. «Томъ — сказала она тихо, подойдя къ нему — я пришла къ тебѣ опять».

Мистеръ Фэрниваль, какъ уже сказано, пользовался боль-

шюй извѣстностью въ обществѣ. Но мало того, онъ занималъ въ своей профессіи мѣсто весьма почетное не только по своему таланту и числу своихъ подвиговъ, но и по самому роду дѣлъ, которыми онъ занимался. Въ англійской адвокатурѣ есть люди очень талантливые и извѣстные, но которые такимъ почетомъ не пользуются по роду тѣхъ дѣлъ, изъ которыхъ они составили для себя спеціальность. Есть адвокаты, которые спеціально занимаются, за хорошее вознагражденіе, спасеніемъ отъ петли и ссылки такихъ людей, которыхъ виновность имъ самимъ, то-есть этимъ адвокатамъ, извѣстна лучше чѣмъ кому-либо. Средства, употребляемыя для спасенія такихъ отчаянныхъ людей, не запрещаются буквою закона, но, тѣмъ не менѣе, составляютъ злоупотребленіе. Они необыкновенно искусно путаютъ и запугиваютъ свидѣтелей на судебномъ слѣдствіи, и пользуются этою частью судебнаго отправленія еще для того, чтобы набросить всякую тѣнь на нравственный характеръ свидѣтелей, поддерживающихъ обвиненіе. Они славятся тѣмъ, что могутъ заставить свидѣтеля сказать все, что надо имъ, наговорить на самого себя, однимъ словомъ лишить свои прежнія показанія всякаго значенія или цѣны.

Таковъ былъ мистеръ Чафэнбрассъ. Онъ былъ самый знаменитый спеціалистъ по этой части. Это былъ маленькій человѣчекъ, весьма неряшливо одѣтый, и съ виду казавшійся незначительнымъ. Но на своемъ мѣстѣ, въ судѣ, онъ превращался въ хищную птицу и приводилъ въ трепетъ свидѣтелей. Въ обществѣ онъ не бывалъ, и личность его была мало извѣстна, но имя его было знаменито и когда онъ шелъ по улицѣ, то на него указывали, какъ на нѣчто удивительное и вмѣстѣ недоступное для созерцанія обыкновенныхъ смертныхъ. «Вонъ—онъ, это — Чафэнбрассъ, тотъ самый, который такъ отдѣлалъ N на перекрестномъ допросѣ, что тотъ скрылся изъ Лондона, убѣжавъ съ воплемъ въ пустыню!»

Фэрнивалъ, когда ему пришлось защищать леди Мэзонъ, въ умѣ своемъ достигъ почти полнаго убѣжденія, что она виновна. Тогда онъ увидѣлъ необходимость призвать къ себѣ на помощь Чафэнбрасса. Вина леди Мэзонъ состояла въ томъ, что она составила подложное завѣщаніе, въ силу котораго одно имѣніе умершаго мужа ея должно было перейти къ ея сыну, съ устраненіемъ отъ этого наслѣдства старшаго сына, ея пасынка, который получилъ другія имѣнія. Фэрнивалъ, при разговорѣ съ Чафэнбрассомъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы, глядя ему прямо въ глаза, выразить полное свое убѣжденіе въ *невинности* леди Мэзонъ. Чафэнбрассъ и не думалъ оспаривать его, и согласился быть его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе, Фэр-

ниваль, уходя отъ него, замѣтилъ, что онъ, Чафэнбрассъ не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ *виновности* леди Мэзонъ.

Впослѣдствіи, въ самомъ судѣ, Фэрниваль дѣлаетъ совершенно тоже, что Чафэнбрассъ, т.-е. сбиваетъ и пугаетъ свидѣтелей. Разница между ними только въ томъ, что Фэрниваль *рѣдко* занимается вообще такими дѣлами, и въ настоящемъ случаѣ хлопочетъ самъ не о вознагражденіи себѣ, а объ участи леди Мэзонъ, къ которой чувствуетъ влеченіе. Вотъ вся разница между ними; Фэрниваль все-таки *способенъ* дѣйствовать точно также, какъ Чафэнбрассъ, а между тѣмъ, пользуется почетомъ.

Въ настоящемъ случаѣ, они практикуются надъ двумя свидѣтелями: мужчиною характера слабаго и женщиною простою, но очень увѣренною въ себѣ. Приведемъ разговоръ между нѣсколькими пріятелями перваго изъ этихъ свидѣтелей, разговоръ, происходящій гораздо ранѣе слушанія этого дѣла въ судѣ, но когда оно уже началось, и когда извѣстно, что этотъ свидѣтель—Джонъ Кэнби будетъ призванъ въ судъ для дачи показанія. Самъ Кэнби и его родственники и пріятели принадлежатъ къ классу мелкой буржуазіи.

Джонъ Кэнби былъ человѣкъ слабый, но добросовѣстный, и ощущая немалый страхъ при мысли о предстоящей ему задачѣ, утѣшалъ себя однако тѣмъ, что онъ будетъ стоять на одной правдѣ, и что такая роль, во всякомъ случаѣ, безопасна.

— Постараюсь высказать все какъ только могу лучше, а въ прочемъ положусь на Провидѣніе, говорилъ онъ сестрѣ и ея мужу Моульдэру.

— И захватите съ собой глоточекъ чего-нибудь комфортэбльнаго, чтобы поддержать свой духъ, когда васъ позовутъ, сказала м-ссъ Моульдэръ.

— Подкрѣпишь тутъ духъ! воскликнулъ Моульдеръ. Полагать надо, безъ малаго день цѣлый проведетъ онъ на мѣстѣ. Я зналъ одного человѣка, который былъ свидѣтелемъ; дѣло было по части конокрадства, и свидѣтелемъ былъ тотъ, кому досталась лошадь.

— Что же, онъ показывалъ противъ самого себя? спросила вдова Смайли.

— Нѣтъ, онъ купилъ ее. То-есть, это и разбиралось: правда ли, что онъ ее купилъ или нѣтъ. Это-то они и хотѣли вытянуть изъ него, но ей-ей же, онъ самъ затаскалъ ихъ такъ, что наконецъ самъ судья не усидѣлъ на мѣстѣ. И такъ-таки ничего отъ него и не добились.

— Но нашъ Джонъ Кэнби не таковской, замѣтила вдова Смайли.

Джонъ Кэнби заявилъ: «Я желаю быть на распашку передъ судомъ. А тотъ человѣкъ этого не желалъ».

— Конечно нѣтъ, — сказалъ Моульдэръ. Ихъ братья рѣдко *желаютъ* этого.

— Но я-то желаю, — продолжалъ Кэнби. Если только они позволятъ мнѣ высказать безъ стѣсненія все, что я знаю о дѣлѣ, то я нисколько не затрудню ихъ.

— Вы хотите честно сдѣлать, сказала его сестра.

— Всегда хотѣлъ, Мэри-Анна.

На это мистеръ Моульдэръ хотѣлъ замѣтить по своему обыкновенію — «ерунда». Но выразился иначе: «Ладно, такъ я же вамъ скажу, каковы эти порядки. Такъ какъ м-ссъ Смайли не любитъ этого слова, то я не упомяну его, то-есть на этотъ разъ».

— Я ничего не имѣю противъ «ерунды» употребленной встати, м-ръ Моульдэръ, возразила м-ссъ Смайли; — но нахожу это слово неуважительнымъ.

— Ладно, ладно, — продолжалъ Моульдэръ, — такъ вотъ я вамъ иначе выражу мое мнѣніе. Послушайте, братъ Джонъ, вамъ будетъ также легко говорить въ этомъ случаѣ безъ стѣсненія, какъ... какъ когда вы стоите въ церкви, во время проповѣди. Подумайте, за что же этимъ молодцамъ деньги платятъ, если вамъ будетъ предоставлено говорить все, что вамъ угодно, и говорить все это по вашему?

— Да вѣдь все, что онъ хочетъ, вмѣшалась м-ссъ Моульдэръ, такъ это — высказать правду....

— А ну ее къ чорту, вашу правду! прервалъ Моульдэръ.

— Мистеръ Моульдэръ! воскликнула вдова Смайли. Здѣсь дамы, пожалуйста не забудьте.

— Да такій вздоръ хоть кого выведетъ изъ себя, продолжалъ онъ. Точно будто всѣхъ этихъ адвокатовъ — умнѣйшихъ, вострѣйшихъ молодцовъ во всемъ королевствѣ, — соберутъ сюда для того собственно, чтобы такой человѣкъ, какъ Джонъ, могъ шевелить языкомъ по-своему. Нѣтъ, братъ, не тѣмъ пахнетъ: они заставятъ васъ разсказать дѣло не по вашему, а по ихнему; то-есть на два ихнихъ манера, оба разные. Сперва одинъ молодчикъ заставитъ васъ разсказать все на его ладъ, а послѣ другой заставитъ васъ разсказать все на *его* ладъ; и — бьюсь объ закладъ — тотъ первый потомъ еще разъ нападетъ на васъ, опять на прежній манеръ, — то-есть такъ, что вы, наконецъ, будете не увѣрены, на чемъ вы стоите, на пяткахъ или на головѣ.

— Ну, это несправедливо, высказала м-ссъ Моульдэръ.

— А почему же несправедливо? возражалъ Моульдэръ. Почему это несправедливо, когда они за это берутъ деньги? Это ихъ должность; точно такъ какъ моя должность — продавать са-

харъ фирмы «Гоббльсъ и Гривзъ». Развѣ я могъ бы сказать, что ихъ сахаръ не хорошъ, или что товаръ въ поставкѣ не будетъ соотвѣтствовать образцамъ? Моя должность—продавать его, я и продаю. А ихъ должность—добиться приговора въ свою сторону.

— А какже—правда-то? спросилъ Кэнби.

— Ну, ерунда! сказалъ Моульдэръ—опять-таки съ вашего позволенія, м-ссъ Смайли. Вотъ, слушайте еще, Джонъ: если теперь—вамъ бы платили деньги за то, чтобы вы сдѣлали человѣка невиновнымъ? чтожъ, развѣ бы вы не старались сдѣлать его невиновнымъ? Я самъ бывалъ въ судахъ, и слушалъ, слушалъ такъ, что, бывало, отъ глубины сердца сожалѣлъ, что меня не воспитали въ адвокаты. Не то, чтобы я о себѣ слишкомъ много думалъ, а конечно при образованіи тамъ, и все это въ соотвѣтственности. То-есть это чудо—ихъ слушать. Вотъ видишь, какъ встаетъ маленькій человѣчекъ въ парикѣ; а передъ нимъ стоитъ на своемъ мѣстѣ этакой, понимаете, франтъ, разодѣтый, что называется, по самые глаза, и думаетъ-то онъ поди о себѣ, куда какая птица. И вотъ, минутъ черезъ десять изъ него становится просто тряпка, мокрая бумага, и онъ высказываетъ — подъ присягой, помните это—все рѣшительно, чтò только тотъ маленькій человѣчекъ хочетъ, чтобы онъ сказалъ. Вѣдь это, какъ хотите—сила, и по-моему это чудесно.

— Но это не есть справедливость, сказала вдова Смайли.

— Почему же? А я такъ говорю—это справедливость. Вамъ она нужна и вы можете заплатить за нее, и я могу. Если я куплю себѣ теплое зимнее пальто, а вы не въ состояніи купить его и пойдете въ зимнюю ночь такъ, на легкѣ, — такъ развѣ это будетъ несправедливость, что васъ холодъ погубитъ, а я буду себѣ теплешенекъ? Нѣтъ, я такъ говорю—слава Богу жить въ странѣ, гдѣ можно купить теплое пальто.

Такой филистерскій взглядъ чисто въ духѣ разсуждающаго мѣщанства. Духъ этотъ еще очень силенъ въ Европѣ, и потому еще преобладаютъ множество взглядовъ, которые не выдерживаютъ критики ни съ точки зрѣнія принципа, ни съ точки зрѣнія интересовъ большинства, а между тѣмъ слывутъ практическими. И относительно юстиціи взглядъ, подобный выраженному Моульдэромъ, не составляетъ исключительной принадлежности мѣщанства англійскаго. Но въ иныхъ странахъ подобнымъ взглядомъ едва-ли кто будетъ гордиться. А въ Англіи это можетъ быть потому именно, что принципъ англійскаго общества до сихъ поръ былъ — безусловная свобода конкурренціи преимущественно капитала съ капиталомъ.

Въ подробномъ описаніи хода процесса леди Мэзонъ, Троллопъ приводитъ и перекрестный допросъ, которому подвергают-

ся свидѣтели Фэрнивалемъ и Чафэнбрассомъ. Фэрниваль такъ наконецъ запутываетъ Джона Кэнби, что тотъ и въ самомъ дѣлѣ говоритъ почти все что угодно адвокату противной стороны. Онъ соглашается признать такія возможности, которыя лишаютъ цѣны самое его показаніе. Чафэнбрассу, какъ еще бóльшему знатоку, спеціалисту такихъ дѣлъ, поручается переспросить другого свидѣтеля, то-есть свидѣтельницу, которая обнаружила весьма твердый характеръ и большую настойчивость въ своемъ первомъ показаніи. Чафэнбрассъ, съ первыхъ же словъ увидавъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, довольствуется угрозою свидѣтельницѣ, что ее можно будетъ преслѣдовать за клятвопреступничество, какъ только она на волосъ отступитъ отъ точности,—и затѣмъ обращается къ новой тактикѣ, начинаетъ выспрашивать у ней такія вещи, которыя могутъ быть истолкованы во вредъ нравственному ея характеру, о близкихъ ея отношеніяхъ къ противной сторонѣ, о томъ, обѣщано ли ей вознагражденіе за расходы ея по переѣзду, и въ какихъ именно словахъ дано это обѣщаніе и т. п., наконецъ, онъ доводитъ ее до смущенія, допытавшись-таки отъ нея, что она для подкрѣпленія выпила маленькую рюмку водки. Все это онъ потомъ соберетъ вмѣстѣ, сплететъ въ одну ткань противорѣчій, корыстныхъ стремленій, порочныхъ привычекъ и т. д. и постарается закрыть этой тканью истину показанія.

Совершенно справедливо отдаютъ нѣкоторымъ англійскимъ обычаямъ судоговоренія преимущество предъ нѣкоторыми обычаями французской практики:—свобода судебныхъ преній, большое безпристрастіе президента въ заключительномъ обзорѣ и въ особенности отсутствіе безусловно-обвиняющаго прокурора вполнѣ оправдываютъ такое предпочтеніе. Но вотъ злоупотребленіе англійской уголовной практики, которое менѣе извѣстно. Устранить злоупотребленіе это вмѣшательствомъ президента суда нельзя, не стѣсняя свободы защиты. Но слѣдовало бы, чтобы общественное мнѣніе прониклось и по отношенію къ свидѣтелямъ тѣмъ благороднымъ и раціональнымъ принципомъ, который англійское судоговореніе примѣняетъ къ обвиняемымъ, именно: что никто не принуждается показывать противъ самого себя, то-есть—относительно свидѣтелей, противъ собственной своей нравственности и добросовѣстности. Это можетъ быть достигнуто только движеніемъ въ самомъ общественномъ мнѣніи противъ адвокатовъ, подобныхъ Чафэнбрассу. А пока большинство Моульдэровъ будетъ смотрѣть на юстицію съ той точки, съ какой смотритъ онъ,—до тѣхъ поръ Чафэнбрассы будутъ процвѣтать и Фэрнивали хотя и не будутъ *очень* уважать Чафэнбрассовъ,

но будутъ не прочь подражать имъ, когда это нужно (или, какъ въ подобныхъ случаяхъ говорится—неизбѣжно).

Начало такого движенія въ общественномъ мнѣніи уже есть, и оно отражается и у Троллопа въ лицѣ молодого адвоката Феликса Грэама[1]). Этотъ молодой человѣкъ держится такого принципа, что если онъ самъ убѣдится въ преступности или несправедливости порученнаго ему, за деньги, дѣла,—то отъ веденія такого дѣла онъ долженъ устраниться. Само собою разумѣется, что старые юристы, подобные Чафэнбрассу, смотрятъ на такіе принципы съ ужасомъ, провидятъ въ нихъ, такъ сказать, конецъ свѣту (юридическому). И мало того, съ своей точки зрѣнія они считаютъ такой образъ дѣйствій «нечестнымъ». Но современный взглядъ, распространяющійся въ обществѣ, выражается и въ собственныхъ словахъ Троллопа о героѣ его Чафэнбрассѣ: «Принявъ во вниманіе, на какихъ мнѣніяхъ этотъ человѣкъ воспитался, нельзя не признать, что у Чафэнбрасса была своего рода добросовѣстность, заслуживающая похвалы. Онъ всегда оставался вѣренъ тому человѣку, которому нанялся и предоставлялъ своему покупщику всѣмъ своимъ могуществомъ всю ту помощь, которую обязался за деньги ему поставить. Но такую же похвалу можно дать и наемному браво, который добросовѣстно и мужественно исполняетъ то порученіе, за которое взялся. Я зналъ въ Ирландіи одного убійцу[2]), который хвалился тѣмъ, что занимаясь въ Типперари своей «практикою» въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, онъ во все это время ни разу не обманулъ ожиданій своихъ поручителей. Добросовѣстность относительно нанимателей — великая добродѣтель, но въ этомъ отношеніи я склоненъ сопоставить съ мистеромъ Чафэнбрассомъ того человѣка».

Одна изъ самыхъ лучшихъ сценъ въ этомъ юридическомъ романѣ та, въ которомъ, какъ говорится, «коса находитъ на камень». Все дѣло леди Мэзонъ, т.-е. дѣло обвиненія ея начато маленькимъ провинціальнымъ стряпчимъ, мистеромъ Дократомъ, изъ-за какого-то поля, которое онъ арендовалъ у нея, и которое подало поводъ къ несогласію. Мистеръ Дократъ былъ человѣкъ не глупый и въ своемъ ремеслѣ весьма «острый». Онъ постоянно помнилъ, что у него шестнадцать дѣтей, и для прокормленія такого количества рыскалъ по свѣту какъ голодный волкъ, съ волчьимъ нравомъ и волчьими пріемами.

---

[1]) Orley farm.

[2]) А. Троллопъ служилъ въ Ирландіи во время бывшаго тамъ въ 1846—1847 году голода. Картины изъ ирландской жизни той эпохи есть въ романѣ его Castle Richmond.

Но вотъ этотъ «пройдоха и дока», этотъ «мѣднолобый» Довратъ попадаетъ на зубы грознаго Чафэнбрасса, при судебномъ слѣдствіи, и тотъ его сокрушаетъ. Сокрушеніе Доврата, несмотря на навыкъ Чафэнбрасса въ такихъ дѣлахъ, оказалось бы не столь легко, если бы Довратъ былъ *равенъ* Чафэнбрассу по положенію. Но хотя оба они — юристы и ходатаи, между положеніями ихъ лежитъ цѣлая пропасть — одинъ провинціальный стряпчій, другой лондонскій адвокатъ. Не только Чафэнбрассъ, который дѣйствительно знаменитъ, но даже обыкновенные лондонскіе стряпчіе и маклера, мистеры Роундъ и Кларкъ смотрятъ на Доврата съ неизмѣримой высоты величія. Самъ Довратъ, когда является въ ихъ контору, то, несмотря на свой мѣдный лобъ, чувствуетъ себя слабымъ. И дѣйствительно, Роундъ одолѣваетъ его. Іерархическій духъ на всѣхъ степеняхъ нигдѣ не силенъ такъ, какъ въ Англіи. Вездѣсущность соціальныхъ разграниченій поражаетъ иностранца въ Англіи столько же, какъ и правильность и кажущаяся неизмѣнность однажды установленныхъ, обыденныхъ отправленій.

Англія—страна строгихъ правилъ и многочисленныхъ, весьма твердыхъ ограниченій. Иностранцу, пріѣхавшему въ Лондонъ, въ первый день кажется, что англичане больше всего занимаются тѣмъ, чтобы какъ можно больше запрещать себѣ. Предостереженія и запрещенія преслѣдуютъ васъ повсюду въ видѣ надписей: «здѣсь не курить», «не наклеивать», «просятъ не трогать» [1]), «просятъ не кормить животныхъ (въ саду зоологическаго общества)», «нѣтъ проѣзда», «не впускаютъ» и т. п. Въ первый день кажется, точно все запрещено. А воскресные запреты? Все это, конечно, одна поверхность; но поверхность эта отражаетъ весьма существенный фактъ дѣйствительнаго обилія ограниченій и разграниченій всякаго рода въ англійскомъ обществѣ. И какъ твердо держатся эти грани, какъ трудно ихъ сломить, какъ всѣ сами ихъ держатся! А между тѣмъ, та же Англія, безъ всякаго сомнѣнія, самая свободная страна Европы. Мы разумѣемъ не только политическія права, но и то вездѣприсутствіе духа свободы, духа личныхъ правъ, который проникаетъ въ этой странѣ всѣ общественныя и даже семейныя отношенія.

Тверды въ этомъ обществѣ и грани, тверда и свобода: прочна вся эта постройка, въ ней крѣпко все — и крыша, и печь, и замки. Мужественное воспитаніе и тотъ духъ бодрости, энергіи, который англичане спеціально называютъ spirit, дѣлаютъ

[1]) Не безъ улыбки смотришь на такое приглашеніе, висящее на стѣнахъ внутри вестминстерскаго аббатства: стѣнъ просятъ не трогать!

это общество въ высшей степени способнымъ къ *завладѣнію*, преодолѣванію препятствій, подчиненію себѣ всего чужого, что неспособно противоставить равную силу сопротивленія. Все это общество ведено въ духѣ безпощаднаго соревнованія, и въ духѣ завладѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, англійское общество, которое положило свою печать и на Соединенные Штаты, есть общество завоевательное: это римляне или норманны нашего времени, съ тѣмъ различіемъ, какое обусловлено различіемъ эпохъ. Но внутри этого новаго Рима, между этими новыми cives romani господствуетъ свобода, для всѣхъ священная, всѣми поддерживаемая, свобода въ разъ условленныхъ граняхъ. Въ этомъ обществѣ невозможны уже никакіе *сюрпризы* [1]). Оно свое держитъ въ рукѣ и держитъ крѣпко.

Когда вслѣдствіе своей новой реформы, право полнаго гражданства въ самой Англіи расширится и власть перейдетъ въ болѣе многолюдныя сферы, тогда тѣ грани, которыя основаны только на преданіи, падутъ, и свобода въ этомъ обществѣ освятится шагомъ къ сближенію съ равенствомъ. Англія уже перестала быть чисто-аристократическою страной. Но когда политическая власть изъ полу-аристократической, полу-буржуазной сферы «верхнихъ ста тысячъ» перейдетъ въ народную среду милліоновъ людей, тогда это англійское общество, какъ мы уже видимъ его за океаномъ, станетъ *ближайшимъ* идеаломъ человѣчества. И отъ такого идеала до совершенства въ общественномъ устройствѣ еще весьма далеко; на пути къ такому устройству, при которомъ возможность удовлетворительнаго существованія представлялась бы не исключеніямъ, а большинству—если только такое устройство осуществимо — предстоитъ еще много усилій, кромѣ реформъ чисто-политическихъ. Но, и до того времени, Англія будетъ для Европы свѣтильникомъ, какъ единственное истинно-свободное государство, гдѣ свобода уже не есть только сильное стремленіе, какъ въ Германіи, и не отвлеченный принципъ, какъ во Франціи, а — фактъ, главнѣйшій, преобладающій въ обществѣ фактъ, законъ неоспоримый, прочный, непоколебимый, ибо онъ, въ самомъ дѣлѣ, начертанъ въ груди каждаго англичанина и не даромъ въ національной пѣсни ихъ вѣчно повторяется клятва, что «никогда, никогда британцы не будутъ рабами».

Л. Полонскій.

---

[1]) Какъ въ 1815 и 1850 годахъ для Германіи, а въ 1851 и нынѣ для Франціи.

ДЕРЕВЕНСКОЕ БОЛЬШИНСТВО

во

ФРАНЦІИ.

Histoire d'un sous-maître, par Erckman-Chatrian. Paris, 1871.

Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе укореняется въ общественномъ сознаніи нашего времени мысль, что участь войны рѣшается окончательно не на поляхъ битвъ; военныя силы страны, это только тотъ миѳическій герой, мощь котораго почерпалась отъ его прикосновенія съ «землею», а слѣдовательно, сила была не въ немъ, а въ этой землѣ. Гдѣ нѣтъ этой земли, или гдѣ она сама безсильна, гдѣ въ народѣ вербуются рекруты, а не люди, тамъ, и при всѣхъ заботахъ объ улучшеніи военной спеціальности, война всегда будетъ рискомъ, и военное пораженіе сдѣлается въ то же время полною дезорганизаціею всей страны. Предъ нашими глазами только-что разъигралась кровавая драма франко-прусской войны; французская литература за это печальное и мрачное время была буквально залита брошюрами и трактатами объ осадахъ, битвахъ, измѣнахъ, о способѣ вооруженій, перевозкѣ армій и ихъ продовольствіи; да и не одна французская литература направлялась въ эту сторону, отыскивая въ деталяхъ военнаго устройства и стратегіи причину пораженія одной стороны и торжества другой. Но эта причина указана несравненно глубже однимъ изъ тѣхъ новѣйшихъ беллетристовъ Франціи, который уже давно посвятилъ себя изученію простонародной жизни въ массѣ француз-

скихъ поселянъ и съ замѣчательнымъ талантомъ изобразилъ ихъ ежедневный бытъ въ цѣломъ рядѣ мастерскихъ картинъ. Еще въ послѣдніе годы второй имперіи Эркманъ и Шатріанъ сдѣлались извѣстными подъ соединеннымъ именемъ «Эркманъ-Шатріанъ»; Эркманъ-Шатріанъ направилъ тогда всѣ свои усилія, чтобы побороть въ французскомъ обществѣ его бонапартовскій шовинизмъ и поставить высшіе слои этого общества лицомъ къ лицу съ дѣйствительными нуждами и бѣдами той массы, которую мы привыкли называть *народомъ* въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, близкомъ къ понятію о грубой человѣческой массѣ, черни, не имѣющей ни прошедшаго, ни будущаго, живущей грубыми матеріальными интересами настоящей минуты, побужденія которой начинаются и кончаются въ желудкѣ. Трудно было подобными героями заинтересовать французскую публику: новый предметъ беллетристики, избранный Эркманомъ-Шатріаномъ, казалось, былъ сухъ сравнительно съ тою областью, въ которой любили вращаться всѣ романисты. Да и вообще, до «разсказовъ» Эркмана-Шатріана, взгляды образованныхъ классовъ Франціи на «народъ» были двоякіе: одни, въ виду печальнаго факта, стоявшаго предъ ихъ глазами, принимали этотъ фактъ за нѣчто непреложное, вытекавшее съ необходимостью изъ порядка вещей и даже обусловливавшее этотъ порядокъ; они составили свое мнѣніе о народныхъ массахъ и приписывали имъ одни животные инстинкты и грубыя стремленія; другіе, какъ бы возмущаясь противъ такого взгляда, впадали въ нѣжное идеализированье народа и, оставляя дѣйствительность въ сторонѣ, обманывали и себя и другихъ картинками изъ народной жизни, какъ намъ случается видѣть ее на театральныхъ подмосткахъ, среди прекрасныхъ декорацій, чуждою заботъ и горя, и съ веселою пѣснью на устахъ.

Первая категорія видѣла въ крестьянинѣ фактъ и не давала себѣ труда подумать надъ причиною этого факта.

Простолюдину—говорила она—не нужно ни книгъ, ни школъ, ни художественныхъ произведеній, ни геніальныхъ поэтовъ. Простолюдинъ такъ дикъ и грубъ, что отдастъ все это—за горшокъ каши. Какое ему дѣло до высшихъ стремленій? *Народъ*—стадо барановъ; ему нуженъ хорошій пастухъ съ длиннымъ кнутомъ и съ вѣрными псами.

Вторая категорія относилась къ народу съ бо̀льшимъ человѣколюбіемъ, но дѣлала это по безсознательной сентиментальности. Точно такъ же, какъ и первая, она никогда не освѣдомлялась о положеніи народа въ общественномъ строѣ, о его нуждахъ, о его богатствѣ, объ историческихъ причинахъ его сло-

жившихся взглядовъ и убѣжденій; о причинахъ его грубости, часто жестокости и невѣжества. Она не трудилась посвящать свои размышленія на изученіе народнаго быта, ей нужна была только пасторальная обстановка, въ которую она переносила свои великосвѣтскіе идеалы со всѣми ихъ качествами и недостатками, могущими развиться только при извѣстныхъ условіяхъ, совершенно чуждыхъ народному быту.

Такое отношеніе къ народу, какъ писателей, такъ и читающей публики, встрѣтило на своемъ пути свѣтлую мысль Эркмана-Шатріана. Съ изумительной настойчивостью, изъ году въ годъ, искоренялъ онъ какъ грубыя, такъ равно и сантиментальныя отношенія высшихъ классовъ къ народу и старался представить его въ его истинномъ свѣтѣ. Онъ не скрывалъ его недостатковъ и не пряталъ ихъ за драпировку идеализма. Онъ не боялся правды и не избѣгалъ ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ смѣло поставилъ вопросъ: кого же нужно обвинять, если народъ дикъ, невѣжественъ? Изъ разсказовъ Эркмана-Шатріана образованные классы впервые узнавали, что въ народныхъ массахъ нисколько не меньше стремленій къ «высокому и прекрасному», чѣмъ въ нихъ самихъ; что бѣдный труженикъ, не разгибая спины работающій отъ зари до зари, урѣзываетъ у себя хоть полчаса необходимаго сна, чтобы полюбоваться закатомъ солнца и окружающею природою; что онъ не задумается предпринять утомительную прогулку, лишь-бы принести своей возлюбленной букетъ полевыхъ цвѣтовъ; что онъ посвятитъ въ воскресенье цѣлый часъ на свой туалетъ и явится въ церковь чистый и нарядный. Какъ назвать эти проявленія въ народѣ? развѣ это не есть стремленіе и потребность прекраснаго? Только ограниченность средствъ не позволяетъ простому человѣку давать этимъ потребностямъ развиваться и заставляетъ его довольствоваться закатомъ солнца, букетомъ цвѣтовъ, краснымъ платкомъ и, можетъ быть, какой-нибудь лубочной картинкой, случайно попавшейся ему подъ руку. Ему невозможно тратить много времени и денегъ на удовлетвореніе своей потребности прекраснаго по очень простой причинѣ: у него нѣтъ ни лишняго времени, ни лишнихъ денегъ. Времени у него хватаетъ только на необходимый трудъ, кое-какъ обезпечивающій его жизнь — значитъ для наслажденія онъ долженъ удѣлять что-нибудь изъ своего отдыха. О деньгахъ и рѣчи быть не можетъ; теперь уже стала для всѣхъ очевидною экономическою аксіомою та неопровержимая истина, что въ общемъ правилѣ *труженикъ съѣдаетъ все, что заработываетъ.* Если его трудъ приноситъ ему излишекъ—то это продолжается весьма недолго, цѣна на его руки тотчасъ же пони-

жается и онъ опять заработываетъ лишь столько, чтобы прокормить себя. Часто этихъ скудныхъ заработковъ не хватаетъ даже на уплату податей и налоговъ. Понятно, что при такой крайней ограниченности средствъ и времени, простой человѣкъ не можетъ позволять себѣ часто предаваться своему естественному стремленію къ наслажденію жизнью. Даже богатые классы и тѣ позволяютъ себѣ наслажденіе прекраснымъ какъ роскошь. Искусство, красота — составляетъ и для нихъ украшеніе и прелесть жизни. *Прекрасному* удѣляютъ и они тѣ часы, когда хотятъ отдохнуть и развлечься.

Входя въ подробности народной жизни, изображая въ разсказахъ душевные порывы и чувства простыхъ людей, Эркманъ-Шатріанъ многихъ заставилъ задуматься о положеніи и качествахъ простого народа во Франціи и спросить себя: не въ эгоизмѣ ли высшихъ сословій нужно искать причины того страшнаго неразвитія, въ которомъ обвиняютъ народъ.

«Только тѣ, — подсказываетъ въ отвѣтъ на это Эркманъ-Шатріанъ, — которые пользуются нѣкоторымъ матеріальнымъ довольствомъ, только тѣ и имѣютъ возможность *быть людьми*. Безъ этого матеріальнаго довольства люди изъ поколѣнья въ поколѣнье все будутъ влачить ту же жалкую и тупую жизнь, на которую осуждены низшіе классы всѣхъ народовъ».... «Но какимъ образомъ — спрашиваетъ онъ — могутъ люди пріобрѣсти довольство, если они не умѣютъ дать себѣ отчета въ путяхъ, могущихъ довести ихъ до этого довольства? Какимъ образомъ поймутъ они, чтò для нихъ лучше и въ чемъ состоитъ залогъ ихъ счастія, когда они обречены жить изо-дня-въ-день, и жить только по преданіямъ?»....

Въ своей новой книгѣ, Эркманъ-Шатріанъ обличаетъ страшную рану французской націи и призываетъ вниманіе общества на самый современный вопросъ въ эту минуту—вопросъ о народномъ образованіи, забвеніе котораго пòродило и кровавую имперію и кровавые счеты послѣднихъ дней.

«Для парода спасеніе только въ образованіи—говоритъ авторъ; — пусть онъ жертвуетъ ѣсѣмъ, лишь бы только могъ образоваться! Пусть родители не жалѣютъ послѣдняго гроша для обученія дѣтей; пусть сами идутъ въ школы; пусть учатся чему могутъ и какъ могутъ! Только въ образованіи для народа спасеніе, только оно даетъ ему богатство, самостоятельность, развитіе и свободу».

Эта мысль является не только въ послѣднемъ произведеніи Эркмана-Шатріана, она проглядываетъ у него всюду. Въ своихъ прежнихъ разсказахъ о походахъ, рекрутствѣ и т. п., онъ то-

же постоянно старается внушить самому народу какъ можно нагляднѣе, что причина всѣхъ его бѣдствій — это его пагубное невѣжество. Разсказы эти обходятъ всю Европу и быстро становятся пріобрѣтеніемъ всѣхъ языковъ — англійскаго, нѣмецкаго, русскаго. Это можно объяснить тѣмъ, что гуманные вопросы, затрогиваемые авторомъ, содержатъ въ себѣ интересы общіе всѣмъ народамъ. Такимъ образомъ и сюжетъ его послѣдняго разсказа, весь основанный на вопросѣ о народномъ образованіи, близокъ сердцу не одной Франціи. Въ настоящее время этимъ вопросомъ, болѣе или менѣе, заняты всѣ страны. Всѣ государства сознаютъ, что разница развитія между высшими классами и народомъ такъ велика, что между ними образуется все бо́льшая и бо́льшая пропасть; что ущербъ наносимый простому народу тѣмъ болѣе глубокъ, чѣмъ болѣе предоставлено средствъ къ образованію высшимъ и среднимъ сословіямъ. Извѣстно, что почти весь бюджетъ народнаго просвѣщенія уходитъ на образовательныя учрежденія для достаточныхъ классовъ; что же удѣляется народу, съ котораго, главнымъ образомъ, взимаются подати и косвенные налоги, изъ которыхъ составляется и этотъ бюджетъ, какъ и всѣ другіе? Какая доля приходится на его пользованіе?

На эти вопросы новая книга Эркмана-Шатріана даетъ самый полный отвѣтъ. Авторъ беретъ исключительно народное образованіе во Франціи, и даже въ странахъ, покоренныхъ теперь Германіей. Сюжетъ его взятъ изъ эпохи, непосредственно послѣдовавшей за великой французской революціей, какъ впрочемъ и бо́льшая часть его сюжетовъ. Старикъ гербаристъ Рено, бывшій учитель сельской школы, разсказываетъ своему пріятелю, въ нынѣшнемъ 1871 году, о томъ, что̀ заставило его въ молодости сдѣлаться сельскимъ учителемъ и каково было его положеніе.

Въ 1816 году—начинаетъ Рено свое повѣствованіе—я былъ сверхштатнымъ помощникомъ полицейскаго чиновника, г-на Бенуа. Мой отецъ служилъ почтальономъ. У него было пятеро дѣтей, а получалъ онъ всего 400 франковъ жалованья. Ты можешь вообразить, что, при такихъ скудныхъ средствахъ, намъ часто случалось жить въ проголодь. Мнѣ пошелъ семнадцатый годъ и я былъ въ отчаяніи, что сижу на шеѣ у моихъ родителей, когда появился знаменитый циркуляръ Людовика XVIII, въ которомъ говорилось, что для надзора за первоначальнымъ народнымъ обученіемъ и для его поощренія, въ каждомъ кантонѣ учреждается даровой, благотворительный комитетъ. Вообще

за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ не было недостатка въ циркулярахъ, указахъ и рескриптахъ, касающихся народнаго образованія, въ одномъ только былъ всегда недостатокъ: *въ деньгахъ!* Деньги всегда находились для королей, министровъ, генераловъ, солдатъ, но въ кассахъ не оказывалось ни одного сантима, когда рѣчь шла о народномъ образованіи...

Въ то время былъ голодъ; цѣна на хлѣбъ поднялась ужасно. За три фунта нужно было платить четыре франка, а г-нъ Бенуа не хотѣлъ положить мнѣ ни гроша жалованья. Но такъ какъ всѣ поступавшіе въ учителя избавлялись отъ военной службы, то это меня привлекало и я рѣшился сдѣлаться учителемъ. Болѣе несчастной мысли не могло придти мнѣ въ голову. Я бы поступилъ въ тысячу разъ умнѣе, если бы подрядился мальчикомъ въ какую-нибудь мелочную лавочку, кололъ бы сахаръ и отпускалъ бы покупщикамъ товары. Но, въ семнадцать лѣтъ, все видишь въ розовомъ свѣтѣ, и званіе учителя казалось мнѣ тогда самымъ лучшимъ и самымъ почетнымъ званіемъ. Однимъ словомъ, 13 октября 1816 года, я получилъ рекомендательное письмо къ сельскому священнику, отцу Бернару, деревни «Расколотый-Дубъ» (Chêne-Fendu), и отправился въ путь съ 30-ю су въ карманѣ, съ двумя рубашками, парой сапоговъ и кое-какимъ платьемъ. Единственное опасеніе мое заключалось въ томъ, что меня могутъ не принять.

Я подходилъ къ деревнѣ, погода была холодная. Сильный осенній вѣтеръ крутилъ желтыя листья, тамъ и сямъ по долинѣ виднѣлись группы дѣтей, пасущихъ стада; бѣдненькія жались около едва тлѣющихъ костровъ. Вотъ и все, что я помню изъ моего путешествія. Когда человѣка неотступно гложетъ мысль о насущномъ хлѣбѣ, для него на время теряютъ значеніе красоты самой роскошной природы; онъ все думаетъ о своемъ печальномъ положеніи и вертитъ эту мысль на всевозможные лады...

Я вошелъ въ деревню—продолжаетъ разсказчикъ—и спросилъ, гдѣ домъ отца Бернара. Мнѣ указали его; это былъ самый лучшій домъ во всей деревнѣ. Только-что я отворилъ дверь, зазвонилъ колокольчикъ, вышла женщина и спросила меня: что мнѣ нужно? Я отвѣтилъ и подалъ ей рекомендательное письмо. Изъ сосѣдней комнаты кто-то крикнулъ: «Войдите»!

Я вошелъ: отецъ Бернаръ кончалъ свой ужинъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, высокій, смуглый, съ костлявой физіономіей и рѣзкими манерами. Когда я вошелъ, онъ очищалъ грушу и передъ нимъ стоялъ стаканъ вина.

— Отъ кого принесли вы мнѣ письмо?—спросилъ онъ.

— Отъ его священства г-на де-Брикевиля.

Его лицо измѣнилось и онъ началъ со вниманіемъ читать поданное писвмо.

— Садитесь — сказалъ онъ — садитесь; какъ здоровье г-на де-Брикевиля?

— Слава Богу, очень хорошо-съ.

— Да, онъ это пишетъ. А вы желаете сдѣлаться помощникомъ нашего учителя г-на Гильома?

— Да-съ.

— Прекрасно, это такъ и будетъ. Разъ что вы пришли съ рекомендаціей отъ г-на де-Брикевиля, ваше желаніе исполнится.

Онъ надѣлъ шляпу и повелъ меня къ дому учителя.

— Вы умѣете читать, писать и считать!

— Да-съ, отвѣчалъ я робко.

— Знаете ли вы церковную службу?

— Не совсѣмъ хорошо, но я выучусь.

— Непремѣнно, это главное. Вы сейчасъ же должны будете за это приняться.

Мы пришли къ учителю.

— Г-нъ Гильомъ, вотъ вашъ помощникъ, вамъ его посылаетъ г-нъ де-Брикевиль, онъ будетъ вамъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Старый учитель и его жена только-что собирались приняться за картофель и простоквашу. Они оба встали изъ-за стола, когда вошелъ отецъ Бернаръ, а я съ бьющимся сердцемъ ожидалъ отвѣта. Но рекомендація моя значило *все*; учитель снялъ свой колпакъ и смиренно отвѣтилъ: — «Если вамъ это угодно, отецъ Бернаръ, то...»

— Да, молодой человѣкъ какъ разъ для васъ. Онъ умѣетъ читать и писать. Для пѣвчаго у него нѣтъ достаточнаго голоса, но онъ еще молодъ и голосъ можетъ развиться; за то у васъ отличный—и значитъ дѣло сладится.

— Катерина, подай же кресло отцу Бернару! — произнесъ учитель.

— Не нужно, я ухожу; я только пришелъ привести его. До свиданья!

Учитель проводилъ священника до самаго низу и вернулся. Его жена, высокая, худая женщина, со ввалившимися щеками, съ любопытствомъ смотрѣла на меня.

— Вы знаете г-на де-Брикевиля? — спросилъ учитель.

— Мой отецъ знакомъ съ нимъ, они изъ одной деревни.

— Такъ... такъ..., — произнесъ онъ и переглянулся съ женой. А сказалъ ли вамъ отецъ Бернаръ о моихъ условіяхъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ слушайте: вы будете имѣть квартиру, столъ и получать пять франковъ въ мѣсяцъ. Обязанности ваши будутъ заключаться въ слѣдующемъ: вы будете звонить на колокольнѣ; по понедѣльникамъ мести церковь и алтарь; школу убирать каждый день; помогать мнѣ учить; содержать все въ величайшемъ порядкѣ и дѣлать все что я вамъ прикажу...

— Ахъ Боже мой!—воскликнула Катерина—ты совершенно запугалъ этого бѣднаго юношу!

— Ничего—отвѣтилъ учитель—прежде всего нужно сговориться. Принимаете мои условія или нѣтъ?

Я смотрѣлъ на чудесный, горячій картофель и на свѣжую простоквашу; я былъ очень голоденъ и мой аппетитъ разгорался.

— Я все буду дѣлать, что вы мнѣ прикажете — отвѣтилъ я—я хочу честно заработывать хлѣбъ, учиться и дѣлать вамъ пріятное.

Послѣ этихъ словъ меня пригласили раздѣлить ужинъ и потомъ отвели въ мою комнату, крошечную мансарду съ окошечкомъ надъ крышей. Но все же я былъ доволенъ.—Я не былъ больше на рукахъ у своихъ стариковъ. На слѣдующій день, Гильомъ проэкзаменовалъ меня и остался мною доволенъ. Катерина позвала насъ къ завтраку. За ѣдой, Гильомъ сказалъ мнѣ, что онъ очень хорошо видитъ мои познанія, но что для учителя этого еще недостаточно — нужно еще умѣть заставить уважать себя. Я узналъ, что съ весны у него было уже два помощника, которые должны были оставить школу, потому что кулаки ихъ не были достаточно сильны.

— Знаете — сказалъ онъ — что въ нашей странѣ дѣти ни гроша не стоютъ; они всѣ бездѣльники, разорители гнѣздъ, лѣнтяи, шалуны, воры — однимъ словомъ, въ нихъ всѣ пороки ихъ родителей. Ихъ родители и не подумали бы посылать ихъ въ школу, еслибы имъ не нужно было идти къ причастію, чтобы имѣть право заняться какимъ-нибудь ремесломъ. Безъ этой необходимости, они жили бы какъ дикіе, бѣгали бы по скаламъ, по лѣсамъ, по полямъ и крали бы чужую морковь и картофель. Еслибы они не обязаны были знать религію, вся эта сволочь насмѣялась бы намъ въ лицо; учитель и его помощникъ могли бы умереть съ голода! Къ счастію, они должны имѣть свѣдѣнія о религіи, такъ что въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ, пока они учатся катихизису, мы можемъ держать ихъ въ рукахъ и стараться немножко исправить ихъ. А исправлять ихъ нужно розгой. Посмотрите на этотъ пучекъ орѣховыхъ прутьевъ! — Я

истребляю такихъ по крайней мѣрѣ три ежегодно на ихъ спинахъ. Не бойтесь ихъ много расходовать, нашъ край весьма обиленъ орѣшникомъ. Если кто-нибудь изъ этихъ мерзавцевъ не отнесется къ вамъ съ должнымъ почтеніемъ, если онъ будетъ дѣлать своимъ товарищамъ знаки, или мигать, или надсмѣиваться—накиньтесь на него и не жалѣйте ударовъ! бейте его до тѣхъ поръ, пока онъ устанетъ кричать и пока его товарищи не подумаютъ: «Вотъ этотъ, такъ настоящій учитель»! Только тогда они будутъ уважать васъ и вамъ достаточно будетъ взглянуть, чтобы у нихъ по тѣлу пробѣжали мурашки и чтобъ они уткнули носъ въ книгу. Вы меня поняли?

— Да-съ.

— Ну такъ пойдемте, дѣти уже собрались. Возьмите розгу —каждый долженъ имѣть свою.

Онъ выбралъ изъ связки одинъ изъ самыхъ толстыхъ прутьевъ, подалъ его мнѣ и мы пошли.

До конца моей жизни останется у меня передъ глазами эта школьная комната, наполненная дѣтьми! Въ ней было три ряда скамеекъ по срединѣ для маленькихъ, а вдоль стѣнъ тянулись скамейки со столами для большихъ. Всѣ дѣти были въ лохмотьяхъ, выпачканы, съ изодранными локтями и колѣнками; на ногахъ у однихъ были надѣты деревянные башмаки (sabots), другія были босы, какъ настоящіе дикари. Вѣроятно, уже много дней никто изъ нихъ не умывался.

Въ то время, какъ мы подходили къ двери, за ней слышались громкіе голоса спорящихъ дѣтей, но только-что учитель взялся за ручку, водворилась мертвая тишина. Всѣ дѣти наклонились надъ книгами; самыя смѣлыя смотрѣли на меня изъ-подлобья и вѣрно думали:—Такъ вотъ новый учитель, пріѣхавшій на мѣсто прежняго, котораго мы выжили! Будетъ ли онъ сердитый? позволитъ ли онъ намъ смѣяться надъ нимъ? можно ли будетъ лазить ему на плечи?

Г. Гильомъ выступилъ на средину комнаты.

— Г. Жанъ-Батистъ, подойдите ко мнѣ — сказалъ онъ — а вы, ребятишки, слушайте въ оба, чтó я вамъ буду говорить! Вотъ вашъ новый учитель.... Этотъ не похожъ на прежнихъ, нѣтъ! Этотъ — *настоящій* учитель, я нарочно выписалъ его для такихъ мерзавцевъ, какъ вы, которые не умѣютъ слушаться сразу! Этимъ вы останетесь довольны!... одно говорю вамъ: бѣда тому, кто не выучитъ своего урока, бѣда!...

Урокъ начался; сперва пѣли полчаса азбуку, потомъ Гильомъ велѣлъ мнѣ повторять со старшими катихизисъ. Я еще не

зналъ никого изъ нихъ по именамъ, потому подошелъ къ первому попавшемуся; мальчикъ началъ долго и шумно сморкаться.

— Встаньте — сказалъ я.

Но онъ продолжалъ сморкаться и дѣлалъ видъ, что не слышитъ меня.

— Встаньте — повторилъ я.

Но онъ продолжалъ свою шалость, и вся школа захохотала. Я вспомнилъ наставленіе учителя и слегка ударилъ его два раза прутомъ. Учитель все видѣлъ: онъ наскочилъ на ребенка; лицо его было блѣдно и злобно, зубы стиснуты. Онъ страшно ударилъ шалуна розгой чрезъ всю спину и продолжалъ бить его приговаривая: «а, ты кричишь!... ты кричишь!... такъ я же не заставлю тебя кричать понапрасну!...»

Онъ продолжалъ бить мальчишку съ такой силой, что тотъ не могъ больше кричать и облокотился на столъ какъ бы въ изнеможеніи. Волосы становились дыбомъ у всѣхъ дѣтей, когда они слышали эти страшные удары. Наконецъ учитель кончилъ и сказалъ мнѣ:

— Теперь вы знаете, какъ нужно за нихъ взяться. Смѣлѣй! только первый шагъ труденъ!

Сознаюсь откровенно, эта метода показалась мнѣ очень удобною! Я былъ еще въ тѣхъ лѣтахъ, когда все, что *просто*, кажется хорошо. Какъ мнѣ сказалъ учитель, всѣ мои предшественники должны были убраться изъ-за своего милосердія, я же рѣшилъ драться больно, и не оставлять своего мѣста. «Если эти дикари — говорилъ я себѣ — не хотятъ слушаться добромъ, тѣмъ хуже для нихъ; побои должны болѣе огорчать ихъ, чѣмъ меня». Я говорилъ себѣ это, видя, какой водворился порядокъ и что по одному знаку моему дѣти сейчасъ же вставали; ни одному изъ нихъ и въ голову не приходило смѣяться или сморкаться. Послѣ класса всѣ разошлись тихо и порядочно; проходя мимо насъ они говорили: «добраго утра, г. Гильомъ; добраго утра, г. Жанъ-Батистъ!»

Старый учитель шепнулъ мнѣ на ухо:

— Вы слышите?... Они уже знаютъ ваше имя! добрый знакъ.

Я вступилъ въ свою новую должность и не ударилъ лицомъ въ грязь; даже учитель удивился, какая у меня энергія! но черезъ два дня, онъ самъ объяснилъ мнѣ, кого можно бить и кого не нужно: дѣтей вліятельныхъ лицъ нужно было обходить и вмѣсто того, чтобы стегать розгой — ставить ихъ на колѣни или не позволять ѣсть ничего, кромѣ хлѣба и воды во время часовъ отдыха. Дѣло пошло отлично, и я со спокойной со-

вѣстью и довольный собой, ложился вечеромъ въ постель и крѣпко засыпалъ....

Эркманъ-Шатріанъ беретъ свой сюжетъ изъ первыхъ годовъ XIX-го столѣтія; но на многое ли подвинулось въ эти пятьдесятъ лѣтъ народное образованіе? Подъ этой простенькой картинкой вступленія учителя въ сельскую школу могли бы подписать свое имя почти всѣ сельскіе учителя всѣхъ странъ.

Люди, посвятившіе свою дѣятельность на народное образованіе, изучавшіе этотъ предметъ основательно и ѣздившіе изучать его по многимъ странамъ, всѣ въ одинъ голосъ соглашаются, что собственно *народныя школы* повсюду устроены крайне неудовлетворительно. Даже въ такихъ странахъ, какъ Германія, гдѣ обученіе обязательно, и Швейцарія, гдѣ всѣ родители добровольно посылаютъ своихъ дѣтей въ школы — даже и въ этихъ странахъ народное обученіе находится въ крайне жалкихъ условіяхъ. Сельскій учитель большею частью—круглый невѣжда, и не умѣя возбудить въ дѣтяхъ любознательность, надѣляетъ ихъ безчисленнымъ количествомъ колотушекъ.

Намъ не разъ приходилось за границей посѣщать первоначальныя, т.-е. низшія школы (écoles primaires). Мы посѣщали ихъ какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ селахъ и вездѣ мы встрѣчали почти тоже самое; вездѣ мы видѣли, что въ школахъ, устроенныхъ государствомъ — даже такимъ либеральнымъ, какъ, напр., Швейцарія — грозно царила линейка или розга. *Бить дѣтей* такъ въѣлось въ педагогическіе взгляды народныхъ наставниковъ, что даже присутствіе посторонняго лица не мѣшало учителю щедро расточать удары.

Въ частныхъ заведеніяхъ, въ такъ-называемыхъ «дѣтскихъ садахъ» — педагогія ударовъ начинаетъ уже замѣтно исчезать и замѣняться другой, болѣе разумной педагогіей. Но, къ сожалѣнію, и тутъ побудительной причиной къ такой пріятной перемѣнѣ часто служитъ не убѣжденіе, а разсчетъ. Намъ случилось недавно провести нѣсколько дней подъ рядъ въ одномъ «дѣтскомъ саду» Швейцаріи, гдѣ совсѣмъ не пускали въ ходъ колотушекъ. Трудно было двумъ учительницамъ удержать порядокъ въ цѣлой кучѣ дѣтей разныхъ возрастовъ, начиная отъ четырехъ лѣтъ; но мы не могли не отдать справедливости ихъ ловкости и умѣнью; мы не могли не сознавать, что порядокъ этотъ доставался имъ не легко. «Мы въ восторгѣ — обратился кто-то изъ насъ къ главной учительницѣ—отъ вашей школы. Чуть ли не въ первый разъ мы такъ наглядно видимъ, что можно очень

хорошо обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній».—«Да, но за то скольвихъ это стóитъ усилій!—съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила учительница—мы не можемъ бить дѣтей, наше положеніе намъ этого не позволяетъ. Каждый ребенокъ приноситъ намъ 3 франка въ мѣсяцъ и даже очень бѣдные люди посылаютъ къ намъ дѣтей, именно потому, что мы ихъ не бьемъ. Если мы будемъ бить дѣтей, родителямъ не за что будетъ платить намъ деньги—они могутъ посылать дѣтей своихъ въ общественную школу *даромъ*».—Значитъ—вѣрно подумалъ каждый изъ насъ—еслибы эта самая учительница была въ общественной школѣ, она непремѣнно надѣляла бы своихъ воспитанниковъ ударами и ей бы и въ голову не пришло развить въ себѣ, ради убѣжденія, тотъ талантъ занимать ихъ, который развился въ ней вслѣдствіе необходимости. Наблюденія наши привели насъ къ тому печальному выводу, что сознательно-развитая педагогія существуетъ вообще въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ, и то не для народнаго обученія, а начиная съ болѣе достаточныхъ классовъ, которые хоть мало-мальски оплачиваютъ обученіе своихъ дѣтей. Все же *даровое*, гдѣ бы оно ни совершалось, основано на ударахъ. Хотя удары и не входятъ въ программу, но они вездѣ пущены въ ходъ. Это можно видѣть изъ постоянно встрѣчающихся въ заграничныхъ газетахъ случаевъ, что такой-то учитель оторвалъ ребенку ухо, такой-то прошибъ ему голову, ударивъ его слишкомъ сильно линейкой, такой-то раскроилъ ему всю щеку. Конечно, сами учителя за это нерѣдко жестоко поплачиваются, но все же отъ этого колотушки не уменьшаются, потому что онѣ возведены въ систему, и даже самый добрый учитель не можетъ безъ нихъ обойтись. «Il ne faut pas s'en prendre aux hommes, mais il faut détruire l'idée»—можно было бы очень удачно примѣнить здѣсь любимую фразу французскихъ консерваторовъ. Но для того, чтобы уничтожить *идею битья* дѣтей, нужно, чтобы учитель былъ человѣкъ развитой и умѣющій занять дѣтей. Отсутствіе въ немъ всякихъ знаній и полная неспособность добросовѣстно выполнить принятую обязанность, заставляетъ его прибѣгать къ розгѣ и превращать сельскую школу въ экзекуціонную комнату. Ему можетъ быть и въ голову не приходитъ, что онъ поступаетъ дурно, онъ дѣлаетъ это открыто и обществу очень хорошо извѣстны его поступки.

Вообще, обществу уже давно поставляютъ на видъ, что оно относится съ постыдной небрежностью къ народному образованію. Художники почти на каждой выставкѣ картинъ, въ каждой странѣ, изображаютъ сельскія школы съ ребятишками въ лохмотьяхъ и валяющимися на полу переломанными розгами — но

общество остается глухо и слѣпо къ тому, что постоянно повторяютъ ему или вертятъ передъ его глазами. Съ удивительнымъ спокойствіемъ относится оно къ традиціоннымъ порядкамъ и только незамѣтное меньшинство громко ратуетъ противъ вѣковой рутины. А въ сельскихъ школахъ дѣтей все же продолжаютъ бить, приговаривая: «ученіе горько, но плоды его сладки»!

Посмотримъ же на эти сладкіе плоды, возвратясь къ разсказу Эркмана-Шатріана.

«Итакъ — говоритъ г. Ренó — я принималъ хорошія и дурныя привычки. Хорошія состояли въ томъ, что я рано вставалъ, дѣлалъ наблюденія надъ образомъ жизни простыхъ людей, точно исполнялъ свои обязанности, работалъ надъ своимъ собственнымъ образованіемъ. Къ дурнымъ привычкамъ я отношу то, что я предавался вспыльчивости, билъ дѣтей и держался того мнѣнія, что можно до чего-нибудь добиться только страхомъ и силой.

«Такъ какъ рѣчь зашла о привычкахъ, то я замѣчу мимоходомъ, что три четверти людей живутъ только привычками. Вся жизнь ихъ слагается смотря по тому, какія они пріобрѣли привычки — дурныя или хорошія. Они думаютъ и дѣйствуютъ сообразно съ ними и продолжаютъ такъ дѣйствовать до самой смерти. Вслѣдствіе привычекъ съ дѣтства люди дѣлаются трудолюбивыми или лѣнивыми, воздержанными или распущенными, честными или безчестными, откровенными или скрытными и т. д. Да, отъ привычекъ зависитъ почти *все*; мало найдется людей, у которыхъ хватило бы силы характера и выдержки измѣнить свои привычки, если они сознаютъ, что онѣ порочны. Очень немногіе способны на такую переработку и втеченіи цѣлой жизни они могутъ сосчитать тѣ дни, въ которые сдѣлали надъ собой усиліе. Какъ отдѣльныя лица, такъ и массы одинаково дѣйствуютъ по привычкѣ — потому-то народное образованіе такъ и важно, оно формируетъ цѣлыя націи. Каждому понятно, какое значеніе имѣетъ выборъ сельскихъ учителей и народныя книги.

«Узурпаторы, которые всегда хотятъ вертѣть народомъ по своему произволу и обирать его, по очень вѣрному разсчету стараются внушать людямъ съ дѣтства извѣстный образъ мыслей, который препятствовалъ бы ихъ развитію, убивалъ бы всякую мысль о свободѣ, отнималъ бы возможность сбросить иго и заговорить о своихъ правахъ. Несчастнымъ дѣтямъ набиваютъ головы старымъ хламомъ, вмѣсто того, чтобы объяснять имъ, чтó значитъ справедливость, разумъ, истина. Они не имѣютъ понятія о томъ, что можно стать независимымъ посредствомъ труда и пользоваться довольствомъ. Разъ, что старый хламъ западетъ

человѣку въ голову, то его можно обработать какъ угодно, и чѣмъ человѣкъ становится старше, чѣмъ больше онъ заваленъ работой и подавленъ трудомъ, чѣмъ глубже его нищета — тѣмъ менѣе у него остается охоты и возможности выбросить изъ головы этотъ хламъ, который заставляетъ его гнуть шею передъ эксплуатирующимъ его обманщикомъ. Итакъ, еще разъ повторяю: народное образованіе первое и главнѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ, особенно въ странѣ, гдѣ существуетъ общая подача голосовъ, гдѣ голосъ послѣдняго сапожника цѣнится столько же, сколько голосъ члена академіи. Если французы хотятъ поддержать республику, то они сейчасъ же должны ухватиться за народное образованіе. Только благодаря невѣжеству, мы могли пережить столько неудачныхъ плебисцитовъ, которые принесли намъ теперь такія страшныя послѣдствія. Утверждать противное было бы совершенно безсовѣстно. Можно сказать прямо, что самое большое преступленіе относительно народа, совершенное со времени великой французской революціи, это — намѣренное поддерживаніе въ народѣ страшнаго невѣжества».

Этимъ кончаются общія размышленія Эркмана-Шатріана о народномъ образованіи и затѣмъ начинается обличеніе того зла, которое вносятъ въ народное образованіе іезуиты и вообще клерикалы. Никакими силами нельзя еще искоренить изъ французской жизни ихъ пагубнаго вліянія. За послѣдніе годы постоянно появляются въ литературѣ обличительные разсказы ихъ тайныхъ дѣйствій и постоянныхъ интригъ, но это нисколько не уменьшаетъ ихъ силу; они точно также вторгаются всюду, какъ и прежде, точно также держатъ народъ въ суевѣрномъ страхѣ и тупомъ невѣжествѣ. Эркманъ-Шатріанъ постоянно возвращается, въ своемъ разсказѣ, къ слѣдующему признанію: «Всѣ мои знанія были бы ничто, еслибы я не зналъ священную исторію, церковную службу и не старался бы нравиться отцу Бернару. Чтобы удержаться на мѣстѣ сельскаго учителя, главное условіе — это не вызвать неудовольствія священника; будь человѣкъ хоть семи пядей во лбу, его все-таки бы выгнали, еслибы онъ не съумѣлъ поладить со святымъ отцомъ».

— Наступила зима—продолжаетъ Рено — суровая и холодная. Гильомъ началъ страдать ревматизмомъ и слегъ въ постель. Я одинъ велъ школу. Разъ какъ-то, послѣ пріѣзда доктора, я вызвался сходить въ сосѣднее село къ аптекарю и принести больному прописанное лекарство. Я немножко зналъ аптекаря и онъ слышалъ обо мнѣ отъ посѣтителей аптеки. Онъ пригласилъ меня обѣдать,

и пригласилъ такъ радушно, что я охотно согласился. Аптекарь былъ республиканецъ и принималъ у себя людей одинаковыхъ съ нимъ мнѣній. Въ первый разъ находился я въ такомъ обществѣ.

Прошло уже много лѣтъ, а я до сихъ поръ живо помню этихъ людей. Они громко протестовали противъ варварства союзниковъ. Въ 1815-мъ году Франція должна была кормить сто двадцать тысячъ враговъ и выплатить имъ деньгами сто двадцать милліоновъ, теперь-же (т.-е. въ 1816-мъ году) мы еще должны содержать полтораста тысячъ непріятельскаго войска и съ насъ требуютъ еще сто тридцать милліоновъ, чтобы вознаградить нѣмцевъ за убытки, причиненные имъ войной. Какимъ образомъ можемъ мы выплатить эту сумму при настоящемъ разореніи Франціи?

Одинъ изъ гостей, высокій сильный парень, съ кудрявыми волосами и угловатымъ лицомъ, увѣрялъ, что Франція продана и должна была бы уплатить свои долги пушечными выстрѣлами.

Коснулись, между прочимъ, народнаго образованія; аптекарь былъ въ негодованіи, что я получаю только пять франковъ въ мѣсяцъ: «Стыдно для такой страны, какъ наша—воскликнулъ онъ—платить помощнику учителя пять франковъ! Нѣтъ вещи пагубнѣе народнаго невѣжества, а учителю не хотятъ даже оплачивать необходимаго. Нашу революцію погубило невѣжество! Еслибы народъ умѣлъ читать, писать и здраво обсуждать вещи, онъ никогда бы не принялъ конституцію, въ силу которой Наполеонъ I-й похитилъ у народа все, что̀ онъ пріобрѣлъ съ 1789-го года. Эта несчастная конституція позволила Наполеону рубить и стругать Францію по своему произволу, дѣлать все, что придетъ ему въ голову, безъ всякой отвѣтственности. Единственная причина такого произвола лежала въ народномъ невѣжествѣ...»

Величіе узурпаторовъ всегда строится на народномъ невѣжествѣ. Наполеонъ I-й это очень хорошо понималъ и потому-то онъ никогда не хотѣлъ дать ни одного сантима на народное образованіе. Въ его царствованіе школьный учитель могъ жить на что̀ хотѣлъ — это до него не касалось. При Бурбонахъ были учреждены даровые комитеты для надзора и поощренія народнаго образованія, но денегъ все же не отпускалось. А между тѣмъ, чтобы прочно основать народное образованіе, конечно, нужны деньги. Еслибы государство порядочно оплачивало учителя, еслибы оно дѣлало конкурсъ на полученіе мѣста учителя, еслибы оно избавило его отъ контроля іезуита — то чрезъ десять лѣтъ всѣ французы умѣли бы читать, писать и мыслить. Безъ денежныхъ средствъ, всѣ циркуляры и комитеты — пустая комедія...

Такимъ образомъ Эркманъ-Шатріанъ очень практично беретъ

вопросъ о народномъ образованіи. Чтобы добиться до какихъ-нибудь мало-мальски порядочныхъ результатовъ, неизбѣжно ассигновать на учрежденіе школъ серьёзные капиталы. Самая вопіющая ошибка всѣхъ странъ заключается именно въ томъ, что бюджетъ народнаго образованія крайне недостаточенъ, и вотъ почему до сихъ поръ положеніе сельскаго учителя одно изъ самыхъ жалкихъ. Рядомъ съ его матеріальнымъ жалкимъ положеніемъ и нравственная роль его не многимъ лучше; на него не смотрятъ какъ на лицо необходимое, отъ котораго зависитъ умственное развитіе цѣлаго поколѣнія, это субъектъ, который для простого народа служитъ представителемъ *не необходимости*, а *роскоши*. Знаніе грамоты *не необходимо* для простолюдина, чтобы прожить жизнь; онъ можетъ обойтись и безъ нея, потому учитель и не считается лицомъ, прямо приносящимъ пользу той мѣстности, въ которой онъ долженъ жить.

Когда притомъ народъ видитъ передъ глазами своими оборваннаго, голоднаго, часто пьянаго человѣка, который безъ толку колотитъ его ребятъ, то, несмотря на разумныя поговорки о пользѣ ученія, сердце его не лежитъ къ ученію и онъ всѣми средствами старается отклонить отъ дѣтей *роскошь*, которая доставитъ имъ много синяковъ и колотушекъ.

А здравый смыслъ народа шепчетъ ему, что и съ ученіемъ не Богъ-вѣсть куда уѣдешь! потому что вотъ вѣдь учитель, ужъ на что́ ученый человѣкъ, а и то хуже всякаго простого перебивается; можетъ быть еслибы за сохой ходилъ, такъ больше бы себѣ заработалъ! Учитель всякую книжку прочесть съумѣетъ — а все же въ кулакъ себѣ свиститъ или ихъ же пороги обиваетъ! На что-жъ ему пригодилось ученіе?

Въ концѣ книги Эркмана-Шатріана вставленъ отдѣльный небольшой разсказъ, который именно задѣваетъ вопросъ объ отношеніяхъ къ учителю деревенскихъ тузовъ, которые приводятъ именно такія разсужденія о карьерѣ бѣднаго труженика, осмѣивающаго въ своей особѣ преимущества «учености»; выходитъ, что ученье — свѣтъ, но такой свѣтъ, отъ котораго мрутъ съ голода. Но возвратимся къ Жанъ-Батисту, посѣтившему аптекаря.

«Старый революціонеръ далъ мнѣ нѣсколько книгъ — говоритъ Рено — между которыми были «Emile» и «Contrat Social» Руссо. Боже мой! сколько горя принесли мнѣ эти книги! Я читалъ ихъ и перечитывалъ, я понималъ слова и даже фразы, но смысла ихъ схватить не могъ; я не могъ составить себѣ яснаго понятія

о томъ, чтó хочетъ сказать авторъ. Гильомъ скоро замѣтилъ, что мнѣ не по себѣ; я признался ему въ моемъ горѣ.

— Мой дорогой другъ — сказалъ онъ — не впадайте въ такое отчаяніе! Я стою въ вашемъ положеніи вотъ уже тридцать лѣтъ. Во время республики только и бредили Жанъ-Жакомъ и подобными ему писателями! Сто разъ принимался я читать ихъ, но произведенія ихъ такъ возвышены, такъ учены, такъ глубокомысленны — что я не могъ понять ни слова. Эти сочиненія, точно также какъ «Духъ Христіанства» и всѣ произведенія Боссюэта, написаны для королей, для князей, для знатныхъ особъ и для учёныхъ. Нужно много лѣтъ ученья, чтобы добраться до ихъ истиннаго смысла. Они не для насъ писаны и никому не нужно, чтобы мы, мелкіе людишки, понимали ихъ! Развѣ кто-нибудь думаетъ о томъ, чтобы волы, пашущіе землю, понимали чтó они дѣлаютъ — лишь бы они пахали!... лишь бы пахали!... бóльшаго отъ нихъ ничего не требуютъ...

Эти слова сначала тажело отозвались въ моемъ сердцѣ, но впослѣдствіи я оцѣнилъ ихъ справедливость. Я понялъ, что во Франціи два языка: одинъ — для образованныхъ людей, другой — для народа. Всѣ произведенія пишутся на языкѣ образованныхъ; на языкѣ понятномъ для народа — нѣтъ ровно ничего. *Народной литературы* у насъ нѣтъ никакой, даже нѣтъ порядочной народной грамматики...»

Вотъ и еще страшный пробѣлъ въ народномъ образованіи, мѣтко схваченный Эркманомъ-Шатріаномъ. Выучить ребенка азбукѣ не трудно, но развить его умъ можно только давая ему читать книги съ осмысленнымъ содержаніемъ. А гдѣ эти книги? — есть ли онѣ во Франціи, въ Швейцаріи, даже въ Англіи?

Да, въ Англіи онѣ пожалуй и есть, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ это не есть дѣйствительная *народная литература*, а *литература для народа*, т.-е. копѣечныя изданія библейскихъ обществъ или обществъ трезвости. Въ сущности это одно и тоже, такъ какъ общества трезвости большею частію состоятъ изъ клерикаловъ и миссіонеровъ. Общій характеръ этой литературы совершенно тождественный и вертится на необходимости безропотно выносить всякія несчастія, какъ бы они ни были тяжелы и невыносимы. Литература эта все же крайне распространена не въ одной Англіи, но въ каждомъ закоулкѣ земного шара, гдѣ люди понимаютъ англійскій языкъ. Нѣкоторыя изъ обществъ, занимающіяся такой пропагандой, имѣютъ свои собственныя типографіи, другія находятъ себѣ частныхъ издателей. Ни тѣмъ, ни другимъ не приходится раскаяваться въ своихъ предпріятіяхъ. Копѣечныя изданія для народа расходятся по всему

свѣту въ сотняхъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ и даже доходятъ до милліоновъ. Напр., «Народныхъ произведеній въ стихахъ» г-жи Ганны Моръ, изданныхъ Джарролъдомъ и сыновьями, было продано въ одинъ годъ два милліона экземпляровъ; «Народныхъ балладъ» г-жи Сюэль, изданныхъ ими же, около двухъ милліоновъ. Партриджъ и Комп., Джонъ Шау и Комп., Петръ Дрюмондъ и Джарролъдъ и сыновья — вотъ частные издатели, дѣлающіе всего болѣе операціи книгами для народа. Изъ нихъ Джарролъдъ и сыновья большею частію издаютъ: «*Полезные разсказы для народа*» — состоящіе изъ очень поверхностнаго и элементарнаго изложенія всевозможныхъ явленій природы и изъ примѣненія химіи и физики къ домашнему обиходу. Этими разсказами издатели сдѣлали себѣ большую извѣстность, и дѣйствительно разсказы эти заслуживаютъ больше вниманія, чѣмъ все остальное. Только изъ нихъ народъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о явленіяхъ природы и о естественныхъ наукахъ. Во всемъ же остальномъ, что̀ десятками милліоновъ обходитъ пол-свѣта, нѣтъ ровно никакой пользы.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе по поводу народной литературы въ Англіи, для того, чтобы читатель могъ сравнить ее съ произведеніями Эркмана-Шатріана и еще болѣе оцѣнить, какую услугу этотъ авторъ оказываетъ своему народу трезвыми разсказами, полными правды и знанія народной жизни.

Англійская «литература для народа» большею частію состоитъ изъ маленькихъ разсказиковъ, разбавляющихъ водою мораль прописей, старыхъ дѣвъ и обиженныхъ міромъ гувернантокъ. Какъ будто на зло дѣйствительной жизни, въ нихъ всегда торжествуетъ добродѣтель и наказуется порокъ. Въ нихъ, напр., описывается цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ недостатковъ, ведущихъ за собой смерть, и въ заключеніе говорится: «Мать умерла—(изъ народной баллады г-жи Сюэль: «Mother's Last Words, 57 edition, 606 Thousand») — но она поднялась на небо; передъ ней открылись золотыя двери и она увидѣла цѣлую радостную толпу, среди которой ходилъ Христосъ. Онъ подошелъ къ несчастной женщинѣ, претерпѣвшей столько самыхъ ужасающихъ земныхъ страданій и спросилъ ее, что ей надо для счастія?» «О Господи! — отвѣтила она — пошли на землю ангела, чтобы онъ охранялъ моихъ двухъ сыновей!» — «Хорошо — отвѣтилъ Христосъ — я сдѣлаю больше: я тоже и ихъ возьму сюда».—Вслѣдъ за этимъ изреченіемъ Христа, г-жа Сюэль описываетъ на многихъ страницахъ неимовѣрныя земныя страданія двухъ дѣтей, которыя доводятъ одного изъ нихъ до смерти. А

потомъ, въ яркихъ краскахъ, передаетъ его радостную встрѣчу съ матерью и съ Христомъ.

Таково содержаніе одной изъ самыхъ распространенныхъ и талантливыхъ балладъ, разошедшейся, какъ читатель видѣлъ, въ 606-ти тысячахъ экземпляровъ. Дѣйствительно, нельзя отказать автору ея въ личномъ талантѣ: страданія сперва матери, потомъ дѣтей описаны съ большой реальностью и переданы живо; но мораль неудачна — какъ и вообще мораль всѣхъ подобныхъ произведеній. Относительно морали эти писатели поступаютъ, какъ плохіе адвокаты относительно своихъ кліентовъ. По прочтеніи любого изъ разсказовъ библейскихъ обществъ человѣкъ, не лишенный здраваго смысла, непремѣнно долженъ подумать: «Лучше бы людямъ на землѣ давалось побольше счастія и достатковъ; отъ этого имъ было бы легче жить и они стали бы добрѣе».—Но такія соображенія никогда не входятъ въ головы писателей библейскихъ обществъ, они сами всѣ пользуются достаткомъ, и имъ очень удобно писать моральные разсказы, и такимъ образомъ, людямъ, лишеннымъ матеріальной пищи, давать пищу духовную.

Изданія обществъ трезвости, по своей практичности, немногимъ разнятся отъ изданій библейскихъ обществъ. Возьмемъ, напр., разсказъ наудачу. Столяръ какъ-то жаловался своему патрону на то, что, работая цѣлый день не разгибая спины, онъ едва имѣетъ возможность заработать достаточно, чтобы прокормить себя и семью свою, и что онъ часто не знаетъ, какимъ образомъ заплатить подати. Патронъ (который вѣроятно былъ одинъ изъ добродѣтельныхъ членовъ общества трезвости) спросилъ своего работника: пьетъ ли онъ эль и сколько выпиваетъ стакановъ каждый день?—Работникъ отвѣтилъ. Патронъ глубокомысленно вынулъ свою записную книжку и сталъ по ней что-то высчитывать. «Видите—сказалъ онъ съ торжествующимъ видомъ—еслибы вы бросили дурную привычку пить эль, у васъ въ концѣ года оставалась бы въ карманѣ такая-то сумма, и вы не только могли бы заплатить всѣ подати, но даже снести кое-что въ банкъ». На работника такъ подѣйствовали слова добродѣтельнаго патрона, что съ этого дня онъ совершенно пересталъ пить эль.

Такъ говоритъ разсказъ, но въ дѣйствительной жизни работникъ непремѣнно отвѣтилъ бы патрону: «Милостивый государь! вамъ, вѣроятно, очень хорошо извѣстно, что пища моя и безъ того убійственно скудна, что безъ этого стакана эля меня самого, къ концу года, снесли бы на кладбище и мои сбереженныя деньги могли бы послужить только для моихъ похоронъ,

такъ какъ я бы самъ въ нихъ больше не нуждался». Но о физическихъ потребностяхъ и о естественныхъ законахъ природы—ни тѣ, ни другіе разсказы не любятъ упоминать. Ихъ цѣль только моральная сторона и они стараются развивать только «духовнаго» человѣка. Сочинители ихъ, въ сущности очень похожи на того нѣмца, про котораго ходитъ извѣстный анекдотъ, что онъ во что бы то ни стало хотѣлъ пріучить своего осла ничего не ѣсть. Оселъ маялся нѣсколько дней и разумѣется, околѣлъ. Нѣмецъ пришелъ въ неописанное отчаяніе: «Какъ жаль! — воскликнулъ онъ — что онъ околѣлъ, онъ ужъ совсѣмъ-было привыкъ обходиться безъ пищи!»—

И вотъ, эти-то разсказы, за неимѣніемъ другого чтенія, покупаетъ англійскій народъ (вѣроятно за ихъ крайнюю дешевизну); но, какъ легко можно догадаться, много пользы они ему не приносятъ, ибо едва-ли въ какой-либо другой странѣ совершается столько преступленій, какъ въ Англіи.

— Мысль о моей неспособности—продолжаетъ свой разсказъ учитель Эркмана-Шатріана — долго мучила меня, несмотря на слова Гильома; она мучила меня до тѣхъ поръ, пока я не побывалъ у исповѣди. Прежде, чѣмъ отпустить мнѣ грѣхи мои, отецъ Бернаръ спросилъ меня, не читалъ ли я дурныхъ книгъ? Я спокойно отвѣтилъ отрицательно.

— Какъ вы смѣете лгать на исповѣди!—воскликнулъ онъ— лгать передъ Господомъ Богомъ! Вы воображаете, что Ему не извѣстно рѣшительно все? вы воображаете, что и намъ не извѣстно, что вы принесли отъ аптекаря книги, проклятыя церковью?

Я поблѣднѣлъ и сталъ объяснять ему, что совершенно не зналъ, что онѣ запрещены, что я ничего изъ нихъ не понялъ, но онъ не слушалъ меня и продолжалъ свою рѣчь, говоря, что я буду проклятъ и погибну, что онъ откажется отъ меня и оставитъ пасть въ бездну, что скоро пріѣдетъ попечитель и тогда увидятъ, откуда у меня берется время обѣдать съ якобинцами и читать дурныя книги. Онъ совѣтовалъ мнѣ запомнить его слова, потому что скоро настанетъ экзаменъ и тогда мнѣ могутъ не выдать аттестата, избавляющаго меня отъ рекрутства.

Я ушелъ съ исповѣди въ ужасномъ отчаяніи. Съ этой минуты я больше какъ бы не существовалъ; тысячу разъ спрашивалъ я себя: что же со мной будетъ, если я не получу аттестата? При этой мысли сердце мое сжималось и я принимался опять за работу; я учился и не терялъ ни минуты.

Пора экзаменовъ настала; по всему околодку распространился страхъ; только и слышно было, что учителямъ отказываютъ въ свидѣтельствахъ. Невозможно описать, въ какомъ я былъ нервномъ состояніи, когда кухарка отца Бернара пришла звать меня на экзаменъ. Мной остались довольны, и я получилъ желанное свидѣтельство, которое на всю жизнь должно было обезпечить мнѣ кусокъ хлѣба и избавить отъ солдатской службы.— Я прибѣжалъ домой точно въ чаду, мой успѣхъ вскружилъ мнѣ голову. Я сталъ думать, какъ бы достать другое мѣсто и не служить больше помощникомъ за пять франковъ въ мѣсяцъ. Я даже сталъ хлопотать объ этомъ, не говоря, однако, ни слова Гильому. Но въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ наша деревня, ничто не можетъ остаться тайной, и Гильомъ скоро узналъ, что я недоволенъ моимъ положеніемъ у него. Онъ сталъ кротко выговаривать мнѣ за мою неблагодарность и упрекать меня за честолюбіе, но я отвѣтилъ ему, что мое жалованье слишкомъ недостаточно и я скоро буду принужденъ ходить въ лохмотьяхъ, такъ какъ не могу сдѣлать себѣ новаго платья. А мнѣ бы хотѣлось не только всегда быть прилично одѣтымъ, но даже имѣть возможность, время отъ времени, посылать кое-что моему старику-отцу. Гильомъ призналъ справедливость моихъ требованій и предложилъ мнѣ возобновить когда-то основанную имъ школу для взрослыхъ. Мы должны были учить въ ней вмѣстѣ и дѣлить барыши пополамъ. Эта мысль улыбнулась мнѣ и я ухватился за нее съ радостью. Черезъ нѣсколько времени у насъ уже начались вечерніе классы для взрослыхъ и ихъ посѣщало не мало народа.

Школа наша пріобрѣтала славу во всемъ околодкѣ; ученики и ученицы мои дѣлали большіе успѣхи. Между послѣдними была дѣвушка, особенно одаренная способностями и быстротой соображенія. Это была Розали Бокель, первая красавица и богачка нашей деревни. Я часто былъ въ восторгѣ отъ этой дѣвушки, но ни разу мысль о любви не приходила мнѣ въ голову. Мнѣ просто нравились ея быстрые отвѣты, ея необыкновенная память и сообразительность.

Черезъ два мѣсяца школа наша была переполнена народомъ; даже отцы семействъ аккуратно приходили учиться вмѣстѣ со своими дѣтьми. Между прочими посѣтителями, къ намъ стала ходить сестра милосердія Аделаида, подъ тѣмъ предлогомъ, что она очень желаетъ ознакомиться съ моей новой методой обученія. Сестра Аделаида была маленькая, худенькая старушонка, съ бѣлымъ высохшимъ личикомъ, съ живыми карими глазами, острымъ носомъ и нѣсколькими пучками сѣдыхъ волосъ на под-

бородкѣ. Сестра Аделаида, какъ и всѣ «сестры», была круглая невѣжда и врядъ ли знала даже азбуку. Но, тѣмъ не менѣе, она приходила въ восторгъ отъ моей методы и поминутно засыпала меня похвалами. Эта милая «сестричка» садилась всегда около печки со своимъ чулкомъ и выглядывала изъ-подъ своей большой шляпы, какъ мышь изъ норки. А я-то принималъ ея льстивыя рѣчи за чистую монету и былъ очень доволенъ. О Господи! какъ молодость глупа̀! Старая плутовка уже давно отправилась на тотъ свѣтъ и вѣроятно получаетъ теперь достойную награду за свои дѣянія, а я до сихъ поръ не могу безъ досады вспомнить о своей глупости!

Я былъ вполнѣ счастливъ въ моей школѣ; я училъ, объяснялъ, заставлялъ повторять мои слова или поправлять другъ у друга ошибки; когда мнѣ не могли отвѣчать удовлетворительно, я обращался къ Розали. Розали, какъ и всѣ дѣвицы, была немножко тщеславна; мои похвалы нравились ей и часто большіе глаза ея горѣли отъ удовольствія. А сестра Аделаида все больше и больше разсыпалась въ похвалахъ.

— Ахъ, какъ же вы учите! какъ превосходно учите!—восклицала она — что̀ мы, бѣдныя сестры милосердія, въ сравненіи съ такимъ учителемъ!...

Послѣ класса, хитрая старушонка уходила послѣдняя и еще въ дверяхъ смиренно присѣдала передо мной и задушевнымъ голосомъ говорила: «Покойной ночи, г-нъ Жанъ-Батистъ! какой же вы превосходный учитель! Ваше мѣсто не въ этой деревушкѣ, вы станете со временемъ учителемъ въ большомъ городѣ!...»

Сколько я ни думалъ про себя и ни спрашивалъ: не люблю ли я въ самомъ дѣлѣ Розали? — но разница нашего положенія дѣлала любовь между нами невозможною. Она была дочь богатаго человѣка, мэра; я — бѣдный учителишка; здравый смыслъ говорилъ мнѣ, что Розали никогда не могла бы стать моей женой. Отецъ ея былъ со мной любезенъ, протягивалъ мнѣ руку при встрѣчѣ и одобрялъ нашу счастливую мысль основать классы для взрослыхъ. Но, несмотря на его радушныя отношенія ко мнѣ, я ни минуты не сомнѣвался, что онъ никогда бы не выдалъ за меня свою дочь.

Во время масляницы, въ нашихъ странахъ празднуется пресмѣшной праздникъ, его можно бы назвать праздникомъ «злыхъ шутокъ». Этотъ старинный обычай держится еще до сихъ поръ и повторяется каждый годъ. Онъ состоитъ въ томъ, что парни деревни поднимаются ночью на самую высокую скалу, называемую скалой Шибэ и разводятъ на ней большой костеръ. Когда костеръ

запылаетъ, всѣ жители выходятъ изъ своихъ домовъ и говорятъ себѣ: «Это Шибэ,—мы узнаемъ сегодня что-нибудь новенькое!»— Когда жители соберутся въ лѣсъ подъ самый утесъ—тогда одинъ изъ остроумныхъ парней, одаренный громкимъ голосомъ, выдвигается на самый край утеса и кричитъ медленно и ясно: «Шибэ! Шибэ!»... Вслѣдъ за этимъ онъ объявляетъ о задуманной свадьбѣ или о подмѣченныхъ имъ тайныхъ интрижкахъ между молодежью. Каждый разъ, какъ онъ объявитъ новость, раздается хохотъ, крикъ, трескъ свѣже-подброшеннаго въ костеръ дерева и выстрѣлы изъ пистолетовъ.

Я тоже пошелъ на этотъ странный праздникъ, который, вѣроятно, уже существуетъ много столѣтій и теряется въ древности. Когда я подошелъ къ опушкѣ лѣса, на скалѣ показался «le Grand Coliche» и началъ выкрикивать тайны нашей деревни. Онъ кричалъ уже болѣе часу и остановился. Я думалъ, что кончено и началъ удаляться, когда снова раздалось: «Шибэ!» и въ моихъ ушахъ прозвучало имя Розали и мое собственное. Мнѣ показалось, что огромная вѣтка упала мнѣ на голову и потомъ сердце мое замерло отъ страха. Я опрометью побѣжалъ домой и бросился въ постель, но не могъ сомкнуть глазъ.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, кухарка отца Бернара прибѣжала за мной. Отецъ Бернаръ ходилъ по комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ; онъ объявилъ мнѣ, что мэръ нашей деревни, отецъ Розали, только-что былъ у него съ жалобой; онъ слышалъ о вечернемъ скандалѣ и требуетъ немедленнаго моего удаленія; онъ былъ въ такой злобѣ на меня, что не хотѣлъ слушать никакихъ убѣжденій со стороны отца Бернара. Я вполнѣ созналъ всю силу того страшнаго удара, который грозилъ мнѣ, только тогда, когда отецъ Бернаръ началъ приходить въ негодованіе на то, что мы основали школу для взрослыхъ по вечерамъ, когда онъ сообщилъ мнѣ, что, говорятъ, будто бы я хотѣлъ соблазнить Розали и что поэтому-то отецъ ея и требуетъ моего немедленнаго удаленія и не хочетъ дать мнѣ свидѣтельства въ хорошемъ и честномъ поведеніи.

— Какой промахъ!... какой промахъ!... повторилъ отецъ Бернаръ: еслибы г-нъ Гильомъ спросилъ моего совѣта, ничего бы этого не случилось....

Результатомъ несчастнаго случая съ Розали было то, что меня перевели учителемъ въ другую деревню, въ самую дикую мѣстность всего околодка. Отецъ Бернаръ и тутъ съумѣлъ выставить себя моимъ благодѣтелемъ, и я, довѣрчивый юноша, отправился въ это гнѣздо полудикихъ людей, съ самой горячей признательностью къ отцу Бернару....

Бывшій учитель наглядно описываетъ затѣмъ свою жизнь на новомъ мѣстѣ, въ деревнѣ «Скала». Вся она состояла изъ нищенскаго населенія воровъ, контрабандистовъ и пьяницъ; но вмѣстѣ съ этимъ всѣ исполняли церковные обряды и даже ходили на богомолье. Условія, на которыхъ содержался учитель, были ужасны: школа отпускала ему только чердакъ для ночлега, остальное онъ долженъ былъ добывать себѣ самъ. Обычай кормиться, введенный сестрами милосердія, состоялъ въ томъ, что учитель ходилъ ѣсть по днямъ въ семьи тѣхъ дѣтей, которыя учились въ школѣ. Можно себѣ представить, что онъ не всегда встрѣчалъ радушный пріемъ со стороны людей, которымъ и самимъ нечего было ѣсть. Но для учителя выбора не было, и онъ долженъ былъ принимать всякія условія. Съ отчаяніемъ безвыходности принялся Жанъ-Батистъ за свое дѣло и не жалѣлъ спинъ своихъ дикарей-учениковъ. Скоро онъ замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошіе голоса и началъ учить ихъ церковному пѣнію. Онъ выбралъ четырехъ лучшихъ учениковъ своихъ и составилъ квартетъ. Когда они хорошо выучились пѣнію, онъ повелъ ихъ въ церковь села, гдѣ прежде былъ учителемъ, составлявшую и приходскую церковь деревни «Скала». Отецъ Бернаръ остался очень доволенъ, пѣніе дѣтей произвело впечатлѣніе и родители всѣхъ его учениковъ стали просить, чтобы и ихъ дѣти были взяты въ хоръ.

«Съ тѣхъ поръ я уже не билъ моихъ учениковъ — говоритъ Жанъ-Батистъ — мнѣ было вполнѣ достаточно сказать: «когда ты хорошо будешь знать свой катихизисъ, ты тоже будешь пѣть въ хорѣ». Если я бывалъ кѣмъ-нибудь недоволенъ, я говорилъ ему: «сегодня ты не придешь пѣть»,—это дѣйствовало на ребенка гораздо больше, чѣмъ всѣ мои безчисленные удары. Я навсегда отказался отъ методы Гильома. Я пришелъ къ тому убѣжденію, что ни побоями, ни униженіемъ нельзя добиться отъ дѣтей желанныхъ результатовъ. Нужно, напротивъ, возвысить ихъ въ собственныхъ ихъ глазахъ и обращаться съ ними, какъ съ людьми, а не какъ съ животными.

Я одержалъ еще бо́льшую побѣду въ день перваго причащенія дѣтей. Мои воспитанники знали катихизисъ лучше всѣхъ, и духовенство, съѣхавшееся по этому случаю, вмѣстѣ съ отцомъ Бернаромъ, превозносило меня до небесъ. Всѣ родители учениковъ моихъ звали меня наперерывъ роспить бутылочку, но я отказался, собралъ своихъ учениковъ и усталый возвратился въ свою бѣдную комнатку.

Время шло; наступило лѣто. Школа моя начинала пустѣть. Лѣтомъ дѣти гуляютъ или помогаютъ на работахъ. У меня

осталось только нѣсколько учениковъ, такъ что безпрестанно приходилось однимъ и тѣмъ же семьямъ кормить меня. Меня мучила мысль, что я объѣдаю родителей немногихъ учениковъ своихъ, и я разъ повѣрилъ свое горе старому Жерому, отцу трехъ лучшихъ учениковъ моихъ, у котораго мнѣ безпрестанно приходилось кормиться. Добрый старикъ задумался, но нашелъ средство помочь горю. Недалеко отъ деревни «Скала» находились три большія и богатыя фермы анабаптистовъ, желавшихъ дать своимъ дѣтямъ нѣкоторое образованіе. Они уже справлялись, чему учила дѣтей моя предшественница, сестра Элеонора, но узнавъ, что она знаетъ только катихизисъ и церковныя пѣсни, не хотѣли посылать къ ней своихъ дѣтей.

— Если хотите—сказалъ мнѣ старикъ—мы пойдемъ къ нимъ завтра, и я увѣренъ, что вамъ съ удовольствіемъ поручатъ обученіе дѣтей. Анабаптисты эти люди богатые и вамъ хорошо будутъ оплачивать уроки. Согласны вы?—

Я былъ счастливъ и, разумѣется, воспользовался добрымъ предложеніемъ Жерома. На слѣдующее утро, лишь только зачалась заря, мы отправились въ путь. Прогулка была превосходная. Наконецъ мы подошли къ забору, и Жеромъ отворилъ ворота. На крыльцѣ стоялъ старый анабаптистъ Жакъ, который, увидя Жерома, громко и ласково поздоровался съ нимъ; я шелъ позади.

— Я привожу вамъ молодого человѣка, котораго вы вѣрно уже знаете по наслышкѣ — обратился Жеромъ къ старому Жаку—это нашъ учитель, замѣнившій сестру Элеонору.

Старикъ впился въ меня глазами и потомъ произнесъ: «Войдите, господа; очень радъ поближе узнать этого молодого человѣка».

Послѣ довольно продолжительныхъ разговоровъ, послѣ того, какъ старикъ позвалъ своихъ двухъ сыновей и ихъ женъ, и мы начали уговариваться и въ концѣ поладили, старый Жакъ сказалъ мнѣ привѣтливо:

— Мы давно знаемъ васъ какъ хорошаго учителя и вы видите, рады поручить вамъ нашихъ дѣтей, только вы должны дать мнѣ одно обѣщаніе.

— Какое?

— Не старайтесь обращать нашихъ дѣтей въ свою вѣру.

Я покраснѣлъ.

— За кого вы меня принимаете, думая, что я способенъ на такую низость!

— Ахъ — воскликнулъ старикъ — лѣтъ десять тому назадъ, «сестрички» вашей деревни хотѣли обратить въ свою вѣру на-

шихъ двухъ дочерей, которыя теперь замужемъ въ Америкѣ, и позже еще нѣсколько разъ дѣлали подобныя же попытки. Но вы дали мнѣ слово—прибавилъ онъ—и я вамъ вѣрю.

Я былъ счастливъ и въ слѣдующее же воскресенье пошелъ къ Гильому, которому много разъ жаловался на свое печальное положеніе, и сообщилъ ему о пріятной перемѣнѣ. Гильомъ остановилъ меня вопросомъ: получилъ ли я на это разрѣшеніе отъ отца Бернара? Меня удивилъ этотъ вопросъ. «Развѣ нужно позволеніе, чтобы учить дѣтей читать и писать?» въ свою очередь спросилъ я.

— Право, лучше спросите позволеніе у отца Бернара; теперь все зависитъ отъ священника, онъ можетъ все повернуть по своему желанію....

— Да, — перебила мужа Катерина — ничего не предпринимайте безъ отца Бернара. Еслибы вы тогда обратились къ нему за разрѣшеніемъ, когда задумали открыть вечернюю школу.... вся эта непріятность на праздникѣ, разумѣется, не вышла бы....

Я не понялъ сразу словъ Катерины. Гильомъ выглянулъ за дверь и, удостовѣрясь, что никто не можетъ насъ подслушать, сообщилъ мнѣ тихимъ голосомъ, что вся непріятность, сдѣланная мнѣ на праздникѣ, была нарочно подведена сестрой Аделаидой по командѣ отца Бернара, за то, что мы не спросили у него разрѣшенія на открытіе школы.

Я былъ уничтоженъ и не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ; но все же я послушался совѣта учителя и его жены, которые, безъ сомнѣнія, желали мнѣ добра, и отправился къ отцу Бернару за разрѣшеніемъ. Къ моей великой радости и удивленію, отецъ Бернаръ не только далъ мнѣ тотчасъ же разрѣшеніе, но даже казался крайне доволенъ, что дѣти анабаптистовъ будутъ посѣщать мою школу.

Я принялся за дѣло со слѣдующаго же утра. Мои новые воспитанники оказались понятливы и способны, дѣло пошло у насъ на ладъ. Жизнь моя казалась мнѣ несравненно лучше прежней. Съ истиннымъ увлеченіемъ ходили мы по полямъ и по лѣсамъ, измѣряли и вычисляли величину участковъ и съ восторгомъ радовались своимъ успѣхамъ.

Осенью отецъ Бернаръ посѣтилъ мою школу. Онъ нашелъ ее въ величайшемъ порядкѣ и удивился успѣхамъ учениковъ. Особенно поразили его маленькіе анабаптисты: они выслушивали серьезно его вопросы и обдуманно отвѣчали на нихъ. Другіе ученики тоже отвѣчали удовлетворительно. Все кончилось хорошо и я проводилъ отца Бернара до долины. Онъ спрашивалъ меня, вижусь ли я со старымъ Жакомъ; я отвѣчалъ

утвердительно и сообщилъ ему, что зимой и другіе анабаптисты тоже хотятъ посылать ко мнѣ дѣтей. Отецъ Бернаръ былъ доволенъ и все повторялъ мнѣ: «хорошо, очень хорошо; продолжайте какъ начали, вы на хорошей дорогѣ»!

Въ ближайшее воскресенье, когда я сходилъ къ обѣднѣ, я ясно видѣлъ, что отецъ Бернаръ желаетъ что-то сообщить мнѣ. Я не ошибся. Читатель можетъ вообразить себѣ мой ужасъ, когда я узналъ, что́ именно отецъ Бернаръ хотѣлъ сказать мнѣ: я долженъ былъ воспользоваться присутствіемъ дѣтей анабаптистовъ въ школѣ и обращать ихъ въ нашу вѣру!

— Это невозможно!—воскликнулъ я.

— Невозможно! почему же?—рѣзко спросилъ онъ.

— Потому, что я далъ Жаку слово.

Отецъ Бернаръ выпрямился и посмотрѣлъ на меня недобрымъ взглядомъ.

— Я знаю, что вы дали слово, хотя вы не нашли нужнымъ сообщить мнѣ объ этомъ—произнесъ онъ, помолчавъ,—вы дали слово и сдержите его. Вы не будете обращать анабаптистовъ въ *христіанство*, но вы не обязаны, для этого стараго еретика, пренебрегать вашими христіанскими обязанностями. Потому, съ завтрашняго же дня, вы будете учить дѣтей катихизису по два часа въ день. Вы будете особенно доказывать имъ необходимость исповѣди, причащенія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Но вы будете обращаться исключительно къ дѣтямъ христіанъ; маленькіе еретики будутъ тутъ же и будутъ только слушать ваши слова. Вы меня поняли?

— Да-съ—отвѣтилъ я чуть слышно.

— Прекрасно, я полагаюсь на васъ, скоро мы опять посѣтимъ вашу школу.

Отецъ Бернаръ вышелъ, я остался точно пораженный громомъ. Злая шутка масляницы не могла сравниться со словами, услышанными мной отъ отца Бернара.

Когда Гильомъ увидѣлъ меня, онъ взглянулъ на меня и сейчасъ же угадалъ, что что̀-то случилось.

— Я такъ и думалъ, что подъ позволеніемъ отца Бернара что-нибудь скрывается—сказалъ онъ—если вы не послушаетесь его—вы пропали. Онъ выдастъ вамъ дурной аттестатъ и отмѣтитъ васъ какъ человѣка вреднаго. Отецъ Бернаръ очень честолюбивъ, а ничего такъ не льститъ самолюбію попа, какъ обращеніе еретиковъ; за это его переведутъ изъ нашей деревни въ большой городъ и дадутъ ему важный приходъ. Онъ уже все дѣлалъ черезъ сестеръ—но онѣ слишкомъ глупы и не могли оказать ему этой услуги. Онъ воспользовался вами и разсчиты-

ваетъ добиться своей цѣли чрезъ васъ. Можете вообразить себѣ его ярость, если вы не оправдаете его ожиданій! онъ сдѣлаетъ все, чтобъ сжить васъ со свѣту!... Подумайте о послѣдствіяхъ его гнѣва, подумайте хорошенько....

Вотъ все что могъ сказать мнѣ старый учитель. Я простился съ нимъ и ушелъ. Сердце мое было переполнено негодованіемъ и злобой, но я ни разу даже не представилъ себѣ возможности обмануть анабаптистовъ. Негодованіе мое на отца Бернара было безпредѣльно; оно было тѣмъ болѣе сильно, что я всегда считалъ его своимъ благодѣтелемъ.

Горько размышляя о своемъ положеніи, я искренно пожелалъ быть солдатомъ — у меня былъ бы готовый кусокъ хлѣба и отъ меня не требовали бы, чтобы я обманывалъ людей и обращалъ ихъ ребятъ въ свою вѣру. Послѣ долгихъ думъ, я наконецъ рѣшилъ на слѣдующій же день возвратиться на свою родину и предложить себя въ солдаты.

Я никому не сообщилъ о своемъ рѣшеніи, зная, что Жеромъ первый сталъ бы меня отговаривать. Я сказалъ, что получилъ письмо отъ родителей и долженъ безотлагательно идти домой. Но я не хотѣлъ оставить край, не простясь со старымъ республиканцемъ-аптекаремъ, который всегда оказывалъ мнѣ дружелюбіе. Я завернулъ къ нему и встрѣтилъ обычный, ласковый пріемъ.

— Вы, кажется, куда-то собрались?—спросилъ онъ меня.

— Я ухожу совсѣмъ!

— Ба!

— Да, я ухожу и не хотѣлъ оставить эти страны, не поблагодаривъ васъ за доброе вниманіе.

— Съ чего же вы уходите?

Я откровенно признался ему во всемъ, что̀ случилось; онъ выслушалъ меня со вниманіемъ.

— А теперь чтожъ вы будете дѣлать?

— Я запишусь въ солдаты—это все, что̀ мнѣ остается.

Аптекарь не одобрилъ моего рѣшенія и предложилъ мнѣ у себя мѣсто помощника. Онъ давалъ мнѣ готовое содержаніе и 20 франковъ въ мѣсяцъ. Я сейчасъ же долженъ былъ приняться за изученіе ботаники и химіи. Разумѣется, я съ радостью принялъ его предложеніе и прожилъ съ нимъ три года. Никогда я столько не работалъ умственно, какъ въ эти годы! Старый аптекарь, котораго отецъ Бернаръ называлъ «якобинцемъ», былъ олицетвореніемъ доброты и честности. Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, что всѣ вечера самъ занимался со мной ботаникой и химіей.

Еслибы онъ прожилъ дольше, я бы навѣрное сдѣлался аптекаремъ;... къ несчастію, онъ умеръ черезъ три года послѣ моего поступленія къ нему, и я могъ только сдѣлаться гербаристомъ.

Впослѣдствіи я женился на дочери стараго Жерома, которая всегда нравилась мнѣ за свои добрыя качества, и я живу съ ней уже 47-й годъ. Я прожилъ жизнь не богато, но счастливо, и всегда очень интересовался вопросомъ о народномъ образованіи; не даромъ я былъ сельскимъ учителемъ! Этотъ вопросъ всегда казался мнѣ самымъ важнѣйшимъ изъ всѣхъ вопросовъ.

Объ образованіи высшихъ классовъ—я не говорю, у нихъ всѣ средства подъ руками. Всѣ учебныя заведенія учреждены только для дѣтей высшихъ классовъ. Профессорамъ этихъ заведеній платятъ большое жалованье, между тѣмъ, какъ сельскій учитель обязанъ обивать пороги и просить о пропитаніи, какъ это дѣлалъ я.

Наша буржуазія, имѣя всѣ средства къ образованію, очень поднялась за послѣдніе семьдесятъ лѣтъ, но по мѣрѣ того какъ она поднималась, она все болѣе и болѣе отдалялась отъ народа и забывала его. Она оставляла народъ коснѣть въ невѣжествѣ и не хотѣла ничего для него сдѣлать. Это-то обстоятельство и породило то несчастное отношеніе народа къ высшимъ классамъ, которое всѣ газеты окрестили теперь словомъ: «*антагонизмъ*». Этотъ «антагонизмъ» никогда не возникъ бы, еслибы высшіе классы позаботились и о народномъ образованіи. Къ несчастію, они хотѣли господствовать, они образовали научную и денежную аристократію, они всѣ эти годы относились къ народу съ непростительнымъ эгоизмомъ и теперь пожинаютъ то, что посѣяли: вся французская нація распалась на двѣ категоріи—на категорію людей образованныхъ, которые вотируютъ за свободу, и на категорію совершенныхъ невѣждъ, которые вотируютъ за Петра или Якова безразлично, смотря по тому, за кѣмъ изъ этихъ двухъ больше войска, духовенства и жандармовъ. Теперь всѣмъ ясно, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ невѣжество; всѣ понимаютъ, что невѣжество губитъ народъ, и желаютъ основанія первоначальныхъ, безплатныхъ и обязательныхъ школъ. Правда, не всѣ еще желаютъ, чтобы школы были обязательны, основываясь на томъ, что это стѣсняетъ *свободу* родителей, но эти самые люди совершенно позабываютъ упоминать о свободѣ, когда берутъ въ солдаты ихъ двадцатилѣтнихъ дѣтей и заставляютъ умирать на полѣ битвы....

Я увѣренъ, что мы скоро будемъ имѣть во Франціи безплатныя школы и заранѣе этому радуюсь. Но я спрашиваю себя, чему будутъ учить въ нихъ? какой духъ будетъ въ нихъ господствовать? Каждый изъ насъ видитъ, что можно имѣть много познаній и все же быть крайне неразвитымъ»...

Тутъ у Эркмана-Шатріана, уроженца завоеванныхъ у Франціи нѣмцами странъ и человѣка горячо любящаго свой край, срывается горькая филиппика противъ пруссаковъ. Онъ вѣрно близко видѣлъ военныя дѣйствія во время послѣдней войны и не могъ равнодушно присутствовать при разореніи своей родины, а разореніе Франціи французами тогда еще не началось.

«Всѣ нѣмцы—говоритъ онъ—умѣютъ читать и писать, что̀ однако не мѣшаетъ имъ быть самымъ коварнымъ и жестокимъ народомъ Европы. Они возстановили теперь право военныхъ поборовъ, т.-е. они грабятъ и обираютъ побѣжденныхъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Изъ чего же проистекаетъ ихъ грубость и глупость, какъ не изъ того, что имъ съ-молоду вбиваютъ въ голову мысли о мести, о захватѣ и о власти, вмѣсто того, чтобы учить ихъ любви къ ближнему, справедливости и свободѣ. Простой здравый смыслъ долженъ бы былъ показать имъ, что втираться къ сосѣдямъ подъ личиной *друзей* и потомъ шпіонить и поддѣлывать замки—вещь позорная и безчестная. Несмотря на ученость нѣмцевъ, они очень любятъ забирать себѣ чужое добро. Съ французскимъ народомъ можетъ случиться тоже самое, если дѣтямъ будутъ вбивать въ голову, что народы существуютъ на землѣ для того, чтобы драться другъ съ другомъ и стараться возвыситься, уничтожая противника. Учить этому дѣтей, это все равно, что развивать въ человѣчествѣ еще большее варварство и тупость чѣмъ тѣ, которыя уже существуютъ»...

Но въ «Разсказѣ Сельскаго Учителя», Эркманъ-Шатріанъ не беретъ только одну отрицательную сторону и не жалуется на недостаточность образованія, не ставя ничего положительнаго. Онъ говоритъ въ нѣсколькихъ словахъ, чего бы ему хотѣлось отъ сельскаго учителя и что̀ нужно ставить основой народнаго образованія.

«Пусть священникъ учитъ дѣтей св. исторіи и катихизису—но пусть это будетъ независимо отъ школьнаго преподаванія; школьный же учитель, вполнѣ освобожденный отъ ферулы священника, пусть преподаетъ дѣтямъ исторію французскаго на-

рода и катихизисъ всѣхъ правъ и обязанностей французскаго гражданина. Я говорю: пусть дѣти узнаютъ исторію французскаго *народа*, а не французскихъ *королей*; пусть имъ объяснятъ, что народъ долженъ былъ вынести и при Меровингахъ, и при Карловингахъ, и при Капетингахъ и т. п.; что онъ долженъ былъ перестрадать и какое занималъ мѣсто въ государственномъ строѣ во всѣ историческія эпохи. Пусть дѣтямъ сообщатъ также о всѣхъ улучшеніяхъ и изобрѣтеніяхъ, о прогрессѣ развитія, о свободѣ, о промышленности; пусть заставятъ ихъ запомнить имена людей, болѣе всего работавшихъ для пользы человѣчества.

«Въ странѣ, гдѣ введена общая подача голосовъ, необходимо разъяснить народу его *права* и *обязанности*. Вслѣдствіе этого, я желалъ бы, чтобы нашимъ гражданамъ съ дѣтства объясняли тѣ обязанности, которыя они должны будутъ нести. Желательно было бы, чтобы появилась книжечка съ вопросами, въ родѣ слѣдующихъ: «Что такое демократія? что такое конституція? что такое община, кантонъ, округъ, департаментъ? въ чемъ заключаются обязанности префекта, генеральнаго совѣта, муниципальнаго совѣта, мэра? Въ чемъ состоятъ законы о выборахъ»? и т. д.—Пусть откроется конкурсъ на составленіе такого школьнаго руководства и отдастся премія тому, кто напишетъ его самымъ простымъ и понятнымъ языкомъ.

«Все вышеупомянутое неизбѣжно должно входить въ первоначальное даровое и обязательное обученіе. Но этимъ обученіемъ я вовсе не хочу ограничить народное образованіе. Ничего не могло бы быть легче, какъ учредить и высшіе курсы. Въ каждомъ околодкѣ есть судья, аптекарь, два или даже три доктора. Эти лица могли бы читать лекціи каждый по своему предмету за весьма небольшую плату и такимъ образомъ давать народу хотя бы самыя элементарныя понятія о томъ, что дѣлается въ наукѣ. Крестьяне посылали бы на эти курсы своихъ дѣтей, и болѣе способные могли бы выходить въ люди. Мало-помалу въ каждомъ околодкѣ можно бы завести библіотеку, а наши талантливые писатели могли бы издавать дешевыя книги и журналы. Они ничего не потеряли бы, потому, что вмѣсто двухъ-трехъ тысячъ покупщиковъ, они нашли бы цѣлые десятки тысячъ и не остались бы въ накладѣ. Кромѣ того, они имѣли бы нравственное удовлетвореніе сознавать, что истинно полезны для своего отечества и работаютъ для народнаго развитія и прогресса.

«Но довольно. Я не хочу забѣгать впередъ и слишкомъ много требовать отъ истинно-преданныхъ людей, чтобы не запугать ихъ и не ослабить ихъ энергіи. Дай Богъ, чтобы пере-

мѣны и улучшенія совершились во Франціи какъ можно скорѣй — это самое пламенное желаціе, какъ бывшаго сельскаго учителя, который всю жизнь свою постоянно сталкивался съ несчастіями, происходящими отъ невѣжества, такъ и стараго француза, горячо любящаго свое отечество!»

И мы скажемъ вмѣстѣ съ Эркманомъ-Шатріаномъ: дай Богъ, чтобы французскій народъ скорѣе началъ свою сознательную жизнь и чтобы «деревенское большинство» перестало бы тормозить правильный ходъ государственной жизни и быть орудіемъ искателей приключеній; это во Франціи тѣмъ болѣе легко, что ни одинъ народъ въ Европѣ не имѣетъ въ себѣ столько элементовъ для политической независимости и свободы. Когда въ массахъ пробудится сознаніе, Франція, разумѣется, избѣгнетъ тѣхъ постоянныхъ кровавыхъ стычекъ за свободу, которыми такъ обильна французская исторія. Съ пробужденіемъ сознанія въ народѣ, не будетъ и тѣхъ тысячъ періодическихъ жертвъ, выхваченныхъ изъ среды его; не будетъ той кровавой расправы *надъ своими*, какъ бы въ отместку за то, что не удалось побѣдить *чужихъ*; не будетъ той страшной междоусобной войны, которая во Франціи всегда кончается во славу изгнанныхъ династій, черныхъ рясъ, денежныхъ мѣшковъ и всего сброда народныхъ піявокъ, искателей фортуны, chevaliers d'industrie и т. п., которые во время войны или бѣдствія расползаются по другимъ странамъ и выжидаютъ удобную минуту, когда снова могутъ налетѣть, какъ саранча, на свою родину. Съ пробужденіемъ народнаго сознанія, весь этотъ сбродъ уничтожится самъ собой и не нужно будетъ потратить на него ни одного удара, не только изъ митральезы, но даже изъ простого ружья. Избирательная урна уничтожитъ его односложнымъ восклицаніемъ: Non!

Въ эту минуту, такого сознанія еще нѣтъ во Франціи! Когда оно будетъ? скоро ли оно будетъ?—вотъ въ чемъ неразрѣшимый вопросъ. Для того, чтобы оно пришло, нужно учить народъ, а чему захотятъ его учить теперь, послѣ несчастной войны и междоусобныхъ столкновеній? Прежде всего его учатъ теперь покорности и добронравію посредствомъ военнаго суда и ссылокъ... Какіе курсы могутъ читаться ему потомъ — можно догадываться по вышеприведеннымъ образцамъ въ исторіи сельскаго учителя, гдѣ все зависѣло отъ воззрѣній отца Бернара. «Отцамъ Бернарамъ» во Франціи можетъ скоро открыться обширное поприще для дѣятельности.

Желаніе Эркмана-Шатріана впрочемъ исполнилось въ настоящую минуту относительно Эльзаса и Лотарингіи: въ нихъ

нѣмцы ввели уже даровое и обязательное обученіе. Но что должна была претерпѣть Франція, чтобы часть ея была облагодѣтельствована—ея же врагомъ?! Отъ врага пришлось получить то, въ чемъ странѣ упорно отказывало ея же правительство, и что считалось этимъ правительствомъ за якобинство!

Въ концѣ новой книги Эркмана-Шатріана мы находимъ еще четыре небольшіе отдѣльные разсказа. Одинъ изъ нихъ особенно хорошъ и стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ же вопросомъ о народномъ воспитаніи. Въ немъ чрезвычайно характеристично выставлены отношенія крестьянъ къ учителю и мастерски обрисовано то ничтожное значеніе, которое крестьяне издавна привыкли придавать ученію, а происходитъ это, въ большей части случаевъ, оттого, что лица, призванныя представлять въ ихъ глазахъ науку, не могутъ, но недостаточности средствъ, достойно поддержать своего положенія. Человѣкъ, который привыкъ къ физическому труду, считаетъ *трудомъ* только мускульную работу. Умственная же работа, въ его глазахъ, пустяки, какъ бы она ни была тяжела и утомительна. Механическій труженикъ не можетъ понять, что человѣкъ, не тратящій своихъ силъ въ быстрыхъ или утомительныхъ движеніяхъ, можетъ быть такимъ же труженикомъ, какъ и онъ. Онъ уважаетъ только свою работу, утомляющую мускулы, готовъ платить только за такую работу; на все же остальное смотритъ сквозь пальцы, какъ на *лишнее* и готовъ урѣзать каждый грошъ у человѣка, занимающагося *бездѣльемъ*.

Въ небольшомъ разсказѣ: «Ораторы моей деревни» — Эркманъ-Шатріанъ очерчиваетъ отношенія крестьянъ именно къ худо-оплаченному сельскому учителю. Какъ ни ограниченна такая тема, но авторъ умѣетъ придать ей чрезвычайную занимательность, ожививъ подробности неподдѣльнымъ юморомъ, исполненнымъ горечи. Мы приведемъ этотъ разсказъ цѣликомъ.

«Къ концу осени прошедшаго года—такъ начинаетъ разсказчикъ—въ одно изъ ноябрьскихъ воскресеній, по окончаніи уборки хлѣба и винограда, весь совѣтъ моей деревни собрался въ мэріи, чтобы разсуждать о дѣлахъ нашей общины.

Совѣтъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ мѣстныхъ властей; изъ мѣдника Дамидо, торговца щетками Николая Жакеля, двухъ

братьевъ — дровосѣковъ Беперотъ, мелочного лавочника Жоржа Машэта, землепашца Франсуа Матиса, и нѣсколькихъ другихъ лицъ, знающихъ, не хуже первыхъ, всѣ тонкости административной части.

Всѣ они, разумѣется, одѣлись въ праздничное платье и украсили свои головы великолѣпными шляпами съ трехцвѣтной ленточкой. Одинъ только Дамидб явился въ своей будничной курткѣ съ заплатами на локтяхъ, и въ своей старой шляпѣ, по своему обыкновенію увѣряя, что не платье краситъ человѣка, и что такой человѣкъ, какъ онъ, можетъ являться повсюду не заботясь о чистотѣ своихъ рукъ и своего лица.

Церковный колоколъ еще звонилъ, а всѣ эти добрые люди уже сидѣли на своихъ мѣстахъ вокругъ стола; одни облокачивались, другіе опирались на руку; нѣкоторые зѣвали, нѣкоторые ворчали сквозь зубы: «Однако странно, что нашъ мэръ всегда опаздываетъ!»

Сельскій сторожъ Кюни ходилъ взадъ и впередъ по корридору, чтобы отгонять дѣтей и кумушекъ отъ дверей и не давать имъ возможности подслушивать, а старый школьный учитель Антонъ Денье, онъ же и секретарь мэріи, съ особеннымъ усердіемъ чинилъ перья.

Только взглянувъ на серьезное и строгое лицо учителя, на его впалыя щеки, на потухнувшій взоръ, на истертый, ветхій фрачекъ съ крошечными фалдочками—можно было бы сказать положительно, что наука не находитъ много приверженцевъ въ нашей деревнѣ, и что бѣдняга живетъ среди насъ, подобно тому, какъ жилъ Іоаннъ Златоустъ среди пустыни.

Дверь отворилась, и въ нее торжественно вошелъ мэръ, Жакъ Ромари. Его жирное красное лицо сіяло самодовольствомъ, его пунцовая жилетка бросалась въ глаза. Онъ важно прошелъ чрезъ всю комнату, и среди всеобщей тишины, съ глубокимъ вздохомъ, опустился въ свое кресло.

Кумъ Жакъ Ромари хитрая шельма! Онъ одинъ обладаетъ болѣе чѣмъ половиной всѣхъ пахатныхъ земель нашей деревни. Подъ видомъ общаго блага, онъ изъ всего умѣетъ извлекать свои выгоды. Для того, чтобы перевозить бревна на свой лѣсопильный заводъ, онъ подвелъ дѣло такъ, что всѣ единодушно вотировали проложеніе въ лѣсъ конной дороги; чтобы орошать свои поля, онъ забралъ въ свои руки всѣ три стока около колодцевъ; чтобы кормить даромъ свой скотъ, онъ обратилъ общинные луга въ пастбища; чтобы откармливать своихъ свиней, онъ добился отъ лѣсного вѣдомства возобновленія права на сборъ желудей и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, его мѣсто

мэра, на котором не полагается жалованья, приносило ему больше дохода, чѣмъ любая ферма, а онъ все же часто говоритъ, гладя свой подбородокъ:

— Я забочусь только о пользѣ общины! я только и бьюсь изъ-за выгодъ общины!

— Ой!—отвѣтилъ ему однажды старый Грегуаръ—вы ужъ этого добились... вы вертите ею какъ хотите!

Многіе изъ нашихъ думаютъ тоже, чтó и Грегуаръ, но такъ какъ послѣдній не былъ выбранъ на послѣднихъ выборахъ, то никто и не смѣетъ возвышать голоса.

Сѣвъ на свое мѣсто, Жакъ Ромари немножко подумалъ и произнесъ:

— Господа! вамъ всѣмъ очень хорошо извѣстно, что нашъ учитель получаетъ отъ правительства 500 франковъ въ годъ за обученіе дѣтей, а отъ нашей общины 60 франковъ за должность секретаря, чтó составляетъ 560 франковъ. Несмотря на это, су-префектъ написалъ мнѣ бумагу, въ которой говорится, что мы могли бы прибавить ему еще кое-что къ его доходамъ, примѣрно по два франка въ зиму за каждаго ребенка. Итакъ, милостивые государи, если вы находите, что 560 франковъ жалованье недостаточное....

— Недостаточное!!... зашумѣли со всѣхъ сторонъ члены, — недостаточное!...

Мѣдникъ Дамидó всталъ и началъ свою рѣчь, со сверкающими отъ гнѣва глазами.

— Да, воскликнулъ онъ, я знаю, что Антонъ Денье получаетъ 500 франковъ жалованья отъ правительства! сборщикъ податей, Жоржель, который всегда останавливается въ гостинницѣ «Ели», еще въ послѣдній разъ говорилъ намъ это, и мы просто не хотѣли вѣрить ему. Получать 500 франковъ за то только, чтобы учить ребятишекъ! всякій бы нашелъ, что это недурно, хэ, хэ, хэ!... такъ нѣтъ!... нашъ Антонъ Денье, который долженъ бы былъ считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, что за 500 франковъ онъ можетъ расхаживать по школѣ съ розгой подъ мышкой, въ то время, какъ мы всѣ работаемъ подъ открытымъ небомъ, то въ грязи, то въ снѣгу; въ то время, какъ мы и копаемъ, и пашемъ, и сѣемъ, и косимъ, и жнемъ, и пилимъ, и рубимъ, и таскаемъ вязанки —нашъ Антонъ Денье, видите ли, не довольствуется тѣмъ, что можетъ сидѣть зимой около теплой печки, а лѣтомъ у открытаго окна, и что единственное занятіе его время отъ времени выкрикивать б-а-ба! б-е-бе! Онъ жалуется су-префекту и требуетъ отъ насъ еще по

два франка за каждаго мальчика и за каждую дѣвочку, которыхъ онъ обучаетъ!

Весь совѣтъ пришелъ въ неописанное волненіе отъ этихъ словъ оратора. Несчастный учитель всталъ и началъ махать, желая этимъ выразить, что онъ хочетъ отвѣтить.

— Молчите! закричалъ на него мэръ съ угрозой, вы не имѣете права голоса!

— Два франка! продолжалъ Дамидо, посылая учителю молніеносные взгляды,—знаете ли вы, господинъ Денье, какими трудами достаются эти два франка такому лицу, какъ, напримѣръ, я? Чтобы заработать ихъ, я долженъ вставать въ три часа утра, запречь осла въ тележку, часто даже навалить себѣ грузъ на плечи, когда оселъ не можетъ всего увезти, поплестись въ сосѣднее село, чортъ знаетъ по какимъ дорогамъ, не обращая вниманія ни на вѣтеръ, ни на дождь, ни на снѣгъ. Я долженъ вылудить и запаять чуть ли не всю попорченную посуду околотка....

— Но вѣдь все это нисколько не касается ученья, воскликнулъ возмущенный учитель.

— Молчите! снова повторилъ мэръ, или я позову сторожа и велю васъ вывести!

— Кромѣ того, все продолжалъ Дамидо, я еще долженъ сдѣлать возвратный путь, съ сухой коркой хлѣба въ карманѣ. И все же такая тяжелая работа не всегда приноситъ мнѣ два франка. Нужно выпить чарочку тутъ, чарочку тамъ, чтобы придать себѣ бодрости. А вы, господинъ учитель, воображаете, что я возьму да и отдамъ вамъ мои два франка!

Онъ пожалъ плечами и сѣлъ, презрительно улыбаясь.

— Держите карманъ, господинъ учитель! они еще вамъ не попались!

— А я-то что долженъ наработать за два франка! замѣтилъ дровосѣкъ, и счесть нельзя сколько долженъ срубить деревьевъ! сколько перетаскать вязанокъ! сколько проволочить бревенъ!...

— Да всѣ мы не меньше должны работать! послышалось со всѣхъ сторонъ, дураки мы, что-ли! что станемъ попусту бросать два франка!

— Это бы еще ничего, возразилъ Матисъ, еслибы учитель дѣйствительно выучивалъ чему-нибудь нашихъ дѣтей!...

— Ба! выучивалъ! я не умѣю ни читать, ни писать, перебилъ Жакель, однако это не мѣшаетъ мнѣ дѣлать самыя лучшія щётки всего околотка!

Потъ крупными каплями выступилъ на блѣдномъ лицѣ учителя; умоляющимъ взоромъ глядѣлъ онъ на мэра и старался

возбудить снисходительную жалость въ присутствующихъ; но никто и не думалъ жалѣть его, напротивъ, члены совѣта радовались его пораженію.

Мелочной лавочникъ, Жоржъ Машэтъ, всталъ и началъ свою рѣчь гнусливымъ голосомъ;

— Господа! вы совершенно правы, что отказываете учителю въ его просьбѣ, потому что наука губитъ людей, портитъ ихъ, разрушаетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ дураковъ!... Вы всѣ знаете моего сына Жоржа. Шесть лѣтъ тому назадъ, это былъ самый здоровый и красивый мальчикъ нашей деревни. Я имѣлъ несчастную мысль послать его въ школу, и что же! — теперь отъ него осталась только тѣнь! Каждую субботу господинъ Денье приходилъ ко мнѣ и говорилъ мнѣ: «Сынъ вашъ сдѣлаетъ вамъ большую честь; изъ него выйдетъ человѣкъ способный на любое дѣло, онъ можетъ стать и подрядчикомъ, и адвокатомъ, и нотаріусомъ. Онъ будетъ гордостью вашего семейства!» Я всему этому вѣрилъ и покупалъ для Жоржа нужныя книги. Жоржъ проводилъ надъ ними дни и ночи; я же платилъ и за свѣчи, которыя онъ жегъ.... ну, да чего не сдѣлаешь для родного сына!.. Но я сталъ замѣчать, что онъ худѣетъ не по днямъ, а по часамъ. «Нужды нѣтъ! говорилъ учитель, наука сушитъ людей, наука не то, что тѣлесная пища, отъ которой жирѣютъ.... Посмотрите на меня!....»

Это замѣчаніе было встрѣчено дружнымъ хохотомъ всего совѣта.

— Я никогда этого не говорилъ, это неправда! пробормоталъ учитель.

Машэтъ не обратилъ на замѣчаніе учителя никакого вниманія и продолжалъ:

— Антонъ Денье училъ моего сына ариѳметикѣ, межеванью и орѳографіи. Въ то время жена моя была больна, заботъ у меня было по горло, и я не могъ присмотрѣть за сыномъ. Но однажды мнѣ все же захотѣлось узнать, чему выучился мой сынъ, я позвалъ его. «Жоржъ, сказалъ я, вотъ тебѣ сто франковъ, поѣзжай въ Совернъ, и купи мнѣ муки». — «Батюшка, я никогда не покупалъ муки», отвѣтилъ онъ. — «Какъ! ты не знаешь, чтó стоитъ фунтъ муки? Въ твои годы я уже торговалъ и заработывалъ свой хлѣбъ! Съ этого дня нога твоя не будетъ больше въ школѣ! Теперь я знаю чему учитъ васъ Денье! — онъ учитъ васъ мечтать, а не честно заработывать жизнь! Только богачи могутъ заниматься наукой, они держатъ поваровъ, которые знаютъ цѣну мяса; булочниковъ, которые знаютъ цѣну муки, и адвокатовъ, которые знаютъ цѣну деньгамъ!»

Эта рѣчь мелочного лавочника произвела огромное впечатлѣніе. Всѣ члены единодушно вотировали — отказать учителю въ двухъ франкахъ.

Жакъ Ромари, съ довольнымъ видомъ, вынулъ изъ кармана жилета свои толстые часы и произнесъ:

— Господа! уже два часа, пора къ вечернѣ!

Онъ всталъ первый и важно вышелъ изъ комнаты. Учитель выждалъ, чтобы всѣ ушли, такъ какъ въ его обязанность входило замыкать двери.

— Зачѣмъ отецъ мой не сдѣлалъ изъ меня дровосѣка? думалъ бѣдняга, я бы заработывалъ свой хлѣбъ какъ и всѣ другіе. У меня былъ бы одинъ хозяинъ вмѣсто тридцати-шести. Я не долженъ былъ бы подлаживаться къ префекту, къ инспектору, къ патеру, къ мэру, къ членамъ....

Старикъ-учитель былъ въ уныніи, а нашъ мэръ — благоволеніемъ префекта ставшій всесильнымъ господиномъ деревни — торжественно выступалъ по главной улицѣ, сопутствуемый всѣми членами.

— Дѣло въ шляпѣ, думалъ онъ, Жоржъ Машэтъ говорилъ какъ истый адвокатъ!... Су-префектъ немножко позлится, но за то святой отецъ останется доволенъ.... А это главное: за кого стоитъ святой отецъ — тому нечего бояться!...»

Н. А. Таль.

МОСКОВСКІЙ

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПРІЮТЪ.

Благодаря Обществу распространенія полезныхъ книгъ, съ 1868-го года существуетъ въ Москвѣ исправительный пріютъ для малолѣтныхъ преступниковъ. Въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ я управлялъ этимъ пріютомъ и принужденъ былъ передать его въ другія руки только потому, что оставилъ Москву: иначе я не покинулъ бы его.

Вопросъ о пріютахъ у насъ теперь на очереди, и я полагаю, что свѣдѣнія о первомъ подобномъ учрежденіи въ Россіи имѣютъ общій интересъ. Сообщая эти свѣдѣнія въ настоящей статьѣ, я дополнилъ ихъ указаніями на положеніе иностранныхъ пріютовъ, которое мнѣ извѣстно изъ книгъ и еще болѣе по личнымъ наблюденіямъ [1]).

---

[1]) Литература вопроса объ исправительныхъ пріютахъ довольно богата, и мы приведемъ изъ нея слѣдующіе болѣе замѣчательные труды и изданія:

Mary Carpenter, Suggestions on the managements of reformatories. London, 1864.

Herpin, Etudes sur la réforme et les systèmes pénitentiaires. Paris, 1868.

O. du *Mesnil*, Les jeunes détenus à la Roquette et dans les colonies agricoles. Paris, 1866.

Wichern, Erziehung zur Arbeit. Hamb. 1867.

Ducpetiaux, Colonies agricoles en Suisse, en Allemagne, en France etc. Bruxelles, 1851.

Jules de Lamarque, Des colonies pénitentiaires. Paris, 1863.

Богдановскій, Молодые преступники. Одесса, 1870.

Miss *Florence Hill*, Children of the state. Lond., 1868.

Marsangy, Moralisation de l'enfance coupable. Paris, 1867.

Галкинъ, Матеріалы для тюремнаго вопроса. Спб., 1868.

Krohne, Die Organisation des Gefängnisswesens. Oldenb. 1868.

Mayhew, The London Prisons. Lond., 1863.

I.

Характеръ исправительныхъ пріютовъ повсюду опредѣляется системою наказаній, назначаемыхъ малолѣтнымъ. Пріюты не только должны удовлетворять задачамъ воспитанія, но также служить цѣлямъ правосудія: исправленіе, въ большей части случаевъ, вызывается судебнымъ приговоромъ и становится, такимъ образомъ, одною изъ карательныхъ мѣръ. Разница между пріютами состоитъ лишь въ томъ, какой сторонѣ дается перевѣсъ— воспитанію или наказанію.

Въ законодательствахъ западной Европы, преимущественно во французскомъ и англійскомъ, различаются два рода исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ: въ Англіи, на основаніи парламентскихъ актовъ 10-го августа 1866-го года, существуютъ Reformatories и Industrial schools; во Франціи, по закону 1850-го года, учреждаются colonies pénitentiaires и colonies correctionnelles.

Кромѣ того, повсюду существуютъ исправительныя заведенія, въ которыя принимаются на воспитаніе дѣти не по судебному приговору, а только по желанію родителей: таковы, напримѣръ, Rauhes Haus близъ Гамбурга, Redhill около Лондона, Zelienopel близъ Питтборо (въ Сѣв. Америкѣ) и др. Наконецъ, во многихъ странахъ, преимущественно въ Англіи, основаны пріюты для малолѣтнихъ, не только нуждающихся въ исправленіи, но находящихся въ опасности впасть въ пороки и проступки. Эти пріюты имѣютъ характеръ исключительно воспитательный и благотворительный; они носятъ различныя названія: Boys' Refuge, Boys' Home, Dormitory, School of discipline, Rand of Hope, Farm School, Boys' Beadle, Rag collecting Brigade, Shoe Black Brigade, Ragged School, Industrial Refuge, Industrial Home и проч. Въ 1867-мъ году, по отчету Reformatory and Refuge Union, въ его вѣдомствѣ было 292 пріюта съ 21,000 дѣтей; ихъ устройство и цѣль чрезвычайно разнообразны; такъ, напр., бригады чистильщиковъ сапогъ, мусорщиковъ или тряпичниковъ похожи скорѣе на ассоціаціи, чѣмъ на пріюты, ночлежные дома

Maxime du Camp, La petite Roquette, въ «Revue des deux Monde», oct. 1869.

Hello, Des colonies agricoles pénitentiaires. Paris, 1865.

Robernier, Du patronage légal des jeunes libérés. Paris, 1866.

Corne, Etude sur l'éducation correctionelle des jeunes détenus. Paris, 1864.

Сверхъ того много интересныхъ свѣдѣній можно найти въ «Reformatory Journal», въ отчетахъ англійскаго общества «Reformatorils and industrial schools», и въ отчетахъ различныхъ пріютовъ.

суть учрежденія чисто-благотворительныя, ремесленныя школы (напр., Maida Hill) ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ воспитательныхъ заведеній.

Оставляя въ сторонѣ пріюты благотворительные, только случайно имѣющіе исправительный характеръ, мы видимъ, что исправленіе въ смыслѣ карательной мѣры возлагается на первыя три категоріи пріютовъ.

Эти категоріи соотвѣтствуютъ, въ общихъ чертахъ, двумъ основнымъ видамъ наказанія для малолѣтныхъ: семейному или отеческому и государственному. Но какъ судъ можетъ приговорить къ наказанію семейному и возлагаетъ на пріюты исправленіе дѣтей въ случаѣ неблагонадежности, безвѣстнаго отсутствія или смерти ихъ родителей, — такъ, въ свою очередь, родители имѣютъ право передать въ пріюты на исправленіе своихъ дѣтей, независимо отъ судебнаго приговора. Отсюда вытекаетъ необходимость особаго вида учрежденій, которыя имѣли бы характеръ семейно-общественный; они должны отличаться отъ строго-карательныхъ заведеній, т.-е. тюремъ и отъ чисто-воспитательныхъ школъ.

Эти учрежденія возникли недавно, именно въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ. До этого времени существовало только два вида наказаній для малолѣтныхъ: тюрьма и отдача родителямъ на исправленіе. Весьма рѣдко учреждались даже особыя тюрьмы, назначенныя исключительно для малолѣтныхъ. Такъ, во Франціи объ исправительныхъ домахъ (maisons de correction), говорится еще въ статьѣ 66-й Code pénal; въ Англіи для малолѣтныхъ учреждена была особая тюрьма, Tothill. Большею же частью малолѣтные отправлялись въ общія тюрьмы, хотя и предписывалось содержать ихъ «отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ», какъ это узаконено и у насъ (Сводъ зак. XIV, 98, 390): тюремные замки, рабочіе дома и исправительное заведеніе въ С.-Петербургѣ принимаютъ лицъ всякаго возраста, съ тою разницею, что по закону (Св. зак. XIV, 171) малолѣтные, наравнѣ съ лицами, изъятыми отъ тѣлесныхъ наказаній, не могутъ быть заключаемы въ оковы. Хотя въ 1843-мъ году учреждено было при исправительномъ заведеніи особое отдѣленіе для малолѣтныхъ, однако оно въ существѣ не отличалось ничѣмъ и ученье въ немъ было случайнымъ, «сколько удобность позволитъ».

Неудовлетворительность такихъ тюремъ сказывалась повсюду. Присяжные, желая избавить малолѣтныхъ отъ заключенія въ тюрьмѣ, почти постоянно оправдывали осужденныхъ, а родители не отдавали сами дѣтей своихъ въ тюрьмы. На это мы имѣемъ прямыя указанія во Франціи. У насъ приговоры о заключеніи,

въ смирительный домъ вызывались прежнимъ порядкомъ суда; отъ родителей же весьма рѣдко поступали просьбы объ этомъ.

Совершенно иное мы видимъ съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи образовалось, въ 1839-мъ году, Société paternelle, основавшее колонію Меттре, и произведены были радикальныя реформы въ «La petite Roquette». Такъ, въ 1863-мъ году во Франціи присяжные, въ виду заключенія малолѣтнихъ въ пріюты, признали 6,268 подсудимыхъ дѣйствующими безъ разумѣнія, тогда какъ дѣйствующихъ съ разумѣніемъ, а слѣдовательно поступившихъ въ исправительные дома, оказалось только 188. Нужно замѣтить, что эти цифры относятся къ эпохѣ, послѣдовавшей за циркулярами министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ (цирк. Бильйо, 1855, іюня 4) о томъ, чтобъ обвинять на судѣ только малолѣтнихъ, нарушившихъ общественный порядокъ и, слѣдовательно, на обвиненіе которыхъ со стороны присяжныхъ можно было разсчитывать; остальныхъ предписывалось отдавать родителямъ, безъ судебнаго преслѣдованія. Въ іюнѣ 1869-го года, уже послѣ преобразованія «La petite Roquette», въ этомъ заведеніи было 82 мальчика, отданныхъ по желанію родителей, 31 подслѣдственный и 38 по приговорамъ судебнымъ (R. des deux M. 1869, 1 oct., 626). Въ Англіи извѣстный исправительный пріютъ въ Фельтамѣ былъ открытъ въ 1859-мъ году; къ 1-му января 1867-го года въ немъ было уже 579 мальчиковъ, а въ 1869-мъ году 730; въ то же время въ 64-хъ reformatories находилось до пяти тысячъ дѣтей обоего пола.

Эти цифры показываютъ, что пріюты удовлетворяли потребности новой формы наказанія, давно уже сознававшейся обществомъ. Уставъ каждаго пріюта былъ вмѣстѣ законодательнымъ актомъ, измѣнявшимъ болѣе или менѣе уголовные законы страны: заключеніе въ пріютѣ уже начало занимать свое особое мѣсто въ системѣ наказаній.

Для опредѣленія этого мѣста, необходимо обратиться къ положеніямъ законодательствъ о наказаніяхъ, которымъ подвергаются несовершеннолѣтніе по различію ихъ возраста и по другимъ условіямъ.

Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, прежде всего, относительно малолѣтнихъ существуетъ понятіе объ исправленіи, какъ объ особой мѣрѣ, не тождественной съ наказаніемъ. Дѣйствительно, наказаніе предполагаетъ необходимо отвѣтственность, которая, въ свою очередь, предполагаетъ свободу и пониманіе того, что̀ совершается лицомъ; было бы странно, еслибы государство прилагало строго-опредѣленную юридическую форму принужденія къ дѣтямъ, для которыхъ общественная самодѣятельность еще

не можетъ начаться, жизнь которыхъ не выходитъ изъ сферы семейной. Крайнимъ предѣломъ, до котораго не признается юридическая отвѣтственность, служитъ 10-тилѣтній возрастъ. Такъ, постановлено, напр., въ датскомъ уголовномъ кодексѣ 1866 года; такъ говоритъ и наше Уложеніе о наказаніяхъ (ст. 137): дѣти, коимъ болѣе семи, но менѣе 10-ти лѣтъ отъ роду, не подвергаются опредѣленному въ законахъ наказанію, но отдаются родителямъ или благонадежнымъ родственникамъ для домашняго *исправленія*. Почти въ тѣхъ же словахъ выражена и 11-я статья устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ прибавленіемъ опекуновъ. При этомъ, по нашимъ законамъ, десятилѣтній срокъ можетъ быть продолженъ еще на четыре года для тѣхъ малолѣтныхъ, которые совершили запрещенное дѣйствіе безъ разумѣнія. Уложеніе въ этомъ вопросѣ отличается особенною опредѣленностью, разграничивая очень точно простую отдачу родителямъ и отдачу для наказанія; въ другихъ законодательствахъ (кромѣ датскаго) такое разграниченіе не выражено съ точностью, и на этотъ недостатокъ указывалось не разъ компетентными лицами.

Къ малолѣтнымъ, свыше 14-тилѣтняго возраста, можетъ быть примѣняемо уже наказаніе въ различныхъ формахъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ наказаніе домашнее, по распоряженію родителей или опекуновъ. По нашимъ законамъ (Улож. о нак. ст. 138), оно назначается малолѣтнымъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ и совершившимъ проступки, за которые взрослымъ слѣдовало бы назначить наказаніе не менѣе заключенія въ смирительномъ домѣ.

За домашнимъ наказаніемъ идетъ заключеніе въ его различныхъ формахъ: монастырь или смирительный домъ, исправительный пріютъ или тюрьма. Монастырь и смирительный домъ назначаются для малолѣтныхъ отъ 10-ти до 14-тилѣтняго возраста, дѣйствовавшихъ сознательно и совершившихъ болѣе важныя преступленія, при чемъ заключеніе въ монастырѣ отъ сорока дней до 8-ми мѣсяцевъ уравнивается съ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ; избраніе того или другого вида наказанія зависитъ лишь отъ случайнаго обстоятельства, — отъ существованія по близости монастыря.

Въ свою очередь, заключеніе въ тюрьмѣ также постановлено на ряду съ заключеніемъ въ исправительномъ пріютѣ. Судъ можетъ приговаривать къ обоимъ видамъ наказанія малолѣтнихъ отъ 14-ти до 17-тилѣтняго возраста, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія, а мировымъ судьямъ предоставлено то же право отно-

сительно всѣхъ малолѣтныхъ, имѣющихъ отъ 10-ти до 17-ти лѣтъ отъ роду. Таково постановленіе статьи 137-й Уложен. о наказ. и статьи 6-й Уст. о наказ., налагаемыхъ миров. судьями. Изъ подлиннаго текста закона видно, что на первомъ планѣ становятся пріюты, при отсутствіи которыхъ, судъ прибѣгаетъ къ тюрьмѣ: «а гдѣ ихъ нѣтъ — сказано въ 137-й статьѣ — тамъ слѣдуетъ заключеніе въ тюрьмѣ».

Такимъ образомъ наше законодательство назначаетъ по суду исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія, независимо отъ того, какое преступленіе ими совершено. На основаніи ст. 759 Устава угол. суд., когда судится лицо, имѣвшее во время совершенія преступленія менѣе 17-ти лѣтъ отъ роду, необходимо ставить вопросъ о томъ, дѣйствовало ли это лицо съ полнымъ разумѣніемъ, и слѣдовательно вопросъ о помѣщеніи его въ исправительный пріютъ по судебному приговору.

Но, кромѣ приговора суда, пріюты, также на основаніи закона, назначаются вообще для несовершеннолѣтнихъ, требующихъ исправленія. Такъ, прежде всего статья 165-я X-го тома Св. зак. гражд. даетъ родителямъ право отдавать въ смирительные дома дѣтей своихъ, не состоящихъ въ государственной службѣ, за упорное неповиновеніе, развратную жизнь и другіе явные пороки. Въ статьѣ 1,592-й Улож. о наказ. назначенъ срокъ такого заключенія — отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ — и затѣмъ разъяснено, что заключеніе производится «по требованію родителей, безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія». Хотя въ обѣихъ статьяхъ говорится только о смирительномъ домѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ прилагаются и къ пріютамъ, когда заключенію подвергаются несовершеннолѣтніе: по общему юридическому правилу, если дозволяется бо̀льшее, то должно быть дозволено и меньшее. Наоборотъ, отдача родителямъ на исправленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ тождественна съ отдачею въ пріютъ: законъ, установляя домашнее исправленіе, конечно, имѣлъ въ виду дѣйствительныя мѣры воспитанія и было бы несогласно съ его цѣлью оставить на произволъ судьбы дѣтей бездомныхъ, неимѣющихъ семьи и лишенныхъ всякаго надзора. Къ сожалѣнію, число такихъ безпріютныхъ очень велико. Родители нерѣдко оставляютъ дѣтей своихъ, какъ лишнее и тяжелое бремя на жизненномъ пути; не одинъ только воспитательный домъ наполняется подкидышами; нравственныя сироты, «дѣти народа» въ этомъ печальномъ смыслѣ встрѣчаются повсюду. Большого труда стоитъ отыскать слѣды родителей, тайно бѣжавшихъ отъ дѣтей своихъ; иногда же эти слѣды такого свойства, что лучше оста-

новиться на нихъ и не идти далѣе, потому что родители оказываются общественными дѣятелями на неблаговидномъ поприщѣ.

Такова обширная задача исправительныхъ пріютовъ у насъ; таковъ матеріалъ, надъ которымъ имъ предстоитъ производить работу перевоспитанія. Въ этомъ отношеніи наши пріюты имѣютъ болѣе широкую дѣятельность, чѣмъ иностранные: они совмѣщаютъ въ себѣ два рода исправительныхъ заведеній, существующихъ во Франціи и Англіи, и сверхъ того служатъ убѣжищемъ для бездомныхъ дѣтей, лишенныхъ родительской помощи.

Что касается до законодательствъ иностранныхъ, то ихъ можно подраздѣлить на двѣ категоріи: въ однихъ проводится та мысль, что исправительные пріюты назначаются только для малолѣтныхъ, дѣйствовавшихъ безсознательно; въ другихъ же дѣлается различіе только по возрасту и по роду преступленій.

Къ первой категоріи относятся уголовные законы Франціи и Пруссіи. По французскому закону 1850 г. (ст. 2) всѣ малолѣтные, т.-е. имѣющіе не болѣе 16-ти лѣтъ отъ роду, дѣйствующіе безъ разумѣнія (sans discernement) или отдаются родителямъ, или же помѣщаются въ colonies pénitentiaires; въ эти послѣднія могутъ быть отдаваемы также дѣйствующіе съ разумѣніемъ, на срокъ отъ 6-ти мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Затѣмъ, всѣ приговариваемые по суду къ заключенію болѣе чѣмъ на два года, а также всѣ не подающіе надежды къ улучшенію въ колоніяхъ покаянія, помѣщаются въ colonies correctionelles. Это придаетъ особый характеръ французскимъ колоніямъ покаянія и отчасти объясняетъ тѣ блестящіе результаты, которые составили славу извѣстной колоніи Меттрэ: на нее справедливо смотрятъ многіе французы, какъ на школу, а не какъ на мѣсто заключенія (*Herpin*, 179); колонія имѣетъ всегда возможность очищать себя отъ вредныхъ элементовъ и сохранить значеніе пріюта въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Конечно, и при этихъ условіяхъ основатель Меттре, г. Деметцъ, пріобрѣлъ безспорно право на всеобщее уваженіе; изъ 30-ти земледѣльческихъ колоній покаянія, существующихъ теперь во Франціи, ни одна не съумѣла воспользоваться въ такой мѣрѣ тѣми выгодами, которыя предоставляетъ имъ законъ; но нельзя не согласиться, что французскія colonies pénitentiaires поставлены въ особенно благопріятныя условія, которыя нужно имѣть въ виду при сравнительной оцѣнкѣ подобнаго рода заведеній въ другихъ странахъ. Сочувствіе къ Меттрэ понятно въ особенности при неудовлетворительномъ положеніи Petite Roquette; оно выразилось въ значительныхъ пожертвованіяхъ, которыя только въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ существованія колоніи Деметца (1840—1849)

достигли значительной цифры 2.300.000 франковъ; это сочувствіе вполнѣ заслужено, но нельзя требовать, чтобы всѣ исправительныя заведенія достигали одинаковыхъ результатовъ съ Меттрэ.

Въ Пруссіи (Strafgesetzbuch, § 42) всѣ малолѣтные до 16-тилѣтняго возраста, признанные по суду дѣйствующими безъ разумѣнія (ohne Unterscheidungsvermögen) могутъ быть приговариваемы къ отдачѣ *или* родителямъ, *или* въ исправительныя заведенія. Это постановленіе закона также обусловливаетъ семейный характеръ нѣмецкихъ пріютовъ; но, не довольствуясь собственно исправительными заведеніями, Германія представляетъ прекрасные образцы воспитательныхъ заведеній, подъ названіемъ Rettungshäuser. Число ихъ, въ настоящее время, превышаетъ цифру ста. Изъ нихъ особенно замѣчательны Rauhes Haus, основанный въ 1833 году близъ Гамбурга и Johannesstift, учрежденный въ 1864 году около Берлина. Починъ и исполненіе въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ доктору Вихерну, который посвятилъ себя, подобно Деметцу, исправленію малолѣтныхъ.

Въ Италіи судъ приговариваетъ къ помѣщенію въ исправительный пріютъ всѣхъ несовершеннолѣтнихъ, которые нуждаются въ нравственномъ перевоспитаніи, независимо отъ того, дѣйствовали ли они сознательно, или безъ разумѣнія.

Другимъ характеромъ отличается англійскій законъ 1866 года. По ст. 15-ой Industrial School Act, въ заведенія этого рода могутъ быть помѣщаемы малолѣтные, имѣющіе до 12-ти лѣтъ отъ роду, за такіе проступки, за которые постановлено въ законѣ заключеніе въ тюрьмѣ или болѣе легкое наказаніе. Далѣе, по просьбѣ родителей, могутъ быть отдаваемы въ исправительныя школы дѣти до 14-тилѣтняго возраста, если жалоба на ихъ дурное поведеніе будетъ уважена судьею (ст. 16); на томъ же основаніи помѣщаются въ школы дѣти преступниковъ, по жалобѣ попечителей о бѣдныхъ прихода (ст. 17). Наконецъ, судья приговариваетъ къ заключенію въ исправительную школу всѣхъ малолѣтныхъ до 14-тилѣтняго возраста, по слѣдующимъ основаніямъ: за прошеніе милостыни на улицахъ, за частое посѣщеніе общества воровъ, а также за праздношатательство, при недостаткѣ опредѣленныхъ средствъ къ жизни (ст. 14).

Ремесленныя исправительныя школы отличаются юридически строго отъ простыхъ исправительныхъ заведеній—Reformatories; въ эти послѣднія поступаютъ малолѣтные отъ 10 до 16-тилѣтняго возраста послѣ заключенія въ тюрьмѣ, по рѣшенію судьи. Пребываніе въ Reformatory служитъ, такимъ образомъ, добавочнымъ наказаніемъ для всѣхъ, приговоренныхъ менѣе какъ къ

десятидневному аресту; для дѣтей моложе 10-ти лѣтъ это наказаніе можетъ быть назначено только по суду присяжныхъ (The Reformatory Schools Act, 1866, art. 14). Слѣд. исправительныя школы служатъ какъ-бы продолженіемъ тюремнаго заключенія, ступенью къ полной свободѣ, тогда какъ школы ремесленныя имѣютъ характеръ болѣе самостоятельный.

Изъ этого обозрѣнія различныхъ законодательствъ можно видѣть, что они колеблются между двумя учрежденіями: пріюты пріурочиваются или къ тюрьмѣ, или къ школѣ, служатъ главнымъ образомъ цѣлямъ правосудія, или же становятся выраженіемъ общественной благотворительности. Собственно типъ исправительнаго пріюта не выработался нигдѣ еще окончательно. Разнообразіе мнѣній по вопросу объ исправленіи преступниковъ вообще отразилось и на пріютахъ для малолѣтныхъ. Исправленіе не можетъ отрѣшиться отъ требованій правосудія, оно подчиняется имъ и выражается въ предѣлахъ права. «Государство—говоритъ Гольцендорфъ—противорѣчило бы самому себѣ, еслибы рѣшилось дѣйствовать не исключительно въ видахъ осуществленія правосудія; еслибы наказаніе и исправленіе отождествлялись другъ съ другомъ, то уголовные законы лишились бы твердой опоры и мѣра наказанія зависѣла бы не отъ важности преступленія, а отъ опытности завѣдующихъ тюрьмами».

Нельзя не согласиться съ справедливостью этихъ словъ. Нравственная сила исправленія не должна колебать юридической власти наказывать и отвѣтственности лица передъ закономъ; иначе понятіе о преступленіи сдѣлалось бы тождественнымъ съ понятіемъ о безнравственномъ поступкѣ и лишилось бы опредѣленности. Въ настоящее время въ формѣ суда присяжныхъ отступленія отъ строгаго права, часто необходимыя, получили свое окончательное выраженіе; раскаяніе, на которое всѣ привыкли смотрѣть какъ на половину исправленія, уменьшаетъ тягость положенной кары. Едва-ли полезно было бы идти далѣе по этому пути и смѣшивать двѣ области, другъ другу родственныя, но не тождественныя. Ничто не воспитываетъ въ такой мѣрѣ общественную нравственность, какъ постоянно-дѣйствующая грозная сила закона и ничто такъ не разслабляетъ общество, какъ потворство нарушенію закона, оправданіе проступка условіями, лежащими внѣ совершившаго. Правосудіе требуетъ кары, — и крайній предѣлъ, до котораго оно можетъ поступиться собою, состоитъ въ доставленіи наказываемому средствъ исправленія.

Но то, чтó справедливо относительно взрослыхъ преступниковъ, не можетъ быть приложено къ малолѣтнымъ и къ несовершеннолѣтнимъ, дѣйствующимъ безъ разумѣнія. Назначая имъ

въ видѣ наказанія заключеніе въ пріютъ, законъ тѣмъ самымъ признаетъ, что пріютъ не есть только пассивный исполнитель судебнаго приговора, но участвуетъ дѣятельно въ самомъ наказаніи. Безъ такого участія пріютъ потерялъ бы свое значеніе и не могъ бы достигнуть основной своей цѣли. Индивидуальное начало при тюремномъ заключеніи, признаваемое теперь повсюду, получаетъ особенное приложеніе относительно малолѣтныхъ. Судья постановляетъ приговоръ, въ которомъ указываетъ цѣль наказанія, предоставляя достиженіе ея пріюту. Пріютъ обязанъ исполнить *смыслъ* приговора, т.-е. дѣйствовать такъ, чтобы малолѣтный почувстовалъ надъ собою кару и въ тоже время сознаnъ свою вину. Наказаніе и исправленіе идутъ рука объ руку и какъ скоро достигнуто послѣднее, исчерпывается самое наказаніе.

Юридически такое участіе пріюта въ наказаніи выражается въ его правѣ сокращать срокъ заключенія, опредѣленный судебнымъ приговоромъ. Это право признается всюду, какъ одно изъ средствъ исправленія и какъ разъясненіе смысла приговора, дополненіе того, чтб въ приговорѣ высказано въ общей формѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что судебная власть часто не въ состояніи разгадать мальчика въ тотъ короткій промежутокъ времени, въ который она видитъ его передъ собою: роль кающагося и наивнаго ребенка не трудно разыграть въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Можетъ ли судья съ перваго раза опредѣлить, сколько нужно времени для того, чтобъ исправить провинившагося? Бывали случаи, что мальчикъ, возбудившій сочувствіе своею искренностью, приговаривался къ кратковременному аресту: казалось, онъ впервые не устоялъ противъ соблазна взять чужое; между тѣмъ въ пріютѣ открывалось, что этотъ соблазнъ былъ по счету шестнадцатымъ, да почти столько же было и другихъ отступленій отъ закона. Не рѣдко встрѣчались даже 12-тилѣтніе мальчики, изощрившіеся въ лицемѣріи и лжи и способные сознательно на многое дурное.

Въ виду возможныхъ ошибокъ, кажется, было бы цѣлесообразнѣе, чтобы судья, въ своемъ приговорѣ, опредѣлялъ общій видъ наказанія, т.-е. исправленіе и затѣмъ передавалъ бы виновнаго пріюту, не указывая послѣднему ни срока, ни формъ исправленія.

Этою мыслью, повидимому, руководились всѣ законодательства, въ томъ числѣ и наше, не ограничивая судей никакимъ срокомъ при отдачѣ малолѣтныхъ въ исправительные пріюты. Этимъ заключеніе въ пріютѣ существенно отличается отъ заключенія въ тюрьмѣ. Такъ, въ объясненіи 6-ой статьи Уст. о наказ.

налаг. миров. судьями сказано: «срокъ содержанія (въ пріютѣ) опредѣляется не столько по тягости учиненнаго преступленія, сколько въ видахъ улученія достаточнаго времени для дѣйствительнаго исправленія и перевоспитанія». При этомъ указано на примѣръ Франціи и Пруссіи, гдѣ малолѣтніе отдаются въ пріюты до 20-тилѣтняго возраста. Прусскій законъ (§ 42 Угол. Код.) въ этомъ отношеніи высказывается еще яснѣе: «малолѣтный находится въ исправительномъ пріютѣ столько времени, *сколько найдетъ нужнымъ управленіе пріюта*, однако не далѣе 20-тилѣтняго возраста». Въ ст. 137 Улож. о наказ. также установленъ срокъ для заключенія въ тюрьмѣ (до 4-хъ мѣсяцевъ), но относительно пріютовъ никакого срока не указано: конечно, это сдѣлано не случайно, такъ какъ статья закона прямо ссылается на руководство, данное мировымъ судьямъ.

Законодательство сдѣлало все, чтобы отличить пріютъ отъ тюрьмы: оно допустило исправленіе относительно каждаго малолѣтняго до 18-ти лѣтъ, при чемъ преступленіе, совершенное имъ, поставлено только указаніемъ его испорченности, а не мѣрою налагаемой на него кары. Судья признаетъ необходимость исправленія, передавая осужденнаго пріюту; пріютъ, съ своей стороны, не долженъ останавливаться въ исполненіи своей задачи до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ дѣйствительнаго исправленія.

Ограничить пріютъ короткимъ срокомъ значило бы лишить его возможности принести какую-либо пользу и превратить въ тюремную станцію.

Къ сожалѣнію, у насъ не рѣдки примѣры тому, что мировые судьи приговариваютъ къ заключенію въ пріютъ на нѣсколько дней. Этимъ извращается совершенно смыслъ пріюта. Даже въ двѣ-три недѣли нѣтъ возможности ознакомиться съ характеромъ мальчика; для заключенныхъ на этотъ срокъ пріютъ можетъ быть только мѣстомъ наказанія, объ исправленіи же нечего и думать. Воспитательное вліяніе пріюта сказывается не вдругъ, да и особенныя свойства мальчика узнаются только долговременнымъ наблюденіемъ. Каждаго вновь поступившаго прежде всего занимаетъ новое мѣсто, новое платье, чѣмъ оклеены стѣны, когда даютъ ѣсть, каковъ изъ себя смотритель и директоръ и проч.; затѣмъ начинается сравненіе съ мѣстомъ прежняго заключенія. «Вотъ это уже четвертая *часть*, въ которую меня привели; въ этой жить можно—говорилъ мнѣ одинъ изъ воспитанниковъ пріюта — да только больше недѣли не велѣно здѣсь оставаться». Мальчикъ присматривается и къ нему присматриваются, и какъ только приходитъ пора дѣйствовать—срокъ заключенія истекъ и осужденный выноситъ только впечатлѣніе о

томъ, какова съ виду *часть*, въ которой онъ сидѣлъ, и какъ въ ней кормятъ.

И по смыслу закона, и по нашимъ общественнымъ условіямъ, въ Россіи едва-ли возможна спеціализація пріютовъ, какая существуетъ въ другихъ странахъ. Трудно ожидать, чтобы у насъ учреждались особые пріюты съ характеромъ только воспитательнымъ и такіе, которые имѣли бы значеніе исключительно карательное. Правда, у насъ существуетъ въ арестантскомъ домѣ въ Москвѣ особое отдѣленіе для малолѣтныхъ, но я думаю, что рано или поздно оно измѣнитъ свой характеръ. Существованіе его условливается не совсѣмъ вѣрнымъ взглядомъ судей на исправленіе, буквальнымъ пріуроченіемъ этого наказанія къ тюрьмѣ: едва-ли цѣлесообразно подвергать 10-тилѣтняго мальчика аресту на пять дней, особенно послѣ того, какъ онъ содержался пять недѣль при полиціи; неужели новая обстановка можетъ повліять на него до такой степени, что онъ внезапно почувствуетъ свою вину и переродится мгновенно. «Русскій исправительный пріютъ долженъ удовлетворить въ одно время задачамъ англійскихъ reformatories и industrial schools, нѣмецкимъ домамъ спасенія и карательнымъ заведеніямъ, французскимъ колоніямъ покаянія и исправленія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что у насъ могутъ явиться люди, подобные Деметцу и Вихерну, посвящающіе всю свою жизнь дѣлу исправленія малолѣтныхъ; но, по крайней мѣрѣ на первое время, дѣятельность такихъ лицъ не можетъ быть сосредоточена на исправленіи только одной категоріи несовершеннолѣтнихъ. Судебный приговоръ, указаніе административной власти, желаніе родителей будутъ служить какъ бы одинаково-сильнымъ поводомъ къ исправленію, формы и средства котораго должны быть предоставлены пріюту. Признаюсь, я не могу ясно представить себѣ разныя категоріи исправленія, которыя зависѣли бы отъ власти, передающей дѣтей въ пріюты: иногда родителями помѣщается малолѣтный гораздо болѣе испорченный, чѣмъ тотъ, который поступаетъ по приговору суда; еслибы къ дѣтямъ можно было прилагать названіе преступниковъ, то отдаваемыя изъ родительскаго дома были бы болѣе закоренѣлыми преступниками и рецидивистами, потому что родители помѣщаютъ въ пріютъ дѣтей только выбившись съ ними изъ силъ. Категоріи или мѣры исправленія должны опредѣляться исключительно характеромъ мальчика и степенью его испорченности. На пріютъ нельзя смотрѣть только, какъ на тюрьму или только какъ на школу; онъ есть учрежденіе sui generis, совмѣщающее въ себѣ задачи воспитанія и наказанія. Лучше имѣть нѣсколько небольшихъ пріютовъ для всякаго рода заключенныхъ, чѣмъ

дѣлить ихъ на случайныя категоріи. Малолѣтные обитатели Хитрова рынка въ Москвѣ, на свободѣ торгующіе французскими книгами, конечно, въ нравственномъ отношеніи не выше мальчика, захотѣвшаго полакомиться чужими яблоками и попавшаго за то къ мировому судьѣ.

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что пріютъ долженъ служить мѣстомъ исправленія для несовершеннолѣтнихъ по приговору общественной или семейной власти безразлично; что та и другая власть не должна напередъ опредѣлять сроки содержанія, чтобы не стѣснять дѣятельности пріюта: наоборотъ, пріюту слѣдуетъ предоставить право сокращать общій положенный срокъ, т.-е. достиженіе совершеннолѣтія; наконецъ, не слѣдуетъ давать въ пріютѣ преобладаніе ни карательному, ни воспитательному значенію,—то и другое должны сливаться и зависѣть отъ характера мальчика.

Останавливаясь еще разъ на нашемъ законодательствѣ, мы находимъ въ немъ одно постановленіе, которое можетъ отозваться невыгодно на дѣятельности пріюта: 17-тилѣтній мальчикъ, признанный дѣйствующимъ безъ разумѣнія, можетъ быть приговоренъ къ заключенію въ пріютъ, гдѣ ему нельзя оставаться болѣе года. Въ Англіи и Ирландіи полагается крайнимъ срокомъ содержанія въ пріютѣ 16 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, исправить въ одинъ годъ 17-тилѣтняго юношу, привыкшаго къ безпорядочной жизни, нѣтъ никакой возможности; да и трудно представить себѣ—кромѣ развѣ случаевъ крайняго тупоумія—чтобы 17-тилѣтній не понималъ значенія своихъ поступковъ. Совершеннолѣтіе уголовное нельзя уравнивать съ гражданскимъ. Я знаю, что многіе желали бы отодвинуть еще далѣе полную наказуемость, полагая въ исправленіи единственную цѣль уголовнаго закона. Но мнѣ кажется, что предѣлъ юридической безотвѣтственности долженъ быть поставленъ раньше. Пониманія всѣхъ послѣдствій и всего значенія проступка мы не встрѣчаемъ часто и у взрослыхъ; но вы встрѣтите очень рѣдко мальчика, который не зналъ бы, что брать чужое запрещено или который считалъ бы чужое своимъ. Такъ, въ бытность мою присяжнымъ, въ 1870 году, состоялся въ московскомъ судѣ приговоръ по дѣлу 12-тилѣтняго мальчика, обвинявшагося въ кражѣ пальто у своего дяди. Мальчикъ этотъ находился до приговора въ пріютѣ и мнѣ приходилось говорить съ нимъ часто; онъ сознавалъ, что сдѣлалъ что-то запрещенное, но думалъ, что пальто было не чужое, а *наше;* онъ говорилъ «наше пальто», «нашъ домъ», «наши лошади» и полагалъ, что не законъ, а дядя запре-

мѣшаетъ ему взять пальто. Присяжные совершенно справедливо постановили, что онъ дѣйствовалъ безъ разумѣнія.

Но, въ другой разъ, въ декабрѣ 1869 года состоялся точно такой же приговоръ о 17-тилѣтнемъ мальчикѣ, который ясно понималъ, что онъ воруетъ. Мнѣ извѣстенъ былъ прежде этотъ подсудимый, потому что онъ содержался въ пріютѣ по приговору мирового судьи за другое воровство. Это былъ вполнѣ развитой промышленникъ, занимавшійся торговлею, отлично знавшій всѣ чужія плутни, умѣвшій извлекать выгоды, купить дешево и сбыть краденое. Конечно, онъ дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ, даже съ разсчетомъ, и приговоръ присяжныхъ былъ для меня неожиданностью.

Безспорно, присяжными руководитъ часто доброе желаніе избавить мальчика отъ тюрьмы и дать ему возможность исправиться. Но этимъ они возлагаютъ на пріютъ невыполнимую задачу и, смѣю думать, извращаютъ его характеръ. Пробывши даже цѣлый годъ въ пріютѣ, 17-тилѣтній промышленникъ, въ большей части случаевъ, вынесетъ убѣжденіе, что воровать вовсе не опасно, что наказаніе не страшно. Съ другой стороны, зная, что конецъ заключенія наступитъ скоро, содержащійся въ пріютѣ не сочтетъ нужнымъ даже привыкать къ его порядкамъ; временный гость, онъ станетъ смотрѣть на все глазами посторонняго наблюдателя и не сочтетъ нужнымъ покидать свое прежнее занятіе и пріучаться къ новому.

Вообще *исправленіе въ пріютѣ* должно считаться особымъ видомъ наказанія, назначеннымъ для опредѣленныхъ лицъ. Его не нужно смѣшивать съ исправленіемъ, которое достигается приноровленными къ этому тюрьмами. Будемъ надѣяться, что съ устройствомъ такихъ тюремъ у насъ, на долю исправительныхъ пріютовъ останутся только мальчики, на исправленіе которыхъ можно разсчитывать съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ.

II.

Московскій исправительный пріютъ существуетъ уже около 6-ти лѣтъ, но характеръ воспитательно-карательный онъ получилъ только въ послѣдніе два съ половиною года. Въ маѣ 1864 года Общество распространенія полезныхъ книгъ учредило небольшую школу, куда поступали мальчики изъ тюремнаго замка и гдѣ они, кромѣ первоначальнаго обученія, занимались брошюровкою книгъ, печатавшихся отъ Общества. Школа была, такимъ образомъ, замѣною тюрьмы; она охраняла малолѣтныхъ отъ дур-

ного сообщества, пріучала ихъ къ работѣ и такимъ образомъ оказывала существенную помощь мальчикамъ, которые попадали въ тюрьму иногда не по своей винѣ, а по винѣ родителей. Введеніе судебныхъ уставовъ и вызовъ, сдѣланный правительствомъ въ высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, 5 декабря 1866 года, побудили Общество распространенія полезныхъ книгъ преобразовать прежнюю школу въ исправительный пріютъ. Уставъ этого пріюта былъ утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 27 февраля 1868 года, и съ тѣхъ поръ въ пріютъ стали помѣщаться малолѣтные по приговорамъ мировыхъ судей и окружнаго суда. Преобразовывая свой пріютъ, Общество имѣло въ виду, что при московскомъ арестантскомъ домѣ учреждено было отдѣленіе для малолѣтныхъ, приговариваемыхъ къ аресту, и что для дѣтей арестантовъ, находящихся въ тюремномъ замкѣ, основанъ былъ особый пріютъ иждивеніемъ А. Ф. Рахмановой и К. Т. Солдатенкова. Пріютъ Общества существенно отличался отъ обоихъ названныхъ учрежденій: онъ предназначался для долгосрочныхъ заключенныхъ, которыхъ надлежало исправить отъ дурныхъ наклонностей и направить на честный трудъ.

Принявъ на себя завѣдываніе пріютомъ, я прежде всего старался ознакомиться съ подобными учрежденіями заграницей: въ 1866 году я успѣлъ осмотрѣть дрезденскій пріютъ, въ 1868 году посѣтилъ La Petite Roquette, Фельтамъ и нѣсколько reformatories въ Англіи, въ 1869 году ознакомился съ Rauhes Haus и въ бесѣдахъ съ директоромъ его, г. Вихерномъ, получилъ много полезныхъ указаній. Вездѣ я находилъ прочно и издавно существующія учрежденія, поддерживаемыя общественнымъ сочувствіемъ и снабженныя значительными матеріальными средствами. И несмотря на то, никто изъ завѣдующихъ исправительными заведеніями не рѣшался высказать увѣренности, что эти заведенія достигли того, чѣмъ они должны быть; за немногими исключеніями дѣло ведется формально, главнымъ образомъ вслѣдствіе стѣсненій и ограниченій, полагаемыхъ закономъ. Особенно неудовлетворительна въ этомъ отношеніи la Petite Roquette, въ которой служащіе недовольны новыми преобразованіями и послабленіемъ дисциплины. Исправительное заведеніе д-ра Вихерна представляетъ собою типъ семьи и не имѣетъ въ себѣ ничего карательнаго. Англійскіе пріюты болѣе другихъ удовлетворительны, преслѣдуютъ практическую задачу и достигаютъ своей цѣли. Но ни одинъ изъ иностранныхъ пріютовъ не можетъ послужить для насъ готовымъ образцомъ: ихъ дѣятельность условливается своеобразною обстановкою, которая у насъ немы-

слина. Общія начала воспитанія и исправленія, конечно, вездѣ одни и тѣже; но матеріалъ и силы для его переработки далеко не одинаковы.

Поэтому, пользуясь указаніями иностранныхъ пріютовъ, намъ приходится дѣлать собственные опыты и наблюденія; въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ существованія московскаго исправительнаго пріюта въ немъ находилось до 100 мальчиковъ, обращеніе съ которыми могло привести къ нѣкоторымъ положительнымъ выводамъ. Въ настоящемъ отчетѣ я изложу эти выводы и для сравненія стану обращаться къ пріютамъ иностраннымъ.

Такъ, прежде всего у насъ существуетъ, повидимому, убѣжденіе, что пріюты должны имѣть характеръ земледѣльческихъ колоній: недавно образовавшееся общество пріютовъ и колоній отдаетъ имъ явное предпочтеніе. Если не ошибаюсь, въ этомъ предпочтеніи большую роль играетъ успѣхъ извѣстной колоніи Меттрэ, на которую, въ свою очередь, имѣли свою долю вліянія идеи Руссо о воспитаніи; эта мысль высказана въ докладѣ Руэра въ 1862 году относительно Франціи. Не отвергая пригодности земледѣльческихъ колоній, я думаю, что мы нуждаемся, прежде всего, въ пріютахъ ремесленныхъ. Нашъ земледѣльческій классъ сравнительно даетъ меньше матеріала для исправительныхъ пріютовъ. Правда, въ московскомъ пріютѣ было изъ общаго числа (97-ми) содержавшихся 46 крестьянскихъ мальчиковъ, слѣд. почти половина; но эти мальчики оторваны навсегда отъ земледѣлія: это кабачники, служащіе на посылкахъ въ баняхъ, мастеровые, праздношатающіеся и проч. Изъ нихъ никогда не выйдетъ деревенскій житель, т.-е. земледѣлецъ. Мнѣ случалось передавать отцу-крестьянину его сына, находившагося въ пріютѣ и выражать при этомъ сожалѣніе, зачѣмъ въ такомъ раннемъ возрастѣ родители посылаютъ дѣтей въ Москву, да еще подвергаютъ ихъ соблазну кабацкой жизни. Отецъ каялся, обѣщалъ «въ наказаніе» сыну заставить его пахать землю; кончалось же тѣмъ, что сынъ оказывался неспособнымъ къ земледѣлію и поступалъ на фабрику.

Земледѣльческая колонія у насъ могла бы имѣть большое значеніе, еслибъ она была дѣйствительно колоніею въ тѣсномъ смыслѣ, напр., еслибы устроить ее на Кавказѣ, съ тѣмъ, чтобы воспитывающіеся въ ней получали тамъ постоянную осѣдлость въ качествѣ вольныхъ поселенцевъ. Къ несчастію, у насъ полагаютъ, что земледѣльческій трудъ оплачивается очень скудно и мало-мальски грамотный мальчикъ наровитъ попасть въ сидѣльцы, въ конторщики, хлѣбопашество же считаетъ недостой-

нымъ для себя занятіемъ. Разъ вкусивши плодовъ московской и вообще городской жизни съ ея случайными доходами, съ ея бестолковымъ глазѣніемъ и толкотнею, съ ея постоянно наличными копѣйками, мальчикъ потерянъ для деревни.

И это явленіе свойственно не однимъ намъ. Та же колонія Меттрэ, на которую такъ часто ссылаются, не могла сладить съ мальчиками изъ сенскаго департамента, переведенными въ нее изъ Petite Roquette по распоряженію императрицы Евгеніи: почти всѣ «городскіе мальчики» оказались рецидивистами или разбѣжались изъ колоніи. Еще прежде, съ 1844 по 1866 годъ, изъ 329 мальчиковъ, бывшихъ въ Меттрэ изъ сенскаго департамента, оказалось 89 рецидивистовъ (Maxime du Camp, 627). Противъ притягательной силы городовъ трудно принять какія-либо мѣры. Eloignez à tout prix les jeunes libérés du séjour des villes—говоритъ Роберные (p. III); но такое удаленіе не поможетъ и городского мальчика неохотно примутъ въ деревнѣ. Этого мало. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній живущіе въ деревняхъ гораздо болѣе занимаются ремеслами, чѣмъ земледѣліемъ; такова, наприм., московская губернія. Ремесленные пріюты, поэтому, у насъ едва-ли не болѣе необходимы, чѣмъ земледѣльческіе.

Какимъ ремесламъ обучать въ пріютѣ — рѣшеніе этого вопроса зависитъ, главнымъ образомъ, отъ матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ заведеніе. Такъ, напр., въ Фельтамѣ обучаются столярному мастерству, сапожному, кузнечному, токарному, приготовляются маляры, стекольщики, портные, хлѣбники, повара, музыканты, каменьщики, моряки; въ другихъ англійскихъ пріютахъ ограничиваются сапожнымъ, столярнымъ и портняжнымъ мастерствами. Въ Rauhes Haus, кромѣ ремеслъ, существуетъ еще типографія. Въ Petite Roquette занятія спеціализированы до крайности, такъ что иные мальчики занимаются только точеніемъ иголокъ, другіе только рѣжутъ проволоку и прочіе.

Въ московскомъ исправительномъ пріютѣ мальчики занимались постоянно переплетнымъ и сапожнымъ мастерствомъ; иногда также учились шить на машинѣ. Выборъ мастерства основывался при этомъ, главнымъ образомъ, на удобствѣ пріискать работу: сапоги мальчики шили на себя; переплетъ или брошюровка представляютъ то удобство, что они доступны самымъ маленькимъ мальчикамъ и постоянно сосредоточиваютъ вниманіе работающаго, не давая, такимъ образомъ, возможности разсѣеваться мыслямъ. Сверхъ того переплетное искусство можетъ содѣйствовать развитію вкуса, въ формѣ клееніи коробочекъ,

ящиковъ и т. п. Независимо отъ существовавшихъ ремеслъ, если поступалъ въ пріютъ мальчикъ изъ портныхъ, то онъ продолжалъ шить или чинить платье для другихъ мальчиковъ; если онъ не совершенствовался, то, по крайней мѣрѣ, не забывалъ того, чему уже научился. Желательно было бы, чтобы все, въ чемъ нуждается пріютъ, изготовлялось самими мальчиками, какъ это дѣлается въ Rauhes Haus, гдѣ даже постройки производятся содержащимися въ пріютѣ; при соединеніи земледѣльческихъ занятій съ ремесленными, въ заведеніи г-на Вихерна хлѣбъ производится также его воспитанниками. Конечно, пріютъ не можетъ превратиться въ большое ремесленное заведеніе, онъ долженъ ограничиться тѣми ремеслами, на которыя существуетъ особенный запросъ, такъ, чтобы мальчикъ могъ вѣрнѣе разсчитывать на полученіе мѣста или на заработокъ.

Всѣ эти соображенія касаются будущности мальчиковъ, которой нельзя не имѣть въ виду. Собственно же для исправленія совершенно безразлично, какое ремесло или вообще занятіе введено въ пріютѣ: всякій трудъ ведетъ одинаково къ цѣли. Въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ безусловно отдать предпочтеніе ремесленнымъ пріютамъ, потому что въ него поступаетъ много начинающихъ, недоучившихся ремесленниковъ.

Число содержавшихся одновременно въ московскомъ пріютѣ измѣнялось, но доходило иногда до 26-ти. Это число ничтожно въ сравненіи съ Фельтамомъ (730 мальчиковъ) или съ Petite Roquette (260 мальчиковъ); но оно слишкомъ велико для единичнаго персонала. Несмотря на общее мнѣніе въ пользу большихъ исправительныхъ заведеній, я полагаю, что въ пріютѣ не должно быть больше 15-ти воспитанниковъ, — иначе собственно воспитаніе невозможно. Иное дѣло, пріюты могутъ соединяться въ одномъ общемъ управленіи, но каждая воспитательная группа должна быть невелика. Самая раціональная система въ этомъ отношеніи принята въ Rauhes Haus: здѣсь каждые 12 мальчиковъ образуютъ особую группу; въ другихъ мѣстахъ принято полу-военное устройство—раздѣленіе на бригады и т. п. При большомъ числѣ мальчиковъ невозможно дѣйствительное общеніе между ними, завѣдующій пріютомъ не въ состояніи изучить характеръ и наклонности каждаго и слѣдить за исправленіемъ. Наконецъ нельзя оставить безъ вниманія и того, что небольшой пріютъ гораздо ближе къ обычной обстановкѣ мальчика, и отдаляется отъ типа фабрики.

Финансовыя соображенія въ пользу большихъ пріютовъ, безспорно, имѣютъ вѣсъ; но цѣль была бы достигнута, еслибы нѣсколько пріютовъ имѣли общія мастерскія и даже общіе классы,

подобно тому, какъ это дѣлается въ учебныхъ заведеніяхъ, раздѣляемыхъ на небольшіе пансіоны. Не могу при этомъ не вспомнить словъ одного англійскаго государственнаго дѣятеля. «Если вы хотите —говорилъ сэръ Стаффордъ Норскотъ въ 1868-мъ году — учредить семью (home), то ваши пріюты не должны превышать предѣловъ семьи; если вы хотите пріобрѣсти вліяніе на дѣтей, то должны довести число ихъ до размѣра, при которомъ возможно личное вліяніе».

Гораздо существеннѣе возраженіе противъ небольшихъ пріютовъ, особенно у насъ, заключается въ трудности найти лица, способныя съ любовью отдаться дѣлу перевоспитанія малолѣтныхъ. Дѣйствительно, успѣхъ пріюта зависитъ, главнымъ образомъ, отъ руководителей; какое бы вознагражденіе ни получалъ смотритель пріюта, если въ немъ нѣтъ чистой преданности къ дѣлу, нельзя ожидать успѣха. Въ этомъ отношеніи замѣчательно существующее при Rauhes Haus особое братство — Brüderanstalt, куда поступаютъ молодые люди 20—30 лѣтъ, получающіе потомъ мѣста учителей, смотрителей больницъ, тюремъ и проч. Это — родъ духовнаго ордена, требующій внутренняго призванія. Въ Меттрэ сестры милосердія завѣдуютъ больницей, кухней и хлѣбопекарней. Общество распространенія полезныхъ книгъ, основывая свой пріютъ близъ Симонова монастыря, разсчитывало также на содѣйствіе братій; къ сожалѣнію, это содѣйствіе, сначала весьма ревностное, скоро прекратилось, съ выходомъ изъ монастыря двухъ лицъ, интересовавшихся дѣломъ; послѣдующее участіе выразилось только въ желчныхъ статьяхъ противъ пріюта, напечатанныхъ въ газетѣ «День», и принадлежавшихъ одному лицу, жившему въ монастырѣ. Даже закону божію обучалъ приходскій діаконъ, такъ какъ никто изъ монаховъ не соглашался на это.

Мнѣ кажется, что самымъ удобнымъ было бы передать все хозяйство пріюта въ руки женщины, ограничивъ обязанность смотрителя обученіемъ и надзоромъ за порядкомъ. Это значительно облегчило бы выборъ смотрителя, — выборъ и безъ того трудный: здѣсь нуженъ не только учитель, но воспитатель, главнымъ образомъ дѣйствующій своимъ собственнымъ примѣромъ и умѣющій внушить къ себѣ уваженіе и довѣріе. За недостаткомъ духовныхъ братствъ, у насъ лучшими смотрителями могутъ быть отставные военные, люди семейные; женское слово, иногда женская ласка имѣютъ благотворное вліяніе; передъ ними размягчаются скорѣе самые упорные характеры и скрытные мальчики вызываются на откровенность. Въ московскомъ пріютѣ, со времени его основанія, перемѣнилось четыре смотрителя, и лучшіе

изъ нихъ были тѣ, которые обладали природною добротой и смотрѣли на мальчиковъ безъ предвзятыхъ идей о преступленіи. Объ одномъ изъ такихъ смотрителей Ю. С. Самаринъ, посѣщавшій пріютъ по порученію московской городской думы, отозвался такъ: «личныя отношенія содержимыхъ къ смотрителю заведенія не оставляютъ желать ничего лучшаго; онъ успѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и довѣріе; наказанія вообще рѣдки» (докладъ 2-го мая 1869-го года). Чѣмъ ближе подходитъ смотритель къ понятію отца, тѣмъ онъ лучше; и я не думаю, чтобы нельзя было найти толковыхъ и честныхъ людей, которые умѣли бы обращаться съ дѣтьми и исполнять данныя имъ наставленія. Если мы будемъ задаваться отысканіемъ педагога, то едва-ли найдемъ таковаго; но для надзора за 15-ю мальчиками, для того, чтобы слѣдить за ихъ характеромъ, можно ограничиться меньшими требованіями; «братья» въ пріютѣ г-на Вихерна — простые ремесленники; они играютъ и учатся вмѣстѣ съ дѣтьми и между тѣмъ совершенно удовлетворяютъ своему назначенію.

Директоръ пріюта, основываясь на наблюденіяхъ смотрителя или смотрителей, даетъ общее направленіе дѣлу; онъ входитъ какъ въ хозяйственную, такъ и въ воспитательную часть, принимаетъ особыя мѣры относительно того или другого мальчика, имѣетъ право наказывать ихъ и освобождать изъ пріюта на время или навсегда. Кругъ дѣятельности директора опредѣлить невозможно; должность его должна быть дѣломъ личнаго призванія, дѣломъ всей жизни. Примѣромъ такихъ директоровъ могутъ служить Деметцъ во Франціи и Вихернъ въ Германіи: они посвятили всю свою дѣятельность исправительнымъ пріютамъ: призваніе высокое, способное дать ни съ чѣмъ несравнимое удовлетвореніе нравственное! Служба директора должна быть общественною, а не государственною,—она можетъ быть обставлена извѣстными условіями, напр., можетъ быть выборною; но необходимо предоставить директору пріюта права мирового судьи, какъ это дѣлается въ Ирландіи.

Мнѣ не приходится говорить о моей дѣятельности въ званіи директора. Но могу свидѣтельствовать, что эта дѣятельность, въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ, доставила мнѣ нѣсколько дорогихъ минутъ и много сердечнаго утѣшенія: встрѣчая на свободѣ «пріютскаго» мальчика, ведущаго себя честно, я былъ вполнѣ вознагражденъ за свой посильный трудъ.

Общество распространенія полезныхъ книгъ, какъ основатель пріюта, замѣняло для него высшее контролирующее учрежденіе. Впрочемъ, по уставу пріютъ находится въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; по высочайше утвержденному положенію,

мѣстныя власти имѣютъ право «во всякое время осматривать пріютъ и требовать устраненія замѣченныхъ въ немъ недостатковъ». Во Франціи, по закону 1850-го года (ст. 8), при каждой исправительной колоніи существуетъ особый надзирающій совѣтъ: одинъ членъ его назначается префектомъ, два отъ земства, одинъ членъ суда и священникъ, назначаемый епископомъ. Въ Англіи пріюты, содержащіеся на счетъ графствъ, имѣютъ свой комитетъ, которому представляется ежегодный отчетъ директоромъ.

Но какъ бы ни были важны подобные контролирующіе совѣты, гораздо большее значеніе для пріюта имѣютъ другого рода общества, именно попечительства о выходящихъ изъ пріюта. Директоръ не въ силахъ заботиться о помѣщеніи всѣхъ малолѣтныхъ къ мастерамъ и слѣдить за ихъ поведеніемъ по выходѣ изъ пріюта; одними формальными полицейскими сообщеніями въ этомъ случаѣ ограничиться невозможно; пріютъ долженъ получать обстоятельныя свѣдѣнія не отъ полиціи, а отъ своихъ членовъ (Carpenter, 24). У насъ, по закону, всѣ подвергшіеся исправительнымъ наказаніямъ отдаются подъ надзоръ общества; но на практикѣ такой надзоръ неудовлетворителенъ. По уставу московскаго исправительнаго пріюта, ему предоставляется право надзора за вышедшими его воспитанниками въ теченіи трехъ лѣтъ. По справедливому замѣчанію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, «нельзя оставить безъ вниманія, что кромѣ сиротъ, нуждающихся въ надзорѣ и руководствѣ въ первые годы по выходѣ ихъ изъ пріюта, въ числѣ выпущенныхъ могутъ быть оставленные родителями на произволъ судьбы, и они на свободѣ могутъ вновь подпасть подъ дурное вліяніе, или такіе, родители которыхъ сами впали въ преступленіе отъ дурной нравственности, и подобнымъ личностямъ было бы опасно ввѣрить судьбу несовершеннолѣтнихъ, надъ исправленіемъ которыхъ управленіемъ пріюта были употреблены благотворныя усилія». Къ сожалѣнію, выполненіе этой прекрасной мысли встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія: воспитанники московскаго пріюта разсѣяны по разнымъ губерніямъ Россіи и слѣдить за ними могло бы только широко-развѣтвленное общество. По необходимости пріютъ возвращалъ своихъ питомцевъ родителямъ, если только послѣдніе имѣли постоянное мѣсто жительства и занятія. При всѣхъ стараніяхъ, отъ родителей впослѣдствіи нельзя было получить точныхъ и постоянныхъ свѣдѣній о поведеніи ихъ дѣтей. Въ этомъ отношеніи вновь образовавшееся «Общество исправительныхъ колоній и пріютовъ» можетъ располагать большими средствами, если оно будетъ имѣть членовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Члены общества распространенія полезныхъ книгъ могли слѣдить только за воспитанниками

пріюта въ Москвѣ, слѣдовательно за весьма незначительною ихъ долею.

Въ Западной Европѣ подобныя общества существуютъ какъ самостоятельныя учрежденія. Таковы въ Америкѣ The Children Aid Society (съ 1853-го года), Five Points House, въ Англіи Discharged Prisoners' Relief Committee и другія, имѣющія цѣлью отысканіе мѣстъ и доставленіе работъ для вышедшихъ изъ пріюта; во Франціи въ 1831-мъ году основано La société de patronage des jeunes libérés, послѣдствія котораго оказались самыми плодотворными. Такъ, до 1831-го года рецидивы составляли 75%, въ 1832-мъ 46%, въ 1833-мъ 19% (Corne,27). Покровительство этого общества есть факультативное, т.-е. малолѣтный можетъ отказаться отъ него, и мы видимъ, что, напр., въ 1859-мъ году изъ 520 освобожденныхъ отказались отъ покровительства 278. Впрочемъ, эта цифра составляетъ исключеніе: по отчетамъ за десятилѣтіе съ 1843-го до 1853-го года изъ 3,728 малолѣтнихъ находилось подъ покровительствомъ общества сенскаго департамента 3,237; затѣмъ отказалось отъ покровительства 225, безъ вѣсти пропало 137; рецидивистовъ оказалось 299, остальные 2,047, т.-е. 51% были хорошаго поведенія.

Повидимому, общества покровительства поставили себѣ слишкомъ широкую задачу: продолжать воспитаніе несовершеннолѣтнихъ. Многіе предлагаютъ даже, чтобы покровительство продолжалось до совершеннолѣтія и чтобы обществу предоставлены были всѣ права родителей или опекуновъ въ продолженіи 8-ми лѣтъ («Robernier», 34, 39, 76). Въ этомъ смыслѣ высказался и графъ Персиньи (циркуляръ 1853), полагавшій, что покровительство обязательно *не менње* трехъ лѣтъ. Но едва-ли это полезно. Напротивъ, на образованіе воли и характера весьма вредно дѣйствуетъ слишкомъ продолжительная опека: мальчикъ, долго ходящій на помочахъ, отвыкаетъ ходить на своихъ ногахъ; онъ будетъ постоянно опираться на покровителей и отвыкнетъ отъ самостоятельности. Дѣло общества — помочь пріюту въ пріисканіи мѣста и затѣмъ, въ случаѣ дурного поведенія, передать мальчика снова въ пріютъ. Трехъ лѣтъ испытанія совершенно достаточно: въ этотъ періодъ времени окажется непремѣнно, дѣйствительно ли мальчикъ исправился, или же онъ носилъ личину въ пріютѣ и требуетъ вновь перевоспитанія.

По уставу, пріютъ можетъ просить мѣстныя власти доставлять ему свѣдѣнія о содержавшихся въ немъ; но эти свѣдѣнія едва-ли удовлетворятъ пріютъ. Такъ, въ настоящее время, изъ прежнихъ воспитанниковъ пріюта 1 находится на попеченіи опекуна, 1 въ уѣздномъ училищѣ, 1 сельскимъ учителемъ, 1 въ военной

службѣ, 1 въ гражданской, 1 телеграфистъ-механикъ, 6 помѣщены къ мастерамъ, 9 отдано родителямъ въ Москвѣ, 18 взяты родителями въ деревни, 2 питомцевъ воспитательнаго дома, 1 поступилъ въ типографію, но возвращенъ снова въ пріютъ, по просьбѣ брата, на попеченіи котораго онъ находился.

Слѣдить за всѣми вышедшими изъ пріюта, особенно за живущими въ деревняхъ, нѣтъ никакой возможности, даже при значительномъ числѣ членовъ покровительствующаго общества. Обязанность надзора слѣдовало бы возложить, главнымъ образомъ, на родителей, которыхъ можно бы обязать отвѣтственностью за поведеніе дѣтей, взятыхъ ими изъ пріюта. Мнѣ кажется, что у насъ эта отвѣтственность имѣла бы хорошія послѣдствія: она заставила бы родителей быть осмотрительнѣе въ помѣщеніи своихъ дѣтей и сдерживала бы довольно общее желаніе сбыть ихъ куда-нибудь, лишь бы съ глазъ долой. Можетъ быть это уменьшило бы количество московскихъ мальчишекъ, бродящихъ по улицамъ и рынкамъ, «ломающихъ комедь», или служащихъ на побѣгушкахъ безъ всякой пользы для себя и ко вреду нравственности.

Такимъ образомъ, дѣятельность общества попечительства могла бы ограничиваться мальчиками безродными или такими, родители которыхъ не внушаютъ никакого довѣрія: премія послѣднимъ неизбѣжна въ интересѣ малолѣтныхъ.

Наконецъ можно бы расширить право отдачи на поруки постороннимъ лицамъ, также съ отвѣтственностью. Пріютъ могъ бы отдавать своихъ воспитанниковъ не только въ обученіе мастерству, но также для домашнихъ услугъ лицамъ, которыя извѣстны членамъ общества и у которыхъ мальчикъ пріучился бы къ домовитости и порядку.

Во всякомъ случаѣ рѣшеніе вопроса о помѣщеніи воспитанниковъ пріюта съ каждымъ годомъ становится безотлагательнѣе, такъ какъ число воспитанниковъ растетъ постоянно. Я счелъ долгомъ указать на тѣ крайности, которыя возможны въ приложеніи покровительства: излишняя опека только вредна; мы знаемъ, какъ держатъ себя мальчики, увѣренные въ томъ, что ихъ поддерживаетъ сильная рука; мастера также неохотно станутъ брать къ себѣ воспитанниковъ, находящихся въ привилегированномъ положеніи; наконецъ, родители будутъ рады, если ихъ дѣти, заброшенные ими, попадутъ въ милость посредствомъ проступка. Покровителю можно пожаловаться, покровитель станетъ вмѣшиваться, наконецъ покровитель, въ родѣ крестнаго отца, обязанъ кормить и одѣвать — всѣ эти понятія коренятся въ нашей жизни, выросли изъ ея прошедшаго, — и уничтожить

ихъ не легко. Поэтому съ добрыми послѣдствіями покровительства соединены также и своего рода опасности, и оборотная сторона медали можетъ показаться прежде лицевой. Мнѣ случалось слышать мнѣніе, что общество покровительства могло бы имѣть хорошее вліяніе на отношенія мастеровъ къ ученикамъ. Но нужно, чтобы мастера согласились на вмѣшательство общества, которое для нихъ необязательно: стóитъ имъ только не принимать къ себѣ пріютскихъ мальчиковъ. Многіе изъ московскихъ мастеровъ, напротивъ, высказывали другую, болѣе практическую мысль: они готовы были бы платить деньги за право помѣщать своихъ учениковъ въ пріютъ, чтобы самимъ не наказывать ихъ. По смыслу закона это невозможно, такъ какъ у насъ не предоставлено мастерамъ родительской власти, и я указываю на заявленное желаніе, только какъ на признакъ тѣхъ отношеній, на которыя пріютъ можетъ разсчитывать. О допущеніи же вмѣшательства членовъ общества въ полу-домашній бытъ мастера едва-ли можетъ быть рѣчь.

Какъ бы то ни было, не для одного московскаго исправительнаго пріюта, а для всѣхъ русскихъ пріютовъ вопросъ о *помѣщеніи* мальчиковъ по выходѣ ихъ представляетъ весьма много трудностей. Въ понятіи народа пріютъ очень долго будетъ смѣшиваться съ тюрьмою и выпущенные изъ него едва-ли будутъ приниматься съ особенною охотою. Мы знаемъ, что даже на воспитанниковъ колоніи Меттрэ смотрятъ, какъ на опальныхъ и всѣ усилія г. Деметца разубѣдить публику въ ложности ея взгляда, до сихъ поръ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ Америкѣ и въ Англіи существуютъ особыя условія, облегчающія помѣщеніе исправившихся мальчиковъ. Такъ, въ Нью-Іоркѣ одно только общество — Howard mission — ежегодно посылаетъ около 2,000 дѣтей на дальній западъ (Reform. Journ., may 1868). Въ Англіи въ 1866 году 155 мальчиковъ, оставившихъ пріютъ, поступили въ матросы, 20 въ солдаты, 69 эмигрировали. Во Франціи также прибѣгаютъ къ эмиграціи для помѣщенія воспитанниковъ колоній. Мы пока не имѣемъ такихъ средствъ помѣщенія малолѣтныхъ, а потому у насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, важно призвать къ участію въ этомъ дѣлѣ членовъ общества *надзора*, какъ я назвалъ бы его для избѣжанія недоразумѣній, а главнымъ образомъ обязать родителей къ надзору за ихъ дѣтьми.

Таковы внѣшнія условія или внѣшняя обстановка пріюта. Прежде, чѣмъ перейти къ его внутреннему устройству и дѣятельности, скажу нѣсколько словъ о матеріальныхъ средствахъ.

Во Франціи на исправительные пріюты, особенно на коло-

нію Меттрэ, употреблены весьма значительныя суммы. Съ 1840 по 1849 годъ пособія отъ казны и частныя пожертвованія составляли 2.300,000 франковъ; правительство, въ этотъ періодъ времени, выдало 600,000 фр. вспоможенія и платило за каждаго содержавшагося въ колоніи; сверхъ того члены каждаго суда выдаютъ ежегодно по 100 фр. На первоначальное обзаведеніе каждаго пріюта полагается отъ 250 до 300 тысячъ франковъ, а Petite Roquette стоила 5.000,000 фр. Въ Англіи въ 1866 году, на содержаніе исправительныхъ пріютовъ употреблено 103,000 фунтовъ, въ томъ числѣ казна выдала 68,000 (10-th Report, 11). Въ небольшомъ пріютѣ въ графствѣ Эссексъ, при 26-ти мальчикахъ, годовой бюджетъ составлялъ 588 фунтовъ. Фельтамъ содержится на счетъ мидльсекскаго графства и обходится по 25 фунтовъ на каждаго мальчика, а ихъ было въ 1868 году 730. Въ Rauhes Haus общая сумма издержекъ составляетъ ежегодно 23,000 марокъ, т.-е. по 100 талеровъ на каждаго мальчика. Въ Ирландіи правительство платитъ за каждаго содержащагося въ пріютѣ по 7 шиллинговъ въ недѣлю; во Франціи по 70 сантимовъ въ день (содержаніе обходится въ 1 фр. 71 сант. ежедневно) и сверхъ того единовременно 70 франковъ, повторяя такую единовременную выдачу на обзаведеніе каждые два года. При этомъ въ разсчетъ не входитъ наемъ квартиры и первоначальное устройство, такъ какъ пріюты помѣщаются въ собственныхъ домахъ.

Московскій пріютъ содержался, главнымъ образомъ, на частныя пожертвованія. Только благодаря доброму участію городского головы, дума назначила пріюту постоянное пособіе, въ іюнѣ 1869 года, въ слѣдующемъ размѣрѣ: по 5 рублей ежемѣсячно и по 10 рублей единовременно за каждаго несовершеннолѣтняго члена московскаго городского общества, солдатскихъ дѣтей и тѣхъ, коихъ званіе въ судебномъ приговорѣ не опредѣлено. Независимо отъ этого московская городская дума выдала единовременное пособіе пріюту въ 500 рублей. Наконецъ пріютъ нашелся вынужденнымъ воспользоваться предоставленнымъ ему по закону правомъ лоттереи.

Такимъ образомъ, всего на содержаніе пріюта поступило:

Въ 1868-мъ году, съ 1-го апрѣля:

Изъ общества распр. полезн. книгъ	500 р.
Дост. предсѣдателемъ московскаго окружнаго суда изъ пожертвованій присяжныхъ засѣдателей . .	300 »
Внесено пятью учредителями пріюта по 100 р. каждымъ.	500 »
Процентовъ съ 5% билета въ 3,000 р., пожертвован-	

наго А. Ѳ. Голицынскимъ и съ 5% выигрышнаго билета	152 »	50 к.
Пожертвовано разными лицами	251 »	50 »
Получено изъ малолѣтнаго отдѣленія Воспит. Дома за воспитанника	40 »	— »
Заработано воспитанниками пріюта	192 »	90 »
Оставалось отъ 1867-го года	107 »	40 »
Всего	2.044 р.	30 к.

Въ 1869-мъ году:

Изъ московской городской думы	500 р.	
Отъ председателя моск. окр. суда	300 »	
Выручено отъ лоттереи	668 »	85 к.
Не взято лоттерейныхъ выигрышей на	350 »	
Проценты съ капитала пріюта	155 »	
Отъ трехъ концертовъ въ пользу пріюта	128 »	
Пожертвовано разными лицами	443 »	50 »
Получено изъ Воспитательнаго Дома и отъ родителей	264 »	35 »
Заработано воспитанниками	255 »	50 »
Итого	3.065 р.	20 к.

Слѣдов. за годъ и девять мѣсяцевъ въ приходъ поступило 5,109 рублей 50 коп.

Израсходовано въ 1868-мъ году:

На квартиру за полгода	62 р.	50 к.
Содержаніе и поправка дома, огорода и сада	168 »	75 »
Отопленіе	101 »	20 »
Освѣщеніе	39 »	55 »
Жалованье служащимъ	239 »	90 »
Пища	621 »	25 »
Одежда	377 »	— »
Содержаніе мастерскихъ	258 »	30 »
Желѣзныя кровати	32 »	15 »
Куплена корова	40 »	
Выдано пособій вышедшимъ	35 »	
Всего въ расходѣ	1,975 р.	60 к.

Расходъ въ 1869-мъ году:

Квартира	125 р.	
Содержаніе дома и огорода	170 »	15 к.
Отопленіе	204 »	25 »
Освѣщеніе	61 »	85 »
Жалованье служащимъ	445 »	45 »
Пища	1,044 »	10 »
Одежда	199 »	75 »
Содержаніе мастерскихъ	273 »	25 »
Классныя принадлежности	31 »	50 »
Лекарства	19 »	70 »
Починка кроватей и мочалы	12 »	70 »
Пособія вышедшимъ изъ пріюта	71 »	20 »

На бумагу для книги «Подражаніе Христу» . . .	96 »	
Швейная машина	60 »	
Извощикамъ	9 »	90 »
Смотрителю вспоможеніе	30 »	
Всего.	. 2,854 р.	80 к.

Затѣмъ къ 1-му января 1870-го года осталось 279 руб. 10 коп.

Несмотря на значительную сумму расхода въ 1869-мъ году, она возросла бы еще до болѣе значительной цифры, еслибы казначей пріюта В. Д. Коншинъ не взялъ на себя новой перестройки дома, которая стоила 300 рублей и еслибъ онъ же не доставилъ всего матеріала для бѣлья, такъ что пріюту пришлось запасаться только платьемъ. Вообще эта статья расхода падаетъ очень тяжело на бюджетъ пріюта: трудно себѣ представить, въ какихъ отребьяхъ являются часто мальчики въ пріютъ; такъ-называемую одежу ихъ приходится иногда сжигать — настолько она непривлекательна и даже зловредна.

Полагая среднимъ числомъ 25 содержавшихся постоянно въ пріютѣ, мы увидимъ, что на каждаго приходится по 114 р. сер.—т.-е. меньше, чѣмъ въ заграничныхъ пріютахъ. Но и этою суммою пріютъ далеко не обезпеченъ. По уставу, мѣстные тюремные комитеты обязаны выдавать пріюту сумму, въ какую обходится пища и одежда арестанта; однако московскій комитетъ не выдалъ до сихъ поръ пріюту ни единаго рубля. Лоттерея представляетъ крайнее и ненадежное средство. Желательно было бы, чтобы, по примѣру московской городской думы, московское земство приняло участіе въ поддержаніи пріюта: значительное число поступающихъ въ него принадлежатъ къ сословію крестьянъ московской губерніи. Недостающая сумма могла бы быть пополнена пожертвованіями частныхъ лицъ и платою, взимаемою съ родителей.

Эта плата установлена у насъ статьею 172, X тома Св. Зак. Гражд., но остается безъ приложенія: ни въ одномъ приговорѣ мирового судьи о ней нѣтъ и помину, хотя въ уставѣ пріюта обозначено даже minimum платы для недостаточныхъ родителей, именно въ 3 рубля сереб. въ мѣсяцъ (въ Англіи 5 шил. въ недѣлю).

Я думаю, что обязанность родителей платить за содержащихся въ пріютѣ ихъ дѣтей — независимо отъ увеличенія средствъ пріюта—имѣла бы и нравственное значеніе; безъ этого пріютъ получитъ характеръ исключительно благотворительный, и въ него многіе съ радостью стали бы отдавать дѣтей своихъ. Одинъ изъ англійскихъ инспекторовъ Reformatories Сидней Тер-

неръ (10-th Report, 18) указываетъ на необходимость взыскивать съ родителей издержки содержанія въ видахъ нравственнаго воспитанія самихъ родителей: иначе пріютъ сдѣлается спокойною станціею до прісканія мѣста и льготою для родителей испорченныхъ мальчиковъ. Вспомнимъ, что это мнѣніе высказывается въ Англіи, гдѣ пріюты служатъ, между прочимъ, важнымъ подспорьемъ для эмиграціи и для вербовки. Большинство воспитанниковъ Фельтама отдаются на службу въ военный и торговый флотъ или отправляются въ Австралію, и слѣд. правительство заинтересовано непосредственно въ поддержаніи пріютовъ. Я уже говорилъ о томъ примѣненіи, которое можно было бы сдѣлать у насъ изъ земледѣльческихъ колоній въ видахъ заселенія Кавказа; можетъ быть этимъ окупалась бы хотя часть издержекъ по содержанію пріютовъ.

Изъ другихъ статей дохода можно ожидать современемъ увеличенія отъ работъ воспитанниковъ. До сихъ поръ они изготовляютъ себѣ только обувь; современемъ они могутъ шить платье и зарабатывать болѣе дѣланіемъ переплетовъ, картоновъ и проч. Въ два года воспитанники не могли еще пріобрѣсти ни навыка, ни искусства.

Но каковы бы ни были виды на улучшеніе матеріальныхъ средствъ пріюта въ будущемъ, онъ не можетъ существовать безъ поддержки общественной. Основной капиталъ его очень незначителенъ; проценты 155 руб. составляютъ почти $^{1}/_{18}$ всѣхъ расходовъ, а потому, безъ пособій пріюту, трудно удержаться въ томъ размѣрѣ, который онъ уже получилъ теперь. А между тѣмъ желательно сохранить за пріютами частный характеръ, такъ чтобъ общества выдавали имъ пособія по числу содержащихся. Въ Англіи «Reformatory Union» само не учреждаетъ пріютовъ, но приходитъ на помощь уже существующимъ; открытіе пріютовъ дозволяется каждому лицу; разрѣшеніе государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ требуется только для тѣхъ, кто желаетъ открыть пріютъ съ правомъ на пособіе (certified).

III.

По внутреннему своему устройству и по основному началу, крайними типами исправительныхъ пріютовъ въ западной Европѣ служатъ La petite Roquette и Rauhes Haus. Парижскій исправительный домъ есть тюрьма, устроенная по системѣ одиночнаго заключенія; заведеніе г-на Вихерна приближается къ семейству: «это не есть ни государственное, ни исправительное

заведеніе, а свободное дѣло христіанской любви и милосердія на основаніи евангелія» (отчетъ д-ра Вихерна за 1867 годъ, стр. 31).

Изъ этихъ двухъ типовъ слѣдуетъ отдать, безспорно, предпочтеніе второму. Тюремныя системы, какъ бы онѣ хороши ни были для взрослыхъ, непригодны для малолѣтныхъ: ни одиночное заключеніе, ни молчаніе не должны имѣть мѣста въ пріютахъ. Съ этимъ всѣ согласны. Напрасно г. Дюмениль явился защитникомъ системы la Roquette, отдавая преимущество этому заведенію передъ исправительными колоніями; онъ успѣлъ указать несовершенства колоній, но не убѣдилъ въ безошибочности защищаемой имъ системы.

Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы найти среднее между тюрьмою и благотворительнымъ пріютомъ. Нельзя не согласиться съ Дюменилемъ, что правительство не въ правѣ тратить огромныя суммы на благотворительность, лишая чрезъ то средствъ первоначальнаго образованія дѣтей честныхъ гражданъ (*Du Mesnil*, 50). Исправительный пріютъ долженъ служить не только мѣстомъ воспитанія, но также и наказаніемъ. «Когда рука правосудія—говоритъ виконтъ де-Меленъ, — опускается на малолѣтнаго, необходимо, чтобъ она била, а не ласкала».

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы правосудіе карало въ одинаковой формѣ и взрослыхъ и малолѣтныхъ. Лишеніе свободы есть уже, само по себѣ, наказаніе; за тѣмъ слѣдуетъ примѣненіе этого наказанія съ цѣлью исправленія.

Выгода келейнаго заключенія состоитъ въ томъ, что оно дѣйствуетъ рѣшительно, — иногда даже слишкомъ рѣшительно; поэтому, при такой системѣ, сроки заключенія могутъ быть относительно коротки. Но для дѣтей именно такая краткость сроковъ вовсе непригодна (*Krohne*, 20); въ Petite Roquette ни одинъ малолѣтный не содержался долѣе 6-ти мѣсяцевъ, но за то результаты были весьма плачевные. Понятно, что въ взросломъ преступникѣ уединеніе можетъ произвести сильный нравственный переворотъ и повести къ перерожденію; ничего подобнаго нельзя ожидать отъ малолѣтнаго: уединеніе можетъ только озлобить или идіотизировать его. Кромѣ Petite Roquette, уединенное заключеніе для малолѣтныхъ употребляется также въ Швейцаріи; но здѣсь оно ограничивается лишь тремя днями.

Въ Швейцаріи же, въ S-te Pélagie и въ Tothill принята система молчанія днемъ и разъединенія ночью (въ Tothill изъ 271 мальчика только 177 спятъ въ кельяхъ, остальные же въ общей спальнѣ). И это разъединеніе также вредно (R. des deux M. oct. 1869, 624); какъ бы ни былъ бдителенъ надзоръ ноч-

ныхъ сторожей, неестественное положеніе одиночества слишкомъ возбуждаетъ воображеніе и наводитъ на дурныя мысли. Мальчикамъ, поступающимъ въ пріютъ, слишкомъ непривычно оставаться въ небольшой кельѣ: ничего подобнаго ни до поступленія въ пріютъ, ни по выходѣ изъ него они не испытывали и не испытаютъ, а потому гораздо лучше отказаться отъ мѣры, дѣйствіе которой невѣрно и можетъ быть гибельно. Мы знаемъ, какое вліяніе производитъ на дѣтей 3-хъ или 4-хъ-часовое заключеніе въ карцерѣ. Отдѣлять малолѣтныхъ можно иногда, но такъ, чтобъ они находились постоянно на виду, напр., за рѣшеткой, участвовали въ общей работѣ и только испытывали ограниченіе сравнительно съ прочими.

Между тѣмъ въ пользу одиночнаго заключенія высказываются многіе и даже за него стоитъ отчасти г. Деметцъ. По мнѣнію послѣдняго, полезно, чтобы мальчикъ первые 8 дней проводилъ отдѣльно отъ другихъ (Herpin, 128): это дастъ почувствовать мальчику, что онъ подвергается наказанію, наглядно представитъ ему различіе между исправительнымъ пріютомъ и школою. Мнѣ кажется, что такой взглядъ прямо противорѣчитъ существу пріюта: судъ приговариваетъ малолѣтнаго не въ тюрьму, а подвергаетъ его особому спеціальному наказанію, а между тѣмъ келейное заключеніе означаетъ именно тюрьму. На какомъ основаніи пріютъ станетъ отягчать наказаніе, опредѣленное въ судебномъ приговорѣ? Деметцъ высказывался за одиночное заключеніе въ виду соображеній практическихъ: мастера будутъ охотнѣе брать воспитанниковъ пріюта, если узнаютъ, что противъ нихъ употреблены были мѣры строгости, навѣрное ведущія къ исправленію. Но едва-ли это справедливо. Вѣра въ дѣйствительность одиночнаго заключенія теперь поколебалась значительно. Напротивъ, чѣмъ болѣе пріютъ будетъ похожъ на тюрьму, тѣмъ труднѣе его воспитанникамъ получить мѣсто. Мы знаемъ, какъ смотрятъ у насъ на вышедшихъ изъ тюрьмы; большею частью они совершаютъ новыя преступленія по невозможности получить мѣсто,—по крайней мѣрѣ на судѣ они прямо указываютъ на это обстоятельство.

Что касается вреда, который можетъ произойти отъ дурного вліянія наиболѣе испорченныхъ мальчиковъ, то этотъ вредъ можетъ быть устраненъ бдительнымъ надзоромъ; вмѣсто физическаго разъединенія возможно разъединеніе нравственное въ томъ смыслѣ, что изъ общенія между мальчиками слѣдуетъ извлечь все хорошее, не допуская заразы. Опытъ доказалъ, что келейное заключеніе непригодно для воспитанія, оно развиваетъ такіе пороки, отъ которыхъ потомъ трудно отучить мальчика. Во Франціи, по закону 1850 года, въ колоніяхъ покаянія предпи-

сано было содержать малолѣтныхъ въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ отдѣльно (travaux sédentaires); однако потомъ признано необходимымъ отмѣнить такое распоряженіе. Справедливо говорятъ, что келейное заключеніе имѣетъ цѣлію устрашить преступника; исправленіе начинается послѣ него. Зачѣмъ же отдалять въ пріютѣ его главную цѣль, для достиженія которой и безъ того остается часто слишкомъ мало времени?

Кромѣ того есть еще другая практическая невыгода отъ келейнаго заключенія. Дѣлая его общимъ для всѣхъ, пріютъ лишается одного изъ средствъ наказанія, которое прилагается съ успѣхомъ. Такъ, по уставу московскаго пріюта, одиночному заключенію подвергаются бѣжавшіе изъ пріюта, на срокъ однако не болѣе мѣсяца: для нихъ это заключеніе замѣняетъ содержаніе въ тюрьмѣ и дѣйствительно имѣетъ всѣ признаки тюремнаго заключенія, которые должны быть чужды пріюту.

За исключеніемъ этой особенной, усиленной формы наказанія, въ московскомъ пріютѣ одиночное заключеніе не прилагается; всѣ содержащіеся находятся вмѣстѣ и днемъ и ночью: въ обществѣ они скорѣе высказываютъ свой характеръ и, слѣд., облегчаютъ исправленіе. Съ другой стороны общеніе, само по себѣ, возбуждаетъ если не соревнованіе, то чувство стыда. О совершенныхъ прежде проступкахъ никому не позволяется разговаривать; они предаются забвенію и только смотритель или директоръ могутъ на-единѣ разспрашивать мальчика объ его прошедшемъ. Ничего нѣтъ отвратительнѣе, какъ публичная реляція о совершенномъ воровствѣ: это убиваетъ всякое чувство стыда. Нѣкоторымъ изъ мальчиковъ, отданнымъ родителями, запрещено даже называть себя по фамиліи; настоящее ихъ имя извѣстно только директору,—оно возвращается, такъ-сказать, въ видѣ награды за исправленіе. Пока мальчики находятся въ пріютѣ, они должны думать только о будущемъ, о томъ, чтобы пріобрѣсти любовь къ труду и воспитать свою волю противъ искушеній и соблазновъ.

При общеніи всѣхъ содержащихся въ пріютѣ, нѣтъ никакого основанія дѣлить ихъ на категоріи по совершеннымъ ими проступкамъ. Многіе полагаютъ, что необходимо было бы отдѣлить, по крайней мѣрѣ, приговариваемыхъ по суду отъ помѣщаемыхъ родителями; такое отдѣленіе, думаютъ, могло бы выразиться въ разной пищѣ, одеждѣ и проч., если не въ совершенномъ обособленіи: нужно, чтобы приговоренные къ наказанію чувствовали надъ собою кару закона.

Но для пріюта основаніемъ различія между мальчиками можетъ служить только степень ихъ испорченности—и ничто дру-

гое. При существующихъ срокахъ приговоровъ, пріютъ долженъ сообразоваться съ этими сроками и до истеченія ихъ не допускать никакихъ льготъ. Но, какъ я уже говорилъ, отданные родителями нерѣдко стоятъ на болѣе низкомъ нравственномъ уровнѣ, чѣмъ приговоренные мировыми судьями. Даже во Франціи, гдѣ съ 1852 года существуетъ, такъ-называемое, séparation par quartiers, отдѣляются особо только подслѣдственные и рецидивисты.

Иное дѣло градаціи въ лишеніи свободы, которыя объясняются необходимостью пріучить мальчика къ самостоятельной жизни и испытать, насколько укрѣпился ихъ характеръ. Извѣстно, что даже относительно взрослыхъ такъ-называемая крофтонская (ирландская) система привела къ самымъ благотворнымъ результатамъ: вмѣсто непосредственнаго увольненія, назначается переходное состояніе, для котораго существуютъ особыя тюрьмы — intermediate prisons. Тѣмъ болѣе это необходимо для малолѣтнихъ.

Въ Англіи каждому завѣдывающему reformatory предоставлено отдавать на поруки малолѣтныхъ не ранѣе впрочемъ 11-ти мѣсяцевъ послѣ заключенія, на трехмѣсячный срокъ, съ правомъ возобновить этотъ срокъ черезъ три мѣсяца (см. Reformatory Schools Act 1866 года); время, проведенное на поруках, засчитывается несовершеннолѣтнему въ назначенное ему по приговору, кромѣ случаевъ побѣга и дурного поведенія. Подобное право предоставлено и директорамъ Industrial Schools съ тою разницею, что отдавать на поруки можно не ранѣе, какъ черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ вступленія малолѣтняго въ пріютъ.

У насъ не формулировано въ законѣ подобное право директоровъ; но, по уставу пріютовъ, завѣдующіе ими могутъ сокращать на одну треть срокъ заключенія, опредѣленный въ приговорѣ, и слѣд. съ этого времени начать условное освобожденіе или дать нѣкоторыя льготы воспитанникамъ. Въ московскомъ исправительномъ пріютѣ малолѣтные, по окончаніи назначеннаго имъ срока заключенія въ полномъ или сокращенномъ размѣрѣ, а также всѣ отданные безсрочно, административными властями или родителями, зачисляются въ разрядъ *воспитанниковъ*. Чтобы пріучить ихъ къ свободѣ и удостовѣриться въ ихъ дѣйствительномъ исправленіи, пріютъ дѣлалъ такого рода опыты: посылалъ ихъ за покупками, съ порученіями и т. п. Замѣчательно, что не было ни одного случая, чтобы посланный скрылся или не далъ отчета въ каждой истраченной копѣйкѣ. Посылаемые отправлялись сначала съ служителями, а потомъ и одни. Въ подобныхъ опытахъ есть извѣстная, можетъ быть значительная

доля риска; но мнѣ кажется, они необходимы. Ошибки вездѣ неизбѣжны; иногда мальчикъ успѣшно проходитъ искусъ, не поддается соблазну, старается пріобрѣсти довѣріе, чтобы потомъ обмануть вѣрнѣе; но въ большей части случаевъ полусвобода служитъ лучшимъ пробнымъ камнемъ и даетъ пріюту безошибочныя указанія. «Мальчики—говоритъ миссъ Карпентеръ—должны пріучаться къ самостоятельной жизни; нужно давать имъ столько свободы, сколько согласно съ благоразуміемъ» (M. *Carpenter*, 9). Въ самомъ дѣлѣ, умѣнье пользоваться свободою можетъ быть доказано только на опытѣ; при строгомъ надзорѣ, при крѣпкихъ запорахъ нѣтъ возможности сдѣлать что-нибудь дурное, но за то нѣтъ никакихъ задатковъ того, что мальчикъ будетъ вести себя хорошо; разочарованія завѣдующихъ пріютомъ окажутся гораздо чаще, чѣмъ они случаются при дозволеніи нѣкоторой свободы.

Конечно, полусвобода должна быть предоставляема не каждому, а въ видѣ награды, подобно тому, какъ стѣсненіе свободы служитъ наказаніемъ. Можетъ быть полезно переводить полуисправившихся въ особое заведеніе, какъ это дѣлается во Франціи, гдѣ Меттрэ, д'Освальдъ и другія земледѣльческія колоніи соотвѣтствуютъ условному освобожденію (*Herpin*, 179). Если пріютъ помѣщается въ нѣсколькихъ домахъ, то предлагаютъ помѣщать близкихъ къ исправленію въ особомъ домѣ (*Carpenter*, 26).

Мнѣ кажется, что пріюту нечего опасаться различія въ положеніи содержащихся въ немъ. Свобода, предоставляемая однимъ, возбудитъ въ другихъ соревнованіе. И такъ какъ различіе категорій основывается не на прошедшемъ, а на поведеніи мальчиковъ въ пріютѣ, то отъ каждаго изъ нихъ зависитъ попасть въ высшую категорію.

Хотя изъ поступающихъ въ пріютъ большинство принадлежитъ къ разряду наказываемыхъ, однако впослѣдствіи число «воспитанниковъ» обыкновенно увеличивается. Вотъ статистическія данныя о народонаселеніи московскаго пріюта:

Къ 1-му января 1868 года, т.-е. до преобразованія пріюта, въ немъ находилось 10 мальчиковъ, а именно: трое подслѣдственныхъ, 5 отданныхъ по распоряженію административныхъ властей и 2 по приговору мирового судьи. Въ теченіи 1868 года вновь поступило 39, въ томъ числѣ 24 по приговорамъ судебныхъ властей, 6 отъ родителей и отъ административныхъ властей; вышло изъ пріюта 16, — двое подслѣдственныхъ, двое воспитанниковъ и 12 отданныхъ мировыми судьями. Слѣд. къ 1-му января оставалось 24: 1 подслѣдственный, 9 воспитанниковъ и 14 приговоренныхъ судебною властью. Въ 1869 году

поступили: одинъ подслѣдственный, 3 по распоряженію администраціи и 27 по приговорамъ судебныхъ мѣстъ. Въ 1870 году съ 1-го января до 1-го іюля изъ 23-хъ вновь поступившихъ было 19 по приговорамъ судебныхъ властей, 1 подслѣдственный, 2 отъ родителей и одинъ изъ губернскаго правленія. Такимъ образомъ, число отдаваемыхъ по судебнымъ приговорамъ возрастало постоянно съ каждымъ годомъ, число же первоначальныхъ воспитанниковъ уменьшалось.

Но въ дѣйствительности контингентъ воспитанниковъ увеличивается по разнымъ причинамъ: мальчики остаются въ этомъ разрядѣ до пріисканія имъ мѣста, что требуетъ иногда долгаго времени. Наша паспортная система служитъ здѣсь весьма важнымъ препятствіемъ. Нерѣдко мальчикъ попадаетъ въ пріютъ за безписьменность, а между тѣмъ излечить его отъ этой хронической болѣзни нелегко; только послѣ долгой переписки удается получить для него паспортъ. Иногда безродный мальчикъ оказывается безъ всякихъ документовъ, и нѣтъ никакихъ средствъ констатировать юридически его рожденіе: отъ самого мальчика можно получить только смутныя указанія на какую-то тетку, неизвѣстно гдѣ живущую, а можетъ быть уже умершую. Къ сожалѣнію, директоръ пріюта у насъ не облеченъ властью, которая предоставлена ему въ Англіи, а именно правомъ отдавать малолѣтныхъ въ работу или въ ученье по контракту, которому придается полная сила (ст. 19, Ref. School Act 1866). Это значительно облегчило бы пріютъ. Къ счастью еще у насъ пріюты не ограничены другими условіями: въ большей части случаевъ хозяева, у которыхъ жили малолѣтные до поступленія въ пріютъ, снова берутъ ихъ къ себѣ, такъ что осужденный не обязанъ мѣнять мѣста своего жительства. Безъ этого разрядъ воспитанниковъ численностью своею превышалъ бы значительно разрядъ заключенныхъ.

Обращаемся къ средствамъ исправленія.

При всемъ уваженіи къ нравственнымъ правиламъ, мы не думаемъ, чтобы можно было достигнуть хорошихъ результатовъ однимъ поученіемъ. Во Франціи, напр., заставляютъ учить наизусть и ежедневно въ теченіи двухъ часовъ переписывать нравственныя сентенціи. Большой пользы отъ этого нельзя ожидать: буква остается буквою. Гораздо важнѣе живое слово, объясняющее смыслъ евангелія: по выраженію миссъ Карпентеръ—«ни одинъ мальчикъ не долженъ оставлять пріюта, не научившись читать библію и любить ее». Дѣйствительно, при помощи умнаго толкователя, который говоритъ отъ души, святое писаніе и житія святыхъ способны произвести перерожденіе въ испор-

ченномъ мальчикѣ. Но достигнуть этого очень трудно: нерѣдко случалось, что мальчикъ, доведенный до слезъ убѣжденіями и внушеніями, черезъ нѣсколько часовъ потомъ совершалъ побѣгъ. Необходимо, чтобы вмѣстѣ съ проповѣдью дѣйствовали постоянно двѣ другія силы: труда и порядка.

Дисциплина достигается гораздо лучше не полу-военнымъ устройствомъ, маршировкою и тому подобными пріемами, а строгимъ соблюденіемъ установленнаго образа жизни.

Такъ, прежде всего необходимо, чтобы мальчики сами убирали комнаты, держали ихъ въ чистотѣ, клали каждую вещь на свое мѣсто, соблюдали опрятность въ одеждѣ и умывались, по крайней мѣрѣ, два раза въ день. «Эти элементарныя занятія— говоритъ г. Вихернъ — составляютъ азбуку всѣхъ прочихъ работъ; мальчики пріучаются къ точности и послушанію, пріобрѣтаютъ любовь къ порядку и чистотѣ; дѣти нечувствительно въ этихъ незначительныхъ взаимныхъ услугахъ научаются величайшему дѣлу—служить другъ другу съ любовью» (Erz. zur Arb. 19).

Затѣмъ слѣдуетъ собственно ученіе и работа. Обученіе по необходимости должно ограничиваться первоначальными свѣдѣніями: пріютъ есть исправительное, а не учебное заведеніе. Правда, при заведеніи г. Вихерна существуетъ полная классическая гимназія, въ Англіи также учреждено нѣсколько 5-тиклассныхъ исправительныхъ школъ, но это составляетъ исключеніе и роскошь: пріютъ не въ состояніи удовлетворить различному умственному уровню поступающихъ въ него и не долженъ задаваться несвойственными ему цѣлями. Мы согласны съ миссъ Карпентеръ, что нужно употреблять ежедневно 3 часа для старшихъ по возрасту и 4 часа для младшихъ на умственное обученіе (*Carpenter*, 17). Къ прискорбію должно сказать, что въ московскомъ пріютѣ самые испорченные мальчики были грамотные, и на 97 поступившихъ въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ только 27 оказалось безграмотными. Одинъ мальчикъ велъ даже переписку съ другимъ на русскомъ языкѣ, но латинскими буквами: это былъ самый печальный примѣръ разврата, лжи и хитрости. Грамотными поступали почти всѣ городскіе жители, занимавшіеся торговлею и искусившіеся въ болѣе хитромъ мошенничествѣ. Къ сожалѣнію, грамотность нисколько не прилагалась къ поднятію нравственнаго уровня, она давала только сознаніе превосходства и служила дипломомъ для обмана: грамотный смотритъ свысока на безграмотнаго и считаетъ его созданнымъ для эксплуатаціи. Книгъ онъ не читаетъ, бережетъ грамотность какъ бы про запасъ, когда нужно похвастать ею.

Я не стану, впрочемъ, дѣлать какіе-либо выводы изъ факта преобладанія грамотныхъ осужденныхъ. Можетъ быть это была случайность. Извѣстно, что во Франціи, въ періодъ времени съ 1861-го по 1865-й годъ, изъ 22,752 осужденныхъ малолѣтнихъ безграмотныхъ оказалось 18,759 (*Herpin*, 208); въ 1864-мъ году было осуждено 6,268 мальчиковъ и 1,538 дѣвочекъ: мальчиковъ, получившихъ образованіе, было 17, умѣвшихъ читать и писать 1,337, умѣвшихъ только читать 1,084 и безграмотныхъ 3,830; въ Англіи въ 1866-мъ году безграмотные и полуграмотные (умѣвшіе только читать) составляли 96%. Тѣмъ не менѣе фактъ, оказавшійся въ московскомъ исправительномъ пріютѣ, служитъ новымъ доводомъ необходимости возможно-частыхъ бесѣдъ съ воспитанниками; нужно научить ихъ пользоваться грамотностью, пріохотить къ здоровому чтенію. По вечерамъ мальчики охотно слушали описаніе путешествій, разсказы о святыхъ мѣстахъ и тому под. Собственно классному ученію посвящалось зимою 4 часа и лѣтомъ 3 часа въ день. Кромѣ закона Божія, мальчики учились ариѳметикѣ, чистописанію и первоначальнымъ свѣдѣніямъ изъ исторіи и географіи Россіи, старшіе и болѣе знающіе обучали младшихъ. До такъ-называемаго толковаго чтенія дойти было не легко; дѣти усвоивали себѣ знанія гораздо скорѣе со словъ, чѣмъ изъ книги.

При разнообразіи того запаса свѣдѣній, съ которымъ поступали мальчики въ пріютъ, было невозможно установить правильное школьное обученіе. Впрочемъ пріютъ и не имѣетъ своею задачею дать образованіе, которое только на высшей своей ступени оказываетъ рѣшительное вліяніе на нравственность. Главнымъ средствомъ пріюта служитъ пріученіе къ порядку и къ труду.

Внѣшній порядокъ, строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы мальчики въ извѣстный часъ отдыхали или занимались опредѣленнымъ дѣломъ—имѣетъ огромное значеніе. При этомъ едва-ли необходима формальная внѣшняя дисциплина, съ ея аттрибутами—знаменами, барабанами и платьемъ военнаго покроя, принятыми, напр., во Франціи. Достаточно, чтобы мальчики пріучились вставать въ опредѣленный часъ, работать, обѣдать, играть и т. д. Этотъ внѣшній порядокъ непремѣнно отразится и на характерѣ мальчиковъ, большею частію страдающихъ распущенностью. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ порядокъ съ перваго раза кажется самымъ тяжелымъ наказаніемъ и они привыкаютъ къ нему съ трудомъ.

Въ распредѣленіи дня я держался приблизительно того порядка, который принятъ въ англійскихъ пріютахъ. Въ 6 часовъ

утра мальчики встаютъ и къ 7-ми должны убрать свои постели и, помолившись, быть готовыми къ ученью. Отъ 7 до 8 они учатся, въ 8 часовъ завтракъ и отдыхъ; отъ 9 до 12-ти посвящается работѣ; время отъ 12 до 2-хъ часовъ назначается на отдыхъ, обѣдъ и игры; отъ 2-хъ до 4-хъ опять работа; въ 4 часа отдыхъ, въ 5 классъ, въ 7 часовъ ужинъ, въ 9 часовъ всѣ должны ложиться спать. Этотъ общій порядокъ, впрочемъ, видоизмѣнялся по времени года. Такъ, лѣтомъ напр., приходилось въ 5 часовъ давать что-нибудь поѣсть мальчикамъ, — прогулка и игры возбуждали въ нихъ сильный аппетитъ, въ этомъ случаѣ классныя занятія и ужинъ отодвигались на полчаса. Въ Англіи мальчики ужинаютъ въ 5 часовъ, потомъ учатся и ложатся спать въ 8 часовъ, у насъ послѣ ужина мальчики неспособны учиться; — имъ нужно какое-нибудь движеніе, чтобы разогнать нападающую на нихъ сонливость. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ порядокъ, существенно важно лишь то, чтобъ онъ соблюдался строго.

Другимъ средствомъ нравственнаго воздѣйствія на мальчиковъ служитъ пріученіе ихъ къ труду, обязательная для всѣхъ работа въ домѣ, въ полѣ, въ мастерской. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ количествомъ работы полагается или исчерпывается наказаніе, это такъ-называемая система марокъ, принятая, напр., въ лондонской тюрьмѣ Millbank. Она состоитъ въ томъ, что каждый обязанъ выработать 720 марокъ; за удовлетворительную работу заключенный получаетъ 4 марки въ день, за очень хорошую 6; въ наказаніе отнимается извѣстное количество марокъ (до 56). Кто выработалъ свои 720 марокъ, тотъ поступаетъ во 2-й классъ. затѣмъ въ 3-й и наконецъ выпускается изъ тюрьмы, причемъ каждый высшій классъ пользуется извѣстными льготами.

Едва ли эта система можетъ быть примѣнена къ дѣтямъ: дѣло пріюта—пріучить къ труду, а не заставить отработать со злобою извѣстное число дней. Равнымъ образомъ, нельзя также оправдать освобожденія отъ работъ, принятаго во Франціи. Въ 1842-мъ году работа въ тюрьмахъ признана обязательною; въ 1848-мъ году это постановленіе было отмѣнено подъ тѣмъ предлогомъ, что тюремныя работы мѣшаютъ свободному труду; въ 1856-мъ году снова введены работы, отдающіяся съ подряда; но нежелающіе работать могутъ освободить себя, платя за то 25 сантимовъ ежедневно подрядчику. Прежде всего отдача работъ по подряду повела къ тому, что подрядчики, имѣя въ виду исключительно денежную выгоду, довели раздѣленіе труда до

крайности, какъ, напр., въ Petite Roquette. Во-вторыхъ, освобожденіе отъ работъ, само по себѣ, безнравственно: оно полагаетъ различіе между бѣдными и богатыми въ пріютѣ. Работа нужна не столько для прибыли, сколько для воспитанія,—и московскій пріютъ постоянно испытывалъ вредныя послѣдствія отъ случавшейся перемежки въ работѣ: отсутствіе работъ было самымъ тяжелымъ временемъ для пріюта и сопровождалось всегда дурными послѣдствіями. Вотъ почему я иногда соглашался брать невыгодные въ денежномъ отношеніи заказы, напр., машинное шитье отворотовъ,—лишь бы мальчики не оставались безъ дѣла.

Финансовая сторона работъ стоитъ на второмъ планѣ. Такъ, напр., въ Америкѣ все выработанное заключенными принадлежитъ государству; тоже въ Англіи и въ Австріи; въ Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи содержащіеся въ пріютѣ получаютъ весь доходъ отъ своей работы, за вычетомъ издержекъ производства; во Франціи одна треть прибыли отдается осужденному (около 26 фр. въ годъ). Въ московскомъ пріютѣ введены книжки, въ которыхъ ежедневно отмѣчается прилежаніе въ работѣ, такъ что мальчикъ получаетъ отъ 1 до 5-ти копѣекъ въ день, независимо отъ прибыли самого пріюта; одну треть накопившейся суммы мальчикъ можетъ тратить въ пріютѣ, а двѣ трети выдаются ему при выходѣ. Я полагаю, что такой порядокъ самый справедливый. Мальчикъ получаетъ вознагражденіе не какъ промышленникъ, по цѣнѣ выработаннаго имъ, а за положенный имъ трудъ; за лѣнивую, хотя бы и дающую доходъ работу онъ лишается платы.

Награда за работу или, правильнѣе, заработная плата имѣетъ еще и другое значеніе: мальчикъ пріучается пріобрѣтать и увеличивать свою собственность постояннымъ трудомъ; онъ испытываетъ въ пріютѣ то, что должно ожидать его впослѣдствіи: различіе въ средствахъ лицъ, находящихся въ пріютѣ, зависитъ, такъ-сказать, отъ нихъ самихъ.

Нѣтъ нужды прибавлять, что пріютъ не долженъ допускать слишкомъ усиленныхъ работъ, хотя бы ихъ пожелали сами мальчики: физическое здоровье, умственное развитіе и другія условія заставляютъ ограничивать работу только опредѣленнымъ временемъ. Съ другой стороны, необходимо обращать вниманіе на добросовѣстное исполненіе работы и не довольствоваться тѣмъ качествомъ ихъ, которое по-русски обозначается словами «сойдетъ» и «живетъ».

Работа и соединенная съ нею плата можетъ послужить средствомъ къ самымъ разнообразнымъ комбинаціямъ. Было бы, напр.,

полезно устроить нѣчто въ родѣ банка, чтобы показать наглядно выгоду сбереженія. Предусмотрительностью вообще не отличается русскій человѣкъ, а городской мальчикъ въ особенности,— въ немъ существуетъ какая-то фаталистическая вѣра въ удачу, надежда на милостивую подачку и очень слаба увѣренность въ собственныхъ силахъ. Заработная плата видимо подымаетъ мальчиковъ; они съ чрезвычайнымъ интересомъ слѣдятъ за увеличеніемъ своего маленькаго капитала и чувствуютъ собственную силу,— а это весьма важно для того, чтобы побѣдить тупое равнодушіе и безнадежность, которымъ нерѣдко подвержены мальчики. При этомъ, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ допускать освобожденія отъ работы даже для самыхъ лучшихъ мальчиковъ, иначе работа покажется наказаніемъ и на нее будутъ смотрѣть только какъ на неизбѣжное зло и, слѣд., утратится ея нравственное значеніе.

Постоянно занятая жизнь и дисциплина, порядокъ домашній, весьма близкій къ семейному — вотъ основныя движущія силы пріюта. Къ этому присоединяется обученіе и личное вліяніе принимающихъ участіе въ исправленіи, умѣнье воспользоваться удобною минутою, чтобы пробудить заснувшую совѣсть въ мальчикѣ, ободрить его на борьбу съ дурными навыками, внушить любовь, послушаніе и чувство признательности, которое приходитъ невольно, если мальчикъ видитъ, что о судьбѣ его заботятся, что въ немъ принимаютъ участіе.

Награды и наказанія могутъ служить подспорьемъ къ достиженію предположенной цѣли; но было бы великою ошибкою исключительно полагаться на нихъ. Мнѣ кажется, что единственная награда, которую слѣдуетъ допустить въ пріютѣ, должна состоять въ извѣстной льготѣ въ пользованіи свободою: пусть мальчикъ чувствуетъ, что отъ него зависитъ сократить время заключенія и пусть онъ наглядно видитъ, такъ-сказать, тотъ путь, который онъ прошелъ въ дѣлѣ исправленія. Впрочемъ нѣкоторые внѣшніе знаки отличія имѣютъ также хорошее дѣйствіе, возбуждая соревнованіе между мальчиками. Такъ, напр., въ Фельтамѣ особенно отличившіеся получаютъ нашивки; въ Tothill-Field введены значки въ формѣ звѣздъ, причемъ удостоенный такой награды получаетъ $2^1/_2$ шиллинга; въ Ирландіи марки даютъ право разговаривать во всякое время, — ихъ выдается неболѣе 3-хъ въ мѣсяцъ. Въ московскомъ пріютѣ введены также подобные значки съ надписью: «отличный» и «очень хорошій». Безспорно, на нѣкоторыхъ мальчиковъ эти значки производятъ впечатлѣніе, но большинство, какъ я заключаю

изъ моихъ наблюденій, остается къ нимъ равнодушнымъ. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ пренебрегать и значками, какъ средствомъ пробудить самолюбіе,—лишь бы только отличіе давалось не слишкомъ легко. Въ дрезденскомъ исправительномъ пріютѣ въ назначеніи наградъ участвуютъ всѣ мальчики; но едва-ли полезно обращаться въ этомъ случаѣ къ «общественному мнѣнію», такъ какъ мальчики не могутъ вѣрно судить о достоинствахъ своихъ товарищей; у нихъ есть своя особая мѣрка почета: ловкость, сила, хитрость и такъ-называемое «коноводство»; коноводы въ ихъ глазахъ стоятъ выше другихъ.

Можетъ быть было бы практичнѣе замѣнить значки какимъ-нибудь лакомствомъ; въ Мюнхенѣ, напримѣръ, въ видѣ награды дается пиво. Наши мальчики—большіе лакомки; орѣхи или пряники имѣютъ для нихъ болѣе притягательной силы, чѣмъ значки. Но потворствовать этой страсти и возбуждать зависть въ другихъ положительно вредно: это значило бы поощрять къ употребленію всѣхъ заработанныхъ денегъ на лакомства, а при недостаткѣ денегъ чувствовать лишеніе. Единственная роскошь, которую я дозволялъ въ пріютѣ,—это чай; употребленіе этого напитка такъ распространено у насъ, что на вопросъ мальчикамъ, что̀ они желаютъ сдѣлать съ частью заработанныхъ денегъ, былъ всегда одинъ отвѣтъ: «купите намъ чаю». Должно прибавить къ этому, что мальчики получали чай въ пріютѣ во всѣ праздничные дни и, слѣд., обращались къ своему маленькому карману только въ будни; это имъ обходилось копѣекъ 15 въ мѣсяцъ. Невыработавшіе 45 копѣекъ въ мѣсяцъ лишались чаю, такъ какъ каждый до выхода изъ пріюта могъ располагать только одною третью выработанной суммы. Но такое допущеніе чаю имѣло характеръ не столько награды, сколько пользованія собственностью, пріобрѣтенною трудомъ.

Что касается до наказаній, то самою раціональною системою въ этомъ дѣлѣ служитъ ирландская: завѣдующій пріютомъ не стѣсняется никакими предписаніями и дѣйствуетъ, примѣняясь къ характеру мальчика, къ его прошлой жизни и другимъ условіямъ. Въ Coldbath-Field прибѣгаютъ къ уменьшенію пищи, въ Tothill, кромѣ розогъ и темнаго карцера, директору предоставляется право посадить виновнаго на цѣпь въ теченіи 24-хъ часовъ; въ Petite Roquette употреблялась горячечная рубашка; въ Англіи допускается tread wheel, т.-е. заставляютъ вертѣть огромное колесо ногами, до 1,200 футовъ въ день: это самое тяжелое наказаніе, какое мнѣ случалось видѣть. Въ Фельтамѣ прибѣгаютъ къ слѣдующимъ мѣрамъ взысканія: розги (въ

1868-мъ году употреблены были 152 раза), удары палкою по рукѣ (1,887 разъ), заключеніе въ темномъ карцерѣ (718 разъ), заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ до 8 дней (3 раза). Въ петербургскомъ исправительномъ заведеніи допущены: уменьшеніе пищи, запрещеніе говорить, называніе чиновниковъ однимъ именемъ безъ отчества, заключеніе въ комнату съ небольшимъ свѣтомъ на срокъ до 7-ми дней и заключеніе въ темную комнату до 3-хъ сутокъ (Св. зак. XIV. 585).

Можетъ быть ни одна мѣра не имѣетъ такого индивидуальнаго характера, какъ наказанія. Лишеніе свиданій съ родными, запрещеніе переписки или ограниченіе ея къ нѣкоторымъ изъ нашихъ мальчиковъ вовсе неприложимы по очень простой причинѣ: они въ жизнь свою не писали и не получали ни отъ кого писемъ. Подѣйствуютъ ли розги на мальчика, который притерпѣлся къ пинкамъ и побоямъ, сыпавшимся на него постоянно? Иногда достаточно постращать мальчика наказаніемъ, не приводя его въ исполненіе. Темный карцеръ на два или на три часа, заключеніе за рѣшетку, ставленіе на колѣни или въ уголъ, лишеніе чего-нибудь лакомаго — эти мѣры имѣютъ болѣе общій характеръ и совершенно достаточны, чтобъ остановить мальчика въ его наклонностяхъ къ дурному. Только въ рѣдкихъ случаяхъ испорченность мальчика достигаетъ такихъ размѣровъ, что нужно его подвергнуть болѣе строгому взысканію. Однимъ словомъ, никакихъ заранѣе предуставленныхъ наказаній не должно существовать: изъ нихъ самыя лучшія тѣ, которыя ведутъ къ цѣли, т.-е. на однихъ дѣйствуютъ физическою болью, въ другихъ возбуждаютъ чувство стыда, третьихъ пробуждаютъ отъ нравственной спячки и т. д.; наоборотъ, не во-время или не кстати употребленное наказаніе или остается безполезнымъ, или даже приноситъ положительный вредъ. Руководствуясь этими соображеніями, я старался въ московскомъ исправительномъ пріютѣ избѣгать строгихъ наказаній, но не останавливался передъ ними, если былъ убѣжденъ въ ихъ дѣйствительности. Бывали примѣры, что испытавши нѣсколько мѣръ, я получалъ хорошіе результаты отъ наказанія, повидимому незначительнаго; но не переставалъ бороться съ упорствомъ мальчика, пока не перемѣню его. Въ пріютѣ находился мальчикъ, бывшій антрепренеромъ небольшой труппы, которая давала свои акробатическія представленія на Хитровомъ рынкѣ. Трудно представить себѣ, чего не испыталъ въ жизни этотъ артистъ и въ какихъ передѣлкахъ не бывалъ онъ. Сначала спокойная жизнь въ пріютѣ подѣйствовала на него благотворно, но потомъ сказались преж-

ніе навыки. Наказанія на него не дѣйствовали; его способность къ дурному, ложь и упорство были по истинѣ изумительны; я рѣшился отдѣлить его отъ другихъ мальчиковъ, посадивши за рѣшетчатую перегородку. Между тѣмъ это небольшое наказаніе сломило упорную натуру: мальчикъ какъ-бы переродился и велъ себя очень хорошо въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Впослѣдствіи дурные инстинкты сказались вновь, но прежнее наказаніе во второй разъ потеряло всякую силу и нужно было дѣлать новые опыты. Вообще мнѣ кажется, что для мальчика важна не форма наказанія, а такъ-сказать его идея: нужно, чтобъ онъ почувствовалъ, что его не перестанутъ преслѣдовать, пока онъ не перемѣнится къ лучшему. Я имѣю въ виду здѣсь, конечно, мальчиковъ, сильно испорченныхъ, вообще составляющихъ небольшой процентъ. Въ большей части случаевъ самаго легкаго наказанія бываетъ достаточно, если только оно приложено вб-время, т.-е. тотчасъ послѣ совершенія проступка; наказанія за давно прошедшее производятъ гораздо меньшее впечатлѣніе.

Полезно, впрочемъ, вносить въ тетрадь всѣ наказанія, которымъ подвергался малолѣтный въ пріютѣ за совершенные имъ проступки (misconduct report); эта исторія мѣръ исправленія служитъ указаніемъ для директора и придаетъ большую важность самимъ наказаніямъ. Къ сожалѣнію, въ московскомъ исправительномъ пріютѣ подобныя книжки введены были поздно, и я лишенъ возможности представить статистическія цифры наказаній; смотритель помнилъ, какъ и сколько разъ былъ наказанъ мальчикъ,—но это не можетъ замѣнить точнаго записыванія всѣхъ взысканій. Должно, впрочемъ, прибавить, что исторіею проступковъ не слѣдуетъ пользоваться только какъ средствомъ противъ мальчика; въ ней завѣдующій пріютомъ найдетъ также основанія для ободренія, столь необходимаго для исправляемаго.

Въ заключеніе приведу изъ отчета Фельтама за 1866-й годъ указаніе на тѣ мѣры, которыя способствовали къ поднятію нравственнаго уровня мальчиковъ. Эти мѣры были слѣдующія: 1) посылка мальчиковъ съ порученіями; 2) учрежденіе сберегательной кассы для малолѣтныхъ; 3) введеніе классовъ музыки и плаванія, а также игръ—крокета и мяча; 4) дозволеніе женамъ и семействамъ служащихъ жить въ зданіи пріюта; 5) награды за хорошее поведеніе и успѣхи; 6) отпускъ на свободу особенно отличившихся мальчиковъ.

IV.

Было бы преждевременно составлять окончательное заключеніе о дѣятельности московскаго исправительнаго пріюта: онъ существуетъ сравнительно еще такъ недавно, что едва могъ выработать рядомъ опытомъ опредѣленныя правила. Мы не въ правѣ сказать съ увѣренностью, что вышедшіе изъ пріюта мальчики не впадутъ вновь въ проступки, не сдѣлаются рецидивистами. До сихъ поръ изъ 63-хъ мальчиковъ, отпущенныхъ пріютомъ правильно—что нѣмцы называютъ ordentlich gelassene—не было ни одного рецидивиста. Но есть зло, противъ котораго до сихъ поръ всѣ мѣры оказывались безсильны и которое бросаетъ тѣнь на пріютъ. Мы разумѣемъ побѣги. Несмотря на мягкое обращеніе съ мальчиками, для многихъ изъ нихъ порядокъ и работа оказываются невыносимыми, и они предпочитаютъ бродячую жизнь со всѣми ея лишеніями и случайностями обезпеченному и спокойному пребыванію въ пріютѣ.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что мальчики обыкновенно совершаютъ побѣги, какъ-бы нарочно избирая для этого преодолѣніе трудностей: посылаемые съ порученіемъ и съ деньгами возвращались аккуратно и приносили точный отчетъ въ деньгахъ; затѣмъ, ночью взламывали въ чуланѣ окошко, выходили полуодѣтые и скрывались. У нѣкоторыхъ страсть къ бродяжеству имѣетъ что-то болѣзненное; такъ, одинъ мальчикъ пропадалъ дней десять, и потомъ воротился, побывавъ въ Троицкой лаврѣ; другой бѣгалъ четыре раза въ теченіи двухъ недѣль и потомъ успокоился: въ настоящее время онъ одинъ изъ лучшихъ мальчиковъ въ пріютѣ; его отлучка продолжалась не болѣе нѣсколькихъ часовъ, такъ какъ было извѣстно, куда онъ уходитъ, и посланный на лошади служитель изъ пріюта являлся на мѣсто раньше бѣжавшаго. Одинъ мальчикъ бѣжалъ за день до срока, въ который предполагалось отпустить его.

Но чаще всего побѣги совершались мальчиками, принадлежавшими къ организованнымъ шайкамъ такъ-называемыхъ «жуликовъ» и при участіи послѣднихъ. Это темное братство связано очень крѣпко и не выдаетъ своихъ. Уединенное положеніе пріюта должно бы было мало содѣйствовать побѣгамъ: днемъ можно всегда увидѣть бѣжавшаго на далекое разстояніе; но за то ночью пріютъ лишенъ всякой посторонней помощи, такъ какъ до ближайшаго полицейскаго поста не менѣе двухъ верстъ.

Въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ было 7 бѣжавшихъ и не возвращенныхъ

(одинъ изъ нихъ пойманъ полиціею и бѣжалъ изъ части); сверхъ того шесть случаевъ побѣга, изъ котораго мальчики сами возвратились или были пойманы, наконецъ двое скрылись не изъ пріюта, а отъ лицъ, взявшихъ ихъ на свое попеченіе.

Вообще число бѣжавшихъ слишкомъ велико, особенно, если сравнить его съ побѣгами въ заграничныхъ пріютахъ. Въ Англіи, напр., въ 1866-мъ году было бѣжавшихъ непойманныхъ только одинъ процентъ; въ Фельтамѣ въ 1863-мъ году былъ 61 побѣгъ на 600 мальчиковъ, въ 1864-мъ году это число уменьшилось до 32, въ 1865-мъ до 15, а въ 1866-мъ упало до 4-хъ (Rep. of the committee of visitors, 8).

Въ побѣгахъ, конечно, отчасти виноватъ недостатокъ прислуги въ московскомъ пріютѣ, трудность найти благонадежныхъ и бдительныхъ сторожей. Но есть причины, которыя независятъ отъ пріюта и заключаются въ слабомъ наказаніи за побѣгъ и въ возрастѣ несовершеннолѣтнихъ. Такъ, у насъ полагается за побѣгъ отдѣльное заключеніе до одного мѣсяца. Въ Англіи побѣгъ наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ до трехъ мѣсяцевъ, въ Ирландіи одиночнымъ заключеніемъ до 6-ти мѣсяцевъ, при чемъ въ Англіи за укрывательство бѣжавшаго малолѣтнаго взыскивается штрафъ въ 20 фунт. стерл.

Далѣе, у насъ пріютъ обязанъ содержать всѣхъ малолѣтныхъ, приговоренныхъ къ заключенію въ немъ, тогда какъ въ Англіи директоръ пріюта, не надѣясь на исправленіе мальчика, можетъ всегда просить о перемѣщеніи его въ тюрьму и, слѣд., превратить побѣги. Всѣ бѣжавшіе изъ московскаго пріюта были не менѣе 16-ти лѣтъ отъ роду, а у одного изъ нихъ, — хотя въ судебномъ приговорѣ значилось ему только 17 лѣтъ — выросла порядочная борода и усы. Вообще на показанія числа лѣтъ въ приговорахъ мировыхъ судей полагаться нельзя, такъ какъ при этомъ справокъ съ метрическими свидѣтельствами не дѣлается. Для взрослыхъ мальчиковъ одиночное мѣсячное заключеніе нисколько не страшно; они готовы перенести его за недѣлю или за двѣ любезной для нихъ бродячей жизни. Въ 1868-мъ году поступилъ въ пріютъ одинъ мальчикъ, по приговору мирового судьи; черезъ мѣсяцъ онъ бѣжалъ; прошатавшись недѣли двѣ, онъ обратился къ мировому судьѣ съ витіеватою просьбою, въ которой говорилось, что онъ «отдается въ руки правосудія» и что онъ ушелъ изъ пріюта вслѣдствіе нестерпимыхъ жестокостей. При этомъ оказалось, что онъ совершилъ новую кражу и сочинилъ всю небылицу для того, чтобъ отвести отъ себя подозрѣніе. На вопросъ мирового судьи мальчикъ отвѣчалъ, что онъ ни разу не былъ наказанъ въ пріютѣ,

но что желалъ бы вновь поступить туда. Мировой судья приговорилъ мальчика за кражу и побѣгъ къ заключенію въ пріютъ до 18-ти-лѣтняго возраста. Прошелъ еще мѣсяцъ, — мальчикъ снова бѣжалъ и въ этотъ разъ совершилъ воровство уже на сумму свыше 300 рублей.

Вообще исправленіе тѣмъ легче и успѣшнѣе, чѣмъ моложе мальчикъ. Въ московскій пріютъ было отдано двое дѣтей 6-ти и 7-ми лѣтъ отъ роду — конечно, приблизительно; черезъ мѣсяцъ или два они совершенно переродились, забыли ту грязную среду разврата, въ которой выросли и легко подчинялись новому порядку жизни. Напротивъ взрослые, особенно, если они бродяги или члены воровского общества, обитатели Хитрова рынка, не легко разстаются съ своими старыми привычками; въ пріютѣ имъ душно, невыносимо, ихъ тянетъ на промыселъ, доставляющій хорошую и довольно вѣрную прибыль. Чтобы переломить подобныхъ мальчиковъ, нужно много времени, — а его остается часто не болѣе полугода.

Поэтому мнѣ кажется, что у насъ положенный срокъ содержанія въ пріютѣ, т.-е. 18-тилѣтній возрастъ слишкомъ великъ. Въ Англіи, по закону 1866-го года, этотъ срокъ сокращенъ до 16-ти лѣтъ. Бездомные промышленники, подвергающіеся постоянно риску и обязанные быть всегда на сторожѣ, развиваются очень рано; въ 17 лѣтъ у нихъ образуются уже далеко не дѣтскіе вкусы и трудно повѣрить, чтобъ они воровали «безъ разумѣнія». Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы предоставить пріютамъ право, послѣ испытанія, просить о помѣщеніи безнадежныхъ къ исправленію въ тюрьмы, какъ это дѣлается въ Англіи. Слишкомъ неодинаковый составъ содержащихся въ пріютѣ затрудняетъ принятіе общихъ мѣръ исправленія.

Бѣглые изъ московскаго исправительнаго пріюта доставили уже двухъ рецидивовъ, и я опасаюсь, что число ихъ увеличится, такъ какъ бѣжавшіе поставлены почти въ необходимость совершить новое воровство. Въ Англіи съ 1863-го по 1866-й годъ общее число рецидивовъ изъ содержавшихся въ Reformatories было 21% для мальчиковъ и 34% для дѣвочекъ; въ нѣкоторыхъ школахъ процентъ рецидивовъ доходилъ до 50. Насколько трудно исправленіе мальчиковъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: всего поступило въ 1866-мъ году 1,312; изъ нихъ по второму приговору 420, по третьему 177, по четвертому 57, по пятому и болѣе 35; остается, слѣд., поступившихъ въ первый разъ только 623, т.-е. менѣе половины (10-th Report, 16, 116). Во Франціи въ 1860-мъ году рецидивы составляли $49^1/_2$ процентовъ, и хотя

обыкновенно показывается только 4 процента рецидивовъ въ Меттрэ и даже $2^1/_2\%$ въ Вальгоке (Montlobre), однако эти цифры не выражаютъ собою настоящаго положенія дѣла. Французскія колоніи покаянія, какъ мы видѣли, соотвѣтствуютъ условному освобожденію, и притомъ ненадежныхъ онѣ имѣютъ право переводить въ исправительныя колоніи. По сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ при осмотрѣ Petite Roquette, количество рецидивовъ въ этой тюрьмѣ доходитъ до 70-ти процентовъ. Я припоминаю слова достопочтеннаго Вихерна при свиданіи съ нимъ въ 1869-мъ году: «каждый пріютъ долженъ считать себя счастливымъ, если въ десять лѣтъ существованія дойдетъ до 10% рецидивовъ». Въ Rauhes Haus въ первые 12 лѣтъ послѣ его основанія было 16%, во вторые 12 лѣтъ 7, 3% мальчиковъ и дѣвочекъ дурного поведенія изъ оставившихъ заведеніе; но при этомъ было 9% безъ вѣсти пропавшихъ и изъ 604-хъ 38 бѣжавшихъ. Въ другихъ нѣмецкихъ пріютахъ процентъ рецидивовъ доходитъ до 19 (Отчетъ д-ра Вихерна за 1867-й годъ, стр. 30).

Пріюту неизвѣстны семейства, къ которымъ принадлежать содержавшіеся въ немъ. Мы знаемъ только ихъ сословное различіе, а именно, въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ изъ 97-ми, поступившихъ въ пріютъ, было дворянъ и дѣтей чиновниковъ 10, купеческій сынъ 1, мѣщанъ 22, солдатскихъ дѣтей 10, питомцевъ Воспит. Дома 3, крестьянъ 46, бродягъ 2, неизвѣстнаго званія 3. О степени зажиточности родителей этихъ мальчиковъ мы не имѣемъ свѣдѣній и потому не можемъ судить, насколько бѣдность была причиною проступковъ, но вообще зажиточныхъ было очень немного. За то сравнительно было также немного неимѣвшихъ опредѣленнаго положенія или занятія (во Франціи въ 1864-мъ году таковыхъ оказалось 5,122 на общее число 7,806); почти всѣ жили у мастеровъ или у родителей.

Проступки, за которые состоялись судебные приговоры надъ малолѣтными, помѣщенными въ пріютъ, были слѣдующіе: участіе въ грабежѣ 1, поджогѣ 1, кража со взломомъ 2 случая, воровство 50 случаевъ, участіе въ кражѣ 3, покушеніе на кражу 1, укрывательство похищенныхъ вещей 1, растрата чужого имущества 3, прошеніе милостыни 2; сверхъ того состоялось 2 приговора надъ бродягами, и въ одномъ приговорѣ проступокъ не указанъ. Пять приговоровъ постановлены окружнымъ судомъ, 3 мировымъ съѣздомъ, остальные мировыми судьями.

Такимъ образомъ, воровство занимаетъ самое видное мѣсто въ ряду проступковъ, совершенныхъ малолѣтными. Въ большей части случаевъ цѣна украденнаго была незначительна и самое

воровство совершено не изъ крайности, а изъ желанія потратить деньги на забавы и даже на пьянство. Замѣчательно, что въ самомъ пріютѣ воровство представляетъ явленіе очень рѣдкое; случаи его совпадаютъ только съ побѣгами. Сберегать украденное не въ натурѣ мальчика; онъ крадетъ для удовлетворенія минутной прихоти, но *всегда сознательно*, кромѣ развѣ случаевъ воровства у родителей. Вотъ почему не только въ пріютѣ, но и у мастеровъ укравшій тотчасъ старается скрыться: онъ понимаетъ, что совершилъ недозволенное и что его ожидаетъ наказаніе. Чувство уваженія къ чужой собственности развито чрезвычайно мало, и мнѣ кажется, что оно проявляется только тогда, когда мальчикъ пріобрѣтаетъ свою собственность цѣною труда.

Завладѣть чужимъ, даже отнять у слабаго считается удальствомъ. Можетъ быть этимъ отчасти объясняется необычайно развитая между мальчиками страсть къ игрѣ. Обыкновенныя игры, въ которыхъ можно отличиться ловкостью и искусствомъ, не представляютъ для нихъ интереса; ихъ тянетъ къ выигрышу или проигрышу. Всякую игру они стараются сдѣлать средствомъ получить что-нибудь; даже передвижныя буквы азбуки, наклеенныя на картонѣ, они пытаются превратить въ карты, давая имъ значеніе старшинства въ алфавитномъ порядкѣ. Пари также въ большомъ ходу. Удача и неудача, зависящая отъ случая, вообще играетъ большую роль въ воззрѣніяхъ мальчика на жизнь; по ихъ понятію, если человѣку «повезетъ», то онъ можетъ сидѣть сложа руки и все получитъ; въ противномъ случаѣ какъ ни бейся, сколько ни трудись — ничего не выйдетъ. Чтò случилось съ Иванушкой-дурачкомъ, то непреложно; вѣрить въ свои силы нельзя, а нужно постоянно пытать счастье. Мальчики были бы готовы брать лоттерейные билеты во имя той же вѣры въ свою судьбу.

Къ той же категоріи недостатковъ относятся предразсудки, вѣра въ примѣты и т. п. При слабомъ сознаніи личности, мальчики убѣждены, что ими управляютъ какія-то невѣдомыя силы. Понятіе о томъ, что съ чортомъ можно вступить въ договоръ, случалось мнѣ слышать не разъ. Нравственной силы, стойкости, чувства долга, даже здравыхъ религіозныхъ понятій почти нѣтъ и слѣда. Мальчикъ увѣренъ, что онъ провинился не отъ себя, а потому, что всталъ лѣвой ногой, или потому, что у него звенѣло въ лѣвомъ ухѣ. Нелегкій попуталъ или обошелъ—таково почти всегда объясненіе проступка.

Но прежде, чѣмъ дойти даже до такого объясненія, маль-

чикъ лжетъ самымъ безстыднымъ образомъ. Обманъ считается между ними почти геройствомъ, хотя бы онъ не вызывался чувствомъ страха; «надуть» другаго значитъ показать свою удаль. Самыя явныя улики не останавливаютъ, а лишь вызываютъ ложь еще болѣе отчаянную. Мальчикъ рѣдко сдается,—онъ защищается до послѣдней крайности, хотя бы и не имѣлъ надежды на успѣхъ; онъ знаетъ, что въ своей лжи онъ найдетъ поддержку въ товарищахъ, которые его ни за что не выдадутъ

Вотъ въ общихъ чертахъ та нравственная почва, на которой приходится дѣйствовать пріюту. Пусть тѣ, которые отдаютъ малолѣтныхъ въ пріютъ, зададутъ себѣ вопросъ: неужели можно переработать все дурное, накоплявшееся нѣсколько лѣтъ, въ двѣ три недѣли? Нужно много времени для того, чтобы измѣнить весь нравственный строй мальчика, поднять его и укрѣпить въ немъ сознаніе о значеніи человѣка, чувство долга и чести. Пусть и тѣ, которые произносятъ свой приговоръ о пріютѣ, вспомнятъ, съ какими трудностями приходится бороться въ дѣлѣ исправленія: едва вы успѣли побѣдить одинъ порокъ, какъ за нимъ выступаетъ другой, третій; вы видите передъ собою нравственную болѣзнь, пустившую глубокіе корни, заразившую весь организмъ. Припомнивъ всю эту трудную работу перевоспитанія, мы будемъ снисходительнѣе относиться къ пріютамъ и удовлетворимся даже скромными результатами ихъ дѣятельности.

М. Капустинъ.

БУНТЪ КИРГИЗСКАГО СУЛТАНА

КЕНИСАРЫ КАСИМОВА

(1843—1847 гг.).

I.

Осенняя экспедиція 1843-го года, ея послѣдствія.—Безпорядки первой половины 1844-го года.—Интриги Кенисары и преданіе суду В. С. Лебедева.—Назначеніе на его мѣсто полковника Дуниковскаго.

Изученіе нашей политики на Востокѣ и нашихъ отношеній къ кочующимъ племенамъ Средней Азіи, какъ велась первая и какъ слагались послѣднія въ весьма недавнемъ прошедшемъ, представляетъ много поучительнаго въ настоящемъ и для ближайшаго будущаго. Мы уже имѣли случай [1]) познакомиться съ событіями Оренбургскаго края въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, главнѣйшимъ героемъ которыхъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ киргизскихъ султановъ того времени Кенисара Касимовъ,—этотъ киргизскій Шамиль. Никто, какъ онъ, не умѣлъ эксплуатировать простодушіе и патріархальность нашей мѣстной администраціи и пользоваться ея ошибками, источникомъ которыхъ всегда являлась одна и таже причина: отсутствіе всякихъ заботъ объ изученіи завоеваннаго края и величайшая самоувѣренность, которая могла равняться одному нашему невѣдѣнію силъ противника и его средствъ.

Еще въ іюнѣ 1843-го года Кенисара задумалъ поднять всѣхъ

---

[1]) См. выше: авг., 541 стр., и сент., 60 стр. 1870 г.

киргизовъ; мѣсяцъ прошелъ прежде, нежели въ Оренбургѣ окончательно убѣдились въ необходимости энергическаго дѣйствія; но и затѣмъ оренбургскому генералъ-губернатору предстояло списаться съ Петербургомъ и просить денегъ у правительства чрезъ канцлера Нессельроде, какъ для открытія военныхъ дѣйствій, такъ и для объявленія цѣны за голову Кенисары, сверхъ того, 3,000 рублей. Между тѣмъ, положеніе нашего врага Кенисары было несравненно выгоднѣе: разграбивъ мирные аулы тлявскихъ киргизовъ, кочевавшихъ по рѣкѣ Уилу, онъ обратился съ прокламаціей къ біямъ Назаровскаго отдѣла, призывая ихъ покориться ему и признать его своимъ ханомъ:

«Богъ всемогущъ и вѣченъ—такъ начинаетъ прокламація Кенисары назаровскимъ біямъ;—по волѣ Всевышняго, на васъ легла кровь нашихъ людей. Раскайтесь въ этомъ ужасномъ дѣлѣ, признайте меня ханомъ, будьте моими,—я хочу сблизиться съ вами; вы не побоялись Бога, ратуя противъ меня, не почли покойниковъ. Ваши проступки наказали тлявцевъ. Ежели раскаетесь въ дѣлахъ вашихъ, то пусть лучшіе изъ васъ прибудутъ ко мнѣ. Я буду многомилостивъ къ вамъ. Если же не явитесь, то я, проживъ въ ожиданіи васъ тридцать лѣтъ, тридцать же лѣтъ буду карать васъ!

«Надѣюсь на Бога.

«Посылаю къ вамъ слугу своего Бавбука, вѣрьте словамъ его. Султанъ Кенисара печать приложилъ».

Это воззваніе произвело свое дѣйствіе; назаровцы рѣшили послать лучшихъ людей съ изъявленіемъ совершенной покорности ихъ хану, но, въ тоже время, какъ-бы въ оправданіе себя предъ оренбургскимъ начальствомъ, они, чрезъ султана-правителя, представили въ пограничную коммиссію одинъ экземпляръ обращеннаго къ нимъ воззванія хана Кенисары.

Назаровцы поняли, что обстоятельства ставили ихъ между двухъ огней: съ одной стороны ихъ ожидало наказаніе русскихъ, а съ другой—безпощадный гнѣвъ и варварская месть грознаго хана Кенисары. Понятное дѣло, что изъ двухъ золъ они выбрали меньшее, т.-е. признали свою зависимость отъ Кенисары, разсчитывая, что русскія власти, отличаясь всегда гуманностью въ прежнее время, и на этотъ разъ будутъ къ нимъ снисходительны, въ виду вынужденной ихъ покорности Кенисарѣ и тѣхъ услугъ, которыя, въ бывшіе поиски противъ мятежнаго султана, были оказаны ими русскимъ отрядамъ, дѣйствовавшимъ въ степи. Ослушаніе же приказаніямъ грознаго и сильнаго хана неминуемо бы влекло за собою полное и конечное разореніе безъ всякой пощады!..

Признаніе Кенисары ханомъ однимъ изъ послѣднихъ, еще независимыхъ отъ него отдѣленій оренбургскихъ киргизовъ, придало мятежному султану еще болѣе дерзости въ его замыслахъ. Ему пришла мысль вновь подчинить своей власти тѣ изъ родовъ сибирскихъ кайсаковъ, которые, незадолго до прикочеванія къ оренбургской линіи, отложились отъ него. Сознавая свою мощь, мятежникъ, надменно, писалъ къ сибирскимъ киргизамъ повелѣніе—немедленно признать его своимъ ханомъ и принять участіе въ общемъ дѣлѣ: освобожденія киргизскаго народа отъ русской власти.

Посланіе это было адресовано на имя султана Кучакова, отца Кулдокана, который былъ освобожденъ изъ плѣна по ходатайству Кенисары, но въ 1843-мъ г. вмѣстѣ съ отцомъ, завидуя успѣхамъ Кенисары, отложился отъ него.

Въ тоже время, Кенисара подкрѣплялъ свои посланія силою оружія, производя набѣги на всѣ роды киргизовъ оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ, которые упорно отказывались признать его своимъ ханомъ и платить ханскіе налоги съ муки, барановъ и капитала. Когда въ Оренбургѣ еще испрашивали и ожидали разрѣшенія: какія мѣры принять противъ мятежнаго султана,—послѣдній, не стѣсняясь, дѣйствовалъ изустно и письменно и оружіемъ.

Такъ, въ іюлѣ 1843 года, приверженцы Кенисары угнали у біевъ Джагалбайлинскаго рода Балышева отдѣленія, Сутьимгенева и Бикъ Кутенева съ прочими, 790 лошадей. Дѣла въ степи становились, съ каждымъ днемъ, все опаснѣе и опаснѣе; 32 рода киргизовъ (Оренб. вѣдом.)—одни добровольно, увлекаясь богатырствомъ Кенисары, другіе изъ страха его гнѣва, но всѣ болѣе или менѣе признавали Касимова своимъ ханомъ (чему много способствовало, мимоходомъ замѣтимъ, и происхожденіе Кенисары отъ Аблай-хана), платили ему зякетъ и служили въ его войскахъ. Оренбургское начальство не знало, что̀ предпринять, а изъ Петербурга отвѣта еще не было. Въ сороковыхъ годахъ сообщеніе съ Оренбургскимъ краемъ, какъ вообще, производилось въ экстренныхъ случаяхъ черезъ курьеровъ;—вслѣдствіе чего, оренбургской администраціи приходилось ждать отъ двухъ до трехъ недѣль просимаго разрѣшенія, а иногда и болѣе, такъ что энергичный и дѣятельный Кенисара, въ такой значительный періодъ времени, всегда успѣвалъ новыми набѣгами или политическою перепискою съ Обручевымъ, заставить послѣдняго отмѣнять свои первыя распоряженія и входить съ новыми представленіями къ министрамъ иностранныхъ дѣлъ и военному, испрашивая указаній: какъ «въ данномъ случаѣ» поступить съ безпокойнымъ султаномъ?

Но генералъ Обручевъ своимъ донесеніемъ поставилъ канцлера въ самое затруднительное положеніе предъ императоромъ, такъ какъ графъ Нессельроде, основываясь на прежнемъ донесеніи генерала Обручева, *утромъ* того же дня всеподданнѣйше докладывалъ, что оренбургскій военный губернаторъ говоритъ о совершенной и безусловной покорности Кенисары, а *вечеромъ*—что «опасный мятежникъ угрожаетъ не только степи оренбургскихъ кайсаковъ, но даже и линіи», и что для пресѣченія его замысловъ нужно принятіе мѣръ «военныхъ и скорыхъ» и 14 т. руб. на поискъ. Два противорѣчащія представленія Обручева были получены канцлеромъ въ одинъ день—одно утромъ, другое вечеромъ.

Все это сбивало съ толку графа Нессельроде, который медлилъ иногда отвѣтомъ, ожидая: не получитъ ли онъ изъ Оренбурга болѣе спокойнаго и разъясняющаго донесенія; но надежды его не сбывались. Канцлеръ медлилъ, Обручевъ недоумѣвалъ, а Кенисара дѣйствовалъ съ успѣхомъ; почти вся Оренбургская степь, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, отложилась отъ Россіи и признала своимъ ханомъ султана Кенисару. Такому политику, какимъ былъ генералъ Обручевъ, исключительно посвящавшій всѣ свои помыслы и свободное время парадамъ и разводамъ съ церемоніей, некогда было додуматься, въ виду безпрерывно измѣнявшагося хода дѣла въ степи, что необходимо испросить себѣ полномочіе: дѣйствовать противъ Кенисары соображаясь съ обстоятельствами.

Отсюда ясна та трудность и продолжительность борьбы съ Кенисарой, которая приводила оренбургское начальство въ бѣшенство и отчаяніе и къ мѣрамъ и мечтамъ одна другой смѣшнѣе, одна другой нелѣпѣе. Когда Кенисара, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, безпрерывно переходилъ отъ явнаго мятежа къ мнимой покорности, генералъ Обручевъ терялся, становился въ тупикъ и гналъ въ Петербургъ курьера за курьеромъ, съ вѣчнымъ вопросомъ: что дѣлать? Разумѣется, что до разрѣшенія этого рокового вопроса военныя дѣйствія прекращались, и отряды или отзывались изъ степи на линію, или получали приказаніе, *не трогаясь съ мѣста* наблюдать за Кенисарою. Конечно, Кенисара, пользуясь перемиріемъ, снимался съ позиціи, и въ виду русскаго *наблюдательнаго* отряда уходилъ отъ него на другое невидимое мѣсто, гдѣ уже, разумѣется, оставшійся на прежней позиціи отрядъ нашъ не могъ никакъ слѣдить за Касимовымъ, теряя всякій смыслъ наблюдательнаго поста!..

Такъ въ Оренбургѣ ждали съ нетерпѣніемъ утвержденія канцлеромъ и военнымъ министерствомъ плана и необходимыхъ

расходовъ экспедиціи въ степь, которая должна была выступить перваго августа; но желаемаго разрѣшенія не было еще и въ концѣ іюля, ибо въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца въ Оренбургѣ былъ полученъ отвѣтъ канцлера лишь на пресловутое представленіе Обручева о прибытіи Кенисары въ Оренбургъ. Графъ Нессельроде высказалъ сомнѣніе на счетъ прибытія Кенисары въ Оренбургъ, или на линію, для переговоровъ съ генераломъ Генсомъ; но еслибы. сверхъ всякаго чаянія, продолжалъ онъ, мятежный султанъ дѣйствительно прибылъ въ Оренбургъ, то онъ просилъ, не принимая противъ Кенисары никакихъ мѣръ, тотчасъ-же — для полученія приказаній — довести о томъ до высочайшаго свѣдѣнія!

Только 3-го августа было получено въ Оренбургѣ письмо государственнаго канцлера, извѣщавшее о томъ, что императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ возобновить военныя дѣйствія противъ Кенисары, съ отнесеніемъ потребнаго для экспедиціи расхода на кибиточный сборъ; относительно же купли головы Кенисары графъ Нессельроде присовокупилъ: «особенныя мѣры, о которыхъ вы писали въ вашемъ ко мнѣ письмѣ, также одобряются и вы можете, въ случаѣ надобности, позаимствовать потребныя деньги изъ того же источника», т.-е. изъ кибиточнаго сбора.

Въ концѣ августа, отрядъ въ 1,800 человѣкъ, при четырехъ орудіяхъ, подъ главнымъ начальствомъ полковника Безянова, выступилъ, какъ предназначалось, съ двухъ пунктовъ, къ горѣ Айрюкъ (въ Мугоджерахъ) для дѣйствій противъ Кенисары. На пути слѣдованія къ экспедиціи присоединились султаны-правители восточной и западной частей, съ преданными имъ киргизами и находящимися въ ихъ распоряженіи казачьими отрядами; съ сибирской линіи также былъ двинутъ вспомогательный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Кривоногова, человѣка, понимавшаго характеръ степной войны, и вообще говоря, талантливаго.

Отрядъ, выступившій изъ Орской крѣпости, за болѣзнью начальника, В. С. Лебедева, былъ ввѣренъ полковнику Дуниковскому, человѣку безпечному, неумѣлому и вмѣстѣ съ тѣмъ самонадѣянному до-нельзя. Такая замѣна ловкаго и отлично понимавшаго характеръ войны съ Кенисарою, В. С. Лебедева человѣкомъ малоспособнымъ, не предвѣщала хорошаго исхода открывшейся экспедиціи. Отряды наши двигались крайне медленно; блудили въ степи, по необходимости часто измѣняя маршрутъ — попадали не туда, куда нужно; но, наконецъ, кое-какъ соединились для совокупныхъ дѣйствій противъ мятежника. Было

сдѣлано нѣсколько поисковъ къ кочевкамъ Кенисары, но они не принесли желаемыхъ результатовъ; было, правда, отбито много скота, впослѣдствіи проданнаго въ Орской крѣпости, для вознагражденія изъ вырученной суммы пострадавшихъ отъ шаекъ Кенисары ордынцевъ, но самого султана захватить не могли.

Кенисара заставлялъ наши отряды гоняться за собою безъ устали, такъ что довелъ до полнаго изнуренія не только лошадей, бывшихъ въ обозѣ, но и подъ всадниками; завязавши, напр., перестрѣлку, онъ вдругъ снимался и начиналъ отступать, забирая съ собою все, чтó было для него необходимымъ. Казаки, будучи на изнуренныхъ лошадяхъ и въ пескахъ степи, не могли его преслѣдовать, а киргизы, бывшіе при султанахъ-правителяхъ, втайнѣ сочувствуя Кенисарѣ,—тоже не отличались ретивостью въ преслѣдованіи мятежныхъ скопищъ, отговариваясь изнуренностью лошадей. Къ этому надо прибавить, что ранняя, холодная и дождливая осень также благопріятствовала Кенисарѣ, и еще больше вредила и препятствовала нашимъ поискамъ. Въ половинѣ октября, т.-е. пробывши въ степи только $1^1/_2$ мѣсяца, отрядные начальники доносили въ Оренбургъ, что въ виду крайняго изнуренія людей и лошадей, а также и дурной погоды, поиски долѣе не могли продолжаться въ степи съ желаемымъ успѣхомъ, а потому просили позволенія отступить къ линіи. Совершенно въ томъ же духѣ получились пограничною коммиссіею донесенія султановъ-правителей.

Въ силу этихъ заявленій, отряды были отозваны изъ степи, и въ Оренбургѣ признали необходимымъ прекратить военныя дѣйствія до весны будущаго 1844-го года. А чтобы придать болѣе успѣха въ глазахъ ордынцевъ дѣйствію нашихъ отрядовъ въ степи, разосланы были черезъ султановъ-правителей, для распространенія между киргизами, объявленія, заключавшія въ себѣ описаніе какихъ-то будто бы блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ войсками оренбургскаго корпуса надъ Кенисарою, который, по выраженію объявленій, былъ совершенно уничтоженъ и въ безславномъ бѣгствѣ искалъ спасенія.

Далѣе говорилось, что киргизамъ теперь уже нечего бояться мятежнаго султана, и что они могутъ *смѣло*, оставивъ мятежника, «снова возвратиться *подъ власть русскаго правительства*». Но не такъ думали киргизы, знавшіе, что всѣ побѣды оренбургскихъ войскъ ограничивались на этотъ разъ лишь отбитіемъ значительной части скота, и то у приверженцевъ Кенисары.

Счастливѣе оренбургскихъ войскъ дѣйствовалъ начальникъ сибирскаго отряда, полковникъ Кривоноговъ; ему удалось, во время отсутствія Кенисары, напасть на аулы, съ которыми ко-

чевалъ султанъ, разбить ихъ и, послѣ продолжительной битвы, захватить въ плѣнъ двухъ родственниковъ Кенисары, его жену, Куныли-Джапъ и до тридцати дѣвицъ и женщинъ, состоявшихъ въ ея свитѣ.

Таковы послѣдствія осенней экспедиціи 1843-го года.

Вопреки ожиданій оренбургской администраціи, Кенисара не упалъ духомъ послѣ тѣхъ «блистательныхъ» побѣдъ, которыя были одержаны надъ нимъ, по выраженію генерала Обручева, войсками Оренбургскаго края, и въ наступившемъ 1844-мъ году началъ мятежъ еще съ января мѣсяца, тогда какъ прежде безпорядки въ степи возобновлялись лишь съ наступленіемъ весны. Такимъ образомъ мятежный султанъ доказывалъ ордынцамъ *дѣломъ*, а не *словомъ*, что мятежъ не только не усмиренъ, но, напротивъ, не прерывался, и что Кенисара, послѣ нанесенныхъ ему мнимыхъ пораженій, не считалъ себя обезсиленнымъ.

Кочуя съ осени 1843-го года въ окрестностяхъ горъ Улу-Тау и Кичи-Тау, мятежный султанъ въ продолженіи зимы взялъ съ япасцевъ въ закетъ до 2,000 барановъ, 200 верблюдовъ и 200 лошадей; склонилъ перекочевать къ своимъ ауламъ батыря Табынскаго рода, Байкадама Бекъ-Аайдарова, котораго впослѣдствіи, за оказанныя услуги русскимъ отрядамъ, заковалъ и задержалъ при себѣ.

Затѣмъ, изъ ордынцевъ, кочующихъ по Сыръ-Дарьѣ близъ Акъ-мечети и Туркестана, собравши значительныя толпы мятежниковъ, произвелъ въ степи цѣлый рядъ насилій и грабительствъ.

Противъ Кенисары оренбургское начальство вынуждено было снарядить отрядъ изъ 1,600 человѣкъ, подъ командою подполковника Лебедева, отъ котораго предварительно похода были истребованы всѣ нужныя соображенія относительно предстоявшей экспедиціи: въ отношеніи состава отряда, продовольствія его въ походѣ и во время нахожденія въ степи, и, наконецъ, относительно плана, котораго желалъ бы держаться Лебедевъ при дѣйствіяхъ противъ Кенисары.

Лебедевъ, близко знакомый со степью и съ характеромъ степной войны, представилъ весьма дѣльныя соображенія относительно предстоявшаго ему похода. Главные пункты этихъ соображеній заключались въ слѣдующемъ: 1) Находя неудобнымъ дѣйствовать противъ Кенисары совокупными силами большого отряда, обремененнаго большимъ количествомъ грузовъ, Лебедевъ признавалъ за лучшее дѣйствовать противъ мятежниковъ на-легкѣ; для чего предполагалъ отрядъ раздѣлить на три ча-

сти и произвести одновременное нападеніе на аулы Кенисары съ трехъ сторонъ. 2) Для того, чтобы отряды могли двигаться въ степи сколь возможно поспѣшнѣе, такъ какъ быстрота движеній въ войнѣ съ Кенисарою обезпечивала успѣхъ дѣла, Лебедевъ предполагалъ замѣнить верблюдовъ, на которыхъ обыкновенно возился провіантъ,—лошадьми, устроивъ для возки провіанта, по особому рисунку, двухколесныя одноколки, которыя, по мнѣнію Лебедева, могли свободно двигаться по песчанымъ пространствамъ степи, безъ особеннаго изнуренія для лошадей, а во время нечаяннаго нападенія на отрядъ, Лебедевъ предполагалъ устраивать изъ нихъ родъ заваловъ или укрѣпленій, и 3) Отрядъ предполагалось составить изъ двухсотъ линейныхъ казаковъ, *не по очереди*, какъ это всегда дѣлалось, а *по способностямъ*, придать отряду три орудія конной артиллеріи и двѣсти-пятьдесятъ человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ изъ пѣхоты, посаженныхъ на лошадей.

Въ заключеніе Лебедевъ убѣждалъ генерала Обручева, что такой отрядъ можетъ *съ успѣхомъ дѣйствовать* въ степи; не будучи обремененъ верблюдами, онъ получитъ возможность, не растягиваясь во время похода, быть всегда въ совокупности и дѣйствовать на-легкѣ противъ мятежника, преслѣдуя бунтовщиковъ по пятамъ.

Генералъ Обручевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Лебедева, нашелъ однакожъ нужнымъ усилить этотъ отрядъ до 1,600 человѣкъ.

Раннею весною отрядъ выступилъ въ степь, но прежде, чѣмъ онъ могъ настигнуть мятежнаго султана, Кенисара произвелъ нѣсколько опустошительныхъ набѣговъ. Въ этотъ разъ особенно дѣятельное участіе оказывалъ Кенисарѣ тотъ самый Байкадамовъ, который въ началѣ бунта дѣйствовалъ заодно съ русскими отрядами, а теперь, устрашенный Кенисарою, перешелъ на его сторону. Между тѣмъ Лебедевъ быстро двигался по направленію къ auламъ Кенисары, собирая дорогою всѣ нужныя ему свѣдѣнія; для чего онъ употреблялъ довольно оригинальный пріемъ, который, впрочемъ, нравился ордынцамъ. Обыкновенно Лебедевъ старался имѣть, по возможности, хорошихъ агентовъ изъ среды тѣхъ киргизовъ, которые когда-либо Кенисарою или кѣмъ-нибудь изъ его приверженцевъ были оскорблены и считали своею обязанностью мстить оскорбителямъ. Такіе агенты давали Лебедеву возможность, во-первыхъ, знать въ точности о силахъ Кенисары, о всѣхъ сочувствовавшихъ ему киргизскихъ родахъ и о мѣстахъ его кочевокъ; а во-вторыхъ, съ помощью этихъ же агентовъ, онъ могъ повѣрять, насколько были вѣрны

тѣ свѣдѣнія, которыя, за разныя почести и золото, доставляли русскому правительству мнимо-преданные Россіи ордынцы. По разсказамъ очевидцевъ, Лебедевъ приглашалъ къ себѣ въ кибитку тѣхъ изъ почетныхъ киргизовъ, на которыхъ указывало ему оренбургское начальство, какъ на преданныхъ Россіи, и, угощая чаемъ, разспрашивалъ ихъ, гдѣ находится Кенисара и много ли при немъ вооруженныхъ людей. Получавши отъ этихъ біевъ чаще всего совершенно ложныя свѣдѣнія, Лебедевъ, замѣчая ихъ ложь и коварность, поднимался съ своего мѣста, бралъ нагайку и собственноручно колотилъ солгавшаго, приговаривая при этомъ, гдѣ находится Кенисара и какими силами онъ располагаетъ; а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ чаепитіе и разговоры со своими гостями. Такое обращеніе русскаго военачальника чрезвычайно какъ нравилось нашимъ степнякамъ, совпадая съ ихъ міровоззрѣніемъ, такъ что Лебедевъ вскорѣ пріобрѣлъ популярность между ордынцами, какъ лихой батырь и славный малый. Уваженіе и удивленіе къ Лебедеву возрасло еще болѣе, когда киргизы увидали, какъ онъ мастерски гонялся за лихимъ кайсацкимъ партизаномъ, настигая его всюду, несмотря на превосходство силъ Кенисары и на ловкость его увертокъ. Случалось такъ, что когда Лебедевъ, получивши извѣстіе, гдѣ находится Кенисара, на разсвѣтѣ снимался съ позиціи и двигался къ ставкѣ мятежника-султана, Кенисара, дѣлая полукругъ, переходилъ окольными, неизвѣстными Лебедеву дорогами на мѣсто ночевки русскаго отряда. Но разъ познакомившись съ этимъ маневромъ, Лебедевъ никогда уже не упускалъ его изъ виду, и часто идя впередъ, по дорогѣ къ ауламъ Кенисары, онъ вдругъ возвращался назадъ или въ пути перемѣнялъ направленіе въ стороны и лицомъ къ лицу встрѣчался съ мятежникомъ. Кенисара сразу оцѣнилъ и понялъ русскаго военачальника, увидѣвши въ немъ не только опаснаго преслѣдователя, но даже и соперника по батырству. Поэтому онъ напрягалъ всѣ силы своего изворотливаго ума, чтобы избавиться отъ Лебедева, осторожность котораго лишила его возможности уничтожить русскій отрядъ нечаяннымъ нападеніемъ, а между тѣмъ послѣднія неудачи султана уменьшили его обаяніе между ордынцами, изъ которыхъ многіе увлекались искренно ловкостью и безкорыстіемъ русскаго начальника, такъ успѣшно дѣйствовавшаго противъ «непобѣдимаго отца величія»!

10-го іюня, по наущенію Кенисары, киргизы, преданные Байкадаму, въ числѣ 30-ти человѣкъ напали, близъ озера Ургачи, на посланныхъ Лебедевымъ двухъ киргизовъ съ почтою въ укрѣпленіе Николаевское, причемъ захватили конверты и одного кир-

гиза, а другой успѣлъ ускакать къ Лебедеву и донести ему о случившемся. Затѣмъ, въ ночь на 12-е іюня, тотъ же Байкадамъ, предводительствуя шайкою хищниковъ, отогналъ у киргизовъ аргынскаго рода 250 лошадей.

Такая двуличность Байкадама, игравшаго роль преданнаго русскому правительству киргиза, внушила Лебедеву мысль, для острастки ему подобныхъ, наказать его. Настигнувъ старшину Байкадама, русскій отрядъ разбилъ его на голову, захватилъ все его имущество и множество плѣнныхъ и скота; одинъ Байкадамъ успѣлъ скрыться. Отбитое имущество и скотъ были раздѣлены Лебедевымъ между пострадавшими отъ мятежныхъ шаекъ ордынцами, а оставшіяся за раздѣломъ лошади подарены были тѣмъ казакамъ, которые лишились подручныхъ лошадей въ поискахъ за Кенисарою.

13-го іюня, самъ Кенисара, предводительствуя скопищемъ до 700 человѣкъ, неожиданно разбилъ на рѣкѣ Аятѣ, близъ урочища Кара-Уба, 68 ауловъ киргизовъ кинчасскаго и япасскаго родовъ, въ томъ числѣ бія Алтыбашева отдѣленія Ямбурчина, многихъ другихъ кочевавшихъ тутъ біевъ, и дистаночнаго начальника Мурзабая Тычкайбаева, захватилъ у нихъ 2,998 лошадей, 854 верблюда, 102 головы рогатаго скота, 1,056 барановъ и ограбилъ 381 кибитку съ имуществомъ на сумму въ 153,320 руб. При этомъ убитъ одинъ киргизъ, нѣсколько человѣкъ ранено и трое увлечены въ плѣнъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій, когда Лебедевъ собирался открыть и наказать Кенисару, онъ былъ неожиданно лишенъ командованія отрядомъ и отозванъ въ Оренбургъ, гдѣ вскорѣ былъ преданъ суду, якобы за воровство и хищничество въ аулахъ мирныхъ киргизовъ.

Необъяснимая для Лебедева немилость къ нему оренбургскаго военнаго губернатора, стала для него ясною только по прибытіи въ Оренбургъ. Здѣсь, говоритъ преданіе, генералъ Обручевъ сказалъ отозванному и оскорбленному начальнику отряда: что его корыстное поведеніе въ степи, вопреки указаніямъ государственнаго канцлера, вынудило почтеннаго администратора отозвать Лебедева и предать его суду за *разграбленіе* ауловъ, столь *полезнаго* и такъ *преданнаго* русскому правительству старшины Байкадама, которому онъ велѣлъ уже возвратить все расхищенное русскимъ отрядомъ имущество. Говорятъ, что Лебедевъ отвѣчалъ на новыя и незаслуженныя оскорбленія генерала Обручева, что время и судъ оправдаютъ его поступокъ съ Байкадамомъ, который есть рьяный сподвижникъ Кенисары, а не слуга русскаго государя.

Мѣсто Лебедева въ отрядѣ занялъ безталанный Дуниковскій.

II.

Продолженіе безпорядковъ 1844 г. — Дѣйствія полковника Дуниковскаго противъ Кенисары. — Нападеніе мятежника на отрядъ 20-го іюля. — Набѣгъ Касимова на Екатерининскую станицу, захватъ плѣнныхъ и сожженіе Елизаветинскаго форпоста. — Осенніе безпорядки въ степи. — Донесеніе султана Кенисары предсѣдателю пограничной коммиссіи о причинахъ набѣга на станицу Екатерининскую.

Полковникъ Дуниковскій, какъ (въ большинствѣ случаевъ) всякій новый начальникъ, не желая слѣдовать примѣру или плану Лебедева, хотѣлъ дѣйствовать въ степи *по своему*; онъ, разумѣется, тотчасъ началъ устранять важныя, по его мнѣнію, несовершенства его предшественника. Преобразованія въ отрядѣ начались тѣмъ, что одноколки, изобрѣтенныя Лебедевымъ для ускоренія движеній отряда, признаны были Дуниковскимъ неудобными и замѣнены, по завѣщанію рутины, верблюдами. Подобная замѣна сразу замедлила движеніе отряда и растянула его весьма значительно. Затѣмъ агенты лебедевскіе были частію устранены, а частію устранились сами, видя излишнюю щекотливость и требовательность новаго русскаго военно-начальника. Дуниковскій рѣшилъ, что, такъ-называемые, преданные русскому начальству почетные біи и киргизы будутъ ему полезнѣе бывшихъ лебедевскихъ агентовъ. По его требованію, къ нему въ отрядъ было назначено значительное число султановъ, султанскихъ дѣтей, біевъ и другихъ почетныхъ ордынскихъ людей. Дуниковскій изобрѣлъ иной планъ дѣйствій въ степи, чѣмъ тотъ, котораго держался Лебедевъ. Тогда, какъ по мнѣнію Лебедева успѣхъ въ степи русскихъ отрядовъ обусловливался быстротою передвиженій и внезапнымъ нападеніемъ на аулы мятежныхъ киргизовъ, новый начальникъ думалъ напротивъ, что сгруппированный отрядъ можетъ сдѣлать въ степи больше, чѣмъ мелкіе отряды, дѣйствующіе врознь, и потому стянулъ всѣ силы подъ личное начальство; затѣмъ, ему вообразилось составить авангардъ своего отряда изъ находившихся при немъ султановъ и почетныхъ ордынцевъ, который долженъ былъ слѣдовать впереди отряда, въ $1^1/_2$ верстахъ, и, вліятельностью личностей, его составлявшихъ, покорять, безъ кровопролитія, русской власти отложившіеся аулы.

Пока Дуниковскій «налаживался», какъ выражается одинъ изъ современниковъ-очевидцевъ, для дѣйстій противъ Кенисары, бунтъ ожесточался и набѣги продолжались. Такъ, 30-го іюня, на за-

катѣ солнца, хищники изъ шайки брата Кенисары, султана Наурузбая, числомъ до тысячи, захватили на рѣкѣ Тоболѣ, при урочищѣ Тепловскомъ, въ 90 верстахъ отъ крѣпости Усть-Уйской, шесть человѣкъ крестьянъ Челябинскаго уѣзда, прибывшихъ туда для рыболовства. Одному изъ схваченныхъ, во время ночлега хищниковъ, удалось бѣжать и принести извѣстіе на линію объ участи, постигшей его товарищей. Вслѣдъ затѣмъ, ночью съ 2-го на 3-е іюля, шайка воровъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго сообщника Касимова, киргиза Уколы, угнала у бія япасскаго рода Карагузова отдѣленія, Нысака Алтыбаева и другихъ киргизовъ, кочевавшихъ за р. Аятомъ въ окрестностяхъ урочища Алакуль, въ числѣ 140 кибитокъ,—1,849 лошадей; при этомъ тяжело ранено два киргиза. На другой день, т.-е. 3-го іюля, предъ солнечнымъ закатомъ самъ султанъ Наурузбай Касимовъ съ приверженцами бросились на аулы султана Чутая Бахтыгиреева и киргизовъ кирейскаго рода, кочевавшихъ при озерѣ Джарѣ-Кулѣ въ числѣ 193-хъ кибитокъ, и захватили 5,194 лошади, изъ числа же выбѣжавшихъ для обороны хозяевъ убили двухъ киргизовъ, нѣсколькихъ человѣкъ ранили и увлекли въ плѣнъ султана Чутая, котораго, нѣсколько позже, отпустили съ р. Тобола совершенно ограбленнаго.

Какъ ни медленно двигался полковникъ Дуниковскій съ своими султанскимъ авангардомъ и верблюжьимъ арьергардомъ, однакожъ, все-таки, около половины іюля приблизился къ ауламъ Кенисары не болѣе двухъ переходовъ.

Полная безпечность и мнимая покорность встрѣчавшихся на пути ауловъ, еще болѣе укрѣпляли Дуниковскаго въ резонности изобрѣтеннаго имъ способа — покорять непокорныхъ вліяніемъ лицъ, составлявшихъ его авангардъ. Между тѣмъ Кенисара не дремалъ, и собравши отъ мнимо-покорныхъ киргизовъ всѣ нужныя для его соображеній свѣдѣнія о числѣ отряда и личныхъ качествахъ его начальника (къ которымъ прежде всего слѣдуетъ отнести изумительную небрежность, безпечность, самонадѣянность и крайне презрительное отношеніе къ противнику) выжидалъ удобной минуты, чтобы дать ему хорошій урокъ. Минута эта скоро настала. 20-го числа Дуниковскій расположился лагеремъ около вершины Тобола, выставивши, по обыкновенію, чиновный авангардъ въ $1^1/_2$ верстѣ отъ лагеря и, не пославъ разъѣздовъ, не поставивъ пикетовъ, расположился на ночлегъ. Въ ночь, когда весь отрядъ спалъ безпечнымъ сномъ младенца, купно съ мудренымъ Дуниковскимъ, Кенисара напалъ на лагерь, перерѣзалъ всѣхъ султановъ, ихъ дѣтей, біевъ и почетныхъ ордынцевъ

чиновнаго авангарда, и, оставивъ изъ нихъ въ живыхъ только 20 человѣкъ раненыхъ, вернулся въ степь. Когда казаки вооружились, Кенисара уже былъ далеко. Отрядъ, двинутый растерявшимся Дуниковскимъ, имѣлъ въ виду отступавшаго султана только 9 часовъ, а затѣмъ, какъ говорилось въ донесеніи, «по причинѣ утомленія лошадей и всадниковъ опустилъ его изъ виду». Семействамъ султановъ, погибшихъ неповинно или по винѣ Дуниковскаго въ этомъ дѣлѣ, покойный государь даровалъ пожизненныя пособія, какъ бы въ награду за понесенную потерю.

Ошеломленный дерзкою смѣлостью ничтожнаго мятежника, преемникъ Лебедева рѣшительно сталъ въ тупикъ; онъ желалъ загладить свой промахъ конечнымъ истребленіемъ мятежныхъ скопищъ Кенисары, но не зная гдѣ найти его, бросался въ разныя стороны широкой степи, и совершенно безуспѣшно. Въ то время, когда сконфуженный Дуниковскій искалъ Кенисару, удаляясь въ глубь степи, по указанію преданныхъ ему киргизовъ, мятежный султанъ, на оборотъ, приближался къ линіи и 14-го августа напалъ на отрядъ Екатерининскій и форштатъ Елизаветинскій, чтó на новой линіи, выжегъ ихъ и захвативши, по русскому донесенію, болѣе сорока плѣнныхъ, а по сознанію самого Кенисары — до 120 человѣкъ, благополучно отступилъ.

Отсюда опасность переходила къ Наслѣдницкой станицѣ и другимъ пунктамъ новой линіи, жители которой находились въ страхѣ и за свою жизнь и за свое имущество. Полковникъ Данилевскій, получившій извѣстіе о нападеніи Кенисары на Екатерининскую станицу, живо собралъ свой полкъ и выступилъ въ степь для поисковъ за хищниками, но возвратился безъ всякаго успѣха.

Злосчастный же Дуниковскій, соединившись съ сибирскимъ отрядомъ, старался догнать Кенисару около Эмбы, но тоже безуспѣшно; здѣсь, получивши весьма сомнительныя свѣдѣнія, что Кенисара будто бы идетъ къ Аральскому морю, повернулъ свой отрядъ и отступилъ къ Орской крѣпости (что нынѣ городъ), откуда 23-го сентября отрядъ Дуниковскаго былъ распущенъ по домамъ.

Ни одинъ поискъ въ степь не кончился такъ безуспѣшно и такъ неблагопріятно для русскихъ, какъ Дуниковскаго. Погибель султановъ отъ руки мятежнаго Кенисары въ глазахъ русскаго отряда, долженствовавшаго оберегать ихъ жизнь и имущество и оказывать покровительство преданнымъ Россіи киргизамъ, нанесла сильный ударъ русскому авторитету въ глазахъ

мирныхъ ординцевъ и умножила страхъ и уваженіе ихъ къ непобѣдимому хану. Безусловное отступленіе русскаго отряда, конечно, придало еще болѣе дерзости Кенисарѣ, и шайки его продолжали набѣги. Такъ, 19-го августа, приверженные Кенисарѣ киргизы, пріѣхавъ къ кочевавшимъ на рѣкѣ Бараганды, чумексевцамъ, схватили прикащика орскаго купца Адамова, привезли его къ Кенисарѣ и взыскавъ 500 р. въ пошлину отпустили съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ къ боганалинцамъ, перешедшимъ внутрь за новую линію, и сказалъ послѣднимъ, что если только они добровольно не присоединятся къ Кенисарѣ, то будутъ непремѣнно разграблены, такъ какъ ханъ Касимовъ рѣшился, во что бы то ни стало, истребить и выжечь всю новую линію, какъ «безправно построенную на киргизскихъ земляхъ».

Въ ночь на 20-е августа приверженцы Кенисары, до 6-ти тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ батыря Джилы, напали на аулъ бія алчинскаго рода Куватова, отбили всѣхъ лошадей, съѣстные припасы и заставили самихъ алчинцевъ удалиться въ глубь степи, для соединенія съ мятежными шайками. Исполняя это повелѣніе, алчинцы, на пути къ кенисаринскому скопищу, обмолотили и увезли съ собою нажатый киргизами джагалбайлинскаго рода хлѣбъ, а оставшійся на корнѣ выбили и потравили скотомъ. Въ промежутокъ времени отъ 14-го августа по 21-е сдѣлано было еще нѣсколько нападеній на аулы мирныхъ киргизовъ, и много отбарантовано скота. Двадцать перваго числа въ Оренбургѣ получено было извѣстіе, что самъ Кенисара, подвигаясь отъ новой линіи внизъ и находившись съ многочисленнымъ скопищемъ бунтовщиковъ близъ рѣчки Каратугая (отстоящей отъ Куралинскаго пикета въ 100 верстахъ), захватилъ принадлежавшій купцу Дѣеву скотъ и сжегъ заготовленное мирными киргизами сѣно, въ скорости удалился въ глубь степи.

Впрочемъ, прежде чѣмъ удалиться отъ предѣловъ русской линіи, Кенисара прислалъ письмо на имя предсѣдателя пограничной коммиссіи, въ которомъ объяснялъ причины, побудившія его къ набѣгамъ на линію. Въ этомъ письмѣ всю вину своихъ непріязненныхъ поступковъ Кенисара сваливалъ на оренбургское и сибирское начальства. «Прежде всего—говоритъ мятежный султанъ — когда мы, исполняя волю высшаго начальства, прикочевали къ оренбургской линіи, на насъ наѣхалъ маіоръ Лебедевъ, отрядъ котораго, какъ объяснилъ онъ намъ, былъ высланъ не противъ насъ, но для прикрытія съемочныхъ партій, но все же мы возъимѣли сомнѣніе; затѣмъ, сибирскій отрядъ

напалъ на кочевья нашего брата и увлекъ многихъ въ плѣнъ, а еще большее число разграбилъ. Наконецъ тѣ же сибиряки напали, въ наше отсутствіе, на аулы наши и увлекли въ плѣнъ жену нашу и двухъ родственныхъ султановъ. Убѣждаясь изъ всего этого, что милость, объявленная намъ государемъ, недѣйствительна, мы сами вооружились и выжгли русскую станицу, захвативъ много людей въ плѣнъ, которыхъ готовы отпустить, если намъ будетъ обѣщано возвращеніе въ орду всѣхъ нашихъ родственниковъ, захваченныхъ въ разное время русскими отрядами» и т. д. въ этомъ же родѣ.

Причины, выставленныя Кенисарою, и на этотъ разъ показались убѣдительными и тѣмъ болѣе могли служить ему въ оправданіе, что дѣйствительно сибирскій отрядъ, безъ всякой очевидной надобности, первый открылъ военныя дѣйствія нападеніемъ на аулъ брата Кенисары, въ то время, когда тотъ, повидимому, оставался совершенно спокоенъ и откочевывалъ уже отъ Сибирской линіи въ Оренбургскую степь.

Принимая въ соображеніе это обстоятельство и убѣждаясь безполезностью поисковъ, оренбургскій военный губернаторъ поручилъ предсѣдателю пограничной коммиссіи войти въ переписку съ Кенисарою, а письма его, съ просьбою объ освобожденіи его жены, дяди и другихъ родственниковъ задержанныхъ въ Оренбургѣ и въ Сибири, представить къ канцлеру на заключеніе.

Исполняя порученіе генерала Обручева, управлявшій киргизами М. В. Ладыженскій написалъ къ мятежному султану весьма убѣдительное письмо, въ которомъ говорилъ, что однихъ обѣщаній для полученія Кенисарою прощенія недостаточно, но что ему слѣдуетъ доказать свою покорность дѣломъ, и что лучшимъ доказательствомъ его раскаянія можетъ послужить возвращеніе Касимовымъ всѣхъ, находящихся у него въ плѣну русскихъ. «Тогда, говорилось далѣе въ письмѣ, правительство наше увидитъ не одни слова, столько разъ бывшія пустымъ звукомъ въ устахъ степеннаго султана, но существенное доказательство его искренняго раскаянія въ своихъ проступкахъ, и навѣрное исполнитъ всѣ его просьбы».

Слѣдствіемъ этого письма было возвращеніе Кенисарою, въ концѣ 1844-го года, всѣхъ русскихъ, захваченныхъ имъ въ разное время.

III.

Война Бухары съ Коканомъ и Хивою, какъ причина, заставившая на время Кенисару искать мира съ русскими.—Признаніе Кенисары ханомъ владѣтелями средне-азіатскихъ ханствъ; посольства и подарки послѣднихъ къ Кенисарѣ.

Продолжительная и ожесточенная война, охватившая весь Туркестанъ, невольно превлекла къ себѣ вниманіе Кенисары, и это отчасти было поводомъ, что Кенисара искалъ мира съ русскими и такъ поспѣшно исполнилъ желаніе оренбургскаго начальства отпускомъ плѣнныхъ. Онъ тѣмъ болѣе нуждался въ мирѣ, что распря средне-азіатскихъ владѣльцевъ, обращавшихся поочередно къ нему за помощью, могла послужить прекраснымъ поводомъ къ удовлетворенію его честолюбія.

Бухарскій эмиръ, покорившій Коканъ, навелъ страхъ на хивинскаго хана, который, опасаясь возрастающаго могущества бухарскаго владѣльца, требовалъ отъ послѣдняго очищенія занятыхъ войсками его коканскихъ провинцій и возстановленія въ правахъ коканскаго хана, угрожая въ противномъ случаѣ войной. Послѣдовавшій со стороны Бухары отказъ послужилъ поводомъ къ разрыву между помянутыми владѣльцами. Завязалась продолжительная война, доведшая Хиву до крайняго истощенія.

Въ тотъ моментъ, когда совершались описываемыя нами событія, распря эта находилась въ слѣдующемъ положеніи.

Война Бухары съ Хивою продолжалась; перемирія заключались очень часто и послы обоихъ владѣній то и дѣло переѣзжали изъ Хивы въ Бухару и наоборотъ.

Въ сентябрѣ 1844-го года Рахимкулъ (хивинскій ханъ), съ 10,000 сборнаго войска (изъ трухменцевъ и каракалпаковъ) выступилъ противъ города Маври и кочующихъ въ окрестностяхъ его туркменцевъ, но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Хиву съ значительнымъ урономъ. Въ то время въ Хивѣ находился бухарскій посолъ, который 10-го ноября возвратился въ Бухару въ сопровожденіи посла хивинскаго, отправленнаго съ предложеніемъ мирныхъ условій. Условія эти остались тайною дивана, но за всѣмъ тѣмъ миръ казался неизбѣжнымъ и хивинскій купеческій караванъ изъ 1,000 верблюдовъ самонадѣянно выступилъ въ Бухару по настоянію самого Рахимкула; но на пути узнавъ о новыхъ разбояхъ шаекъ туркменскихъ, ограбившихъ впереди шедшій караванъ изъ Хезарасба (Азарыса), возвратился по вызову хана и прибылъ обратно въ Хиву 1-го декабря. Рахимкулъ, видя въ дѣйствіяхъ «маврскихъ трухменцевъ» происки бухарскаго эмира, выслалъ 11-го января къ границамъ его

5,000-й отрядъ, подъ предводительствомъ Инака, который въ теченіи мѣсяца разорилъ городокъ Акъ-Каля (Кара-Кулчъ), ограбилъ каракалпаковъ, захватилъ до 1 т. женщинъ съ дѣтьми, угналъ до 500 верблюдовъ и возвратился 11-го февраля, потерпѣвъ съ своей стороны очень мало. Плѣнные были розданы жителямъ Хивы и употреблялись въ тяжкія работы, при самомъ скудномъ содержаніи. Между тѣмъ, 18-го января пріѣзжалъ въ Хиву новый бухарскій посолъ, съ нимъ возвратились два хивинскіе посланника, изъ которыхъ одинъ былъ посылаемъ въ Коканъ, но на пути слѣдованія перехваченъ и задержанъ бухарцами. Въ февралѣ мѣсяцѣ и этотъ посолъ выѣхалъ обратно въ Бухару въ сопровожденіи новаго хивинскаго посланника съ новыми предложеніями мира. На этотъ разъ условія со стороны Бухары были слѣдующія:

1) Хива должна была возвратить плѣнныхъ и все ихъ имущество; 2) не покровительствовать коканцамъ и оставить всякіе виды на Коканъ и Ташкентъ, несмотря на приглашенія съ ихъ стороны и 3) Маври Бухарія уступаетъ Хивѣ.

Со стороны Хивы:

1) Бухарія не должна требовать возврата плѣнныхъ; 2) уступить Маври, какъ принадлежность Хивы и не возмущать «трухменцевъ» и 3) оставить Коканъ и Ташкентъ управляться своимъ ханомъ, независимо отъ Бухары.

Такія противуположныя требованія не предвѣщали Хивѣ скораго мира, и потому война продолжалась.

Разорительные раздоры Бухары съ Хивой и Кокаyомъ истощали силы и финансы всѣхъ воюющихъ сторонъ, и въ особенности Хивы, которая видимо ослабѣла и обѣднѣла отъ продолженія борьбы; лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить тягостный поголовный налогъ (въ сентябрѣ 1844 г.), предшествовавшій снаряженію экспедиціи противъ маврійскихъ туркменцевъ. Всѣ эти обременительные налоги вызывали ропотъ хивинскихъ подданныхъ, опасавшихся новаго нашествія бухарцевъ.

Со стороны Персіи тоже грозила опасность Хивѣ, ибо посолъ первой, пріѣзжавшій въ августѣ 1844-го года съ требованіемъ шаха объ освобожденіи изъ Хивы плѣнныхъ персіянъ и получившій отказъ, грозилъ гнѣвомъ своего шаха и дружественнаго ему россійскаго двора.

Война окончательно разстроила торговлю Хивы; сношенія съ сосѣдними торговыми пунктами прекратились. Торговля же Бухары напротивъ замѣтно оживилась за это время, особенно значительнымъ ввозомъ на ея рынки англійскихъ шерстяныхъ

и пеньковыхъ товаровъ, вытѣснившихъ дешевизною цѣнъ русскихъ купцовъ. Товары эти доставлялись на бухарскіе рынки англійскими коммиссіонерами изъ афганцевъ и персіянъ чрезъ Кабулъ и Мешедъ.

Хивинскіе сановники, окружавшіе Рахимкула, отличаясь корыстолюбіемъ и варварской жестокостью, вызывали народный ропотъ и грозили вызвать, вдобавокъ къ опасности внѣшней, бунтъ внутри ханства.

Въ эти-то критическія минуты къ Кенисарѣ были посылаемы отъ средне-азіатскихъ хановъ посольства, съ дорогими подарками, съ просьбой оказать каждому свое содѣйствіе; при этомъ каждый изъ враговъ спѣшилъ признать Кенисару ханомъ киргизскихъ ордъ. Бухарскій эмиръ прислалъ Кенисарѣ 60 ружей, 15 горныхъ пушекъ и боевые снаряды. Хивинскій владѣлецъ прислалъ 15 лучшихъ аргамаковъ, два золотомъ залитыхъ сѣдла, также двѣ пушки и нѣсколько верблюдовъ, изъ которыхъ два были навьючены порохомъ; тотъ и другой, утверждая Кенисару ханомъ, искали его союза. Хивинскій владѣлецъ, кромѣ того, дозволилъ мятежному султану покупать и вымѣнивать въ Хивѣ оружіе и боевые запасы, а также разрѣшалъ ему избрать любое мѣсто для своихъ кочевокъ въ хивинскихъ предѣлахъ, но съ тѣмъ, чтобы какъ Кенисара, такъ и всѣ русскіе киргизы не позволяли русскимъ строить въ степи укрѣпленій. Кенисара благосклонно принялъ обоихъ посланцевъ, подарилъ каждому хану по казаку (изъ числа захваченныхъ имъ съ Сибирской линіи), но относительно союза далъ весьма уклончивый отвѣтъ обоимъ ханствамъ. Такое поведеніе Касимова объясняется его болѣзненнымъ честолюбіемъ; онъ надѣялся, что продолжающаяся распря доведетъ средне-азіатскихъ владѣльцевъ до крайняго истощенія и безсилія, пользуясь которымъ онъ безъ труда займетъ растерзанный Коканъ, объявитъ себя его ханомъ и, обезсиленные продолжительною войною сосѣди его, властители Бухары и Хивы, поневолѣ, изъ личной безопасности, должны будутъ признать его въ этомъ званіи.

Преслѣдуя эту цѣль и желая для того не только сберечь, но даже и увеличить свои силы, Кенисара настойчиво искалъ мира съ русскими, посылая въ Оренбургъ письмо за письмомъ, въ которыхъ, со всей искренностью, сознавшаго свои проступки заблуждавшагося человѣка — просилъ о помилованіи.

Въ Оренбургѣ письма мятежнаго султана произвели сильное впечатлѣніе и военныя дѣйствія на время прекратились....

Ожидали указаній государственнаго канцлера.

IV.

1845-й годъ.—Русское посольство къ Кенисарѣ.—Прокламація по этому поводу генерала Ладыженскаго.—Заботливость Обручева о приданіи возможно-большаго этикета посольству.—Чиновникъ Долговъ въ качествѣ главнаго посла и его товарищи: докторъ Майдель и поручикъ Гернъ, командированные съ учеными цѣлями въ аулы Кенисары.—Пріемъ Долгова и холодность Кенисары.—Участь Герна и увольненіе обоихъ посланниковъ.—Возобновленіе безпорядковъ [1]).

Кенисарѣ рѣшительно повезло, и 1845-й годъ можно назвать годомъ его наибольшей славы и величія; прежде гордые, надменные съ нимъ средне-азіатскіе ханы, у которыхъ онъ искалъ убѣжища, теперь заискивали наперерывъ его расположенія, дружбы и союза. Ташкентскіе киргизы, бывшіе доселѣ заклятыми врагами султановъ изъ рода хана Аблая, теперь несли повинную голову къ ногамъ Кенисары, и, ища въ немъ защитника, отдавались ему въ подданство!

Въ это-то самое время, когда Кенисара сдѣлался чуть не идоломъ киргизскаго народа, генералъ Обручевъ рѣшился внезапно прекратить военныя дѣйствія (какъ бы жалѣя, одною удачною битвою, уничтожить величіе мятежнаго султана), и вступилъ съ нимъ въ переговоры.

Кенисара видимо смѣялся надъ Обручевымъ; но всѣ его плохо замаскированныя выходки приписывались хитроумнымъ политикомъ или «неразвитости», или «дикости» степняка и принимались за чистую монету. Между прочимъ стоило только сличить письма, прежде писанныя Кенисарою въ Оренбургъ, съ теперь получаемыми, чтобы изъ одного ихъ заглавія, не говоря уже объ ироническомъ тонѣ, которымъ отличались послѣднія посланія мятежника къ Обручеву, убѣдиться, что Касимовъ просто смѣялся надъ излишней довѣрчивостью оренбургскаго военнаго губернатора. Для доказательства сказаннаго приведемъ (конечно, въ сокращенномъ видѣ) содержаніе двухъ послѣднихъ его писемъ къ Обручеву, озаглавленныхъ такъ: «Проживающему въ Оренбургѣ генералу», вмѣсто употреблявшихся имъ обыкновенно почетныхъ титуловъ въ сношеніяхъ съ оренбургскими властями.

Первое изъ упомянутыхъ писемъ говорило о томъ, что Ке-

---

[1]) Дѣло арх. Тургайской области о командированіи по высочайшему повелѣнію чиновника Долгова въ аулы мятежнаго султана Кенисары для политическихъ съ нимъ переговоровъ.—Дѣла генералъ-губернаторской канцеляріи о безпорядкахъ въ степи. 1845—47 годъ.—Дѣло штаба оренб. отд. корпуса о командированіи ген. штаба поручика Герна въ аулы Кенисары для ученыхъ цѣлей.

нисара, названный Обручевымъ въ сравненіи съ русскимъ императоромъ «ничтожнымъ степнымъ жаворонкомъ», сомнѣвался, чтобы «рѣка милостей, изливающаяся изъ отечески-добраго сердца великаго государя многоводнымъ потокомъ на всю обширную Россію, могла изсякнуть, если онъ (Кенисара) малый, ничтожный, степной жаворонокъ лишній разъ изопьетъ изъ нея водицы милости,—льющейся изъ сердца царя царей». А потому Кенисара настойчиво требовалъ ходатайства оренбургскаго военнаго губернатора объ его прощеніи. Когда же Обручевъ, въ виду его мнимаго раскаянія, съ радостью изъявилъ свою готовность принять мятежнаго султана подъ свое покровительство и въ доказательство своей дружбы и расположенія къ нему увѣдомилъ мятежника, что всѣ его родственники будутъ возвращены въ орду, Кенисара прислалъ другое письмо, въ которомъ писалъ: что онъ желаетъ быть принятымъ подъ *покровительство* оренбургскаго начальства, изъявляетъ готовность принять присягу бѣлому царю и обѣщаетъ, со всею вооруженною шайкою своею, являться къ намъ для содѣйствія въ нашихъ военныхъ предпріятіяхъ, *но съ тѣмъ*, чтобы и мы его въ нуждѣ не оставляли; а для доказательства искренности нашей къ нему дружбы, соединили бы нынѣ же войска наши съ его войсками и пошли войною на князя Горчакова (зап.-сибирскаго генер.-губернатора), потому что «князь этотъ его сильно обижаетъ и грабитъ»!

Хотя смыслъ приведеннаго письма очень ясно указывалъ на то, что Кенисара не искалъ подданства, а только вассальной зависимости отъ Россіи, желая сохранить званіе хана, и въ Оренбургѣ не могли не знать, что Касимовъ отлично понималъ невозможность войны двухъ русскихъ администраторовъ между собою, а писалъ это лишь ради того, чтобы выиграть время и задержать возобновленіе военныхъ дѣйствій въ степи; но Обручевъ, отуманенный скорымъ возвращеніемъ Кенисарою русскихъ плѣнныхъ, по первому его требованію, охотно вѣрилъ Кенисарѣ на слово, приписывая нелѣпость его желанія неразвитости степного султана, для вразумленія котораго онъ снаряжалъ посольство.

Въ январѣ 1845-го года было получено письмо отъ государственнаго вице-канцлера, гдѣ Нессельроде писалъ,—по поводу представленія генерала Обручева о возвращеніи Кенисарою всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и о его покорности:

«При внимательномъ обсужденіи изложенныхъ въ представленіи вашемъ обстоятельствъ, министерство иностранныхъ дѣлъ съ своей стороны находило: что хотя нельзя еще вполнѣ полагаться на раскаяніе султана Кенисары Касимова, но на-

стоящій поступокъ его,—возвращеніе болѣе 30 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ и безусловное исполненіе воли начальства, — даетъ основательныя причины полагать, что при дальнѣйшихъ стараніяхъ и продолжая тѣже благоразумныя мѣры, которыя были употреблены, и которыя произвели въ немъ столь неожиданный переворотъ, можно еще надѣяться привести сего султана въ должное повиновеніе и такимъ образомъ достигнуть желаемой цѣли: — прекращенія безпорядковъ въ Ордѣ, не прибѣгая къ мѣрамъ усиленнымъ, требующимъ значительныхъ пожертвованій и остающихся большею частью *безъ успѣха*. А потому министерство признавало бы полезнымъ: продолжая начатое дѣло убѣжденія, предоставить предсѣдателю пограничной коммиссіи написать отъ своего имени отвѣтное письмо къ Кенисарѣ Касимову и сдѣлать ему въ семъ письмѣ внушенія, — какія по ходу дѣлъ и обстоятельствамъ найдены будутъ нужными, и съ достоинствомъ правительства сообразными».

Далѣе говорилось о возвращеніи Кенисарѣ, въ видѣ уступки, всѣхъ родственниковъ его, захваченныхъ русскими отрядами въ разное время; возвращеніе каковыхъ казалось канцлеру тѣмъ удобоисполнимѣе, «что задержаніе ихъ доселѣ нисколько не останавливало его (Кенисару) отъ враждебныхъ поступковъ, тогда какъ оказанное вб время великодушіе, быть можетъ, произведетъ на него благопріятное вліяніе».

Затѣмъ канцлеръ предлагалъ увѣдомить чрезъ генерала Ладыженскаго Кенисару о возвращеніи его родственниковъ, причемъ вмѣнялось въ томъ же письмѣ объяснить раскаявшемуся султану: «что воля правительства состоитъ въ томъ, чтобы онъ не тревожилъ мирныхъ киргизовъ, не возбуждалъ ихъ ни тайно, ни явно противъ законнаго начальства, и не причинялъ бы никакихъ насилій и остановокъ проходящимъ чрезъ степь караванамъ; — однимъ словомъ, дать понять Кенисарѣ, что скорая, безусловная и чистосердечная покорность правительству есть для него самое лучшее и самое вѣрное средство для полученія прощенія въ прежнихъ противузаконныхъ его дѣйствіяхъ».

Относительно опредѣленія мѣста кочевокъ Кенисары, канцлеръ совѣтовалъ не стѣсняться прежнимъ проектомъ генерала Генса, и предоставлялъ отводъ земли усмотрѣнію новаго пограничнаго начальства, а также торопилъ генерала Обручева, не ожидая возвращенія въ Сибири находящихся родственниковъ Кенисары, которые не скоро могли прибыть въ Орскую крѣпость, теперь же отправить отвѣтное письмо къ нему съ тѣми киргизами, которые содержались въ Оренбургѣ и изъ которыхъ главные были: дядя мятежнаго султана — султанъ Коробай и преданнѣйшій слуга и

сообщникъ Кенисары Худжа-Мухамедъ-Галій-Уемоновъ; послѣдній, будучи одаренъ особеннымъ умомъ, происходя, по киргизскому выраженію, отъ бѣлой кости (дворянинъ), наконецъ, находясь въ родствѣ съ извѣстными на линіи ордынцами и имѣя большое вліяніе на киргизовъ и на самого Кенисару, могъ, по мнѣнію канцлера, «въ настоящихъ обстоятельствахъ быть полезнымъ для насъ орудіемъ».

Какъ только было получено въ Оренбургѣ приведенное предписаніе, то тотчасъ же приступили къ составленію и отправленію посольства въ аулы мятежнаго Кенисары. Главнымъ посломъ былъ избранъ и назначенъ киргизскій попечитель Долговъ, которому дана была особая, очень пространная и довольно дѣльная инструкція, какъ поступить съ Кенисарою и чего добиваться отъ него, послѣ взаимныхъ любезностей и врученія султану своихъ кредитивныхъ грамотъ, т.-е. писемъ генераловъ Обручева и Ладыженскаго, а также особой записки, долженствовавшей разъяснить Кенисарѣ его обязанности въ Россіи, послѣ принятія его въ подданство.

Къ посольству были прикомандированы докторъ Майдель и генеральнаго штаба поручикъ Гернъ; послѣдніе два имѣли ученыя порученія: первый изъ нихъ, докторъ Майдель имѣлъ познакомиться съ степнымъ климатомъ, гигіеническими условіями киргизской кочевой жизни, пищею, болѣзнями, господствующими между ордынцами, ихъ лечебными средствами, туземными врачами-знахарями, а также способами и средствами, употребляемыми послѣдними при леченіи разныхъ болѣзней.

Герну, также какъ и Долгову, дана была особая инструкція, главные пункты которой заключались въ слѣдующемъ:

а) Узнать сущность намѣреній Кенисары; б) разъяснить (?) ему нелѣпость его желанія воевать въ союзѣ съ нами противъ князя Горчакова; в) стараться возбудить въ немъ интересъ къ сближенію съ нами и исподволь узнать о его военныхъ силахъ и средствахъ. Кромѣ того, Герну, подъ величайшимъ секретомъ, было предписано избрать два мѣста для возведенія укрѣпленій на рѣкахъ Иргизѣ и Тургаѣ.

Долговъ и Майдель отправились еще зимою, а Гернъ остался въ Оренбургѣ, въ ожиданіи прибытія туда изъ Сибири освобожденной султанши Кулымъ-Джанъ, для сопровожденія въ аулы ея мужа, какъ доказательство особенной къ нему милости россійскаго правительства.

Отправленіе поименованныхъ лицъ въ аулы мятежнаго султана, по высочайшему повелѣнію, для политическихъ съ нимъ пере-

говоровъ (какъ гласитъ дѣло) не обошлось безъ препирательства въ средѣ оренбургской администраціи.

Генералъ Ладыженскій, новый предсѣдатель пограничной коммиссіи, управлявшій до перевода въ Оренбургъ сибирскими киргизами, имѣя случай и возможность близко познакомиться съ характеромъ бунта Кенисары и тою ролью, которую стремился занять Кенисара въ ордѣ, находилъ нужнымъ, до отправленія въ аулы Касимова русскихъ чиновниковъ, опубликовать по ордѣ, что командируемыя лица отправляются въ ставку мятежнаго султана не въ качествѣ посланниковъ, какъ къ самостоятельному хану, а просто для разсѣянія заблужденій раскаявшагося мятежника и укрѣпленія въ чувствахъ вѣрноподданнаго. Такое мѣропріятіе казалось Ладыженскому тѣмъ цѣлесообразнѣе, что Кенисара, недавно принимавшій посольства среднеазіатскихъ ханствъ, можетъ, по поводу пріѣзда въ его аулы русскихъ чиновниковъ, неминуемо распространить между ордынцами молву о посольствѣ къ нему и отъ россійскаго двора, съ заискивающими цѣлями.

Хотя подобное предположеніе было вполнѣ правдоподобно и поѣздка русскихъ чиновниковъ въ аулы Кенисары, съ подарками и освобожденными родственниками, сама уже по себѣ, даже и безъ участія мятежника, могла показаться киргизамъ ничѣмъ инымъ, какъ посольствомъ, но генералъ Обручевъ, руководствуясь какими-то политическими соображеніями, не согласился съ мнѣніемъ пограничной коммиссіи и нашелъ болѣе соотвѣтствующимъ оставить цѣль командированія Долгова въ аулы Касимова тайною для ордынцевъ, придавъ посылаемымъ «сколь можно болѣе этикета»...

Теперь послѣдуемъ сначала за Долговымъ и Майделемъ, а потомъ за Герномъ и посмотримъ, какимъ успѣхомъ увѣнчались ихъ политическія и ученыя порученія.

19 февраля 1845 года Долговъ выступилъ изъ Орской крѣпости. Караванъ, до урочища Бабатай-Мулла, отъ котораго за нѣсколько часовъ ѣзды расположена была ставка Кенисары Касимова, шелъ 45 дней; по причинѣ трудностей зимняго степного похода караванъ шелъ довольно медленно, подвигаясь въ день отъ 25 до 30 верстъ. 1 апрѣля (за нѣсколько переходовъ до ауловъ Кенисары) къ Долгову явился есаулъ Минъ-Яшары съ письмомъ отъ мятежнаго султана о возвращеніи 8 киргизовъ, недавно захваченныхъ сибирскимъ отрядомъ. Просьба Кенисары была исполнена безъ особаго промедленія; какъ бы въ благодарность за это, Кенисара выслалъ 13 есауловъ своихъ для почетной встрѣчи Долгова; но, несмотря на эти лю-

безности, Касимовъ плохо довѣрялъ дружелюбію русскихъ, и съ того самаго момента, какъ нашъ «посольскій караванъ» вступилъ въ черту его кочевокъ, за нимъ былъ учрежденъ самый ревнивый, бдительный надзоръ:—въ каждомъ изъ ауловъ, чрезъ которые имѣлъ пройти Долговъ, находился одинъ изъ есауловъ или батырей Касимова, для зоркаго наблюденія за сношеніями каравана со встрѣчавшимися на пути кенисаринскими кочевьями.

Подозрительность и опасенія Кенисары на первыхъ порахъ обнаружились тѣмъ, что еще первый прибывшій въ русскій караванъ есаулъ Минъ-Яшаръ распорядился отъ имени Касимова размѣстить по дорогѣ караулы,—въ виду каравана,—для пресѣченія сообщеній Долгова съ кочевавшими въ окрестностяхъ пути слѣдованія киргизами; правда, что по настоянію и убѣжденіямъ Долгова пикеты эти были сняты, но тѣмъ не менѣе подобнаго рода наблюденія за дѣйствіями каравана продолжались, хотя и не такъ явно. Какъ на примѣръ раздражительной подозрительности Кенисары къ русскимъ, можно указать на слѣдующій случай: линейный киргизъ Нурджанъ-Бакбатыровъ желалъ подслужиться Кенисарѣ, самовольно прибылъ въ аулъ мятежника гонцомъ съ извѣстіемъ о приближеніи изъ Сибири къ оренбургской линіи жены султана Кулымъ-Джанъ и былъ обласканъ Кенисарою; но, когда возвращеніемъ Бакбатырова на линію Долговъ хотѣлъ воспользоваться, какъ удобнымъ случаемъ для отправленія съ нимъ бумагъ, то несмотря на личныя ему приказанія Долгова, Бакбатыровъ не былъ пропущенъ къ каравану и проведенъ въ обратный путь, изъ ауловъ Кенисары, окольными дорогами. Вскорѣ затѣмъ прибывшій съ линіи нарочный съ бумагами къ Долгову, прежде чѣмъ былъ допущенъ къ русскому чиновнику, проведенъ также мимо каравана въ ставку Кенисары, а потомъ уже отосланъ къ Долгову. Наконецъ осторожность Кенисары была такъ велика, что по приказанію его киргизамъ запрещено было посѣщать кибитку медика Майделя, что узналось изъ разсказа одного больного султана, приходившаго за медицинскимъ пособіемъ. О всемъ этомъ Долговъ не рѣшался своевременно доносить въ Оренбургъ, опасаясь, чтобы письма и донесенія его не были перехвачены и не надѣлали бы ему большихъ хлопотъ и небезопасныхъ непріятностей; ему казалось, что перехваченныя донесенія его о неблаговидныхъ поступкахъ Кенисары и его есауловъ могли послужить поводомъ къ задержанію посольства, какъ заложниковъ, въ аулахъ Кенисары. Между тѣмъ недовѣріе ордынцевъ къ русскимъ возрастало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; есаулъ Кенджи, оставленный Кенисарою при Долговѣ въ ка-

чествѣ почетнаго пристава и вожака, простиралъ свою бдительность до того, что каждый день лично повѣрялъ число людей въ караванѣ, заходя въ кибитки ихъ подъ разными благовидными предлогами.

Сопровождаемый такой опекой караванъ, наконецъ, прибылъ на то мѣсто, которое было отведено ему въ аулахъ Кенисары. Слѣдуетъ замѣтить, что мятежный султанъ, желая придать болѣе вѣскости своему значенію въ глазахъ ордынцевъ, принялъ «оренбургское посольство» весьма сухо и холодно; такъ, напримѣръ, отведенное подъ караванъ мѣсто было за чертой ханской ставки, на разстояніи отъ нея отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ ѣзды, тогда какъ посланцы средне-азіатскихъ властителей занимали кибитки рядомъ съ султанскими, что означало особый почетъ; затѣмъ Долговъ, несмотря на всѣ его просьбы и требованія, не былъ допущенъ до личныхъ свиданій и объясненій съ Кенисарою. Бдительность надзора была усилена за русскими до крайнихъ размѣровъ и поставила посольство въ совершенно изолированное положеніе, такъ что не только медикъ Майдель не могъ собрать порученныхъ ему медицинскихъ свѣдѣній, а Долговъ, вразумляя Кенисару, «доставить вѣрныя свѣдѣнія о его силахъ и намѣреніяхъ», но послы рѣшительно не могли сами дать себѣ отчета: гдѣ въ данный моментъ они находились? Это происходило оттого, что Кенисара, безъ всякой очевидной надобности, со дня прибытія въ ставку русскихъ чиновниковъ, безпрестанно перемѣнялъ кочевки своихъ ауловъ, кружа, по свидѣтельству Долгова, въ мѣстности граничившей къ юго-западу съ рѣкою Джиланчакъ, къ югу Каракумомъ, къ востоку съ сибирской границей (отъ которой примѣрно находился верстахъ въ 200-хъ), и къ сѣверу озеромъ Типьтякъ-Соръ, до котораго доходилъ, касаясь его прибрежій, давая видъ своимъ передвиженіямъ постоянной перекочевки. Положеніе Долгова, осужденнаго двигаться каждый день вмѣстѣ съ аулами Кенисары въ разныхъ и совершенно произвольныхъ направленіяхъ, по мѣстамъ неизвѣстнымъ, становилось тяжелымъ, тѣмъ болѣе, что эти передвиженія мѣшали ему вести переговоры съ Кенисарою объ его обязанностяхъ къ Россіи. Когда же Долговъ послалъ къ Касимову находящагося при немъ муллу съ требованіемъ отъ мятежнаго султана категорическаго отвѣта: когда будетъ угодно Кенисарѣ принять его для выслушанія высочайшей воли, и когда будетъ конецъ этимъ нескончаемымъ перекочевкамъ? то Кенисара отвѣчалъ, что принять Долгова онъ не можетъ, во-1-хъ потому, что еще не приготовился къ должному пріему такого важнаго гостя, посланнаго къ нему царемъ царей и орен-

бургскимъ многомилостивымъ генераломъ; а во-2-хъ потому, что еще не вполнѣ убѣдился въ объявленной ему милости, по неприбытію его жены Кулымъ-Джанъ и родственныхъ султановъ. Относительно же безпрестанныхъ перекочевокъ съ мѣста на мѣсто объяснилъ, что они вызываются необходимостію прокормленія многочисленныхъ стадъ и табуновъ своихъ, и что въ этомъ случаѣ онъ является невольнымъ нарушителемъ данныхъ ему генераломъ Обручевымъ приказаній: кочевать на одномъ мѣстѣ (?).

Подобнымъ образомъ Кенисара отдѣлывался отъ Долгова каждый разъ, когда тотъ домогался свиданій съ нимъ, отговариваясь то недосугомъ, то нездоровьемъ, то неготовностью къ пріему и т. д. Такое поведеніе коварнаго султана внушало Долгову убѣжденіе, что дальнѣйшее пребываніе его въ аулахъ Кенисары не только не принесетъ желаемой пользы, но напротивъ того, третированіе мятежникомъ русскихъ чиновниковъ, въ которыхъ ордынцы все-таки видѣли посланниковъ русскаго царя, неминуемо подорветъ вѣру ордынскихъ племенъ въ русское могущество. Во избѣжаніе подобныхъ послѣдствій Долговъ рѣшился оставить аулы вѣроломнаго мятежника не медля ни минуты, но былъ увѣдомленъ дядею Кенисары, султаномъ Коробаемъ, посылавшимся къ племяннику съ извѣстіемъ о намѣреніяхъ Долгова возвратиться на линію, что ханъ Кенисара, на вопросъ султана Коробая: «для чего онъ держитъ русскаго чиновника»? — отвѣчалъ: «если я ихъ отпущу, то кто же будетъ мнѣ порукой въ томъ, что будутъ возвращены жена моя и султаны... и кто мнѣ за это отвѣтитъ»?

Такой оборотъ дѣла убѣдилъ Долгова, что ему еще не скоро придется вырваться изъ ауловъ мятежнаго султана, по крайней мѣрѣ не ранѣе прибытія Герна съ султаншею. Употребить же съ Кенисарою крутыя мѣры Долговъ не могъ, потому что это, во-первыхъ, ни къ чему бы не повело, а во-2-хъ—могло бы послужить предлогомъ Кенисарѣ для заключенія Долгова съ К° подъ стражу. Дѣлать было нечего, пришлось покориться необходимости и ждать Герна.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи Долговъ и Майдель пробыли въ аулахъ Кенисары около мѣсяца; въ продолженіи этого времени русскій чиновникъ неоднократно пытался добиться аудіенціи у Кенисары, но каждый разъ получалъ словесный, или письменный, но всегда одинаково отрицательный отвѣтъ. Кенисара, впрочемъ, не забывалъ и самъ Долгова, обращаясь къ нему, вѣроятно ради потѣхи, съ разными саркастическими письмами и просьбами. Для образчика можно указать на письмо Кенисары къ Долгову, писанное первымъ тотчасъ по

возвращеніи въ его аулы схваченныхъ сибирскимъ отрядомъ тѣхъ восьми киргизовъ, о возвращеніи которыхъ Касимовъ просилъ Долгова, еще до прибытія послѣдняго въ ставку. Вотъ это посланіе:

«Господину попечителю Долгову, отъ султана Кенисары.

«Въ прошломъ году, около 21-го числа мѣсяца наурузa (марта), выступившій изъ сибирскаго вѣдомства отрядъ разбилъ мой аулъ и увезъ въ плѣнъ жену мою; въ каковое время уведены собственныя мои, *три бѣлыхъ борзыя собаки: два кобеля и одна сука.* Одна изъ этихъ собакъ находится у сына Куигуръ-Кулджи, другая — Караулова рода Хакимъ-Мазы, а третья у отряднаго начальника, *законщика* Сотникова. Если *можете, то сами возвратите мнѣ этихъ собакъ, въ противномъ случаѣ доложите объ этомъ генералу*; въ особенности *прошу постараться о возвращеніи мнѣ бѣлой суки! Хотя* эта просьба моя *не большая*, а *почтите ее за великую.* Ханъ Кенисара Касимовъ печать приложилъ» [1]).

Будучи близко знакомымъ съ манерою обращенія мятежныхъ киргизовъ, Долговъ очень хорошо понималъ, изъ обращенія съ нимъ Кенисары, въ какое смѣшное положеніе ставилъ его мятежный султанъ въ глазахъ преданныхъ ему ордынцевъ. Съ теченіемъ времени, бдительность надзора за Долговымъ (можетъ быть, и умышленно), замѣтно ослабла, но, впрочемъ, лишь на столько, что до него стали доходить нѣкоторые слухи о томъ, что дѣлалось и предпринималось Кенисарою во время его заключенія; самъ же Долговъ, по прежнему, лишенъ былъ всякой возможности доносить въ Оренбургъ о томъ, что творилось въ аулахъ мятежника.

Такъ, Долговъ узналъ, что во время его пребыванія въ аулахъ Кенисары, есаулъ Касимова, Минъ-Яшаръ находился тайно при линіи, въ окрестностяхъ Орской крѣпости, съ цѣлію развѣдыванія о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ пограничнаго начальства и о подозрѣваемомъ Кенисарою приготовленіи противъ него отряда русскихъ войскъ съ оренбургской линіи. Лазутчикъ этотъ возвратился, какъ впослѣдствіи узналъ Долговъ, всего только за 6 дней до возвращенія каравана въ Орскую крѣпость. Не менѣе, если еще не болѣе, интересныя свѣдѣнія находятся въ томъ же рапортѣ Долгова (писанномъ имъ по возвращеніи въ Оренбургъ), изъ котораго заимствованъ нами приведенный разсказъ о поступкахъ съ киргизами начальника сибирскаго отряда, есаула Рыбина, съ которымъ сносился Долговъ о возвращеніи

---

[1]) Перевелъ Костромитиновъ.

извѣстныхъ читателю 8 киргизъ. Свѣдѣнія эти, привезенныя чиновнику Долгову киргизами, посылавшимися имъ къ помянутому военноначальнику сибирскаго отряда, суть слѣдующія: «Есаулъ Рыбинъ намѣренъ былъ отдать ихъ (плѣнныхъ) до того еще (т.-е. до сношенія Долгова по этому поводу) родственникамъ этихъ плѣнныхъ, пріѣзжавшимъ къ Рыбину *съ приготовленными для выкупа* 2,000 руб. ассиг., и что Рыбинъ будто бы, отъ имени высшаго начальства своего (сибирскаго), — силою взялъ все почти лучшее имущество и скотъ у киргизъ Наймановскаго и Баганалинскаго родовъ (цѣнимое *будто киргизами* въ 30 тыс. руб. ассиг.) и отправилъ его въ мѣсто своего жительства, какъ *свою собственность!*» [1])

Мимоходомъ замѣтимъ, что этому обстоятельству въ Оренбургѣ не было придано значенія особой важности, какъ «мало правдоподобному»; но, кто знакомъ съ былымъ хищничествомъ [2]) нашихъ степныхъ поисковъ, и преимущественно сибирскихъ отрядовъ, тотъ можетъ смѣло вѣрить приведенному разсказу; незнакомымъ же съ подобными вещами, совѣтуемъ обратиться къ статьѣ г. Шашкова: «Рабство въ Сибири» («Дѣло», мартъ, 1869).

Наконецъ было получено (уже во второй половинѣ мая мѣсяца) радостное свѣдѣніе о приближеніи Герна, съ сопровождаемою имъ султаншею Кунымъ-Джанъ къ ауламъ Кенисары.

Поручикъ Гернъ (нынѣ генералъ-маіоръ и посредникъ Оренбургскаго уѣзда), такъ передаетъ свое пребываніе въ аулахъ Кенисары [3]):

«Въ аулахъ Кенисары — пишетъ Гернъ — я пробылъ 12 дней, и былъ сначала принятъ со всевозможными почестями: ибо на слѣдующій день моего прибытія онъ выслалъ ко мнѣ депутацію, изъ *ста* почетныхъ есауловъ, во главѣ которыхъ были султаны Наурузбай и Худай-Менде, Джике-Батырь, есаулъ Галій и Батырь-Бали. Депутація эта имѣла порученіе передать мнѣ поклонъ и изъявить искреннюю благодарность Кенисары за мое хорошее обращеніе съ его женою.

«Я неоднократно объявлялъ посланнымъ о моемъ желаніи видѣть самого Кенисару и ежедневно повторялъ это требованіе,

---

[1]) Дѣло «о командированіи по высочайшему повелѣнію въ аулы Кенисары Касимова чиновника Долгова».

[2]) Припомнимъ донесенія генерала Перовскаго о безполезности поисковъ противъ Кенисары, имѣющихъ въ результатѣ одно лишь разореніе мирныхъ ордынцевъ.

[3]) Донесеніе Герна генералу Обручеву и разсказъ его автору предлагаемой статьи.

на что постоянно слышалъ одни обѣщанія, которыхъ однакожъ никто не думалъ исполнять».

Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что и новому посланнику посчастливилось не болѣе Долгова и что онъ, также какъ и первый, былъ осужденъ видѣть кругомъ обманъ и сознавать рѣшительную невозможность исполнить возложеннаго на него порученія. Какъ это походило на мечты генерала Обручева о приведеніи Кенисары къ присягѣ на подданство Россіи, для каковой надобности при Долговѣ находился мулла!

Наконецъ, 25-го мая Герна извѣстили, что Кенисара заболѣлъ и крайне сожалѣлъ о невозможности свиданія съ нимъ, и что онъ не задерживаетъ его болѣе въ своихъ аулахъ *изъ боязни навлечь тѣмъ на себя немилость генерала Обручева.*

Причина такого поспѣшнаго желанія Кенисары отправить оренбургское посольство обратно на линію заключалась въ его намѣреніи ограбить аулы упорно не признающихъ его ханомъ Япасцевъ, наказать которыхъ онъ считалъ нужнымъ для острастки и другихъ родовъ, и рѣшаясь произвести набѣгъ въ виду скораго откочеванія къ линіи Япасскаго рода, желалъ выпроводить Долгова и К°, которые могли быть очевидцами его далеко не мирныхъ поступковъ.

Впрочемъ, унизивъ посольство и надсмѣявшись надъ излишней довѣрчивостью оренбургской администраціи, онъ считалъ себя вправѣ высказать въ письмѣ, врученномъ Долгову, для передачи Обручеву, откровенно свое нежеланіе стать въ ряды русскихъ подданныхъ.

Въ этомъ посланіи Кенисара, между прочимъ, говоритъ, ссылаясь на правила завѣщанныя кораномъ, что онъ, безъ нарушенія ученій пророка, не можетъ принять присягу на вѣрность русскому царю; «...въ немъ (въ письмѣ) вы (Обручевъ) приказываете одно дѣло,—писалъ Касимовъ,—котораго мы не можемъ ни выполнить и ни обнять разсудкомъ. Если отвѣчать вамъ на этотъ предметъ, то сердце мое трепещетъ, страшась гнѣва государя императора, но какъ вы начальникъ,—не могу не объяснить объ этомъ вамъ, и за то вы не смотрите на насъ съ презрѣніемъ. Обстоятельство это состоитъ въ слѣдующемъ. Въ письмѣ вашемъ заключаются слова: «Вы, г-нъ султанъ, за ниспосланныя отъ Всевышняго милости, должны пасть ницъ лицемъ и благодарить Бога и знать, что сердце царя въ рукахъ Всевышняго; подумайте, сколько въ этомъ предписаніи излито на васъ милостей государя нашего и посмотрите на тексты корана, въ которыхъ изображено: не должны ли вы принять на свою обязанность и не требуется ли отъ васъ исполненіе словъ: О,

правовѣрные! вы должны повиноваться во первыхъ Богу, потомъ его посланнику—государю и назначеннымъ ими правителямъ; —также завѣщаніе пророка: царямъ вашимъ и правителямъ ихъ вы должны безусловно повиноваться».

«Вы сказали это совершенно справедливо—продолжалъ Кенисара—и тутъ нѣтъ ни малѣйшей неправды, но Всевышній Богъ *возстановилъ* между рабами своими *различныя* вѣроисповѣданія, ниспославъ каждому поколѣнію пророка. Эти пророки завѣщали послѣдовавшимъ имъ народамъ различные законы, и всякій, кто не послѣдуетъ правиламъ, установленнымъ его пророкомъ, и будетъ ослушаться приказаній *соплеменнаго* правителя своего, то, какъ упоминается въ нашихъ книгахъ, рано, или поздно, непремѣнно долженъ подвергнуться гнѣву и проклятію Бога [1]. *Нынѣ вы приказываете быть подданными вашему государю* и *повиноваться его правительству*, но, *одобритъ ли* Всевышній, если рабъ его, оставивъ повелѣнія его, пойдетъ другимъ путемъ? Вы *требуете нашего подданства* и повиновенія, говоря, что Богъ у насъ и у васъ одинъ, только разныя вѣры, но подумайте, можно ли это сообразить съ обычаемъ? *Если я, сдѣлавшись подданнымъ* вашимъ, буду *поступать противно запрещеній Всевышняго*, то *страшусь его гнѣва* и *стыжусь* мусульманскихъ правителей! — Обдумывая все это, я нахожу, что требованію вашему источникомъ служитъ то, что находящіеся въ *глупой* киргизской ордѣ султаны и біи, изъ корыстныхъ видовъ, желая обмануть правительство, показываютъ только видъ подданныхъ, не будучи таковыми на дѣлѣ! Неужели вы думаете—восклицаетъ далѣе Кенисара—что эти султаны и біи, повидимому непокорные и непослушные ордынской власти, исполняютъ искренно и съ усердіемъ службу царскую!?»

Высказавшись совершенно опредѣленно о нежеланіи своемъ быть русскимъ подданнымъ, Кенисара переходитъ къ тѣмъ отношеніемъ, какія по его убѣжденію, и по примѣру прошлыхъ лѣтъ, должны были бы существовать между Россіей и киргизами. Покойный отецъ великаго государя [2], говоритъ онъ, «Бѣлый царь», покойному отцу моему (прадѣду) Аблай-хану, предоставивъ обширную свободу, соизволилъ обѣщать, «чтобы *каждый владѣлъ своимъ*; чтобы русскіе и киргизы вели между

---

[1]) Несправедливое толкованіе текста, въ которомъ сказано прямо, безъ всякихъ натяжекъ, что магометанскій законъ велитъ повиноваться государю своему какой бы онъ вѣры ни былъ (примѣчаніе переводчика Батыршина).

[2]) Императоръ Павелъ Петровичъ.

собой торговлю; чтобы между ними свободно ходили караваны и каждый занимался своимъ промысломъ. Такъ прошло нѣкоторое время и мы проживали спокойно, всякій находясь подъ безпредѣльною сѣнію покровительства государя. По кончинѣ отца нашего (прадѣда) Аблай-хана преемникомъ ему былъ сынъ его султанъ Валій (дѣдъ Кенисары). При этомъ ханѣ и отцѣ великаго императора народъ наслаждался долгое время спокойствіемъ; тогда никто не дѣлалъ насилій и притязаній на земли киргизскія; не измѣряли кочевки и не строили на нихъ укрѣпленій!»

Дальнѣйшее содержаніе письма Кенисары на столько ясно указываетъ, къ чему повела безпечность отношеній нашей администраціи въ степи, которой она совершенно не вѣдала, что первый шагъ, сдѣланный нашими администраторами, по упроченію нашихъ правъ и вліянія на киргизскую степь показался кайсакамъ нарушеніемъ ихъ правъ и послужилъ поводомъ къ цѣлому ряду энергическихъ и хроническихъ возстаній привыкшихъ къ полной независимости *столѣтнихъ подданныхъ* Россіи. Сѣтованія Кенисары на новую политику русскихъ администраторовъ на столько характерны, и такъ рельефно объясняютъ причины его бунта, что мы находимъ нужнымъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ. Вотъ что писалъ мятежный султанъ по этому поводу:

«При нынѣшнемъ великомъ государѣ, и въ наше время, доставшіяся въ наслѣдство отъ покойнаго отца нашего Аблая земли: Исиль-Нура, Актау, Уртагъ, Каръ-Каралы, Карынлыкъ, Яркаинъ, Убаганъ, Тоболъ, Кушь-Мурунъ, Хаянъ и Турзакъ до Урала усѣяны укрѣпленіями. Неужели у прежнихъ государей не доставало аркана (веревки) для измѣренія земли, не было лѣсу—для построекъ укрѣпленій, не доставало силы — дѣлать насилія? Напротивъ все это они имѣли, и все это показываетъ ихъ правосудіе! Нынѣшнее начальство, озабочиваясь распространеніемъ могущества государя, мѣряетъ земли, строитъ укрѣпленія и тѣмъ безпокоитъ народъ. Это дѣло не для будущности, а только для настоящей жизни: никто не останется вѣчнымъ въ этомъ мірѣ. Но, можетъ быть, къ *такимъ несправедливостямъ* побуждаются *надеждою получать чины и тѣмъ хвалиться. Хитростью никто не въ состояніи увеличить могущество и счастіе государя*, ибо то и другое даровано имъ самимъ Богомъ».

«Обо всѣхъ этихъ злоупотребленіяхъ—говоритъ далѣе Кенисара—никогда не было доводимо до свѣдѣнія государя. Сколько я ни писалъ объ этомъ прежнимъ начальникамъ, но ни отъ кого никогда не получалъ отвѣта. Не смѣю и не хочу противиться начальству и не прошу о тѣхъ земляхъ, на которыхъ построены уже укрѣпленія, но еслибы вы выпросили у государя императора

земли, слѣдующія мнѣ въ наслѣдство отъ отца нашего, какъ-то: Тургай, Улу-тау, Сиры-су и по сю сторону Исиль-Нуры, то заставили бы молиться о государѣ императорѣ. Сколько я ни просилъ объ этомъ высшее начальство, но оно никогда меня не слушало. Такъ какъ вы до сего времени были ко мнѣ милостивы и благосклонны, то надѣюсь и теперь, что чрезъ посредство свое исходатайствуете мнѣ эту милость».

Въ заключеніе, прося генерала Обручева защищать его и впредь отъ клеветъ сибирскаго начальства, Кенисара проситъ оренбургскаго губернатора о немедленномъ отпускѣ изъ плѣна брата его Абулгазыя, который не былъ къ нему отправленъ, вмѣстѣ съ другими его родственниками по подозрѣнію, что онъ не братъ Касимова, а просто бѣглый казанскій татаринъ, — ибо ни лицомъ, ни нарѣчіемъ не былъ похожъ на киргиза. Кенисара, переходя къ освобожденію послѣдняго, возвращается снова къ ироническому тону и говоритъ, что султанъ-правитель Баймухамедъ въ 1843-мъ году съ отрядомъ захватившии «брата нашего Абулгазыя, назвалъ его татариномъ, потому что онъ лицомъ бѣлокурый и похожъ на татарина — Всевышній Богъ, (продолжаетъ онъ) рабовъ своихъ творитъ *по своему произволу*: кого чорнымъ, кого бѣлокурымъ, кого бѣлымъ и кого *синимъ*, *однимъ словомъ различныхъ цвѣтовъ* и въ могуществѣ этомъ *никто* ему *воспрепятствовать не можетъ!* Абулгазый рожденъ отъ Касима (отца Кенисары) и матери нашей Кучакъ, о дѣйствительности сего удостовѣряемъ, начиная съ меня и до тысячи человѣкъ, приложеніемъ рукъ. Надѣясь, во-1-хъ, на Бога, а потомъ на васъ, мы написали столько просьбъ, что гдѣ встрѣтите недоразумѣніе наше, не откажите намъ въ милостивомъ прощеніи. Уповая на милость и снисхожденіе ваше, султанъ Кенисара Касимовъ печать приложилъ».

Едва письмо это было доставлено въ Оренбургъ возвратившимися изъ ауловъ мятежника чиновниками вмѣстѣ съ другими скудными свѣдѣніями, собранными ими въ ордѣ, какъ изъ степи стали поступать къ генералу Обручеву печальныя извѣстія о возобновленіи безпорядковъ. Стало быть посольство, несмотря на весь этикетъ приданный ему Обручевымъ, возвратилось вспять, не достигнувъ никакихъ результатовъ, а скорѣе произвело совершенно противное впечатлѣніе, чѣмъ то, на которое уповалъ оренбургскій администраторъ, такъ долго считавшій себя искуснымъ политикомъ.

Пришлось приготовлять новую экспедицію въ степь для разсѣянія скопища Кенисары.

V.

(1845—1847).

Набѣгъ Байкадама и Кенисары на япасцевъ.—Намѣреніе Кенисары воспрепятствовать возведенію новыхъ укрѣпленій.—Освобожденіе Лебедева изъ-подъ суда.—Движеніе русскихъ отрядовъ.—Отступленіе Кенисары къ озеру Коквей-Кулю.—Покореніе имъ китайскихъ киргизовъ.—Походъ къ дико-каменнымъ ордынцамъ.—Жестокости Кенисары и его погибель [1]).

Вслѣдъ за отправленіемъ оренбургскаго посольства, Кенисара, соединившись съ Байкадамомъ, за вѣрность котораго русскому правительству былъ преданъ суду Лебедевъ, напалъ на аулы япасцевъ, которые совершенно разграбилъ, такъ что, по свидѣтельству поручика (нынѣ ген.-маіора) Герна, у нихъ наступилъ страшный голодъ, отъ котораго очень много погибло людей этого рода. Такая постоянная месть султана Кенисары япасцамъ вытекала изъ нерасположенія къ нимъ мятежника, за упорный, въ теченіи многихъ лѣтъ, отказъ ихъ—признать Касимова своимъ ханомъ. Между тѣмъ, значительный по численности, воинственный и богатый, япасскій родъ былъ долго предметомъ задушевныхъ желаній Кенисары—ему хотѣлось привлечь его на свою сторону. Съ этой цѣлью онъ неоднократно переходилъ отъ угрозъ и разореній къ выраженію своего сочувствія япасцамъ: такъ, онъ даже женился на дочери одного япасскаго бія, — но, видя, что и супружество не принесло ему желаемыхъ результатовъ, въ гнѣвѣ отрубилъ своей молодой женѣ носъ и столь обезображенную послалъ предупредить япасцевъ о грозившей имъ опасности. Это было послѣднее нападеніе Кенисары на япасцевъ, отъ которыхъ вниманіе его отвлекло прибытіе на Улу-тау сибирскаго отряда, съ намѣреніемъ заложить тамъ укрѣпленіе.

Горы Улу-тау, заключая въ себѣ много пастбищныхъ мѣстъ и изобилуя лѣсомъ, служили Кенисарѣ кочевками въ зимнее время; очень естественно, что онъ не хотѣлъ дешево разстаться съ ними и появленіе русскаго отряда, заложившаго укрѣпленіе въ его зимовкахъ, внушило Касимову мысль: всячески препятствовать возведенію какихъ-либо укрѣпленій на Улу-тау, и даже, въ случаѣ нужды, уничтожить весь тамъ находившійся отрядъ.

Набѣги Байкадама, въ союзѣ съ Кенисарою, открыли глаза

---

[1]) Дѣла канц. ор. генералъ-губ-ра «о безпорядкахъ въ степи», 2 части. Письмо К. Ив. Герна. Записка свящ. Л—скаго. Рукопись Г. П. Половоротова, имъ же доставленная пѣсня о Кенисарѣ. Дѣло Тургайскаго обл. правл. объ убіеніи султана Кенисары Касимова дико-каменными киргизами.

Обручеву и Лебедевъ былъ освобожденъ отъ суда, а въ степь были высланы нѣсколько отрядовъ, отъ сибирскаго и оренбургскаго корпусовъ, одновременно. На этотъ разъ обѣ администраціи рѣшились не прекращать военныхъ дѣйствій противъ Кенисары, не стѣсняясь даже зимой, когда, по обыкновенію, поиски отзывались на линію, до тѣхъ поръ, пока не будутъ истреблены шайки безпокойнаго султана.

Движеніе русскихъ войскъ съ одной стороны, и отложеніе разомъ нѣсколькихъ родовъ, вслѣдствіе жестокаго обращенія Кенисары съ своими джигитами,—съ другой, спасли Улу-тау-скій отрядъ отъ нападенія.

Въ виду быстраго, на этотъ разъ, приближенія русскихъ отрядовъ Кенисара, не завязывая битвъ, поспѣшно сталъ отступать изъ оренбургской степи къ озеру Кокый-Кулю, въ предѣлахъ китайскихъ владѣній. Въ 1846-мъ году мятежный султанъ оставилъ русскую степь и занялся покореніемъ киргизъ, кочевавшихъ въ окрестностяхъ Кокый-Куля; такъ какъ племя это не отличалось воинственностью, то Кенисарѣ стоило небольшихъ усилій покорить его своей власти.

Между тѣмъ, вразумительный опытъ довелъ наконецъ оренбургскую администрацію до сознанія,—что пока русскіе не станутъ твердою ногою въ глуби степи, до тѣхъ поръ нельзя ожидать прочнаго спокойствія въ ордѣ. Съ этою цѣлью въ 1846-мъ г. было приступлено къ заложенію трехъ укрѣпленій: оренбургскаго, на рѣкѣ Тургаѣ, уральскаго на Иргизѣ и карабутакскаго форта на рѣкѣ Карабутакѣ, отъ которой онъ и заимствовалъ свое названіе. Укрѣпленія эти, кромѣ значенія наблюдательныхъ постовъ, имѣли цѣлью, въ случаѣ степныхъ мятежей, служить убѣжищемъ для тѣхъ киргизскихъ родовъ, которые не сочувствуя мятежникамъ, могли со всѣмъ имуществомъ прикочевывать подъ защиту русскихъ гарнизоновъ. Обстоятельство это тоже повліяло на уменьшеніе числа невольныхъ сподвижниковъ Кенисары, которымъ прежде приходилось или пристать безпрекословно къ нему, или быть разграбленными,—разумѣется они выбирали первое.

Вслѣдъ за покореніемъ Кокый-кульскихъ (китайскихъ) киргизовъ Кенисара двинулся на обитающихъ въ горахъ Ала-тау дико-каменныхъ киргизъ, съ цѣлью подчинить ихъ своей власти, идти на Коканъ и провозгласить себя коканскимъ ханомъ, какъ говоритъ преданіе. Дико-каменные киргизы—племя воинственное, и потому съ ними не такъ легко было справиться, какъ съ кокый-кульскими. Храбрость этихъ киргизъ и пресѣченная мѣст-

ность, въ которой они обитали, представляли слишкомъ много затрудненій для Кенисары.

Трудность борьбы раздражала Кенисару до нельзя. Оставивъ на произволъ судьбы оренбургскую степь, гдѣ, пользуясь его отсутствіемъ, росли русскія укрѣпленія, Кенисара напрягалъ всю свою энергію на то, чтобы уничтожить самостоятельность племени дико-каменныхъ киргизовъ. Увлекаемый местью и упрямствомъ, Касимовъ дѣлалъ безпрерывные промахи: такъ, всякая малѣйшая неудача отражалась жестокостью на его же сподвижникахъ, и, конечно, охлаждала ихъ преданность къ нему; когда же, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ, дико-каменные киргизы прислали къ Кенисарѣ нарочныхъ съ изъявленіемъ ему своей покорности и признаніемъ его ханомъ, то, гордый своими побѣдами и мстительный ханъ не захотѣлъ воспользоваться ихъ покорностью, а объявилъ, что онъ намѣренъ съ корнемъ истребить родъ каменныхъ киргизовъ и двинулся далѣе, предавъ мучительной смерти пріѣзжавшихъ къ нему посланниковъ.

Вѣрный своему обѣщанію, Кенисара съ рѣдкой жестокостью принялся за истребленіе дико-каменныхъ киргизовъ. Покоряя аулы непокорныхъ, онъ ознаменовалъ путь свой небывалыми примѣрами варварства: послѣ занятія какого-либо непріятельскаго аула, Кенисара приказывалъ разводить костры, ставилъ на нихъ въ котлахъ воду, и когда вода начинала кипѣть, тогда, по приказанію хана, плѣнные, съ ихъ семействами, приводились къ кострамъ, со связанными руками, и въ ихъ глазахъ жены и дѣти ихъ, будучи связаны по рукамъ и ногамъ, были бросаемы «телонгутами» (родъ гвардіи при ханѣ) въ котлы и варились тамъ. По окончаніи этой пытки, плѣнныхъ мужчинъ, измученныхъ зрѣлищемъ страданія близкихъ ихъ сердцу людей, ставили въ шеренги и предавали жестокой смерти.

Такое варварство Кенисары заставило дико-каменныхъ киргизовъ сплотиться въ одно тѣло, одушевляемое одною мыслью: мщенія варвару!

Въ горахъ Ала-тау, въ одномъ изъ ущелій, чрезъ которое пришлось проходить Касимову, на него напалъ превосходный въ силахъ непріятель; завязалась жаркая битва, въ которой, благодаря измѣнѣ Дулата (киргизовъ Дулатовскаго рода), Кенисара и братъ его Наурузбай пали мертвыми, какъ и вся ихъ шайка въ 3,000 человѣкъ. Убивъ Кенисару, дико-каменные киргизы отрубили ему голову и возили ее, воткнутую на пику, по ауламъ для успокоенія устрашенныхъ жителей; тѣло Кенисары было, изъ мщенія, отдано женщинамъ, которыя изрѣзали его въ мелкіе кусочки. Голова безпокойнаго султана, или правильнѣе, его че-

репъ, попалъ какими-то судьбами впослѣдствіи въ руки князя Горчакова, который приказалъ хранить эту голову въ главномъ управленіи Западной Сибири, при дѣлѣ: «О бунтѣ Кенисары».

Такъ кончилъ свою жизнь этотъ выдающійся человѣкъ, жизнь и дѣла котораго дали поучительный урокъ оренбургской администраціи, указавъ ей путь, по которому она должна была слѣдовать въ политикѣ съ Среднею Азіей. Та постоянная поддержка, которою пользовались всѣ наши степные мятежники отъ Хивы и другихъ владѣній Средней Азіи, внушила убѣжденіе, что для пресѣченія этой поддержки на будущее время необходимо занять нашими укрѣпленіями пункты, соприкасающіеся съ границею упомянутыхъ ханствъ. Сначала было основано укрѣпленіе Раимское, потомъ взята Акъ-Мечеть (Ф. Перовскій), а въ наше время, въ центрѣ непріязненныхъ намъ владѣній, существуетъ Туркестанскій округъ, силъ котораго достанетъ не только для острастки ничтожныхъ хановъ, но и для уничтоженія ихъ самостоятельности.

Итакъ, дико-каменные киргизы (вошедшіе нынѣ въ предѣлы туркестанскаго генералъ-губернаторства) въ 1847-мъ году, убіеніемъ Кенисары, оказали, можетъ быть, помимо желанія, не маловажную услугу Россіи, избавивъ ее отъ опаснаго мятежника. Кенисара умеръ, но память о немъ и его подвигахъ живетъ въ ордѣ, сложившись въ образы легендъ и патріотическихъ пѣсенъ, прославляющихъ его батырство. Григорій Петровичъ Половоротовъ (долго бывшій секретаремъ султана-правителя восточной части), доставилъ намъ пѣсню «о Кенисарѣ» на татарскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ, сложенную знаменитымъ киргизскимъ поэтомъ Нысанбаемъ, очевидцемъ и сообщникомъ Кенисары въ его батырствѣ.

Киргизскій поэтъ изображаетъ слезы и отчаяніе всѣхъ окружавшихъ любимаго хана, съ которымъ погибло безвременно много «радужныхъ надеждъ»!... Надеждъ, которыя,—еслибъ по прежнему продолжали дремать оренбургскіе администраторы,—могли легко перейти въ дѣйствительность, и «ключъ и врата ко всѣмъ азіатскимъ землямъ и странамъ» опять ускользнули бы изъ нашихъ рукъ.

Н. Середа.

29 января, 1870, Петербургъ.

ЗАПИСКИ
ОТЖИВШАГО ЧЕЛОВѢКА.

Человѣкъ, проживиій долгую жизнь и приближающійся къ къ концу ея, похожъ на запоздалаго путника, застигнутаго вечерними сумерками. Передъ нимъ все безцвѣтно и мрачно, и ничто не манитъ его впередъ, кромѣ необходимости дойти до ночлега.

Позади его, всѣ предметы, которые онъ видѣлъ на своемъ пути, всѣ люди, съ которыми встрѣтился, тоже скрылись отъ его глазъ, перешли изъ живыхъ панорамъ и живыхъ людей въ одни воспоминанія. И только эти воспоминанія провожаютъ его на ночлегъ.

Я прошелъ длинный жизненный путь, былъ очевидцемъ многихъ событій, пережилъ многихъ людей, и не разъ, впродолженіи моей жизни, мнѣ приходилось вспоминать грустныя слова поэта:

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ....

На моихъ глазахъ смѣнились три поколѣнія, и четвертое прожило уже половину своего вѣка.

Теперь меня застигли сумерки, и толпа воспоминаній о пройденномъ мною пути провожаетъ меня на ночлегъ.

Этотъ-то пройденный мною жизненный путь хочу я описать, какъ странникъ, остановившійся, наконецъ, въ послѣдней пристани, описываетъ свое путешествіе. Эти видѣнныя мною событія хочу

воскресить въ моей памяти. Эти пережитыя мною поколѣнія, съ ихъ типическими чертами различныхъ эпохъ, хочу снова облечь въ живые образы.

Въ моихъ запискахъ мало будетъ интереса собственно *историческаго*, принимая это слово въ тѣсномъ его смыслѣ. Но смѣю думать, что въ нихъ будетъ тотъ общечеловѣческій интересъ, который часто увлекаетъ насъ въ самой простой семейной хроникѣ, въ исторіи обыденной жизни обыденныхъ людей,—и увлекаетъ именно потому, что каждый пишущій и читающій подобные записки *есть человѣкъ, и все человѣческое не чуждо ему.*

Но исторія каждаго отдѣльнаго лица, такъ же какъ и каждаго народа, не можетъ быть полна и достаточно выяснена, если не указать на предшествовавшія событія. Поэтому я прошу позволенія начать мою автобіографію ab ovo, т.-е. съ исторіи моихъ предковъ.

I.

Исторія моихъ предковъ.

До 1802-го года.

> Вотъ какъ жили поживали
> Наши дѣды и отцы.

Въ «Родословной книгѣ князей и дворянъ россійскихъ и выѣздныхъ», изданной въ 1787-мъ году и напечатанной «въ университетской типографіи у Н. Новикова», значится: «С—вы выѣхали изъ Швеціи. Названіе получили отъ предка ихъ, который назывался Левисъ С—овъ». Въ которомъ году выѣхалъ мой родоначальникъ, объ этомъ въ Родословной книгѣ ничего не сказано. Подлинной родословной подъ рукой у меня нѣтъ, да я не считаю нужнымъ и справляться о точномъ времени его выѣзда, слишкомъ отдаленномъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Въ родѣ нашемъ, — генеалогическое дерево котораго впослѣдствіи широко развѣтвилось, — осталось преданіе, что Левисъ былъ *зѣло искусенъ въ землемѣріи* и занимался съемкой какихъ-то пограничныхъ линій при какомъ-то великомъ князѣ, который, вѣроятно, или вызвалъ его, или принялъ на службу по собственному его предложенію, какъ *ученаго иностранца*, чтó въ тѣ времена очень часто случалось. Затѣмъ всякія, какъ письмен-

ныя, такъ и изустныя свѣдѣнія о Левисѣ и ближайшемъ его потомствѣ теряются во меракѣ неизвѣстности. И только уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича ярко выступаетъ на сцену личность одного изъ дальнѣйшихъ Левисовыхъ потомковъ, Ивана Богдановича С—ва, получившаго впослѣдствіи историческую извѣстность. Онъ былъ при царѣ комнатнымъ стольникомъ, т.-е. имѣлъ надзоръ за его внутренними покоями, постелей и платьемъ. Царь любилъ его какъ приближеннаго, вѣрнаго и усерднаго слугу, и притомъ, бывши страстнымъ охотникомъ, любилъ его какъ страстнаго же, ловкаго и смѣлаго охотника, который постоянно находился при немъ и на соколиной, и на псовой, и на медвѣжьей охотѣ. Съ-молоду, увлекаясь охотничьей удалью, Алексѣй Михайловичъ любилъ своеручно принять поднятаго изъ берлоги медвѣдя на рогатину, и строго запрещалъ въ этихъ случаяхъ всякую постороннюю помощь: привыкнувъ къ этой одиночной борьбѣ, онъ всегда оканчивалъ ее удачно; но разъ какъ-то удача и ловкость измѣнили ему. Въ ту минуту, когда медвѣдь всталъ передъ нимъ на дыбы, и ему неудобно было дать отпоръ рогатиной, нога царя оскользнулась; онъ упалъ, и разсвирѣпѣлый звѣрь готовъ ужъ былъ на него навалиться. Но вѣрный и смѣлый стольникъ въ одно мгновеніе заслонилъ царя собой, принялъ медвѣдя на свою рогатину и распоролъ ему животъ ножомъ. За это царь наградилъ его вотчиной въ Калужской губерніи [1]) и возвелъ въ санъ думнаго боярина, оставивъ однакожъ, по прежнему, при своихъ покояхъ. А придворные дали ему прозвище—орелъ, которое дѣйствительно соотвѣтствовало его красивой, смѣлой и открытой наружности.

Послѣ кончины царя Алексѣя, Иванъ Богдановичъ остался въ штатѣ юныхъ царевичей, и въ особенности былъ любимъ Петромъ, при которомъ находился такимъ же приближеннымъ человѣкомъ, какъ и при его отцѣ. Во время распри Петра съ его сестрой-правительницей за власть, приближенные царевны, съ цѣлью отвлечь отъ Петра преданныхъ ему людей, а въ томъ числѣ и Ивана С—ва, сдѣлали на нихъ извѣтъ, «что будто бы нѣкоторые изъ этихъ людей говорили С—ву: «Орелъ, убей ты намъ того орла, который часто летаетъ на Воробьевы горы», разумѣя подъ именемъ этого второго орла царя Іоанна, устроившаго себѣ на Воробьевыхъ горахъ лѣтній пріютъ и часто туда уѣзжавшаго. Обвиняемыхъ потянули къ допросамъ, засадили въ казематы, истязали пытками. А когда Шакловитый задумалъ

[1]) Село Сивцево, нынѣ Тарусскаго уѣзда, и давно уже вышедшее изъ рода С—выхъ, по переходу въ женское колѣно.

тайно умертвить Петра, онъ склонялъ С—ва принять на себя исполненіе его злодѣйскаго замысла — сперва обѣщаніемъ свободы и щедрыхъ наградъ, а потомъ еще болѣе лютыми пытками. Изнуренный заключеніемъ, истерзанный муками, но вѣрный долгу и чести, Иванъ Богдановичъ принялъ мученическую смерть въ одномъ изъ казематовъ Дѣвичьяго монастыря, въ кельѣ котораго, вскорѣ послѣ того, была заключена сама царевна, и гдѣ Петръ далъ такой страшный урокъ, выставивъ передъ ея окнами, на пикахъ, отрубленныя головы стрѣльцовъ, ея сообщниковъ.

У Ивана Богдановича семейства не было. Былъ только одинъ родной братъ, Панкратій, меньшой ему, который, несмотря на свою молодость, жилъ вдалекѣ отъ придворныхъ и политическихъ смутъ, въ деревенской глуши, въ небольшой своей родовой вотчинѣ, въ Каширскомъ уѣздѣ. Петръ вызвалъ его къ себѣ и осыпалъ щедрыми подарками, въ которыхъ приняла участіе и царица Наталья Кириловна. А потомъ, замѣтивъ ему, что такому молодцу не годится жить въ деревнѣ, а надобно служить, записалъ въ свои «потѣшные» и съ тѣмъ вмѣстѣ, надѣясь въ немъ найти такую же къ себѣ преданность, какъ въ его братѣ, и желая, чтобъ онъ былъ ближе къ нему, взялъ къ себѣ рынды. Этотъ-то Панкратій былъ прямой родоначальникъ той вѣтви родословнаго дерева, отъ которой произошелъ я.

Изъ семейныхъ преданій извѣстно, и изъ письменныхъ документовъ видно, что царь скоро полюбилъ его и не забывалъ повышать и награждать. Года черезъ два, по вступленіи въ службу онъ женился. Вотъ преданіе объ этой, довольно романической женитьбѣ, которое дошло до меня отъ моей двоюродной бабушки, а его родной правнуки, Марьи Васильевны С—ной, и которое показываетъ, въ какой милости онъ былъ у царя.

Жилъ въ то время въ Москвѣ бояринъ Никита Ивановичъ Зиновьевъ, человѣкъ богатый, гордый и крутого обычая. У него была красавица-дочка, которую онъ чуть-ли не съ самаго рожденія нарекъ въ невѣсты, тоже малолѣтному, сыну какого-то богатаго князя, своего пріятеля. До той поры, пока у насъ велся азіатскій обычай держать женщинъ въ заперти, Натальѣ (такъ звали его дочь) Никитишнѣ едвали удавалось видѣть вблизи не только какого-нибудь посторонняго мужчину, но даже и нареченнаго жениха. Но когда Петръ, послѣ своего путешествія по Европѣ, потребовалъ, чтобы на придворныя ассамблеи и другія торжества бояре являлись съ женами и дочерьми, Наталья Никитишна, время свадьбы которой уже приближалось, увидѣла на какомъ-то парадномъ выходѣ Панкратія Богдановича. По словамъ бабушки, на-

слышавшейся о немъ отъ своей матери и даже видѣвшей его портретъ, который, къ сожалѣнію, до меня не дошелъ, а попалъ въ другую отрасль фамиліи, онъ былъ очень красивъ собой, а ростомъ, по ея выраженію, почти съ царя. И шелъ онъ при немъ, на этомъ выходѣ, въ бѣломъ атласномъ кафтанѣ съ золотыми цѣпями на груди, въ высокой шапкѣ и съ сѣкирою на плечѣ. Это былъ тогдашній нарядъ рынды. Его красивая наружность и этотъ красивый нарядъ сдѣлали сильное впечатлѣніе, какъ разсказывала впослѣдствіи сама Наталья Никитишна, на ея вполнѣ еще чистое сердце, огражденное до шестнадцати лѣтъ отъ всякихъ подобныхъ увлеченій уединеніемъ терема. Молодой рындъ тоже заглядѣлся на ея красоту, и если принять въ соображеніе всю обстановку тогдашняго времени, когда оба пола были совершенно разъединены, когда ихъ свиданія могли быть только мимолетны, и всѣ объясненія должны были ограничиваться одними взглядами, то будетъ понятно, что и его страсть могла разгорѣться съ этой же первой встрѣчи, съ этихъ же первыхъ взглядовъ. Они стали искать новыхъ встрѣчь: въ церкви, въ ассамблеяхъ; но перемолвить другъ съ другомъ имъ нигдѣ не было возможности, потому что за дѣвицами все еще смотрѣли строго, особливо при строгихъ отцахъ стараго закала. Начались сношенія черезъ мамушекъ и нянюшекъ, купленныхъ щедрыми подарками. Панкратій Богдановичъ хотѣлъ начать сватовство; но когда ему сказали, что боярышня просватана за другого и что онъ этимъ ускорить только ея погибель, потому что отецъ лучше согласится видѣть ея мертвой, чѣмъ нарушить давное слово, онъ рѣшился жениться увозомъ. Наталья Никитишна, видя сама, что другого исхода нѣтъ, согласилась, — и въ одинъ темный, зимній вечеръ нянька вывела ее изъ дому, прикрывъ нагольной шубой горничной дѣвки. Женихъ посадилъ ее въ сани, и лихая тройка примчала ихъ въ подмосковное, довольно извѣстное, село Фили, гдѣ все было уже приготовлено къ вѣнчанью, и гдѣ оно и совершилось безъ всякихъ препятствій. А на другое утро виновный поспѣшилъ явиться къ государю съ повинной головой. Сначала царь сильно разгнѣвался за такое своевольство; но потомъ, вспомнивъ заслуги его брата и щадя въ немъ самомъ вѣрнаго слугу, успѣвшаго уже показать свое усердіе, смягчился, и сказалъ [1]): «Ну, дѣлать нечего. Аще Богъ сочетаваетъ, человѣкъ да не разлучаетъ. Покажи-ка мнѣ молодую жену. Стоитъ ли того, что ты для нея надѣлалъ?»

---

[1]) Всѣ нижеслѣдующія подробности перешли въ преданіе изъ собственнаго разсказа Натальи Никитишны объ этомъ происшествіи.

Привезъ онъ жену ни живую ни мертвую, всю въ слезахъ: и гнѣва царскаго боится и еще больше родительскаго проклятія, мысль о которомъ, послѣ первой минуты рѣшимости, все больше и больше стала ее мучить. Государь, взглянувъ на нее, улыбнулся. «Вижу — говоритъ — молодчикъ, что губа-то у тебя не дура... Ну, не плачь, молодая; поцалуй-ка меня. Виновата ты передъ отцомъ, да Богъ тебя проститъ по твоей молодости. А коли Богъ проститъ и государь проститъ, такъ и отецъ проститъ. А чтобы ему охотнѣе было простить, жалую твоего мужа въ стольники. Поѣзжайте сейчасъ къ отцу и скажите, что царь и великій государь прислалъ васъ къ нему просить прощенія и его родительскаго благословенія». Какъ ни разсерженъ былъ бояринъ противъ дочери, но по царскому слову, и въ особенности такого царя, каковъ былъ Петръ, волей-неволей, простилъ.

Этотъ поступокъ не лишилъ предка царскихъ милостей. Напротивъ, въ своей новой должности онъ, вѣроятно, успѣлъ оказать какія-нибудь новыя заслуги, потому что, когда у него родился первый ребенокъ, онъ уже значится по документамъ стряпчимъ съ ключемъ. Тѣже семейныя преданія гласятъ, что этого ребенка царь самъ назвался крестить. Объ этомъ событіи бабушка тоже любила поразсказать нѣкоторыя слышанныя ею подробности: «Государь — разсказывала она — говорилъ, шутя, прадѣдушкѣ: «Если у тебя родится сынъ, пойду крестить; а если дочь — не смѣй и звать въ кумовья».— Когда прадѣдушка явился и просилъ принять младенца отъ купели, онъ весело спросилъ: «Сына Богъ далъ?» — Нѣтъ, — отвѣчалъ прадѣдушка пригорюнясь, — дочь. — «Какъ же ты осмѣлился просить меня, — крикнулъ государь, — коли я тебѣ запретилъ?» А прадѣдушка былъ себѣ на умѣ: — Потому, — говоритъ, — надежа-государь, осмѣлился, что дочь-то зовутъ Петромъ. — Государь разсмѣялся. Понравилась ему и шутка прадѣдушки и то, что онъ имя далъ сыну въ честь его».

Эта шутка, которая очень нравилась самой бабушкѣ и которую она всегда пересказывала съ особеннымъ удовольствіемъ, теперь могла бы показаться плосковатой; но она была именно въ духѣ того времени, въ простотѣ тогдашнихъ нравовъ, которая и до сихъ поръ еще сохранилась въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, гдѣ шутки подобнаго рода часто слышатся на свадебныхъ и крестинныхъ пирахъ. Петръ окрестилъ своего тёзку и положилъ ему на зубокъ, подъ подушку родильницы, пергаментный листъ, съ ярко расписанными и раззолоченными орнаментами на поляхъ, и съ четырьмя увѣсистыми, жемчужными кистями по угламъ. Это была жалованная грамота, которая до сихъ поръ сохраняется въ фамильномъ архивѣ и по которой, какъ значится

въ отказныхъ книгахъ: «Въ 201-мъ году отказано стряпчему съ ключемъ, Панкратію Богдановичу С—ву, недвижимое имѣніе въ Пензенскомъ уѣздѣ, село Пелетминское-Посопная слобода; а въ ней пашни, по писцовымъ книгамъ 193-го, 194-го и 195-го годовъ, писца Семена Дмитріева, по мѣрѣ одиннадцать тысячъ пятьсотъ девяносто четыре четверти, съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, и мельницами, и рыбными ловли, и со крестьяны».

Награда имѣніемъ была въ тѣ времена дѣломъ очень обыкновеннымъ. Но впослѣдствіи Петръ сдѣлалъ своему вѣрному слугѣ подарокъ гораздо болѣе оригинальный. Когда Панкратій Богдановичъ, по разстроенному здоровью, долженъ былъ оставить службу, онъ задумалъ снова переселиться въ деревню. Каширское имѣніе, въ которомъ онъ жилъ и прежде, было небольшое, и хотя онъ прикупилъ къ нему другую половину, принадлежавшую, какъ видно изъ купчей, Цихлеру, но оно все еще далеко не равнялось съ жалованнымъ пензенскимъ. Несмотря на то, сколько по отдаленности жалованнаго имѣнія отъ столицы, столько же и по привычкѣ къ старому гнѣзду, онъ предпочелъ послѣднее. Одно только озабочивало его, что въ имѣніи этомъ не было церкви, да и приходская, по тогдашней малочисленности церквей, была въ десяти верстахъ. Предокъ былъ человѣкъ религіозный. Онъ желалъ провесть послѣдніе дни вдалекѣ отъ суетъ мірскихъ, въ совершенномъ спокойствіи и молитвѣ. Поэтому, онъ еще до отъѣзда въ деревню началъ дѣлать приготовленія къ постройкѣ тамъ церкви. Когда царь узналъ о его заботѣ, онъ вдругъ вздумалъ подарить ему деревянную церковь изъ села Филей, ту самую, въ которой онъ вѣнчался. Исполнить это было тѣмъ удобнѣе, что село принадлежало казнѣ. За перевозкой тоже дѣло не стало. Церковь разобрали по бревну, иконостасъ и утварь уложили въ ящики; а затѣмъ,—такъ какъ это было зимой,—забрали на Болотной площади нужное число подводъ, пришедшихъ въ Москву съ хлѣбомъ по каширскому тракту, и на этомъ порожнякѣ, которому приходилось возвращаться тѣмъ же трактомъ, вся церковь, какъ гласитъ преданіе, была привезена на мѣсто разомъ. Стояла она прямо противъ господскаго дома, саженяхъ въ пятидесяти отъ воротъ, на просторной лужайкѣ, и была обсажена вокругъ березами, верхушки которыхъ впослѣдствіи подстригались. Достопамятная церковь эта пришла въ ветхость еще при внукахъ Панкратія Богдановича, и одинъ изъ нихъ построилъ, рядомъ съ ней, новую деревянную же, въ которую иконостасъ и утварь перенесъ изъ старой. Но стѣнъ ея, часть которыхъ, вѣроятно, пошла на эту же постройку, не осталось и слѣда. Только на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежній престолъ, и теперь еще стоитъ

каменный памятникъ, имѣющій форму глухой часовни, съ углубленіемъ въ одной сторонѣ, для помѣщенія образа.

У Панкратія Богдановича только и былъ одинъ сынъ, крестникъ и соименникъ царевъ, о которомъ сказано выше. Въ біографіи этого послѣдняго не встрѣчается такихъ выпуклыхъ эпизодовъ, которые остаются въ памяти потомства яркими, отдѣльными чертами. Извѣстно только, что онъ былъ человѣкъ очень образованный, что̀ подтверждается и его послужнымъ спискомъ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника онъ занималъ должность «канцеляріи конфискаціи главнаго судьи», а впослѣдствіи имѣлъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Подъ старость онъ жилъ въ томъ же имѣніи, гдѣ жилъ и отецъ его, и гдѣ надолго въ народѣ сохранилось воспоминаніе, какъ онъ ѣздилъ въ каретѣ цугомъ, съ двумя форрейторами, двумя гайдуками на запяткахъ, двумя верховыми гусарами по сторонамъ, и съ скороходомъ впереди. Но надобно отдать ему справедливость, что при своемъ богатствѣ и важномъ чинѣ, которые въ тѣ времена составляли огромную силу, онъ не употреблялъ этой силы во зло, подобно многимъ тогдашнимъ богатымъ и знатнымъ помѣщикамъ. Онъ не топталъ псовой охотой полей своихъ сосѣдей, и не сѣкъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и исправниковъ, какъ это дѣлывалъ Измайловъ. Бралъ съ собой гусаровъ только по тогдашнему обычаю, а не для того, чтобы колотить нагайками перваго встрѣчнаго мужика, неуспѣвшаго своротить съ дороги, или заколачивать до полусмерти, тѣми же нагайками, своихъ крестьянъ на пахотѣ и на всякихъ другихъ работахъ, какъ заколачивалъ одинъ изъ графовъ Головкиныхъ, жившій въ своемъ алексинскомъ имѣніи и всегда совершавшій подобныя экзекуціи, какъ разсказывали очевидцы, съ какимъ-то звѣрскимъ наслажденіемъ, выражавшемся въ обыкновенной его, при такихъ истязаньяхъ приговоркѣ: «парь его! парь! вынь душу! ого-го! хорошо! хорошо»! Напротивъ, Петръ Панкратьичъ всегда былъ готовъ помочь бѣдняку, а не обидѣть его. Былъ человѣкъ кроткій, благочестивый, и написалъ даже нѣсколько «Размышленій» и стиховъ въ духѣ христіанскаго смиренія; но сознавая самъ, что не имѣетъ достаточнаго авторскаго и тѣмъ еще болѣе поэтическаго таланта, никогда ихъ не печаталъ. Часто ходилъ въ церковь, не пропуская, какъ говорили старожилы, ни одной обѣдни и заутрени. У него былъ хоръ пѣвчихъ, составленный изъ многочисленной домашней челяди. Въ праздничные дни вся капелла одѣвалась въ богатые кафтаны, расшитые галунами, и въ хорошую погоду помѣщикъ совершалъ выходъ изъ дому въ церковь съ особенной торжественностью, окруженный своимъ

семействомъ и цѣлой свитой гайдуковъ, гусаровъ, лакеевъ и женской прислуги, сопровождавшей его жену и дочерей. Сохранилось также преданіе, что онъ самъ любилъ пѣть на клиросѣ, что́ подтверждается и оставшейся послѣ него небольшой книжкой «партеснаго пѣнія на три голоса», съ партитурою баса, которую въ хорѣ онъ и держалъ. Надпись о принадлежности ему этой книжки сдѣлана на ней его собственной рукой, очень четкимъ и красивымъ тогдашнимъ почеркомъ, и цитирована 1761 годомъ. Книжка эта сохранилась въ совершенной цѣлости, чему, конечно, способствовалъ современный ей толстый, кожаный переплетъ.

Получивъ послѣ отца, какъ единственный наслѣдникъ, все имѣніе, Петръ Панкратьевичъ много еще присоединилъ къ нему покупками то цѣлыхъ сосѣднихъ деревень, то пахатныхъ и луговыхъ земель въ смежныхъ пустошахъ. И теперь еще цѣла кипа столбцовъ, на которыхъ писаны выданныя ему разными лицами купчія крѣпости, но онѣ не имѣютъ уже никакого другого значенія кромѣ значенія историческихъ актовъ, потому что всѣ деревни и земли, купленныя имъ, давно вышли опять изъ рукъ его потомковъ. У него было три сына и четыре дочери[1]; при раздѣлѣ ихъ, имѣнье, состоявшее слишкомъ изъ трехъ тысячъ душъ и огромнаго числа десятинъ земли, сразу распалось на семь частей, а потомъ пошло дробиться до безконечности. Кромѣ того, надъ потомками этого богатаго и именитаго патріарха семейства какъ будто бы отяготѣлъ перстъ божій. Двѣ дочери его вышли замужъ, и были,—какъ говорила та же моя двоюродная бабушка, и ихъ родная племянница,—очень несчастливы. Мужъ одной изъ нихъ былъ скаредный и въ свое время хорошо извѣстный всей Москвѣ скряга, котораго родной братъ жены его заклеймилъ именемъ Кощея и публично осмѣивалъ въ своихъ комедіяхъ и сатирическихъ пѣсняхъ, нанимая фабричныхъ пѣть эти пѣсни подъ его окнами. Мужъ другой былъ хитрый и очень недобросовѣстный пронырa. Двѣ другія дочери состарѣлись въ дѣвствѣ, и одна изъ нихъ, отдавшая еще при жизни все свое имѣніе, умѣвшему подольститься къ ней, пронырливому зятю, терпѣла потомъ отъ него такую горькую участь, что сошла съ ума. Другая была осторожнѣе, но и ея послѣднія минуты были горьки. Тотъ же зять, пользуясь ея одиночествомъ (она жила одна въ доставшемся ей алексинскомъ имѣніи) и болѣзнью, заставилъ ее, постоянными вымогательствами, подписать актъ, по которому и вся ея часть перешла къ нему. Такимъ образомъ,

[1]) Онъ былъ женатъ на Прасковьѣ Ивановнѣ Приклонской.

всѣмъ дочерямъ Петра Панкратьевича суждена была не красная жизнь, и все ихъ имѣніе перешло въ чужія руки и разсыпалось прахомъ, кромѣ части старшей дочери, которая была за скрягой и у которой были дѣти. Средній сынъ его, Александръ, извѣстный и очень популярный въ свое время поэтъ и сатирикъ, умеръ тоже въ одиночествѣ и бѣдности, преслѣдуемый своими кредиторами и врагами, которыхъ нажилъ себѣ своимъ рѣзкимъ, сатирическимъ перомъ, а отчасти своимъ сварливымъ характеромъ и высокомѣріемъ, къ которому привыкъ въ дни своей славы. Только одна изъ отраслей поколѣнія меньшого сына, Ивана, бывшаго при Екатеринѣ II егермейстеромъ, была исключительно пощажена тѣмъ злымъ фатализмомъ, который палъ на всѣхъ остальныхъ членовъ семейства. Она въ трехъ поколѣніяхъ, последовательно, пользовалась—и пользуется еще и до настоящаго времени,—и богатствомъ, и заслуженнымъ почетомъ. Но за то этотъ фатализмъ палъ всей своей тяжестью на потомство старшаго сына Петра Панкратьевича, Василія, моего родного прадѣда. Самъ онъ еще пользовался и почетомъ и хорошимъ состояніемъ. Онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и занималъ должность президента московской бергъ-коллегіи. Изъ трехъ тысячъ отцовыхъ душъ ему, за исключеніемъ четырехъ четырнадцатыхъ частей, выдѣленныхъ сестрамъ, по раздѣлу съ двумя братьями все еще досталось слишкомъ семьсотъ. Но должность постоянно удерживала его въ Москвѣ, гдѣ у него былъ и собственный домъ, а всѣми имѣніями управлялъ дворовый его человѣкъ Татариновъ, имя котораго сохранилось въ потомствѣ, какъ прикащика грознаго, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ барина и обворовавшаго его самымъ наглымъ образомъ. Онъ жилъ въ томъ самомъ имѣніи, въ которомъ жили дѣдъ и отецъ Василія Петровича, и которое досталось ему несмотря на то, что изъ трехъ братьевъ онъ былъ старшій. Говорю: несмотря на то,—потому что, вслѣдствіе стариннаго обычая, въ большинствѣ раздѣловъ отцовскія усадьбы предоставлялись меньшимъ братьямъ. Впослѣдствіи это имѣніе перешло ко мнѣ, и я засталъ еще старожиловъ, которые были очевидцами плутовскихъ продѣлокъ Татаринова. Въ особенности любопытны двѣ изъ нихъ, характеризующія какъ его собственную наглость, такъ и тогдашнее время.

При генеральномъ размежеваніи повѣреннымъ прадѣда былъ тотъ же прикащикъ Татариновъ. Когда землемѣръ, капитанъ Калистратъ Шишмаревъ, — его же имя красуется на генеральныхъ планахъ всѣхъ дачъ Каширскаго уѣзда Бевпутскаго стана, — пріѣхалъ межевать прадѣдовскія и смежныя съ ними дачи

другихъ владѣльцевъ, одинъ изъ нихъ подкупилъ Татаринова, за 10 рублей, прирѣзать къ его землѣ изъ прадѣдовской 50 десятинъ. Предварительная сдѣлка состоялась на словѣ съ тѣмъ, чтобы деньги отдать по окончаніи дѣла. Когда межи были утверждены, планы и межевыя книги подписаны, Татариновъ явился за полученіемъ; но подкупившій его помѣщикъ, вмѣсто денегъ, разсчелся съ нимъ розгами, причитавъ притомъ очень назидательно, чтобы онъ въ другой разъ не осмѣливался обманывать и продавать своего господина.

Къ этому разсказу тѣже старожилы прибавляли еще другой, который составляетъ какъ-бы его заключеніе. Другой сосѣдъ, земли котораго съ владѣльцемъ, подкупившимъ Татаринова, тоже были смежны, только съ противоположной стороны отъ прадѣдовскихъ земель, услышавъ объ этомъ происшествіи, остался очень доволенъ тѣмъ, что Татаринова высѣкли; но вздумалъ проучить и сосѣда, за его скверный поступокъ, наказаніемъ совершенно соразмѣрнымъ его винѣ, т.-е., отрѣзать у него къ своей дачѣ тоже самое количество земли, какое тотъ отрѣзалъ у прадѣда. Онъ былъ генералъ, имѣлъ пятьсотъ или шестьсотъ душъ крестьянъ, конный заводъ, псовую охоту, слѣдовательно былъ по тогдашнему времени человѣкъ сильный, и потому совершилъ задуманную имъ отрѣзку безъ всякаго посторонняго содѣйствія, а просто запоивъ, закормивъ и задаривъ землемѣра, какъ это дѣлали тогда многіе сильные люди. «Бывало,—разсказывали мнѣ сторожилы, помнившіе генеральное размежеванье,— выѣдетъ богатый помѣщикъ въ поле, вмѣстѣ съ землемѣрами, въ длинной линейкѣ, въ шесть лошадей съ двумя форрейторами да съ вершниками въ охотничьихъ кафтанахъ, и ѣдетъ онъ вокругъ своей дачи по смежнымъ землямъ, которыя задумалось ему захватить. Остановятся гдѣ надобно, — а народъ ужъ собранъ, и смежные владѣльцы и повѣренные. Землемѣръ и закричитъ: «слушайте, господа и народъ православный, вотъ это вся земля, по которой мы ѣдемъ, принадлежитъ его превосходительству, — или его сіятельству», — т.-е. съ кѣмъ онъ сидитъ; тѣ: «помилуйте, батюшка,—скажутъ ему,—да тутъ изстари владѣніе дворянина Козьмы Петровича, а вотъ тутъ однодворца Ильи Анучина».—«Вздоръ! закричитъ землемѣръ: что тутъ владѣютъ Кузьма Петрушкинъ да Илюшка Анучкинъ, то неправильно; а я вижу по писцовымъ книгамъ, что земля принадлежитъ его превосходительству. И какъ мнѣ законъ велитъ, такъ и отрѣжу». И точно, какъ гдѣ проѣдутъ, по тому слѣду и межу пройдутъ. А за линейкой ѣдетъ цѣлая фура съ напитками да съ разными закусками. Покончатъ дѣло, сдѣлаютъ гдѣ-нибудь

въ лѣску, привалъ, — и пошло пированье. А бѣдный человѣкъ, у кого отрѣзали землю, пойдетъ домой да рукавомъ слезы утираетъ. На межѣ спорить не смѣетъ: того и гляди окружатъ архангелы въ охотничьихъ кафтанахъ, да за грубость арапниками отдуютъ; а тягаться бѣдному человѣку съ богатымъ, въ тѣ времена, и вовсе не приходилось: послѣдній кафтанишко стянутъ, а суда не дадутъ»... Тѣ же старожилы говорили, что генералъ, отрѣзавшій землю у сосѣда, подарилъ за это землемѣру рысачка своего завода, и что тотъ же землемѣръ отрѣзалъ у владѣльца одной большой дачи «больно много» земли за то, что этотъ владѣлецъ не подарилъ ему иноходца. Желая, изъ любопытства, повѣрить какими-либо данными, на чемъ основывалась возможность подобныхъ захватовъ и отрѣзокъ земли, память о которыхъ повсемѣстно сохранилась въ народѣ отъ временъ генеральнаго размежеванія, я просматривалъ сохранившіяся при имѣніи выписи изъ писцовыхъ отказныхъ и межевыхъ книгъ, которыя до генеральнаго размежеванія замѣняли планы. Вотъ какъ описаны старинными межевщиками границы той дачи, въ которой отрѣзано у прадѣда пятьдесятъ десятинъ.

«Въ межевыхъ каширскихъ книгахъ, письма и мѣры князя Булата-Мещерскаго да подьячаго Казарина Башмакова, 136, 137 и 138 годовъ, въ Безпутскомъ стану, въ вотчинѣ въ межахъ написано: межа Иванову помѣстью Цихлера пустоши, что была деревня, Ауловка съ Богдановымъ помѣстьемъ С—ва (отецъ Панкратія Богдановича) съ сельцомъ Кунеевымъ, отъ головы Сорочьяго Верха, по протоку, въ рѣчку Безпуту; по праву земли пустоши Ауловки, а по лѣву сельца Кунеева. Съ того протока внизъ по рѣчкѣ Безпутѣ, до кручи и до излучины, та рѣчка межа Иванову помѣстью Цихлера съ Богдановою землею С—ва, съ деревнею Котеневомъ. А у рѣчки, на излучинѣ, большой сѣрый камень скуломъ. Съ того камня на право лугомъ, въ пашнѣ, на рытвину; а съ той рытвины, въ гору, по поточинѣ врагомъ (оврагомъ), на большой, на круглый, красный камень. А съ того камня правѣе березовой рощи, по опушкѣ, на дубъ; а на дубу грань крестъ. Съ того дуба, вкось, по межѣ, до излучины бойной Захальинской дороги; то межи Иванову помѣстью Цихлера, пустоши Ауловки, съ Михайловой помѣстной землей Сревнева, деревни Захальиной. Съ той излучины направо по дорогѣ до кудрявой ракиты; а на ракитѣ грань крестъ. И та дорога межа Ивановой помѣстной земли Цихлера съ Никитиной помѣстной землей Кожина, деревни Луневки. Съ той кудрявой ракиты, вправожъ, къ головѣ Сорочьяго Верха, откуда взятъ починнный пунктъ. И то межа Ивановой помѣстной земли Цих-

лера, пустоши Ауловки, съ Богдановымъ помѣстьемъ С—ва, сельцомъ Кунеевомъ».

Изъ приведенной выписи видно, что дача эта замежевана, по писцовой книгѣ, за прудомъ Цихлера, у котораго Панкратій Богдановичъ прикупилъ впослѣдствіи, какъ сказалъ я выше, часть имѣнія, и хотя въ отказныхъ книгахъ обозначалось число купленныхъ четвертей; но самые отказы, обыкновенно, совершались голословно по документамъ, безъ всякой повѣрки въ натурѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны эта безконтрольность документовъ, по которымъ, какъ жалованныя, такъ и купленныя дачи переходили къ владѣльцамъ; а съ другой сбивчивость и непрочность межевыхъ признаковъ, описанныхъ въ тогдашнихъ межевыхъ книгахъ, какъ, напримѣръ, рытвинъ, которыя могли быть занесены иломъ и прорыты водой въ другомъ мѣстѣ; камней, которые могли быть просто свезены; деревьевъ, которые могли быть срублены или уничтожены бурями и временемъ, — вполнѣ поясняютъ ту наглость и безнаказанность, съ какой совершались захваты чужихъ земель при генеральномъ межеваньи, наступившемъ черезъ сто лѣтъ послѣ межевыхъ книгъ «письма и мѣры князя Булата-Мещерскаго». Тѣже самыя причины повели къ той невѣрности во многихъ генеральныхъ планахъ, и къ той запутанности во многихъ крѣпостныхъ документахъ, которыя потомъ сильно затруднили ходъ размежеванія спеціальнаго, и о которыхъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ.

Въ тотъ самый годъ, когда межевались прадѣдовы дачи (1789), онъ потерялъ жену[1]). Вскорѣ послѣ того самъ занемогъ и оставивъ службу, переѣхалъ въ деревню. Продѣлка Татаринова была еще слишкомъ свѣжа; но никто, однакожъ, не смѣлъ сказать о ней прадѣду. Съ деревенскими сосѣдями прежде онъ не былъ знакомъ, а по пріѣздѣ въ деревню держалъ себя въ отношеніи къ нимъ,—особенно къ мелкопомѣстнымъ,—слишкомъ далеко и гордо. Да по болѣзни онъ мало кого и принималъ. И не только посторонніе, далекіе отъ него люди, самые дѣти его, въ то время уже всѣ совершеннолѣтніе, зная, что Татариновъ былъ у него правой рукой и въ особенности былъ необходимъ ему во время болѣзни, не смѣли открыть ему глаза, изъ опасенія еще болѣе разстроить его здоровье. Дѣтей у Василія Петровича было пятеро: два сына и три дочери. Старшая дочь была уже въ то время замужемъ; двѣ жили при немъ. Сыновья, получившіе образованіе въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, оба находились на службѣ. Старшій, Василій, въ чинѣ поручика,

---

[1]) Марья Ивановна, рожденная Юшкова.

состоялъ адъютантомъ у Кирилы Григорьевича Разумовскаго; другой, Платонъ, мой родной дѣдъ, началъ службу въ гвардіи, но еще въ сержантскомъ чинѣ женился [1]) и перешелъ въ армейскій полкъ капитаномъ, а потомъ поступилъ въ межевую канцелярію, въ которую тогда, по поводу надобности въ землемѣрахъ для генеральнаго размежеванія, охотно принимали всѣхъ способныхъ къ этому дѣлу людей. Дѣдъ же хорошо зналъ математику и былъ отличный чертежникъ и рисовальщикъ. Впослѣдствіи онъ былъ губернскимъ землемѣромъ во Владимірѣ (на Клязьмѣ), гдѣ родился и мой отецъ.

Усилившаяся болѣзнь прадѣда заставила пріѣхать въ деревню, къ отцу, старшаго его сына, и онъ нашелъ необходимымъ везти больного къ московскимъ докторамъ. Это было лѣтомъ. Больного положили въ четверомѣстную карету; подлѣ него, для услугъ, сѣлъ Татариновъ, а сынъ поѣхалъ въ кибиткѣ. На второмъ переѣздѣ Татариновъ послалъ лакея остановить кибитку и сказать Василію Васильевичу, чтобы онъ какъ можно скорѣе ѣхалъ до первой деревни и приготовилъ тамъ квартиру: «что батюшкѣ, дескать, очень дурно, и ему необходимъ отдыхъ». Василій поскакалъ; но не успѣлъ онъ отъѣхать и версты, какъ его догналъ форрейторъ, съ извѣстіемъ, что «батюшка, дескать, приказалъ долго жить». Повернули назадъ, и въ ту же ночь привезли мертваго помѣщика обратно въ деревню. Въ каретѣ, при Василіѣ Петровичѣ, была шкатулка, въ которой, по общему убѣжденію, постоянно хранилась значительная сумма денегъ. Ключъ отъ этой шкатулки онъ носилъ на шеѣ. Ключъ нашли на своемъ мѣстѣ; шкатулка была заперта. Но когда ее отперли, чтобы достать денегъ для похоронъ, въ ней оказалось такъ мало, что сынъ и дочери не вѣрили своимъ глазамъ. Носились слухи, что въ ту минуту, когда Татариновъ послалъ приказаніе молодому барину ѣхать впередъ, Василій Петровичъ лежалъ въ каретѣ уже мертвый, и что этотъ отводъ сдѣланъ былъ для того, чтобы никто не могъ помѣшать выгрузкѣ шкатулки. Василій Васильевичъ былъ человѣкъ недалекаго ума и очень слабаго характера; сестры его, какъ и большая часть дѣвицъ того времени, тоже были не изъ бойкаго десятка, и притомъ всѣ они совершенно растерялись отъ внезапно поразившей ихъ смерти отца. Да и вообще, Татаринова нельзя было преслѣдовать за расхищеніе денегъ, не имѣя на то явныхъ уликъ и доказательствъ. А помѣщичьему самоуправству его уже нельзя было подвергать, потому что онъ

[1]) На Марьѣ Ивановнѣ Бахметевой.

имѣлъ отпускную. Такимъ образомъ и прадѣдовъ капиталъ пошелъ не въ родъ, а въ чужія, длинныя руки.

Оба сына Василія Петровича были, какъ кажется, вовсе не честолюбивы, и нисколько не заботились стать въ уровень съ своими чиновными предками. Тотчасъ послѣ смерти отца, они вышли въ отставку, и такъ и остались на всю жизнь, одинъ—капитаномъ, другой — поручикомъ. Нѣкоторые ихъ родные и знакомые видѣли въ этомъ гнѣвъ божій. Говорили, что имѣніе Василія Петровича расхищается и родъ его мельчаетъ за его грѣхи; что дальнѣйшему его потомству будетъ еще горше и что такъ пойдетъ до седьмого колѣна. Дѣйствительно, впослѣдствіи его потомству было еще горше; и притомъ дѣйствительно носился слухъ, что Василій Петровичъ служилъ въ бергъ-коллегіи не совсѣмъ безукоризненно и заставилъ даже пострадать за себя нѣсколькихъ подчиненныхъ, а самъ остался правъ. Ходилъ и такой анекдотъ о немъ, что однажды, когда онъ ѣхалъ верхомъ, молнія ударила въ эфесъ его шпаги и растопила его, но самъ онъ остался невредимъ: Вѣроятно, въ эфесъ ударилъ не громовой ударъ, а обхватила его молнія, такъ-называемой, *сухой* грозы, бывающей въ сильный зной. Но современники смотрѣли на это необыкновенное происшествіе, какъ на «призваніе Савла», которое, однакожъ, не заставило Василія Петровича обратиться къ Богу. Наконецъ и въ самой смерти его видѣли *лютую* смерть грѣшника, по словамъ писанія.

Дѣды однакожъ въ своихъ мелкихъ чинахъ, должно быть не видали никакого гнѣва Божія, потому что служить они и не думали, а спѣшили только раздѣлить отцовское наслѣдство и зажить на покоѣ. Незамужнимъ сестрамъ отдали материнское имѣніе въ Вологодской губерніи, куда обѣ онѣ скоро и отправились. Замужней сестрѣ выдѣлили часть въ пензенскомъ имѣніи и въ нѣкоторыхъ другихъ отдаленныхъ имѣніяхъ. Вообще въ раздѣлѣ отдаленныхъ имѣній не было и между братьями никакихъ споровъ; но вышелъ споръ изъ-за родительскаго гнѣзда, въ которомъ оба брата намѣрены были поселиться. Къ селу, въ которомъ жили предки, прилегала другая деревня, отстоявшая отъ него версты на двѣ. Обѣ дачи раздѣлялись только рѣчкой, какъ видно и изъ приведенной мною межевой выписи. При обѣихъ деревняхъ было, приблизительно, равное количество какъ людей, такъ и земли. Очень просто, что одному слѣдовало взять село, другому деревню, съ приплатою за то, что въ селѣ была полная господская усадьба (хотя далеко не капитальная и не казистая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи); а въ деревнѣ только скотный дворъ, амбаръ, риги, да небольшой флигелекъ для по-

мѣщенія конторы. Но дѣло въ томъ, что никому не хотѣлось разстаться съ старымъ насиженнымъ гнѣздомъ и хлопотать объ устройствѣ новаго. Платонъ ссылался на тотъ же обычай, что отцовская усадьба слѣдуетъ меньшому брату; а также и на то, что онъ человѣкъ семейный, а братъ одинокій. Василій ссылался на то, что хотя отецъ ихъ былъ старшій между братьями, но досталась же ему отцовская усадьба. Впрочемъ, Василій, не желая выселяться самъ, не требовалъ и переселенія брата, а хотѣлъ раздѣлить пополамъ оба имѣнія, съ тѣмъ, чтобы также раздѣлить и усадьбу и самый домъ. Сколько ни доказывалъ ему братъ всю нелѣпость такого раздѣла, онъ, по какой-то безтолковости и многимъ странностямъ его характера, ничего не хотѣлъ слушать. Споры эти возобновлялись каждый день. Съ каждымъ днемъ становились горячѣе, — и кончились тѣмъ, что меньшой братъ, человѣкъ вспыльчивый и сильный, отколотилъ старшаго брата палкой. Средство это уладило дѣло лучше всѣхъ доказательствъ. Василій, озадаченный такой выходкой и отъ природы трусливый, тотчасъ же перебрался въ деревню, которую прежде не хотѣлъ брать; а потомъ безпрекословно подписалъ и раздѣльный актъ. Происшествіе это огласилось по всему околодку, и должно быть, что крутой поступокъ дѣда очень пришелся къ тогдашнимъ нравамъ, потому что скоро нашелся ему послѣдователь, который взглянулъ на палку уже не какъ на спеціальное средство противъ семейныхъ ссоръ при раздѣлахъ, а какъ на панацею, избавляющую отъ всякаго непріятнаго сосѣдства. Верстахъ въ десяти отъ дѣдовскаго имѣнія жили въ одномъ селѣ два помѣщика. Одинъ изъ нихъ, вышедшій въ генералы изъ лейбъ-компанцевъ, былъ, какъ и слѣдовало лейбъ-компанцу, человѣкъ ражій и грубый, другой маленькій, тщедушный, отставной артиллеріи поручикъ. Усадьбы ихъ раздѣлялись однимъ только заборомъ. Ссоры между близкими сосѣдями, въ родѣ той, какая схвачена въ комедіи кн. Шаховскаго: «Ссора двухъ сосѣдей за козла и собаку», и теперь не рѣдкость. Встарину же, когда помѣщики любили слушать всякія сплетни дворовой челяди, когда всякая сплетня могла подстрекнуть барское самолюбіе, подобныя ссоры составляли почти общую и неизбѣжную принадлежность всякаго близкаго сосѣдства. Стоило только какой-нибудь горничной или лакею побраниться съ сосѣдними людьми за бѣлье, развѣшанное на заборѣ, или за помои, вылитыя за тотъ же заборъ — и война загоралась по всей пограничной линіи. Заходила сосѣдская курица на чужой дворъ—ее колотили; забѣгала сосѣдская собака въ чужой кухнѣ—ее шпарили кипяткомъ; переходила какая-нибудь

скотина на сосѣдскую землю—ее загоняли въ хлѣвъ и морили голодомъ. Часто на брань дворни, закипавшую у забора, выходили и сами помѣщики, каждый на свое крыльцо, и присоединяли свои голоса къ голосамъ челядинцевъ. Кричали до охриплости, и наконецъ расходились отпиваться квасомъ. Такія ссоры и перебранки постоянно повторялись между сосѣдями, о которыхъ идетъ рѣчь, и хотя здоровый и горластый лейбъ-компанецъ всегда перекрикивалъ своего тщедушнаго сосѣда, но сосѣдъ такъ мастерски умѣлъ надъ нимъ подтрунивать, что часто заставлялъ хохотать не только свою дворню, но и генеральскую, противъ воли увлекавшуюся въ такія минуты и мѣткостью насмѣшки, и взрывомъ общаго хохота, что̀ доводило генерала до совершеннаго бѣшенства и даже до порки собственныхъ людей. А когда онъ ихъ поролъ, сосѣдъ подходилъ къ окну конюшни, выходившему на его дворъ, и смѣялся надъ нимъ еще больше. Желая избавиться отъ невыносимаго сосѣда во что̀-бъ то ни стало, генералъ вздумалъ попробовать тоже средство, которое такъ хорошо удалось дѣду. Суда онъ не боялся, потому что былъ богатъ и чиновенъ. Рукопашнаго сопротивленія со стороны сосѣда не боялся и подавно, потому что могъ пришибить его однимъ кулакомъ.

Въ одинъ лѣтній, праздничный день сосѣди сошлись въ церкви. Послѣ обѣдни маленькій сосѣдъ, для избѣжанія всякаго столкновенія «съ враждебнымъ ему—какъ онъ его называлъ—Голіаѳомъ», поспѣшилъ улепетнуть изъ церкви. Но Голіаѳъ догналъ его на паперти. Взялъ подъ руку и, не говоря ни слова, сошелъ съ нимъ съ крыльца. Но когда они вышли на сельскую улицу, онъ остановился и началъ упрекать его, въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, какъ виновника всѣхъ ихъ ссоръ. Завязалась крупная брань, которая тотчасъ же собрала вкругъ нихъ густую толпу народа, бывшаго у обѣдни. Генералъ только этого и хотѣлъ. Онъ схватилъ маленькаго сосѣда за шиворотъ, какъ собаченку, и началъ его колотить своей длинной и довольно увѣсистой натуральной тростью съ золотымъ набалдашникомъ, которая составляла въ тѣ времена общій аттрибутъ всѣхъ, болѣе или менѣе, значительныхъ помѣщиковъ. Ошеломленный такой неожиданной и публичной экзекуціей, побитый поручикъ, освободившись изъ рукъ врага, бросился бѣжать какъ полоумный. Онъ прошелъ по улицѣ мимо своихъ воротъ, и не зашелъ домой. Прошелъ все село; вышелъ на дорогу и все шелъ дальше и дальше. Наконецъ остановился, оглянулся назадъ: село видно какъ на блюдечкѣ. Онъ опять пошелъ. Прибавилъ шагу; опять остановился: села не видно, но виденъ еще шпиль колокольни.

Онъ повернулъ влѣво, къ лѣсу. Дошелъ до опушки; опять остановился: не видно, наконецъ, ни села ни колокольни. Къ лѣсу прилегала луговая поляна, перерѣзанная широкимъ оврагомъ. Онъ сломилъ въ лѣсу подсохшую тычину, воткнулъ ее середи поляны, и тотчасъ началъ переносить туда свою усадьбу и дворы своихъ крестьянъ. Лѣсъ и поляна были въ дачѣ того же села и состояли въ общемъ владѣніи тѣхъ же двухъ сосѣдей. А такъ какъ въ черезполосныхъ дачахъ дѣлилась между владѣльцами, на десятины и полосы, только пахатная земля, а подъ лугами и лѣсами оставалась собственностью общей, и такъ какъ другой владѣлецъ только и желалъ переселенія сосѣда, то оно и совершилось безъ всякихъ препятствій. Изъ оврага образовался огромный искусственный прудъ. По одну его сторону и теперь тянется длинный рядъ крестьянскихъ дворовъ. По другую стоитъ большой, двухъ-этажный господскій домъ, окруженный надворными строеніями и садами. Видъ изъ этого дома ограничивается съ трехъ сторонъ лѣсами, съ четвертой длиннымъ полемъ, которое, постепенно поднимаясь отлогимъ холмомъ, упирается въ горизонтъ. Весь поселокъ стоитъ на такой низинѣ и въ такой глуши, что его ниоткуда не видно, и когда къ нему подъѣдешь, онъ вдругъ какъ будто выростаетъ изъ земли. Глядя на эту деревню, вполнѣ убѣждаешься, что основатель ея хотѣлъ скрыться, не только отъ села, въ которомъ было нанесено ему оскорбленіе, но и отъ цѣлаго свѣта...

Увы! оскорбленный помѣщикъ былъ никто иной, какъ мужъ старшей дочери Василья Петровича и родной сестры моего дѣда. А сама она была та самая двоюродная моя бабушка, отъ которой слышалъ я всѣ приведенныя здѣсь семейныя преданія. Впослѣдствіи, когда всякія невзгоды и бѣдствія все больше и больше обрушивались надъ поколѣніемъ ея отца, она приписывала и поношеніе, претерпѣнное ея мужемъ, тому, что онъ вступилъ въ семейство, отъ котораго, по ея выраженію, «Господь отвратилъ лицо свое». За чьи именно грѣхи терпѣло семейство, на это бабушка не давала никакихъ объясненій, говоря только, что «чужая душа — потемки», и что только одинъ Господь можетъ знать, кто согрѣшилъ предъ нимъ. По поводу же слуховъ, носившихся о ея отцѣ, я никакъ не рѣшался обратиться къ ней съ какимъ-либо вопросомъ, считая его слишкомъ щекотливымъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось бесѣдовать съ ней только во времена моей первой молодости, когда застѣнчивость и деликатность связываютъ иногда самое живое любопытство. Но судя по тѣмъ вздохамъ, которые вырывались у нея, и по тѣмъ крестамъ, которыми она себя ограждала, каждый разъ, когда раз-

говоръ касался кары, павшей на нашъ родъ, можно думать, что замаливая въ такія минуты грѣхи всѣхъ нашихъ предковъ, она замаливала и грѣхъ отца. Справедливость анекдота о растопленномъ молніею эфесѣ она подтверждала. Но считала ли она такое, по ея собственному выраженію, чудо призваніемъ грѣшника къ раскаянію, — этого она опять не высказывала, признавая только безконечность благости божіей, сохранившей жизнь ея отца при такой очевидной опасности.

Сама она не была въ замужествѣ несчастлива, а напротивъ была въ домѣ полной госпожей. Но по смерти мужа прожила все свое приданое имѣніе и мужнину седьмую часть, въ любимую дочку, роскошную, избалованную до безконечности, прихотницу,—и подъ старость была въ зависимости отъ сына. Сынъ оказывалъ ей все должное уваженіе и, получивъ послѣ отца очень хорошее состояніе, ни въ чемъ не заставлялъ ее терпѣть недостатка. Но она съ младенчества не любила его и, по его худощавости, иначе не называла, какъ «пискаремъ». Все дѣлая для любимой дочки, она держала его въ забытьи и забросѣ, и не позаботилась даже дать ему порядочное образованіе. Старуха очень хорошо понимала, что и сынъ не можетъ питать къ ней никакого нѣжнаго чувства, и зависимость отъ него была для нея тяжела. Ее карала собственная ея совѣсть.

Обѣ сестры ея умерли старыми дѣвами и обѣ въ чужихъ домахъ. Одна у двоюроднаго брата съ материнской стороны, который, заложивъ и проживъ все свое огромное имѣніе, заложилъ наконецъ и ея деревню, заставивъ, какъ говорится, свистать ее въ ноготокъ. Другая въ домѣ своей воспитанницы, которую сначала приняла въ свой домъ, какъ бѣдную сироту, а потомъ, отдавъ ей все свое состояніе, попала въ ежовыя рукавицы къ ней и ея мужу.

Мой двоюродный дѣдъ, а ея родной братъ, Василій Васильичъ, построивъ себѣ, на новомъ мѣстѣ, новый домъ, собралъ цѣлый гаремъ дѣвокъ, и, вмѣстѣ съ гостями, забавлялся ихъ пѣснями и пляской. Гости летѣли на такую приманку со всѣхъ сторонъ. Пиры и попойки были у него почти ежедневные. Онъ входилъ въ долги, запутывался, распродалъ всѣ дальнія деревни и, подъ старость, тоже приготовилъ себѣ очень не красную жизнь.

Но самое страшное и самое грустное изъ всѣхъ человѣческихъ несчастій постигло моего родного дѣда Платона. По обычаю всѣхъ старинныхъ землемѣровъ, которыхъ владѣльцы старались подкупать и деньгами и попойками, онъ пристрастился къ горячимъ напиткамъ. Опьяненіе дѣйствовало на него вредно;

но сначала выражалось только тѣмъ, что онъ, какъ говорится «во хмѣлю былъ неспокоенъ»; а потомъ это неспокойствіе начало переходить уже въ чистое буйство. Легко можетъ быть, что и брата поколотилъ онъ не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ, и что братъ и улепетнулъ отъ него такъ быстро и безпрекословно, потому только, что убоялся еще болѣе дурныхъ послѣдствій. Дѣйствительно, страсть дѣда къ пьянству, въ деревнѣ, при полномъ бездѣйствіи, еще больше усилилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ постоянно усиливались и учащались и припадки его буйства. Не проходило дня, чтобы онъ не напивался, и чтобы жена и дѣти не разбѣгались отъ него и не прятались куда попало, или не запирались въ своихъ комнатахъ на замки и крючки. Присемъ приходилось призывать на помощь людей, потому что въ такія минуты вся злоба его преимущественно обрушивалась на жену. Всѣ знавшіе бабушку знали ее, какъ женщину скромную, глубоко религіозную и съ безукоризненнымъ поведеніемъ. Поэтому никто не могъ понять причины такого озлобленія противъ жены. Какъ бы то ни было, но бабушка не хотѣла уѣхать изъ деревни и оставить его на рукахъ людей. Но, не имѣя возможности и жить подъ одной кровлей съ такимъ человѣкомъ, перебралась, съ дѣтьми, на крестьянскій дворъ. Она все еще надѣялась, что припадки эти пройдутъ. Дѣду пробовали не давать вина, но тогда онъ, требуя его, раздражался уже на всѣхъ и бушевалъ еще больше. Скоро замѣтили, что и въ тѣ минуты, когда его отрезвляли, сознаніе къ нему уже не возвращается. Вообразилось ему, что онъ какой-то древній греческій императоръ. На рисовальной бумагѣ, которой у него былъ большой запасъ, онъ писалъ указы, рисовалъ на поляхъ различные орнаменты, и подписывалъ: Апполонъ I. Когда всякая надежда на его выздоровленіе исчезла, бабушка переѣхала въ уѣздный городъ, отстоявшій въ 30-ти верстахъ отъ деревни. Больного поручили надзору лакея Өедора, котораго одного только онъ слушался и боялся. Этотъ Өедоръ былъ огромнаго роста и, говорятъ, такой силы, что схватившись за колеса кареты останавливалъ шестерикъ лошадей. Дѣдъ былъ тоже, какъ я уже сказалъ, мужчина сильный, но его сила противъ этой ничего не значила. Когда онъ начиналъ бушевать, Өедоръ схватывалъ его въ охапку, какъ ребенка, и несъ на постель. Почувствовавъ осязательно, что всякое сопротивленіе противъ этого человѣка невозможно, больной инстинктивно повиновался ему и смирялся передъ нимъ, какъ слабое животное смиряется передъ сильнымъ. Его помѣстили во флигелѣ, совершенно отдѣльномъ отъ всякаго жилья, комнатѣ съ одной плотной дверью и двумя окнами, въ которые вставили

изнутри желѣзныя рѣшетки, чтобы онъ не имѣлъ возможности выбить стекла и рамы. Но держать его постоянно въ заперти, какъ узника, было невозможно, потому что это раздражало его до изступленія. Лѣтомъ онъ въ особенности любилъ прогулки по садамъ, которые началъ разводить, обрылъ канавами и обсадилъ деревьями еще Петръ Панкратьевичъ, и въ которыхъ насадилъ нѣсколько липовыхъ аллей и Василій Петровичъ, когда только что вступилъ во владѣніе имѣніемъ. Во время этихъ прогулокъ за больнымъ постоянно надзирали, но не иначе, какъ издали, потому что близкаго присутствія людей онъ не любилъ. Бабы и ребятишки, завидѣвъ его на дворѣ, разсыпались какъ дождь, да и изъ мужчинъ, кромѣ Өедора, никто не смѣлъ къ нему подходить. Вообще грустна была жизнь въ этой заброшенной усадьбѣ, когда-то оживленной цѣлыми семействами господъ и въ особенности большой семьей и многочисленной челядью памятнаго всѣмъ генералъ-аншефа Петра Панкратьевича, — а теперь служившей пріютомъ только одинокому сумасшедшему помѣщику. Долго,—говорили очевидцы этихъ печальныхъ сценъ,— ни на барскомъ дворѣ, ни на деревнѣ не было слышно ни пѣсенъ, ни хороводныхъ игръ. По вечерамъ, всѣмъ становилось какъ-то жутко, и дворня была радехонька, когда придутъ съ деревни еще трое караульщиковъ. Всѣ соберутся въ одной избѣ въ кучку и шопотомъ толкуютъ о сумасшедшемъ баринѣ. Всѣхъ обуяли страхъ и уныніе.

Очень понятно, что при такомъ семейномъ несчастьи не могли хорошо идти и хозяйственныя дѣла. Имѣніе опять попало въ руки приказчиковъ. Городская жизнь бабушки требовала лишнихъ расходовъ, а у нея было пять человѣкъ дѣтей: два сына и три дочери. Въ ея положеніе вошли однакожъ родные. Старшаго сына, а моего отца, взялъ къ себѣ на воспитаніе, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, родной братъ жены прадѣда, Василія Петровича, И. И. Юшковъ, человѣкъ очень богатый, который постоянно жилъ въ Москвѣ и, желая дать сыну домашнее образованіе, нанялъ для него француза гувернера. Двухъ дочерей взяли другіе родственники, третью помѣстили въ Смольный монастырь. И на рукахъ у бабушки остался только самый меньшой изъ дѣтей, любимый ея сынъ, Веніаминъ семейства.

Гувернеръ, жившій у Юшкова, хотя былъ и французъ, но далеко выдавался изъ толпы тѣхъ пошлыхъ и многочисленныхъ французскихъ гувернеровъ, которые, начиная со временъ фонвизинскаго mr. Triché и до временъ еще очень недавнихъ все больше и больше наплывали къ намъ и предлагали себя въ наставники юношества, не зная часто никакихъ другихъ наукъ, кро-

мѣ парикмахерскаго или сапожнаго мастерства. Напротивъ m-r Perlo былъ человѣкъ высоко образованный, серьезный, умный, и очень добросовѣстно занимавшійся своей обязанностью. Кромѣ него къ Юшкову ѣздили учителя и по другимъ предметамъ, такъ что отецъ, пробывъ у него съ 12-лѣтняго и до 18-лѣтняго возраста, получилъ отличное свѣтское образованіе. Онъ зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и говорилъ на немъ, какъ природный французъ, хорошо зналъ нѣмецкій, мастерски игралъ на фортепіано. Но этотъ добросовѣстный наставникъ, распоряжавшійся всѣмъ курсомъ ученія и строго слѣдившій за тѣмъ, чтобы никакой урокъ не пропадалъ для молодыхъ людей напрасно, не удовольствовался. Вмѣстѣ съ свѣтскимъ образованіемъ онъ далъ своимъ воспитанникамъ и начала прочнаго, классическаго образованія, которое впослѣдствіи отецъ пополнилъ собственной любознательностью и которое, по обстоятельствамъ, очень ему пригодилось. M-r Perlo очень любилъ его за его способности, прилежаніе и не по лѣтамъ серьезный характеръ, по поводу котораго онъ даже говаривалъ: «Шалость составляетъ необходимую принадлежность ребяческаго возраста. Въ немъ нѣтъ этого, и я боюсь, что онъ когда-нибудь сдѣлаетъ огромное дурачество» (sottise pommée, какъ выражался онъ по-французски). Слова умнаго француза дѣйствительно сбылись.

Когда отцу исполнилось 18 лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ и записали въ конногвардейскій полкъ. Но онъ и тамъ продолжалъ учиться и довершать свое образованіе. Въ 19 лѣтъ онъ былъ уже корнетомъ гвардіи, что въ Екатерининскія времена составляло огромный шагъ. При его красивой наружности, при блестящемъ образованіи, онъ дѣйствительно могъ ожидать и блестящей будущности. Когда вѣсти о производствѣ сына въ офицеры дошли до бабушки, всѣ знакомые, поздравляя ее, говорили, что Господь, наконецъ, хочетъ ее утѣшить въ несчастьи; что сынъ ея снова возвыситъ свой родъ и будетъ такимъ же важнымъ сановникомъ, какими были его дѣдъ и прадѣдъ. Но перстъ Божій тяготѣлъ и надъ нимъ.

Вдругъ разнесся по Петербургу слухъ, что конногвардейскіе офицеры поддѣлываютъ фальшивыя ассигнаціи. А разнесся потому, что трехъ изъ нихъ, и въ томъ числѣ моего отца, арестовали и сдѣлали въ ихъ квартирахъ обыскъ. Въ квартирахъ ничего не нашли. Но одинъ изъ нихъ былъ уличенъ въ сбытѣ фальшивой бумажки. Нарядили военно-судную коммиссію. Разсмотрѣли бумажку, и нашли, что это не *поддѣлка* ассигнаціи, а простой *рисунокъ* съ нея, набросанный перомъ на обыкновенной, тонкой почтовой бумагѣ. Началось разбирательство, — и

вотъ подробности этого дѣла, переданныя мнѣ впослѣдствіи однимъ изъ членовъ военно-судной коммиссіи [1]).

На крещенскомъ парадѣ отецъ простудился, и долженъ былъ нѣсколько дней просидѣть въ комнатѣ. Скуку свою онъ разгонялъ рисованьемъ, которое очень любилъ. Разъ, когда онъ снималъ копію съ какой-то гравюры, перомъ, которымъ въ особенности хорошо рисовалъ, къ нему зашелъ одинъ изъ его товарищей, К-ій, и долго любовался мастерскимъ штрихомъ пера, не уступающимъ штриху гравюры. Въ тоже время вошелъ слуга, спросить денегъ на какую-то покупку. Въ раскрытомъ бумажникѣ гость увидѣлъ сторублевую ассигнацію, взялъ ее въ руку, полюбовался ея цѣнностью, потомъ положилъ передъ отцомъ и сказалъ: «Вотъ, срисуй. Отличная практика для пера». Рисунокъ тогдашнихъ ассигнацій былъ очень незатѣйливъ и вовсе не изященъ. Отецъ усмѣхнулся, что товарищу пришла мысль испытывать его искусство на такомъ пустенькомъ оригиналѣ, съ котораго ему предстояло снять одинъ только рисунокъ, а никакъ не техническія принадлежности денежнаго знака. Онъ вынулъ изъ лежащей передъ нимъ папки листъ почтовой бумаги и началъ работу. Когда рисунокъ былъ конченъ, начинало смеркаться. К-ій поднесъ его къ окну, похвалилъ что отлично сдѣлано и прибавилъ, что при такомъ полусвѣтѣ сумерекъ, бумажку, пожалуй, можно спустить за настоящую. Отецъ замѣтилъ ему, что онъ говоритъ вздоръ, котораго бы и говорить вовсе не слѣдовало. Взялъ у него листокъ, даже и не обрѣзанный по формату бумажки, и убирая свою дневную работу, положилъ и его вмѣстѣ съ другими рисунками въ туже папку. Стали пить чай. Товарищъ просидѣлъ у него цѣлый вечеръ. А на другое утро, когда отецъ, садясь за рисованье, сталъ разбирать рисунки, онъ увидѣлъ, что между ними рисунка ассигнаціи нѣтъ. Тутъ только пришла ему мысль, что онъ поступилъ неосторожно. Ясно было, что листокъ похищенъ вчерашнимъ гостемъ въ одну изъ такихъ минутъ, когда отецъ выходилъ изъ комнаты. Неосторожность эта тѣмъ болѣе его встревожила, что товарищъ былъ мальчикъ вѣтреный, и вообще неблагонадежный и притомъ постоянно нуждающійся въ деньгахъ.

Онъ послалъ къ нему записку, но его не застали дома. Послалъ за другимъ товарищемъ и своимъ искреннимъ пріятелемъ Р-гомъ. Тотъ узналъ въ чемъ дѣло, самъ побѣжалъ къ К-му; но опять его не засталъ. А когда тотъ, наконецъ, отыскался, онъ

[1]) Покойнымъ А. В. Давыдовымъ, служившимъ тогда въ томъ же конногвардейскомъ полку, а потомъ бывшимъ въ отставкѣ, въ чинѣ полковника.

отдѣлывался отъ распросовъ товарищей шутками и смѣхомъ: говорилъ, что бумажку унесъ для того, чтобы напугать отца, но сжегъ ее, а потомъ и забылъ о такихъ пустакахъ.

Таковы были показанія отца и Р-га. Показанія К-го вполнѣ подтверждали ихъ, и дополнялись слѣдующимъ сознаніемъ. Онъ дѣйствительно взялъ листокъ въ то время, когда отецъ пошелъ отыскивать лакея, чтобы велѣть подать закуску, и взялъ прямо съ цѣлью употребить бумажку въ дѣло. Обрѣзавъ бумажку въ форматъ настоящей ассигнаціи, онъ воспользовался мрачнымъ петербургскимъ днемъ. Сумерки наступили съ самаго обѣда. Онъ пошелъ въ гостиной дворъ, въ коридорахъ котораго и въ ясные дни царствуетъ вѣчная тьма. Вошелъ еще болѣе въ темную лавку въ мѣховомъ ряду, выбралъ лисій мѣхъ и почти не торговавшись далъ запрошенную цѣну. Продавецъ былъ старикъ плохо видящій, и быть можетъ плохо знающій толкъ въ ассигнаціяхъ, но жаждучая получить огромный барышъ и опасаясь, чтобы неопытнаго покупателя не перетащили отъ него въ другую лавку, онъ поспѣшилъ кончить разсчетъ безъ всякихъ предосторожностей. Покупатель былъ въ партикулярномъ платьѣ и былъ вполнѣ увѣренъ, что продѣлка его никогда не обнаружится. Но не дальше какъ черезъ нѣсколько дней продавецъ и покупатель, который былъ въ томъ же платьѣ, встрѣтились на улицѣ. Купецъ сталъ въ него всматриваться,—тотъ струсилъ и побѣжалъ. По крику и заявленію купца, въ чемъ дѣло, его тотчасъ же схватили и отвели въ полицію, гдѣ онъ уже и долженъ былъ объявить свое званіе. Виновный сознался въ своемъ проступкѣ тѣмъ откровеннѣе, что, по молодости лѣтъ и вѣтрености, смотрѣлъ на него не какъ на государственное преступленіе, а какъ на школьническую штуку надъ старымъ скрягою, который самъ, цѣлый вѣкъ, въ своей темной лавкѣ обманываетъ покупателей.

Судившая ихъ коммиссія, разумѣется, не могла принять такого оправданія, и не оправдала даже и его товарищей. Хотя они и показывали, что имъ вовсе было неизвѣстно, какое употребленіе сдѣлалъ виновный изъ бумажки, хотя самъ онъ подтверждалъ тоже, но фактическихъ доказательствъ на это обстоятельство дѣла никакихъ не было, и ихъ всѣхъ троихъ приговорили къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житедьство въ сибирскіе города: перваго — какъ сбытчика фальшивой ассигнаціи; другого—какъ ея рисовальщика; третьяго—какъ укрывателя преступленія. Исторія эта надѣлала много шума въ Петербургѣ. Противъ главнаго виновника было и общественное мнѣніе. Но отца и пріятеля его Р-га всѣ жалѣли; всѣ были убѣждены, что хотя юридически они и не оправ-

даны, но въ сущности нисколько не виноваты, или, по крайней мѣрѣ, не настолько виноваты, чтобы поплатиться такъ дорого. Убѣжденіе это перенеслось и въ Сибирь еще прежде ихняго пріѣзда.

Мѣстомъ жительства ссыльныхъ былъ назначенъ Тобольскъ, гдѣ въ то время былъ губернаторомъ А. В. Алябьевъ. Предупрежденный молвой и послушный внушеніямъ своего добраго сердца, этотъ, по словамъ современниковъ, вполнѣ достойный человѣкъ принялъ отца не какъ ссыльнаго, а какъ странника, занесеннаго несчастьемъ въ край чужой и далекій. Онъ доставилъ ему полную свободу и возможность заниматься науками и литературой, въ которой первые опыты онъ сдѣлалъ еще въ Петербургѣ [1]) и которая теперь могла приносить ему существенное пособіе. Отецъ продолжалъ довершать свое образованіе чтеніемъ, началъ давать въ Тобольскѣ уроки, которые скоро пріобрѣли огромный успѣхъ и доставили ему множество учениковъ, а потомъ и мѣсто постояннаго наставника въ домѣ богатаго сибирскаго откупщика А. В. Зеленцова, который имѣлъ нѣсколько сыновей. Впослѣдствіи, когда одинъ изъ нихъ пріѣхалъ въ Петербургъ, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ молодой человѣкъ могъ пріобрѣсти столько познаній, никогда не выѣзжая изъ Сибири.

Педагогическія занятія не заставили отца покинуть литературныхъ, за которые онъ горячо принялся. Онъ издавалъ журналъ: *Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену*, и потомъ: *Библіотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную.* Она состояла изъ 12-ти довольно объемистыхъ книгъ in-8°, и выходила періодически въ продолженіи двухъ лѣтъ. Въ этомъ изданіи, кажется, совершенно неизвѣстномъ нашимъ библіографамъ, кромѣ очень интересныхъ, не только по тогдашнему, но и по настоящему времени, беллетристическихъ, историческихъ и разныхъ научныхъ статей, были многія полезныя свѣдѣнія по части экономической и медицинской. За указанныя тамъ средства противъ нѣкоторыхъ болѣзней издатель получалъ множество благодарныхъ писемъ. Въ особенности же принесло огромную пользу средство противъ желтой лихорадки, которая свирѣпствовала тогда въ Якутскѣ. За эти указанія была уже получена отъ тамошняго коменданта, Козлова-Игре-

---

[1]) При обыскѣ квартиры отца, въ числѣ нѣкоторыхъ его литературныхъ попытокъ, нашлись сатирическіе стихи на одно изъ начальствующихъ лицъ конногвардейскаго полка. Носился слухъ, и онъ самъ былъ убѣжденъ, что эти стихи много повредили исходу его дѣла.

нева, оффиціальная благодарность, напечатанная въ томъ же изданіи. Тамъ же написалъ онъ и издалъ первую часть своихъ стихотвореній, въ которую вошла его сказка *Аннаскаръ*, гдѣ такъ живо схвачена картина суровой сибирской зимы. Сказка эта написана по случаю. А. В. Алябьевъ, прочитавъ сказку Дмитріева *Воздушные замки*, и не показывая ея отцу, предложилъ ему написать сказку на тотъ же предметъ, что̀ онъ и исполнилъ. Въ сказкѣ Дмитріева стихъ изящнѣе, разсказъ глаже, выраженія, такъ сказать, элегантнѣе, но въ сказкѣ отца больше оригинальности, юмористическія стороны предмета выдаются рельефнѣе. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ замѣтно, что онъ какъ будто уже чувствовалъ потребность литературной школы болѣе натуральной, чѣмъ та щепетильная французская школа, къ которой принадлежали тогда лучшіе наши писатели,—кромѣ, можетъ быть, одного Державина, болѣе смѣлаго и свободнаго, — и послѣдователи которой не смѣли назвать даже носового платка настоящимъ его именемъ, находя это выраженіе слишкомъ тривіальнымъ. Вообще имя отца, какъ журналиста и разнообразнаго писателя, сдѣлалось въ Сибири до того популярнымъ, что знаменитый въ то время нѣмецкій драматургъ, Августъ фонъ-Коцебу, проѣзжая черезъ Тобольскъ [1]), пожелалъ познакомиться съ человѣкомъ, который нашелъ возможность издавать журналы, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, въ такой глуши. Онъ просидѣлъ у новаго знакомаго цѣлый вечеръ, и при прощаньѣ сказалъ, что хоть онъ еще далеко отъ родной Германіи, но въ этотъ вечеръ какъ бы сразу перенесся въ центръ Европы.

Въ Сибири отецъ и женился. Мать моя была нѣмка, пріѣхавшая въ Тобольскъ съ семействомъ одного сосланнаго туда господина, въ качествѣ гувернантки. Она тоже была женщина очень хорошо образованная, и кромѣ природнаго нѣмецкаго языка, хорошо знала французскій и русскій. Раздѣляя съ мужемъ педагогическія занятія, она помогла ему открыть пансіонъ у себя въ квартирѣ, а потомъ и въ собственномъ домѣ, купленномъ на трудовыя деньги. Бабушка перенесла несчастье сына, такъ грустно обманувшаго и разрушившаго всѣ ея надежды, истинно съ христіанскимъ смиреніемъ и кротостью. Она не сердилась на него, но соболѣзновала о немъ, и благословивъ его бракъ, прислала молодымъ въ подарокъ три семьи дворовыхъ

---

[1]) Помнится, что императора Павла раздражила какая-то пьеса Коцебу, который былъ тогда въ Петербургѣ. Онъ велѣлъ его схватить, и сослалъ чуть ли не въ Камчатку. Но Коцебу не успѣлъ еще доѣхать до мѣста своего назначенія, какъ Александръ его воротилъ. На возвратномъ пути изъ этой-то ссылки Коцебу былъ у отца.

людей. Такой подарокъ, посланный за двѣ тысячи верстъ, вполнѣ характеризуетъ наши добрыя старыя времена и наши старые нравы.

Пока отецъ жилъ въ Сибири, болѣзнь дѣда постепенно перешла изъ буйнаго въ постоянное, тихое сумасшествіе. Его освидѣтельствовали формальнымъ порядкомъ, и къ имѣнію назначили опекуншей бабушку. Всѣ три дочери ея успѣли выдти замужъ; меньшой сынъ, изъ семилѣтняго мальчика, успѣлъ преобразиться въ двадцати-лѣтняго юношу, и все еще оставался при матери. Во время его малолѣтства бабушка никакъ не имѣла духу разстаться съ нимъ, и подъучивала его дома, съ помощію кое-какихъ учителей, которыхъ можно было найти въ уѣздномъ городѣ. Когда, однакожъ, ему было лѣтъ шестнадцать, родная сестра бабушки, бывшая замужемъ за человѣкомъ очень богатымъ, увезла племянника къ себѣ, почти насильно, для воспитанія съ своимъ сыномъ, при которомъ постоянно находились разнаго сорта гувернеры и учителя. Но баловню чужой домъ, и еще болѣе, надзоръ гувернеровъ не понравился. Онъ пробылъ тамъ не болѣе года, и снова возвратился подъ крылышки матери, неимѣвшей силы воли заставить его продолжать ученіе. Выучившись произносить нѣсколько французскихъ и нѣмецкихъ словъ и фразъ, получивъ самое поверхностное понятіе о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, составляющихъ необходимую принадлежность первоначальнаго школьнаго образованія, и усвоивъ себѣ нѣкоторыя свѣтскія манеры отъ танцовальнаго учителя и француза-гувернера,—онъ вообразилъ, что этого достаточно для русскаго дворянина. Дѣло въ томъ, что онъ приходилъ уже въ такой возрастъ, когда ученье начинаетъ казаться юношѣ, не успѣвшему привыкнуть къ серьезнымъ занятіямъ съ малолѣтства, не успѣвшему втянуться въ науку и полюбить ее, дѣломъ слишкомъ сухимъ и черствымъ, и когда въ головѣ его начинаютъ появляться другія, болѣе веселыя затѣи, болѣе увлекательные помыслы. А между тѣмъ, какъ только буйство сумасшедшаго дѣда прекратилось, стали замѣчать, что онъ потерялъ всякое сознаніе и память о женѣ и дѣтяхъ. Онъ все еще продолжалъ себя считать греческимъ императоромъ, лишеннымъ престола вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, вѣроятно, также мало извѣстныхъ и ему самому, какъ и другимъ. Постоянно слыша отъ прислуги, что у нихъ есть барыня и молодой баринъ, которымъ принадлежитъ имѣніе и отъ которыхъ зависитъ и его содержаніе, — онъ свыкся съ мыслью объ этой зависимости, и каждый разъ, когда случалась посылка въ городъ, приказывалъ передавать барынѣ какую-нибудь его просьбу. Просьбы эти были

очень неприхотливы и ограничивались покупкой какой-нибудь глиняной чашки или миски, или новаго картуза, или табаку, который онъ постоянно жевалъ, или, наконецъ, чего-нибудь съѣстного и въ томъ числѣ мелкихъ пряниковъ, которые тоже жевалъ во время своихъ прогулокъ и которыми пришло ему желаніе одѣлять ребятишекъ. Его уже никто не боялся, а напротивъ, какъ только онъ выходилъ на прогулку, ребятишки тотчасъ же окружали его, подпрыгивая и покрикивая: «Платонъ Васильичъ, пряничка!» Въ особенности полюбилъ онъ одного двороваго мальчика, лѣтъ семи, и, кажется, считалъ его своимъ сыномъ, хотя прямо и не выражалъ этого никому. Такой оборотъ болѣзни далъ возможность бабушкѣ, а съ ней вмѣстѣ и дядѣ, возвратиться на жительство въ деревню, — и эта-то деревенская, привольная, ничѣмъ не стѣсняемая жизнь и тянула къ себѣ молодого человѣка. Сначала онъ занялся совершенно невинной голубиной охотой, для чего нарочно выстроилъ голубятню. Потомъ завелъ борзыхъ собакъ и лихихъ охотничьихъ и упряжныхъ лошадей. При этихъ охотахъ началъ охотиться и на деревенскихъ бабъ и дѣвокъ, а потомъ сталъ прикладываться и къ чарочкѣ, — чему много способствовало близкое сосѣдство съ его дядюшкой Васильемъ Васильевичемъ, у котораго, по прежнему, продолжались пляски, пѣсни, хороводы и попойки. Познакомившись у него въ домѣ со многими молодыми людьми, жившими въ сосѣдствѣ, дядя сталъ приглашать ихъ къ себѣ, — и у него пошли такіе же пиры, съ пѣснями и попойками, какъ и у Василья Васильича. Не желая себя ничѣмъ стѣснять, онъ не захотѣлъ жить съ матерью въ домѣ, а построилъ себѣ особый флигель, выбравъ для него пріятное мѣстечко подъ рядомъ огромныхъ липъ, которыя отдѣляли садъ отъ двора и были посажены еще Петромъ Панкратьевичемъ. Подъ этими-то липами въ теплыя лѣтнія ночи часто раздавались, отъ зари до зари, хороводныя и плясовыя пѣсни и шли попойки. Гарема у дяди не было, но на эти потѣхи наряжались, какъ на барщину, крестьянскія бабы. Во время такихъ пирушекъ бѣдная бабушка не смыкала глазъ и мучилась тоскою и страхомъ. Кромѣ того, что и пѣсни, и хохотъ, и весь дикій шумъ пьянаго пира, происходящаго на открытомъ воздухѣ, ясно слышались въ ея домѣ, она знала, что между молодыми людьми шла постоянная картежная игра, и боялась, что дядя, какъ азартный и неопытный игрокъ, можетъ разомъ проиграть все состояніе; что при томъ пьяные игроки могутъ перессориться и передраться до полу смерти, что при тогдашнихъ нравахъ было вещью очень обыкновенной. Какъ только начиналась игра, она, чуть не каждую минуту,

посылала во флигель горничныхъ, узнавать черезъ людей, что̀ тамъ дѣлается, и часто получала извѣстія очень неутѣшительныя. То доносили ей, что баринъ, проигравъ всѣ наличныя деньги (которыхъ, впрочемъ, у него никогда много не бывало), проигрываетъ хлѣбъ изъ амбаровъ, или тройку лошадей, или какого-нибудь садовника Ивана со всей семьей. Драки тоже случались нерѣдко, но на этомъ поприщѣ дядя всегда оставался побѣдителемъ, потому что, несмотря на свою молодость, былъ атлетическаго сложенія и имѣлъ огромную силу. Разъ какъ-то замѣтивъ, что трое сосѣдей обыгрываютъ его навѣрняка, онъ всѣхъ трехъ, по одиночкѣ, выбросилъ за окошко. Къ счастію, окна во флигелѣ были невысоки, и сосѣди отдѣлались только легкими, или, по крайней мѣрѣ, неопасными ушибами.

Людьми онъ распоряжался какъ баранами, проигрывая, продавая, а иногда и раздаривая подъ пьяную руку, кому ни попало, то цѣлыми семьями, то по одиночкѣ. Свозилъ лѣса, проматывалъ земли. Купчія крѣпости и дарственныя записи совершались на собственность, ему еще не принадлежавшую—на томъ основаніи, что за ссылкою брата и за выдѣломъ тремъ замужнимъ сестрамъ ихъ частей, онъ оставался единственнымъ наслѣдникомъ сумасшедшаго отца, слѣдовательно споровъ и протестовъ ожидать было не откуда. Но, во всякомъ случаѣ, акты эти совершались не даромъ: протоколисту опеки и секретарю уѣзднаго суда тоже было *продано* по семьѣ дворовыхъ людей, и притомъ видно изъ хозяйственныхъ записокъ того времени, что они, кромѣ этихъ единовременныхъ подарковъ, постоянно надѣлялись разнымъ хлѣбнымъ зерномъ и другими деревенскими гостинцами. Въ купчихъ дядя прямо назывался собственникомъ продаваемаго имущества. Мнѣ случилось видѣть одну такую купчую, въ которой написано:... «продалъ я *принадлежащую мнѣ землю* въ деревнѣ Луневкѣ, мѣрою десять десятинъ, *или все безъ остатка, что въ той дачѣ окажется*». Люди, помнившіе эту продажу, разсказывали, что дядя, или съ-пьяну или по довѣрчивости, не прочелъ, что̀ подписывалъ; но деньги получилъ только за десять десятинъ, а всей земли въ этой дачѣ было слишкомъ двадцать. Когда наступила весна, сосѣдъ, купившій землю, захватилъ подъ пахоту и остальную. Крестьяне, слышавшіе прежде, что продана не вся Луневская земля, прибѣжали сказать объ этомъ барину. Онъ тотчасъ же собралъ всѣхъ молодцовъ своей барщины, которая была гораздо больше сосѣдской, явился съ этой арміей на мѣсто, остановилъ пахарей, велѣлъ старостѣ отсчитать имъ десять десятинъ, и сказалъ, что если, кромѣ отсчитанной земли, они захватятъ хотя полосу,

то онъ переломаетъ имъ ребра. Сосѣдъ побоялся самъ выдти въ поле, предвидя крутую расправу. Заводить процессъ по удачѣ не совсѣмъ законной, счелъ неудобнымъ, и такъ это дѣло и кончилось безъ всякаго дальнѣйшаго спора и суда, однимъ военнымъ отпоромъ.

Не желая оставаться недорослемъ изъ дворянъ, типъ котораго былъ уже тогда заклейменъ *Митрофанушкой*, дядя записался въ Тульскій пѣхотный полкъ, гдѣ, однакожъ, только числился, не исполняя никакой службы. Службу же настоящую думалъ начать въ гвардіи, куда вызывался опредѣлить его двоюродный дядя, занимавшій довольно значительную должность въ Петербургѣ [1]). Несмотря на свою слѣпую любовь къ сыну, бабушка и сама сознала необходимость проводить его туда поскорѣе, сколько изъ желанія удалить отъ той жизни, какую велъ онъ, столько же и въ надеждѣ, что тамъ можетъ ему представиться случай къ самой блестящей будущности. При своемъ молодецкомъ сложеньи, дядя былъ, какъ разсказываютъ, въ полномъ смыслѣ красавецъ, и поэтому всѣ знакомые бабушки предрекали ей, что такого гвардейца тотчасъ же замѣтятъ, нарядятъ въ *уборные* сержанты, потомъ возьмутъ въ кавалергарды, а потомъ онъ сразу махнетъ далеко, однимъ словомъ, пойдетъ по дорогѣ Орловыхъ, Зубовыхъ и tutti quanti. Дядя и самъ льстилъ себя подобными мечтами, и никакъ не отказывался отъ поѣздки въ Петербургъ, но дѣло въ томъ, что изъ гуляки онъ уже сдѣлался чистымъ пьяницей,—и поѣздка все откладывалась со дня на день. Прежде всего ему нужно было съѣздить въ полкъ за бумагами. Полкъ стоялъ недалеко—въ Коломнѣ. Соберется онъ совсѣмъ, лошади стоятъ запряженныя, но выпьетъ на дорогу рюмку, другую, захмѣлѣетъ—и останется. Отрезвится, раскаявается, плачетъ,—опять соберется, опять выпьетъ и опять останется. Наконецъ, слова и слезы матери и убѣжденія знакомыхъ подѣйствовали. Онъ поѣхалъ. Но въ полку, встрѣтившись съ товарищами, опять загулялъ. Потомъ запилъ безъ перерыву, запилъ, какъ говорится, мертвую чашу,—и дѣйствительно кончилъ тѣмъ, что изъ Коломны привезли обратно въ деревню его трупъ, заколоченный въ гробѣ.

Бабушка тоже была плохая хозяйка. Воспитанная въ домѣ отца, богатаго пензенскаго помѣщика, она привыкла жить побарски и не хотѣла, да и не умѣла войти ни въ какія хозяйственныя распоряженія и даже экономическіе разсчеты. Изъ

[1]) Сынъ меньшого брата Василія Петровича, Ивана, бывшаго, какъ ужъ сказано выше, егермейстеромъ.

старыхъ хозяйственныхъ записовъ, которыя бабушка (въ этомъ надобно отдать справедливость ея аккуратности) сохранила вмѣстѣ съ старыми крѣпостными актами, ревизскими сказками, рекрутскими и казначейскими квитанціями и другими относящимися къ имѣнію документами, — видно, какіе аптекарскіе счеты подавали ей приказщики и старосты,—и въ то время, когда она жила въ городѣ, и даже въ то, когда уже переѣхала въ деревню. Видно, напримѣръ, что урожаи показывались очень скудные, даже сравнительно съ настоящими (рожь и ячмень, по большой части, самъ-пятъ; овесъ и греча самъ-четвертъ). А между тѣмъ крестьяне, помнившіе тѣ времена, постоянно говаривали, что «встарину Господь всего давалъ вдвое больше» и растительность была такъ сильна, что палка, брошенная свечера на лужайку, къ утру заростала травой. Очень понятно, что такая скудость урожаевъ происходила или отъ утайки вотчинныхъ начальниковъ, или отъ плохой обработки земли и недостатка удобренія. Видно изъ тѣхъ же записовъ, что бабушка, кромѣ протоколиста и секретаря уѣзднаго суда, щедро надѣляла разной деревенской благостыней и другія личности, какъ, напримѣръ, дворянокъ: Анну Сергѣевну Дурову и Мавру Михайловну Милохову, состоявшихъ при ней въ качествѣ приживалокъ; кормилицу меньшого сына, крѣпостную дѣдову крестьянку, Татьяну Данилову и сына ея Алексашку. Видно, какое огромное количество куръ и всякой другой птицы выходило для господскаго стола, когда барыня жила въ городѣ, и какое огромное количество овсяной и ржаной муки выходило, въ тоже время, въ деревнѣ для дворныхъ собакъ, а затѣмъ еще «на квасъ и всякіе мелкіе расходы, въ разные мѣсяцы и числа», причемъ ни предметы расходовъ, ни мѣсяцы и числа не показывались. Видно, наконецъ, что мука считалась не пудами, а четвертями и четвериками.

Бабушка, и живши въ городѣ и живши въ деревнѣ, любила принимать гостей и угощать ихъ по обычаямъ стариннаго русскаго хлѣбосольства. Повару Ларивону отдавалось приказаніе, чтобы къ обѣду и ужину было какъ можно больше блюдъ и чтобъ блюда были полныя; застольной кухаркѣ Анисьѣ—чтобы пріѣзжіе люди были хорошо накормлены, да и виномъ чтобы никто не былъ обнесенъ; старостѣ Ефрему—чтобъ гостинымъ лошадямъ не жалѣлъ овса. Послѣ обѣдовъ и ужиновъ, отъ которыхъ всегда оставалось многое множество жаркого, соусовъ подъ груздями съ капусткой, и разнаго сорта пирожныхъ, обыкновенно раздавались подачки: дворецкому Аѳанасью и сыну его, мальчику лѣтъ четырнадцати, одѣтому казачкомъ; ключницѣ Афимьѣ

и первой бабушкиной горничной Ѳенѣ. Всѣ эти подачки, бабушка, еще сидя за столомъ и приказывая подавать себѣ блюда съ оставшимися кушаньями, накладывала на тарелки своими руками. Всѣ получающіе подачку являлись на лицо, и каждый, принимая отъ нея тарелку, цѣловалъ у нея ручку. При чемъ бабушка постоянно разсказывала всѣмъ присутствующимъ при этой церемоніи, что такъ дѣлывала покойница ея матушка, считая христіанскимъ долгомъ надѣлять своихъ вѣрныхъ слугъ отъ своей трапезы, и что поэтому и она слѣдуетъ тому же обычаю. Съ гостями бабушка любила поиграть и въ карточки, и преимущественно въ бостончикъ. Но играла такъ плохо, что одной сосѣдкѣ своей, съ которой постоянно проводила за картами длинные осенніе и зимніе вечера, должна была выдать по бостоннымъ счетамъ, которые все писались да писались мелкомъ, купчую на двѣнадцать десятинъ пахатной земли, въ той же несчастной пустоши Ауловкѣ, въ которой, при генеральномъ межеваньи, было отрѣзано пятьдесятъ десятинъ.

Кромѣ этихъ клочковъ, которые отрывались отъ имѣнья проигрышами, продажами и подарками, оно значительно раздробилось выдѣломъ тремъ дочерямъ слѣдующихъ имъ частей. Этотъ выдѣлъ совершился уже законнымъ порядкомъ, съ разрѣшенія сената. А по смерти дяди, и послѣднимъ остаткамъ прадѣдовскаго наслѣдія грозило конечное распаденіе. Отецъ, какъ лишенный всѣхъ правъ состоянія, былъ въ отношеніи къ наслѣдству человѣкъ мертвый, и дѣдовское имѣніе должно было раздѣлиться между тѣми же тремя сестрами. Мужья ихъ (которыхъ я еще помню и о которыхъ буду говорить подробнѣе, когда приду къ моимъ собственнымъ воспоминаніямъ) составляли уже и проекты этого раздѣла,—разумѣется не юридическаго, невозможнаго при жизни дѣда, но, по крайней мѣрѣ, фактическаго, при которомъ были бы возможны разныя эксплуатаціи. Эксплуатаціи эти, при слабомъ управленіи бабушки и вообще при слабости ея характера, безъ всякаго сомнѣнія, начались бы очень скоро и, судя по тому, какъ мои тетки и ихъ мужья вели собственныя дѣла, очень скоро выжали бы послѣдній сокъ изъ имѣнія, и безъ того уже сильно разстроеннаго. Но, къ счастію отца, а съ тѣмъ вмѣстѣ и моему, между двумя зятьями загорѣлся споръ. Каждому изъ нихъ хотѣлось водвориться въ прадѣдовскомъ гнѣздѣ. Ни тотъ, ни другой не хотѣлъ уступить. Споръ дошелъ до горячей ссоры. Зятья не хотѣли съѣзжаться, и каждый изъ нихъ просилъ бабушку только о томъ, чтобы она ничѣмъ не допускала распоряжаться и пользоваться другого. Та-

кимъ образомъ сами обстоятельства составили контроль противъ всякаго новаго хищничества изъ дѣдовской собственности. Между тѣмъ воцарился императоръ Александръ I. Отецъ написалъ оду [1]) на восшествіе его на престолъ, надѣясь, наконецъ, получить прощенье въ неумышленномъ проступкѣ, стоившемъ ему пятнадцатилѣтней ссылки, послалъ эту оду въ Петербургъ къ тому же родственнику, который вызывался опредѣлить въ гвардію дядю, и который, съ самымъ живымъ участіемъ принялъ теперь на себя ходатайство за отца передъ вновь воцарившимся и исполненнымъ благости государемъ. Этотъ родственникъ, хотя и не принадлежитъ къ прямой линіи моихъ предковъ, но память о немъ требуетъ отъ меня, чтобы я въ моихъ фамильныхъ воспоминаніяхъ представилъ его не въ коротенькомъ общемъ очеркѣ, а въ болѣе полномъ и яркомъ характеристическомъ портретѣ, сколько по тому вліянію, какое имѣлъ онъ на участь отца и мою собственную, столько же и по его высоко-достойной и благородной личности.

Выше я сказалъ, что колѣно меньшого сына Петра Панкратьевича, Ивана, было пощажено тѣмъ злымъ фатализмомъ, который палъ на другія поколѣнія семейства. Но было время, когда и сыну Ивана Петровича, Павлу Ивановичу, о которомъ говорю теперь, пришлось испытать тяжкія невзгоды. Прежде всего на него пало тоже самое несчастье, какое пало на бабушку, которой пришлось перенесть крестъ свой въ сумасшествіи мужа. Ему пришлось перенесть этотъ крестъ въ сумасшествіи жены, лишившейся разсудка еще въ молодыхъ годахъ. Потомъ долго преслѣдовалъ его и сдѣлалъ ему много зла гнѣвъ, всесильнаго въ свое время и мстительнаго, графа Аракчеева. И въ этомъ-то эпизодѣ изъ жизни Павла Ивановича выражается, въ полномъ блескѣ, вся прямота и твердость его характера. Въ продолженіи восьми лѣтъ онъ былъ губернаторомъ, сначала въ Псковѣ, потомъ въ Новгородѣ, и своими разумными, прямыми и честными дѣйствіями пріобрѣлъ и любовь всѣхъ жителей обѣихъ губерній и громкую репутацію образцоваго администратора. Но по той же прямотѣ характера, онъ позволялъ себѣ иногда довольно рѣзкія выраженія на счетъ грознаго временщика, бывшаго, какъ извѣстно, новгородскимъ помѣщикомъ, и часто сво-

---

[1]) «Посланіе къ киргизъ-кайсацкому царю Всемилу, внуку премудрой, великой и единственной Фелицы, на всерадостное восшествіе его на престолъ, 12 марта, 1801 года. Сочинилъ на татарскомъ языкѣ нѣкоторый киргизецъ, а съ онаго на русскій перевелъ П. С. (Стихотворенія П. С—ва. Изданіе Смирдина. 1832 г.)

ими дѣйствіями возмущавшаго Павла Ивановича. Между прочихъ выходокъ его противъ Аракчеева сохранилась у меня въ памяти слѣдующая: желая показать преданность свою государю, Аракчеевъ вырѣзалъ на своей печати девизъ: «Безъ лести преданъ». Павелъ Ивановичъ замѣтилъ, при собравшихся у него за столомъ гостяхъ, что девизъ написанъ неправильно, а надобно читать такъ: «Бѣсъ лести преданъ». Эта, и многія другія подобныя ей выходки и насмѣшки, повторяемыя смѣло, во всеуслышаніе, не могли не дойти до Аракчеева. И вдругъ, ни съ того ни съ сего, присылается сенаторъ Миклашевскій ревизовать Новгородскую губернію, и присылается съ той цѣлью, чтобы найти, во что-бъ то ни стало, какую-нибудь придирку къ обвиненію губернатора. Но, несмотря на такое направленіе дѣла, несмотря на всѣ старанія ревизовавшихъ найти желаемую придирку, за губернаторомъ не нашлось не только никакихъ грѣховъ, но даже никакихъ упущеній и промаховъ. Хотя ревизія привела вовсе не къ той цѣли, съ какой была назначена: по справедливости она вела къ наградѣ; но это обстоятельство нисколько не затруднило временщика. Если врага нельзя было отдать подъ судъ, то можно было его уволить. И его уволили безъ прошенія и безъ пансіона, несмотря на его, въ то время, уже слишкомъ двадцати-лѣтнюю службу. Павелъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, составилъ докладную записку государю, въ которой за долговременную, безпорочную и во многихъ отношеніяхъ полезную службу свою просилъ только назначить ему пансіонъ, равняющійся послѣднему его губернаторскому окладу. Но впродолженіи цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ никто не хотѣлъ принять на себя доклада по этой запискѣ. Наконецъ, ему пришла оригинальная мысль, обратиться по этому дѣлу къ самому Аракчееву. Изложивъ, въ письмѣ къ нему, всю свою невинность и всѣ свои заслуги, въ числѣ которыхъ дѣйствительно указано на многія очень существенныя, онъ заключаетъ это письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дѣло мое честно, ясно, кратко, справедливо. Оно требуетъ не ходатайства по пристрастію, а только твердаго въ сужденіяхъ, даже при всемъ недоброхотствѣ къ своему противнику, человѣка. Прибѣгалъ я во многимъ, но нѣтъ заступниковъ, нѣтъ путей къ надеждѣ; чужая скорбь не больна, и я, подобно страдальцу при благотворной купели, не рѣдко Всевидящему повторяю: *человѣка не имамъ*! Вотъ, ваше сіятельство, почему я предпочелъ обратиться къ благородному противнику. Я слишкомъ гордъ, чтобы униженіемъ себя обезславить; но слишкомъ справедливъ для того, чтобы предпо-

гать въ васъ чувство гнѣва сильнѣе чувства справедливости. Не ошибусь я въ предположеніи моемъ,—и признательность моя не постыдится указать на васъ предъ всѣми, какъ на благороднаго и великодушнаго врага. Окажется ли тому противное,—тогда не я, а вы отдадите отчетъ своей совѣсти. Есть Богъ, есть смерть, есть судъ царя царей». Письмо это имѣло полный успѣхъ. Ему тотчасъ же дали пенсію; а потомъ онъ получилъ званіе сенатора, въ которомъ и оставался до конца своей жизни.

Принявъ на себя ходатайство за отца, Павелъ Ивановичъ приступилъ къ дѣлу съ свойственной ему энергіей, и въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года отецъ получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержанія:

«*2-е іюля 1801 г. Петербургъ.*

«Прочь титулъ милостиваго государя, который въ грамматикѣ дружбы не напечатанъ, а касается людей, на притворствѣ и околичностяхъ обращающихся. Просто любезнаго своего друга Панкратія Платоновича поздравляю съ свободою; ты прощенъ. Благодари Бога и прославляй Александра.

«Теперь выслушай все происходившее. По полученіи твоихъ прекрасныхъ стиховъ, дѣлающихъ тебѣ честь, я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ для твоего блага врученіемъ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому какъ оды, равно и писаннаго тобою ко мнѣ письма, прося его доставить и то и другое полночному Титу. Вскорѣ я услышалъ, что императоръ воззрѣлъ на то съ свойственнымъ ему милосердіемъ и удостоилъ прочесть и стихи и твое ко мнѣ письмо; но болѣе недѣли проходило, какъ пребывалъ въ сомнительной неизвѣстности о твоей участи. Наконецъ, часа два тому назадъ, Трощинскій возвѣстилъ мнѣ пріятную ту вѣдомость, что тебѣ позволено оставить унылую Сибирь, жить гдѣ пожелаешь, и сегодня посылается о томъ указъ къ г. Кошелеву, вашему губернатору. Я оставляю тебѣ судить, велико ли было мое восхищеніе, а представляю мысленно твою себѣ радость и отъ усердія тебя съ нею поздравляю.

«Въ указѣ сказано сими словами, что позволяется возвратиться тебѣ на свою родину, и притомъ жить, гдѣ ты пожелаешь; а о чинѣ и достоинствѣ дворянскомъ не упомянуто. Но ты, любезный другъ, о семъ не безпокойся. Дмитрій Прокофьевичъ мнѣ объявилъ, что императоръ изволилъ сказать: *на первый разъ* сего довольно. А какъ ты можешь теперь пріѣхать въ Петербургъ, то я искренній даю тебѣ совѣтъ непремѣнно поспѣшить сюда, и мы вмѣстѣ будемъ хлопотать. Но я въ торопяхъ ошибся.

Двора ты, можетъ быть, уже здѣсь не застанешь; ибо въ началѣ сентября оный отсюда отправляется. Такъ лучше пріѣзжай въ Москву; и время то будетъ общей радости коронованія государя, такъ кстати и просьбу тогда употребить. Ну, все сказалъ. Прощай. Тороплюсь, чтобы не пропустить почту. Люби меня и разсчитывай всегда на искреннюю дружбу того, который и проч.»

Какъ ни отрадно было отцу получить свободу, но мысль о возвращеніи на родину въ томъ положеніи, въ какомъ онъ оставался по смыслу состоявшагося о немъ указа, наводила на него тяжелыя и мрачныя думы. Какую роль будетъ онъ играть въ имѣніи, на полученіе котораго послѣ отца не имѣетъ еще никакого права? Какъ станутъ смотрѣть сосѣди-дворяне на сосѣда, лишеннаго дворянскаго званія? Какъ станутъ смотрѣть на него самыя сестры и ихъ мужья, которыхъ возвращеніе его, вѣроятно, не обрадуетъ, и которые, вѣроятно, не пожелаютъ ему искренне возвращенія его правъ, въ ущербъ собственныхъ интересовъ по дѣдовскому наслѣдству? Какое, наконецъ, положеніе займетъ онъ въ обществѣ? Все это казалось ему слишкомъ шаткимъ, неопредѣленнымъ, неловкимъ. А между тѣмъ въ Тобольскѣ онъ совершенно забывалъ потерю всѣхъ своихъ правъ. Новый губернаторъ, Дмитрій Родіоновичъ Кошелевъ, которому былъ посланъ указъ о его освобожденіи, былъ также хорошо къ нему расположенъ, какъ и предмѣстникъ его Алябьевъ. Свобода его нисколько не была стѣснена, и въ продолженіе своей ссылки онъ не разъ оставлялъ Тобольскъ на довольно долгіе промежутки. Такъ, нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ Верхотурьѣ, гдѣ первоначально жилъ Зеленцовъ, переселившійся въ Тобольскъ уже впослѣдствіи. Два года пробылъ въ Петропавловской крѣпости, куда вызвалъ его начальникъ линейныхъ войскъ, генералъ Боуверъ, для образованія своихъ дѣтей. А потомъ, когда онъ устроилъ въ Тобольскѣ пансіонъ въ собственномъ домѣ, и оставался тамъ постоянно, онъ выѣзжалъ отъ времени до времени на желѣзный тагильскій и нѣкоторые другіе чугунно- и мѣдно-плавильные заводы. Изучалъ и собиралъ разныя породы рудъ, самородки различныхъ металловъ и разные сибирскіе камни, которые служили ему пособіемъ для практическаго преподаванія своимъ ученикамъ минералогіи, и затѣмъ составили довольно значительный и цѣнный кабинетъ минераловъ. Наконецъ, никто не воспрещалъ ему совершать даже такія далекія и гласныя путешествія, какъ, напримѣръ, поѣздка на знаменитую ирбитскую ярмарку, куда онъ каждый годъ отправлялся

вмѣстѣ съ Зеленцовымъ и цѣлой компаніей тобольскихъ жителей, имѣвшихъ обыкновеніе закупать тамъ нужную провизію и въ особенности колоніальные товары. Ирбитъ отстоитъ отъ Тобольска слишкомъ на триста верстъ, но для сибиряковъ, привыкшихъ къ огромнымъ разстояніямъ, раздѣляющимъ тамошніе города, проскакать триста верстъ, хоть бы и въ трескучій морозъ, ничего не значитъ. Закутанные съ головы до ногъ въ овчинныя, подвязныя шапки, въ толстые овчинные тулупы, въ валенки, и сверхъ всего еще въ медвѣжьи шубы, они заваливаются въ плотно обитыя кибитки, закрываются плотными валеными полостями, и мчатся на тамошнихъ сильныхъ и лихихъ тройкахъ день и ночь, отогрѣваясь на станціяхъ чаемъ и разогрѣтыми щами или казанскими перменями, запасаясь тѣмъ и другимъ на дорогу въ замороженномъ видѣ. Отецъ и мать всегда вспоминали объ этихъ поѣздкахъ, какъ о пріятныхъ прогулкахъ. Въ Тобольскѣ былъ у нихъ большой кругъ знакомства, и кромѣ того у отца былъ свой пріятельскій кружокъ, состоявшій изъ людей веселыхъ и умныхъ, и въ томъ числѣ изъ нѣкоторыхъ его журнальныхъ сотрудниковъ. Тамъ онъ пользовался извѣстностью и почетомъ, и привыкъ смотрѣть на этотъ край, такъ привѣтливо принявшій и пріютившій его, какъ на родину. А родина, которой онъ даже и не помнилъ, была для него совершенной чужбиной. Но ѣхать было необходимо, и какъ можно скорѣе; — необходимо потому уже, чтобы кончить начатое дѣло и снова стать въ обществѣ какой-нибудь единицей, а не оставаться нулемъ.

Домъ продали. Людей и всякій домашній скарбъ, а также кабинетъ минераловъ и довольно большую библіотеку, которую отецъ успѣлъ составить тамъ, отправили на долгихъ, цѣлымъ обозомъ, а сами поѣхали на почтовыхъ. Дворъ застали въ Москвѣ. Застали тамъ и Павла Ивановича; застали и коронацію. Просьба была подана; но во время церемоніаловъ и празднествъ ни Трощинскому, ни государю заняться этимъ дѣломъ было некогда,—и отецъ пріѣхалъ въ деревню именно въ томъ неопредѣленномъ положеніи, котораго такъ боялся. Но добрый родственникъ постоянно утѣшалъ его своими письмами и поддерживалъ его надежды. Наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, онъ прислалъ копію съ указа, окончательно рѣшившаго участь отца, при слѣдующемъ письмѣ:

«*30-го марта 1802-го, Петербургъ.*

«Наконецъ, любезный мой Панкратій Платоновичъ, я дождался той пріятной минуты, въ которую могу тебя поздравить

съ возстановленіемъ твоего спокойствія. Вотъ бумага передъ твоими глазами; прочти ее, и увидя сердце свое, что горести ему уже теперь чужды, поблагодари съ усердіемъ Бога, почувствуй милость кроткаго государя, и начинай жить, какъ новый гражданинъ между нами..... Но теперь не время разсуждать. Минуты сіи опредѣлены на изступленіе, на восторгъ, на радостныя слезы. Поплачь, любезный, отъ удовольствія, и дай Богъ, чтобъ иныхъ слезъ ты не вѣдалъ. Поздравь свою матушку, свою супругу съ сею новостію и объяви имъ мое почтеніе. А поцѣловавъ за меня юнаго своего дворянина, не забывай и люби усерднаго своего друга и слугу».

Въ приложенной къ письму копіи съ указа значилось:

«Бывшему корнету гвардіи Панкратію С—ву, сосланному въ Сибирь, съ лишеніемъ чиновъ и дворянства, за вину, въ которую былъ онъ вовлеченъ безъ умысла, по молодости, и оттуда въ іюлѣ мѣсяцѣ минувшаго года возвращенному въ домъ его, всемилостивѣйше повелѣваемъ возвратить дворянское достоинство, распространяя оное и на дѣтей отъ него рожденныхъ, и никакой винѣ непричастныхъ. 1802-го года, марта 26-го».

Юный «дворянинъ», котораго Павелъ Ивановичъ просилъ поцѣловать, былъ не кто другой, какъ я грѣшный, или точнѣе сказать: безгрѣшный, потому что, когда отецъ съ матерью пріѣхали изъ Сибири и привезли съ собой и меня, на рукахъ кормилицы, мнѣ былъ отъ роду одинъ годъ.

А. С—овъ.

ВСЕ ВПЕРЕДЪ

РОМАНЪ.

Переводъ съ рукописи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Общество собралось сегодня впервые, послѣ промежутка нѣсколькихъ дней, къ чаю въ такъ-называемой персидской комнатѣ. Только Германъ поручилъ фонъ-Цейзелю извиниться за себя. У графа рука была все еще на перевязи, но вообще безсонныя ночи не оказали на него своего дѣйствія. Онъ ходилъ съ кавалеромъ взадъ и впередъ по комнатѣ и велъ съ нимъ оживленную бесѣду.

— Я еще не успѣлъ поблагодарить васъ за хлопоты о лошадяхъ, сказалъ графъ. Что вы скажете теперь про Валлаха, послѣ того, какъ поѣздили на немъ?

— Онъ будетъ отличной кавалерійской лошадью, чрезвычайно пригодной для аттаки, съ восторгомъ отвѣчалъ кавалеръ.

— Прекрасно, замѣтилъ графъ, смѣясь. Лошадь уже на лицо, теперь дѣло стало за аттакой. Но я полагаю, что и тутъ намъ придется не долго ждать. Какъ вы думаете?

— Не знаю, возразилъ фонъ-Цейзель. Во всякомъ случаѣ, я въ ней не буду участвовать.

— Отчего вы вышли въ отставку? спросилъ графъ.

— Я предпринялъ слишкомъ рискованную рекогносцировку при Кениггрецѣ, возразилъ кавалеръ; не скажу, чтобы я поступилъ противно приказаніямъ, потому что такихъ собственно не было мнѣ дано, но, тѣмъ не менѣе, навлекъ неудовольствіе сво-

его полковника, которому, послѣ нѣсколькихъ ошибокъ, сдѣланныхъ имъ въ этотъ день, требовался козелъ отпущенія; ну, а такъ какъ я не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ роли козла отпущенія, то....

— Понимаю, понимаю, сказалъ графъ. Но дѣло поправимое, и если вамъ неудобно снова поступить въ саксонскую службу, то.... у меня достаточно связей....

— Извините, графъ, перебилъ кавалеръ съ серьезной миной: —я кажется имѣлъ честь докладывать вамъ, что дрался въ послѣдній разъ при Кенигтрецѣ.

— Я знаю это, возразилъ графъ; но въ слѣдующій разъ, когда намъ придется драться, мы будемъ въ однихъ рядахъ и фронтъ нашъ будетъ обращенъ на западъ. Такъ-то, товарищъ!

При этихъ словахъ, онъ протянулъ кавалеру руку, которую тотъ съ жаромъ пожалъ. Черный фракъ, надѣтый на немъ, вдругъ показался ему, рядомъ съ мундиромъ графа, самымъ неприличнымъ одѣяніемъ въ свѣтѣ. Оба господина прошлись нѣсколько разъ по комнатѣ молча. За чайнымъ столомъ принцъ толковалъ о пріѣздѣ маркиза, котораго ожидали назавтра. Графъ снова заговорилъ съ фонъ-Цейзелемъ:

— Вы имѣли уже случай лицезрѣть этого феникса?

— Нѣтъ, его свѣтлость познакомился съ маркизомъ во время своего путешествія по Италіи, осенью, тысяча восемьсотъ шестьдесятъ шестого года.

— И, кажется, чувствуетъ къ нему живѣйшую симпатію?

— Кажется, возразилъ кавалеръ.

— Бываютъ времена, когда подобныя личныя симпатіи получаютъ нѣкотораго рода политическое значеніе, проговорилъ графъ.

— Но мы живемъ въ глубокомъ мирѣ съ Франціей, замѣтилъ фонъ-Цейзель, которому вдругъ припомнилось волненіе, съ какимъ принцъ объявилъ ему о пріѣздѣ маркиза, въ тотъ вечеръ, когда они вмѣстѣ возвращались со двора фазановъ.

— Вы ошибаетесь, сказалъ графъ громче, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ. Мы долго жили въ мирѣ, пока не наступилъ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ шестой годъ; но съ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ шестого года мы уже воюемъ съ Франціей, хотя до сихъ поръ не сдѣлано ни единаго выстрѣла. Мы стоимъ другъ противъ друга, какъ два борца, старающіеся открыть слабую сторону противника. Кто первый начнетъ нападеніе — вопросъ времени; но что оно неизбѣжно — это вѣрно!

— Послушать васъ, горячихъ головъ, то можно подумать,

что борьба начнется завтра, откликнулся принцъ изъ-за чайнаго стола. Конечно, вамъ лучше знать....

— Что вы хотите сказать, ваша свѣтлость? перебилъ графъ, подходя къ столу.

— Потому, что вы создали это положеніе, докончилъ принцъ начатую фразу.

— Мы, создали положеніе?

— Ну, разумѣется, и именно въ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ шестомъ году. Кто же не знаетъ, что съ того времени отплата за Садову сдѣлалась лозунгомъ всѣхъ партій во Франціи.

— Не тысяча восемьсотъ шестьдесятъ шестой годъ создалъ положеніе, возразилъ графъ; онъ только выяснилъ его, и по моему мнѣнію, это счастіе, какъ въ политической, такъ и въ частной жизни.... по крайней мѣрѣ для людей мужественныхъ.

Оба господина не возвышали голоса. Говорили они не поспѣшнѣе обыкновеннаго; тѣмъ не менѣе фонъ-Цейзель невольно бросилъ умоляющій взглядъ на дамъ; изъ нихъ, Стефанія очевидно раздѣляла его впечатлѣніе, между тѣмъ, какъ Гедвига, погруженная въ свои мысли, повидимому, не принимала никакого участія въ разговорѣ.

— Докторъ, конечно, уже не пріѣдетъ теперь, сказала Стефанія. Желая дать разговору новое направленіе, она невольно высказала то, о чемъ думала.

— Я очень жалѣю объ этомъ, сказалъ графъ. Я заранѣе думалъ объ удовольствіи поблагодарить его, въ присутствіи всего общества, за любезный уходъ, которымъ онъ окружалъ меня въ послѣднее время. Кстати, прибавилъ графъ, обращаясь къ Гедвигѣ, я долженъ также поблагодарить и васъ.

— Меня? спросила Гедвига, не глядя на него.

— Васъ, повторилъ графъ, увидя, что всѣ его слушаютъ. За тотъ прекрасный рецептъ, который вы были такъ добры прислать мнѣ вечеромъ того дня, когда со мной случилась эта бѣда.

— Рецептъ? переспросилъ принцъ.

— Въ формѣ записки, сказалъ графъ, смѣясь. Я ожидалъ найти въ ней тонко выраженную благодарность за мой геройскій поступокъ, но въ ней заключался простой совѣтъ: сидите смирно и почаще прикладывайте ледъ! Холодный совѣтъ, за который я вамъ приношу самую горячую благодарность и которому я слѣдовалъ такъ усердно, что уже сегодня вечеромъ могъ занять обычное мѣсто за чайнымъ столомъ.

Графъ поклонился Гедвигѣ и опустился на стулъ съ непринужденностью, которая составляла довольно рѣзкій контрастъ

съ смущеніемъ, ясно выразившимся на всѣхъ лицахъ. Стефанія очень покраснѣла и поспѣшно наклонилась къ работѣ, которую держала въ рукахъ; Гедвига также поспѣшно подняла свои большіе, темные глаза на графа, а затѣмъ перевела ихъ на принца; послѣдній безпокойно поглядывалъ то на Гедвигу, то на графа. Лицо Гедвиги было блѣдно, губы ея дрожали. Она собиралась, повидимому, сказать что-то такое, чтó положило бы, неожиданный для всѣхъ, конецъ этой странной сценѣ, какъ вдругъ вошелъ слуга, знáкомъ подозвалъ фонъ-Цейзеля и шепнулъ ему нѣсколько словъ, видимо испугавшихъ послѣдняго.

— Чтó случилось, любезный Цейзель? спросилъ принцъ, которому всякій перерывъ былъ пріятенъ въ настоящую минуту.

— Съ позволенія вашей свѣтлости, я бы желалъ... и кавалеръ указалъ глазами на дамъ, желая дать знать принцу, что не хочетъ говорить при нихъ; но принцъ ничего не замѣтилъ въ своемъ волненіи и нетерпѣливо вскричалъ:

— Да говорите же, любезный Цейзель. Вы видите, что дамы уже начинаютъ безпокоиться, а бѣда вѣрно не такъ велика.

— Я надѣюсь, что никакой бѣды не случилось, отвѣчалъ кавалеръ, быстро оправляясь; это вѣроятно простая случайность, которая, надо надѣяться, скоро объяснится: мнѣ пришли сказать, что лошадь доктора прискакала на дворъ зáмка безъ всадника.

— О, Боже мой! громко вскрикнула Стефанія.

— Развѣ ты никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь упалъ съ лошади? спросилъ графъ.

— Докторъ отличный наѣздникъ, замѣтилъ принцъ; во всякомъ случаѣ надо справиться. Пожалуйста, любезный Цейзель...

— Я уже отдалъ приказаніе, отвѣчалъ кавалеръ, но хочу просить позволенія самому отправиться на поиски.

— Ступайте, любезный Цейзель, сказалъ принцъ; да! ступайте и какъ можно скорѣй извѣстите меня обо всемъ.

Кавалеръ собирался выдти изъ комнаты, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то тронулъ его за руку; онъ обернулся и къ величайшему своему изумленію, мало того, ужасу увидѣлъ передъ собой Гедвигу, которую онъ передъ этимъ оставилъ за столомъ. Лицо ея было измучено и онъ едва узналъ ея голосъ, когда она дрожащими губами произнесла громко, а между тѣмъ беззвучно:—Онъ умеръ, скажите мнѣ.

— Я самъ не знаю, но думаю, что нѣтъ, отвѣчалъ кавалеръ.

— Онъ умеръ, повторила Гедвига, и я...

— Гедвига! ради самого Бога, что съ тобой? закричалъ

принцъ, сжимая холодную и безжизненную руку Гедвиги въ своихъ рукахъ. Прошу васъ, любезный Цейзель, удалитесь. Мы здѣсь всѣ въ такомъ неописанномъ смятеніи, которое, право, выходитъ изъ границъ.

Гедвига дико поглядѣла на него; но прежде, чѣмъ она успѣла промолвить слово, дверь отворилась и вошелъ новый слуга.

— Нашли его? закричалъ принцъ.

— Точно такъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ слуга: на опушкѣ лѣса, — люди, шедшіе въ Гюнерфельдъ; они тотчасъ вернулись назадъ и добыли носилки изъ «Трехъ Форелей», на которыхъ и перенесли его.

— Ну? спросилъ принцъ, сильно поблѣднѣвъ.

— Онъ былъ совсѣмъ какъ мертвый, отвѣчалъ слуга, но докторъ Струпъ...

— Это старый врачъ изъ Ротебюля, сказалъ принцъ, обращаясь къ дамамъ.

— Онъ былъ въ гостинницѣ въ то время, какъ туда пришли люди, продолжалъ слуга, и тотчасъ же пошелъ съ ними. Онъ говоритъ, что это только обморокъ, который останется безъ послѣдствій.

— Чтобы успокоить дамъ, я самъ навѣдаюсь, сказалъ принцъ; хотите идти со мной, любезный Цейзель?

— Я совѣтую тебѣ также пойти къ себѣ, милая Стефанія, замѣтилъ графъ, какъ только оба господина вышли изъ комнаты; ты такъ сильно испугалась и я вижу по твоему лицу, что ты чувствуешь себя не совсѣмъ хорошо. Помощь тайнаго совѣтника становится съ каждымъ днемъ необходимѣе для тебя.

Онъ подалъ женѣ руку.

— Мнѣ очень жаль, милая Гедвига, сказала Стефанія, которая охотно осталась бы, но не смѣла противиться требованію своего супруга.

Гедвига ничего не отвѣчала. Она какъ будто не замѣтила, что графъ, проговоривъ какое-то извиненіе, увелъ Стефанію изъ салона.

Вотъ до чего она его довела! Вотъ что означали его мрачные взгляды, его горькая усмѣшка: развѣ ты не видишь, что прогоняя меня отсюда, ты отнимаешь у меня жизнь? Она не хотѣла его понять, ну вотъ, теперь все кончено! Онъ ушелъ... не простясь... навѣки...

Она дико оглянулась кругомъ. Тамъ, на гибкихъ вѣтвяхъ пальмъ, прислоненныхъ къ выщитымъ обоямъ, качались пестрые попугаи; тамъ сверкалъ, отражаясь въ хрустальныхъ канделя-

брахъ, серебрянный сервизъ на чайномъ столѣ; тамъ стояли сбитые въ одну кучку кресла, а здѣсь стояла она одна, посреди пышнаго покоя. Всѣ ушли; каждый могъ выказать свое участіе, тотъ интересъ, который онъ чувствовалъ. Только она одна, ради которой онъ умеръ, не смѣла двигаться, не смѣла выдать ни единымъ взглядомъ того, что̀ у ней происходило на сердцѣ. Она должна спокойно сидѣть тутъ, терпѣливо дожидаться, пока они вернутся... О позоръ! позоръ!...

Она быстрыми шагами пошла-было къ двери, но снова остановилась.

— Но развѣ раны его не раскроются, но развѣ его нѣмыя, мертвенно-блѣдныя уста не заговорятъ страшнымъ, ей одной понятнымъ языкомъ: ты осмѣлилась ко мнѣ придти, ты! ты, долгіе годы поощрявшая мою любовь, а теперь спокойно оставившая меня умирать, чтобы имѣть возможность любить другого? Кто смѣетъ это говорить? о, Боже мой, Боже мой!

Она бросилась, подавленная горемъ, въ кресло и уткнула лицо въ спинку.

— Но что же все это значитъ? спросилъ графъ. Онъ вошелъ въ комнату, незамѣченный Гедвигой и теперь стоялъ передъ ней.—Я не постигаю, продолжалъ графъ, какъ могъ такъ взволновать все общество простой случай, который, Богу извѣстно, не имѣетъ ровно никакого значенія. Я не разъ въ своей жизни падалъ съ лошади и лежалъ, какъ мертвый. Я сейчасъ навѣщалъ нашего интереснаго паціента и вполнѣ раздѣляю мнѣніе стараго Ротебюльскаго врача, хотя бы во всемъ остальномъ онъ былъ совершеннѣйшій дуракъ: черезъ нѣсколько дней докторъ поправится и будетъ также здоровъ, какъ любой изъ насъ. Я сказалъ это принцу, онъ мнѣ не вѣритъ или дѣлаетъ видъ, что не вѣритъ. Говорилъ Стефаніи... та же исторія! Но вы, я полагаю, созданы изъ болѣе крѣпкаго матеріала, чѣмъ тѣ двѣ, слишкомъ нѣжно организованныя натуры.

Графъ проговорилъ все это самымъ шутливымъ тономъ. Онъ не хотѣлъ дать замѣтить, что поведеніе Стефаніи возмутило его до глубины души и что, въ то же время, ревнивая страсть его къ Гедвигѣ достигла до своего зенита. Что возбужденіе, въ которомъ онъ засталъ Гедвигу, могло относиться къ доктору,— это ему и въ голову не приходило. Онъ зналъ, что̀ именно его вызвало, а потому сказалъ тихимъ, довѣрчивымъ голосомъ, усаживаясь на стулъ возлѣ Гедвиги:

— Простите мнѣ мою давишнюю нескромность. Я не долженъ былъ хвалиться милостью женщины; но я и не хвалился; я просто хотѣлъ отвести подозрѣнія, ради васъ самихъ. При-

слуга, кажется, вздумала сплетничать; по крайней мѣрѣ Стефанія знаетъ—черезъ свою камеръ-юнгферу, полагаю, которая, въ свою очередь, слышала это отъ моего камердинера,—что вы ко мнѣ писали. Само собой разумѣется, что Стефанія не могла упустить такого удобнаго случая разыграть чувствительную сцену, а зная неразуміе Стефаніи, нельзя сказать: кому она уже успѣла или не успѣла объ этомъ сообщить. Своей матери навѣрное, да по всей вѣроятности, и принцу. Мнѣ, разумѣется, хотѣлось положить конецъ этой сплетнѣ. Если я выбралъ плохое средство—а я почти сознаюсь, что средство никуда негодно, — то прошу васъ сказать мнѣ это откровенно; отъ васъ мнѣ пріятно даже получить выговоръ.

Графъ подождалъ отвѣта, но его такъ долго не было, что терпѣніе его лопнуло.

— Развѣ вы не желаете говорить со мной? спросилъ онъ тихо и убѣдительно.

— Извините, я не слыхала, чтó вы сказали, отвѣчала Гедвига, которая вдругъ встала и принялась ходить по комнатѣ.

Графъ прикусилъ губу. Неужели Гедвига такъ разсердилась, что не хочетъ его слушать? или же она такъ взволнована, что не можетъ слушать? и слѣдуетъ ли ему объяснить ея волненіе въ свою пользу? Во всякомъ другомъ случаѣ, онъ бы такъ и сдѣлалъ; но теперь, слѣдя глазами за стройной фигурой Гедвиги, въ то время, какъ она расхаживала по комнатѣ, повидимому не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, онъ сказалъ про себя: одинъ невѣрный шагъ, одинъ фальшивый звукъ—и дѣло проиграно!

— Ну, такъ я не повторю того, чтó сказалъ, а лучше поблагодарю васъ за тѣ дорогія строчки, которыми вы—теперь я могу это сказать—сняли тяжесть съ моей груди. Но вы опять не слушаете того, чтó я вамъ говорю.

— Слушаю, слушаю, возразила Гедвига; я сняла тяжесть съ вашей груди! Какъ великъ былъ ея вѣсъ?

И она засмѣялась.

— Я васъ не понимаю, сказалъ графъ, не понимаю вашей насмѣшки и вашего озлобленія послѣ того, какъ вы сами протянули мнѣ руку примиренія, послѣ того, какъ вы собственной рукой начертали: «прошлое должно быть предано забвенію и отнынѣ мы будемъ жить какъ люди, покончившіе свои разсчеты».

— Мнѣ не слѣдовало писать этого, замѣтила Гедвига.

— Потому чтó письмо дало желанную пищу сплетникамъ?

— Какое мнѣ до этого дѣло?

— Такъ почему же?

— Потому, что предложеніе мое несбыточно; потому, что вы никогда не выполните честно договора, заключеннаго съ нами; потому что, хотя бы вы тысячу разъ утверждали, что мы квиты, но въ эгоистическомъ сердцѣ своемъ вы не перестанете считать себя нашимъ заимодавцемъ и приписывать себѣ Богъ знаетъ какое великодушіе, если не подкрѣпите своего требованія прямымъ насиліемъ; но вы не сочтете низкимъ добиваться инымъ путемъ своей цѣли, хотя бы онъ безжалостно разбивалъ наше сердце.

Говоря такимъ образомъ, она все время прохаживалась по комнатѣ; шлейфъ ея шелковаго платья шумѣлъ и хрустѣлъ, высокая фигура ея то ярко освѣщалась люстрой, то чуть обрисовывалась въ тѣни, когда она скрывалась въ глубинѣ комнаты; такъ точно и голосъ ея, то гремѣлъ въ порывѣ страсти, то переходилъ чуть не въ шопотъ.

Графъ, сидѣвшій въ креслѣ, какъ прикованный, и внимательно слѣдившій за каждымъ ея движеніемъ, почувствовалъ, хотя уже не впервые, что здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ безграничной, безпредѣльной силой, покорить, обуздать которую—внѣ его власти; онъ спрашивалъ себя, не значитъ ли терять напрасно время и трудъ—любить существо, которое съ каждой минутой становилось для него все неуловимѣе и могло ускользнуть совсѣмъ?

— Не говорите со мной загадками, если хотите, чтобы я васъ понялъ, сказалъ онъ.

— Я вовсе не требую, чтобы вы, или вамъ подобные, понимали меня, графъ!

— Вы или вамъ подобные? повторилъ графъ. Немного обидно для аристократа, какимъ зовутъ меня люди, что его смѣшиваютъ, безъ дальнихъ околичностей, со всякимъ.

— А въ чемъ же разница между вами и всякимъ другимъ человѣкомъ? спросила Гедвига, остановясь передъ графомъ, скрестивъ руки на груди и устремивъ на него свои большіе, темные, сверкавшіе страстью глаза.—Люди вашего круга вѣчно хотятъ быть безгрѣшными богами, милостиво принимающими жертвы отъ насъ, простыхъ смертныхъ, но никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не желаютъ приносить жертвъ намъ, простымъ смертнымъ. Но я готова отдать справедливость лично вамъ. Вы честнѣе другихъ. Вы никогда не доводили обманъ до того, чтобы выдавать себя за святого, никогда не отрицали, что вы вовсе не годитесь для роли жертвеннаго агнца и что относительно насъ, простыхъ смертныхъ, вы намѣрены держаться того же самого образа дѣйствій, какого вы вообще держитесь въ жизни и который

выражается словами: все впередъ! — Съ самой датской войны слова эти сдѣлались вашимъ лозунгомъ, и теперь вы не разстаетесь съ нимъ! Все впередъ! хотимъ ли мы завладѣть непріятельской батареей, или соціальной привилегіей, или красивой женщиной, все равно! впередъ! впередъ! мы не даемъ пощады, не дѣлаемъ уступокъ, мы разбиваемъ сердца, которыми не можемъ завладѣть. Что вы не разбили моего сердца, то, Богу извѣстно, это случилось не по вашей винѣ, а благодаря тому, что во мнѣ живетъ *нѣчто* такое, чтó должно было бы жить во всѣхъ вашихъ противникахъ, и тогда вы не много бы выиграли отъ вашего пресловутаго: впередъ! впередъ! не столько, сколько теперь.

— А что такое, осмѣлюсь спросить, это *нѣчто*?

— Любовь къ свободѣ, твердая рѣшимость не дозволять поработить себя никому въ свѣтѣ, никогда не склонять главы передъ тѣмъ, чтó я считаю недостойнымъ, жить по своему разумѣнію, идти той дорогой, какую я себѣ избрала, и никому не позволять своротить меня съ этой дороги, ни лестью, ни угрозами, куда бы меня ни привела эта дорога, хотя бы....

— Въ мои объятія! вскричалъ графъ, вскакивая и бросаясь къ Гедвигѣ, которая ни на шагъ не отступила назадъ, но устремивъ въ разгоряченное лицо графа ледяной взоръ, промолвила ледянымъ голосомъ:

— Вы плохо выбрали время; кто хочетъ меня удержать, тотъ долженъ уцѣпиться за меня обѣими руками, а вы забываете, что носите одну руку на перевязи.

— А вы забываете, почему я ношу ее на перевязи!

— Мнѣ помнится, вы только что говорили, графъ, что мы квиты. Или, быть можетъ, вы хотите мнѣ доказать, насколько я была права, говоря, что разсчитаться съ вами невозможно? Мнѣ не требовалось этого доказательства, но, тѣмъ не менѣе, благодарю васъ и прошу не опасаться того, что меня будетъ тревожить неконченный разсчетъ съ вами. Будь это такъ, я бы сказала: возвратите мнѣ мой покой и уѣзжайте какъ можно скорѣй! но я не говорю этого, слышите, графъ, я этого не говорю! Однако я боюсь, что нашъ долгій tête-à-tête наскучилъ вамъ; остальное общество, кажется, не намѣрено вернуться, а потому я не задерживаю васъ, если вы желаете послѣдовать его примѣру и удалиться къ себѣ.

Она поклонилась графу, который отвѣчалъ ей тѣмъ же.

— Вы сегодня ужасно сердиты, замѣтилъ графъ.

— Когда такъ, то берегитесь!

— Это не совсѣмъ въ моихъ привычкахъ, а еще менѣе—

позволять съ собой играть, какъ вы только-что изволили это сдѣлать.

— Вы, кажется, читаете мнѣ мораль, графъ? Вы здѣсь не въ комнатѣ вашей супруги.

— Не натягивайте слишкомъ тетивы.

— Я ничего не имѣю противъ того, если она лопнетъ.

— Это можетъ случиться скорѣе, чѣмъ вы думаете.

— Я думаю, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Вы начали съ загадокъ и загадками кончаете.

— Прекрасно, когда конецъ дѣло вѣнчаетъ.

— И все-таки это не послѣднее слово между нами.

— Если вы такъ въ этомъ увѣрены, то конечно согласитесь, что на сегодняшній день съ насъ довольно.

— Какъ вамъ угодно.

Графъ поклонился вторично и направился къ двери, въ которой столкнулся съ принцемъ.

— Ахъ! сказалъ принцъ, вы одни? гдѣ же графиня?

— Стефанія, по моему желанію, пошла отдохнуть, отвѣчалъ графъ. Несчастный случай этотъ нѣсколько разстроилъ ее; я тоже собирался уходить. Докторъ, надѣюсь, внѣ опасности?

— Да, то-есть я полагаю, отвѣчалъ принцъ.

— Ну, такъ я не стану долѣе задерживать васъ, сказалъ графъ.

Принцъ и Гедвига остались одни. Но прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ въ персидской комнатѣ нарушено было молчаніе. Принцъ находился въ лихорадочномъ возбужденіи; страшное подозрѣніе, преслѣдовавшее его всѣ эти дни, сегодня вечеромъ почти перешло въ увѣренность. Когда давеча графъ упомянулъ о запискѣ, которую ему написала Гедвига, принцъ вздрогнулъ, точно онъ наступилъ на змѣю. Предчувствіе подсказало ему, что исторія съ запиской не такъ проста и что Стефаніи это извѣстно. Иначе, почему же она такъ испугалась? И вотъ теперь, противъ ожиданія, онъ засталъ ихъ здѣсь наединѣ; оба были такъ взволнованы, что нельзя предположить, чтобы они вели обыкновенную, салонную бесѣду.

Принцъ взялъ съ чайнаго стола стаканъ воды и омочилъ свои дрожащія губы.

Онъ хотѣлъ поставить стаканъ на мѣсто, но онъ выскользнулъ изъ его дрожащихъ рукъ и съ звономъ покатился на серебряный поднос. Гедвига какъ будто ничего не слыхала; она сидѣла не шевелясь и неподвижно уставивъ глаза въ одну точку.

— Гедвига! сказалъ принцъ.

Она взглянула на него.

Онъ хотѣлъ спросить: любишь ли ты графа? но когда глаза его встрѣтились съ темными глазами Гедвиги, то мужество покинуло его. Рѣшительное слово замерло на губахъ, а вмѣсто него онъ сказалъ почти безсознательно:

— Кажется, что несчастный случай съ докторомъ интересуетъ тебя менѣе даже, чѣмъ Стефанію?

Гедвига провела рукой по лбу.

— Что ты говоришь? спросила она.

— Я говорю, что несчастный случай съ докторомъ, къ которому ты прежде относилась съ участіемъ, повидимому, вовсе не интересуетъ тебя.

— Но вѣдь онъ не умеръ, проговорила Гедвига.

— Неужели люди должны умереть, чтобы возбудить твое участіе? замѣтилъ принцъ съ горечью.

Гедвига снова провела рукой по лбу.

— Но вѣдь онъ не умеръ, повторила она.

Она встала и принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. «Не покончить ли со всѣмъ этимъ теперь же? не сказать ли: вы всѣ терзаете меня: сильный терзаетъ меня оскорбительной увѣренностью въ своей силѣ; другой терзаетъ меня свой слабохарактерностью, изъ-за которой не можетъ рѣшить: оставаться ли ему или уходить, жить или умереть! ты, старикъ, терзаешь меня, требуя того, чего я никакъ не могу тебѣ дать! всѣ вы терзаете меня и я не хочу долѣе выносить этой пытки! Не сказать ли ей это? Вѣдь она не боится послѣдствій и не изъ боязни молчала она до сихъ поръ и допустила графа впасть въ жестокое заблужденіе. Какое ей дѣло, что́ будетъ съ ней! Но, старикъ! вотъ этотъ старикъ съ сѣдой головой, съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ: онъ вѣдь не перенесетъ удара, смертельнаго удара въ его слабое, но не неблагородное сердце! Онъ былъ очень, очень добръ къ ней.... тогда! и честно́ вѣрилъ въ исполненіе своей клятвы! И онъ остался все тѣмъ же; онъ относится къ ней все съ той же преданностью и рыцарской нѣжностью. Нѣтъ, она не можетъ нанести ему такого удара; не слѣдуетъ, не должна она разрывать союза, прежде чѣмъ онъ самъ не разорветъ его! Она должна молчать и страдать, пока онъ самъ молча страдаетъ, какъ теперь, когда печаль отуманиваетъ его все еще прекрасные глаза и глубокими морщинами ложится на его красивомъ лбу и вдоль блѣдныхъ щекъ. Бѣдный, бѣдный старикъ!» Она подошла къ нему, наклонилась, коснулась губами его лба, и вышла изъ комнаты.

Принцъ сидѣлъ прикрывъ глаза рукой, какъ бы желая

скрыть, что онъ плакалъ. Вѣдь онъ зналъ, что она чувствуетъ къ нему только состраданіе! Да! только состраданіе! И онъ такъ слабъ, что выноситъ это; такъ нищъ, что чувствуетъ благодарность за тѣ крохи, которыя перепадаютъ ему со стола ея любви, ея любви къ ненавистному человѣку, измѣнившему святымъ и завѣтнымъ преданіямъ своего рода, наемщику на службѣ у чужого господина, искателю приключеній, который заноситъ нечестивую руку на его княжескую корону и на нее, на ту женщину, которая дороже ему короны, дороже всего въ мірѣ!

— Ваша свѣтлость изволили звать меня, сказалъ Глейхъ, уже нѣсколько минутъ стоявшій позади своего господина, а теперь сдѣлавшій видъ, какъ будто онъ только-что вошелъ въ комнату.

— Ахъ! это ты, Андрей, отвѣчалъ принцъ; ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ; ты уложишь меня въ постель, я не хорошо себя чувствую, дай мнѣ руку.

— Ваша свѣтлость принимаете все слишкомъ близко къ сердцу, замѣтилъ Глейхъ. Онъ уложилъ своего господина въ постель и стоялъ теперь у кровати, держа въ рукахъ различныя принадлежности его костюма и готовясь задернуть пологъ кровати.—А люди-то вовсе не умѣютъ цѣнить этого. Когда я вижу, какъ ваша свѣтлость изволите заботиться о господинѣ докторѣ, а господинъ докторъ, тѣмъ не менѣе, собирается уходить отъ вашей свѣтлости, то говорю самому себѣ: Андрей, говорю я, онъ уходитъ не спроста, его что-нибудь гонитъ отсюда.

— Ты всегда не терпѣлъ его, сказалъ принцъ.

— А онъ вообще такой пріятный человѣкъ, проговорилъ Глейхъ, какъ будто про себя. Много слезъ прольется, когда онъ уѣдетъ. Прикажете, ваша свѣтлость, задернуть пологъ?

— Я приказываю тебѣ высказать то, что́ у тебя на умѣ, закричалъ съ сердцемъ принцъ.

Андрей нахмурилъ густыя брови. Развязка наступала, по его мнѣнію, не въ пору; онъ самъ еще не могъ рѣшить, съ какого козыря изъ двухъ, имѣвшихся у него на рукахъ, слѣдуетъ ему сходить. Онъ очень хорошо зналъ, о чемъ спрашивалъ его принцъ; но вѣдь могло легко случиться, что она находится теперь въ такихъ же отношеніяхъ съ графомъ, какъ прежде съ докторомъ. Письмо, про которое разсказалъ ему Дитрихъ, было довольно подозрительно, и еслибы болванъ Дитрихъ распечаталъ его, то, быть можетъ, оно могло бы пригодиться; но теперь оно ровно ни къ чему не служило. Да, графа принцъ и безъ того ненавидитъ! Притомъ графа опасно впутывать въ

исторію, доктора же менѣе опасно, а слѣдовательно дѣло будетъ вѣрнѣе.

— Ну? закричалъ принцъ.

— Если ваша свѣтлость приказываете, то, конечно, мой долгъ повиноваться; а такъ какъ дѣло приходитъ къ концу, то въ сущности не бѣда, если я скажу: ему не слѣдовало бы вовсе пріѣзжать сюда.

— Вотъ ужъ совсѣмъ не того я ожидалъ, пробормоталъ принцъ.

— Рыбка не хочетъ клевать, подумалъ Андрей и громко сказалъ: когда видишься этакимъ манеромъ изо дня въ день, цѣлыхъ три года, да къ тому же молодъ, да, наконецъ....

— О комъ говоришь ты? закричалъ принцъ, приподнимаясь съ подушекъ.

— О господинѣ докторѣ, ваша свѣтлость, о комъ же еще? отвѣчалъ Андрей.

— Ты глупъ, старикъ! сказалъ принцъ, снова укладываясь на подушкахъ.

Андрей прикусилъ свои тонкія губы. Но онъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы остановиться на пол-пути; да къ тому же его сердило, что его назвали глупымъ.

— Ваша свѣтлость замѣтили однажды, что я все вижу и слышу, что̀ вокругъ меня происходитъ; ну вотъ, когда свяжешь вмѣстѣ все, что̀ видѣлъ и слышалъ въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ....

Онъ умолкъ; принцъ лежалъ въ раздумьи.

— Невозможнаго тутъ нѣтъ, пробормоталъ онъ, и оно многое объясняетъ. Бѣдный малый, конечно.... ему нельзя было долѣе оставаться. Но зачѣмъ ты раньше не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Я не зналъ, что ваша свѣтлость такъ легко это примете, отвѣчалъ Андрей.

— Но изъ чего я буду волноваться? спросилъ принцъ. Конечно, конечно, бѣдный мотылекъ, сожигающій свои крылышки на пламени.... на это смотрятъ хладнокровно, а между тѣмъ ему больно, очень больно!

— Еще бы! прощаніе и разлука! замѣтилъ Андрей, вотъ потому-то я и говорилъ, что много слезъ прольется, когда онъ уѣдетъ.

Принцъ широко раскрылъ глаза и пристально поглядѣлъ на своего повѣреннаго.—Задерни пологъ, Андрей, сказалъ онъ.

Андрей исполнилъ, что̀ ему было приказано, и вышелъ изъ

комнаты. Но не успѣлъ онъ затворить дверь, какъ принцъ снова отдернулъ пологъ и, приподнявшись на постелѣ, сталъ вглядываться въ полу-мракъ, который ночь проливала въ большомъ, великолѣпномъ покоѣ.

— Такъ вотъ чтó хотѣлъ сказать Андрей. На это намекалъ онъ своими вѣчными недомолвками, которыхъ я никогда вполнѣ не понималъ? Что-жъ, это можетъ быть.... съ его стороны; нельзя также отрицать и нѣкотораго участія съ ея стороны; но чтобы она чувствовала къ нему серьезную привязанность!... пустяки! гдѣ у Андрея глаза! И неужели умный старикъ дѣйствительно не видитъ того, чтó для меня такъ ясно, да и для Стефаніи кажется также не секретъ, и.... она хотѣла, чтобы онъ уѣхалъ прежде, чѣмъ тотъ пріѣдетъ. Должно быть она боялась того, чья почтительная преданность хорошо была ей извѣстна: она, быть можетъ, знала, что именно онъ станетъ всего внимательнѣе наблюдать за ней?... и какъ она дурно обращается съ нимъ съ тѣхъ поръ.... это всякому бросается въ глаза.... и это равнодушіе, послѣ перваго испуга! Да, да, онъ знаетъ въ чемъ дѣло, и она также! ко мнѣ относились его последнія слова: не тревожь блаженнаго сна!.... да, я слишкомъ крѣпко спалъ! Кто бы могъ думать, что у старика такая горячая кровь! у меня также кровь еще слишкомъ горяча!...

Принцъ вздрогнулъ: ему показалось, что въ темномъ углу стоитъ какая-то фигура съ ножемъ въ рукѣ. Но то былъ лишь портретъ его отца въ натуральную величину, который на минуту ярче освѣтился ночной лампой.

— Твоя кровь течетъ въ моихъ жилахъ, прошепталъ принцъ, ты передалъ мнѣ свою фигуру, свои черты; я во всемъ похожъ на тебя, но только я еще несчастнѣе тебя. Та, которую ты такъ любилъ! она! моя мать.... она также предпочла тебѣ негодяя; но все-таки она хоть когда-нибудь любила тебя. Ты все-таки обладалъ ею и наслѣдникомъ твоимъ былъ твой сынъ; для него лелѣялъ ты свои гордыя мечты, съ нимъ ты могъ говорить о своихъ планахъ. Но я, я! ахъ! мнѣ вѣчно приходится жить плодами, которыхъ рука моя не можетъ достать! утолять жажду водою, которая убѣгаетъ изъ-подъ моихъ ногъ! Гордая мечта твоей жизни хотя однажды приняла осязаемую форму. То была ложь, но ее произнесли уста властелина міра. Кто могъ осудить тебя за то, что ты ей повѣрилъ! У меня же... у меня племянникъ, вмѣсто дяди! да и не онъ самъ, а его посолъ, который тайно пробирается ко мнѣ, тайными путями, путями измѣны! Но пусть будетъ такъ! никогда еще не ненавидѣлъ

я Пруссію сильнѣе, чѣмъ теперь! Я могу теперь сдѣлать то, чего прежде не могъ бы!

Принцъ снова вздрогнулъ. Ужасающая буря съ воемъ разразилась надъ зáмкомъ. Въ саду, передъ окнами спальной принца, буря ревѣла и теребила верхушки деревъ; она стонала въ башняхъ и старый зáмокъ содрогался до самого основанія, точно онъ чувствовалъ, что слишкомъ долго простоялъ на своей скалѣ и что пора ему развалиться, если его господинъ питаетъ такіе страшные, измѣнническіе помыслы, какъ тѣ, что зародились въ его разгоряченномъ мозгу и упорно засѣли въ немъ. Напрасно прижималъ принцъ сѣдую голову къ шелковымъ подушкамъ, напрасно призывалъ сонъ, который далъ бы ему забыться, хотя бы на нѣсколько минутъ!...

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Ясное утро смѣнило бурную и дождливую ночь. Золотое іюльское солнце обливало такимъ горячимъ свѣтомъ зубцы стараго зáмка, что влажная прохлада, царствовавшая въ темныхъ дворахъ, казалась благодѣяніемъ. Съ террасъ, гдѣ садовники, съ своими помощниками, дѣятельно старались исправить поврежденія, случившіяся за послѣдніе дни, вѣялъ теплый вѣтерокъ, пропитанный благоуханіями безчисленныхъ цвѣтовъ и растеній. Въ свѣжей листвѣ деревъ чирикали, пѣли и заливались птицы; надъ слабо озаренными лужайками оленьяго парка тянулись къ ущельямъ легкія полосы тумана, и поднимались къ лѣсу, между тѣмъ какъ вершины горъ уже были залиты яркимъ свѣтомъ.

Германъ стоялъ у окна своей спальни и долго любовался очаровательной картиной природы. — Кто бы могъ представить себѣ это вчера, говорилъ онъ про себя; вчера казалось, что природа никогда болѣе не разстанется съ темной, траурной одеждой, въ которую она облеклась, а сегодня она улыбается и вся сіяетъ, точно счастливая невѣста. Можно ли упрекнуть несчастливца, если онъ не остается нечувствительнымъ къ такому пріятному явленію, если онъ радостно вникаетъ сладкой вѣсти, которою какъ будто встрѣчаютъ его небо и земля, если въ его омраченномъ умѣ снова воскреснетъ благочестивая вѣра въ то, что все, все можетъ еще измѣниться къ лучшему. Но я слишкомъ разочарованъ и муки, пережитыя мною вчера, слишкомъ велики. Мнѣ не надо этого знаменія!

Онъ подперъ лобъ рукой, потому что голова его все еще болѣла, послѣ ночи, проведенной въ лихорадкѣ и снова долго созерцалъ ландшафтъ, затѣмъ печально покачалъ головой и сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто тихо закрылъ книгу. Что ему теперь во всемъ этомъ! впереди ждетъ еще много часовъ, когда ему можно будетъ перелистывать эту книгу съ сердечной радостью или съ сердечной болью.

Вѣдь теперь должно все рѣшиться. При всей своей слабости, онъ ощущалъ теперь въ себѣ силы и былъ благодаренъ за то, что у него явились силы; и совсѣмъ тѣмъ, сердце его больше не билось и не рвалось, какъ въ предыдущіе дни; нѣтъ, хотя оно все еще слегка ныло, но билось медленно и спокойно, какъ должно биться сердце у человѣка, которому хотя и предстоитъ разлука, но онъ встрѣчаетъ ее съ миромъ.

— Съ миромъ.... и въ мирѣ со всѣмъ и со всѣми, для того, чтобы ко мнѣ самому вернулся миръ, тотъ миръ, который наполнялъ мое сердце, прежде чѣмъ судьба послала мнѣ это испытаніе, которое я такъ плохо выдержалъ. Я полагалъ, что посвященъ въ великую тайну, что овладѣлъ ею и вполнѣ постигъ слово, въ которомъ заключается печальная разгадка здѣшняго міра, великое, торжественное слово: самоотреченіе! Я вижу теперь, что я новичокъ, что мнѣ еще многому слѣдуетъ учиться. Какъ бы то ни было, а испытаніе осталось позади меня; я еще живу, я дышу и слѣдовательно могу искупить свой грѣхъ противъ святого духа свободы и истины. Я носилъ цѣпи, которыя самъ наложилъ на себя, но я могу самъ освободить себя. Я не глумлюсь надъ этими цѣпями: онѣ сильно поранили мои члены; но я долженъ стряхнуть ихъ съ рукъ, какъ стряхнулъ съ души! Нѣсколько строкъ, и я также свободенъ съ внѣшней стороны, какъ свободенъ въ святая святыхъ моей души.

Онъ пошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ писать къ принцу. Въ сущности ему оставалось устранить только одно препятствіе, но Германъ вскорѣ почувствовалъ, что устранить его не такъ-то легко. Онъ обѣщалъ принцу не ставить его своимъ поспѣшнымъ отъѣздомъ въ затруднительное положеніе относительно гостей; онъ обѣщалъ самой графинѣ не уѣзжать изъ замка, пока не будетъ кѣмъ его замѣнить. До сихъ поръ ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи, а что его Ротебюльскому сотоварищу, который за полчаса передъ тѣмъ ушелъ отъ него, нельзя было поручить никакого важнаго случая,—это ему было слишкомъ хорошо извѣстно. То было несносное обязательство; но несносное или нѣтъ, а онъ не привыкъ легко относиться къ долгу. Онъ перебралъ въ умѣ всѣхъ своихъ университетскихъ

товарищей, размышляя: можетъ ли кто-нибудь изъ нихъ служить ему преемникомъ. Всѣ они занимали болѣе или менѣе обезпеченное и почетное положеніе. Нельзя надѣяться, чтобы кто-нибудь изъ нихъ промѣнялъ то, чего достигъ, на мѣсто, представлявшее весьма мало привлекательнаго для всякаго сколько-нибудь честолюбиваго человѣка. Германъ снова при этомъ тяжело почувствовалъ, что остался позади великаго воинства, что онъ отсталый, заблудившійся въ пустынѣ. Однако надо было придумать, какъ пособить горю. Но развѣ это его дѣло? или же во всякомъ случаѣ дѣло, касающееся его одного? Всего проще, казалось, обратиться прямо къ графу, котораго это дѣло касалось всего ближе, и потребовать, чтобы онъ самъ занялся имъ. Для такого знатнаго барина не могло быть слишкомъ затруднительнымъ найти врача, его желанія не знали отказа.

Германъ отложилъ въ сторону начатое письмо къ принцу, чтобы въ короткой запискѣ къ графу изложить свою просьбу; онъ только-что подписалъ свое имя, когда слуга спросилъ: можетъ ли графъ лично освѣдомиться о здоровьи господина доктора? Германъ всталъ и пошелъ на встрѣчу графу, который, вслѣдъ затѣмъ, вошелъ въ комнату.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ, смѣясь, я бы никакъ не ожидалъ этого вчера вечеромъ, когда вѣсть о вашемъ паденіи упала къ намъ, какъ бомба, и произвела страшное замѣшательство. Нельзя не увѣровать въ цѣлительную силу лекарствъ и въ искусство самого врача, который умѣетъ и можетъ такъ быстро излечить самого себя. А между тѣмъ, по всему, что я слышалъ, паденіе ваше было весьма серьезное. Какъ это съ вами случилось?

— Я хотѣлъ спастись отъ дождя, возразилъ Германъ, но позабылъ при этомъ, что скакать на плохо выѣзженной лошади опаснѣе, чѣмъ находиться подъ самымъ проливнымъ дождемъ.

— Совсѣмъ такъ, какъ я предполагалъ, замѣтилъ графъ. Ну, я живо могу представить себѣ, каково вамъ было. Но вы согласитесь со мной, что ваши паціенты приносятъ вамъ честь; и теперь, когда вы сами обратились въ паціента, я вдвойнѣ радуюсь, что могъ наконецъ сегодня утромъ снять несносную повязку.

— Желаю, чтобы вы не слишкомъ поторопились, отвѣчалъ Германъ. Позвольте еще разъ освидѣтельствовать вашу руку.

— Я не желалъ бы васъ безпокоить, сказалъ графъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Германъ, но я совѣтовалъ бы

вамъ остерегаться еще, въ теченіи нѣсколькихъ дней, если вы желаете поскорѣй владѣть своей рукой вполнѣ свободно.

— Желаю ли я? возразилъ графъ. Еще бы не желать! Конечно, отпускъ мой кончается лишь шестнадцаго числа, но роль однорукаго показалась бы мнѣ слишкомъ продолжительной, даже въ теченіи этого времени. Да и кто знаетъ, какъ скоро намъ могутъ понадобиться обѣ руки! Я получилъ сегодня письма изъ Берлина. Въ нихъ упоминается о важномъ событіи, случившемся вчера; какъ будто намъ здѣсь приносятъ газеты на домъ, какъ въ Берлинѣ; какъ будто мы здѣсь не отстаемъ на день или на два отъ всемірной исторіи! Я не могу представить себѣ, что̀ могло случиться, когда король находится на водахъ, а графъ Бисмаркъ въ Варцинѣ, а между тѣмъ событіе должно быть важное, потому что мой корреспондентъ, человѣкъ вообще съ свѣтлой, трезвой головой, совершенно забылъ сказать мнѣ, въ чемъ дѣло. Но изъ всего можно заключить, что вышло недоразумѣніе съ Франціей. Ну, съ этой стороны гроза давно уже чувствуется въ воздухѣ и рано или поздно — а по моему мнѣнію, лучше рано, чѣмъ поздно! — она должна разразиться. Сегодня долженъ пріѣхать нашъ французскій гость; быть можетъ, отъ него мы узнаемъ какія-нибудь подробности. Но я не хочу долѣе надоѣдать вамъ. Вы были, какъ я вижу, заняты.

Графъ всталъ и взялся за фуражку и перчатки, которыя лежали передъ нимъ на столѣ.

— Ахъ! сказалъ онъ, я чуть-было самъ не провинился сейчасъ, какъ тѣ люди, которыхъ я только-что укорялъ въ забывчивости. Жена, которая, кстати, поручила вамъ очень кланяться, точно также получила сегодня письмо изъ Берлина, отъ своей матери. Графиня хотѣла, какъ вамъ извѣстно, пріѣхать лишь въ будущемъ мѣсяцѣ, ко времени разрѣшенія моей жены, самое раннее ко дню рожденія принца, но теперь она передумала, или лучше, сказать: получила возможность передумать, потому что ея принцесса на этотъ разъ вздумала раньше ѣхать домой къ герцогу, и слѣдовательно графиня раньше получитъ свою свободу, которой она, разумѣется, и воспользуется съ тѣмъ, чтобы пріѣхать сюда. Она послѣ завтра будетъ уже здѣсь, слѣдовательно.... у насъ сегодня шестое.... значитъ восьмого, и въ этомъ вы тотчасъ же признаете слишкомъ заботливую мамашу— въ сопровожденіи своего домашняго врача, тайнаго совѣтника Винклера. Я смѣялся надъ женой, но что прикажете дѣлать, если желаешь сохранить домашній миръ? Добрыя созданія вовсе не имѣютъ въ виду никого обидѣть, хотя, быть можетъ, на видъ оно и кажется обиднымъ; и на этотъ разъ я долженъ оправ-

дать мою жену, она совсѣмъ невиновата и не менѣе, чѣмъ я, огорчена слабостью своей мамаши. Я увѣренъ, что вы войдете въ наше положеніе.

— О, разумѣется, отвѣчалъ Германъ; но и вы, если потрудитесь взглянуть на эту записку, — увидите, изъ какого затруднительнаго положенія выводитъ меня ваше сообщеніе.

— Ахъ! сказалъ графъ, пробѣгая строчки, вы серьезно желаете уѣхать?

— Вы помните, конечно, графъ, что я уже до вашего пріѣзда просилъ отставки у принца и остался лишь вслѣдствіе убѣдительной просьбы его свѣтлости.

— Какъ же, какъ же! отвѣчалъ графъ, и именно ради насъ, то-есть, я хочу сказать, ради графини. Но вотъ теперь все устроивается, какъ нельзя лучше. Я могу сообщить о вашемъ рѣшеніи? И онъ сложилъ записку и положилъ ее въ карманъ.

— Но только одной графинѣ, смѣю просить; его свѣтлость долженъ, конечно....

— Услышать отъ васъ самихъ то, чтó вы имѣете ему сообщить, поспѣшно добавилъ графъ. Ну, конечно, это само собой разумѣется. Но еще разъ, не хочу долѣе мѣшать вамъ. Добраго утра, докторъ!

Германъ съ горькой усмѣшкой поглядѣлъ на дверь, въ которой скрылся графъ.—Я опять задалъ себѣ безполезныя хлопоты, сказалъ онъ про себя. Подумаешь, какъ нашему брату трудно понять, что безъ него легко обойтись! Ну, теперь, слава Богу, дорога расчищена и ужъ на этотъ разъ я съ нея не сверну.

Онъ снова принялся за письмо къ принцу. То, чтò онъ написалъ, не годилось больше послѣ сообщенія графа; онъ долженъ былъ начать снова. Теперь положеніе значительно упрощалось, но онъ все-таки не могъ подобрать настоящихъ выраженій. Неопредѣленная тяжесть въ головѣ становилась все мучительнѣе. Онъ не одинъ разъ долженъ былъ останавливаться. Наконецъ съ трудомъ написалъ нѣсколько строкъ, которыя ему совсѣмъ не понравились, когда онъ ихъ прочелъ, но которыя онъ, тѣмъ не менѣе, запечаталъ въ конвертъ и надписалъ.

— У его свѣтлости конференція съ господиномъ фонъ-Цейзелемъ и съ господиномъ совѣтникомъ, сказалъ слуга. Едва-ли мнѣ удастся доставить записку.

— Все-таки попытайтесь.

— Непремѣнно, господинъ докторъ.

Слуга ушелъ.

— Въ концѣ концовъ становишься эгоистомъ, проговорилъ Германъ. Но вѣдь каждому своя рубашка ближе къ тѣлу.

Онъ усмѣхнулся, когда замѣтилъ, что произнесъ эти слова громко и серьезно.—Новая мудрость въ твоихъ устахъ! но живя съ волками научаешься по-волчьи выть! Что теперь остается дѣлать? Сложить палатку, подъ которой такъ долго.... слишкомъ долго отдыхалъ. Сборы будутъ не долгіе.

Онъ окинулъ взоромъ комнату. Многое ли принадлежало ему въ этой нарядной, даже богатой обстановкѣ? ни диванъ, на которомъ онъ лежалъ, ни столъ съ великолѣпнымъ ковромъ, за которомъ онъ писалъ, ни большое зеркало, въ которомъ отражалось его блѣдное лицо, — ничто изъ этого ему не принадлежало. Имущество его невелико: небольшая библіотека медицинскихъ книгъ, инструменты и приборы для физическихъ и химическихъ изслѣдованій — вотъ и все. Все остальное было богатымъ одѣяніемъ, въ которое облекаютъ статиста затѣмъ, чтобы онъ могъ прилично участвовать въ великолѣпномъ зрѣлищѣ, и которое онъ снимаетъ, когда его отпускаютъ домой. И обо всемъ этомъ я ни разу не подумалъ во все это время! а между тѣмъ все это такъ просто, такъ ясно, если раскрыть глаза. Но я былъ глупъ; свѣтъ вовсе не такъ прекрасенъ, какъ я воображалъ; напротивъ того, онъ жалокъ и ничтоженъ. Тѣмъ лучше! тѣмъ легче будетъ мнѣ на будущее время оставаться трезвымъ.

Пока онъ думалъ все это, вѣки его сомкнулись. Онъ долго и крѣпко спалъ, въ то время, какъ на дворѣ за́мка, на который выходили окна его комнаты, царствовало необыкновенное движеніе, и перешло даже въ коридоры кавалерскаго флигеля; тѣмъ временемъ солнце поднималось все выше и выше и наконецъ ярко озарило комнату.

И вотъ, наконецъ, приснилось ему слѣдующее: онъ спалъ, но его разбудилъ стукъ у дверей, которая медленно отворилась. Лицо милой выглянуло изъ-за двери и съ кроткой улыбкой кивнуло ему.—Ты пришла наконецъ? спросилъ онъ.—Ты долго меня ждалъ,—возразила она, проскользнувъ въ комнату,—мучительно ждалъ; я это знаю. Но развѣ я могла придти раньше? развѣ я не связана тысячью приличій? развѣ я могу поступать такъ, какъ я хочу? Ахъ! еслибы я могла дѣлать то, что̀ хочу!

— А что бы ты сдѣлала? спросилъ онъ.

Она тихо провела рукой по его лбу и глазамъ, такъ что вокругъ него воцарился глубокій мракъ, а когда онъ снова раскрылъ глаза, то передъ нимъ опять предстала Гедвига, но уже не такая, какую онъ видѣлъ передъ тѣмъ: дивная фигура, гораздо

выше обыкновеннаго человѣческаго роста, облеченная въ длинную, волнистую власяницу, съ видомъ королевы, нарядившейся въ нищенское платье. И вотъ царственная женщина въ нищенскомъ одѣяніи, у которой были блестящіе глаза, темные локоны Гедвиги, протянула ему руку, говоря: иди за мной и смотри! И вотъ потолокъ комнаты разверзся и онъ полетѣлъ съ ней надъ темной землей, гдѣ сквозь туманный покровъ печально просвѣчивали поля и лѣса, села и города. А на поляхъ бѣдные люди, въ потѣ лица своего, водили тяжелымъ плугомъ по сырой землѣ, въ лѣсахъ они вонзали тяжелый топоръ въ сочное дерево, въ тѣсныхъ деревушкахъ они ковали на дымномъ огнѣ жалкіе гвозди, въ душныхъ городахъ они, подобно муравьямъ, суетились на улицахъ. — Видишь ли ты, заговорила Гедвига, мой народъ, мой бѣдный, задавленный трудомъ, замученный народъ? Ахъ, еслибы мои силы равнялись моей волѣ, я отдала бы всю кровь свою, до послѣдней капли, чтобы хотя разъ солнышко пригрѣло ихъ, какъ слѣдуетъ, и они узнали бы, какъ прекрасенъ здѣшній свѣтъ.

Въ то время, какъ она это говорила, кровь сочилась изъ ея груди и медленно падала, капля за каплей, и при паденіи каждая капля превращалась въ солнечный лучъ, и куда проникалъ этотъ солнечный лучъ, тамъ поля и лѣса, хижины и дома освѣщались золотистымъ свѣтомъ; и всѣ люди отрывали глаза отъ работы и поглядывали на верхъ съ такими веселыми, счастливыми лицами, что глаза Гедвиги наполнились слезами, а онъ со слезами на глазахъ сказалъ прекрасному видѣнію: я зналъ, что въ тебѣ воплотилось сердце нашего народа; иначе ты не была бы такъ прекрасна и я не любилъ бы тебя такъ, какъ люблю, и какъ нельзя любить земное созданіе. И какъ ты проливаешь свою кровь за народъ, такъ и я хотѣлъ бы отдать тебѣ свою. «Ну такъ отдай—отвѣчала Гедвига,—потому что кровь моя истощилась и силы меня покидаютъ». И вотъ въ то время, какъ она говорила это, лицо ея становилось все блѣднѣе и блѣднѣе; сверкающіе глаза теряли свой блескъ, а блѣдныя губы стали болѣзненно подергиваться. Тогда Германъ протянулъ руки впередъ, чтобы поддержать ее, какъ вдругъ возлѣ него очутился графъ въ сверкающемъ вооруженіи, съ мечомъ въ рукѣ, который онъ занесъ надъ Германомъ съ угрозой. «Я также силенъ какъ и ты, хотя и безоруженъ!» вскричалъ Германъ. Тогда рыцарь насмѣшливо захохоталъ и хотѣлъ вырвать у него Гедвигу; но Германъ бросился на него, чтобы сразиться съ нимъ на смерть. Тогда Гедвига вскрикнула: «вы братья! остановитесь!» Но никто изъ разъяренныхъ борцовъ не послушался; они боролись, на-

прягая всѣ свои силы, вцѣпившись другъ въ друга зубами; а голосъ Гедвиги раздавался все печальнѣе: «остановитесь! горе! горе! теперь все погибло!» и раскаты грома, разразившагося изъ облаковъ, покрыли ея голосъ, а снизу земля разверзлась и изъ нея показался адскій свѣтъ, страшно сверкавшій....

Германъ открылъ глаза, солнце ярко освѣщало комнату; со двора доносился стукъ экипажей, ржаніе лошадей и людскіе голоса.

Но прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ онъ опомнился. Впечатлѣніе, произведенное страннымъ сновидѣніемъ, было слишкомъ сильно; картины, которыя онъ созерцалъ во снѣ, не хотѣли уступить мѣсто дѣйствительности. Наконецъ онъ сообразилъ, что спалъ, и спалъ должно быть долго. Онъ припомнилъ, что графъ заходилъ къ нему около двѣнадцати, а теперь часы его показывали четыре. Онъ всталъ, шатаясь, и подошелъ къ окну. Какой-то экипажъ катился по двору замка, и проѣхалъ на второй дворъ, гдѣ были расположены конюшни и экипажные сараи; у подъѣзда стояло нѣсколько слугъ въ богатыхъ ливреяхъ; въ кавалерскомъ флигелѣ также замѣчалось необыкновенное движеніе, двери отворялись и затворялись, и вотъ кто-то постучался въ его дверь. Вошелъ фонъ-Цейзель во фракѣ и бѣломъ галстухѣ и жилетѣ, со шляпой подъ мышкой и парой перчатокъ въ одной рукѣ; другую онъ протянулъ Герману.

— Что подумаете вы обо мнѣ, дорогой другъ? вскричалъ онъ. Цѣлое утро я не могъ забѣжать къ вамъ! Но, во-первыхъ, какъ вы себя чувствуете? Что вы подѣлываете? графъ говорилъ, что нашелъ васъ совершенно здоровымъ. Правда ли это? Однако я нахожу, что у васъ разстроенный видъ и рука у васъ горячая; у васъ все еще лихорадочное состояніе.

— Не думаю, отвѣчалъ Германъ, я только-что проснулся.

— И я разбудилъ васъ, вскричалъ кавалеръ, какъ глупо! но я сейчасъ уйду.

— Останьтесь лучше, замѣтилъ Германъ, хотя на нѣсколько минутъ, и разскажите мнѣ обо всемъ, что̀ у насъ происходитъ.

— Я могу пробыть у васъ полчаса, сказалъ кавалеръ, усаживаясь на диванъ рядомъ съ Германомъ. Я поскорѣе одѣлся, чтобы поболтать съ вами немного. Что̀ происходитъ? но вы спали, говорите вы?

— Четыре часа.

— Четыре часа! это дѣлаетъ вамъ честь. Ну, я понимаю, послѣ такой ночи! Вы меня очень напугали!

— А вы такъ отлично за мной ухаживали; я по временамъ

узнавалъ ваше доброе лицо, когда выходилъ изъ забытья. Не приходилъ ли также ко мнѣ и принцъ?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Цейзель, также какъ и Глейхъ; да и самъ графъ заходилъ на нѣсколько минутъ. Но я всѣхъ ихъ выпроводилъ, чтобы остаться съ вами наединѣ.

— Зачѣмъ же это?

Кавалеръ взглянулъ на Германа съ полу-лукавой, съ полусмущенной усмѣшкой.—Вы вели такія странныя рѣчи, скрытнѣйшій изъ смертныхъ! ну, вотъ я и подумалъ, что пусть лучше съ вами побудетъ такой вѣтренный субъектъ, какъ вашъ преданный другъ и слуга.

— Ну, замѣтилъ Германъ, что же это были за рѣчи? мнѣ-то ужъ вы должны ихъ передать; во всякомъ случаѣ, вы ничего новаго мнѣ не скажете.

— Мы въ другой разъ поговоримъ объ этомъ, отвѣчалъ кавалеръ, смѣясь.

— Лучше теперь же, сказалъ Германъ. Видите ли, у меня все еще разстроены нервы, и ничто меня такъ не волнуетъ, какъ неудовлетворенное любопытство.

— Хорошо, отвѣчалъ Цейзель; вы влюблены.

— Въ самомъ дѣлѣ; я это говорилъ?

— Не прямо, но все-же довольно ясно.

— Въ присутствіи принца? спросилъ Германъ, при чемъ кровь бросилась ему въ лицо.

— Нѣтъ, при немъ вы просто бредили: приводили отрывки изъ Макбета, что̀ мнѣ было, между прочимъ, очень непріятно. Старому господину и вдобавокъ принцу не можетъ быть особенно пріятно, когда его сравниваютъ съ всемилостивѣйшимъ Дунканомъ и напоминаютъ ему, что у него кровь все еще слишкомъ горача, ужъ не знаю, какъ это тамъ говорится; но позднѣе, когда я остался съ вами наединѣ, любезный другъ, вы говорили ужасныя вещи и столько вонзали воображаемыхъ кинжаловъ въ сердце извѣстнаго вамъ господина, что сегодня у меня положительно отлегло отъ души, когда я увидѣлъ его въ живыхъ. И какъ это страсть такъ внезапно овладѣла вами? Но имѣю ли я право спрашивать это, когда самъ поклоняюсь прекраснѣйшей изъ женщинъ? И неужели это самое и гонитъ васъ отсюда?

— Вы говорите загадками, любезный другъ, разгадать которыя я совершенно не въ силахъ сегодня утромъ. Что вы хотите сказать?

— Я ни за что въ мірѣ не желалъ бы васъ огорчить, дорогой другъ, возразилъ кавалеръ. Но я считаю, что наша дружба

обязываетъ меня не таить отъ васъ, что самъ принцъ намекнулъ мнѣ о причинѣ вашего внезапнаго рѣшенія.

— Не можетъ быть! вскричалъ Германъ.

— Я былъ съ нимъ, продолжалъ кавалеръ, когда ему подали ваше письмо. Онъ прочиталъ его, протянулъ мнѣ и сказалъ: что это значитъ? Я пожалъ плечами, разумѣется, и пробормоталъ про себя, что нужно же когда-нибудь рѣшиться, какъ вдругъ услышалъ, какъ принцъ, углубившійся въ свои мысли, тихо проговорилъ: быть можетъ, такъ для него лучше, хотя мнѣ онъ теперь нужнѣе, чѣмъ когда-либо; и затѣмъ,—вы вѣдь знаете его ироническую усмѣшку,—онъ прибавилъ все тѣмъ же разсѣяннымъ тономъ: графиня будетъ неутѣшна, графъ же съумѣетъ утѣшиться.

Германъ вздохнулъ свободнѣе.

— Я не вывожу никакихъ заключеній,—продолжалъ Цейзель,—я говорю только, что стыдно съ вашей стороны уѣзжать именно теперь, когда вы можете увидѣть меня въ полномъ блескѣ, тогда какъ до сихъ поръ я игралъ второстепенную роль! Но я говорю вамъ прямо: раньше шестнадцатаго числа я не выпущу васъ, хотя бы сердце ваше шестнадцать разъ разбилось. У меня громадные проекты; я намѣренъ превзойти самого себя, и все это съ высочайшаго, я хочу сказать, свѣтлѣйшаго разрѣшенія. Подумайте, любезный другъ: когда я уже совсѣмъ раскланялся съ принцемъ, онъ вдругъ говоритъ мнѣ: я знаю, что мои добрые Ротебюльцы такъ любезны, что не забываютъ о днѣ моего рожденія. Они, конечно, вспомнятъ о немъ и на этотъ разъ. Но въ ихъ вниманіи сказывается больше доброты, чѣмъ изящества. А между тѣмъ послѣднее весьма было бы желательно теперь, когда у насъ домъ полонъ гостей. Нельзя ли, любезный Цейзель, чтобы вы взяли все это дѣло на себя, конечно съ наивозможнѣйшей осторожностью и, такъ сказать, негласно? Вы согласитесь, дорогой другъ, что намекъ былъ ясенъ, гораздо яснѣе, чѣмъ обыкновенные намеки его свѣтлости. Но дѣло въ томъ, что тутъ примѣшивается извѣстная ревность къ графу, передъ которымъ мы не прочь разыграть любимаго отца страны. Конечно, при этомъ желательно также не попасть на зубокъ французскому гостю; и безъ того у маркиза такой видъ, несмотря на его вѣжливыя манеры, точно онъ постоянно смѣется надъ нами про себя.

— Развѣ маркизъ пріѣхалъ?

— Точно такъ, человѣкъ съ луны; часъ тому назадъ, на курьерскихъ, точно самъ сатана; съ нимъ его секретарь, курьеръ и двое слугъ — словомъ цѣлый маленькій караванъ. Кромѣ

того приглашены на сегодняшній день, какъ вы, быть можетъ, помните—а вѣрнѣе, что позабыли, потому что не интересуетесь подобными вещами—господинъ Фишбахъ съ супругой и дочкой, и баронъ Нейгофъ съ супругой. Его свѣтлость, желая по преимуществу собрать вокругъ себя въ настоящее время маленькій дворъ, пригласилъ также назавтра барона Манебаха и господина фонъ-Бухгольца и фонъ-деръ-Шмюве; и мнѣ кажется, ему жаль, что за исключеніемъ стараго графа Пехтигеля, пользующагося не хорошей славой, во всемъ околодкѣ не найдешь больше дворянъ. Послѣ завтра пріѣдетъ наконецъ ея превосходительство графиня-мать и при этомъ голова моя полна плановъ, касательно праздника, имѣющаго быть шестнадцатаго числа! Депутація почетныхъ бюргеровъ, серенада, иллюминація, живыя картины: пробужденіе Барбаруссы и заключительная картина: Германія....

— Въ власяницѣ, промолвилъ Германъ, задумчиво.

— Съ чего вы это взяли! вскричалъ кавалеръ:—въ голубомъ платьѣ, разумѣется, такъ-называемаго берлинскаго цвѣта, въ кольчугѣ и поясѣ, усыпанныхъ всякаго рода драгоцѣнными, хотя и поддѣльными камнями; на головѣ сверкающій шлемъ, въ лѣвой рукѣ щитъ съ императорскимъ орломъ, въ правой знамя—къ чему бы иначе намъ служила оружейная зала! надъ ней колышатся вѣтви нѣмецкаго дуба, на заднемъ планѣ: берега стараго Рейна, съ красующимися на нихъ за́мками — вотъ въ какомъ видѣ предстанетъ моя Германія и это необходимо, если я хочу, чтобы добрые Ротебюльцы узнали ее, а господа французы прониклись къ ней должнымъ решпектомъ. Ну-съ, а теперь я долженъ бѣжать и занимать гостей, да по дорогѣ приказать вашему плутоватому Іоганну принести вамъ изъ кухни тонкій обѣдецъ. Вы могли бы отобѣдать вмѣстѣ съ секретаремъ маркиза, который страдаетъ мигренью и не сойдетъ къ столу. Онъ живетъ тутъ рядомъ съ нами. Я долженъ былъ помѣстить его въ кавалерскомъ флигелѣ, хотя ничего не могъ найти у «Малорти» на счетъ того, какъ слѣдуетъ обращаться съ секретарями французскихъ маркизовъ, совершающихъ по Германіи путешествія съ учеными цѣлями. Тотчасъ послѣ обѣда все общество отправляется на мызу, въ двухъ или трехъ экипажахъ. Вы можете на насъ глядѣть, восхищаться нами, выздоровѣть, оставаться здѣсь и вдобавокъ выбросить меня вонъ, если я скажу еще хоть одно слово, а затѣмъ: храни васъ Богъ!

Веселый молодой человѣкъ пожалъ руку другу и поспѣшно убѣжалъ. Германъ поглядѣлъ ему вслѣдъ съ печальной усмѣшкой.

—Счастливъ, сказалъ онъ, кто, какъ ты, можетъ принимать такъ легко тяжелое бремя жизни и при этомъ оставаться такимъ

славнымъ человѣкомъ! Я знаю, тебѣ жаль, что я уѣзжаю, но это не помѣшало тебѣ также безукоризненно завязать свой бѣлый галстухъ и съ такимъ же удовольствіемъ напялить свои новые лакированные сапоги. Я бы очень желалъ увидѣть тебя сегодня во всемъ блескѣ, увидѣть, какъ ты подмигиваешь, морщишь лобъ и наконецъ самодовольно улыбаешься, когда все идетъ, какъ по маслу!

Но передъ Германомъ, когда онъ говорилъ все это, носился не образъ друга, а образъ Гедвиги, въ ту минуту, какъ она, стоя въ картинной галлереѣ, гдѣ обыкновенно собиралось общество передъ обѣдомъ, отвѣчала на поклоны мужчинъ тѣмъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, которое ей было свойственно и которое никогда не измѣнялось, раскланивалась ли она съ высшими или низшими міра сего. Онъ какъ будто видѣлъ, какъ она обратилась къ дамамъ и едва окинувъ мимолетнымъ взглядомъ темныхъ глазъ молодую, высокомѣрную баронессу Нейгофъ, съ серьезной привѣтливостью здоровалась съ дѣвицей Фишбахъ. Принцъ вошелъ съ маркизомъ; французъ осыпалъ ее любезностями, а графъ ни на минуту не спускалъ своихъ голубыхъ, съ холоднымъ, стальнымъ блескомъ, глазъ съ группы, хотя повидимому весьма живо бесѣдовалъ съ прекрасной Нейгофъ; но вотъ подошелъ фонъ-Цейзель къ принцу и шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо. Его свѣтлость повторилъ громко: «прошу васъ, господа», подавая руку старухѣ фонъ-Фишбахъ.

— Итакъ далѣе, сказалъ Германъ, сегодня, какъ и завтра, и послѣ завтра и во вѣки вѣковъ. Какое мнѣ дѣло до всего этого?

Слуга поспѣшно вошелъ въ комнату съ большимъ подносомъ въ рукахъ. Онъ просилъ извиненія въ томъ, что сегодня, быть можетъ, разокъ-другой не дослышалъ звонка господина доктора; сегодня столько дѣла. Обѣдъ для господина доктора заказалъ главному повару самъ господинъ фонъ-Цейзель; господинъ фонъ-Цейзель велѣлъ пожелать господину доктору хорошаго аппетита; кромѣ того, онъ долженъ ему передать карточку французскаго господина секретаря, которому онъ только-что принесъ обѣдъ въ его комнату, и господинъ секретарь велѣлъ спросить: не можетъ ли онъ придти къ господину доктору послѣ обѣда.

Іоганнъ поспѣшно принялся-было накрывать на столъ, но Германъ велѣлъ ему оставить только немного хлѣба и вино, а все остальное унести прочь. Онъ не хочетъ ѣсть, а Іоганнъ можетъ понадобиться въ замкѣ.

Слуга не заставилъ себѣ повторить этого позволенія два раза и исчезъ также поспѣшно, какъ и пришелъ. Германъ взялъ въ

руки карточку, лежавшую на подносѣ возлѣ бутылки съ виномъ и прочиталъ: Луи дю-Розель.

Это имя пробудило въ душѣ Германа воспоминаніе о самомъ тяжеломъ и печальномъ времени его жизни; о томъ времени, когда онъ еще жилъ при дворѣ своего короля и господина и благодарность за королевскія милости, оказанныя мальчику и юношѣ въ школѣ и въ университетѣ, выражалъ въ формѣ уроковъ изъ естественныхъ наукъ королевскимъ дѣтямъ. Уроки-то онъ давалъ охотно, но къ несчастью этимъ дѣло не ограничивалось. Онъ долженъ былъ переносить нѣчто худшее, а именно близость съ людьми, считавшими, что имѣютъ дѣло съ равнымъ себѣ, потому что встрѣчаются съ нимъ на одномъ паркетѣ, и зачастую удостоивавшими его довѣрія, которое для честнаго человѣка вовсе не было пріятно, а подчасъ просто даже оскорбительно.

Въ числѣ этихъ людей находился одно время нѣкій Шарль Розель, выдававшій себя за парижанина, хотя про него говорили, что онъ родомъ изъ одной эльзасской деревни и называется собственно Карлъ Розе. Вначалѣ онъ велъ въ городѣ бѣдственную жизнь, перебиваясь частными уроками, а затѣмъ—никто не могъ сказать, какъ это случилось—появился при дворѣ, гдѣ, благодаря великой ловкости своей, съумѣлъ сдѣлаться пріятнымъ, а вскорѣ и необходимымъ человѣкомъ. Затѣмъ — и опять никто не могъ сказать, какъ это случилось — онъ исчезъ изъ придворнаго кружка и даже изъ города. По этому поводу ходили, разумѣется, различные слухи, и имя Розеля или Розе приводили то въ связи съ нѣкоей королевской шкатулкой, которая будто бы исчезла нѣсколько дней тому назадъ, то связывали его съ именемъ одной дамы *de la haute-volée*, которая внезапно уѣхала къ своимъ родителямъ въ Галицію. Но въ этихъ кружкахъ слишкомъ привыкли къ мимолетному появленію подобныхъ блуждающихъ звѣздъ и въ скоромъ времени самое имя этого человѣка было позабыто.

Германъ, также какъ и другіе, позабылъ бы человѣка и его имя, еслибы Розель не съумѣлъ его заинтересовать до нѣкоторой степени своими рѣчами, которыя французъ мастерски умѣлъ вести и въ которыхъ онъ, — если вѣрить ему, — высказывался какъ самый ярый поклонникъ свободы. Германъ никогда не могъ вполнѣ повѣрить ему: поведеніе его слишкомъ разнилось отъ его словъ; у него даже зарождалось по временамъ подозрѣніе: не составляютъ ли огненныя тирады Розеля просто на просто приманку для глупой птицы, которая достаточно долго грѣлась подъ лучами солнца королевской милости. Какъ бы то ни было, а Розель былъ и остался для него загадкой и онъ считалъ не

простой случайностью, что самое лицо этого человѣка, узкое, темное, изсушенное страстями съ темными бровями, сросшимися надъ переносицей, олицетворяло собой то, что на картинномъ языкѣ народа называютъ загадкой. Обо всемъ этомъ думалъ Германъ и не безъ волненія услышалъ стукъ въ дверь и увидѣлъ, какъ она отворилась и въ комнату поспѣшно вошелъ господинъ и, протягивая руку, подошелъ къ нему. То былъ Шарль Розель.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Вы, конечно, не помните меня, сказалъ вошедшій, ловко отдергивая руку, которую Германъ, повидимому, не выказывалъ ни малѣйшаго желанія пожать.

— Напротивъ, отвѣчалъ Германъ, только разница въ именахъ....

— Шарль Розель или Луи дю-Розель, — это какъ вамъ будетъ угодно; у насъ меньше обращаютъ на это вниманія, чѣмъ у васъ; къ тому же я имѣю дѣйствительное право носить оба имени, потому что каждое изъ нихъ составляетъ только часть моего настоящаго: Шарль Луи дю-Розель! И господинъ Шарль Луи дю-Розель снова поклонился.

— Прошу садиться, замѣтилъ Германъ.

— Я слышалъ, къ моему сожалѣнію, что вы нездоровы,— началъ Розель, принимая приглашеніе,—и не появитесь за столомъ во время обѣда. Я тотчасъ же рѣшилъ воспользоваться, если можно, этимъ обстоятельствомъ и попросить у васъ позволенія переговорить съ вами наединѣ, во-первыхъ, чтобы передать вамъ эти письма, а во-вторыхъ, сообщить о нихъ, если пожелаете, дальнѣйшія подробности, послѣ того, какъ вы ихъ прочтете.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ своего портфеля два письма и передалъ ихъ Герману, съ улыбкой на тонкихъ губахъ.

— Я право не знаю..., началъ Германъ.

— Прошу васъ, прочитайте, перебилъ Розель.

Загадочность, окружавшая этого человѣка, была также непроницаема и черна, какъ и его брови. Когда во время оно Розель исчезъ, то при дворѣ отдано было строжайше приказаніе ни единымъ словомъ не напоминать о случившемся, даже не произносить его имени. И вотъ, въ этомъ письмѣ, писанномъ высочайшей рукой, значилось: «вѣрнаго и испытаннаго друга

нашего дома просятъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ подателю сего письма». А во второмъ письмѣ, рукою человѣка, всегда игравшаго при дворѣ изгнанной королевской фамиліи значительную и таинственную роль, была написана просьба «безъ страха послѣдовать за избраннымъ руководителемъ, по тому пути, который Провидѣнію очевидно угодно было избрать, и къ той цѣли, которая не можетъ не быть общей для всѣхъ вѣрныхъ сердецъ».

— Я не позволяю себѣ ни на минуту усумниться въ подлинности этихъ документовъ, сказалъ Германъ, прочитавъ съ постоянно усиливавшимся безпокойствомъ оба письма; адресъ также написанъ вѣрно, и со всѣмъ тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что они попали не туда, куда слѣдуетъ. Поэтому, прошу васъ взять эти бумаги обратно.

— Что вы хотите сказать? спросилъ Розель, исполняя требованіе Германа съ готовностью сговорчиваго купца, берущаго назадъ товары, которые не нравятся.

— Я хочу сказать, возразилъ Германъ, что высокопоставленная особа, написавшая эти строки, находится въ заблужденіи относительно меня, и что заблужденіе, какъ явствуетъ изъ второго письма, раздѣляется всѣми, кто вращается въ томъ кругу.

— И это заблужденіе заключается?.... спросилъ Розель.

— Это заблужденіе заключается въ мнѣніи, будто я остался на своемъ постѣ до самой катастрофы изъ личной преданности, какъ, быть можетъ, многіе другіе, или же ради внѣшнихъ интересовъ, какъ большинство, безъ сомнѣнія. Я же оставался потому, что меня вынуждало къ тому бремя благодарности, которую, я полагалъ, что не могъ иначе доказать. Нашъ братъ въ подобномъ положеніи можетъ предложить только свою жизнь. Я сдѣлалъ это; не моя вина, если жизнь моя осталась спасена. Но разъ обстоятельства уже сложились такимъ образомъ, то я полагаю, что имѣю право воспользоваться своей жизнью, какъ мнѣ будетъ угодно.

— Я вполнѣ понимаю васъ, замѣтилъ Розель.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Германъ, потому что именно такой отвѣтъ, я долженъ былъ бы дать и далъ бы на тѣ письма, еслибы мнѣ пришлось на нихъ отвѣчать, а потому я лучше хочу считать, что они не ко мнѣ писаны.

Розель опять наклонилъ голову, въ то время какъ Германъ говорилъ это; затѣмъ сказалъ: извините, милостивый государь, если я еще разъ упомяну о предметѣ, который очевидно тягостенъ для васъ. Я полагаю, что могу понять; тяжело дѣйствовать противъ убѣжденія....

— Извините, милостивый государь, перебилъ Германъ, я не говорилъ, что дѣйствовалъ противъ убѣжденія; а если и сказалъ, то думалъ слѣдующее: я былъ убѣжденъ въ томъ, что дѣло, которое такъ плохо защищалось, не могло восторжествовать. Дѣломъ же я считаю и тогда считалъ автономію нѣмецкихъ племенъ, противупоставленную насилію, исходившему отъ пруссаковъ, борьбу свободы, — которую я любилъ и ради которой хотѣлъ жить,—противъ господства грубой силы, которую я ненавидѣлъ смертельно и крайнее политическое выраженіе которой я видѣлъ въ прусскомъ милитаризмѣ.

— А въ настоящее время—простите послу, который исполняетъ данное ему порученіе, его педантическую точность — вы все того же мнѣнія?

— Но вѣдь этотъ вопросъ уже выходитъ за строгіе предѣлы вашего порученія, возразилъ Германъ.

— Вы правы, сказалъ Розель. Мое порученіе окончено. Для меня ясно, что вы утрачены для моего довѣрителя. Но я самъ, я желалъ бы привлечь васъ на свою сторону.

— Прошу извинить, но я васъ не понимаю.

— Если такъ, то вы меня, или лучше сказать, мы другъ друга никогда не понимали, замѣтилъ Розель, а этому я не могу повѣрить, даже еслибы слышалъ это изъ вашихъ собственныхъ устъ. Или же то были одни слова, какъ говоритъ Гамлетъ, нашъ разговоръ въ тотъ вечеръ—вы, конечно, его помните, не можете не помнить;—вы шли изъ покоевъ принцессъ, а я изъ покоя принца, мы встрѣтились въ передней, сошли рядомъ съ лѣстницы и молча пошли по парку, и углубясь въ свои мысли, шли по аллеѣ подстриженныхъ тисовыхъ деревьевъ, мимо гипсовыхъ статуй и прудковъ съ лебедями, пока наконецъ не дошли до рѣки, озаренной вечернимъ сіяніемъ и катившей свои тихія воды вдоль береговъ, покрытыхъ кустарникомъ. По ту сторону рѣки тянулись луга, надъ которыми, по временамъ, проносилось облачко, вдали въ вечерней, золотистой мглѣ виднѣлись поля и вся эта картина заканчивалась наконецъ голубой цѣпью холмовъ. Мы были одни, кругомъ не слышно было ни звука, ничье ухо не могло насъ слышать; послѣ всего неестественнаго, оставшагося позади насъ, передъ нами снова была сама природа, и вотъ тогда, дорогой другъ, раскрылись наши сердца и мы нашли — въ чемъ я, съ своей стороны, не сомнѣвался съ первой же минуты, — что хотя мы носимъ различныя имена и говоримъ на различныхъ языкахъ, однако принадлежимъ одному и тому же царству — разума и свѣта, что мы граждане одной и той же республики свободы, равенства и братства, для кото-

рой не существуетъ ни французовъ, ни нѣмцевъ, а существуютъ только люди.

— Какой человѣкъ, я хочу сказать, какой образованный человѣкъ нашего времени не увлекался этимъ прекраснымъ вѣрованіемъ,—отвѣчалъ Германъ, очень хорошо помнившій тотъ вечеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забывшій и того чувства недовѣрія, которое уже и тогда возбуждали въ немъ блестящія рѣчи иностранца.

— Съ тою только разницею, продолжалъ французъ, что у одного это вѣрованіе такъ и остается вѣрованіемъ, а у другого примѣняется на практикѣ, и я плохо, значитъ, знаю людей, если ошибся въ васъ въ этомъ отношеніи, если вы не принадлежите къ «ecclesia militans» единственнаго вѣрованія, дающаго блаженство.

— Мы тогда согласились во мнѣніи, возразилъ Германъ, что это вѣрованіе, въ весьма небольшомъ числѣ людей, переходитъ въ дѣятельную страсть.

— Никогда не слѣдовало бы, замѣтилъ Розель, высказывать подобныя аксіомы, потому что онѣ всегда опираются на нашемъ невѣдѣніи существующихъ отношеній. Во мнѣ уже въ тотъ вечеръ проснулось ощущеніе, которое вскорѣ вполнѣ овладѣло мной: что мнѣ слѣдуетъ провѣрить себя на дѣлѣ, и я не долго раздумывая порвалъ отношенія, которыя становились для меня дороги. Я ушелъ, не простясь; да и кому, кромѣ васъ, могъ я сказать, что меня гонитъ шататься по бѣлу-свѣту, а что съ вами я когда-нибудь встрѣчусь,—это подсказывало мнѣ мое сердце. Съ тѣхъ поръ я вездѣ потолкался: въ Швейцаріи, Италіи, Испаніи, въ Англіи, Россіи и наконецъ опять посѣтилъ мою родину. Предчувствіе мое оправдалось. Теперь я могу доказать цифрами, что по всему земному шару распространилась республиканская община, насчитывающая сотни тысячъ приверженцевъ, которые сходятся въ принципахъ и даже въ средствахъ и путяхъ, которыми достичь цѣли.

— Мы это видѣли на конгрессѣ въ Женевѣ, сказалъ Германъ.

— Какъ бы то ни было, а мы это видѣли, возразилъ Розель, то-есть тотъ видѣлъ это, кто съумѣлъ прозрѣть, съумѣлъ отдѣлить «ecclesia militans» отъ массы, которая ничего не понимаетъ и никогда не пойметъ, что «ultima ratio» королей относительно ихъ народовъ составляетъ также послѣднюю защиту народовъ противъ своихъ королей. Зданіе слѣдуетъ увѣнчать, не прибѣгая для этого къ коронѣ.

— Вы сдѣлали эту попытку во Франціи въ 1848 году, замѣ-

тилъ Германъ, и удачно привели къ имперіализму; мы занимались въ томъ же году теоретически и практически тѣмъ же вопросомъ. Отвѣтомъ на него былъ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ шестой годъ. Нѣкоторые вѣнчанные главы лишились, правда, своей короны, но лишь затѣмъ, чтобы она тверже укрѣпилась на другихъ. Нѣтъ, многоуважаемый другъ, вѣрьте мнѣ, свобода народовъ, въ вашемъ смыслѣ, есть такая же утопія, какъ и вѣчный миръ.

— Кто говоритъ о вѣчномъ мирѣ! вскричалъ Розель:—во всякомъ случаѣ, не я, потому что увѣренъ, что только война выведетъ насъ изъ этого положенія, что война между Франціей и Германіей есть самое вѣрное, мало того, единственное средство освободить Францію и Германію отъ ихъ тирановъ!

— Подобныя мысли преступны! вскричалъ Германъ.

— Въ глазахъ тѣхъ, кто увлекается словами, возразилъ французъ; но не въ вашихъ глазахъ, потому что вы вѣдь знаете, что Франція и Германія—я подразумѣваю Францію и Германію нашего времени—не могутъ больше воевать другъ съ другомъ; оба народа желаютъ мира, а если, несмотря на это, вспыхнетъ война—а она вспыхнетъ, также вѣрно, какъ то, что я республиканецъ,—то она будетъ исходить отъ государей, а не отъ народовъ и по своимъ послѣдствіямъ отразится на государяхъ, а не на народахъ. Народы вѣчны, но государи смертны! для народа война есть не болѣе, какъ кровопусканіе; для государей же война, въ наше время, является вопросомъ жизни или смерти. Государь, выходящій изъ битвы побѣжденнымъ, теряетъ сраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ корону. Въ борьбѣ же между Франціей и Пруссіей возможны только два исхода: или Пруссія побѣдитъ, или Франція. Въ первомъ случаѣ,—повѣрьте человѣку, близко знакомому съ обстоятельствами—Франція, послѣ перваго проиграннаго большого сраженія, будетъ республикой.

— А во второмъ случаѣ? спросилъ Германъ.

— Позвольте мнѣ остановиться пока на первомъ, отвѣчалъ французъ. Итакъ, у насъ будетъ республика, а вы... ну вы стоите на пути къ тому, чтобы принять то, что Парижъ отвергнетъ. Вы получите то, отъ чего народы, повидимому, не могутъ уберечься, особливо вы, нѣмцы, которые въ политикѣ нѣсколько неповоротливы; я хочу сказать: вы получите то, отъ чего мы только-что избавимся: военную диктатуру и имперіализмъ, а при вашей основательности надо полагать, что все это будетъ облечено въ самую рѣзкую форму. Между тѣмъ, возможно ли, чтобы основательный, философскій народъ, когда ему дадутъ время изучить обѣ формы правленія, которыя въ наше время, какъ и

въ древности, служатъ образцами политическихъ стремленій, республику и абсолютизмъ—абсолютизмъ у себя, республику у сосѣда, — возможно ли, говорю я, чтобы такой народъ не опомнился, не сообразилъ и въ одинъ прекрасный день не захотѣлъ бы примѣнить къ себѣ республиканскую моду, подобно тому, какъ онъ примѣнилъ имперіалистскую.

— Прежде, чѣмъ вы сами ее отмѣните?

— Прежде, чѣмъ мы сами ее отмѣнимъ. Право первородства можно продать за чечевичную похлебку разъ, быть можетъ, два; но не въ третій разъ—это, конечно, невозможно.

— Положимъ, сказалъ Германъ, хотя это и не рѣшено, но положимъ, что таковъ былъ бы ходъ вещей въ первомъ случаѣ; теперь вы должны объяснить мнѣ, чтó будетъ во второмъ случаѣ: если Германія будетъ побѣждена, а Франція побѣдительница?

— Тогда, конечно, обстоятельства слагаются для насъ менѣе благопріятно, хотя тотъ порядокъ вещей, который, въ концѣ концовъ, не можетъ уйти отъ насъ, принимая во вниманіе нашу натуру, только отдалится. Но для васъ будетъ «profit tout clair». Побѣжденная Пруссія уже будетъ не Пруссіей; вы однимъ ударомъ освобождаетесь отъ Гогенцоллерновъ, то-есть освобождаетесь отъ ига, которое теперь давитъ нѣмецкую націю. Германія образумится и станетъ вдумываться.... но вы имѣли бы право смѣяться надо мной, еслибы я серьезно сталъ доказывать вамъ, чѣмъ станетъ, чѣмъ должна стать Германія, предоставленная самой себѣ.

— И утратившая нѣсколько провинцій? или же, быть можетъ, вы не заставите ее платить за такія большія услуги?

— Никогда! вскричалъ французъ, приложивъ руку къ сердцу; а если среди великодушнѣйшей изъ всѣхъ націй и найдутся эгоистическія сердца, которыя потребуютъ платы за услугу, которую оказываетъ братъ брату, тогда мы увидимъ, что то, чтò въ варварскія времена, которыя, слава Богу, остались далеко позади насъ, было несчастіемъ и зломъ, это самое, въ настоящее время, при солидарности, существующей между націями, перестало имъ быть. Развѣ братья могутъ ограбить другъ друга? Во всякомъ случаѣ награбленное остается въ семействѣ. И развѣ Франція и Германія, развѣ всѣ народы не превратятся, въ непродолжительномъ времени, въ одну общую семью, великую семью соединенныхъ европейскихъ штатовъ!

Германъ поглядѣлъ въ пронзительные глаза, дико сверкавшіе изъ-подъ прямой линіи бровей. Вся физіономія этого человѣка, на которой положила свой отпечатокъ борьба страстей,

въ настоящую минуту угасшихъ, представляла типичное лицо игрока, какія Герману доводилось наблюдать на водахъ. Человѣкъ только-что поставилъ на карту цѣлый народъ, да вдобавокъ еще весьма почтенный.

— Вотъ что по истинѣ можно назвать: «corriger la fortune», сказалъ Германъ.

— А почему бы и не такъ? вскричалъ французъ; «le malheur est une bêtise», говорилъ великій кардиналъ Ришелье. Зачѣмъ человѣку даны два глаза, какъ нé затѣмъ, чтобы прозрѣвать капризы слѣпого, глупаго счастія и обращать ихъ себѣ на пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и капризы людей, которые, къ счастію, осуждены всегда оставаться слѣпыми и глупыми.

— Во всякомъ случаѣ тотъ долженъ быть очень слѣпъ, кто довѣряется.... такому ловкому вожаку, сказалъ Германъ съ насмѣшкой, которую не далъ себѣ труда скрыть.

— А между тѣмъ письма, которыя я имѣлъ честь вамъ представить, доказываютъ вамъ, что существуютъ такіе слѣпые люди.

— Я не знаю, о комъ мнѣ больше сожалѣть: о слѣпыхъ, или о зрячихъ.

— Я имѣю дѣло съ зрячими, отвѣчалъ французъ, не теряя хладнокровія. Конечно, въ этомъ случаѣ, если не видишь *всего*, то *ничего* не видишь.

— А что значитъ видѣть *все*?

Французъ поглядѣлъ съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ, въ раскрытое окно, на дворъ зáмка, откуда въ послѣднія минуты долеталъ стукъ экипажей, и затѣмъ на часы.

— Я ѣду кататься вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ,—сказалъ онъ, — а потому у меня остается теперь лишь нѣсколько минутъ свободныхъ. Но и въ нѣсколько минутъ можно многое сказать и... многое услышать, если того пожелаешь. Итакъ, слушайте; все видѣть — значитъ: видѣть, что война неизбѣжна. Все дѣло стояло за «casus belli», и теперь онъ найденъ; въ настоящій моментъ жребій уже брошенъ, быть можетъ уже вынутъ. Черезъ недѣлю, много двѣ у насъ будетъ война; это уже болѣе не вопросъ — это фактъ. Но второе еще вопросъ: должна ли война произойти между Франціей и Германіей, которыя любятъ другъ друга, или же между Франціей и Пруссіей, которыя другъ друга ненавидятъ. Этотъ вопросъ рѣшить не намъ, а вамъ, я хочу сказать, нѣмецкимъ республиканцамъ, на чью мудрость мы, французскіе республиканцы, желающіе войны во что бы то ни стало, заранѣе уже разсчитывали и разсчитываемъ. Неужели мы обочтемся? Это невозможно;

оно было бы возможно только въ томъ случаѣ, еслибы нѣмецкіе республиканцы не знали того, чтó Кастеляръ давно уже высказалъ въ Испаніи, чтò всѣмъ республиканцамъ, во всѣхъ странахъ міра, давно извѣстно; а именно: что самый сильный оплотъ, настоящая твердыня абсолютизма на землѣ—это прусская монархія, прусскій милитаризмъ. Если этотъ оплотъ рушится, то республика, всемірная республика становится вопросомъ ближайшаго будущаго, и это легко усматривается прозорливыми людьми. Если же онъ останется цѣлъ, или же пожалуй еще укрѣпится, то осуществленіе нашихъ идеаловъ отодвинется, быть можетъ, на нѣсколько столѣтій. Но эта твердыня падетъ, если мы ее изолируемъ, если мы окружимъ ее широкимъ рвомъ, котораго мы сами не можемъ вырыть, но который за насъ должны вырыть рабы счастія, слѣпые короли и ослѣпленные принцы, разумѣется затѣмъ, чтобы свалиться въ него самимъ и расчистить намъ путь. Неужели этотъ путь кажется вамъ слишкомъ тяжелымъ, слишкомъ опаснымъ? Неужели вы не подарите меня теперь вашимъ довѣріемъ, въ которомъ до сихъ поръ мнѣ отказывали? Неужели вы не признаете теперь опытнымъ вождемъ того, чью руку вы доселѣ отталкивали?

— Экипажи поданы, возвѣстилъ слуга, поспѣшно входя въ комнату.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Розель и затѣмъ, обратившись снова къ Герману, прибавилъ: вы колеблетесь принять мое предложеніе? ахъ, вы! основательные нѣмцы. Но я знаю нѣмцевъ не съ сегодняшняго дня, а васъ, дорогой другъ, слава Богу, уже нѣсколько лѣтъ! Мы еще увидимся, еще переговоримъ другъ съ другомъ и тогда разсѣется послѣднее облако сомнѣнія, которое я теперь замѣчаю на вашемъ лицѣ. «Au revoir»!

Розель схватилъ свою шляпу и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, оставивъ Германа въ неописанномъ волненіи.

Что такое онъ слышалъ? что это значило? что это такое было? фантазіи рехнувшагося ума? зрѣло обдуманный политическій планъ? эти письма, которыя носилъ при себѣ этотъ человѣкъ... его самоувѣренная рѣчь... таинственные намеки на какое-то событіе, очевидно то же самое, о которомъ сегодня писали графу изъ Берлина, странное выраженіе, съ которымъ принцъ,—говоря въ эти послѣдніе дни о предстоящемъ визитѣ маркиза,—подчеркнулъ слово: что маркизъ его старинный знакомый, ѣдущій въ Германію по частнымъ дѣламъ... пріѣздъ иностранца какъ разъ въ настоящую минуту и въ сопровожденіи этого человѣка... Великій Боже! сказалъ Германъ, неужели это возможно? Слѣпые короли и ослѣпленные принцы! Неужели онъ

дѣйствительно до такой степени ослѣпленъ! а мнѣ предназначена роль довести его ослѣпленіе до конца?

Германъ подошелъ къ окну. По ту сторону двора, у подъѣзда, стояли экипажи. Общество стояло на подъѣздѣ. Онъ увидѣлъ Гедвигу въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась ему передъ тѣмъ мысленно, подъ руку съ молодой дамой. Принцъ разговаривалъ въ эту минуту съ молодымъ человѣкомъ, чрезвычайно изящно одѣтымъ, и незнакомымъ Герману, въ которомъ онъ безъ труда призналъ маркиза де-Флорвиль. Въ эту минуту подошелъ Розель и маркизъ, повидимому, представилъ его принцу, который весьма привѣтливо протянулъ ему руку. Германъ вздрогнулъ. Самъ онъ оттолкнулъ руку, которую принцъ держалъ теперь въ своихъ рукахъ! Маркизъ подошелъ теперь къ Гедвигѣ и пошелъ рядомъ съ ней. Они вели, должно быть, шутливую бесѣду; маркизъ смѣялся, и Гедвига засмѣялась громко, надменно! Германъ отошелъ отъ окна, онъ не могъ смотрѣть долѣе.

Онъ снова бросился на диванъ и въ то время, какъ экипажи выѣхали изъ-подъ темныхъ воротъ зáмка и покатились по ярко-освѣщенной солнцемъ дорогѣ, въ ушахъ его прозвучали слова поэта объ одинокомъ, который скоро остается наединѣ и которому предоставляютъ страдать тогда, когда для другихъ царитъ смѣхъ и любовь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

— Вы слишкомъ добры, графиня,—сказалъ маркизъ де-Флорвиль, подсаживая Стефанію въ экипажъ, гдѣ уже сидѣли принцъ и г-жа фонъ-Фишбахъ. Остальное общество размѣстилось въ двухъ другихъ экипажахъ, а графъ съ барономъ Нейгофомъ просили позволенія осмотрѣть сначала конюшни и обѣщались затѣмъ верхомъ нагнать общество.

— Вы, право, слишкомъ добры,—повторилъ маркизъ,—не я принесъ хорошую погоду, а хорошая погода принесла меня.

— Но за это мы должны быть благодарны погодѣ, возразила Стефанія.

— Я по крайней мѣрѣ благодаренъ ей, и по справедливости! замѣтилъ маркизъ. Боже мой! вѣдь это первый солнечный лучъ съ тѣхъ поръ, какъ я путешествую по Германіи, вотъ уже дней восемь. Знаете ли, сударыни, каково это для француза, да еще вдобавокъ для француза съ юга Франціи? цѣлыхъ восемь дней не видѣть солнца! Вы не можете себѣ этого пред-

ставить, развѣ только догадаться, если подумаете, каково было бы нѣмцу, который бы цѣлыхъ восемь дней не читалъ ни одной философской книги.

— Ну, если такъ, то я не могу назваться нѣмкой; я еще въ жизнь свою не прочитала ни одной философской книги, отвѣчала Стефанія.

— Ахъ! дамы! дамы! сказалъ маркизъ, я не говорю о дамахъ; онѣ вездѣ являются исключеніемъ изъ правила, онѣ представляютъ собою космополитическое звено, связующее разнородные элементы другъ съ другомъ и остающееся вездѣ неизмѣннымъ, въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ или....

— Ротебюлѣ, подсказалъ принцъ.

— Вы говорите, ваша свѣтлость?...

— Ротебюль, моя резиденція, куда мы теперь пріѣхали, возразилъ принцъ, смѣясь.

— Ага! сказалъ маркизъ, вставляя стеклышко въ правый глазъ и проклиная въ душѣ толчки, получаемые имъ на тряской мостовой.

— Это Ротебюль! но какая, однако, прелесть, эти темные, средневѣковые ворота съ высокой, четырехъ-угольной башней, эти узкія улицы съ мостовой, поросшей травой, эти маленькіе, бѣленькіе домики съ зелеными ставнями—все это дышетъ поэзіей, все это носитъ чисто-нѣмецкій характеръ.

Общество разсмѣялось и поѣхало черезъ Ротебюль, гдѣ стукъ колесъ, раздававшійся особенно громко въ узкихъ улицахъ, не особенно способствовалъ бесѣдѣ. Принцъ былъ въ такомъ настроеніи, какого онъ никакъ не ожидалъ послѣ ужасной ночи, проведенной имъ. Онъ принималъ уже какъ благодѣяніе свѣтлый день, разогнавшій мрачныя видѣнія и охотно ласкалъ себя мыслью, что въ сущности онъ видѣлъ все въ черезъ-чуръ мрачномъ свѣтѣ, благодаря своей хандрѣ. Если графъ и виноватъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и Гедвига была виновата. Поцѣлуй, который она ему подарила вчера вечеромъ — первый поцѣлуй, полученный имъ отъ нея — значитъ больше, чѣмъ простая милостыня; онъ залогъ счастія, на которое онъ уже пересталъ совсѣмъ разсчитывать, но которое, быть можетъ, будущее хранило для него. И если кроткое, мягкое выраженіе, покоившееся сегодня на лицѣ милой, подкрѣпляетъ его надежды,—тогда пусть маркизъ молчитъ, какъ молчалъ до сихъ поръ, объ ужасныхъ планахъ, съ которыми онъ явился; пусть онъ уѣзжаетъ съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ. Съ своей стороны, Стефанія находилась въ такомъ расположеніи духа, какъ ребенокъ, который видитъ, что глупо испугался. Вчера вечеромъ

она очень испугалась. Заговорить о письмѣ въ присутствіи принца, въ присутствіи Гедвиги — это было совершенно во вкусѣ самыхъ злѣйшихъ выходокъ Гейнриха: такая злая месть за маленькую сцену, которую она ему сдѣлала, такая ясная угроза: ты напрасно надѣешься запугать меня; я все-таки пойду своей дорогой. И тоже самое повторилъ онъ ей въ рѣзкихъ словахъ, когда велъ ее въ ея комнату и тутъ же приказалъ поручить мамашѣ немедленно привезти съ собой тайнаго совѣтника, «который хорошо знаетъ твой организмъ, дорогое дитя, и не потеряетъ присутствія духа, чего, какъ я боюсь, не случилось бы, пожалуй, съ докторомъ въ рѣшительную минуту!»

Это было очень ясно; а потому она немедленно, послѣ того какъ онъ ушелъ, сѣла и написала письмо мамашѣ, умоляя ее, ради самого неба, не относиться легко къ приказанію Гейнриха и не пріѣзжать безъ тайнаго совѣтника. Всего лучше, если она пріѣдетъ тотчасъ же, а не ко дню рожденія принца, какъ было условлено раньше. До него осталось еще около десяти дней, и если она будетъ такъ долго разлучена съ дорогой мамá, то дорогая мамá рискуетъ найти свою Стефанію мертвой: она падетъ жертвой страха и волненія. А теперь Стефанія улыбалась, вспоминая объ этихъ патетическихъ строкахъ; не успѣла она сегодня утромъ отослать ихъ на почту, какъ пришло письмо отъ мамá, въ которомъ послѣдняя увѣдомляла, что пріѣдетъ послѣ-завтра. Дѣло стало теперь только за тайнымъ совѣтникомъ; о немъ мамá ничего не писала. Ну, да это какъ-нибудь уладится, во всякомъ случаѣ. И вотъ поэтому Стефанія весело глядѣла своими голубыми глазами на веселый ландшафтъ и затѣмъ поглядывала на своего красиваго vis-à-vis, молодого маркиза съ его смуглымъ лицомъ и темными глазами, въ такомъ изящномъ костюмѣ, какой рѣдко встрѣтишь въ самомъ Берлинѣ. И теперь, когда они проѣхали противный Ротебюль и очутились на шоссе, прерванный разговоръ могъ быть возобновленъ.

— Мнѣ кажется, что я только теперь попалъ въ Германію, сказалъ маркизъ, переводя духъ и поворачивая стеклышко, то въ правую, то въ лѣвую сторону. Эта узкая долина, эта темная рѣка, шумящая по одной сторонѣ дороги, съ ея каменистымъ русломъ, эти отвѣсныя скалы и, главное, эти безконечныя ели! Я не могу представить себѣ Германіи безъ елей; мы всѣ не можемъ себѣ этого представить; наши поэты никогда не представляли намъ ее иначе, когда только имъ случалось — что бываетъ однако рѣдко, слишкомъ рѣдко, я согласенъ — переносить сцену дѣйствія въ Германію. Возьмемъ ли мы Жоржа Занда или Дюма-сына — всегда горизонтъ окаймляется елями, возвышаю-

щимися, какъ здѣсь, на крутыхъ скалахъ, или опоясывающими широкой дугой темную пустошь, которую заходящее солнце печально озаряетъ своими послѣдними лучами. Да, здѣсь, или нигдѣ, слѣдуетъ искать Германіи!

— Ну, а здѣшніе люди соотвѣтствуютъ ли вашимъ представленіямъ, также какъ и ландшафтъ? спросилъ принцъ.

— Люди? возразилъ маркизъ, глядя направо и налѣво. Извините, ваша свѣтлость, гдѣ же люди? я вовсе не видѣлъ людей во время нашего пути,—за исключеніемъ хорошенькаго, маленькаго, соннаго городка, какъ это вы его называли—; но это тоже характеристично. Мы никогда не представляемъ себѣ нѣмецкаго ландшафта оживленнымъ присутствіемъ множества людей, какъ французскій или итальянскій. Самое большое если допускается бѣлокурый пастухъ, стерегущій свое стадо на пустоши и наигрывающій на флейтѣ печальныя мелодіи, или же егерь съ щетинистой бородой и всклокоченными волосами, пробирающійся черезъ лѣсъ съ подозрительно длинной винтовкой въ загорѣлыхъ рукахъ и похожій съ виду на Каина, когда тотъ только-что зарѣзалъ брата.

— Прекрасная картина, замѣтила Стефанія, въ которой мы, женщины, какъ кажется, не играемъ ровно никакой роли.

— Ахъ, графиня! сказалъ маркизъ, женщины, нѣмецкія женщины, это совсѣмъ другое дѣло! Онѣ представляются намъ просто ангелами Карла Дольче съ кроткими глазами и золотистыми волосами, которые несутся по воздуху на облакахъ Гвидо Рени, высоко, высоко надъ грѣшной землей.

— Что онъ говоритъ? спросила госпожа фонъ-Фишбахъ, увидѣвъ, что Стефанія и принцъ смѣются.

Стефанія перевела послѣднія слова маркиза; госпожа фонъ-Фишбахъ, статная матрона съ сѣдыми уже волосами, не нашла шутку такой прекрасной и разсѣянно улыбнулась. Маркизъ нашелъ это понятнымъ; переводъ Стефаніи былъ не вполнѣ удаченъ.

— Тысячу разъ благодарю васъ, графиня, за то, что вы были такъ любезны и повторили мои незначительныя слова; но вы, нѣмецкія женщины, такія ученыя! Конечно, это для васъ необходимо, если вы хотите привязать къ себѣ своихъ мужей!

— Какъ, маркизъ? вскричала Стефанія, неужели мы лишены всякой другой прелести?

— Извините, графиня, у васъ тысяча прелестей, и вся эта тысяча сполна выпала вамъ на долю; вы одарены рѣшительно всѣмъ.

— Но тогда наши мужья чудовища неблагодарности и непониманія.

— Какъ всякая молодежь, графиня. Въ Германіи женятся слишкомъ рано; я говорю про мужчинъ.... женщины, конечно, иное дѣло.

— Пожалуйста объясните мнѣ это, сказала Стефанія.

— Неужели это требуетъ объясненія, графиня, замѣтилъ маркизъ. Женщинѣ не надо учиться любить; она родится, можно сказать, любящей; она любитъ, пока живетъ; умирая, она все еще продолжаетъ любить; она воплощенная любовь! Поэтому она можетъ выходить замужъ такой молодой, какъ ей угодно, она всегда и при всякихъ обстоятельствахъ будетъ достойна своего положенія. Напротивъ того, мы, мужчины! ахъ, графиня! мы, мужчины, прирожденные эгоисты; въ эгоизмѣ наша сила, гордость, наше знаніе; слабая сила, согласенъ, пагубная гордость, жалкое знаніе; но прежде, чѣмъ мы придемъ къ такому воззрѣнію — а кто можетъ любить, прежде чѣмъ онъ не пришелъ къ нему? да, развѣ любовь не заключается въ этомъ самомъ воззрѣніи?—пройдетъ пол-жизни; а если женился рано, то половина супружеской жизни пройдетъ въ раздирающей борьбѣ, въ тысячѣ кризисовъ, при которыхъ всякій разъ дѣло будетъ идти о томъ: быть или не быть! А какія слѣдствія такого положенія вещей? Въ Германіи нѣжно любятъ другъ друга до брака и разводятся, проживя два, три года въ супружествѣ; во Франціи до брака вовсе не любятъ другъ друга, потому что вовсе другъ друга не знаютъ; только въ супружествѣ научаются знать и любить другъ друга. Его свѣтлость и его супруга женаты только пять лѣтъ и такъ нѣжно любятъ другъ друга: какъ часто слышалъ я эти слова во Франціи! Спросите самихъ себя, графиня, часто ли вы ихъ слышите въ Германіи! Но за то мы, французы, настолько благоразумны, что не женимся, пока не станемъ благоразумны. Быть же благоразумнымъ и молодымъ — это, какъ я уже доказывалъ вамъ, невозможно для мужчины. Поэтому мы женимся, когда....

— Когда состарѣетесь, замѣтила Стефанія.

— Кто любитъ, графиня, тотъ никогда не старѣется.

Стефанія вспыхнула; въ своемъ рвеніи она не подумала, что въ присутствіи принца или вовсе не слѣдовало затрогивать этой темы, или же безусловно соглашаться съ маркизомъ. Къ счастію для нея въ эту минуту проѣзжали черезъ деревню, которая своимъ опрятнымъ видомъ и прочностью построекъ какъ нельзя лучше доказывала очевидное благосостояніе ея жителей. Она

принадлежала, также какъ и всѣ другія въ окрестностяхъ замка, къ владѣніямъ принца.

— Ну, сказалъ принцъ, когда они проѣхали деревню, теперь вы видѣли также и людей, которыхъ до того недоставало въ нашемъ ландшафтѣ; хотя то были, конечно, не бѣлокурые пастухи и не одичалые сыны Немврода, но просто-на-просто нѣмецкіе поселяне. Ну, какое впечатлѣніе произвели они на ваши глаза, конечно нѣсколько избалованные зрѣлищемъ счастливыхъ обитателей богатой, прекрасной Франціи?

— Ахъ! ваша свѣтлость, замѣтилъ французъ, какую пользу приноситъ богатство прекрасной Франціи тому, кто обработываетъ ея почву! Я знаю Францію, я знаю французскаго поселянина; я никогда не замѣчалъ въ немъ того, что написано здѣсь на всѣхъ лицахъ, у дѣтей, мужчинъ и у женщинъ.... да, у послѣднихъ даже оно еще замѣтнѣе.

— Что же это такое? спросилъ принцъ.

— Довольство, отвѣчалъ французъ, поклонясь принцу. Довольство своей судьбой, то-есть у поселянина оно означаетъ: довольство своимъ господиномъ. Французскій крестьянинъ недоволенъ своимъ господиномъ и не можетъ быть имъ доволенъ. Онъ не знаетъ своего господина, который живетъ въ Парижѣ, чтобы тамъ въ безусловной праздности или среди разсѣяній, приносящихъ ему мало чести, расточать свои земли и свой умъ. Зáмокъ его предковъ стоитъ пустымъ; вмѣсто него, во флигелѣ помѣщается арендаторъ, котораго поселянинъ ненавидитъ и имѣетъ къ тому всѣ основанія. У этихъ людей нѣтъ другого интереса, нѣтъ другой мысли какъ разбогатѣть и въ возможно короткое время. Это имъ рѣдко удается, потому что ихъ положеніе вообще довольно скверное; но такъ или иначе, а поселянинъ при всѣхъ обстоятельствахъ становится жертвой двойного корыстолюбія, господина и его арендатора. Нѣтъ жалче существа, какъ французскій поселянинъ, пока онъ привязанъ къ почвѣ, на которой родился; нѣтъ страшнѣе существа, какъ французскій поселянинъ, какъ скоро онъ оторвется отъ почвы и пристанетъ къ одной изъ двухъ армій, готовыхъ принять его: я подразумѣваю пролетаріатъ большихъ городовъ и войско. Какъ тамъ, такъ и тутъ онъ стоитъ за одно, желаетъ одного — войны! Тамъ, противъ тѣхъ, у кого есть какая-нибудь собственность; здѣсь, противъ всего, чтó не зовется Франціей.

— Справедливо, слишкомъ справедливо! замѣтилъ принцъ; но неужели вы думаете, что мы живемъ здѣсь въ раю. Я не считаю себя дурнымъ господиномъ и полагаю, что свято исполняю обязанности, наложенныя на меня судьбой. За всѣмъ тѣмъ я не

могу добиться, чтобы у каждаго крестьянина, говоря словами вашего Генриха IV-го, по воскресеньямъ варилась въ котлѣ курица. Конечно, не здѣсь, въ богатыхъ селеніяхъ долины, но тамъ на верху, въ моихъ бѣдныхъ лѣсныхъ деревушкахъ, живущихъ ковкой гвоздей.

— Проклятіе централизаціи, ваша свѣтлость, сказалъ маркизъ; хотя, конечно, у васъ она не достигла такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ у насъ, однако все-таки довольно чувствительна; проклятіе централизаціи, которая жертвуетъ мозгомъ и кровью цѣлой націи, ради мизерныхъ интересовъ, вовсе не составляющихъ истинныхъ интересовъ націи.

— А какъ намъ освободиться отъ этого проклятія? спросилъ принцъ.

Маркизъ отвѣчалъ легкимъ пожиманіемъ плечъ и взглядомъ, брошеннымъ на дамъ, какъ будто желая сказать: объ этомъ и о многомъ другомъ мы поговоримъ, когда останемся наединѣ. Принцъ хорошо понялъ намекъ, но не былъ въ состояніи немедленно перейти къ другому предмету. Послѣднія слова маркиза произвели на него впечатлѣніе удара молотомъ въ запертую дверь, передъ которой онъ стоялъ и за которой скрывалось рѣшеніе, рѣшеніе,—такъ гласили письма маркиза,—которое ждало Францію, а вмѣстѣ съ ней и Германію; рѣшеніе, которому онъ самъ долженъ былъ, мало того—вчера вечеромъ твердо рѣшился содѣйствовать. Вчера вечеромъ! принцъ мрачными глазами поглядѣлъ на ландшафтъ. Надъ пестрыми лугами, лежавшими направо отъ него и передъ тѣмъ ярко озаренными солнечными лучами, надвинулась синеватая тѣнь, бросаемая облакомъ. Были ли его теперешнія мысли только тѣнью отъ облака, или же нѣчто бо̀льшее? Маркизъ, съ своей стороны, еще молчалъ; для принца это молчаніе было слишкомъ краснорѣчиво.

Но маркизъ въ настоящую минуту не говорилъ ни слова и это подало поводъ Стефаніи сдѣлать про себя замѣчаніе, что въ сущности молодой французъ далеко не такой любезный и разговорчивый, какимъ она представляла его себѣ сегодня поутру, когда онъ такъ живо бесѣдовалъ съ Гедвигой. Также и то, что онъ неоднократно вглядывался на второй экипажъ, непосредственно ѣхавшій за ними и въ которомъ сидѣла Гедвига, не понравилось Стефаніи. Поэтому, она также умолкла. Что же касается достойнѣйшей госпожи фонъ-Фишбахъ, то она благодарила Бога за то, что кончился разговоръ, который былъ такъ мало ей понятенъ и во время котораго она, быть можетъ, смѣялась не впопадъ, и что, наконецъ, пришелъ конецъ ея мучительному положенію.

Теперь экипажи уже выбрались изъ узкой долины; горы, по обѣимъ сторонамъ дороги, расходились все дальше и дальше и между ними раскинулась плодородная равнина, орошаемая прихотливымъ теченіемъ Роды, съ деревнями, весело выглядывавшими изъ-за кустовъ и деревъ своими бѣлыми домиками и стройной колокольней скромной церкви. Затѣмъ экипажи свернули съ большой дороги и въ нѣсколько минутъ доѣхали до Эрихсталя, цѣли прогулки. Главный управляющій почтительно встрѣтилъ вышедшее изъ экипажей общество. Принцъ отдалъ приказаніе, чтобы обычныя работы не прекращались. Ему хотѣлось показать гостямъ свое хозяйство въ полномъ ходу.

— Я не желаю разыграть передъ вами, господа, праздничную комедію, которую легко поддѣлать, сказалъ принцъ; то, что вы увидите,—это будничная, обыкновенная жизнь, но я надѣюсь, что вы одобрите это безъискусственное представленіе дѣйствительности.

Надѣялись, что графъ и баронъ Нейгофъ, на своихъ быстроногихъ коняхъ прискачутъ въ Эрихсталь вмѣстѣ съ экипажами; однако они не показывались. Подождали съ четверть часа, когда принцъ, которому, повидимому, не нравилось такое замедленіе, предложилъ заняться осмотромъ. Онъ попросилъ господъ последовать за нимъ, а маркиза въ особенности просилъ не отходить отъ себя. Маркизъ заранѣе проклиналъ скуку, угрожавшую ему во время безконечной прогулки, рядомъ съ принцемъ, по обширнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ. Поэтому онъ съумѣлъ, помощью нѣсколькихъ ловкихъ маневровъ, устроить вскорѣ такъ, что почтенный фонъ Фишбахъ занялъ его мѣсто. Фонъ-Фишбахъ былъ землевладѣлецъ старой школы. Онъ, конечно, также какъ и всѣ сосѣди, много слышалъ объ образцовомъ хозяйствѣ принца и самъ толковалъ о немъ, хотя ни разу не видѣлъ его. Онъ постоянно утверждалъ, что все дѣло чистые пустяки и не можетъ не быть пустяками.

Теперь онъ увидѣлъ заведеніе, превосходство котораго не могло уйти отъ его опытнаго глаза, увидѣлъ знакомое, которое онъ едва призналъ въ этой формѣ, новое, которому онъ желалъ научиться. Изумленіе его росло съ каждой минутой и высказывалось такъ наивно, что принцъ, горячо принимавшій къ сердцу свое образцовое хозяйство и распространеніе своихъ принциповъ, разговаривалъ почти исключительно съ старымъ господиномъ, и противно своему обыкновенію предоставилъ остальное общество самому себѣ.

— Посидимъ здѣсь немного, сказала Стефанія своей пріятельницѣ Нейгофъ, на руку которой опиралась. Дамы пришли

въ маленькій боковой дворикъ, вокругъ котораго расположены были заведенія молочнаго хозяйства.

— Гдѣ это только пропадаютъ наши мужья, продолжала Стефанія, имъ бы давно уже слѣдовало быть здѣсь.

— Неужели ты такъ стремишься увидѣть своего? спросила баронесса, смѣясь. Я же, съ своей стороны, ничего не имѣю противъ того, если Куртъ проведетъ часокъ-другой и безъ меня; у этихъ мужчинъ столько претензій.

— Вы женились такими молодыми, сказала Стефанія.

— Также какъ и вы.

— Быть можетъ, но вы живете въ деревнѣ; тамъ люди вполнѣ принадлежатъ другъ другу, быть можетъ больше, чѣмъ было бы желательно подчасъ. Въ городѣ, знаешь ли, иначе: служба, прогулки верхомъ, холостые обѣды, ужины, развлеченія всякаго рода—я иногда по цѣлымъ днямъ не вижу Гейнриха.

— Ну, я полагаю, что у твоего мужа нѣтъ недостатка въ развлеченіяхъ и здѣсь, замѣтила баронесса.

— Я думала, что ты не имѣешь основанія на это жаловаться, возразила Стефанія. Онъ сегодня, какъ мнѣ кажется, по настоящему ухаживалъ за тобой; онъ почти съ тобой одной только и разговаривалъ.

— Ты думаешь, сказала баронесса. Ну, я могу тебя увѣрить, дорогая, что сердце его въ этомъ не участвовало, да и глаза направлены были въ другую сторону.

— Они, конечно, были устремлены на меня, замѣтила Стефанія съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Должно быть, отвѣчала Нейгофъ, наклонившись впередъ и чертя фигуры на тонкомъ пескѣ, которымъ былъ усыпанъ дворъ.

— Это ужасно! сказала Стефанія, стараясь подавить слезы.

— Бѣдная Стефанія! проговорила Нейгофъ.

Стефанія залилась слезами. — И въ такое время, рыдала она, когда я каждую минуту....

— Я полагаю, что не раньше, какъ въ концѣ будущаго мѣсяца, замѣтила Нейгофъ; но тебѣ не слѣдуетъ волноваться больше, чѣмъ нужно. Отъ этого такъ легко не умираютъ; я точно также... я хочу сказать, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ предоставить мужу полную свободу. Слезами только ухудшишь дѣло, а такія женщины, какъ ты да я, полагаю...

— Онъ совсѣмъ и не глядитъ больше на меня, все его вниманіе принадлежитъ ей, рыдала Стефанія.

— Ну, если ты сама это говоришь, то я не стану тебѣ противорѣчить. Эти мужчины непостижимы!

— И какъ гадко съ ея стороны: она намъ такъ многимъ обязана, сказала Стефанія.

— Развѣ эти люди понимаютъ, чтò такое благодарность, возразила баронесса. Они съ юности привыкаютъ брать то, чтò имъ даютъ; а быть возлюбленными мужей своихъ госпожъ — онѣ считаютъ нѣкотораго рода обязанностью. Въ кòнцѣ концовъ онѣ выходятъ замужъ за камердинера.

Стефанія засмѣялась, но тутъ же покачала головой, говоря: — Гедвига...

— Жена принцу съ лѣвой руки, подхватила Нейгофъ, я это знаю, но, между нами будь сказано, вѣдь это почти тоже самое, что быть любовницей... и вдобавокъ старика, это не улучшаетъ дѣла. Вѣдь это извѣстная вещь!

— Мама и я, мы всегда боялись, какъ-бы принцъ не женился на ней по настоящему.

— Милое дитя, возразила баронесса, — такихъ вещей всегда опасаются, но онѣ никогда не случаются; по крайней мѣрѣ здѣсь этого не будетъ. Принцъ, несмотря на свой либерализмъ, доходящій до чванства, въ душѣ, быть можетъ, болѣе аристократъ, чѣмъ даже твой мужъ; онъ постоянно будетъ помышлять, въ минуты неудовольствія на васъ, о томъ, чтобы насолить вамъ этимъ бракомъ; но въ одинъ прекрасный день такъ и умретъ съ этой мыслью; она, тѣмъ временемъ, конечно, устроитъ свои дѣлишки...

— И выйдетъ замужъ за камердинера, договорила Стефанія, смѣясь.

— Нѣтъ, возразила Нейгофъ, за доктора.

— Горста? вскричала Стефанія съ испугомъ.

— Кажется, его такъ зовутъ.

— Но какъ это пришло тебѣ въ голову? спросила Стефанія съ недовѣрчивой усмѣшкой.

— Мнѣ вовсе это въ голову не приходило, отвѣчала баронесса, какое мнѣ до этого дѣло. Но люди многое болтаютъ и я должна тебѣ сказать, что также и про твоего мужа и про нее много толковали въ послѣдніе дни; въ особенности, кажется, одному человѣку, какому-то рейткнехту принадлежитъ главная роль въ этихъ сплетняхъ. У этого человѣка, — теперь я вспомнила, его зовутъ Дитрихъ, — есть братъ, который служитъ у моего мужа и отъ него-то слышалъ мой мужъ и пересказалъ мнѣ: въ послѣдніе дни этому человѣку братъ его говорилъ, что про графа все врутъ и что онъ самъ навралъ на него, чтобы досадить своей невѣстѣ — камеръ-юнгферѣ Гедвиги, если припомню. Настоящій ея возлюбленный — это докторъ и еслибы дѣло на то пошло, то онъ могъ бы

это доказать. Я не знаю, имѣютъ ли эти вещи какой-нибудь интересъ для тебя, но я считаю долгомъ сообщить тебѣ о нихъ; такого рода вещи всегда могутъ пригодиться. Однако, я полагаю, что намъ пора вернуться къ остальному обществу.

Баронесса встала.

— Это было бы позорно! сказала Стефанія, идя за баронессой.

— Почему же? спросила послѣдняя.

Стефанія не отвѣчала.

Тѣмъ временемъ маркизу удалось, благодаря различнымъ ловкимъ маневрамъ, остаться съ Гедвигой позади остального общества, которое ревностно слѣдовало по стопамъ принца. Наконецъ маркизъ остался съ Гедвигой наединѣ. Тщательно возделанный огородъ примыкалъ къ одному углу двора; маркизъ отворилъ калитку и сказалъ: ради самого неба зайдемте сюда на минуту, чтобы придти въ себя. Эти коровы альгауской породы, эти мериносовыя овцы, эти йоркширскія свиньи — c'est plus fort que moi!

— Когда окончится осмотръ машинъ, тогда общество придетъ на этотъ огородъ, замѣтила Гедвига.

— Ну такъ подождемъ здѣсь остальное общество.

— Мнѣ сдается, что для человѣка, который совершилъ такое дальнее путешествіе, чтобы познакомиться съ нѣмецкимъ сельскимъ хозяйствомъ, рвеніе ваше не велико.

— Нѣмецкимъ сельскимъ хозяйствомъ? повторилъ маркизъ. Ахъ! неужели вы вѣрите этой баснѣ!

— Но, иначе, что же привело васъ къ намъ, спросила Гедвига.

Маркизъ хотѣлъ-было отвѣчать взглядомъ; но его темные глаза напрасно искали глазъ Гедвиги, разсѣянно глядѣвшей по сторонамъ.

— Ахъ, отвѣчалъ онъ, что же можетъ руководить несчастливцемъ, какъ не сознаніе его несчастія? и куда можетъ оно привести его, какъ не къ несчастію же?

Теперь Гедвига поглядѣла на своего собесѣдника.

— Весьма справедливо, замѣтила она; но не можетъ быть, чтобы ваше замѣчаніе относилось къ вамъ самимъ.

— Потому что я ношу маску человѣка, рѣшившагося принимать жизнь только съ свѣтлой стороны? Но, кто же изъ насъ не носитъ маски? Вы первая, напримѣръ.

— Вы, значитъ, видѣли мое настоящее лицо, сказала Гедвига, которую почти противъ воли начинало интересовать стран-

ное направленіе разговора, до сихъ поръ постоянно вертѣвшагося на пустякахъ.

— Я видѣлъ его, отвѣчалъ французъ, четыре года тому назадъ, но такія вещи не забываются: нельзя забыть лица шестнадцати-лѣтней дѣвушки, большіе глаза которой впервые созерцаютъ всю прелесть міра и эта прелесть отражается въ нихъ; міра, быть можетъ, давно уже минувшаго, быть можетъ никогда не существовавшаго и который, еслибы онъ и существовалъ, то конечно не былъ бы такъ прекрасенъ, какъ поэзія сердца этой молодой дѣвушки, какъ чудныя иллюзіи, какъ высокія стремленія чистой, непочатой души. Ахъ! такою видѣлъ я васъ передъ твореніями Рафаэля, Микель-Анджело, среди величавыхъ развалинъ Колизея, романтической глуши Кампаньи. То было ваше настоящее лицо, лицо Коринны, которую вы мнѣ всегда напоминали, съ тою разницей, что вы были гораздо моложе, гораздо милѣе, гораздо невиннѣе, чѣмъ созданіе моей геніальной соотечественницы. Теперь....

— Теперь?...

— Теперь, когда я снова увидѣлъ васъ, послѣ четырехъ лѣтъ разлуки, мнѣ приходитъ въ голову другая книга, заглавіе одного сочиненія Бальзака.

— А какъ заглавіе этой книги?

— Illusions perdues.

— Если такъ, то маска, которую я ношу, очень плоха, сказала Гедвига, или лучше сказать, я не ношу никакой маски, если мои утраченныя иллюзіи написаны на моемъ лицѣ и всякій ихъ можетъ прочитать на немъ.

— Извините, возразилъ маркизъ, я не говорилъ: всякій. Всякій другой можетъ быть введенъ въ заблужденіе маской, изображающей гордость, довольствующуюся самой собою, не оплакивающей прошлаго, не возлагающей надеждъ на будущее; но для того, кто имѣлъ счастіе видѣть васъ такъ, какъ я васъ видѣлъ, для того...

Маркизъ приподнялъ обѣ руки и затѣмъ уронилъ ихъ граціознымъ, исполненнымъ печали движеніемъ. Гедвига была тронута, тѣмъ болѣе, что маркизъ сказалъ только правду, а она отъ этого человѣка всего менѣе ожидала услышать правду. Глаза ея остановились съ грустнымъ и дружескимъ выраженіемъ на лицѣ молодого человѣка, который представился ей въ этотъ моментъ стариннымъ и дорогимъ пріятелемъ. Маркизъ, понявшій по-своему взглядъ прекрасныхъ глазъ, продолжалъ болѣе тихимъ и страстнымъ голосомъ:

— Долженъ ли я говорить о томъ, что вамъ извѣстно: что

это счастіе оказалось моимъ несчастіемъ, тѣмъ несчастіемъ, которымъ заразили меня ваши небесные глаза и которое сдѣлалось съ тѣхъ поръ моимъ руководителемъ въ этой пустой жизни; за нимъ слѣдовалъ я неуклонно и онъ привелъ меня снова туда, откуда произошелъ, подъ смертельные лучи вашихъ небесныхъ глазъ.

— Вотъ чтó, проговорила Гедвига, я право на минуту позабыла объ этомъ.

Маркизъ не зналъ какъ ему понять эти слова; надо полагать, онъ вовсе не понялъ ихъ. Но насмѣшливая усмѣшка, передернувшая губы Гедвиги, не предвѣщала ничего добраго.

— Вы видите меня, продолжалъ маркизъ въ такомъ неописанномъ смущеніи и оно лучше всего ручается за глубокое чувство, которое таится въ моемъ сердцѣ.

— Не извиняйтесь, маркизъ! замѣтила Гедвига, это совершенно лишнее; напротивъ того, я вамъ благодарна, право, очень благодарна.

Маркизъ еще меньше могъ понять, что означали эти загадочныя слова, какъ вдругъ на его счастіе показался принцъ въ сопровожденіи остальнаго общества. Маркизъ съ живостью заговорилъ съ принцемъ. Онъ не могъ устоять противъ искушенія осмотрѣть огородъ, а супруга принца была такъ добра, что показала его ему.

— Вы не могли найти лучшаго руководителя, сказалъ принцъ. Моя жена знаетъ названіе каждаго растенія и свойство каждаго изъ нихъ.

Принцъ, казалось, былъ въ отличномъ расположеніи духа. Въ самомъ дѣлѣ, роль путеводителя, которую онъ ревностно исполнялъ, заставила его позабыть на нѣкоторое время о мрачныхъ мысляхъ, тревожившихъ его душу. Искренній восторгъ стараго дворянина чрезвычайно радовалъ его и льстилъ ему. Фонъ-Фишбахъ считался самымъ большимъ авторитетомъ въ дѣлѣ хозяйства во всемъ околодкѣ и этотъ авторитетъ постоянно высказывался до сихъ поръ противъ стремленій принца. Разъ онъ привлеченъ на сторону принца, то несомнѣнно, что всѣ послѣдуютъ его примѣру. Принцъ предвѣщалъ почти осуществленіе надеждъ, отъ которыхъ онъ-было совсѣмъ отказался; он ощущалъ такое довольство, какого не испытывалъ уже нѣсколько лѣтъ. Маленькій успѣхъ, только-что выпавшій ему на долю, заставилъ недовольнаго человѣка почти вновь увѣровать въ жизнь, которая не прошла значитъ совершенно безполезно и которой онъ не желалъ бы промѣнять ни на чью, еслибы онъ всегда видѣлъ улыбку на устахъ Гедвиги, которой она привѣтствовала

его, когда онъ вошелъ въ огородъ, если бы пріязнь, съ какой она оперлась на его руку, исходила у нея изъ сердца. Но Гедвига дѣйствительно ощущала эту пріязнь и ея улыбка говорила: въ сущности ты лучше ихъ всѣхъ; на тебя я могу въ концѣ концовъ болѣе положиться, чѣмъ на всѣхъ другихъ.

— Я не вижу графини и баронессы, сказалъ принцъ, обращаясь къ фонъ-Цейзелю.

— Я видѣлъ какъ дамы прошли нѣсколько минутъ тому назадъ въ домъ управителя, возразилъ кавалеръ.

— Такъ и мы отправимся туда же, замѣтилъ принцъ. Дамамъ нужно подкрѣпить свои силы. Мы пришли не слишкомъ рано, любезный Цейзель?

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость.

Фонъ-Цейзель распорядился, чтобы на площадкѣ, обсаженной деревьями, передъ домомъ управляющаго, была раскинута палатка, въ которой, на прекрасно убранныхъ столахъ, стояла закуска. Дамы сѣли на походные стулья, мужчины стояли вокругъ со стаканами въ рукахъ, которые слуги безпрестанно доливали шампанскимъ. Въ густой листвѣ высокихъ деревъ, сквозь которую пробивались красные лучи солнца, чирикали воробьи; ласточки кружились въ ясномъ вечернемъ воздухѣ; воркующіе голубки, сидѣвшіе по крышамъ зданій, спускались внизъ, клевали крошки и затѣмъ снова отлетали; по временамъ изъ хлѣвовъ долетало мычанье коровы; телѣга, нагруженная зеленымъ сѣномъ, въѣхала на дворъ—то была мирная, сельская картина, и впечатлительное сердце принца охотно подчинилось ея неотразимой прелести. Онъ былъ необыкновенно внимателенъ съ дамами, необыкновенно дружелюбенъ съ кавалерами. Какъ жаль, однако, что графъ съ барономъ не пріѣхали! Но ихъ не слѣдуетъ за это наказывать: они уже сами наказали себя своимъ отсутствіемъ. Затѣмъ онъ поднялъ свой стаканъ и сказалъ голосомъ, дрожащимъ отъ радостнаго волненія и со взглядомъ, который скользнулъ по всѣмъ гостямъ, но остановился на Гедвигѣ: общество не должно считать за противорѣчіе и обвинять его въ эгоизмѣ, если онъ, пивши за здоровье своихъ гостей, выскажетъ желаніе, чтобы ему удалось прожить еще много такихъ дней, какъ сегодняшній.

Дамы поклонились. Мужчины чокались другъ съ другомъ; маркизъ, которому Розель торопливо перевелъ слова принца, выступилъ впередъ и сказалъ, граціозно кланяясь: онъ не имѣетъ право говорить за все общество, а потому говоритъ только за себя и за своего друга; тѣмъ не менѣе, онъ все-таки увѣренъ, что передастъ впечатлѣніе всѣхъ присутствующихъ, если ска-

жетъ, осушая при этомъ свой стаканъ: пусть всѣ принцы въ мірѣ походятъ на того, у кого они находятся въ гостяхъ въ настоящую минуту, и тогда въ мірѣ будетъ царствовать такое же мирное настроеніе, какое отличаетъ сельскій видъ, который ихъ окружаетъ и сладкій миръ котораго не нарушается ни единымъ облачкомъ.

Снова зазвенѣли стаканы, мужчины чокались, но на этотъ разъ звонъ стакановъ былъ покрытъ лошадинымъ топотомъ, раздавшимся такъ внезапно и такъ близко, что нѣкоторыя изъ дамъ не могли не вскрикнуть. Окружавшія зданія заглушали до того времени стукъ копытъ и поэтому въ ту минуту, какъ ихъ заслышали, графъ и баронъ Нейгофъ уже предстали передъ обществомъ. Оба господина соскочили съ сѣделъ, бросили поводы рейткнехтамъ и поздоровались съ обществомъ.

— Прошу извиненія, сказалъ графъ. Но въ ту минуту, какъ мы собирались сѣсть на лошадей, пришли газеты, которыхъ я ждалъ съ нетерпѣніемъ съ сегодняшняго утра. Онѣ содержали новость, которая привела барона и меня въ нѣкоторое волненіе и я нашелся вынужденнымъ написать нѣсколько писемъ въ Берлинъ.

— Что такое? спросилъ принцъ, улыбавшееся дотолѣ лицо котораго сдѣлалось вдругъ очень мрачно, хотя онъ видимо старался скрыть свое волненіе.

— Пусть ваша свѣтлость обратитъ вниманіе на эти строки. Принцъ сталъ читать. Общество испуганно переглядывалось между собой. Маркизъ былъ единственнымъ изъ всѣхъ присутствующихъ, чья физіономія сохраняла полнѣйшую безмятежность. Такъ какъ говорилось по-нѣмецки, то онъ не понялъ, въ чемъ дѣло, и теперь поглядывалъ на Розеля; послѣдній чуть слышно прошепталъ два или три слова и затѣмъ принялся съ большимъ, повидимому, вниманіемъ слѣдить за полетомъ голубей, кружащихся надъ площадкой.

— Ну чтожъ, сказалъ принцъ, складывая газету и возвращая ее графу, въ сущности тутъ нѣтъ ничего особеннаго.

— Но въ чемъ же дѣло? вскричали нѣкоторыя изъ дамъ.

— Во Франціи, какъ кажется, произвела непріятное впечатлѣніе кандидатура на испанскій тронъ принца фонъ-Гогенцоллерна, возразилъ принцъ, обращаясь къ дамамъ и, какъ казалось, ради маркиза, на французскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ эта газета, которая, какъ кажется, получила свѣдѣнія изъ вѣрнаго источника, возвѣщаетъ, что французскій повѣренный въ дѣлахъ третьяго-дня явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ и заявилъ о непріятномъ впечатлѣніи, какое

произвело въ Парижѣ это обстоятельство; но я, въ самомъ дѣлѣ, не понимаю, графъ, почему васъ такъ волнуетъ это извѣстіе.

— И я также, замѣтилъ маркизъ.

— Если такъ, то вы, во всякомъ случаѣ, иначе смотрите на дѣло, чѣмъ ваши соотечественники, возразилъ графъ, внезапно обращаясь къ маркизу, на котораго онъ до сихъ поръ не обращалъ, повидимому, никакого вниманія, и это мнѣ пріятно. Я ни за что не желалъ бы, чтобы гость его свѣтлости раздѣлялъ взгляды, выражаемые здѣсь; я умалчиваю о выраженіяхъ, въ какихъ, при этомъ случаѣ, считали нужнымъ говорить о Пруссіи.

Говоря такимъ образомъ, онъ передалъ маркизу французскую газету, полученную одновременно съ нѣмецкими. Маркизъ пробѣжалъ ее и пожалъ плечами.

— Одна газета, сказалъ онъ, не выражаетъ всей парижской прессы, а парижская пресса — Парижа; Парижъ же — Франціи.

— Ваши слова меня радуютъ, отвѣчалъ графъ; еслибы было иначе, то миру въ самомъ непродолжительномъ времени наступилъ бы конецъ.

— Боже мой! вскричала Стефанія.

— И тогда ты долженъ былъ бы также идти на войну, Куртъ? спросила баронесса.

— Я покорнѣйше прошу господъ прекратить разговоръ, который, во всякомъ случаѣ, непріятенъ, а въ настоящее время для меня вдвойнѣ непріятенъ, сказалъ принцъ.

— Какъ угодно вашей свѣтлости, отвѣчалъ графъ. Я боюсь только, что мы принуждены будемъ къ нему возвратиться противъ воли.

— Но только не сегодня, осмѣлюсь просить, возразилъ принцъ, очевидно разсерженный упорствомъ графа.

Общество старалось послѣдовать примѣру принца и сдѣлать видъ, какъ будто ничего не случилось. Но хорошее, мирное настроеніе, въ какомъ общество находилось въ послѣдніе полчаса, было нарушено и не могло вернуться. Къ тому же принцъ былъ сильнѣе всѣхъ потрясенъ и въ сущности совсѣмъ перестал владѣть собой. Погасъ солнечный лучъ, на минуту озарившій для него вселенную. Туча, которую онъ самъ вызвалъ, надвигалась мрачнѣе, грознѣе, чѣмъ когда-либо. Но неужели онъ самъ вызвалъ ее? Не было ли это дѣломъ злыхъ демоновъ? Безпокойный взоръ его скользилъ по лицу графа. Да, вотъ его злѣйшій демонъ; онъ всегда зналъ, что ненавидитъ этого человѣка,

но только теперь впервые созналь, какъ сильно онъ его ненавидитъ. А маркизъ... Зачѣмъ онъ его не предупредилъ, зачѣмъ допустилъ попасть въ такое положеніе неподготовленнымъ, зачѣмъ не сказалъ ему, что рѣшеніе такъ близко? Тогда, быть можетъ, онъ еще подумалъ бы; теперь же поздно. Но развѣ поздно? Все еще зависѣло отъ него; нѣтъ, не отъ него... а отъ нея... въ ея рукахъ все: его сердце, его счастіе, его жизнь, его участь.

Въ то время, какъ, терзаемый этими мыслями, онъ шутилъ съ присутствующими съ принужденной улыбкой на губахъ, глаза его постоянно искали встрѣтить глаза Гедвиги. Зачѣмъ именно теперь говорила она съ графомъ и съ такимъ жаромъ, что не находила времени взглянуть на него.

Но вотъ графъ отошелъ отъ нея съ поклономъ; Гедвига обратилась къ принцу; послѣдній поспѣшно пошелъ къ ней навстрѣчу и предложивъ ей руку, отвелъ нѣсколько въ сторону отъ остальнаго общества.

— Ну, Гедвига, сказалъ онъ, я надѣюсь, что наши политики не испортили твоего расположенія духа. Такіе пустяки право это непростительно!

— Я только-что говорила объ этомъ съ графомъ, отвѣчала Гедвига; онъ не считаетъ дѣла пустяками, и послѣ того, что онъ сообщилъ мнѣ, я полагаю, что онъ правъ.

— А можно узнать то, что онъ тебѣ сообщилъ? спросилъ принцъ дрожащими губами.

— Онъ сказалъ мнѣ это затѣмъ, чтобы я передала тебѣ.

— Почему же онъ самъ не сказалъ мнѣ этого?

— Ты перебилъ его на полу-словѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну-съ, что же говоритъ политическій оракулъ?

Противъ воли горечь, таившаяся у него въ сердцѣ, выступила наружу. Онъ подошелъ къ Гедвигѣ съ раскрытымъ сердцемъ, онъ желалъ услышать отъ нея доброе, ласковое слово — она говорила о политикѣ. Гедвига понимала, что въ немъ происходило; она не чувствовала себя оскорбленной, нѣтъ, она чувствовала больше всего состраданіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала, что должна высказать голую истину. Поэтому она сказала мягкимъ тономъ:

— Ему пишутъ изъ Берлина, что въ политическихъ кружкахъ царствуетъ сильное волненіе и что положеніе дѣлъ въ самомъ дѣлѣ весьма серьезно.

— Потому что его желаютъ сдѣлать серьезнымъ, замѣтилъ принцъ, знаемъ мы это!

— Я не понимаю этого, возразила Гедвига, но мнѣ сдается, что для дѣла это все равно и потому...

— Потому....

— И потому я хотѣла дружески просить тебя думать только о дѣлѣ и не позволять твоему ясному взгляду помутиться, вслѣдствіе личныхъ ощущеній.

— А ты сама вполнѣ увѣрена, что дѣйствуешь не подъ вліяніемъ личныхъ ощущеній?

— Но вѣдь дѣло идетъ не обо мнѣ.

— Разумѣется, я совсѣмъ объ этомъ позабылъ.

— Я тебя не понимаю, сказала Гедвига.

— Или не хочешь понимать, возразилъ принцъ, выпуская ея руку и снова обращаясь къ обществу:

— Какъ вы полагаете, господа, не пора ли подумать о возвращеніи. Солнце заходитъ; я боюсь, чтобы холодный воздухъ не повредилъ дамамъ. Прошу васъ, распорядитесь, любезный Цейзель.

Экипажи были поданы. Господа фонъ-Фишбахъ и баронъ Нейгофъ простились вмѣстѣ съ своими дамами; они велѣли своимъ экипажамъ пріѣхать за собой, такъ какъ дорога въ ихъ помѣстья ведетъ черезъ Эрихсталь. Гедвига и Стефанія уже усѣлись въ одинъ изъ экипажей и ожидали, что принцъ сядетъ вмѣстѣ съ ними, какъ вдругъ этотъ послѣдній подозвалъ фонъ-Цейзеля.

— Я желалъ бы услышать мнѣніе маркиза о моемъ хозяйствѣ. Будьте такъ добры сопровождать дамъ.

Въ замокъ общество вернулось довольно поздно, и повидимому сильно утомленное; по крайней мѣрѣ оно не долго оставалось въ чайной комнатѣ и разошлось по своимъ аппартаментамъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

— Ужъ если выдастся свободныхъ четверть часа, то, конечно, нигдѣ такъ пріятно ихъ не проведешь, какъ у васъ, милая Гиппе,—говорила госпожа Целлеръ,—въ вашей великолѣпной бесѣдкѣ, которая съ каждымъ днемъ становится все гуще. Сидишь точно въ горницѣ, а между тѣмъ видишь все, что творится на божьемъ свѣтѣ. У меня сегодня выдалась свободная минутка по хозяйству, такъ мнѣ и захотѣлось провести съ вами четверть часика, если вы ничего лучшаго....

— У старой, бездѣтной женщины, какъ я,... но прошу васъ

садиться, милая сосѣдка,—всегда есть свободное время, сказала Гиппе.

— Старая? повторила Целлеръ, поспѣшно принимая приглашеніе; желала бы я знать, кто изъ насъ можетъ похвалиться такой живостью и свѣжестью, какъ вы; что же касается свободнаго времени, то, конечно, у меня только двое дѣтей, да и тѣ почти взрослые; но посмотрите-ка на нашу Финдельманъ; у нея шестеро дѣтей, изъ которыхъ двое еще не говорятъ, а вотъ и она плетется сюда. Желала бы я знать, откуда у ней берется время.

— Милѣйшіе, добрѣйшіе друзья, заговорила Финдельманъ, какъ поживаете? что подѣлываете? У меня, конечно, нѣтъ минутки свободной, но увидѣвъ, какъ вы здѣсь пріятно прохлаждаетесь, я подумала: чинишь, чинишь бѣлье съ утра до ночи, право есть отчего и устать; большіе въ школѣ, маленькіе спятъ, какихъ-нибудь четверть часика можно и отдохнуть.

— Не угодно ли присѣсть, милая сосѣдка, отвѣчала Гиппе, кто такъ работаетъ, какъ вы, можетъ позволить себѣ отдыхъ.

— Къ тому же, сидѣть въ тѣсныхъ комнатахъ, и при этой жарѣ! продолжала Финдельманъ. Хорошо нашей милой Кёрнике на просторной, прохладной фабрикѣ. Но вотъ ужъ правду сказать, легка на поминѣ! Да, такъ точно... сюда идетъ наша милая Кёрнике.

— Да, дѣйствительно, это она, замѣтила Целлеръ. Каково было идти эту длинную дорогу по солнцу! что привело ее сюда?

— Да, вамъ хорошо, заговорила Кёрнике, входя въ бесѣдку съ корзиночкой въ рукахъ, запыхавшись и вся красная.

— Не угодно ли присѣсть, милая Кёрнике, промолвила Гиппе.

— Только на одну минутку, отвѣчала Кёрнике; благодарю, благодарю, мнѣ здѣсь отлично; да, вамъ хорошо; вы можете видѣться и бесѣдовать другъ съ другомъ, когда вамъ вздумается; обо мнѣ же никто не заботится, я могла бы преспокойно умереть и сгнить, а вы бы объ этомъ и не спохватились. Поневолѣ обрадуешься, когда понадобится ѣхать въ городъ за покупками, а дорога на рынокъ какъ разъ проходитъ мимо этого мѣста.

— Вотъ и прекрасно! сказала добрая Гиппе, если дамы позволятъ, то я сейчасъ велю принести содовой воды и сиропу изъ вишень...

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста... не безпокойтесь... не хлопочите, сдѣлайте одолженіе, закричали разомъ всѣ три дамы.

— Все это у меня подъ рукой, отвѣчала добрая Гиппе, живя въ аптекѣ, знаете...

Содовая вода и сиропъ изъ вишень были принесены, стаканы наполнены и почти уже опорожнены, а въ бесѣдкѣ все еще царствовало молчаніе, еще болѣе удручавшее благодаря случайнымъ, равнодушнымъ замѣчаніямъ на счетъ жаркой погоды, которая такъ внезапно наступила.

— Никто не видѣлъ въ послѣдніе дни нашу любезную совѣтницу? спросила Кёрнике.

Остальныя три дамы перевели духъ.

— А что? возразила Финдельманъ, выказывая присутствіе духа, которое, по мнѣнію Целлеръ, могло только сравняться съ мужествомъ, съ какимъ Кёрнике нарушила очарованіе.

— Нѣтъ, я такъ, отвѣчала Кёрнике. Я вѣдь живу внѣ міра и никого не вижу и ничего не знала бы, еслибы Визебрехтъ не была у меня вчера. Ну, признаюсь, наслушалась-таки я; вѣдь она цѣлый божій день не закрываетъ рта ни на секунду. Но, конечно, нельзя положиться на то, что она вообще говоритъ, а если изъ того, что она вчера разсказывала, половина правды, то я могу только сказать одно: я полагаю, что добрая совѣтница серьезно рехнулась.

— Кёрнике, Кёрнике! проговорила Гиппе съ кроткимъ упрекомъ.

— Это было бы ужасно, сказала Целлеръ, поглядывая на Финдельманъ.

— Но въ чемъ же дѣло? спросила Финдельманъ, мѣшая ложечкой въ стаканѣ.

— Ахъ! пожалуйста не притворяйтесь, будто вы ничего не знаете, продолжала Кёрнике. Третьяго дня Визебрехтъ работала у васъ, милая Финдельманъ, четвертаго дня у васъ, милая Целлеръ, а суббота кажется вашъ день, милая Гиппе? Въ пятницу она была въ послѣдній разъ у совѣтника, и чтобы послѣ этого вы давно не слыхали всего, не знали всего, чего мнѣ, мелкой букашкѣ, влачащей свое существованіе на уединенной фабрикѣ, не приходится знать и слышать?

— Ну, отвѣчала Гиппе, мы будемъ откровенны и не станемъ сердить нашу милую Кёрнике, какъ будто мы дѣйствительно ничего не слыхали. Но вѣдь Визебрехтъ такая ужасная сплетница и одному говоритъ одно, другому другое; кто знаетъ, насколько тутъ правды.

— Конечно, кто это знаетъ, замѣтила Целлеръ.

— Вотъ причина, почему я ничего не говорила, вставила свое слово Финдельманъ.

— Ну, а я скажу, перебила Кёрнике; потому что мало толку, если мы будемъ ходить вокругъ да около, а меня знаютъ достаточно и мнѣ плевать, если я и проврусь.

— Да, да, подхватили три дамы, разскажите милая Кёрнике!

— Ну такъ, слушайте, начала Кёрнике. Визебрехтъ отправилась въ пятницу, въ обыкновенное время туда, какъ вдругъ попадается ей на встрѣчу совѣтница въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ и большомъ чепцѣ съ пунцовыми лентами. И это въ восемь часовъ утра, замѣтьте! Ну, вотъ она заговорила: любезная Визебрехтъ, да и повела такія рѣчи, что Визебрехтъ не знала, какъ ей быть—смѣяться или бѣжать за докторомъ Штрупомъ. А комната-то полнехонька шкатулокъ, ящиковъ съ лентами и всякаго рода бездѣлушками и она стала показывать всѣ эти вещи одну за другой, приговаривая: не правда ли, это пристанетъ къ моей Лизѣ; а Визебрехтъ говоритъ, что так было добра по крайней мѣрѣ на двѣсти талеровъ и все такое хорошее, точно для какой-нибудь принцессы.—Когда же будетъ свадьба? спросила Визебрехтъ. Когда Богу будетъ угодно, отвѣчала совѣтница, складывая руки.—Разумѣется, замѣтила Визебрехтъ; а можно спросить, кто собственно счастливый избранный: господинъ фонъ-Цейзель или господинъ докторъ?—Совѣтница оглядѣла Визебрехтъ съ ногъ до головы и съ головы до ногъ, да и говоритъ: я полагаю, милая, что пора и за работу. При этомъ она вытащила изъ большого картона кусокъ зеленаго бархату и говоритъ: видали ли вы что-нибудь подобное?—Да это точь-въ-точь, какъ амазонка госпожи Гедвиги! вскричала Визебрехтъ.—Не правда ли? сказала совѣтница; это тоже изъ Берлина; здѣсь у насъ ничего подобнаго не достанешь.

— Глупости! вскричала Целлеръ съ сердцемъ; бархатъ, который мы получаемъ...

— Я разсказываю о томъ, что знаю, милая Целлеръ, если вамъ лучше извѣстно, такъ говорите вы.

— Разскажите поочереди, мои милыя, замѣтила Гиппе.

— Дальше, дальше! закричала Финдельманъ.

— Для кого же это, спрашиваетъ Визебрехтъ,—продолжала Кёрнике, бросивъ торжествующій взглядъ на Целлеръ;—для кого же это? вы вѣрно выписали это для госпожи Гедвиги? Будь такъ добра, подойди сюда, милое дитя, говоритъ Иффлеръ; и вотъ изъ сосѣдней комнаты—гдѣ она играла на фортепьяно и пѣла—является Лизхенъ въ новомъ какъ съ иголочки голубомъ шелковомъ пенюарѣ съ желтыми лентами и спрашиваетъ: что прикажете, многоуважаемая мама?—Визебрехтъ говоритъ, что усли-

шалъ, какъ они такъ между собой разговариваютъ, она боялась, какъ бы съ ней не случилось удара. Но это были только цвѣточки, а ягодки оказались впереди: представьте, вѣдь это дѣйствительно оказалась амазонка для Лизхенъ, и Визебрехтъ, хотя она никакого понятія не имѣла, какъ за это взяться, пришлось ее кроить и онѣ весь день просидѣли за ней, а совѣтникъ раза два заглядывалъ къ нимъ и всякій разъ уходя цѣловалъ у Лизхенъ руку и разъ Визебрехтъ слышала, какъ онъ ей сказалъ: не забудь только своего стараго отца!—А за обѣдомъ...

— Да, перебила Целлеръ, это всего глупѣе; добрая старая Визебрехтъ уже двадцать лѣтъ какъ вхожа въ домъ у совѣтника, каждую пятницу обѣдала за ихъ столомъ, и не знаю сколько пудовъ соли съѣла съ ними, и вдругъ они ей говорятъ: милая моя, вы конечно поймете, что обстоятельства измѣняютъ положеніе, я пришлю вамъ сюда обѣдъ съ Христиной.

— Визебрехтъ передавала мнѣ такъ: горничная подастъ вамъ сюда обѣдать,—поправила Финдельманъ;—я знаю навѣрное, потому, что заставила ее два раза мнѣ это повторить.

— Ну, сказала Кёрнике, одно стоитъ другого. Нѣтъ, скажите мои милыя, что же все это означаетъ? по-моему бѣдная женщина съ ума сошла.

— Въ такомъ случаѣ вся семья, значитъ, рехнулась, замѣтила Целлеръ.

— Однако не можетъ же цѣлая семья рехнуться ни съ того ни съ сего, возражала Финдельманъ; всему должны быть причины.

— Не будемъ жестоки, мои милыя, сказала Гиппе, и вмѣстѣ со мной поблагодаримъ Бога за то, что онъ не вводитъ насъ во искушеніе и удаляетъ отъ насъ демона высокомѣрія. Кто знаетъ, что было бы съ нами, еслибы и мы удостоились такой чести, какъ семейство совѣтника.

— Что касается этого, возразила Целлеръ, то имъ нечего особенно чваниться: они были всего одинъ разъ въ замкѣ, въ самомъ началѣ...

— И затѣмъ баста! докончила Финдельманъ.

— Я охотно допускаю, что они ежедневно тамъ бываютъ, сказала Кёрнике и нимало не завидую имъ, потому что вовсе не желаю попасть въ Содомъ и Гоморру.

— Вы никогда не скажете добраго слова про господъ, замѣтила Целлеръ.

— Какое мнѣ дѣло до господъ! вскричала Кёрнике, мы всѣ происходимъ отъ Адама и Евы.

— Однако, милая Кёрнике! сказала Гиппе, поднимая кверху указательный палецъ, въ видѣ предостереженія.

— Ну вотъ, развѣ это неправда? возразила Кёрнике. Но здѣсь повторяется старая исторія: я высказываю то, что вы думаете. И если говорю: не все то золото, что блеститъ,—то и меня очень хорошо понимаете.

— Дитрихъ извѣстный враль, сказала Финдельманъ.

— И говоритъ теперь какъ разъ противоположное тому, что разсказывалъ недавно, замѣтила Целлеръ. Тогда онъ толковалъ про графа, теперь про доктора...

— А завтра будетъ толковать про чужого господина изъ Парижа, перебила Кёрнике. Ну, да это мнѣ все равно, моей ноги тамъ не было и не будетъ.

— Какъ, даже въ день рожденія его свѣтлости, шестнадцатаго? спросила Гиппе.

— Такъ меня мужъ и пуститъ? сказала Кёрнике.

— Но вамъ никакъ нельзя отказаться, замѣтила Финдельманъ.

— Нѣтъ, конечно нѣтъ, сказала Целлеръ. Вы знаете, что мы вовсе не особенно ухаживаемъ за дворомъ, но...

— Мой мужъ и я не хотимъ знать ни объ какомъ дворѣ, отвѣчала Кёрнике, выставляя при этомъ на показъ свои бѣлые зубы.

— Милая Кёрнике, начала Гиппе съ нѣкоторою торжественностью; не примите этого въ худую сторону, но вы еще молодая женщина и всего какихъ-нибудь четыре мѣсяца живете здѣсь, я же женщина старая и родилась въ Ротебюлѣ, вотъ въ этомъ самомъ нашемъ домѣ. И съ тѣхъ поръ, какъ я только себя помню, его свѣтлость въ день своего рожденія всегда давалъ большой балъ въ зáмкѣ, который мы привыкли называть почетнымъ баломъ, потому что мы, почетныя здѣшнія дамы, всѣ безъ исключенія приглашались на него вмѣстѣ съ нашими взрослыми дочерьми; и сколько я знаю, до сихъ поръ никто и никогда не отказывался отъ этого приглашенія, развѣ только умиралъ или тяжко заболѣвалъ въ промежутокъ между двѣнадцатымъ, когда разсылались пригласительные билеты, и шестнадцатымъ, когда давался балъ.

— Но когда мой мужъ не хочетъ? сказала Кёрнике, на которую это воззваніе, повидимому, сдѣлало нѣкоторое впечатлѣніе.

— Онъ захочетъ, утѣшала Гиппе.

— Ну, мы увидимъ, сказала Кёрнике, беря въ руки корзиночку, которую-было поставила на столъ; но я, по крайней мѣрѣ, знаю, къ чему Лизхенъ шьетъ себѣ амазонку.

— Въ самомъ дѣлѣ, вскричали всѣ три дамы разомъ.

— Она готовитъ ее къ почетному балу, который будетъ шестнадцатаго числа, продолжала Кёрнике. Въ сѣрыхъ глазахъ ея зажглась насмѣшка.

Всѣ три дамы въ смущеніи поглядѣли другъ на друга.

— Возможно ли? спросила Целлеръ.

— У нихъ все возможно, возразила Финдельманъ.

— Добраго утра! сказалъ господинъ фонъ-Цейзель.

Дамы были до того погружены въ свою бесѣду, что не слыхали лошадинаго топота; между тѣмъ всадникъ шагомъ выѣхалъ изъ тѣнистой боковой улицы, которая вела изъ долины Эрихсталь, обогнулъ уголъ рыночной площади и подъѣхалъ къ трактиру подъ вывѣской «Золотая насѣдка». Здѣсь всадникъ слѣзъ съ лошади, но не вошелъ въ домъ, а поручилъ своего гнѣдого трактирному слугѣ, а самъ направился черезъ площадь, мимо бьющаго фонтана, прямо къ аптекѣ, подъ вывѣской «Лебедя», и тамъ въ бесѣдкѣ острые глаза его разглядѣли женскія платья.

— Какая удача, заговорилъ фонъ-Цейзель, поочередно раскланиваясь съ дамами и пожимая имъ руки; трудно было бы представить себѣ что-нибудь удачнѣе. Многоуважаемая г-жа Кёрнике, вы весьма обяжете меня, если поставите на столъ свою корзинку. Вы никакъ не должны уходить, никто изъ васъ не долженъ уходить, иначе мнѣ пришлось бы у всѣхъ васъ перебывать, потому что мнѣ нужно переговорить со всѣми вами. Позвольте мнѣ, многоуважаемая г-жа Гиппе, на минуту присѣсть къ вамъ. Но, ради Бога, не безпокойтесь, сударыня! Многоуважаемая г-жа Гиппе, умоляю васъ, оставьте себѣ вашъ стулъ, мнѣ здѣсь отлично... Ахъ! какъ пріятно отдохнуть послѣ долгаго пути!

И кавалеръ усѣлся на верхней изъ трехъ ступенекъ, которыя вели въ бесѣдку и такъ дружелюбно глядѣлъ на барынь своими голубыми глазами, что Кёрнике безъ дальнѣйшихъ околичностей поставила свою корзинку обратно на столъ, а Финдельманъ и Целлеръ совершенно позабыли, что ихъ застали съ непокрытой головой и въ утреннемъ неглиже, и даже сама скромная аптекарша Гиппе пожелала въ душѣ, чтобы весь Ротебюль прошелся мимо аптеки и увидѣлъ придворнаго кавалера его свѣтлости, сидящаго на порогѣ ея бесѣдки.

— Ну-съ, сударыни, сказалъ фонъ-Цейзель, вамъ извѣстно, что я самый плохой дипломатъ въ мірѣ, а поэтому вы должны извинить, если я прямо обращаюсь къ вамъ съ моей просьбой, не прибѣгая къ длиннымъ предисловіямъ. Шестнадцатаго числа день рожденія его свѣтлости; что балъ будетъ, что всѣ дамы

будутъ приглашены—считаю лишнимъ объ этомъ говорить; это само собой разумѣется. А въ интересахъ его свѣтлости осмѣливаюсь разсчитывать, что всѣ дамы примутъ приглашеніе, потому что принцъ былъ бы несчастливъ, еслибы хотя одна изъ нихъ не пріѣхала.

Здѣсь взоры всѣхъ трехъ дамъ съ вѣрноподданническими чувствами устремились на Кёрнике, которая покраснѣла до самыхъ ушей.

— Его свѣтлость такъ необычайно добръ, замѣтила Гипше.

— Благодарю васъ, многоуважаемая госпожа Гипше—отвѣчалъ кавалеръ; благодарю васъ, сударыни. Но я пріѣхалъ и затѣмъ только, чтобы получить ваше дружеское согласіе. На этотъ разъ празднество будетъ происходить при чрезвычайныхъ, такъ сказать, обстоятельствахъ. Небольшое общество людей, окружающихъ обыкновенно его свѣтлость, значительно увеличилось, вслѣдствіе пребыванія въ зáмкѣ берлинскихъ господъ и пріѣзда гостей изъ Парижа, которые вчера, когда мы проѣзжали черезъ Ротебюль, восхищались красотой нашего городка, сударыни; поэтому его свѣтлость желаетъ, чтобы на празднествѣ, такъ сказать, отразилась эта перемѣна въ обстоятельствахъ и чтобы оно, соотвѣтственно тому, приняло бóльшіе размѣры. И прежде всего дѣло идетъ о томъ, чтобы разослать на этотъ разъ больше пригласительныхъ билетовъ, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалось. Его свѣтлость предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій, но я чувствовалъ бы себя совсѣмъ неловко, еслибы дамы не оказали мнѣ своего содѣйствія. Поэтому, я прошу взять на себя трудъ указать мнѣ тѣхъ изъ дамъ Ротебюля, которыя до сихъ поръ не получали приглашеній, но на этотъ разъ и, быть можетъ, вообще на будущее время должны получать ихъ. При вашемъ короткомъ знакомствѣ съ здѣшними отношеніями, мнѣ кажется, это не можетъ особенно затруднить васъ. Могу я надѣяться на васъ, сударыни?

Всѣ четыре дамы поглядѣли другъ на друга.

— Можно было бы, пожалуй, пригласить госпожу Кернеръ, сказала Целлеръ, размышляя.

— Ради Бога! вскричала Финдельманъ, что это вы вздумали?

— Почему же нѣтъ? замѣтилъ фонъ-Цейзель, весьма достойная дама... Намъ не слѣдуетъ быть слишкомъ разборчивыми. Итакъ, жену фермера, г-жу Кернеръ.

Онъ отмѣтилъ имя въ своей записной книжкѣ.

— Ну, когда такъ, то конечно и г-жу Блуме, сказала Финдельманъ.

— Ради Бога! вскричала Целлеръ, жену садовника!

— Хорошо извѣстнаго его свѣтлости! замѣтилъ кавалеръ. Не будемъ исключительными, сударыня! отмѣтимъ: жена садовника, госпожа Блуме.

— Ну, тогда нельзя обойти и добрую Гейнцъ, сказала добрѣйшая Гиппе.

— Ради Бога! вскричала Целлеръ и Финдельманъ.

— Почтимъ среднее сословіе сударыня, сказалъ фонъ-Цейзель. Итакъ: жену придворнаго пекаря Гейнцъ; ну, и уже чтобы угодить всѣмъ, позвольте мнѣ записать жену придворнаго мясника Гуммеля. Эти четыре дамы съ ихъ дочерьми составятъ въ итогѣ десять персонъ,—этого достаточно для начала. Быть можетъ, дамы выберутъ еще нѣсколько именъ, въ такомъ случаѣ я прошу сдѣлать мнѣ одолженіе прислать списокъ завтра рано утромъ, чтобы пригласительные билеты могли поспѣть къ двѣнадцатому. Но, сударыни, я еще не кончилъ. У меня еще цѣлый запасъ просьбъ. Итакъ, нумеръ второй: балъ начинается въ 6 часовъ, какъ обыкновенно, и оканчивается въ 9, какъ и всегда. Послѣ бала большая иллюминація...

— Ахъ! вскричали дамы въ одинъ голосъ.

— Террасы сада и оленьяго парка, продолжалъ фонъ-Цейзель. Я разсчитываю при этомъ на нѣкоторый эффектъ и надѣюсь, что общество, которое, выйдя изъ залы, отправится гулять въ любую изъ освѣщенныхъ аллей, будетъ пріятно изумлено; поэтому я покорнѣйше прошу васъ, сударыни, содержать въ тайнѣ эту часть программы. Въ промежутокъ, около половины восьмого, будетъ маленькое представленіе, относительно котораго я еще не вполнѣ порѣшилъ самъ съ собою и поэтому оставляю его пока въ сторонѣ, и перехожу къ небольшому привѣтствію, которое одна изъ дамъ должна сказать его свѣтлости, когда онъ войдетъ въ залу. Эту роль я покорнѣйше прошу госпожу Кёрнике взять на себя.

— Меня? вскричала Кёрнике, замѣтно испугавшись.

— Васъ, многоуважаемая госпожа Кёрнике, повторилъ фонъ-Цейзель. Стихотвореніе, которое кстати принадлежитъ мнѣ, будетъ вовсе не длинно.

— Но почему же именно меня? возразила Кёрнике въ неописанномъ смущеніи, мой мужъ...

— Какъ разъ потому самому, сказалъ кавалеръ. Стихотвореніе заявляетъ о преданности къ особѣ его свѣтлости, и выразить такое личное, свободное отъ всякихъ другихъ интересовъ и отношеній заявленіе приличнѣе всего супругѣ человѣка, который, какъ господинъ Кёрнике—извините за выраженіе—извѣ-

стенъ своимъ крайнимъ политическимъ направленіемъ. Не говоря уже о томъ, многоуважаемая госпожа Кёрнике, что вы обладаете всѣми необходимыми качествами для подобной роли: голосомъ, выраженіемъ, молодостью и прекраснѣйшей наружностью; не произношу слова «красота», потому что изъ моихъ устъ оно можетъ показаться вамъ оскорбительнымъ. Да, скажу еще болѣе: его свѣтлость сочтетъ за особенное вниманіе, если супруга нашего перваго фабриканта будетъ привѣтствовать его, который принимаетъ такъ близко къ сердцу благосостояніе Ротебюля; онъ и высказался мнѣ въ этомъ смыслѣ.

— Это большое отличіе, сказала Целлеръ.

— Необыкновенная честь, подхватила Финдельманъ.

— Я полагаю, милая Кёрнике, что вамъ нельзя и думать отказаться, замѣтила Гиппе.

— Я бы съ удовольствіемъ согласилась, отвѣчала Кёрнике, почти со слезами; добрый старый принцъ! онъ всегда такъ дружелюбно раскланивается; а меня еще и въ школѣ всегда заставляли декламировать стихи; но мой мужъ...

— Предоставьте это мнѣ, многоуважаемая г-жа Кёрнике, сказалъ фонъ-Цейзель, съ своего неудобнаго сидѣнья. До сихъ поръ я выполнилъ только часть моей программы и именно ту, которая касается дамъ, а теперь потороплюсь къ кавалерамъ.

— Я полагаю, что вы ихъ всѣхъ найдете въ «Золотой насѣдкѣ». Теперь тотъ часъ, когда тамъ собираются передъ обѣдомъ, сказала Гиппе.

— Много обязанъ, отвѣчалъ кавалеръ. Покорнѣйше благодарю, сударыни; честь имѣю кланяться и прошу почтенный комитетъ—осмѣлюсь такъ назвать васъ, многоуважаемыя госпожи—заранѣе извинить меня, если въ теченіи этихъ дней я не одинъ разъ его побезпокою.

Фонъ-Цейзель снова пожалъ всѣмъ дамамъ руку по очереди, поклонился, вышелъ изъ бесѣдки, еще разъ махнулъ шляпой и затѣмъ энергически воскликнувъ: «слава тебѣ Господи, съ однимъ теперь покончено!» надѣлъ ее на голову и пошелъ черезъ рыночную площадь, залитую солнцемъ, мимо столѣтнихъ деревьевъ, по направленію къ «Золотой насѣдкѣ».

Подойдя довольно близко къ дому, фонъ-Цейзель, къ немалому изумленію своему, увидѣлъ Розеля, выходившаго изъ раскрытыхъ настежъ дверей. Какъ только Розель замѣтилъ кавалера, онъ принялся съ большимъ вниманіемъ поглядывать на небо, на которомъ не видно было ни малѣйшаго облачка и затѣмъ проскользнулъ за три или четыре деревенскихъ фуры, стоявшихъ распряженными передъ домомъ.

Фонъ-Цейзель прекрасно замѣтилъ этотъ маневръ, а потому сказалъ: Bonjour, monsieur Rosel.

— Ахъ! отвѣчалъ Розель, monsieur de Zeizel, здѣсь, въ этотъ часъ!

— Господинъ Розель здѣсь, въ этотъ часъ! повторилъ Цейзель.

— Какой миленькій городъ! заговорилъ Розель. Церковь построена въ пятнадцатомъ столѣтіи; путешественникъ, знаете ли, любитель архитектуры... долженъ пользоваться временемъ.

— Когда такъ, то я не хочу далѣе задерживать васъ, сказалъ кавалеръ, вѣжливо приподнимая шляпу.

— Я сообщу вамъ мои наблюденія за обѣдомъ, замѣтилъ Розель, не менѣе вѣжливо отвѣчая на вѣжливый поклонъ.

— Странно, сказалъ Цейзель и остановился на минуту передъ пріемной, изъ полуоткрытыхъ дверей которой доносился порядочный шумъ, точно бесѣдовавшіе въ ней посѣтители вступили въ жаркій споръ.

Въ самомъ дѣлѣ засѣданіе, которое обыкновенно продолжалось всего какихъ-нибудь полчаса, сегодня затянулось на цѣлый часъ. При этомъ газеты, прибывшія вчера вечеромъ, и сегодня по утру переходили изъ рукъ въ руки; статья, о которой шла рѣчь, неоднократно была прочитана вслухъ, а содержаніе ея разобрано по ниточкѣ. Совсѣмъ тѣмъ разноголосица во мнѣніяхъ не прекращалась. Кёрнике утверждалъ, что если дѣло дойдетъ до войны между Франціей и Германіей, то его, какъ республиканца, это нисколько не касается; Целлеръ и Финдельманъ съ жаромъ оспаривали такую политику; хозяинъ, стоявшій возлѣ нихъ, засунувъ пальцы за жилетъ, не высказывался ни за ту, ни за другую сторону, а добрякъ Гиппе напрасно пытался умиротворить расходившіеся умы. Мужчины разгорячались все болѣе и болѣе, кричали все громче и громче и совсѣмъ не замѣчали, что уже давно не были одни, но что секретарь французскаго гостя въ за̀мкѣ усѣлся за столъ, недалеко отъ двери, и скромно поджидалъ, пока хозяинъ соблаговолитъ обратиться къ нему и, исполняя его желаніе, подастъ ему кружку превосходнаго ротебюльскаго пива.

— Прошу извинить, сказалъ иностранецъ, мое имя Розель; я сопровождаю маркиза де-Флорвилль, который въ настоящее время гоститъ у его свѣтлости въ за̀мкѣ... Прошу извинить, если я помѣшалъ вамъ, господа, своимъ присутствіемъ и не совсѣмъ приличнымъ, быть можетъ, вниманіемъ, съ какимъ я слѣдилъ за вашими интересными преніями. Но мы, эльзасцы, не настолько чужды нашего стараго отечества, чтобы разучиться

его языку и не чувствовать сердечной симпатіи какъ къ языку, такъ и ко всему, что̀ волнуетъ нѣмецкія сердца и занимаетъ нѣмецкія головы. Поэтому я дружески прошу васъ, господа, продолжать бесѣду и быть убѣжденными, что все сказанное здѣсь найдетъ отголосокъ въ моемъ сердцѣ.

Трое изъ господъ сочли себя обязанными возразить на эти дружескія слова приглашеніемъ иностранцу занять мѣсто за ихъ столомъ, но Кёрнике вскричалъ:

— Не сочтите себѣ за обиду, господинъ Розель,—такъ кажется ваше имя,—но я не охотно говорю о такихъ вещахъ съ человѣкомъ постороннимъ и поэтому полагаю, что мы лучше сдѣлаемъ, если оставимъ этотъ предметъ и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Я не желаю ни подъ какимъ видомъ мѣшать вамъ, господа, возразилъ Розель, и поэтому лучше удалюсь.

— Я точно также могу уйти, сказалъ Кёрнике, вставая.

— Въ такомъ случаѣ вы дѣйствительно принуждаете меня выйти изъ комнаты, отвѣчалъ Розель и, не допивъ своего пива, съ вѣжливымъ поклономъ удалился изъ комнаты.

— Это очень скверно съ вашей стороны! замѣтилъ Фидельманъ.

— Что подумаетъ о насъ этотъ человѣкъ? вскричалъ Целлеръ.

— Гостепріимство слѣдуетъ уважать, сказалъ Гиппе.

— И не гнать изъ трактира посѣтителей, вмѣшался хозяинъ, которымъ и безъ того ближе къ «Тремъ Форелямъ», хотя там они никогда не получатъ порядочнаго ротебюльскаго пива.

И такъ какъ всѣ четверо налетѣли разомъ на Кёрнике, и желая возбудить вниманіе къ своимъ словамъ кричали во все горло, кричалъ и Кёрнике, напрасно силившійся высказаться и только повторявшій: господа! господа! — то изъ всего этого возникъ такой гвалтъ, что оглушилъ фонъ-Цейзеля, вошедшаго въ пріемную черезъ растворенную дверь.

— Господа! вскричалъ еще разъ Кёрнике, громче прежняго.

— Слушайте! слушайте! сказалъ Цейзель.

Кёрнике умолкъ, но кавалеръ, усѣвшись безъ дальнѣйшихъ околичностей на стулъ возлѣ стола, просилъ его продолжать.

— Я очень люблю слушать рѣчи, господинъ Кёрнике, а вы вѣдь славитесь, какъ прекрасный ораторъ.

— Вы слишкомъ добры, господинъ фонъ-Цейзель! сказалъ Кёрнике; но этихъ негровъ мнѣ едва-ли удастся отмыть добѣла.

— Неужели эти господа такъ черны, возразилъ фонъ-Цей-

зель, съ лукавой внимательностью осматривая тѣхъ, о комъ шла рѣчь.

— Это мнѣ все же пріятнѣе, чѣмъ быть краснымъ, сказалъ насмѣшливо Финдельманъ.

— И онъ же первый всегда вступался за французовъ, замѣтилъ Целлеръ.

— А теперь выгналъ француза за дверь, вмѣшался хозяинъ.

— Я не выгонялъ его за дверь, закричалъ Кёрнике, напротивъ, я самъ хотѣлъ уйти, потому что видѣлъ, что вы готовы полоскать свое грязное бѣлье въ присутствіи француза.

— Однако я покорнѣйше прошу, сказалъ Финдельманъ, въ присутствіи господина фонъ-Цейзеля воздержаться....

— Мнѣ все равно! кричалъ Кёрнике, еслибы и самъ старый господинъ былъ здѣсь. Когда мы между собой, то можемъ говорить все, что вздумаемъ; каждый знаетъ, какъ ему понимать другого и что, въ случаѣ крайности, каждый вступится за другого, точно также, какъ я бы, напримѣръ, побѣжалъ тушить пожаръ, еслибы у Финдельмана загорѣлось, а Финдельманъ точно также побѣжалъ бы тушить пожаръ на фабрику къ Кёрнике; такимъ образомъ всѣ мы здѣсь четверо стоимъ другъ за друга, да и весь Ротебюль также, да и вся Германія, смѣю думать. Но французъ этого не знаетъ и не думаетъ. Онъ думаетъ, что если мы здѣсь препираемся въ словахъ и одинъ другому, такъ сказать, мылимъ голову, то все это слѣдуетъ принимать за чистую монету и что мы въ самомъ дѣлѣ готовы другъ другу выцарапать глаза. Ну, а этихъ мыслей у нихъ не слѣдуетъ допускать, и особенно теперь, когда они опять на насъ лаютъ, какъ вотъ здѣсь въ газетѣ и какъ я своими ушами слышалъ, когда въ 1867-мъ году, во время люксембурскаго вопроса, путешествовалъ по Франціи, гдѣ меня такъ дразнили, что мнѣ хотѣлось драться, да я и подрался раза два, при чемъ меня порядкомъ вздули; гдѣ же управиться одному противъ семерыхъ; ну-съ, а затѣмъ прощайте, господа.

— Останьтесь, господинъ Кёрнике! вскричалъ фонъ-Цейзель, переступая разсерженному барину дорогу. Я не отпущу васъ прежде, чѣмъ вы не сдѣлаете мнѣ честь чокнуться со мной. Да, господинъ Кёрнике, я поставляю себѣ за честь выпить съ человѣкомъ вашихъ мыслей.

— Ну, ну! сказалъ Кёрнике, чокаясь съ кавалеромъ, все прежнее остается какъ было.

— Конечно, конечно, возразилъ фонъ-Цейзель, только бы мы знали, что для насъ всѣхъ существуетъ единая Германія, единое отечество.

— Да, да! да здравствуетъ Германія! вскричалъ Кёрнике съ восторгомъ.

— И его свѣтлость, нашъ всемилостивѣйшій принцъ! прибавилъ фонъ-Цейзель.

— Пожалуй! сказалъ Кёрнике, послѣ нѣкотораго раздумья.

— И такъ какъ я засталъ васъ, господа, всѣхъ вмѣстѣ и въ такомъ любезномъ настроеніи, то я воспользуюсь этимъ обстоятельствомъ и передамъ вамъ нѣкоторыя подробности о днѣ рожденія его свѣтлости, которыя, я полагаю, васъ всѣхъ равно заинтересуютъ.

Фонъ-Цейзель познакомилъ съ своими планами всѣхъ присутствующихъ. Существовалъ древній обычай, по которому городскіе музыканты привѣтствовали принца утренней серенадой; но полдюжины музыкантовъ, которыхъ, при всемъ усердіи, удавалось собрать, въ самомъ удачномъ случаѣ не производили особеннаго эффекта; между тѣмъ фонъ-Цейзель не сомнѣвается, что эффектъ былъ бы вполнѣ достигнутъ, еслибы ротебюльское общество любителей пѣнія, столь извѣстное своимъ искусствомъ, приняло участіе въ серенадѣ и исполнило пьесы три, относительно которыхъ очень легко условиться. Какого мнѣнія объ этомъ присутствующіе и особенно господинъ Кёрнике, который, какъ извѣстно, имѣетъ — при этомъ фонъ-Цейзель улыбнулся — наиболѣе значенія въ обществѣ любителей пѣнія?

— Если это доставитъ удовольствіе старику — то-есть его свѣтлости, то я не прочь, сказалъ Кёрнике.

— Итакъ, рѣшено! воскликнулъ господинъ фонъ-Цейзель, и я благодарю васъ заранѣе! Теперь номеръ второй.

Номеръ второй: депутація для поздравленія съ днемъ рожденія; депутація состояла обыкновенно прежде только изъ стараго бургомистра и городского священника; на этотъ разъ желательно, чтобы въ ней приняли участіе представители города, и если возможно, также ремесленники, хотя этого и нельзя порѣшить здѣсь на мѣстѣ, потому что объ этомъ должно переговорить съ упомянутыми лицами. Присутствующіе обѣщали свое содѣйствіе и вообще выразили готовность употребить все свое вліяніе, чтобы депутація осуществилась въ томъ видѣ, въ какомъ желаетъ господинъ фонъ-Цейзель.

— Въ такомъ случаѣ она и осуществится, сказалъ фонъ-Цейзель. Кому неизвѣстно, что вы четверо, здѣсь присутствующіе, держите въ рукахъ весь Ротебюль! Остальное, что я бы могъ вамъ сообщить, господа, вы узнаете отъ вашихъ женъ, согласіемъ которыхъ я уже заручился. Что касается фейерверка,—да, господа, фейерверка! блистательнаго фейерверка, при чемъ я

прошу содѣйствія нашего уважаемаго господина Гиппе,—и маленькой серенады,—такъ какъ ею, можетъ быть, приличнѣе всего закончить торжественный день, и нашъ почтенный господинъ Кёрнике, конечно, также не откажетъ въ своемъ содѣйствіи, — мы объ этомъ и о другомъ еще поговоримъ, когда мнѣ снова выдастся свободный часъ. А теперь мнѣ давно пора ѣхать, да вотъ кстати и подводятъ моего гнѣдого.

Фонъ-Цейзель пожалъ руку всѣмъ присутствующимъ, сѣлъ на лошадь и кивнулъ еще разъ, уже сидя на сѣдлѣ, обществу, которое вышло проводить его за двери «Золотой Насѣдки», поклонился, проѣзжая черезъ базарную площадь, дамамъ, засѣдавшимъ еще въ полномъ сборѣ въ аптекарской бесѣдкѣ и скрылся въ узкомъ переулкѣ, который выходилъ на шоссе, ведущее въ гору къ зàмку.

Шоссе, при выѣздѣ изъ Ротебюля, довольно круто поднималось въ гору; но это была не единственная причина, почему кавалеръ пустилъ своего бойкаго коня шагомъ вдоль сливныхъ деревъ, бросавшихъ жидкую тѣнь. До сихъ поръ, сверхъ ожиданія, все шло прекрасно; но между Ротебюлемъ и зàмкомъ находился домъ совѣтника канцеляріи и хотя, отправляясь въ Ротебюль, онъ миновалъ его, для чего сдѣлалъ значительный крюкъ, но теперь, избравъ прямую дорогу, онъ не могъ этого сдѣлать, тѣмъ болѣе, что самая затруднительная часть задачи, принятой имъ на себя, могла разрѣшиться только въ этомъ домѣ.

Конечно, дѣло, о которомъ шла рѣчь, въ сущности не было особенно трудно: онъ хотѣлъ просить Элизу Иффлеръ появиться вечеромъ, въ извѣстный моментъ, когда принцъ, въ сопровожденіи своего общества, отправится гулять по освѣщенному парку, изъ лебединаго грота въ бѣломъ платьѣ, убранномъ водяными растеніями и лиліями, съ распущенными волосами, въ видѣ нимфы рѣки Роды, и привѣтствовать принца стихотвореніемъ, которое авторъ въ настоящую минуту повторялъ про себя вполголоса и которое въ устахъ Элизы Иффлеръ получитъ, конечно, особую прелесть. Недѣли двѣ тому назадъ не могло быть никакого сомнѣнія въ согласіи; Элиза чувствовала себя созданною для такихъ ролей; госпожа Иффлеръ гордилась бы тѣмъ, что ея дочка появится въ такой роли, а совѣтникъ, несмотря на всю свою сухость, съ радостью созерцалъ бы сквозь свои круглые очки превращеніе дочки въ водяную нимфу. Но въ двѣ недѣли многое можетъ измѣниться, и въ эти послѣднія двѣ недѣли ничто такъ не измѣнилось, какъ отношеніе Оскара Цейзеля къ семейству Иффлеръ. Онъ не чувствовалъ за собой никакой вины; несмотря на то, что со времени пріѣзда гостей въ зàмокъ у

него было дѣла по уши, онъ вначалѣ ежедневно совершалъ свои обычныя посѣщенія въ семейство Иффлеръ, аккуратно приносилъ букеты дамамъ и вообще оказывалъ различныя маленькія услуги, пока, наконецъ, странное обращеніе отца, односложные отвѣты матери и исчезаніе Элизы, какъ скоро онъ показывался въ домѣ, доказали ему самымъ несомнѣннымъ образомъ, что онъ уже пересталъ быть такимъ желаннымъ гостемъ, какъ прежде; мало того, что онъ совсѣмъ пересталъ быть желаннымъ гостемъ. Онъ спросилъ-было у совѣтника, въ чемъ онъ провинился? Совѣтникъ возражалъ, что не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, причины котораго ему непонятны; онъ обратился къ совѣтницѣ съ тѣмъ же самымъ вопросомъ и получилъ тотъ же отвѣтъ; онъ умолялъ Элизу откровенно сказать ему, чѣмъ онъ ее оскорбилъ. Элиза опустила голубые глазки и сказала:

Не спрашивай, не вынуждай признанья,
Мнѣ долгъ велитъ хранить молчанье.

Что́ все это означало? фонъ-Цейзель тщетно ломалъ себѣ голову. Любила ли Элиза доктора? Разсчитывали ли на доктора и теперь хотѣли выместить на немъ то, что докторъ уѣзжаетъ? Но вѣдь не онъ его выживалъ отсюда, да и наконецъ несчастная любовь, обманутая родительская надежда не выражаются такимъ необыкновеннымъ образомъ; кромѣ того, фонъ-Цейзель всегда полагалъ и имѣлъ всѣ основанія полагать, что онъ пользуется предпочтеніемъ. Итакъ, пусть осыпа́ется этотъ цвѣтъ съ дерева моей жизни, сто разъ повторялъ себѣ молодой человѣкъ. Когда пренебрегаютъ Оскаромъ Цейзелемъ, то онъ съумѣетъ утѣшиться; и вотъ онъ задался мыслью, что голубые глаза графини Стефаніи гораздо красивѣе темныхъ глазъ Элизы и началъ сонетъ, въ которомъ «трогательный, нѣжный образъ молодой матери» долженъ былъ освѣщать «мрачную пустыню его жизни»; но голубые глаза Стефаніи слишкомъ часто устремлялись на доктора, минуя фонъ-Цейзеля, и сонетъ остался недоконченнымъ.

— Еще опытъ, сказалъ фонъ-Цейзель, и если онъ не удастся, тогда прости все на вѣки. — Онъ пришпорилъ своего коня и черезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ къ виллѣ совѣтника. Окна въ комнатахъ были раскрыты, но въ нихъ никого не было видно; быть можетъ, дамы въ саду. Фонъ-Цейзель поворотилъ лошадь и проѣхалъ вдоль боковой стороны дома по узкой, маленькой тропинкѣ къ низкому забору сада. Въ саду никого не было. Къ саду прилегало нѣсколько хозяйственныхъ построекъ, за ними находился маленькій лужокъ; на немъ обыкновенно

сушилось бѣлье и для бо́льшей безопасности онъ былъ обнесенъ высокой стѣной, верхній край которой, усыпанный битымъ стекломъ, служилъ угрозой для дерзновенныхъ. Но приподнявшись на стременахъ, можно было заглянуть по ту сторону стѣны. Фонъ-Цейзель, забравшись такъ далеко и слыша голоса по ту сторону стѣны, приподнялся на стременахъ, поглядѣлъ черезъ битое стекло и.... самое необыкновенное зрѣлище, какое ему когда-либо случалось видѣть, предстало передъ его изумленными очами.

Въ тѣни яблони, росшей въ углу, сидѣла госпожа Иффлеръ на низенькой деревянной скамейкѣ, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ пунцовыми лентами и съ вязаньемъ въ рукахъ. Въ противоположномъ углу, пріютившись подъ грушевымъ деревомъ, бросавшимъ жидкую тѣнь, сидѣлъ на стулѣ совѣтникъ, въ лѣтнемъ костюмѣ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями. Между ними, посреди площадки, стоялъ старый садовникъ совѣтника, Габермусъ, держа въ одной рукѣ бичъ, а въ другой веревку, назначеніе которой оставалось вначалѣ непонятнымъ для фонъ-Цейзеля, такъ какъ онъ не могъ видѣть ту часть площадки, куда уходила веревка. Но Цейзель провелъ слишкомъ много времени въ манежѣ, чтобы не догадаться, что эта веревка составляла часть корды, а вся площадка была не что иное, какъ импровизированный манежъ.

— Дѣло идетъ отлично, не правда ли, Иффлеръ? вскричала совѣтница.

— Великолѣпно! отвѣчалъ совѣтникъ.

— А лошадка-то какова? сказалъ Габермусъ, отличная лошадка; она еще не позабыла своихъ артиллерійскихъ штукъ, также какъ и старый Габермусъ, хотя много времени утекло съ тѣхъ поръ. Ну, да вы это сейчасъ увидите!

Габермусъ щелкнулъ бичемъ и вскричалъ протяжнымъ голосомъ: «батарейной рысью!»

И чего фонъ-Цейзель опасался, чего онъ не считалъ возможнымъ, то совершилось: подъ стѣной показалась лошадь, древняя, тощая, разбитая на ноги бѣлая кляча, всегда возбуждавшая хохотъ Цейзеля, когда ему случалось ее видѣть, двигавшаяся совершенно необычайнымъ аллюромъ, представлявшимъ нѣчто среднее между рысью, галопомъ, шагомъ и спотыканьемъ. На ея худой спинѣ, въ странномъ коробѣ, сплетенномъ изъ ивовыхъ прутьевъ и долженствовавшемъ изображать дамское сѣдло, судорожно цѣпляясь за края и, несмотря на то, качаясь взадъ и впередъ какъ былинка, колеблемая вѣтромъ, сидѣла Элиза.... его Элиза, его неоднократно воспѣтая Элиза, въ амазонкѣ темно-

зеленаго бархата, безконечныя складки которой хлопали клячу по ея тощимъ ногамъ; на бѣлокурыхъ волосахъ надѣта была мужская шляпа, на которой уныло развѣвался бѣлый вуаль. Невесело было выраженіе лица Элизы; жара, непривычное напряженіе и быть можетъ не вполнѣ неосновательный страхъ заставили ее сильно раскраснѣться. Она казалась усталой и повидимому готова была расплакаться.

— Ну развѣ она не похожа на ангела! закричала совѣтница изъ-подъ яблони.

— Какъ есть ангелъ! откликнулся совѣтникъ изъ подъ груши.

— Батарейной рысью! гремѣлъ Габермусъ и хлопалъ бичемъ.

— Довольно! стонала Элиза.

— Ничего, привыкнешь, ангелочекъ! вскричала совѣтница.

— Тебѣ слѣдуетъ стать въ уровень съ твоимъ положеніемъ, подхватилъ совѣтникъ.

— Батарейной рысью! гремѣлъ Габермусъ.

— Не могу больше, простонала Элиза.

Фонъ-Цейзель пришелъ въ такое неописанное изумленіе отъ всего, что видѣлъ и слышалъ, что совершенно упустилъ изъ виду, что рискуетъ, приподнимаясь на стременахъ и заглядывая черезъ заборъ, быть замѣченнымъ, въ особенности Элизой, которая, сидя на своей долговязой клячѣ, находилась почти на одинаковой высотѣ съ нимъ. Такъ и случилось. Элиза приподняла свои, полные испуга, глаза, какъ разъ въ ту минуту, когда ее бѣлую лошадь отдѣлялъ только заборъ отъ гнѣдого коня Цейзеля и увидѣла голову Оскара, которая казалась посаженной на битое стекло, какъ бы въ наказаніе и какъ грозный примѣръ для другихъ.

Элиза испустила отчаянный вопль и безъ чувствъ, какъ казалось, повалилась съ своей клячи на траву.

По крайней мѣрѣ фонъ-Цейзель опасался, что это случилось, хотя и не могъ прослѣдить до конца паденіе Элизы. Гнѣдой, которому давно уже надоѣло его положеніе, принялъ отчаянный вопль Элизы за предлогъ къ возмущенію и отпрыгнулъ отъ забора, причемъ фонъ-Цейзеля несомнѣнно постигла бы участь Элизы, не будь онъ такимъ отличнымъ наѣздникомъ. Но и теперь прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ обуздалъ гнѣдого, продѣлывавшаго разныя штуки, и принудилъ его снова подъѣхать къ забору. Но лужайка опустѣла. Цейзель готовъ былъ принять все видѣнное имъ за сонъ въ лѣтній день, еслибы его только клонило ко сну, да еслибы не видѣлъ на помятомъ лугу бича Габермуса, рядомъ съ шляпой и съ вуалемъ Элизы,

а на скамейкѣ подъ яблоней вязанье совѣтницы. Кавалеръ колебался съ минуту, что̀ ему теперь предпринять. Что его и безъ того чрезвычайно напряженныя отношенія къ семейству совѣтника не улучшатся отъ всего происшедшаго — это было ясно. Что сердце Элизы, послѣ того, какъ онъ увидѣлъ ее въ такомъ комическомъ положеніи, не будетъ любовнѣе настроено къ нему — въ этомъ тоже не было ни малѣйшаго сомнѣнія; мало того, Цейзель опасался, зная свою впечатлительность ко всему комическому, что обаяніе поэзіи, до сихъ поръ окружавшее его полевой цвѣтокъ, невозвратно исчезнетъ подъ вліяніемъ смѣшного. Но доброта его вскорѣ взяла верхъ. Быть можетъ, бѣдная дѣвушка гораздо менѣе была виновата въ этомъ дурацкомъ положеніи, чѣмъ ея сумасбродные родители, и во всякомъ случаѣ ему слѣдуетъ освѣдомиться, не ушиблась ли она.

Поэтому онъ поворотилъ гнѣдого, проскакалъ по тропинкѣ обратно къ дому, соскочилъ съ сѣдла, привязалъ лошадь къ рѣшеткѣ и съ рѣшительнымъ видомъ вошелъ въ домъ.

Въ пріемной встрѣтилъ его совѣтникъ съ такимъ разстроеннымъ лицомъ, что фонъ-Цейзель не на шутку испугался и вскричалъ: ради Бога, господинъ совѣтникъ, не случилось ли чего съ Элизой?

— Мадемуазель Иффлеръ чувствуетъ себя вполнѣ хорошо, возразилъ совѣтникъ, я хочу сказать такъ хорошо, какъ только можетъ чувствовать себя молодая особа, пользующаяся невиннымъ развлеченіемъ, подъ бдительнымъ надзоромъ своихъ родителей, и при этомъ....

— Когда за ней не подглядываютъ посторонніе? вскричалъ фонъ-Цейзель. Увѣряю васъ, что я не виноватъ. И онъ разсказалъ, какимъ образомъ онъ очутился у забора.—Спрашиваю васъ, господинъ совѣтникъ, продолжалъ онъ, могъ ли я предполагать, что мадемуазель Элиза, которая никогда не заявляла при мнѣ о желаніи ѣздить верхомъ и еслибы захотѣла учиться этому искусству, то могла бы выбрать любую лошадь изъ конюшни принца, а я лично съ величайшимъ удовольствіемъ далъ бы необходимые уроки.... могъ ли я подозрѣвать, что она....

— Господинъ фонъ-Цейзель, перебилъ совѣтникъ, уважайте волю родителей, которые денно и нощно пекутся о благѣ своего дитяти и лучше знаютъ, каковы ихъ обязанности въ отношеніи ихъ дитяти.... и.... могу сказать.... такого дитяти, какъ Элиза.

— Я нимало не сомнѣваюсь, возразилъ фонъ-Цейзель, въ томъ, что ваши намѣренія превосходны и что вашу дочь ждетъ высокій удѣлъ.

Совѣтникъ поправилъ свои воротнички и пристально поглядѣлъ на кавалера сквозь круглые очки.

— Мы никогда не забудемъ пріязни, какую оказывалъ намъ господинъ фонъ-Цейзель во дни нашего ничтожества, сказалъ онъ.

Кавалеръ, не знавшій какъ ему понять эти слова, произнесенныя торжественнымъ тономъ, поклонился.

— И ни минуты не сомнѣваемся въ его скромности, продолжалъ совѣтникъ, этой высшей изъ обязанностей человѣка, вращающагося въ опасной, но высокой средѣ придворной жизни.

Кавалеръ снова поклонился. — Будьте въ этомъ увѣрены, господинъ совѣтникъ, сказалъ онъ.

— Мы въ этомъ увѣрены, господинъ фонъ-Цейзель, отвѣчалъ совѣтникъ; легкость, съ какою вы съумѣли примѣниться къ измѣнившимся обстоятельствамъ.... смѣю сказать, не безъ боли, но тѣмъ не менѣе все же примѣнились—порукой намъ въ томъ.

— Безъ боли? повторилъ фонъ-Цейзель, но я давно былъ къ этому подготовленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ совѣтникъ, становясь довѣрчивѣе.

— Его свѣтлость достаточно намекалъ на это, когда моя извинительная непривычка къ рутинѣ въ подобныхъ вещахъ дѣлалась слишкомъ замѣтной.

— Богъ благослови его свѣтлость и васъ, мой молодой другъ, произнесъ совѣтникъ, беря за руку кавалера и крѣпко пожимая ее.—Какъ легко сглаживается маленькая непріятность, навлеченная случаемъ, когда имѣешь дѣло съ такимъ преданнымъ и благородно мыслящимъ человѣкомъ! Итакъ, я могу вполнѣ открыть вамъ мое сердце, могу высказать гордость и блаженство отца, видящаго себя у цѣли своихъ желаній, которая, конечно, превосходитъ....

— Антонъ, Антонъ! раздался здѣсь голосъ совѣтницы, которая съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ разговору, черезъ слегка притворенную дверь и нашла, что давно пора положить конецъ этому, быть можетъ, несвоевременному признанію. —Антонъ, поди сюда на минуту.

Совѣтникъ исчезъ и фонъ-Цейзель услышалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ супруги съ жаромъ, хотя и шопотомъ, переговаривались другъ съ другомъ; ему послышался также одну минуту голосъ Элизы.

Совѣтникъ вернулся въ комнату.

— Я надѣюсь, что состояніе здоровья вашей дочери не ухудшилось? спросилъ фонъ-Цейзель.

— Нисколько, отвѣчалъ совѣтникъ; она совсѣмъ здорова. Дамы приказали вамъ кланяться.

Совѣтникъ былъ, если возможно, еще сдержаннѣе, чѣмъ въ началѣ разговора. Фонъ-Цейзель рѣшительно не зналъ, что ему думать.

— Когда такъ, то я не буду долѣе мѣшать, сказалъ онъ, берясь за свою шляпу. Я явился собственно по случаю праздника, имѣющаго быть шестнадцатаго числа, съ спеціальной просьбой къ вашей дочери, полагая, что ея согласіе столько же обрадуетъ, сколько и изумитъ его свѣтлость. Но я лучше вернусь въ другое, болѣе благопріятное время.

— Просьба.... къ Элизѣ.... его свѣтлость будетъ столько же обрадованъ, сколько изумленъ...., проговорилъ совѣтникъ, съ смущеніемъ, поглядывая на дверь въ сосѣднюю комнату. Не лучше ли мнѣ.... не лучше ли вамъ....

— Я полагаю, что лучше отложить до завтра, перебилъ Цейзель, терпѣніе котораго истощилось. Честь имѣю, господинъ совѣтникъ....

— Не лучше ли вамъ.... не лучше ли мнѣ, бормоталъ совѣтникъ. Но фонъ-Цейзель уже былъ за дверью, на лошади и скакалъ по шоссе, произнося разныя сердитыя восклицанія, которыя, къ счастью для семейства Иффлеръ, разносилъ вѣтеръ, колебавшій сливныя деревья и освѣжавшій щеки кавалера, разгорѣвшіяся отъ гнѣва.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ тотъ самый часъ, какъ кавалеръ скакалъ по шоссе, озаренному солнцемъ, въ зáмокъ, Германъ ѣхалъ по тѣнистому лѣсу на дворъ фазановъ.

Онъ проѣзжалъ по той самой части лѣса, черезъ которую возвращался третьяго дня вечеромъ, когда сердце его такъ невыразимо ныло и болѣло, что онъ не замѣчалъ ревущей бури; сегодня же утромъ волшебная красота этого мѣста и погоды, безоблачное небо, просвѣчивавшее сквозь верхушки гигантскихъ елей, золотистые лучи солнца, скользившіе по вѣткамъ и игравшіе на мшистыхъ стволахъ, душистая прохлада лѣсной чащи, пѣніе птицъ, благоуханіе теплаго лѣсного воздуха—все это не производило на него никакого впечатлѣнія, или, лучше сказать, производило впечатлѣніе ласковыхъ рѣчей друга, который весело

болтаетъ о веселыхъ вещахъ, въ то время, какъ мы неудержимо слѣдимъ за печальными мыслями, свившими гнѣздо въ нашей душѣ.

Точно такъ слушалъ онъ часа два тому назадъ болтовню фонъ-Цейзеля, разсказывавшаго ему объ увеселеніяхъ, имѣющихъ быть шестнадцатаго числа.

— Мы должны развеселить его свѣтлость, говорилъ фонъ-Цейзель. Онъ былъ далеко не въ хорошемъ расположеніи духа, когда я явился къ нему, однако ему очевидно желательно, чтобы вышло нѣчто порядочное и каждый изъ насъ долженъ этому содѣйствовать; и вы также, докторъ, потому что вы необходимо должны провести этотъ день здѣсь. Его свѣтлость сочтетъ за оскорбленіе, если вы уѣдете раньше. Кромѣ того роль ваша, такъ сказать, предназначена вамъ самой судьбой, наградившей васъ такой наружностью. Вашъ умъ можетъ въ ней не участвовать. Отъ васъ требуется только быть сколько можно величественнымъ, а это вамъ не будетъ стоить большого труда. Не извольте противорѣчить, милостивый государь! Вы только-что послали карловъ посмотрѣть на воронъ, а во снѣ вамъ является Германія и возвѣщаетъ въ пророческихъ словахъ, что время наступило; и вотъ карлы уже возвращаются, а позади нихъ тѣснятся рыцари и всадники, ударяющіе въ свои щиты и занавѣсъ падаетъ. Это представленіе не особенно оригинально, хотите вы сказать? согласенъ; но чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; къ тому же всего лучше здѣсь стихи, которыя произнесетъ моя Германія, а Германія моя никто иной, какъ госпожа Гедвига. Еще разъ, милостивый государь, не дерзайте противорѣчить! Вы имѣете дѣло съ придворнымъ театромъ Роды. Директоръ не терпитъ противорѣчія, даже со стороны императора Барбаруссы.

Но не о роли Барбаруссы, которую ему приходилось принять на себя, думалъ Германъ, проѣзжая теперь по лѣсу; сегодня утромъ ему предложена была иная роль и объ этомъ ему нужно было переговорить съ Гедвигой. Онъ слышалъ отъ прислуги, что она рано утромъ уѣхала на дворъ фазановъ, и послѣ тяжкаго раздумья рѣшился отправиться туда.

Еще сегодня утромъ мысль о свиданіи съ ней наединѣ приводила его въ сильное смущеніе; да, по доброй волѣ онъ ни за что не рѣшился бы подвергаться свиданію, которое не могло больше доставить ему счастія, которое для него, и если только онъ не заблуждается, и для нея также могло быть только мучительнымъ. Но теперь дѣло шло не о немъ; онъ сознавалъ, что ни тѣни личной надежды, ни тѣни желанія не было въ его душѣ, подобно тому, какъ вотъ на этомъ голубомъ небѣ не

виднѣлось ни облачка. Да только при такомъ условіи и могъ онъ найти въ себѣ мужество ѣхать далѣе въ гору, слѣзть съ лошади, отворить рѣшетку фазаньяго парка и провести коня подъ уздцы, мимо исполинскаго дуба, къ домику Прахатица.

Онъ нашелъ старика въ открытомъ большомъ сараѣ; старикъ хлопоталъ около одной изъ тѣхъ деревянныхъ клѣтокъ, куда на ночь загоняютъ насѣдокъ съ цыплятами. Лицо старика, рѣдко улыбавшееся, было сегодня почти весело.

— Поглядите-ка, господинъ докторъ; вотъ въ это отверстіе, которое я, сѣдая борода, проглядѣлъ, вздумала-было забраться сегодня ночью куница; а теперь взгляните-ка туда: вонъ виситъ она, т.-е. ея шкурка, что, въ сущности, сводится къ одному. Мнѣ, право, на этотъ разъ посчастливилось съ моими фазанами; за исключеніемъ пяти штукъ, которыхъ я лишился въ началѣ, они всѣ уцѣлѣли и стали теперь такими сильными, что больше за нихъ нечего почти опасаться. Поглядите сами.

Прахатицъ показалъ на цѣлую стаю цыплятъ, бойко шмыгавшихъ по кустамъ, между тѣмъ какъ насѣдка, съ привязаннымъ къ лапѣ шнуркомъ, безпокойно расхаживала вокругъ.—Ну развѣ нельзя ими гордиться? сказалъ Прахатицъ, и затѣмъ прибавилъ, не переводя духа, словно стыдясь своей похвальбы:— она тоже радовалась на нихъ и я такъ счастливъ, что она наконецъ опять стала улыбаться и опять хочетъ рисовать, какъ въ доброе старое время, пока не завелась у насъ вся эта суматоха. Она, конечно, будетъ очень рада васъ видѣть; пожалуйте, господинъ докторъ, я сейчасъ о васъ доложу.

Германъ послѣдовалъ за старикомъ, который быстрыми шагами пошелъ впередъ. Этому прекрасному существу свойственно было особое очарованіе; избѣжать его, повидимому, никто не могъ и власть его, несмотря на всѣ усилія Германа, сказывалась теперь и на немъ въ усиленномъ біеніи его сердца и все сильнѣе овладѣвала имъ, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ павильону.

Вдругъ старикъ остановился и, понижая голосъ, сказалъ: — а то, что взбрело мнѣ на умъ третьягодня вечеромъ, — все это пустыя бредни, одно дьявольское навожденіе, и сегодня утромъ, когда я стоялъ передъ нею и поглядѣлъ въ ея свѣтлые глаза, то отъ всего сердца попросилъ у ней прощенія. А васъ, докторъ, хотѣлъ я просить постараться забыть о томъ, какой я бываю скверный, когда чортъ осѣдлаетъ меня. Пойдемте на верхъ, господинъ докторъ, она навѣрное пожелаетъ васъ видѣть.

Прахатицъ взошелъ на лѣстницу чайнаго домика; Германъ

медленно шелъ за нимъ. Предпріятіе было однако труднѣе, чѣмъ онъ думалъ, и ему пришлось даже ухватиться за перила, чтобы не упасть, такъ дрожали его колѣни.

Наконецъ онъ остановился наверху, передъ одной изъ трехъ стеклянныхъ дверей, черезъ которую вошелъ Прахатицъ, но не притворилъ ее за собой.—Теперь ты стоишь передъ порогомъ, котораго не суждено больше тебѣ переступать, говорилъ онъ самъ себѣ; и еслибы тебя привела сюда себялюбивая слабость, которую люди называютъ любовью, то ты былъ бы въ своихъ собственныхъ глазахъ презрѣннѣйшимъ изъ людей. Слава Богу! настоящій шагъ не имѣетъ ничего общаго съ любовью.

— Госпожа Гедвига проситъ васъ подождать въ залѣ, она сейчасъ придетъ, сказалъ Прахатицъ. Она занята своими рисунками, прибавилъ онъ въ видѣ извиненія. Прежде Гедвига довольно часто принимала Германа въ своей мастерской.

Прахатицъ ушелъ. Германъ стоялъ въ ротондѣ и машинально поглядывалъ на старинные гобеленовые обои, на мраморныя вазы и статуи въ нишахъ, на все это поблекшее великолѣпіе княжескаго убѣжища, словно видѣлъ все это въ первый разъ. Какой-то странный столбнякъ овладѣлъ имъ; онъ старался припомнить, что̀ привело его сюда, что̀ онъ хотѣлъ ей сказать. Все было тщетно, онъ помнилъ только одно: что онъ сейчасъ ее увидитъ, что вотъ она войдетъ въ эту дверь и что время какъ будто остановилось, пока онъ ее ждетъ.

Обитая обоями дверь отворилась; вошла Гедвига въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и пошла къ нему навстрѣчу съ протянутой рукой; она была хороша, какъ и всегда, однако.... очарованіе было нарушено. Онъ зналъ, что̀ ему слѣдуетъ сказать, зачѣмъ онъ пришелъ, чувствовалъ, что дѣйствительность не осилитъ его, подобно его мечтамъ.

— Вы пришли проститься, сказала Гедвига послѣ нѣсколькихъ секундъ обоюднаго молчанія. Ея низкій голосъ слегка дрожалъ, когда она говорила это, и легкая блѣдность разлилась по ея лицу; но какъ бы желая какъ можно скорѣе преодолѣть эту слабость, она продолжала, не дожидаясь отвѣта Германа:

— Вы не побоялись длиннаго пути и разыскали меня въ моемъ уединенномъ убѣжищѣ, куда я укрылась часа на два отъ суматохи, царствующей тамъ, наверху.

Горькая усмѣшка скривила губы Германа. Она была единственнымъ лицомъ, не выказавшимъ вчера ни малѣйшаго участія къ несчастному случаю, постигшему его; сегодня она также не упомянула о немъ ни словомъ. Онъ больше не существовалъ

для нея. Но вѣдь онъ давно уже знаетъ, что это такъ; ну, и пусть будетъ такъ.

— Прошу извинить, возразилъ онъ, если я такъ нелюбезно нарушаю вашъ отдыхъ. Меня привело къ вамъ обстоятельство, которое, къ сожалѣнію, вовсе не такого свойства, чтобы быть пріятнымъ уму, ищущему отдохновенія; но спѣшу заранѣе прибавить, что оно не касается меня лично.

— Ни меня также? спросила Гедвига. По лицу ея пробѣжала тѣнь.

— Ни васъ также, отвѣчалъ Германъ, по крайней мѣрѣ не прямо, хотя, конечно, ваше участіе необходимо.

— Всего лучше, если вы скажете мнѣ въ чемъ дѣло.

Она усѣлась въ креслѣ; одна рука ея лежала на колѣняхъ, другою она перебирала свой передникъ. Большіе глаза устремлены были на Германа съ мрачнымъ, почти угрожающимъ выраженіемъ, какъ будто она намѣревалась, при первомъ же словѣ, которое ей не понравится, взять назадъ свое позволеніе.

— Я постараюсь быть по возможности краткимъ, сказалъ Германъ, и если я долженъ начать нѣсколько издалека, то меня можетъ извинить самая затруднительность дѣла. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: я вижу принца на такой дорогѣ, на которой никто изъ расположенныхъ къ нему людей не можетъ равнодушно видѣть его, не предостерегая, если смѣетъ, или не стараясь удалить съ нея, если можетъ. Первое я сдѣлалъ, но тщетно. Я никого не знаю, кто могъ бы сдѣлать второе, кромѣ васъ, а потому и обратился къ вамъ.

— Я полагаю, что знаю, о чемъ вы говорите, возразила Гедвига, и полагаю также, что вы заблуждаетесь на счетъ одного пункта; но прошу васъ, продолжайте.

— Вамъ извѣстны политическія мнѣнія принца, продолжалъ Германъ; извѣстны конечно лучше, чѣмъ мнѣ, потому что хотя я зналъ, что онъ ненавидитъ Пруссію, но не предполагалъ, что ненависть эта не знаетъ границъ, что она заходитъ за предѣлы, которые священны для патріота. Теперь я это знаю....

— Дальше, дальше, перебила Гедвига. Она выпустила передникъ изъ рукъ. Лицо ея выражало теперь самое напряженное вниманіе.

— Сегодня утромъ я узналъ это, продолжалъ Германъ. Принцъ пригласилъ меня къ себѣ въ необычный, весьма ранній часъ и принялъ меня въ своей спальнѣ. Постель была нетронута. Лихорадочное возбужденіе, въ которомъ онъ находился и которое напрасно старался скрыть отъ меня, доказывало мнѣ и безъ того, что онъ не спалъ всю ночь. Я не стану подробно

передавать вамъ моего съ нимъ разговора; не чувствую себя въ состояніи это сдѣлать; скажу только, что готовъ принять сообщенія принца за фантазію человѣка въ горячкѣ, чѣмъ за обдуманные планы государственнаго человѣка. Принцъ сказалъ мнѣ съ увѣренностью, источникъ которой лежалъ не въ газетныхъ извѣстіяхъ, полученныхъ нами, что война между Франціей и Пруссіей рѣшенное въ Парижѣ дѣло и что разрывъ послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени. Затѣмъ, онъ сообщилъ мнѣ о сумасбродныхъ надеждахъ, которыя возбуждала въ немъ эта война; что Данія и Италія присоединятся къ Франціи, вся южная Германія, Ганноверъ, Гессенъ, Шлезвигъ-Голштейнъ возстанутъ и свергнутъ прусское иго; далѣе передалъ онъ мнѣ о планахъ, составленныхъ имъ на этотъ случай: что онъ, опираясь на свои законныя права, которыхъ никакое насиліе не можетъ его лишить, станетъ на той сторонѣ, гдѣ онъ видитъ право и честь; что онъ надѣется, что его примѣръ послужитъ сигналомъ для возстанія всей нашей мѣстности и что, если онъ въ этомъ ошибается, то одинъ, лично своей особой приметъ участіе въ борьбѣ противъ Пруссіи. Въ заключеніе, предполагая, что я раздѣляю его воззрѣнія, онъ предложилъ мнѣ взять на себя одно порученіе, о которомъ я умалчиваю ради принца и скажу только, что безъ малѣйшаго раздумья отказался отъ него и даже въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, въ какихъ теперь раскаяваюсь.

Германъ умолкъ.

— Дальше, дальше! повторила Гедвига.

— Не потому, чтобы я могъ когда-нибудь измѣнить свои взгляды, продолжалъ Германъ, но потому, что этимъ я безъ нужды усложнилъ свое положеніе. Принцъ узналъ, что не можетъ на меня разсчитывать, и сказалъ мнѣ: онъ раскаявается, что зашелъ такъ далеко и что я обязанъ былъ перебить его, прежде чѣмъ онъ открылъ мнѣ свою тайну. Я спокойно принялъ эту обиду; право, я вовсе не думалъ о себѣ въ эту минуту. Я думалъ только, что обязанъ употребить всѣ свои усилія, чтобы спасти отъ явной погибели человѣка, котораго люблю и уважаю. Я исполнилъ свой долгъ, какъ это ни было трудно, благодаря постоянно возраставшему гнѣву принца. Я говорилъ, не принимая въ соображеніе ничего, кромѣ уваженія, съ какимъ долженъ относиться молодой человѣкъ къ старому. Я старался доказать принцу, что теперь, когда дѣло шло о войнѣ между Франціей и Пруссіей, обстоятельства совсѣмъ не тѣ, что въ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ шестомъ году; я говорилъ ему, что онъ игрушка въ рукахъ безсовѣстныхъ авантюристовъ; доказалъ,

что по крайней мѣрѣ Розель, котораго я знавалъ раньше и который имѣлъ дерзость возобновить со мной знакомство, принадлежитъ къ числу авантюристовъ самаго дурнаго сорта; въ заключеніе я не побоялся произнести слово, позорящее подобный замыселъ въ глазахъ всякаго патріота теперь и на будущее время — слово: государственная измѣна; все, все было тщетно.

— Какъ же вы разстались другъ съ другомъ? спросила Гедвига.

— Какъ я не ожидалъ,—отвѣчалъ Германъ,—а между тѣмъ долженъ былъ ожидать, зная сердечную доброту и благородство принца. Я уже былъ у дверей, какъ онъ подозвалъ меня къ себѣ и съ пожатіемъ руки, походившимъ больше на объятіе, сказалъ: какъ бы то ни было, а вы желаете мнѣ добра. Слезы навернулись на его глазахъ; я не стыжусь признаться, что былъ тронутъ не менѣе, чѣмъ онъ.

— Чѣмъ же вы рѣшили? спросила Гедвига.

— Доказать, что принцъ не ошибся, предполагая, что моя личная привязанность къ нему также велика въ настоящую минуту, какъ была передъ тѣмъ, еслибы даже мнѣ пришлось снова принять на себя неблагодарную роль непрошеннаго совѣтника.

— Когда такъ, то я лучше прямо спрошу вашего совѣта, сказала Гедвига. Что же мнѣ сдѣлать, по вашему мнѣнію?

— Тоже самое, что и мнѣ, отвѣчалъ Германъ. Я прошу васъ поговорить съ принцемъ такъ, какъ я говорилъ, или лучше сказать такъ, какъ, я знаю, вы можете и умѣете говорить.

— А если я уже говорила? замѣтила Гедвига,—вчера вечеромъ, тотчасъ послѣ полученія извѣстія.... и успѣла не больше вашего?

— Вы должны еще разъ попытаться.

— Должна? повторила Гедвига.

Она встала и прошлась по комнатѣ до окна, у котораго остановилась. Вдругъ она снова обернулась и сказала рѣзко: почему же я должна?

— Я не могу отвѣчать на вопросъ, на который вы должны сами себѣ отвѣтить, отвѣчалъ Германъ. Онъ продолжалъ сидѣть, между тѣмъ какъ Гедвига ходила взадъ и впередъ по ротондѣ и наконецъ, обращаясь къ нему, сказала болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Положимъ, что я должна это сдѣлать и хочу исполнить то, что должна; но кто ручается, что я добьюсь того, чего не

могли добиться вы, мужчина, чей голосъ въ подобныхъ вещахъ имѣетъ гораздо больше вѣса, чѣмъ голосъ женщины!

— Извините, возразилъ Германъ; мужчина, въ подобныя минуты, имѣетъ очень мало вліянія; между тѣмъ какъ женщина, которая обращается не къ разуму, но къ сердцу, можетъ достигнуть многаго, весьма многаго; женщина же, которую любитъ мужчина такъ, какъ любитъ васъ принцъ, можетъ достигнуть всего.

Яркая краска разлилась по лицу Гедвиги и голосъ ея звучалъ необыкновеннымъ волненіемъ, когда она отвѣчала послѣ нѣкотораго молчанія:

— А не требуется ли при этомъ, чтобы женщина столько же любила мужчину, сколько онъ ее, или, что̀ сводится къ тому же, чтобы мужчина считалъ себя любимымъ этой женщиной?

— Я право не знаю....

— Что вамъ на это возразить? перебила Германа Гедвига. Почему нѣтъ? Мы дошли до такого пункта, гдѣ скрытность больше неумѣстна. Какъ быть, когда не существуетъ ни того, ни другого? когда я не люблю принца настолько и когда принцъ не считаетъ себя любимымъ мной? что тогда? Не будетъ ли все, что̀ я скажу, что̀ я могу сказать, заранѣе безполезнымъ? могу ли я возбуждать надежды, которыя были бы неосновательны? А между тѣмъ, развѣ мои просьбы, задушевный тонъ, съ которымъ мнѣ пришлось бы говорить, не возбудятъ неосновательныхъ надеждъ? и можете ли вы этого отъ меня требовать? Вы!... Видите ли, здѣсь заключается противорѣчіе, котораго не разрѣшить вашему глубокомыслію; скажу больше: здѣсь сказывается приговоръ....

Она остановилась и прибавила болѣе спокойнымъ тономъ: —нѣтъ, нѣтъ, я была бы неправа, еслибы пробудила въ вашемъ сердцѣ надежду, которая неисполнима, и черезъ это помѣшала бы вамъ придумать другое средство для спасенія принца. Если спасеніе его дѣйствительно зависитъ только отъ меня, то онъ погибъ.

«Потому что ты не хочешь его спасти, — сказалъ Германъ про себя, между тѣмъ какъ Гедвига снова заходила по комнатѣ,—но я-то, я не хочу такъ легко отказаться отъ старика, а потому выскажусь до конца, что̀ бы изъ этого ни вышло.»

— Позвольте мнѣ сказать еще нѣсколько словъ, заговорилъ онъ громко. Вы знаете, что судьба добрыхъ, но слабыхъ сердецъ заключается въ томъ, что они не могутъ успокоиться даже и тогда, когда болѣе мужественныя сердца высказали свое послѣднее слово. Въ послѣдніе три года у меня было довольно

случаевъ изучить принца, поэтому съ моей стороны не будетъ слишкомъ самонадѣяннымъ сказать, что я хорошо его знаю. Принцъ далеко не государственный человѣкъ, не политикъ, хотя онъ и убѣжденъ въ противномъ. Еслибы требовалось новое доказательство этому, то его можно было бы найти въ полномъ отсутствіи спокойствія, самообладанія, выказанномъ имъ сегодня утромъ относительно меня; въ безразсудной, лихорадочной поспѣшности, съ какой онъ бросается въ такое чудовищное предпріятіе. Но здѣсь повторяется вѣчная исторія. При безграничной возбужденности своей фантазіи, при невѣроятной впечатлительности своего сердца онъ слишкомъ легко упускаетъ изъ виду самое дѣло. Никто такъ не подверженъ опасности смѣшивать дѣло съ личностями. Мое глубочайшее убѣжденіе въ томъ, что если раньше онъ и зашелъ довольно далеко съ французскимъ эмиссаромъ, то все-таки прирожденная ему осмотрительность удержала бы его отъ послѣдняго, рѣшительнаго шага; что даже самая война не могла бы вывести его изъ бездѣйствія, съ которымъ онъ свыкся въ теченіи своей долгой жизни. Если страсти разыгрались въ немъ до такой степени, то этому причиной особое обстоятельство—глубокое отвращеніе, могу сказать: ненависть къ графу. Присутствіе этого человѣка, которое, по несчастной случайности, совпало съ другимъ обстоятельствомъ—вотъ что довело его до этой крайности и вотъ что постоянно будетъ толкать его дальше и дальше, туда, откуда возвратъ невозможенъ!

Германъ не могъ видѣть выраженія лица Гедвиги въ то время, какъ произносилъ эти слова. Она заслонила лобъ рукой и не подняла головы, даже тогда, когда отвѣчала:

— Мнѣ самой уже приходило въ голову нѣчто подобное; но что же тутъ дѣлать? Принцъ самъ пригласилъ графа; онъ долженъ былъ знать, что̀ дѣлаетъ.

— Онъ очевидно этого не зналъ, сказалъ Германъ; для меня также это приглашеніе до сихъ поръ остается загадкой. Но какъ бы то ни было: графъ здѣсь и я полагаю, что всякій лишній часъ, который онъ здѣсь проведетъ, будетъ толкать принца дальше по пути, ведущему къ его погибели.

— Графъ уѣзжаетъ шестнадцатаго, сказала Гедвига.

— До тѣхъ поръ можетъ многое рѣшиться.

— Но, Боже мой, вскричала Гедвига, поднимая внезапно голову:—чего же вы хотите отъ меня? вѣдь не могу же я отослать графа!

— Почему нѣтъ? я полагаю, что вамъ стоитъ для того лишь сказать слово.

Глаза Гедвиги прожигали Германа, но онъ выдержалъ ея взглядъ; но его сердце гнѣвно забилось, когда онъ спокойно продолжалъ:

— Я полагаю, что одного намека, который вы съумѣете гораздо лучше придумать, чѣмъ я, будетъ достаточно для графа.

— И вы дѣйствительно многаго ожидаете отъ этого шага? спросила Гедвига.

— По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, я не знаю иного средства, отвѣчалъ Германъ.

— Хорошо, сказала Гедвига, это я могу и потому самому хочу сдѣлать.

Германъ всталъ.

— Благодарю васъ,—проговорилъ онъ,—благодарю васъ отъ всей души за благороднаго человѣка, который сталъ мнѣ такъ дорогъ въ эти три года, гораздо дороже чѣмъ я думалъ, и который по истинѣ слишкомъ добръ, чтобы пасть жертвою своего фантастическаго каприза, потому что его политическія стремленія не что иное, какъ капризъ. Ну, а теперь, когда я успокоился на его счетъ, когда вы готовы его спасти — а вы единственное лицо, которое можетъ его спасти — позвольте мнѣ съ вами проститься.

Голосъ Германа задрожалъ при этихъ словахъ, несмотря на всѣ его усилія; Гедвига отрицательно покачала головой: нѣтъ, нѣтъ, сказала она, не прощайтесь!

— Что вы хотите сказать?

— Не прощайтесь! повторила Гедвига. Я знаю, что для васъ было бы лучше, гораздо лучше, еслибы вы уѣхали и никогда больше не возвращались въ эти зловѣщія для васъ мѣста; но предчувствіе говоритъ мнѣ, что вы не уѣдете, что вамъ нельзя будетъ уѣхать, что не я, а вы должны и можете спасти принца. Нѣтъ, не смотрите на меня такъ вопросительно и съ такимъ упрекомъ; я сдержу то, что обѣщала, но.... теперь оставьте меня, прошу васъ!

Германъ ушелъ. Гедвига провела обѣими руками по своему разгорѣвшемуся лицу и дикими глазами оглядѣлась вокругъ себя. Вдругъ она вскочила съ мѣста и бросилась къ двери; она хотѣла позвать его назадъ, сказать ему, что она не любитъ графа, что она не можетъ вынести, чтобы онъ разстался съ ней съ этой мыслью; что она никому не приноситъ его въ жертву. Слишкомъ поздно! площадка передъ павильономъ была пуста; не слышно было удаляющихся шаговъ; все было тихо, только птицы пѣли на деревьяхъ, залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ.

Она медленно вернулась въ свою мастерскую. Она велѣла

сегодня поутру перенести въ нее свои рисовальныя принадлежности, чтобы какъ-нибудь скоротать время, давившее ее какъ свинецъ. Прахатицъ возстановилъ ея мастерскую въ прежнемъ видѣ, какъ будто желая пригласить ее вернуться къ прежнимъ привычкамъ. У стѣны стоялъ натянутый холстъ; она машинально взяла его въ руки; то былъ портретъ Германа. Холстъ выскользнулъ изъ ея рукъ и упалъ на полъ.—Да, да, проговорила она, ты не хочешь больше меня знать; ты сердишься на меня за мое посягательство на твою особу, за то, что я къ тебѣ примѣнила свое искусство, за то, что въ моихъ рукахъ останется отъ тебя эта блѣдная тѣнь.

Она поставила портретъ на мольбертъ и остановилась передъ нимъ, скрестивъ руки на груди и устремивъ въ него неподвижный взглядъ.

«Ты заслуживалъ лучшей участи; зачѣмъ судьба толкнула тебя на мою дорогу, а меня на твою? и неужели я навсегда останусь тѣнью въ твоей жизни, а ты тѣнью въ моей? Быть можетъ, я никогда не понимала тебя, точно такъ, какъ не съумѣла передать твои черты. Это не твои честные, кроткіе глаза, не твой чистый лобъ, не твой ласковый ротъ, который всегда говорилъ мнѣ только одни добрыя слова, и не можетъ говорить другихъ, кромѣ добрыхъ. Добрый, благородный человѣкъ, слишкомъ благородный для здѣшняго міра, міра лжи, обмана и насилія! Ты знаешь только одно: принесть себя въ жертву; ты съ давнихъ поръ привыкъ къ этому; сначала ты жертвовалъ собой своему слѣпому королю, теперь жертвуешь старику, который не хочетъ видѣть. И каждый принимаетъ твою жертву; да и какъ имъ не принять? это такъ удобно! А ты ни разу не вознегодовалъ! Да, еслибы ты могъ вознегодовать, еслибы ты могъ понять, какъ ты силенъ, и низвергъ бы ихъ въ ничтожество, тѣхъ, которые были бы нулями, не будь тебя и тебѣ подобныхъ людей! Но я, я негодую за тебя, за то, что ты не умѣешь негодовать; я не хочу, чтобы ты смотрѣлъ такъ ласково, не хочу, чтобы ты весь вѣкъ свой жилъ для другихъ. Кто знаетъ, еслибы ты умѣлъ жить для себя, то, быть можетъ, въ настоящую минуту моя гордость и мое счастіе заключались бы въ томъ, чтобы жить для тебя; кто знаетъ, не ты ли виноватъ въ томъ, что я до сихъ поръ ношу свои цѣпи; ты научилъ меня терпѣть: урокъ далеко не полезный!»

Она отвернулась отъ картины и подошла къ открытому окну, черезъ которое ей улыбались лѣса, и луга, и горы, тонувшія въ солнечномъ сіяніи, и темно-голубое небо. Она протянула руки: «иду, иду!»

Она поспѣшно вышла изъ мастерской въ ротонду, а изъ

ротонды черезъ дверь, обитую обоями, въ маленькую заднюю комнату, изъ которой прямо очутилась въ зелени и въ тѣни исполинскихъ деревьевъ холма, къ которому павильонъ прилегалъ своимъ заднимъ фасадомъ. Она быстро шла между деревьями, почти летѣла; но вдругъ остановилась. «Что такое сказалъ онъ ей напослѣдокъ? Какое далъ порученіе? да: отослать графа; и она это обѣщала. Новая цѣпь, наложенная на нее и которую онъ сковалъ; вѣдь онъ не можетъ жить безъ цѣпей и вѣчно хлопочетъ, чтобъ и другіе носили цѣпи».

Она разсмѣялась, и затѣмъ страшное волненіе, овладѣвшее ею, разрѣшилось слезами: она стыдилась ихъ, но не могла удержать. «А вѣдь я женщина, я только женщина»!

Она опустилась на скамейку въ одной изъ аллей, осѣненныхъ высокими деревьями, куда ее привела безцѣльная прогулка. Надъ ней вѣтеръ шелестилъ листьями деревъ; птицы пѣли безъ устали; пара фазановъ прошмыгнула по дорогѣ. Она ничего не видѣла, ничего не слышала, погруженная въ свои мучительныя размышленія, пока не раздался вдругъ лошадиный топотъ. Испуганная, она вскочила съ своего мѣста. Не болѣе, какъ въ шагахъ ста отъ нея, показался изъ боковой тропинки, примыкавшей къ аллеѣ, всадникъ. То былъ графъ. Первымъ движеніемъ Гедвиги было убѣжать; но затѣмъ она сказала себѣ, что поздно, что графъ, безъ сомнѣнія, уже видѣлъ ее, и если онъ дѣйствительно ее любитъ, то ему больше причинъ избѣгать ея въ настоящую минуту, чѣмъ ей его. Графъ пришпорилъ коня и черезъ секунду былъ уже около нея, соскочилъ съ сѣдла и сказалъ:

— Вотъ что называется удачей! я кружусь уже болѣе часу вдоль и поперегъ лѣса, такъ какъ въ зáмкѣ никто не могъ мнѣ сказать, куда вы отправились, пока, наконецъ, мнѣ не пришло на умъ, что, быть можетъ, вы поѣхали на дворъ фазановъ — что казалось не особенно вѣроятнымъ, принимая во вниманіе жару — и вотъ, однако, я нахожу васъ здѣсь; но прежде всего: здравствуйте!

Онъ протянулъ ей руку, съ которой снялъ перчатку. Глаза его сверкали и въ каждой чертѣ прекраснаго, мужественнаго лица выражалась страстная любовь къ той, чью руку онъ держалъ теперь въ своей и вѣроятно долго продержалъ бы, если бы она сама не отняла ее.

— Зачѣмъ вы искали меня? спросила она.

Графъ не тотчасъ отвѣтилъ. Онъ, конечно, замѣтилъ движеніе, которымъ она какъ будто оттолкнула его, и ледяной тонъ вопроса, но это равнялось препятствію, которое лѣсной потокъ встрѣчаетъ на своемъ пути и отъ котораго лишь сильнѣе пѣнится

его бурныя волны. Всякій разъ, при видѣ ея, ему казалось, что она стала прекраснѣе прежняго; а въ настоящую минуту, когда онъ неожиданно встрѣтилъ ее здѣсь, подъ деревьями, въ прохладномъ уединеніи парка, имъ снова овладѣло это ощущеніе и съ такою силой, что у него закружилась голова и онъ судорожно ухватился за гриву своей лошади.

— Зачѣмъ я васъ искалъ? повторилъ онъ. Прошу извиненія; увидя васъ, я забылъ объ этомъ.

То была не фраза, и Гедвига знала это. Но какое бы впечатлѣніе ни произвело это на нее въ другое время, въ настоящую минуту душа ея слишкомъ болѣла, а потому и оставалась нечувствительна къ солнцу и любви.

— Постарайтесь припомнить, сказала она.

— Я припомнилъ, отвѣчалъ онъ. Въ послѣднихъ словахъ Гедвиги звучала насмѣшка, которая болѣзненно задѣла его гордость. Чѣмъ могущественнѣе и безкорыстнѣе, въ его смыслѣ, кипѣла въ немъ страсть, тѣмъ сильнѣе была реакція. Да, онъ почувствовалъ теперь ясно то, что́ смутно ощущалъ уже не разъ: ненависть вмѣсто любви, ненависть къ женщинѣ, которая привлекала его лишь затѣмъ, чтобы отталкивать и унижать передъ собой. Лицо его, только-что отражавшее внутренній пылъ души, приняло мрачное, угрожающее выраженіе и угрозой звучалъ его голосъ, когда онъ заговорилъ, глубоко переведя духъ:

— Вы помните, что́ я сообщилъ вамъ вчера изъ моего письма. Я сказалъ вамъ, что въ Берлинѣ считаютъ положеніе дѣлъ въ высшей степени серьезнымъ. Сегодня мой корреспондентъ, то-есть не кто иной, какъ баронъ Мальте, знакомый вамъ, и болѣе чѣмъ кто-нибудь, какъ вамъ извѣстно, по своему положенію, могущій получать вѣрныя свѣдѣнія, присылаетъ мнѣ съ нарочнымъ слѣдующую вырѣзку изъ телеграммы, полученной вчера послѣ полудня въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и на которую я желаю обратить ваше вниманіе.

Графъ взялъ изъ своего портфеля листокъ: — это отвѣтъ Граммона, сказалъ онъ, на сдѣланный запросъ; первыя строчки не такъ важны, но вотъ взгляните, прошу васъ, на это: «...мы надѣемся, что эта возможность не осуществится; мы разсчитываемъ при этомъ на благоразуміе нѣмецкаго и на дружбу испанскаго народовъ; но, еслибы случилось иначе, то сильные вашей поддержкой и поддержкой націи, мы исполнимъ нашъ долгъ не медля и не робѣя....»

Графъ сложилъ листокъ и ждалъ возраженія Гедвиги; но Гедвига молчала. Все совершилось такъ быстро, минута дѣйствовать наступила такъ внезапно и совсѣмъ при другихъ обстоя-

тельствахъ, чѣмъ она предполагала! Она разсчитывала, давая обѣщаніе Герману, что ей можно будетъ спокойно переговорить съ графомъ, что, въ крайнемъ случаѣ, если разговоръ перейдетъ на личности, она съумѣетъ устранить ихъ. Она ошиблась. Такое начало не обѣщало ничего хорошаго для дальнѣйшаго разговора. Она со страстью отвергла страсть графа. Какой возможенъ здѣсь исходъ? Сердце ея билось до боли; она съ трудомъ произнесла слѣдующія слова:

— А почему вы сообщаете это именно мнѣ, графъ?

— Вы высказали больше проницательности въ этихъ вещахъ, чѣмъ другіе. Еще вчера вечеромъ вы дали мнѣ доказательство вашей проницательности. Вчера вы знали, прежде чѣмъ я вамъ сказалъ, что полученныя извѣстія возвѣщаютъ войну между Франціей и Пруссіей. Сегодня, когда война объявлена, или почти-что объявлена, вы больше ничего не знаете, не хотите знать. Нужды нѣтъ. Мнѣ, также какъ и мужчинамъ въ Парижѣ, остается одно только: исполнить свой долгъ не медля и не робѣя. Исполненіе этого долга значительно облегчилось бы для меня, еслибы вы пожелали оказать мнѣ содѣйствіе, и теперь я поставленъ въ непріятную необходимость спросить у васъ: могу ли я надѣяться на ваше содѣйствіе, или нѣтъ?

— А въ чемъ же должно заключаться мое содѣйствіе? спросила Гедвига.

— И это я долженъ вамъ сказать! вскричалъ графъ. Хорошо же; вамъ нельзя, по крайней мѣрѣ, будетъ пожаловаться, что я что-либо умолчалъ. Я буду видѣть содѣйствіе моимъ планамъ и буду вамъ за это благодаренъ, если вы замѣтите принцу, что когда ведешь такую большую и въ высшей степени рискованную игру, то не слѣдуетъ показывать своихъ картъ, какъ онъ это сдѣлалъ вчера и какъ, если хотите, дѣлалъ все это время, и....

— Я не могу говорить объ этомъ съ принцемъ,—отвѣчала Гедвига,—послѣ вчерашняго вечера.... когда я сообщила ему немедленно сказанное вами и встрѣтила съ его стороны самый рѣзкій отпоръ.... это невозможно для меня.

— Сегодня обстоятельства перемѣнились и къ худшему, возразилъ графъ; быть можетъ, сегодня будутъ внимательнѣе къ вашимъ словамъ.

— Вы извините меня, графъ, если я, зная лучше принца, чѣмъ вы, не соглашусь съ вами.

— Я считалъ, что вы имѣете больше власти надъ принцемъ, замѣтилъ графъ, но вы должны лучше знать, и если увѣряете меня, что безсильны надъ нимъ съ этой стороны, то я долженъ согласиться. Но вы можете, какъ хозяйка дома, указать хозяину

дома на неприличіе — извините за выраженіе, я не умѣю иначе выразиться, — въ общественномъ отношеніи...

— Графъ!

— Еще разъ прошу извинить, но здѣсь дѣло идетъ не о словахъ, но о фактахъ; а я полагаю, это фактъ, въ глазахъ всѣхъ, кто не хочетъ быть слѣпымъ, что пригласить меня сюда и наградить меня обществомъ маркиза де-Флорвилля — значитъ нарушать всѣ законы приличія; то-есть, лучше сказать, неприлично оставлять меня въ обществѣ этого господина, когда дѣла приняли такой оборотъ, что онъ и я, мы не можемъ находиться въ одной и той же. комнатѣ. Вы не считаете нужнымъ, надѣюсь, чтобы я доказывалъ такую простую истину и выводилъ простыя слѣдствія, вытекающія изъ нея.

Графъ простоялъ съ минуту, низко поклонился приложивъ руку къ фуражкѣ и, отвернувшись отъ Гедвиги, сталъ поправлять поводья у своей лошади. Гедвига прошла шага два въ неописанномъ смущеніи. Разговоръ принялъ какъ разъ обратное направленіе тому, какой она хотѣла и должна была ему дать, если желала выполнить свое обѣщаніе, и даже болѣе: если она хотѣла измѣнить положеніе, опасность котораго была для нея яснѣе, чѣмъ когда-либо. Если графъ уйдетъ отъ нея глубоко оскорбленный, полный гнѣва, ясно выражавшагося въ ироническомъ тонѣ, съ какимъ онъ говорилъ въ послѣднія минуты—то можно было опасаться всего, слѣдовало ждать катастрофы. Но что же ей дѣлать? наговорить ему ласковыхъ словъ? снизойти до просьбы? просить его, когда именно въ настоящую минуту это будетъ похоже на насмѣшку? Но однако, однако!...

— Графъ, сказала она, поворачиваясь, одну минуту.

— Что прикажете, отвѣчалъ графъ, опуская ногу, которую уже занесъ-было въ стремя.

— У меня есть до васъ просьба, которая...

— Просьба? съ вашей стороны? ну, это что-то совсѣмъ новое въ вашихъ устахъ... вы, право, возбуждаете во мнѣ любопытство.

Губы его задрожали и глаза сверкнули. Гедвига знала, что ей стоитъ сказать слово, и гордый человѣкъ будетъ у ея ногъ; она могла потребовать отъ него все, чтó ей вздумается; но она не могла, не хотѣла произнести слова, которое сдѣлало бы ее рабой, еслибы даже то была ложь.

— Графъ, сказала она, я обращаюсь къ вашему благородству, къ великодушію, которыя приличны сильному и которыя онъ можетъ выказать, потому что ихъ не объяснятъ слабостью. То, чего вы отъ меня требуете, невозможно. Потребовать отъ принца, что-

бы онъ попросилъ своего французскаго гостя уѣхать, значило бы намекнуть, заявить ему, что онъ поступилъ—какъ вы сами выразились—неприлично; даже больше: значитъ принудить его согласиться, что его политика глупость, быть можетъ даже нѣчто худшее. Этого вы не можете требовать отъ принца, или лучше сказать отъ старика, который прострадалъ всю свою долгую жизнь и озлобился, надъ которымъ тяготѣетъ такая страшная судьба, заслуженная или нѣтъ — это все равно! У него нѣтъ больше силъ опомниться; онъ не можетъ стать инымъ! Этого я не требую и отъ васъ. Вы должны оставаться самимъ собой и это не помѣшаетъ вамъ щадить принца, закрыть глаза на то, что вы видите. И вамъ это такъ легко. Вамъ стóитъ только сократить визитъ, который при этихъ условіяхъ долженъ быть для васъ пыткой и быть можетъ никогда не былъ радостью. Графиня пріѣдетъ надняхъ. Нѣтъ причины, почему бы Стефани не остаться до тѣхъ поръ одной, а я...

— Доканчивайте же. Вы хотѣли сказать: а я буду очень счастлива, отдѣлавшись отъ васъ такъ легко.

— Вотъ чего я ожидала, прошептала Гедвига.

— И чего вы должны были ожидать, возразилъ графъ. Будемъ говорить откровенно: я не имѣлъ и не имѣю ни малѣйшаго понятія, зачѣмъ принцъ пригласилъ меня; Тирклицкое наслѣдство было только предлогомъ, и я хорошо это понялъ, но не могъ разобрать, что̀ за нимъ скрывается. Въ моемъ неразумѣніи, я былъ даже настолько смѣлъ, что одну минуту предполагалъ, не скрывается ли за нимъ дорогой образъ возлюбленной моей юности. Это предположеніе было ужасной глупостью, но я вынужденъ къ этому позорному признанію, потому что иначе не могъ бы объяснить, почему я теперь не уѣду! Нѣтъ, не уѣду! Еслибы вы призвали меня, то клянусь Богомъ, я послушался бы вашего приказанія и уѣхалъ бы. Ваше сердце могло заблуждаться; это заблужденіе было бы очень больно, очень унизительно для меня, но я все-таки подчинился бы вашей волѣ. Объ этомъ не можетъ быть теперь и рѣчи. Зачѣмъ меня призвали сюда, я не знаю, но я хорошо знаю, зачѣмъ я остаюсь. Еще разъ, не глядите на меня съ такой угрозой; окружающіе нѣсколько избаловали васъ; меня не такъ легко запугать, а что съ этой минуты между нами завязывается борьба — это не требуетъ объясненія. Съ этой стороны я также хорошо знаю васъ, какъ и вы меня; вы знаете, что я не даю пощады, что я разбиваю сердце, которое не хочетъ покориться. Но, къ счастью для васъ и для меня, въ этой борьбѣ сердце вообще не участвуетъ. Здѣсь, сколько я могу понять, идетъ бо̀рьба интере-

совъ. Чего вы хотите?... вамъ это хорошо извѣстно, потому что вы столько же умны, сколько и хороши. Чего я хочу?... это я могу вамъ съ точностью объяснить, да и хорошо, быть можетъ, если вы это узнаете: я хочу, чтобы принцъ не обращалъ чести моего дома въ игрушку своихъ фантастическихъ капризовъ; я хочу, чтобы принцъ не клалъ позорнаго клейма государственной измѣны на имя, которое я со временемъ буду носить. Я не потерпѣлъ бы этого ни въ какомъ случаѣ; но цѣли этой можно было бы достичь различными средствами, и ради васъ я избралъ бы самыя мягкія. Если я не приму больше этого въ разсчетъ, если изберу кратчайшій путь для достиженія моей цѣли, то вы, и однѣ вы будете отвѣтственны за это.

— Совершенно такъ, какъ я отвѣтственна... за многое и многое въ вашей жизни, возразила Гедвига съ горькой насмѣшкой. Если вода мутна, то конечно нужно же, чтобы кто-нибудь ее замутилъ. А все это вообще служитъ лишь продолженіемъ той повѣсти, которую вы мнѣ разсказали двѣ недѣли тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ и подъ этими самыми деревьями.

— Берегитесь же послѣдней главы, сказалъ графъ.

— Эта угроза очень пристала вамъ, графъ, гораздо больше, чѣмъ маска кротости. Здѣсь дороги наши расходятся.

Она сдѣлала знакъ рукой и отвернулась.

— Гедвига, закричалъ графъ, Гедвига!

Но она не слыхала, не хотѣла слышать его и не оглядываясь скорыми шагами шла къ павильону. Графъ съ минуту постоялъ съ протянутой рукой, затѣмъ топнулъ ногой, скрипнулъ зубами, вскочилъ на лошадь и бѣшенымъ галопомъ поскакалъ по аллеѣ.

Фр. Шпильгагенъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го августа, 1871.

Новый уставъ гимназій 19-го іюня (1-го іюля). — Выходки «Журнала мин. народн. просвѣщенія». — Общій планъ преподаванія въ новыхъ гимназіяхъ. — Чего можно желать будущимъ реальнымъ училищамъ. — Грубое усердіе «Московскихъ Вѣдомостей». — Женская гимназія княгини Оболенской. — Судебное разбирательство «нечаевскаго» дѣла. — Податной вопросъ въ московскомъ земствѣ. — Рѣчь г. В. Безобразова.

Нашимъ читателямъ извѣстно, что еще въ мартѣ текущаго года министерство народнаго просвѣщенія внесло въ государственный совѣтъ проекты измѣненій и дополненій въ гимназическомъ уставѣ, высочайше утвержденномъ 19-го ноября 1864-го года. Изъ высочайшаго повелѣнія, даннаго въ г. Эмсѣ, 19-го іюня (1-го іюля) сего года и опубликованнаго въ самыхъ первыхъ числахъ іюля въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", мы узнаемъ, что при обсужденіи этихъ проектовъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта возникло разногласіе, и слѣдовательно не составилось большинства въ пользу вышеупомянутыхъ проектовъ. Это разногласіе, а вмѣстѣ и вопросъ о направленіи средняго обученія теперь разрѣшенъ въ сферѣ административной и законодательной окончательно. *Одинъ* изъ двухъ вышеупомянутыхъ проектовъ, а именно министерскій проектъ измѣненія классическихъ гимназій утвержденъ въ томъ смыслѣ, что министру народнаго просвѣщенія повелѣно „представить на высочайшее утвержденіе сводъ постановленій о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, составивъ оный какъ изъ статей высочайше утвержденнаго 19-го ноября 1864-го года устава, оставляемыхъ и нынѣ въ силѣ, такъ и изъ представленныхъ имъ и одобренныхъ государственнымъ совѣтомъ статей, въ дополненіе или измѣненіе онаго"; при чемъ прежнія классическія гимназіи и прогимназіи повелѣно именовать просто гимназіями и прогимназіями, все, что въ прежнемъ уставѣ относилось къ реальнымъ гимназіямъ, исключить изъ этого свода. Но *другой* проектъ, который

возбудилъ сильную полемику въ нашей печати и произвелъ большое разногласіе въ государственномъ совѣтѣ, а именно проектъ устава о реальныхъ училищахъ, имѣлъ другую участь, равно какъ и существующія у насъ реальныя гимназіи, которыя министерство предполагало обратить немедленно въ профессіональныя училища, повелѣно „оставить на прежнемъ основаніи впредь до обсужденія государственнымъ совѣтомъ внесеннаго министромъ народнаго просвѣщенія проекта устава о реальныхъ училищахъ", съ однимъ условіемъ: „не допускать, согласно съ нынѣ дѣйствующими постановленіями, окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ, ни въ одинъ изъ факультетовъ университетовъ". Итакъ, нынѣшней осенью государственный совѣтъ приступитъ вторично къ обсужденію проекта устава о реальныхъ училищахъ, съ однимъ лишь ограниченіемъ, а именно, что каковы бы ни были будущія реальныя училища, воспитанники ихъ, если пожелаютъ вступить въ университетъ, то должны подвергаться пріемному испытанію, наравнѣ со всѣми посторонними лицами, между тѣмъ какъ воспитанники гимназій будутъ пользоваться правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Однимъ словомъ, проектъ министерства о реальныхъ училищахъ не утвержденъ и вопросъ о нихъ остается открытымъ впредь до обсужденія его осенью въ государственномъ совѣтѣ.

При такомъ совершенно простомъ и ясномъ рѣшеніи вопроса о классическомъ и реальномъ образованіи, изъ которыхъ первое утверждено окончательно, а второе — предоставлено новому обсужденію въ государственномъ совѣтѣ, „Московскія Вѣдомости" не затруднились прибѣгнуть къ тому, что называется ложью. Въ № 137, продолжая свою безсодержательную и столь же недобросовѣстную полемику съ противниками, эта газета, говоря объ утвержденіи проекта классическихъ гимназій, восклицаетъ: „Вопросъ этотъ рѣшенъ: единственнымъ путемъ къ высшему образованію, какъ и вездѣ, у насъ окончательно признана классическая или гуманистическая школа", и т. д. Итакъ, „Московскія Вѣдомости" во всеуслышаніе, среди бѣлаго дня, объявляютъ, что *вездѣ*, т.-е. во всей западной Европѣ, классическая школа признана *единственнымъ* путемъ къ университетскому образованію, между тѣмъ какъ всякому грамотному человѣку извѣстно, что, напримѣръ, въ Пруссіи и Англіи допускаются въ нѣкоторые факультеты университетовъ воспитанники высшихъ реальныхъ училищъ. Къ чему можетъ послужить такая грубая и безцеремонная ложь печатнаго слова, подобные образчики которой можно было встрѣтить только въ покойной наполеоновской прессѣ? Г. Катковъ можетъ несоглашаться съ порядками прусскими и англійскими, но отрицать существующій фактъ, въ разсчетѣ на простодушіе читателей, мы считаемъ мѣрою, недостойною сколько-нибудь порядочнаго публициста.

Итакъ, слова передовой статьи „Московскихъ Вѣдомостей“: какъ и *вездѣ* — чистѣйшая ложь.

Но кромѣ лжи грубой, въ той же передовой статьѣ мы находимъ образчикъ и утонченной лжи. „Этимъ (т.-е. утвержденіемъ проекта классическихъ гимназій) установленъ *принципъ* для такъ-называемыхъ (?) реальныхъ училищъ; *они поставлены внѣ университетской системы образованія*; вопросъ объ устройствѣ реальныхъ училищъ остается открытымъ (вотъ это вѣрно!), но онъ получилъ опредѣленность и ясность“. Но на дѣлѣ эта „опредѣленность и ясность“ существуетъ только въ головѣ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя имѣютъ очень простую цѣль: онѣ желаютъ, чтобъ у насъ вовсе не было высшихъ реальныхъ училищъ; но правительство, вмѣсто такого рѣшенія, справедливо предпочло не торопиться закрытіемъ существующихъ у насъ реальныхъ гимназій и предоставило обсудить самый проектъ реальныхъ училищъ государственному совѣту. Впрочемъ, посмотримъ, что упомянутая газета считаетъ „принципомъ для такъ-называемыхъ (сколько яду въ этомъ словѣ!) реальныхъ училищъ“? Вотъ именно что: „рѣшеніе вопроса о томъ, могутъ ли эти училища давать право на поступленіе въ университетъ; этотъ вопросъ былъ главнымъ спорнымъ пунктомъ“. Или г. Катковъ ничего не понялъ въ полемикѣ съ своими противниками, или онъ показываетъ видъ, что онъ ничего не понимаетъ, и находитъ въ этомъ средство къ запутанію сущности вопроса. Вопросъ о правѣ воспитанниковъ реальныхъ училищъ поступать въ университетъ, наравнѣ съ воспитанниками классическихъ гимназій, весьма важенъ, но онъ далеко не главный спорный пунктъ; этотъ вопросъ можетъ быть только послѣдствіемъ настоящаго спорнаго пункта. Настоящій спорный пунктъ состоитъ въ слѣдующемъ: должно ли образованіе въ реальныхъ училищахъ быть *общее* или *профессіональное*? Вотъ гдѣ корень всего спора! Настоящее высочайшее повелѣніе, какъ мы видѣли, рѣшило вопросъ только о *правахъ* будущихъ реальныхъ гимназій по отношенію къ факультетамъ университетовъ; но оно вовсе не предрѣшало кореннаго вопроса о томъ, будетъ ли образованіе въ реальныхъ училищахъ *общее* или *профессіональное* и поступило въ этомъ отношеніи весьма мудро. Этотъ-то капитальный вопросъ и предстоитъ обсудить государственному совѣту, а нашей литературѣ слѣдуетъ именно разъяснить всѣ данныя для правильнаго рѣшенія этого вопроса, какъ путемъ исторіи, такъ и на основаніи педагогическихъ данныхъ. Что вопросъ о *правахъ* на поступленіе въ университетъ и вопросъ о *характерѣ* образованія реальнаго—не одно и тоже—доказательствомъ тому служитъ то, что, напримѣръ, въ Пруссіи высшія реальныя училища только въ нынѣшнемъ году въ первый разъ получаютъ право на поступленіе воспитанниковъ ихъ въ университетъ, а еще съ 1854 г.

онѣ имѣли общеобразовательный характеръ, а не профессіональный. Стало быть, цѣлыхъ 17 лѣтъ существуютъ въ Пруссіи *общеобразовательныя* реальныя школы, а право на поступленіе въ университетъ получено ими только теперь. Итакъ, принципъ реальныхъ училищъ состоитъ вовсе не въ томъ, что поставлены они или не поставлены въ систему университетскаго образованія, а въ томъ: быть имъ, какъ то уже давно сдѣлано въ Пруссіи, общеобразовательнаго характера, или только профессіональнаго характера, какъ того желаетъ наше министерство народнаго просвѣщенія? Наши педагоги, вѣроятно, поспѣшатъ сообщить свои наблюденія и свѣдѣнія, чтобы вышеуказанный принципъ могъ быть правильно установленъ, и притомъ совершенно независимо отъ вопроса о правахъ на поступленіе въ университетъ, который и въ Пруссіи оставался нерѣшеннымъ цѣлыхъ 17 лѣтъ.

Читатели, вѣроятно, замѣтили, что, принявъ весьма живое участіе въ публичномъ обсужденіи вопроса объ общественномъ образованіи, его характерѣ и устройствѣ, пока этотъ вопросъ находился въ періодѣ разработки, мы молчали о немъ съ апрѣля, когда онъ изъ этого періода вышелъ и представился на окончательное рѣшеніе законодательнымъ порядкомъ. Мы не упоминали также и о различныхъ слухахъ, ходившихъ съ тѣхъ поръ, и возвращаемся къ нему только теперь, когда оффиціально объявлено рѣшеніе, которое, какъ всякое обнародованное законоположеніе, подлежитъ общественной оцѣнкѣ, согласно съ существующими постановленіями. При этомъ нами руководили какъ намѣреніе строго держаться легальной почвы, такъ и убѣжденіе въ неумѣстности иного образа дѣйствій. Мы не считаемъ умѣстными притязаній вліять на окончательное рѣшеніе обсуждаемыхъ въ высшей законодательной сферѣ вопросовъ, какъ то дѣлали постоянно „Московскія Вѣдомости". Пусть органъ нашихъ „классиковъ" усиленно отстаивалъ „спасеніе всего учебнаго дѣла и будущности Россіи", съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ извѣстіе о непріятномъ ему постановленіи государственнаго совѣта. Этотъ органъ, со всею безцеремонностью и похвальбою французскихъ партій, считаетъ себя „спасителемъ отечества", упорно и неоднократно заявляетъ свою претензію на такое значеніе, а своему кружку усвоиваетъ значеніе русской національной партіи; органъ этотъ еще недавно, дѣлая сравненіе Петербурга съ Москвою, довольно яснымъ намекомъ вмѣнялъ Москвѣ въ заслугу то, что въ ней дѣйствуетъ новый Козьма Мининъ,—гражданинъ Катковъ, спаситель отечества, во время, положимъ, мирное и безопасное, но тѣмъ не менѣе тревожное хоть настолько, что если ему не нужны Минины, то все-таки необходимы литературные городовые. И вотъ, провѣдавъ, какъ шло обсужденіе настоящаго дѣла въ государственномъ совѣтѣ, нашъ „Мининъ" естественно счелъ долгомъ тутъ-то и усугубить свои воззванія, а узнавъ объ окончательномъ рѣшеніи изъ слуховъ, распространенныхъ въ по-

слѣднее время, гражданинъ Катковъ не имѣлъ настолько такта, чтобы удержаться отъ похвальбы и оповѣстилъ міру свое удовольствіе, что судьба русской образованности „спасена". Да и справедливо ли было бы требовать отъ человѣка всѣхъ совершенствъ? „Спасители" общества стоятъ уже на такой высокой нравственной ступени, по крайней мѣрѣ въ своемъ мнѣніи, что могутъ обходиться безъ тѣхъ мѣщанскихъ добродѣтелей, которыя называются скромностью и тактомъ.

Съ своей стороны мы никакъ не думаемъ и теперь, что дѣло русской образованности погибло оттого только, что система средняго обученія вновь подверглась измѣненію, и возвращается къ попыткѣ, которая уже въ 1828-мъ году казалась непримѣнимою по невозможности последовательнаго ея осуществленія на самомъ дѣлѣ. Хорошія классическія школы могутъ быть полезнѣе дурныхъ реальныхъ, и мы искренно желаемъ министерству народнаго просвѣщенія успѣха въ осуществленіи у насъ хорошаго, хотя бы то классическаго образованія. Но сказать, что дѣло образованія „спасено" тѣмъ, что рѣшено *усилить* преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, а реальныя училища сдѣлать профессіональными, не общеобразовательными, и потому неимѣющими ни связи съ университетами, ни доступа къ нему, — мы также не рѣшимся, и не рѣшимся тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, послѣднее вовсе пока не рѣшено. Будь мы даже классики, мы не рѣшились бы утверждать, что дѣло самого классицизма спасено однимъ законоположеніемъ. Законоположеніе въ дѣлѣ умственныхъ и экономическихъ отправленій общества само по себѣ есть только весьма важное начинаніе, намѣреніе внесть въ жизнь общества такое-то направленіе, такую-то систему. Затѣмъ, сама жизнь уже покажетъ, насколько она способна усвоить себѣ такое вносимое въ нее направленіе. Если оно отвѣчаетъ потребностямъ жизни, если въ общественной жизни есть готовые для него элементы — оно прекрасно осуществится; если нѣтъ — тогда оно осуществится только въ уставахъ, но не въ жизни; на дѣлѣ даже и хорошее намѣреніе можетъ остаться только неудавшеюся попыткой. Дѣло классицизма теперь не только еще не „спасено", но оно еще только начинается. Классицизму легко тѣшить себя побѣдою надъ литературными органами; для этого ему достаточно было не возражать на серьезные доводы, и довольствоваться повтореніемъ двухъ-трехъ общихъ мѣстъ; но не такъ легко осуществить на дѣлѣ классицизмъ тамъ, гдѣ исторія не подготовила для него ни сочувствія въ семействахъ, ни обилія въ учителяхъ. Мы даже убѣждены, что роль нашихъ классиковъ была бы гораздо безопаснѣе именно въ томъ случаѣ, еслибы окончательное рѣшеніе состоялось въ смыслѣ противоположномъ ихъ требованіямъ. Ихъ самолюбіе могло бы быть удовлетворено тѣмъ, что была же минута, когда имъ удалось-молъ поселить нѣкоторое сомнѣніе въ умахъ на счетъ дѣла совершенно очевиднаго; затѣмъ, всѣ несовершенства нашей

учебной системы и всякую неудачу въ дѣлѣ средняго обученія, они объясняли бы тѣмъ, что не осуществлены были ихъ идеалы. Только пораженіе могло спасти ихъ самоувѣренность.

Теперь не то, и мѣста для самоувѣренности у нихъ весьма скоро не окажется, когда они станутъ лицомъ къ лицу съ жизнью. Поэзія на тему Ideal und Leben можетъ быть привлекательна и идеалы, которые никогда не осуществляются, могутъ быть заманчивы. Но въ прозѣ жизни идеалы разоблачаются, теряютъ заманчивость потому именно, что они оказываются неосуществимы. Говоря о будущности образованія въ Россіи, мы должны разумѣть не сегодня и не завтра. И вотъ, по отношенію къ этой-то, болѣе или менѣе, отдаленной будущности, мы склонны видѣть въ нынѣшнемъ шагѣ — первый шагъ къ той дорогѣ, которая выведетъ насъ, вмѣстѣ со всею Европою, а быть можетъ и раньше ея, на прочный, не подлежащій уже никакимъ колебаніямъ фундаментъ реальнаго общаго образованія. Съ этой точки зрѣнія, нынѣшній приступъ ко введенію усиленнаго классицизма въ среднемъ обученіи можетъ представить ту выгоду, что однажды сдѣланъ же будетъ опытъ къ осуществленію въ Россіи классицизма, безъ всякаго уже смягченія, безъ всякаго ограниченія; пусть онъ будетъ „подвергнутъ безпристрастному испытанію". Затѣмъ уже, если окажется, что Россія классической все-таки не станетъ, — надо полагать, вопросъ будетъ рѣшенъ окончательно, и притомъ въ безапелляціонной сферѣ самой жизни. Мы же первые порадуемся успѣхамъ классицизма, такъ какъ насъ интересуетъ не торжество нашего мнѣнія, а общественная польза, которая будетъ торжествомъ для всѣхъ. Вотъ почему, не измѣняя нисколько своего взгляда на этотъ вопросъ, ни своего убѣжденія относительно неизбѣжнаго окончательнаго результата въ будущемъ, мы, тѣмъ не менѣе, искренно желаемъ, чтобы министерству народнаго просвѣщенія ничто не помѣшало въ осуществленіи самыхъ лучшихъ, насколько это возможно, безусловно классическихъ гимназій. Надо, чтобы опытъ былъ полный, и мало того: необходимо, чтобы у насъ были по возможности хорошія классическія гимназіи, еслибы случилось, что общеобразовательныхъ реальныхъ гимназій у насъ не будетъ. Но по тому же самому мы считаемъ обязанностью, и съ своей стороны, теперь же указать на тѣ пробѣлы, которые необходимо пополнить и на тѣ затрудненія, которыя желательно устранить, для того, чтобы опытъ совершался при возможно лучшихъ условіяхъ. Даже „Московскія Вѣдомости", при всемъ своемъ торжествѣ, считаютъ долгомъ замѣтить, что „выработанному у насъ новому уставу классическихъ гимназій еще очень далеко до заграничныхъ". Но на нихъ трудно угодить!

За общеобразовательное значеніе реальной системы обученія и за допущеніе учениковъ реальныхъ училищъ въ университетъ высказались, какъ извѣстно, такія сословія и такіе авторитеты, къ которымъ было бы

весьма неумѣстно относиться съ неуваженіемъ. Напрасно въ каждой книжкѣ „Журн. Мин. Народ. Просв." проглядываетъ оффиціальная мысль, считающая „достойными удивленія домогательства" о допущеніи въ университетъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Едва ли мнѣніе, котораго оно не раздѣляетъ, мин. народ. просв. могло назвать „достойнымъ удивленія" въ виду того, какъ это мнѣніе поставлено въ Европѣ и у насъ, и кѣмъ оно было поддерживаемо. Убѣжденіе въ общеобразовательномъ значеніи реальнаго обученія у насъ было высказано и поддерживаемо факультетами университетовъ, медицинскою академіею, земствами и большинствомъ печати, можно даже сказать всею печатью, за исключеніемъ двухъ, трехъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, писавшихъ тожественныя дословно статьи въ двухъ газетахъ. Извѣстно также, что большинство не въ одной печати раздѣляло это мнѣніе. Противъ такой поразительной, по своему единодушію и значенію, массы заявленій изъ общества, статья журнала министерства могла сослаться только на мнѣнія трехъ попечителей округовъ, то-есть на чиновниковъ того же вѣдомства, которые, сколько извѣстно, профессорами не бывали. Откликъ на убѣжденія, высказанныя реалистами, вызванный во всѣхъ сферахъ общества, не исключая и самой высшей, былъ такъ многозначителенъ, что пораженіе, понесенное теперь *„требованіемъ"* реалистовъ, никакъ не можетъ быть признано пораженіемъ для ихъ *мнѣнія*, для ихъ мысли; иныя пораженія стоютъ иныхъ побѣдъ. Сверхъ того, законъ, который въ настоящее время даровалъ побѣду *требованію* классиковъ, не составляетъ вовсе, при данныхъ обстоятельствахъ, побѣды для ихъ мнѣнія. Законъ самъ по себѣ внушаетъ всѣмъ равное и безусловное уваженіе, но законъ не имѣетъ дѣла съ учеными мнѣніями и не беретъ на себя доказывать или опровергать истины науки. Закономъ можно, напримѣръ, ввести въ общественныхъ больницахъ гомеопатическую систему леченія, и это будетъ намѣреніемъ установить ее на практикѣ. Но это никакъ не будетъ доказательствомъ истинности гомеопатіи и ложности аллопатіи. Аллопатамъ осталось бы затѣмъ уважать постановленіе закона и желать, во всякомъ случаѣ, чтобы леченье въ больницахъ шло успѣшно, то-есть, чтобы больные выздоравливали, хотя бы и „по гомеопатіи". Но вопросъ между тою или другою научною теоріею изданіемъ закона все-таки рѣшенъ бы не былъ.

Таково именно наше положеніе въ настоящую минуту, и желая, чтобы дѣло образованія велось, во всякомъ случаѣ, успѣшно, хотя бы и по классической программѣ, мы совѣтуемъ классикамъ избавиться отъ перваго недостатка для серьезнаго отношенія къ дѣлу, именно отъ той „полемической завзятости", которая характеризуетъ упомянутую статью „Журн. Мин. Народ. Просв.". Совершенно напрасно они еще все заняты тѣмъ, какъ бы „отдѣлать" своихъ противниковъ, хотя бы

эти противники были большинство ученыхъ и государственныхъ людей Россіи. Эта легкая и беззаботная пора „отдѣлыванія“ для нихъ прошла. Когда классицизмъ держался въ передовыхъ статьяхъ „Моск. Вѣд.“ и въ нѣкоторыхъ отчетахъ — это были для него „прелестные дни Аранхуэса“; они теперь миновали. Классики должны теперь не „отдѣлывать“ противниковъ, а *передѣлывать* общественную жизнь. Они должны стараться на дѣлѣ, успѣхомъ своихъ усилій, за которыми будетъ слѣдить съ интересомъ общественное мнѣніе, доказать реалистамъ, что правы были они—классики. А для того, чтобы имѣть успѣхъ въ своихъ начинаніяхъ и для того, чтобы убѣдить кого-либо, необходимо относиться серьезно и къ чужому мнѣнію, отложить въ сторону свое высокомѣріе, даже презрѣніе. Первое, что́ они должны сдѣлать, при самомъ началѣ своихъ начинаній, это — испросить себѣ „духъ смиренномудрія“. Задача предстоитъ имъ, дѣйствительно, трудная.

Необходимо также, чтобы они постарались на дѣлѣ разсѣять опасенія, возбужденныя ихъ требовательностью и исключительностью, и въ особенности, чтобы они доказали, что усиленіе классицизма у насъ не задумывается съ политическою цѣлью, съ цѣлью водворенія какой-то особенной благонамѣренности посредствомъ ознакомленія съ жизнью древнихъ обществъ, имѣвшихъ политическія формы несходныя съ нашими. Пусть стараются, чтобы примѣненіе новой системы обученія не вело у насъ къ полному разрыву школы съ жизнью, къ необходимости переучиваться для жизни, отбрасывая все, чему учились въ школѣ; чтобы не увеличилось у насъ, такимъ образомъ, число тѣхъ недоучекъ, тѣхъ непрактическихъ и только формально развитыхъ умовъ, которые составляютъ истинную опасность, прежде всего для самихъ же себя, конечно, какъ мы это видѣли теперь въ происходящемъ на нашихъ глазахъ политическомъ процессѣ. Министерству народнаго просвѣщенія пожелаемъ, чтобы оно нашло, для успѣшнаго исполненія своего проекта, на самомъ дѣлѣ, достаточное число хорошихъ учителей древнихъ языковъ и притомъ не иностранцевъ. Выписать учителей нѣмцевъ и чеховъ, конечно, легко, но это не будетъ способствовать къ успѣшному веденію обученія, такъ какъ тѣ и другіе будутъ объяснять латинскій и греческій языки на языкѣ нѣмецкомъ, а нѣмецкому языку теперь, въ силу того же устава, въ гимназіяхъ не будутъ почти вовсе учить. По всей вѣроятности, такъ какъ новый уставъ дѣлаетъ обязательнымъ обученіе только *одного* новѣйшаго языка, то большинство учениковъ предпочтетъ языкъ французскій, если только предположить вообще возможность учиться въ преобразованныхъ гимназіяхъ какимъ-либо живымъ языкамъ, такъ какъ по новому уставу, сумма обязательныхъ въ недѣлю уроковъ въ 8 лѣтъ гимназическаго курса составляетъ по латинскому языку 49 вмѣсто 34-хъ, и греческому 35 вмѣсто 24-хъ, не говоря о томъ, что греческій языкъ предположено ввести во *всѣхъ*

безъ исключенія гимназіяхъ. Ученики гимназій, начиная съ 1-го класса, будутъ имѣть ежедневно, или почти ежедневно (отъ 5-ти до 8-ми въ недѣлю) одинъ изъ латинскаго языка, а начиная съ 3-го класса точно также ежедневно или почти ежедневно урокъ изъ греческаго языка. И такъ какъ древніе языки прямо указываются главными предметами обученія, то понятно, что ежедневныя усилія учениковъ будутъ преимущественно обращены на нихъ. Русскому языку предоставляется всего 2—4 урока въ недѣлю (только въ одномъ приготовительномъ 6), а одному изъ иностранныхъ живыхъ только 2—3 уроковъ въ недѣлю!

Сумма недѣльныхъ уроковъ по каждому предмету отдѣльно, во всѣхъ классахъ вмѣстѣ взятыхъ, не представляетъ дѣйствительнаго числа уроковъ, предстоящихъ ученикамъ за 8 лѣтъ ученья; такъ, цифра 49 уроковъ латинскаго языка не значитъ, что ученикъ въ гимназіи прослушаетъ всего 49 уроковъ латинскаго языка втеченіи восьмилѣтняго курса или хотя бы одного года. Она значитъ только, что латинскихъ уроковъ въ недѣлю положено въ 1-мъ классѣ 8, во 2-мъ — 7, въ 3-мъ 6, въ 4-мъ 6, въ 5-мъ 6, въ 7-мъ (гдѣ курсъ два года) по 6-ти. Цифра 49 представляетъ просто совокупность этихъ еженедѣльныхъ цифръ. Дѣйствительное же число латинскихъ уроковъ будетъ, предполагая около 200 учебныхъ дней въ году, за первый годъ примѣрно 270, за второй годъ 200, и т д. Но приведенная сумма еженедѣльныхъ уроковъ по каждому предмету во всѣхъ классахъ имѣетъ то значеніе, что она даетъ удобство для оцѣнки распредѣленія времени по предметамъ. Итакъ, на 206 недѣльныхъ уроковъ, во всѣхъ 8-ми классахъ вмѣстѣ взятыхъ, 84 урока отводится на латинскій и греческій языки, 24 на русскій, 19 на одинъ изъ иностранныхъ.

Важнѣйшей цѣлью усиленія классицизма въ нашемъ среднемъ образованіи выставляется желаніе „дать умамъ русскаго юношества непосредственный доступъ къ самымъ источникамъ европейской образованности“, а главнымъ преимуществомъ классическаго образованія передъ реальнымъ указывается то, что первое, перенося учениковъ въ духовный міръ, будто бы болѣе способствуетъ ихъ умственному развитію. Для осуществленія такой мысли, если она вѣрна, казалось бы необходимо было усилить преподаваніе въ особенности исторіи. Между тѣмъ, она въ новомъ уставѣ не только не увеличена, но уменьшена, и на исторію положено всего 12 уроковъ изъ 206, между тѣмъ, какъ собственно на ученье древнихъ языковъ полагается, какъ уже сказано, 84 урока. Въ проектѣ своемъ министерство высказало такое мнѣніе, что „излишнее число уроковъ, назначенныхъ на исторію, ведетъ лишь къ тому, что учители въ формѣ лекцій, совершенно неумѣстной въ гимназіяхъ, сообщаютъ ученикамъ или слишкомъ дробныя свѣдѣнія, обременяющія только память, или же общіе взгляды на историческія лица и событія, — взгляды, способные лишь противодѣйствовать пра-

мальному умственному и нравственному развитію юношества". Необходимо однако будетъ постараться, чтобы хоть тѣ 12 уроковъ, которые теперь будутъ отведены на исторію, употреблять съ возможно большею пользою, такъ какъ, если во всемъ классицизмѣ что-нибудь въ самомъ дѣлѣ способно вести въ духовный міръ и развивать умъ, такъ это, безъ сомнѣнія, историческое начало. Предположенное проектомъ устава чтеніе въ 7-мъ классѣ гимназіи „философскихъ сочиненій древнихъ классическихъ писателей" едва ли можетъ замѣнить основательное знакомство съ исторіею, во-первыхъ, потому, что оцѣнка философскихъ системъ для незрѣлаго ума навѣрное затруднительнѣе и безполезнѣе „общихъ взглядовъ на историческія лица и событія", а во-вторыхъ, еще и потому, что пониманіе философскихъ системъ древнихъ мыслителей, читаемыхъ въ подлинникѣ гимназистами, представляло бы уже такой успѣхъ классическаго обученія, котораго мы едва ли можемъ ожидать, несмотря на все наше желаніе ожидать успѣха хотя бы и классическихъ гимназій.

Необходимо еще, чтобы, при примѣненіи устава, было обращено особое вниманіе на преподаваніе русскаго языка, которому предоставляется также не особенно много времени. Въ проектѣ министерства сказано: „опытъ, впрочемъ, показалъ достаточно, что успѣхи преподаванія русскаго языка *не обезпечиваются числомъ уроковъ*, назначаемыхъ на этотъ предметъ, ибо учителя находятъ возможность тратить эти уроки на самые разнородныя разсужденія, не только безполезныя, но иногда и положительно вредныя". Относительно древнихъ языковъ, опытъ видно не показалъ, что учителя могутъ тратить уроки, иначе не было бы надобности увеличивать ихъ число. Но тѣмъ лучше, если успѣхи преподаванія собственно русскаго языка не связаны неразрывно съ числомъ отведенныхъ для него уроковъ. Значитъ преподаваніе его можетъ пойти успѣшно и при небольшомъ, относительно говоря, числѣ уроковъ. Само собою разумѣется, что въ Россіи ученики и вовсе даже безъ уроковъ русскаго языка, будутъ все-таки лучше знать русскій языкъ, чѣмъ латинскій языкъ послѣ 1,600 уроковъ его, которые имъ придется выслушать въ теченіи 8-ми-лѣтняго курса. Тѣмъ не менѣе однако, надо приложить стараніе, чтобы ученики, по окончаніи гимназическаго курса, могли правильно выражать свои мысли на письмѣ по-русски. Если оказалось бы, что по-латынѣ они пишутъ чистымъ цицероновскимъ слогомъ, а по-русски не тверды на счетъ буквы ѣ, то такой успѣхъ классицизма, очевидно, завелъ бы далѣе предположенной уставомъ цѣли.

Если усиленіе классицизма у насъ выдержитъ предстоящее ему теперь испытаніе, если ему удастся передѣлать русскую жизнь и пересоздать русское общество, если при осуществленіи его окажется возможнымъ устранить всѣ тѣ препятствія и невыгоды, на которыя уже ука-

заю, въ такомъ случаѣ, въ какое положеніе станетъ учебное дѣло въ Россіи? Оно будетъ тогда все-таки не болѣе, какъ въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось въ Пруссіи до учрежденія въ Пруссіи превосходныхъ общеобразовательныхъ реальныхъ училищъ. Такимъ образомъ — все въ предположеніи полнаго успѣха классицизма у насъ, успѣха равнаго прусскому — мы лѣтъ черезъ двадцать пять станемъ наканунѣ той реформы, которую Пруссія осуществила, и которой намъ легко было подражать уже теперь. Потребности жизни возьмутъ свое и напрасно было бы думать, что можно подражать избранному примѣру только до произвольной степени. Германія побѣдила теперь Францію трезвостью, практичностью своей мысли, какъ то наконецъ признаютъ теперь и сами французы, не уступавшіе въ классицизмѣ нѣмцамъ, а не лучшимъ знакомствомъ съ миѳологіею Греціи; громаднымъ развитіемъ своей промышленности, благодаря именно и реальнымъ школамъ, а не умѣньемъ цитировать кстати Горація или Катулла, Цицерона или Тацита. Съ другой стороны, нѣмцы, при всемъ маломъ ихъ расположеніи къ французамъ, оказались до того свѣдущими во французскомъ языкѣ, что между простыми солдатами многіе говорили по-французски; а мы скоро должны утратить знаніе нѣмецкаго языка въ общественной массѣ, именно благодаря новому уставу.

Но для того, чтобы реальныя школы были поставлены въ уровень съ прусскими необходимо, чтобы онѣ были не профессіональныя; онѣ должны только подготовлять людей съ общимъ научнымъ образованіемъ, которымъ затѣмъ легко дается прикладное, профессіональное обученіе. Пусть рѣшено теперь не допускать учениковъ будущихъ реальныхъ училищъ въ университетъ; тѣмъ не менѣе желательно, чтобы самая мысль *реальнаго общаго образованія* не была искажена у насъ учрежденіемъ никому не нужныхъ школъ мнимо-реальныхъ, даже мнимо-профессіональныхъ. Если не хотятъ послѣдовать примѣру Пруссіи въ этомъ отношеніи, хотя примѣръ ея считаютъ вполнѣ доказательнымъ только для усиленія классицизма въ нашихъ гимназіяхъ, то пусть лучше учреждаютъ школы, которыя, въ самомъ дѣлѣ, будутъ обучать мастерствамъ и больше ничему. Реальныя училища, если имъ желаютъ у насъ успѣха, должны быть именно таковы, какъ ихъ давно опредѣлило прусское положеніе; „реальныя училища — не спеціальныя училища, а также какъ гимназіи имѣютъ цѣлью общее образованіе. Реальныя училища сообщаютъ общее образованіе, необходимое для всѣхъ родовъ высшаго спеціальнаго изученія. Это раздѣленіе обусловилось *развитіемъ наукъ* и *требованій жизни*, и реальныя училища постепенно стали на одинаковую степень съ гимназіями“.

Отложенный нынѣ проектъ о „реальныхъ училищахъ“ до дальнѣйшаго его разсмотрѣнія государственнымъ совѣтомъ совершенно несо-

классамъ именно съ этой прусскою програмною *реальнаго общаго образованія.* Онъ предполагаетъ школы профессіональныя, школы для спеціальнаго приготовленія торговцевъ и техниковъ, при чемъ родители, отдавая ребенка въ такую школу, должны впередъ рѣшить, чѣмъ ему быть въ жизни: бухгалтеромъ или химикомъ. Усиленіе классицизма въ нашихъ гимназіяхъ теперь рѣшено, и намъ остается, повторяемъ, только пожелать ему полнаго успѣха, такъ, чтобы наши гимназіи сравнились съ тѣми, какія имѣла Пруссія четверть столѣтія тому назадъ; затѣмъ, по истеченіи еще четверти столѣтія и мы придемъ еще къ примѣру Пруссіи относительно допущенія въ университетъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Но желать успѣха искаженію мысли реальнаго образованія мы не можемъ и откровенно выражаемъ надежду, что министерство народнаго просвѣщенія воспользуется лѣтними мѣсяцами, чтобы внести къ сессіи государственнаго совѣта новый, болѣе раціональный проектъ объ учрежденіи дѣйствительно реальныхъ *общеобразовательныхъ училищъ*, хотя бы и безъ доступа, въ настоящее время, въ университетъ, но съ тѣмъ, чтобы изъ нашихъ высшихъ реальныхъ училищъ, какъ и въ Пруссіи, выходили люди образованные, а не дрессированные только для механическаго труда.

Всѣхъ гимназій и прогимназій въ Россіи (за исключеніемъ дерптскаго и варшавскаго округовъ) 103. Изъ нихъ 9 теперь носятъ названія реальныхъ, и останутся, какъ мы видѣли, пока на прежнемъ положеніи. Остальныя 94 заведенія, классическія, будутъ преобразованы въ смыслѣ новаго устава. Изъ нихъ въ 37 гимназіяхъ и въ 6 прогимназіяхъ уже теперь преподавались оба древніе языка. Имъ предстоитъ только увеличеніе числа уроковъ по этимъ языкамъ и сокращеніе преподаванія по другимъ предметамъ. Затѣмъ, 42 гимназіямъ и 6 прогимназіямъ, въ которыхъ до сихъ поръ преподавался только латинскій языкъ, предстоитъ не только усиленіе преподаванія латинскаго, но еще и введеніе вновь преподаванія греческаго языка. Изъ этого видно, что большинству среднихъ учебныхъ заведеній предстоитъ радикальное измѣненіе курса.

Будемъ надѣяться, что министерству народнаго просвѣщенія удастся поставить наши гимназіи, хотя бы и на классическихъ основахъ, въ положеніе болѣе удовлетворительное, чѣмъ то, въ какое онѣ пришли въ послѣдніе годы. Сущность дѣла въ исполненіи, то-есть въ возможности, средствахъ и умѣньѣ исполнить принятое рѣшеніе. Желаніе само по себѣ, конечно, имѣетъ значеніе, но оно далеко не значитъ все. Одного желанія, конечно, уже достаточно для того, чтобы отвратить искусственно-создаваемыя затрудненія; напримѣръ, можно быть увѣренными, что въ директора классическихъ гимназій не будутъ назначаемы магистры технологіи, какъ, по словамъ полтавскаго корреспондента „С.-Петерб. Вѣд.“, директоромъ лубенской реальной

гимназіи, учрежденной земствомъ на свой счетъ, назначается магистръ богословія. Достаточно одного желанія, чтобы оградить отъ подобныхъ случайностей гимназіи классическія.

Но одного желанія, повторяемъ, еще далеко недостаточно для обезпеченія на самомъ дѣлѣ „судебъ русскаго просвѣщенія", какъ выражаются „Московскія Вѣдомости". Кстати, не можемъ не сослаться на новую статью газеты г. Каткова въ подтвержденіе извѣстнаго правила: „pas trop de zèle". Что газета радуется по поводу утвержденія устава классическихъ гимназій и рѣшенія недопускать реалистовъ въ университетъ — естественно; бывъ органомъ министерства народнаго просвѣщенія съ самаго начала, наравнѣ съ „Биржевыми Вѣдомостями" и производя все время усиленную агитацію въ пользу проектовъ, посредствомъ статей и даже визитовъ, г. Катковъ имѣетъ полное право выражать свое удовольствіе утвержденію одного изъ помянутыхъ проектовъ. Но онъ не имѣлъ никакого права называть разногласіе, происшедшее по этому вопросу въ государственномъ совѣтѣ „оппозиціею" и противопоставлять эту „горячую оппозицію" тому рѣшенію, которое состоялось только впослѣдствіи. Окончательное рѣшеніе освящаетъ собою всякій утверждаемый министерскій проектъ именно только тогда, когда уже онъ утверждается ею. Ранѣе этого послѣдняго момента, любой министерскій проектъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ, и не можетъ быть представляемъ какъ спеціально и впередъ предрѣшенный; иначе онъ не подлежалъ бы и обсужденію. Разногласіе неизбѣжно при всякомъ обсужденіи; почти всегда бываетъ большинство и меньшинство, и это вполнѣ согласно съ видами самой законодательной воли, которая именно изъ такого обсужденія и извлекаетъ окончательное убѣжденіе въ пользѣ того или иного рѣшенія. Что извѣстное число членовъ государственнаго совѣта, все-равно — было ли то большинство или меньшинство, въ настоящемъ случаѣ высказалось противъ нѣкоторыхъ положеній въ проектахъ министра въ то время, когда эти проекты были именно только его, министерскими проектами, и ничѣмъ болѣе, въ этомъ неприлично и смѣшно видѣть „оппозицію", соединенную съ „агитаціею противъ реформы", устраненную послѣдовавшимъ нынѣ актомъ верховной власти. Это неприлично и смѣшно, говоримъ мы, ибо развѣ законъ даетъ министрамъ такое положеніе, что государственный совѣтъ нуждается въ „оппозиціи" имъ, да еще при помощи „агитаціи", какъ увѣряетъ господинъ Катковъ?

Вопросы эти такъ безплодны и вмѣстѣ такъ „деликатны", что мы предпочли бы вовсе не касаться ихъ, еслибы не считали обязанностью дать отпоръ наглости, которая выходитъ, наконецъ, изъ всякихъ предѣловъ. Полагаемъ, что мы имѣемъ полное право коснуться этихъ вопросовъ, для напоминанія о юридической истинѣ и здравомъ смыслѣ,

послѣ того, какъ г. Катковъ такъ бездеремонно посягнулъ на то и на другое. Пусть онъ остается при своей роли запугивать доносами печать, но не простираеть своихъ попытокъ въ этомъ смыслѣ даже на государственный совѣтъ; pas trop de zèle, monsieur Катковъ. Умѣрьте свои нервы, или, по крайней мѣрѣ, не связывайте себя такъ тѣсно съ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Этому министерству предстоитъ теперь трудная задача, въ исполненіи которой не помогутъ ваши ссылки на „оппозицію". Чѣмъ шире расчищено поле для его дѣйствій, тѣмъ серьезнѣе становится обязанность его безотлагательно поставить гимназіи въ положеніе болѣе удовлетворительное. Пожелаемъ ему еще разъ успѣха въ этихъ начинаніяхъ, и вмѣстѣ пожелаемъ, чтобы оно старалось успѣхомъ ихъ убѣдить общество, не стѣсняя земства и частныхъ лицъ въ устройствѣ реальныхъ училищъ, а напротивъ предоставляя жертвователямъ на дѣло образованія полный просторъ въ выборѣ той или иной системы или программы. Стѣсненіе только остановило бы жертвователей и отвратило бы ихъ средства и ихъ усилія отъ дѣла образованія.

На одно изъ такихъ почтенныхъ частныхъ усилій въ пользу этого великаго дѣла мы хотимъ указать теперь. Въ ноябрѣ прошлаго года основано здѣсь, въ Петербургѣ, княгинею Оболенскою, на имя г-жи Адамовичъ, женское учебное заведеніе перваго разряда, съ цѣлью доставлять дѣвушкамъ образованіе, какъ можно болѣе примѣнимое къ жизни. Предпріятіе это еще не получило полнаго развитія по мысли основательницы, но начала ему положены весьма раціональныя и приносящія большую честь основательницѣ. Княгиня Оболенская пожертвовала безвозвратно значительный капиталъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы заведеніе могло, даже безъ всякихъ доходовъ, продержаться не менѣе 2-хъ лѣтъ, и затѣмъ изъявила готовность пополнять и въ слѣдующіе годы могущіе быть дефициты, впредь до полнаго обезпеченія училища его собственными доходами. Доходы же эти, какъ бы значительны они ни были впослѣдствіи, въ полномъ составѣ будутъ обращаемы на расширеніе и улучшеніе самого училища. Такимъ образомъ, изъ этого предпріятія совершенно устранена мысль о выгодѣ и вмѣстѣ ему предоставлена возможность широкаго развитія современемъ. Учебный курсъ, изъ 7-ми классовъ, по объему преподаванія соотвѣтствуетъ курсу мужскихъ реальныхъ гимназій и приготовляетъ ученицъ къ полученію университетскаго диплома. Сверхъ того, предполагается открыть впослѣдствіи для желающихъ еще два высшихъ класса, для подготовленія къ спеціальной дѣятельности, педагогической или медицинской.

Для достиженія возможно лучшихъ результатовъ въ ходѣ преподаванія, веденіе учебной части въ этомъ заведеніи предоставлено пе-

дагогическому совѣту, что, по раціональности мысли, должно служить образцомъ для другихъ училищъ, учреждаемыхъ на частныя пожертвованія, такъ какъ это условіе ограждаетъ дѣло отъ всякаго личнаго произвола и даетъ средства къ правильной выработкѣ методовъ, программъ и удачному выбору учителей и учебныхъ пособій. Преподаваніе въ первыхъ классахъ этого заведенія имѣетъ характеръ преимущественно практическій и стремится болѣе къ подготовкѣ учениць, помощью всесторонняго развитія ихъ способностей, къ серьезному и самостоятельному труду впослѣдствіи, чѣмъ къ одновременному и слишкомъ раннему обремененію ихъ ума массою худо усвоенныхъ научныхъ фактовъ. Съ этой цѣлью, особенное вниманіе въ первые годы обращается на преподаваніе математическихъ понятій и на правильное усвоеніе русскаго языка (отъ 4-хъ до 6-ти уроковъ въ недѣлю) [1]). Пока открыты только первые три класса. Наибольшее число уроковъ въ нихъ посвящено именно русскому языку, а затѣмъ ариѳметикѣ и двумъ иностраннымъ языкамъ, естествовѣдѣнію и т. д. Сколько намъ извѣстно, такой раціональный приступъ къ образованію впервые осуществляется у насъ въ этомъ училищѣ, что, вмѣстѣ съ безкорыстною цѣлью всего предпріятія, вызываетъ полнѣйшее къ нему сочувствіе.

Въ теченіи минувшаго мѣсяца въ здѣшней судебной палатѣ происходило разбирательство того дѣла, которое извѣстно подъ именемъ „нечаевскаго". Сущность этого дѣла состоитъ въ составленіи политическаго тайнаго общества и въ совершеніи убійства. Коснуться этого процесса въ нашей мѣсячной хроникѣ мы почитаемъ обязанностью, какъ по интересу, возбуждаемому имъ, такъ и по нѣкоторымъ значительнымъ его особенностямъ. Главная изъ послѣднихъ та, что этотъ политическій процессъ происходитъ гласно; въ залѣ суда присутствуетъ публика и отчеты о засѣданіяхъ печатаются въ оффиціальной газетѣ, откуда заимствуются и другими газетами.

Польза такой гласности столь очевидна, что нечего долго на ней останавливаться. Она возвышаетъ уваженіе къ суду, низводитъ тѣхъ, кто признанъ виновнымъ, изъ положенія „тайно пострадавшихъ" въ положеніе правильно-осужденныхъ за положительно-доказанное преступленіе, обнаруживаетъ ясно для всего общества нелѣпость полу-школьническаго, сопровожденнаго изувѣрскимъ дѣйствіемъ предпріятія, остерегаетъ въ будущемъ молодыхъ неразвитыхъ людей отъ сѣтей, разставляемыхъ безсовѣстными и безумными агитаторами, наконецъ

---

[1]) О новомъ помѣщеніи этого заведенія къ началу учебнаго года будетъ объявлено въ газетахъ; теперь можно получать свѣдѣнія у завѣдывающаго учебною частью, въ квартирѣ кн. Оболенской, на углу Итальянской и Надеждинской, въ д. Овсянникова.

выставляетъ на позоръ дѣйствія этихъ послѣднихъ, съумѣвшихъ избѣгнуть иной отвѣтственности, кромѣ того негодованія общества, которое будетъ ихъ удѣломъ, въ то время, какъ слѣпыя жертвы ихъ подвергаются карамъ закона.

Вотъ эта именно особенность, а именно гласность, впервые приданная разбирательству политическаго процесса мудростью правительства и налагаетъ на насъ обязанность не умалчивать объ этомъ дѣлѣ. Еслибы обвиненіе и разбирательство послѣдовали внѣ порядка обыкновеннаго судопроизводства и внѣ гласности, то мы, безъ сомнѣнія предпочли бы сохранить молчаніе о всемъ дѣлѣ, какъ бы велико ни было наше искреннее негодованіе противъ самого преступленія и даже еслибы мы были вполнѣ убѣждены въ справедливости послѣдовавшаго затѣмъ приговора. Мы смолчали бы и о нашемъ негодованіи и о нашемъ убѣжденіи въ справедливости кары просто потому, что намъ совѣстно было бы выступать гласно, передъ обществомъ, въ качествѣ прокуроровъ, когда слово защиты было бы скрыто отъ общества. Чувство нравственнаго приличія, понятное всѣмъ порядочнымъ людямъ, не дозволяло бы намъ употребить гласность для осужденія вины, когда не признано было бы нужнымъ воспользоваться гласностью для разъясненія этой вины и для смягченія ея защитою.

Эти оговорки относительно затруднительнаго положенія, какое можетъ создавать печати наказаніе виновныхъ внѣ обыкновеннаго судопроизводства и внѣ гласнаго разбирательства, не совершенно излишни въ настоящее время, хотя онѣ и не примѣняются къ нынѣшнему процессу, происходившему въ порядкѣ обыкновеннаго и гласнаго судопроизводства. Чѣмъ больше простора будетъ для обсужденія подобныхъ дѣлъ въ печати, даже для защиты въ ней нѣкоторыхъ подсудимыхъ, и для указанія на неизбѣжныя иногда упущенія или ошибки въ мѣрахъ преслѣдованія и розыска, тѣмъ полнѣе, тѣмъ свободнѣе порядочные, независимые органы печати станутъ выражать все свое отвращеніе и презрѣніе къ безчестнымъ людямъ въ родѣ Нечаева, ложью и обманомъ завлекающимъ свои жертвы въ нелѣпые, никуда, кромѣ преступленія и гибели, не ведущіе планы революціоннаго шарлатанства. А такія предостереженія, со стороны печати, не заподозрѣнной въ шпіонствѣ или продажничествѣ, имѣютъ значеніе, котораго никто въ наше время ни въ Европѣ, ни у насъ отрицать не станетъ. Но для того, чтобы добросовѣстная печать могла энергично исполнять и эту обязанность, необходимо, чтобы она имѣла возможность относиться къ подобнымъ дѣламъ съ полною свободою критики. Никто не согласился бы занимать должности прокуроровъ, еслибы судебные уставы не давали всѣмъ обвиненнымъ защитниковъ. И печать, если бывало, что она умалчивала о какомъ-либо политическомъ дѣлѣ, руководствовалась тѣмъ правиломъ, которое очевидно для всѣхъ по-

рядочныхъ людей: если свобода критики сводилась къ свободѣ одного порицанія, хотя бы и справедливо преслѣдуемыхъ лицъ, то лучше было не пользоваться и этимъ правомъ, чтобы не показалось обществу, что печать выслуживается, и не лишить ея именно того права на довѣріе, которое одно и даетъ слову ея нравственный вѣсъ.

Обращаясь къ такъ-называемому „нечаевскому дѣлу", мы находимъ въ немъ 12 обвинительныхъ актовъ, противъ различныхъ лицъ. Замѣтимъ, что это раздѣленіе обвиненія обусловлено собственно степенью и родомъ обвиненія, падающаго на разныя группы подсудимыхъ. Итакъ, раздѣленіе обвиненія на 12 актовъ не есть, въ настоящемъ случаѣ, раздѣленіе по существу самого дѣла, за которое подсудимые подверглись преслѣдованію, а только по роду и степени предполагаемой ихъ виновности. По существу же, дѣло можетъ быть раздѣлено на три части или на три момента, которые, правда, имѣютъ между собою болѣе или менѣе связь въ лицѣ тѣхъ же подсудимыхъ, но тѣмъ не менѣе весьма разнородны, такъ разнородны, что каждый изъ этихъ трехъ моментовъ или трехъ этихъ преступленій, могъ бы произойти и независимо одинъ отъ другого. Въ дѣлѣ усматриваются три противозаконныя дѣйствія: 1) безпорядки въ средѣ учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній, и попытка оправдать ихъ посредствомъ тайнаго распространенія составленнаго для этой цѣли воззванія; 2) составленіе тайнаго общества враждебнаго существующему порядку, и 3) убійство студента Иванова. Между всѣми этими дѣйствіями есть, пожалуй, связь, но только историческая, а не логическо-юридическая. Они разнородны и по существу своему, то-есть по своимъ цѣлямъ, и по времени, и по мѣсту ихъ совершенія, и даже по способу ихъ раскрытія. Хотя въ статьѣ, предпосланной напечатанію обвинительнаго акта, сказано, что поводомъ къ обнаруженію правительствомъ преступнаго заговора, составляющаго предметъ настоящаго дѣла, послужили происходившіе въ февралѣ и мартѣ 1869 г. безпорядки въ средѣ студентовъ, а „*отчасти*" также и совершенное въ ноябрѣ того же года убійство Иванова; но не только изъ показаній и сличенія чиселъ, а и изъ самаго содержанія обвинительнаго акта ясно, что къ раскрытію заговора послужило именно убійство Иванова. Въ самомъ дѣлѣ, студентскіе безпорядки происходили въ февралѣ и мартѣ 1869 г.; Нечаевъ 4-го марта уже уѣхалъ заграницу. Воззваніе „Къ обществу", говорившее о студентскихъ безпорядкахъ, напечатанное въ типографіи г-жи Дементьевой, появилось въ концѣ марта. Между тѣмъ, въ сентябрѣ 1869 года Нечаевъ имѣлъ еще возможность возвратиться изъ-за границы и начать усиленное вербованіе членовъ для тайнаго общества, съ цѣлью воспользоваться 19-мъ февраля 1870 года, для производства смятенія въ народѣ, съ революціонной цѣлью. Но вотъ, 21 ноября 1869 г. совершено убійство Иванова; 22-го ноября Нечаевъ уѣхалъ въ Пе-

тербургъ; 25-го ноября тѣло Иванова открыто въ пруду; а 26-го ноября уже производится обыскъ на квартирѣ Успенскаго, который и привелъ къ открытію тайнаго общества, со всѣми его принадлежностями. Изъ сличенія этихъ чиселъ очевидно, что студентскіе безпорядки и даже появленіе упомянутаго воззванія, составляя самостоятельное явленіе, не привели къ раскрытію тайнаго общества, а привело къ нему именно убійство Иванова—обстоятельство случайное, вслѣдствіе котораго все очень скоро и обнаружилось. Обвинительный актъ самъ признаетъ это: „какъ отдѣльный фактъ—говоритъ онъ о воззваніи напечатанномъ у г-жи Дементьевой—обнаруженіе этого воззванія *не привело еще* къ раскрытію какого-либо организованнаго тайнаго общества, которому оно, очевидно, служило только однимъ изъ средствъ распространенія его преступныхъ намѣреній; но, тѣмъ не менѣе, обстоятельство это указало на необходимость усилить наблюденіе за разными лицами, обращавшими уже на себя вниманіе правительства своею политическою неблагонадежностью“. Итакъ, если что-либо было прямымъ поводомъ къ обнаруженію заговора, такъ именно убійство Иванова, а если что-либо служило къ этому только *отчасти*, такъ это именно студентскіе безпорядки и послѣдовавшая за ними прокламація.

Мы сдѣлали это замѣчаніе не съ цѣлью извинять студентскіе безпорядки. Что безпорядки эти могли произойти и совершенно независимо отъ какихъ-либо революціонныхъ затѣй—это ясно уже изъ примѣра студентскихъ безпорядковъ, бывшихъ въ Петербургѣ въ 1861 году и которые ничего общаго съ революціонными замыслами не имѣли. Въ настоящемъ случаѣ, правда, нѣкоторыя лица обвинялись вмѣстѣ и въ участіи въ безпорядкахъ весною 1869-го года и въ составленіи заговора, открытаго осенью. Но обвинительный актъ вовсе не утверждаетъ, что всѣ эти безпорядки были исключительно дѣломъ однихъ обвиняемыхъ нынѣ лицъ; а показаніе г-жи Дементьевой вполнѣ объясняетъ, какимъ образомъ эти безпорядки могли произойти и совершенно независимо отъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвиняются члены тайнаго общества, независимо даже и отъ существованія такого общества. Самъ прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи, прямо призналъ въ настоящемъ дѣлѣ два отдѣльныхъ періода, и относительно студентскихъ волненій далъ весьма ясный отзывъ: „обвиненіе никогда не утверждало, что движенія эти могли подать поводъ къ тому, чтобъ заподозрить ихъ въ чемъ-либо политическомъ; поэтому я считаю нужнымъ заявить, что такой мысли нѣтъ въ обвинительномъ актѣ и ничего подобнаго нельзя вывести изъ всего того, что было сказано мною въ теченіи семидневнаго нашего засѣданія.“ Тѣмъ не менѣе, безпорядковъ, какъ бы они ни объяснялись, конечно нѣтъ возможности ни оправдать, ни извинить. Цѣлью нашего замѣчанія было

только указать на существенное различіе разныхъ моментовъ настоящаго дѣла, для того, чтобы читатель, если онъ самъ не слѣдилъ за ходомъ процесса, а ограничился прочтеніемъ статьи введенія, которая, по краткости, не могла дать тѣхъ точныхъ понятій и распредѣленій, какія введены въ первый обвинительный актъ, не вынесъ такого взгляда на все дѣло, что вотъ-молъ произошли студентскіе безпорядки, а какъ только взялись за студентскую среду, такъ усмотрѣли и заговоръ и убійство. Такой взглядъ былъ бы весьма не точенъ уже и потому, что ни Нечаевъ, ни Успенскій, ни Орловъ студентами не были, хотя въ числѣ обвиняемыхъ есть нѣсколько студентовъ.

Что же это было за тайное общество? Ничтожность, неразвитость его участниковъ представляютъ новое, хотя и излишнее, конечно, свидѣтельство какъ о твердости существующаго въ Россіи правительства, такъ и о шарлатанствѣ „мастеровъ" революціоннаго дѣла, Бакунина и Нечаева. Еслибы прочность нашего правительства, преданность ему всего народа и отвращеніе общества къ затѣямъ профессіональныхъ революціонеровъ нуждались въ доказательствахъ, то доказательство имъ нашлось бы именно въ положеніи и свойствахъ тѣхъ людей, изъ которыхъ вербовали себѣ агентовъ Нечаевъ и Бакунинъ. Только такихъ людей они и могли найти для своихъ глупыхъ преступленій. А фактъ, что прінскавъ такихъ людей, агитаторы съ ними рѣшились-таки вести свой призракъ къ какому-то безусловно невозможному осуществленію, доказываетъ именно, что Бакунинъ и Нечаевъ, если они не сумасшедшіе, — такіе безсовѣстные пройдохи, которые готовы жертвовать людьми для того собственно, чтобы доставить себѣ заграницею хоть малѣйшую долю революціонной „репутація". Но Европа можетъ судить теперь объ этомъ дѣлѣ уже не на основаніи какихъ-либо темныхъ, негласныхъ преслѣдованій; въ настоящемъ случаѣ, когда гласный судъ изобличилъ предъ Европою всю ничтожность людей, обреченныхъ нашими революціонными шарлатанами на жертву ихъ болѣзненному самолюбію, она узнаетъ изъ русскихъ органовъ гласности, что общественное мнѣніе въ Россіи произноситъ надъ Нечаевымъ и Бакунинымъ приговоръ глубокаго презрѣнія. Такимъ образомъ, нынѣшнее дѣло не послужитъ на пользу ихъ самолюбія за границею, и не одна Россія, но и Европа узнаетъ въ нихъ людей нравственно павшихъ, людей, отъ которыхъ долженъ сторониться всякій, кто дорожитъ честнымъ своимъ именемъ.

Не будемъ уже говорить о ничтожествѣ тайнаго общества по положенію его членовъ, которое не давало бы имъ возможности дѣйствовать и въ образованномъ обществѣ, ни въ массѣ народа, еслибы даже у нихъ и была какая-нибудь возможность затѣвать нѣчто въ родѣ революціи, чего вовсе нѣтъ, ни въ обществѣ, ни въ массѣ. Но самыя личныя свойства лицъ, признавшихъ себя главными соучастниками, таковы, что

люди эти не могли бы сколько-нибудь годиться въ агенты революціи, нигдѣ, хотя бы и въ самой революціонной изъ всѣхъ странъ, въ минуту хотя бы самую удобную для производства смятенія; по безхарактерности они становятся игрушками въ рукахъ Нечаева, который ведетъ ихъ убивать человѣка, противъ ихъ воли, и ругаетъ ихъ послѣдними словами за то, что они не хотятъ помогать ему; а между тѣмъ, они все-таки шли на это дѣло! Гласное разбирательство дѣла возбудитъ презрѣніе къ Нечаеву и Бакунину, а молодыхъ людей въ Россіи предостережетъ отъ довѣрія къ темнымъ личностямъ, являющимся съ таинственными, недосказанными планами и съ предложеніями „организоваться" для дѣла неизвѣстнаго. Молодые люди убѣдятся, что „организоваться" не слѣдуетъ потому именно, что вся цѣль такихъ пройдохъ въ томъ и состоитъ, чтобы прославить себя устройствомъ ни для чего не годной „организаціи".

Когда мы пишемъ эти строки, только-что началось, послѣ небольшого перерыва, дальнѣйшее судебное разсмотрѣніе этого дѣла, по слѣдующимъ категоріямъ обвиненія. По окончаніи процесса, мы надѣемся возвратиться къ этому дѣлу, въ его цѣломъ составѣ.

Большинство губернскихъ земствъ, при разсмотрѣніи проекта о преобразованіи подушныхъ сборовъ, пришли къ тому же главному рѣшенію, на какомъ остановилось здѣшнее земство, а именно убѣдились въ невозможности оставлять долѣе все бремя прямыхъ налоговъ на прежнихъ плательщикахъ и въ необходимости распредѣлить ихъ уравнительно на всѣ сословія въ государствѣ. Мысль о замѣнѣ подушныхъ сборовъ всеобщимъ подоходнымъ налогомъ встрѣтила при этомъ почти повсемѣстное сочувствіе. Между обоими столичными земствами оказалось при этомъ то сходство въ дѣйствіяхъ, что какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, именно губернское собраніе сдѣлало постановленіе въ пользу введенія подоходнаго налога, вопреки предложенію управы въ Петербургѣ и коммиссіи въ Москвѣ. Коммиссія московскаго земства затруднилась предложить подоходный налогъ по тому же главному соображенію, которое показалось убѣдительнымъ и петербургской губернской управѣ, а именно, — какъ это вкратцѣ выражено въ докладѣ московской коммиссіи, — „что при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ обрѣтается Россія, нѣтъ возможности обойтись безъ третьяго (т.-е. кромѣ налога съ недвижимостей и капиталовъ), прямого налога на личность, конечно не въ смыслѣ однообразнаго обложенія, а съ соблюденіемъ возможной пропорціональности между размѣромъ оклада и тѣми средствами, которыми располагаютъ плательщики". Такая пропорціональность, для того, чтобы она была вѣрна, очевидно и можетъ быть достигнута только путемъ подоходнаго обложенія, при чемъ доходъ каждаго лица долженъ быть спе-

ціально опредѣленъ; на основаніи его показанія и оцѣнки присяжныхъ цѣновщиковъ. Если, при этомъ, не назначается минимума дохода, подлежащаго обложенію, то подоходний налогъ, на послѣдней своей ступени, очевидно и превращается въ налогъ личный, налогъ на трудъ, оставаясь въ высшихъ степеняхъ налогомъ собственно на доходы. Московская коммиссія не предлагала введенія подоходнаго налога въ настоящее время между прочимъ именно потому, что въ Англіи и Пруссіи для него допущенъ минимумъ, а у насъ минимумъ допустить затруднительно. Затруднительность допущенія такого минимума у насъ въ докладѣ московской коммиссіи выражена слѣдующимъ образомъ: „Состояніе нашего народнаго хозяйства таково, что высокіе оклады съ крупныхъ единицъ и большихъ состояній, даже при тяжеломъ ихъ обложеніи, все-таки дали бы сумму ничтожную въ сравненіи съ государственными расходами, и потому необходимость заставляетъ, для покрытія ихъ, собирать крупные итоги изъ множества мелкихъ сборовъ отъ мельчайшихъ единицъ". „Въ крайнемъ случаѣ—продолжаетъ докладъ коммиссіи — еслибы мы непремѣнно захотѣли ввести у себя подоходное обложеніе, мы все-таки не могли бы имъ ограничиться, а должны бы были, одновременно, привлечь массу народонаселенія къ платежу личнаго налога, въ простѣйшей формѣ *поразряднаго* обложенія". Вотъ почему московская коммиссія и предлагала „поразрядное" (классное) обложеніе, распредѣленное на основаніи „внѣшнихъ, легко уловимыхъ признаковъ", подобно тому, какъ петербургская управа предлагала всеобщій налогъ, раздѣленный на нѣсколько разрядовъ по размѣру предполагаемыхъ заработковъ.

Но изъ того факта, что и подоходный налогъ, на послѣдней своей ступени, необходимо обратится въ налогъ на трудъ, напрасно и здѣшняя управа и московская коммиссія выводили такое заключеніе, что затѣмъ подоходный налогъ былъ бы неудобенъ и въ высшихъ своихъ степеняхъ, и долженъ быть замѣненъ чѣмъ-нибудь другимъ. Изъ перваго вовсе не слѣдуетъ второе. Пусть на низшей ступени подоходный налогъ окажется такимъ только по названію, но за то на высшихъ ступеняхъ онъ будетъ все-таки удобнѣе всякаго поразряднаго или личнаго по категоріямъ; будетъ удобнѣе именно потому, что подоходное обложеніе, основываясь не на валовой оцѣнкѣ, по разрядамъ, а на точной таксаціи для каждаго случая отдѣльно, одно только и можетъ быть въ самомъ дѣлѣ уравнительно, то-есть соразмѣрно средствамъ каждаго. Подоходное обложеніе представляетъ именно ту выгоду, что при немъ можно обойтись безъ всякихъ крайнихъ предѣловъ, то-есть и безъ минимума, и безъ максимума. При немъ нѣтъ никакой надобности установлять, какъ предположено въ Москвѣ для поразряднаго обложенія, чтобы самый богатый платилъ 1200 р., а самый бѣдный 1 р. Въ разрядѣ „самыхъ богатыхъ" могутъ все-таки

быть такіе собственники, изъ которыхъ одинъ вдесятеро богаче другого, т.-е. получаетъ вдесятеро больший доходъ. Пусть онъ платитъ 12,000 р., если тотъ платитъ 1,200 р. Удобство подоходнаго обложенія въ томъ и заключается, что налогъ несутъ на себѣ доходы, а не лица; если въ рукахъ одного лица сосредоточенъ доходъ равный суммѣ доходовъ десяти или ста другихъ лицъ, то это нисколько не измѣняетъ его отношенія къ налогу, взимаемому именно съ цифры дохода, во сколькихъ бы рукахъ этотъ доходъ ни находился.

Вотъ почему, намъ кажется, московское собраніе напрасно остановилось на пол-пути, измѣняя проектъ своей коммиссіи въ томъ смыслѣ, что подоходный налогъ рекомендуется только для двухъ самыхъ высшихъ изъ предположенныхъ коммиссіею разрядовъ, а для остальныхъ десяти разрядовъ оставляется налогъ поразрядный, рекомендуемый коммиссіею. Такимъ образомъ, по проекту, какъ онъ окончательно формулировался въ московскомъ земствѣ, взамѣнъ подушныхъ сборовъ предполагаются цѣлыхъ четыре налога, а именно: налогъ на земли, налогъ на строенія въ уѣздахъ, подоходный налогъ съ двухъ высшихъ разрядовъ, и налогъ личный по остальнымъ разрядамъ.

Болѣе подробной оцѣнкѣ экономическихъ условій московскаго проекта, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ поставленъ коммиссіею, посвящена замѣтка г. Н. М., помѣщенная въ концѣ этого обозрѣнія; читатели найдутъ въ ней для сравненія съ московскими проектами весьма интересныя заключенія, выработанныя самарскою земскою управою. Здѣсь прибавимъ только, что труды московскаго земства по разработкѣ податного вопроса, по своей основательности, имѣютъ право на полное уваженіе и самыя пренія въ средѣ московскаго земства обняли вопросъ широко и всесторонне, въ истинно-государственномъ смыслѣ. Ниже общаго уровня была только рѣчь г. В. Безобразова. Почтенный ораторъ, повидимому, усвоилъ себѣ болѣе формы европейскихъ дебатовъ, чѣмъ логичность, которая составляетъ главную силу замѣчательныхъ debaters, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Для слушателей-дилеттантовъ ораторскій блескъ покрываетъ логическую слабость иныхъ рѣчей. Но г. В. Безобразовъ не отличился ни блескомъ Дизраэли, стараго оратора тори въ общинахъ, ни пыломъ маркиза Сэлисбери, новаго оратора тори въ средѣ лордовъ, а относительно логичности и основательности далеко отсталъ не только отъ Гладстона, но и отъ гораздо скромнѣйшихъ примѣровъ у насъ въ отечествѣ. Г. В. Безобразовъ въ своей рѣчи совѣтовалъ предпочесть нынѣ поразрядную подать подоходному налогу, между прочимъ, потому именно, что, по его словамъ, „плоды поразряднаго налога непремѣнно рано или поздно приведутъ къ естественному результату, то-есть къ подоходной подати“. Это одинъ изъ тѣхъ силлогизмовъ, для кото-

рыхъ въ школьной латыни существуетъ специальная кличка. Какое есть самое практическое средство *непремѣнно* придти къ подоходной подати? Самое практическое и безусловно-вѣрное средство для этого, по увѣренію г. В. Безобразова — ввесть не подоходную подать, а поразрядную, ибо та непремѣнно и естественно приведетъ впослѣдствіи къ подоходной.

Не будемъ останавливаться на неловкомъ выраженіи того же оратора въ томъ мѣстѣ его рѣчи, гдѣ „исторія подоходной подати въ Европѣ“ оказывается „исторіею народныхъ бѣдствій“; выраженіе это весьма неудачно, но ораторъ разумѣлъ его въ смыслѣ одновременности чрезвычайной подати съ чрезвычайными бѣдствіями, а не въ смыслѣ зависимости народныхъ бѣдствій отъ подоходнаго налога. Но аргументъ этотъ все-таки остается весьма неудачнымъ какъ въ виду примѣра Пруссіи, въ которой подоходный налогъ введенъ безъ всякаго отношенія къ какому-либо бѣдствію, такъ и въ виду прочнаго начала, положеннаго подоходной подати въ Англіи Пилемъ. Замѣчательно, скажемъ мимоходомъ, что пренія московскаго земства заходили въ исторической своей части даже до среднихъ вѣковъ, а между тѣмъ въ нихъ ни разу не упомянуто имя Пиля, котораго слѣдуетъ считать истиннымъ творцомъ этой реформы въ Англіи. „Шаткость доходовъ“ въ Россіи — другой аргументъ г. В. Безобразова, совершенно несостоятельный. Выводить изъ шаткости доходовъ заключеніе противъ точнѣйшаго ихъ опредѣленія — опять нелогично. Но едва ли не самое краснорѣчивое, по окончательному отсутствію всякой жизненной провы, мѣсто въ диссертаціи г. В. Безобразова, было слѣдующее: „Наукой собственно защищаются исторически сложившіяся формы, по мѣрѣ обстоятельствъ усовершенствованныя и улучшенныя, и къ нимъ только, какъ добавленіе, является вездѣ подоходная подать“. Экономическая наука защищаетъ исторически сложившіяся формы? Какая же это наука, если она защищаетъ разумность факта просто потому, что онъ существуетъ, и отрицаетъ потребность новыхъ фактовъ потому именно, что они еще не существуютъ? До этого не договаривался и Тьеръ, который сказалъ гораздо проще и удобопонятнѣе, что не протестовать противъ подоходной подати было бы „подло“. Впрочемъ, г. В. Безобразовъ сходится съ Тьеромъ въ мнѣніи, что подоходная подать имѣетъ „демагогическій характеръ“. Но Тьеръ за то открещивается отъ нея обѣими руками, а г. В. Безобразовъ, не отдающій себѣ отчета въ томъ, что́ собственно ему самому желательно, предлагаетъ поразрядный налогъ какъ вѣрное средство для того, чтобы придти все-таки къ той же „демагогической подати“!

ЗАМѢТКА

о податномъ очеркѣ московской земской коммиссіи.

Подушныя подати, къ которымъ московское земство совершенно справедливо отнесло, кромѣ собственно податей и подушнаго государственнаго земскаго сбора, еще общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ, уплачиваются въ настоящее время одними крестьянами, главный источникъ дохода которыхъ, какъ извѣстно, заключается въ земледѣліи при крестьянскихъ заработкахъ, развитыхъ преимущественно въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ, и составляютъ такую тягость,—особенно при уплачиваемыхъ крестьянами же выкупныхъ платежахъ, оброкахъ за землю, акцизѣ на вино и на соль, и при существующихъ земскихъ по губерніямъ сборахъ,—что при нихъ невозможно никакое дальнѣйшее развитіе ни народнаго благосостоянія, ни народнаго образованія.

Чтобы судить, до какой степени чрезмѣрна тягость подушныхъ податей, мы приведемъ изысканія объ этомъ земства Самарской губерніи и земства Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи. Именно оказалось, что если всѣ вышеприведенные виды подушныхъ податей, платимыхъ по Самарской губерніи, разложить на земли не однихъ крестьянъ, а на всѣ земли частнаго, удѣльнаго и общественнаго владѣнія (за исключеніемъ земель собственно казенныхъ), и къ этому присоединить существующіе губернскіе и уѣздные земскіе сборы, то налогъ на землю составитъ около 50% средней арендной платы за землю, которую можно принять за чистый доходъ землевладѣльца. А по Новоторжскому уѣзду этотъ же налогъ составитъ около 75% чистаго дохода, что, вѣроятно, окажется и по другимъ губерніямъ сѣверной полосы, такъ что, повидимому, средняя цифра обложенія для всѣхъ губерній была бы приблизительно 60%.

Не говоря уже о невозможности высокаго обложенія земли, но даже и обложеніе въ половину меньшее, т.-е. въ 30% съ чистаго дохода землевладѣльца, было бы слишкомъ тягостно для образованныхъ классовъ и едва-ли желательно въ видахъ дальнѣйшаго развитія интеллигентныхъ силъ страны.

Между тѣмъ московское земство предположило обратить въ налогъ на землю именно половину всѣхъ подушныхъ податей: $^2/_3$ ихъ въ видѣ прямого (подоходнаго) поземельнаго налога, а $^1/_3$ въ видѣ налога на строенія внѣ городовъ по квадратному пространству ихъ;—слѣдовательно налогъ этотъ, съ присоединеніемъ къ нему существующихъ

земскихъ сборовъ, составитъ около 30% чистаго дохода земли. Въ засѣданіи московскаго земства 15-го іюня было выяснено, что даже безъ этого налога на строенія, одинъ поземельный налогъ и существующіе земскіе сборы составятъ около 30% доходности земли. Но и налогъ на строенія необходимо присоединить къ налогу на землю (за исключеніемъ той части его, которая упадетъ на промышленныя строенія), потому что кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ помѣщичьихъ домовъ, обратившихся въ лѣтнія дачи, и нѣкоторыхъ крестьянскихъ домовъ, сдаваемыхъ въ наймы въ большихъ промышленныхъ селахъ, ни помѣщичьи, ни крестьянскія жилыя строенія не представляютъ никакой самостоятельной доходности; они могутъ только нѣсколько возвысить арендную плату за землю, при которой они состоятъ, но независимо отъ этой земли они не могутъ давать дохода.

Оказываясь слишкомъ тягостными для помѣщиковъ, эти предложенные московскимъ земствомъ налоги могутъ быть названы необременительными для крестьянъ развѣ только потому, что въ настоящее время они платятъ въ 4 раза больше подушныхъ податей,— въ сущности же они будутъ и для нихъ въ той же мѣрѣ тягостны, какъ и для помѣщиковъ. При этомъ не надо забывать, что та земля, за которую они будутъ платить налогъ, еще не принадлежитъ имъ; они платятъ за нее или выкупные платежи, или оброкъ (въ обоихъ случаяхъ московское земство предположило обратить налогъ на нихъ), такъ что въ отношеніи крестьянъ этотъ налогъ будетъ въ сущности не поземельнымъ, а налогомъ на крестьянскій трудъ. Возложеніе отвѣтственности за эти земли на крестьянъ имѣетъ, конечно, много основаній за себя, и если правильность этого отступленія отъ принципа подоходности предположеннаго московскимъ земствомъ поземельнаго налога, представляется сомнительною, то преимущественно потому, что самый размѣръ налога слишкомъ великъ.

Остальную половину подушныхъ податей московское земство предположило замѣнить поразряднымъ прогрессивнымъ налогомъ на всѣ классы общества, опредѣливъ меньшіе оклады этого налога по признакамъ рабочей способности отдѣльныхъ семействъ болѣе бѣдныхъ классовъ и по признакамъ довольства и величины доходовъ болѣе зажиточныхъ классовъ. Въ число этихъ признаковъ входятъ и получаемые служащими содержаніе и пенсіи, принадлежность къ той или другой гильдіи, арендованіе удѣльныхъ и частныхъ имуществъ, наемная плата за нанимаемую квартиру, а также недвижимая собственность въ городахъ и уѣздахъ и проч.

Надо отдать справедливость составителямъ очерка этого поразряднаго налога: разсматривая его отдѣльно отъ общей системы проектовъ московскаго земства нельзя не признать, что онъ замѣчательно хорошо

и полно выработанъ, такъ что едва ли можно себѣ представить лучшій очеркъ поразряднаго налога, за исключеніемъ можетъ быть только принятаго въ немъ обложенія торгующихъ по гильдіямъ. Но въ связи съ остальнымъ проектомъ онъ значительно теряетъ свое достоинство.

Начать съ того, что имъ опять облагается земля, и даже одна и таже два раза; такъ, за обработываемую имъ землю платитъ и крестьянинъ (кромѣ поземельнаго налога, кромѣ оброка или выкупныхъ платежей), или арендаторъ — и за тотъ же участокъ земли платитъ землевладѣлецъ (только за отошедшіе въ выкупъ надѣлы помѣщики, кажется, не должны платить). И хотя бы землевладѣлецъ уплачивалъ поразрядный налогъ по цензу (если можно такъ выразиться) нанимаемой имъ квартиры въ городѣ, въ случаѣ, если этотъ цензъ его превышаетъ его поземельный цензъ (оттого, что онъ имѣетъ другіе источники доходовъ, кромѣ дохода отъ своей земли), то все-таки этотъ налогъ упадетъ частью и на его поземельный доходъ, тѣмъ болѣе, если онъ не обладаетъ никакимъ другимъ источникомъ дохода; — такъ что, въ сущности, поземельный налогъ будетъ еще больше предположеннаго выше, и притомъ онъ, во многихъ случаяхъ, будетъ соразмѣряться не столько съ степенью большей или меньшей доходности земли, сколько съ степенью большей или меньшей расточительности землевладѣльца по найму въ городѣ квартиры,—какъ, напр., человѣкъ съ большимъ семействомъ, по необходимости нанимающій большую квартиру, будетъ больше обложенъ, чѣмъ холостой человѣкъ, который при томъ же поземельномъ доходѣ (или всякомъ иномъ, какъ-то: жалованьѣ, пенсіи и проч.), довольствуется меньшею квартирою, тратясь на удобства и удовольствія другого рода.

Относительно крестьянъ этотъ налогъ представляется еще болѣе безотраднымъ. Мы сейчасъ видѣли, что налогъ на ихъ земли есть въ сущности налогъ на ихъ трудъ, потому что они не получаютъ землевладѣльческаго дохода отъ обработываемой ими земли, а сами платятъ аренду за нее,—поразряднымъ же налогомъ вновь облагается ихъ трудъ или заработки, даже и въ томъ случаѣ, когда они будутъ уплачивать его не на основаніи своей рабочей силы или какъ бобыли, но по признаку обработываемой ими земли.

Затѣмъ, поразрядный налогъ на торгующихъ лицъ по принадлежности ихъ къ той или другой гильдіи, а не по числу и роду торговыхъ заведеній каждаго лица, иначе сказать не по степени его доходовъ, вноситъ еще бо́льшую неравномѣрность въ существующее у насъ обложеніе торговли и промысловъ пошлинами, о чемъ мы подробно скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Предположенное же московскимъ земствомъ обложеніе промышленныхъ строеній по квадратному размѣру ихъ пространства далеко не соотвѣтствуетъ доходности различныхъ промышленныхъ предпріятій.

Вообще, предположенный московскимъ земствомъ поразрядный налогъ имѣетъ за себя преимущественно то, что имъ, между прочимъ, облагаются небывшіе до сихъ поръ обложенными доходы такъ-называемыхъ свободныхъ профессій, напр., адвокатовъ, медиковъ, писателей, художниковъ, арендаторовъ, а также служащихъ въ частной, военной и гражданской службѣ. Но такъ такъ находящіеся на государственной службѣ получаютъ содержаніе отъ правительства, то обложеніе ихъ будетъ, черезъ нѣкоторое время, равняться перекладыванію денегъ изъ одного кармана казначейства въ другой, а лицъ остальныхъ профессій у насъ еще такъ къ сожалѣнію немного, и доходы ихъ въ общемъ такъ незначительны, что обложеніе ихъ не можетъ дать большой цифры безъ крайняго ихъ отягощенія, что вовсе не желательно. При этомъ надо еще замѣтить, что облагаются они вовсе не соразмѣрно ихъ доходовъ, а по болѣе или менѣе случайнымъ признакамъ ихъ расходовъ на извѣстный только предметъ.

Итакъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, проектъ московскаго земства представляетъ ту невыгоду, что, облагая большимъ налогомъ поземельную собственность и не избавляя крестьянъ отъ тягости податей, насколько это было бы желательно, онъ облагаетъ всѣ классы личнымъ налогомъ, далеко не строго соразмѣряющимся съ доходами каждаго лица или семейства.

Ошибка коммиссіи московскаго земства, по нашему мнѣнію, происходитъ именно отъ того, что она, увлекшись примѣромъ Пруссіи, остановилась на поразрядномъ налогѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что такое поразрядный или классный налогъ? Къ чему устанавливаются разряды окладовъ его? Развѣ не для того, чтобы соразмѣрить величину налога, падающаго на каждое лицо, или семейство, съ бóльшею или меньшею величиною получаемыхъ имъ доходовъ? Слѣдовательно, по существу своему, это есть подоходный налогъ (или скорѣе стремленіе къ подоходному обложенію), но только основанный на очень невѣрныхъ, сбивчивыхъ и случайныхъ признакахъ дохода частныхъ лицъ, и потому неспособный ни достигнуть большой цифры въ итогѣ, ни быть правильно и соразмѣрно разложеннымъ; а только при этомъ послѣднемъ условіи онъ и можетъ быть справедливъ и легокъ къ уплатѣ. Дѣйствительно, каждое лицо, или семейство, совмѣщаетъ въ себѣ разные виды доходовъ, и источники ихъ могутъ находиться въ разныхъ губерніяхъ, такъ что опредѣлить сумму доходовъ каждаго лица, или семейства, очень трудно, почти невозможно; и потому по необходимости приходится брать мѣриломъ или только нѣкоторые виды доходовъ, или нѣкоторые признаки довольства, т.-е. предметы расхода, изъ чего проистекаетъ неуравнительность и несправедливость. Гораздо раціональнѣе и проще было бы обратиться не къ опредѣленію доходовъ каждаго лица, а къ опредѣленію на мѣстахъ доходности тѣхъ

источниковъ, изъ которыхъ эти доходы извлекаются, и облагать налогомъ не лица, а эти источники доходовъ, кому бы они ни принадлежали. Такъ московское земство и поступило въ отношеніи собственно поземельнаго налога (и еще содержанія служащихъ), но не провело этого принципа до конца и, предположивъ обложеніе лица поразряднымъ налогомъ, пришло къ двойному и неравномѣрному обложенію помѣщичьей земли и крестьянскаго труда, не осуществивъ при этомъ и главной своей задачи: освобожденія податныхъ сословій отъ гнетущей ихъ тягости налоговъ.

Въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, проектъ самарскаго земства стоитъ гораздо выше. Не предположивъ никакого личнаго налога, а также обложенія строеній внѣ городовъ, оно проектировало замѣну подушныхъ податей налогомъ на главные источники доходовъ у насъ, пропорціонально ихъ доходности, именно на земли, недвижимую собственность въ городахъ, на торговлю и на промыслы (понимая подъ наименованіемъ промысловъ преимущественно фабрики и заводы). При этомъ, такъ какъ недвижимая собственность въ городахъ уже обложена государственнымъ налогомъ, а торговля и промыслы пошлинами, то въ суммѣ подлежащихъ новой раскладкѣ подушныхъ податей самарское земство присоединило 14 милл. руб. нынѣшняго государственнаго дохода отъ этихъ статей. По приблизительному разсчету самарскаго земства, 9% налогъ съ чистаго дохода однихъ означенныхъ источниковъ покроетъ всю требуемую сумму. Если же присоединить къ этому подоходному налогу предположенное московскимъ земствомъ обложеніе вознагражденія личнаго труда, то % подоходнаго обложенія могъ бы быть еще меньше. Вообще надо сказать, что въ дѣлѣ установленія налоговъ едва ли не самое важное то, чтобы они были основаны на вѣрномъ, раціональномъ принципѣ,— и въ данномъ случаѣ таковымъ является принципъ подоходнаго обложенія. Противъ раціональности и справедливости подоходнаго обложенія въ сущности никто и не споритъ; оспариваютъ подоходный налогъ, обыкновенно ссылаясь на трудность его практическаго примѣненія, на трудность вѣрной оцѣнки доходности облагаемыхъ предметовъ. Но совершенство ни въ какомъ дѣлѣ не достигается сразу, а принимать за совершенство одну наружную, кажущуюся стройность устава, безъ существеннаго, внутренняго достоинства въ немъ, и удовлетворяться этимъ въ дѣлѣ государственной важности было бы, по меньшей мѣрѣ, опрометчиво. Такимъ совершенствованіемъ проектированнаго самарскимъ земствомъ подоходнаго налога было бы, между прочимъ, упомянутое распространеніе его на другіе виды доходовъ, болѣе вѣрная оцѣнка и т. д., и это достигалось бы безъ всякихъ потрясеній, именно потому, что было бы развитіемъ того же принципа;

тогда какъ совершенствованіе поразряднаго налога возможно только черезъ перемѣну основныхъ началъ его.

Впрочемъ и 9% обложеніе чистаго дохода нельзя не признать сравнительно блистательнымъ результатомъ, и самарское земство надѣется достигнуть его отчасти черезъ подоходное обложеніе недвижимой собственности въ городахъ (въ настоящее время весьма неправильно обложенной), но преимущественно черезъ замѣну торговыхъ пошлинъ подоходнымъ обложеніемъ торговли и промысловъ.

Существующія у насъ съ 1865-го года пошлины за право торговли и промысловъ представляютъ дѣйствительно столько несообразностей, что съ устраненіемъ ихъ и замѣною платимыхъ пошлинъ подоходнымъ налогомъ на торговлю и промыслы, можно надѣяться въ значительной степени увеличить государственный доходъ отъ нихъ, въ замѣну большей части дохода отъ подушныхъ податей.

Положеніе 1865-го года о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, сколько мы знаемъ, никогда еще не было подвергнуто разбору въ нашей печати,—нѣсколько только замѣчаній о немъ было высказано авторомъ статей „Десять лѣтъ реформъ" въ апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Европы* 1871-го года, — и въ виду того, что, в нашему мнѣнію, замѣна этихъ пошлинъ подоходнымъ промысловымъ налогомъ даетъ какъ бы ключъ къ разрѣшенію податного вопроса, мы постараемся представить подробный разборъ этого положенія.

Н. М.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го августа, 1871.

Годъ тому назадъ.—Бордосская рѣчь Гамбетты наканунѣ іюльскихъ выборовъ.—Отношеніе Гамбетты къ правительству Тьера и къ коммунѣ.—Новыя идеи правительственной оппозиціи во Франціи. — Взглядъ Гамбетты на причины бѣдствій Франціи и его политическая программа.—Ея cercle vicieux.—Іюльскіе выборы.—Ихъ результатъ въ провинціи и въ Парижѣ, сравнительно съ февральскими выборами.—Муниципальные выборы въ Парижѣ. — Вопросъ эльзасскій и клерикальный въ Германіи. — Результаты парламентскихъ работъ въ Англіи, Австріи, Бельгіи и Италіи.—Новыя стремленія Турціи къ объединенію.

Наступила первая годовщина той эпохи, память о которой перейдетъ, конечно, въ самыя отдаленныя поколѣнія. Іюль и августъ прошедшаго года совмѣстили въ себѣ столько событій, сколько не представляютъ иногда цѣлые годы. Въ началѣ іюля ($^3/_{15}$), французская имперія объявила войну Германіи, а въ первыхъ числахъ сентября не было уже ни имперіи, ни императора, ни его войска. 4-го сентября императоръ и войско находились уже въ плѣну, а въ имперіи провозглашена республика. Для совершенія такого переворота, почти половина населенія западной Европы оставила свой домъ и семью и предалась братоубійственной войнѣ, ужасы которой не имѣютъ себѣ ничего подобнаго въ лѣтописяхъ исторіи. Прошелъ годъ, и мы стоимъ теперь на пепелищѣ, признавая полную невозможность подвести итогъ всѣмъ жертвамъ человѣческой жизни и человѣческаго труда, которыя были принесены обѣими сторонами. Франціи дорого стоило правленіе Наполеона III и дорого обошлось освобожденіе отъ него. Конечные результаты этой войны лежатъ далеко впереди, и даже истинная оцѣнка такихъ внѣшнихъ и осязательныхъ фактовъ, вытекшихъ изъ войны, какъ объединеніе Германіи, основаніе французской республики, въ настоящую минуту было бы, по крайней мѣрѣ, преждевременна. Возможно пока одно сравненіе переживаемаго нами момента съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились Франція и Германія годъ тому назадъ.

Начнемъ съ Франціи. Годъ тому назадъ, послѣ плебисцита 8-го мая, Эмиль Олливье заявилъ, что Франція одержала такую же побѣду, какъ и Пруссія въ 1866 году: майскій плебисцитъ былъ названъ имъ „французскою Садовой"! Обманувъ свой народъ, императорское правительство обмануло потомъ само себя, и это было тѣмъ для него легче, что въ его распоряженіи находилась деморализованная произволомъ администрація, подкупная палата депутатовъ и продажная пресса. Цѣлью объявленной войны было, по прежнему, спасеніе цивилизаціи, которая можетъ процвѣтать только тогда, когда ею руководитъ Франція: а Пруссія угрожала Франціи, слѣдовательно и цивилизаціи. Прошелъ годъ, и что же теперь говорятъ въ этой самой Франціи? Большинство версальскаго національнаго собранія не далеко ушло отъ послѣдней наполеоновской палаты: его войска, овладѣвъ Парижемъ, по словамъ Тьера, спасли цивилизацію, которой угрожала коммуна и будто бы сочувствовавшіе ей пруссаки. Но, къ счастію Франціи, въ нынѣшнемъ году громко раздаются въ ея средѣ и другіе голоса, которые были бы невозможны годъ тому назадъ даже для тѣхъ, кто нынѣ ихъ произноситъ. Гамбетта во всеуслышаніе сказалъ, наканунѣ самого тьеровскаго парада и великолѣпнаго займа, что причиною всѣхъ бѣдствій, постигшихъ въ послѣднее время Францію, служитъ „notre infériorité physique et morale"! По его словамъ, современная Франція „представляетъ міру зрѣлище народа, который прежде всѣхъ началъ домогаться правъ разума, а самъ остается въ невозможности ни осуществить ихъ, ни проповѣдывать для самого себя". И ко всему этому ораторъ Франціи послѣ войны присоединяетъ слѣдующій совѣтъ: „Интересъ родины предписываетъ намъ нынче не произносить словъ неблагоразумныхъ, замкнуть наши уста и отодвинуть въ глубину сердца наши огорченія"; а годъ тому назадъ ораторъ второй имперіи, Эм. Олливье стяжалъ рукоплесканія за то, что съ „легкимъ сердцемъ" объявлялъ сосѣду войну; а еще прежде того другой ораторъ, Руэръ, увѣрялъ Францію, что „Европа не хочетъ перемѣнить господина", и что эта роль за Франціею обезпечена.

Вообще можно сказать, что старый французскій историкъ Фруассаръ, назвавшій исторію своего времени „Исторіею дѣяній и событій", въ наше время назвалъ бы свой трудъ—исторіею словъ и циркуляровъ. Въ іюнѣ, мы видѣли, паладинами слова во Франціи являлись Тьеръ, прозванный въ насмѣшку Адольфомъ I-мъ, Жюль Фавръ и Трошю. Мѣсяцъ іюль открылся вышеуказанною рѣчью Гамбетты, произнесенною имъ въ томъ же городѣ, гдѣ была нѣкогда сказана Наполеономъ та рѣчь, которая осталась въ исторіи памятною по ея фразѣ: L'empire c'est la paix! Гамбетта, правда, не сказалъ прямо: La république c'est la guerre! но таковъ именно заключительный смыслъ его рѣчи, сказанной имъ въ Бордо, при проѣздѣ изъ Испаніи, гдѣ

ить оставался все послѣднее время, въ Парижѣ, на іюльскіе выборы. Но помимо такого заключительнаго смысла, къ оцѣнкѣ котораго мы возвратимся, рѣчь Гамбетты, обращенная имъ къ собранію делегатовъ различныхъ республиканскихъ кружковъ, имѣетъ всѣ достоинства важнаго историческаго документа и въ политической жизни Гамбетты займетъ видное мѣсто. Мы находимъ въ этой рѣчи непривычный для французовъ взглядъ на истинное внутреннее значеніе французской цивилизаціи; Гамбетта безпощадною рукою срываетъ блестящіе покровы съ того идола, который французы, а вслѣдъ за ними и всѣ многіе другіе, называли „la grande nation“; вотъ слова Гамбетты: „il s'agit de refaire le sang, les os, la moelle de la France, entendez le bien!“ Дѣло идетъ о томъ, чтобъ передѣлать кровь, кости, мозгъ Франціи, поймите это хорошенько!

Нельзя требовать болѣе полной передѣлки общества; нельзя болѣе картинно выразить осужденія своему прошедшему и признаться, что ни „кровь, ни кости, ни мозгъ костей“ въ томъ, что называлось „великою націею“—никуда не годны! Такое сознаніе болѣе спасительно, чѣмъ восторги Тьера по поводу удачнаго займа, что, впрочемъ, не хуже удавалось и Наполеону III, или по поводу пресловутаго парада, что при второй имперіи удавалось несравненно лучше; не даромъ же ее называли l'empire de Franconi (содержатель цирка). Тьеръ особенно заботится о возстановленіи старой „крови“ и старыхъ „костей“ съ старымъ „мозгомъ“, и съ гордостью указывая Европѣ на заемъ и стотысячную армію, видитъ уже начало къ возстановленію „престижа“ Франціи. Но добываніе новой „крови“ и новыхъ „костей“ — работа весьма трудная, и тотъ же Гамбетта доказываетъ намъ, что легко читать мораль другимъ, а не такъ легко самому показать на себѣ примѣръ новой морали. Кто не помнитъ рѣчей Гамбетты и его циркуляровъ, какъ диктатора, кто не помнитъ, какъ онъ „заказывалъ ружья всему свѣту“?! Точно также и теперь въ Бордо, указавъ французамъ, что они были извращены до „мозга и костей“, Гамбетта не можетъ не возвратиться къ обычной лести предъ „великою націею“ и спрашиваетъ своихъ слушателей: „знаете ли вы, что говорили въ въ чужихъ земляхъ во время войны? — „Нѣтъ книгъ“! — И дѣйствительно, Франція, предавшись вся защитѣ, не производила больше ничего для поученія народовъ“! И это говоритъ ораторъ, который только-что объявилъ, что Франція при второй имперіи, въ теченіи 20-ти лѣтъ, страдала отъ деморализаціи прессы и литературы, когда Франція могла производить только для зачумленія общественной нравственности, по признанію самого же Гамбетты. Его новая фраза стоитъ заказа ружей всему свѣту, и доказываетъ основательность мысли о необходимости передѣлать Францію до мозга костей, до полнаго уничтоженія того, что французы называютъ la blague.

И при всемъ томъ, Гамбетта, въ настоящую минуту, едва ли не единственный человѣкъ, отъ котораго Франція ждетъ порядка безъ реакціи. Его profession de foi можетъ имѣть потому рѣшительную участь на судьбу страны, особенно, если исполнится на дѣлѣ прокламація, которою друзья рекомендовали его наканунѣ выборовъ въ Парижѣ: „Мы имѣемъ двухъ вождей—Тьера и Гамбетту; Тьеръ вождь нашихъ *тори*; Гамбетта—нашихъ *виговъ*“ [1]). Конечно, тутъ есть комплиментъ Тьеру, реакціонерная политика котораго приравнена не совсѣмъ вѣрно политикѣ консервативной партіи Англіи; но тутъ еще болѣе видна надежда на близость другой политики во Франціи, и на то, что во главѣ ея станетъ Гамбетта и его идеи. Вотъ почему нельзя не остановиться на бордосской рѣчи, противъ которой даже и политическіе враги Гамбетты могли сказать только одно, а именно — пожалѣть, что она не была сказана раньше. И надобно отдать справедливость Гамбеттѣ: его положеніе, какъ человѣка, котораго за нѣсколько дней предъ тѣмъ Тьеръ характеризовалъ въ національномъ собраніи словами: „le fou furieux“—было одно изъ затруднительныхъ; еще недавно онъ былъ ярымъ проповѣдникомъ войны съ пруссаками a l'outrance и объяснялъ ихъ побѣды однимъ варварствомъ и численнымъ перевѣсомъ; всѣмъ извѣстны были также близкія его отношенія къ членамъ парижской коммуны; всѣмъ понятно было его восклицаніе въ Бордо, когда, въ отвѣтъ на прочтенныя условія мира съ Германіею, онъ объявилъ: c'est inacceptable!

Какъ же смотритъ онъ теперь на правительство Тьера, которое приняло этотъ миръ? „Нужно поддерживать—говоритъ онъ въ Бордо четыре мѣсяца спустя — и подкрѣплять наше правительство, республику, правительство фактическое и вмѣстѣ основанное на правѣ; не вступая въ дѣтскія пренія объ оттѣнкахъ, позвольте мнѣ сказать вамъ, что правительство (т.-е. Тьера), именемъ котораго издаются законы, заключается миръ, собираются милліарды, творится судъ, укрощаются мятежи, которыхъ было бы достаточно для ниспроверженія десяти монархій, такое правительство прочно и законно; оно доказываетъ свою силу и свое право самыми своими дѣйствіями. Такое правительство вызываетъ всѣхъ на уваженіе къ себѣ, и кто ему вздумаетъ угрожать, тотъ мятежникъ.“ Восклицанія: браво, браво! прі-

---

[1]) Нельзя, при этомъ случаѣ, не упомянуть характеристическаго анекдота, оправдывающаго взглядъ Гамбетты, въ той же его рѣчи, на состояніе образованности во Франціи; по его мнѣнію, французы — круглые невѣжды въ знаніи другихъ странъ. Дѣйствительно, въ этой важной прокламаціи, гдѣ имена Тьера и Гамбетты, и слова: тори и виги напечатаны огромными буквами, недопускающими опечатки, извѣстное названіе прогрессивной партіи въ Англіи *Whig* напечатано: *Whigt*, какъ будто слово: вигъ происходитъ отъ острова Уайта, вѣроятно, болѣе извѣстнаго друзьямъ Гамбетты, нежели исторія Англіи.

становили на минуту оратора, который, впрочемъ, выразилъ вѣрно одни свои новыя отношенія къ правительству Тьера, но мотивировалъ законность правительства слабо, такъ какъ и именемъ правительства Наполеона III также издавались законы, заключались миры, собирались милліарды, творился судъ и укрощались мятежи, и тѣмъ не менѣе, Гамбетта не нашелъ бы возможнымъ только на этомъ основаніи признавать вторую имперію законнымъ правительствомъ. Впрочемъ, ораторъ дѣлаетъ усиліе объяснить, почему именно его отношеніе къ правительству Наполеона III было не то, какимъ будетъ отношеніе къ правительству Тьера. „Власть, говоритъ онъ, должна находиться всегда въ рукахъ самыхъ мудрыхъ, самыхъ достойныхъ. Aux plus sages, aux plus dignes! Нравственность не позволяетъ входить въ сдѣлку съ правительствомъ, которое было основано на преступленіи и поддерживалось развратомъ; а потому и наша оппозиція ему была непримирима и революціонна". И затѣмъ Гамбетта весьма краснорѣчиво объясняетъ своимъ слушателямъ смыслъ той оппозиціи правительству, которая не имѣетъ въ себѣ ничего революціоннаго и которая въ Англіи называется „оппозиціею ея величества". „Теперь, при республиканскомъ правительствѣ, оппозиція измѣняетъ свой характеръ, получаетъ другую природу и держитъ себя иначе: она должна побуждать, контролировать и не разрушать. Да!—восклицаетъ Гамбетта, какъ бы мысленно обращаясь къ версальскому національному собранію, — мы будемъ уважать вашу власть, уважать вашу законность, уважать вашъ выборъ; но мы не откажемся отъ права критики и реформы... Такое пониманіе роли оппозиціи при республикѣ зависитъ отъ различія эпохи и времени. Нѣтъ сомнѣнія, что эпоха—я сказалъ бы: героическая, рыцарская—нашей партіи прошла, съ тѣхъ поръ, какъ отчасти осуществлены ея надежды; и такъ какъ теперь рѣчь идетъ только о примѣненіи нашихъ принциповъ къ дѣлу, то мы обязаны быть въ той же степени хладнокровными, терпѣливыми, умѣренными и ловкими, въ какой мы были прежде пламенными, неукротимыми, когда дѣло шло о томъ, чтобы уничтожить поддѣлку византійской имперіи".

Признавъ, такимъ образомъ, заслуги правительства Тьера, выразивъ свое уваженіе къ представителямъ страны, засѣдающимъ въ Версалѣ, и опредѣливъ свою будущую роль, если избраніе депутатомъ приведетъ его снова въ среду національнаго собранія, Гамбетта обратился къ изслѣдованію причинъ послѣднихъ бѣдствій Франціи. „Эти причины, говоритъ онъ, нельзя приписывать одному тому правительству, которому мы подчинялись, но также и извращенію общественнаго духа". Но выше этой причины онъ ставитъ другую, называя ее первою изъ всѣхъ. „Мы позволили—говоритъ Гамбетта—обогнать себя другимъ народамъ, менѣе насъ одареннымъ, но они шли все впередъ, между тѣмъ какъ мы стояли на мѣстѣ. Да! можно утверждать, съ доказатель-

ствами въ рукахъ, что насъ привело къ погибели ничтожество нашего народнаго образованія. Мы были побиты противниками, которые имѣли на своей сторонѣ предусмотрительность, порядокъ и науку: и въ концѣ концовъ это обстоятельство доказываетъ, что даже и въ столкновеніяхъ матеріальныхъ силъ, все же разумъ одерживаетъ побѣду" — такъ заключаетъ Гамбетта, говоря о причинахъ побѣды нѣмцевъ надъ французами, которая еще недавно объяснялась послѣдними какъ результатъ грубаго милитаризма и численнаго перевѣса противниковъ.

Та часть бордосской рѣчи Гамбетты, гдѣ онъ подробно анализируетъ причину бѣдствій Франціи и указываетъ средство къ уврачеванію ихъ, представляетъ вмѣстѣ и рѣдкій образчикъ краснорѣчія, безъ фразъ, безъ хвастовства, и вмѣстѣ огромный практическій умъ, вполнѣ трезвый взглядъ и ясное пониманіе тѣхъ новыхъ цѣлей, которыя должна поставить себѣ новая Франція, если она хочетъ, какъ выразился Гамбетта, добыть себѣ новую кровь, новыя кости и новый мозгъ костей.

„L'ignorance, d'où sortent alternativement le despotisme et la démagogie"—восклицаетъ Гамбетта, указывая Франціи на два бѣдствія, постигшія ее одно за другимъ, а именно, на вторую имперію и на коммуну. „Чтобы побороть это зло, продолжаетъ онъ, нужно обратить вниманіе политическихъ людей на одно средство, которое стоитъ выше всѣхъ и все заключаетъ въ себѣ: это — *всеобщее образованіе*"!

Если начала великой французской революціи обращались до сихъ поръ противъ самой же Франціи, то причину того должно искать, какъ замѣчаетъ это и Гамбетта, въ томъ обстоятельствѣ, что народная масса оставалась въ полномъ пренебреженіи, а высшіе и среднія классы, вслѣдствіе одного классическаго образованія и формальнаго (classique et scientifique), отдѣлились отъ толпы и отъ интересовъ дѣйствительной жизни, жили въ области утопій и мечтаній, не представляя собою никакой реальной силы. „Крестьяне—говоритъ Гамбетта—въ умственномъ отношеніи отстали отъ просвѣщенной части общества на цѣлые вѣка. Разстояніе между ними и нами, которые получили образованіе классическое и формальное, тоже недостаточное—огромно; мы знаемъ свою исторію, мы говоримъ на родномъ языкѣ, между тѣмъ какъ—ужасно сказать—многіе изъ нашихъ соотечественниковъ только лепечутъ. О! у крестьянина, который пашетъ свое поле, мужественно переноситъ всю тяготу дня, съ однимъ утѣшеніемъ—увеличить хоть на десятину отцовскую землю для дѣтей, у такого крестьянина, всѣ радости, всѣ болѣзни, вся страсть сосредоточена въ участи его наслѣдства. Отъ внѣшняго міра до него долетаютъ одни слухи, однѣ сказки, и потому онъ всегда готовъ быть жертвой обманщиковъ и плутовъ... И въ тоже время онъ отдаетъ и деньги и кровь

за то общество, котораго онъ и боится, и уважаетъ. Но тѣмъ и ограничивается его роль, и если вы заговорите ему о принципахъ, онъ тутъ ничего не пойметъ, и вполнѣ естественно отвѣтитъ вамъ объ интересахъ! Онъ правъ! А слѣдовательно, мы должны прежде всего обратить вниманіе на крестьянъ, ихъ нужно поднять и воспитать. Клички, которыми обмѣнялись партіи: *деревенщина*, *деревенская палата*,—эти бранныя выраженія нужно возвысить, а не колоть глаза ими. Намъ слѣдуетъ желать, чтобы у насъ была деревенская палата въ самомъ глубокомъ и настоящемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ подобная деревенская палата составляется не изъ hobereaux, а изъ самихъ крестьянъ, просвѣщенныхъ и свободныхъ, которые могли бы представлять сами свои интерессы. (Въ Норвегіи это уже осуществлено). И тогда существованіе деревенской палаты будетъ не пятномъ, а знакомъ прогресса цивилизаціи въ народныхъ массахъ. Эта новая сила можетъ быть употреблена на достиженіе всеобщаго блага. Но къ несчастью мы далеки отъ того, и до тѣхъ поръ того не достигнемъ, пока французская демократія не пойметъ до очевидности, что жизненный интересъ высшихъ классовъ, если желаютъ обновить отечество, возвратить ему его величіе, могущество и геній, состоитъ именно въ томъ, чтобы возвышать и морализировать народъ рабочій, въ которомъ скрывается непочатой и неисчерпаемый запасъ силъ и способностей. Нужно научить крестьянина, чтобы онъ понималъ, чѣмъ онъ самъ обязанъ обществу и чего онъ можетъ требовать отъ него... Мы, старшіе братья, и мы будемъ неблагодарные братья, если мы проживемъ, не обезпечивъ крестьянину его матеріальную и нравственную независимость! (*Шумныя рукоплесканія*). Господа! эти идеи не мнѣ принадлежатъ; онѣ знакомы каждому мыслителю и каждому патріоту. Достоинство политики состоитъ въ томъ, чтобы она овладѣвала такими справедливыми идеями и вводила ихъ въ законодательство. О! тѣ политики, которые изобрѣтаютъ идеи, которые имѣютъ претензію производить неожиданныя и непредвидимыя вещи,—тѣ политики никогда не будутъ политиками! Сколько вѣковъ мы боремся съ невѣжествомъ, и ка́къ оно все еще непроницаемо и ужасно!... Мы не можемъ однако дольше оставаться нечувствительными въ виду того, что совершается на нашихъ глазахъ, и не признаться чистосердечно, что всѣ наши соціальные кризисы порождены невѣжествомъ. Какимъ образомъ допустить, чтобы люди, знакомые съ обществомъ единственно со стороны, которая ихъ раздражаетъ, а именно по своему труду и работѣ, работѣ часто безъ достаточной прибыли, безъ должнаго вознагражденія, — чтобы эти люди не огорчались своими бѣдствіями и не выступили бы въ одинъ прекрасный день на площадь, неся съ собою ужасающія страсти? А потому я объявляю, что до тѣхъ поръ не будетъ у насъ мира, спокойствія и порядка, пока

всѣ общественные классы не примутъ участія въ благодѣяніяхъ цивилизаціи и науки; тогда они будутъ смотрѣть и на правительство, какъ на нѣчто вытекающее изъ нихъ самихъ, а не какъ на своего господина завистливаго и жаднаго. До того же времени, упорствуя идти дорогою, которою мы шли, вы сдѣлаете изъ невѣждъ или средство къ государственнымъ переворотамъ (2-е декабря 1851), или соучастниковъ уличныхъ насилій (май и іюнь 1871), и мы увидимъ себя преданными безпощадной мести со стороны толпы невѣжественной и заблудшейся, когда она наноситъ свою руку на все окружающее, безъ уваженія къ тому, что она чтила по преданію; и все это потому, что такая толпа не можетъ насытить невозможнаго аппетита к идеѣ мести, превращая все въ развалины. Вотъ когда полезно припомнить слова американца Чаннинга: Всякое общество отвѣтственно за катастрофы, которыя совершаются въ его нѣдрахъ, какъ бываютъ отвѣтственны за чуму тѣ дурно управляемые города, гдѣ оставляютъ нечистоты гнить на солнцѣ"!

Слова Чаннинга не требуютъ особыхъ комментаріевъ: въ обществѣ, гдѣ на солнцѣ науки, представляемомъ въ лицѣ небольшого кружка образованныхъ, лежатъ невѣжественныя массы, тамъ броженіе послѣднихъ есть самое естественное явленіе; а французское высшее общество было именно такимъ солнцемъ, лучи котораго не проникали в его же народную массу, а только порождали въ ней гніеніе. Вотъ почему Гамбетта, указавъ, что Франція въ области науки могла выдерживать соперничество съ цѣлымъ міромъ, обращается къ этому солнцу съ справедливымъ увѣщаніемъ:

„Сдѣлаемъ воззваніе къ высокоученымъ людямъ нашей страны: пусть они возьмутъ на себя починъ, такъ какъ на нихъ лежитъ обязанность подготовить наше нравственное и національное возрожденіе. Но если мы желаемъ, чтобы это возрожденіе было быстро, то окажемъ довѣріе къ умамъ, едва пробуждающимся, не будемъ бояться преподавать въ гимназіяхъ (collèges) и школахъ всю истину, и признаемъ торжественно, и также торжественно будемъ практиковать убѣжденіе, что однѣ высшія истины науки и разума лучше всего поражаютъ и овладѣваютъ юными умами. Вотъ почему великій мыслитель нашего вѣка, Августъ Контъ, настаивалъ на необходимости начинать образованіе юношества точными науками. Онъ сдѣлалъ в этомъ отношеніи безчисленные опыты, и всѣ они дали тотъ же результатъ, а именно, что самые юные умы воспринимали истину наилучшимъ образомъ, такъ какъ они еще не извращены привычною лѣностью или привычными заблужденіями"...

„...Днемъ, съ котораго начнется эра нашего возрожденія, будетъ тотъ день, когда мы поймемъ, что нѣтъ дѣла болѣе важнаго и настоятельнаго, что мы должны отложить всѣ реформы и что нам

обязанность одна: учить народъ и разливать волною образованность и науку. Но намъ предстоитъ двойная забота, мы должны печься объ образованіи духа и объ образованіи тѣла; нужно, чтобы, по строгому вычисленію, каждому развитому уму служили столь же развитые органы его тѣла. Я хочу не одного того, чтобы человѣкъ думалъ, читалъ и разсуждалъ; я хочу, чтобы онъ дѣйствовалъ и бился (qu'il puisse agir et combattre). Нужно, чтобы повсюду рядомъ съ учителемъ находился гимнастъ и солдатъ, и тогда наши дѣти, наши солдаты, наши граждане будутъ владѣть мечомъ, стрѣлять изъ ружья, дѣлать походы, проводить ночи подъ открытымъ небомъ, переносить всякія испытанія для родины. Нужно вести рядомъ эти два способа образованія, или иначе вы сдѣлаете дѣло ученыхъ, но вы не сдѣлаете дѣла патріотовъ... Если нужно десять лѣтъ, если нужно двадцать лѣтъ для достиженія такой цѣли, и слѣдуетъ употребить десять, двадцать лѣтъ; но нужно начинать сію же минуту, чтобы видѣть, какъ каждый годъ мы подвигаемся впередъ по пути возрожденія новаго, могущественнаго, разумнаго поколѣнія, столь же влюбленнаго въ науку, какъ и въ отечество, съ двойнымъ чувствомъ въ сердцѣ, а именно: что своему отечеству можно служить не иначе, какъ вмѣстѣ и разумомъ, и рукою. Мы воспитались въ тяжелой школѣ; мы должны, если только это возможно, излечиться отъ зла тщеславія, которое причинило намъ столько бѣдствій".

Но чтобы излечиться отъ тщеславія нужно прежде всего отказаться отъ мысли, что въ школѣ, рядомъ съ учителемъ, необходимо ставить солдата, какъ то заключилъ Гамбетта, выводя такое заключеніе не столько изъ своихъ взглядовъ на характеръ возрожденія Франціи, сколько изъ мысли о томъ, что Франція должна съ этой минуты жить тѣмъ, что теперь называютъ „revanche". Признавъ нѣсколько разъ въ своей рѣчи законнымъ пораженіе Франціи, Гамбетта указываетъ на необходимость отмщенія за это пораженіе тѣмъ, которые, хотя и поразили Францію, но не были виновны въ главной причинѣ такого пораженія, а именно въ томъ, что Франція, благодаря своей „infériorité physique et morale", и не могла вести успѣшной борьбы. Всѣ видѣли, къ чему привелъ Францію крикъ: Vengeons la Sadowa! Месть за Садову привела къ Метцу и Седану; месть за Метцъ и Седанъ едвали приведетъ къ лучшему. Французы должны прежде всего отмстить настоящей причинѣ своихъ бѣдствій, которую такъ хорошо указалъ самъ же Гамбетта, и отмстить ей до совершеннаго ея истребленія: а это именно и есть невѣжество народныхъ массъ, эксплуатируемое людьми, которымъ нечего терять, а можно выиграть все, и вѣчнымъ типомъ котораго останется герой Булони и плѣнникъ Гама, а потомъ Седана. Пусть не боится Гамбетта за страну, населенную сверху до низу вполнѣ развитыми людьми: они всегда найдутъ сред-

ство и силу для защиты отъ врага; а если въ нихъ не будутъ развивать спеціально способность „combattre", то тѣмъ лучше для счастія человѣчества. Въ извиненіе Гамбетты можно развѣ привести одно то, что его заблужденіе, подъ вліяніемъ успѣховъ прусскаго оружія, сдѣлалось почти всеевропейскимъ; и гдѣ теперь не думаютъ о необходимости поставить въ школѣ солдата рядомъ съ учителемъ, несмотря на то, что въ Пруссіи одерживалъ побѣды одинъ „школьный учитель".

Впрочемъ, вопросы о перерожденіи страны силою образованности, какъ они ни важны, но ихъ окончательное рѣшеніе возможно въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ; самъ Гамбетта, какъ мы видѣли, говоритъ о десяти и двадцати годахъ; а потому нисколько не удивительно, что въ его бордосской рѣчи болѣе обратила на себя вниманія ея политическая сторона. Рѣчь говорится наканунѣ выборовъ: дѣло идетъ объ избраніи самого Гамбетты; онъ станетъ въ палатѣ лицомъ къ лицу съ правительствомъ Тьера; какъ онъ обѣщаетъ относиться къ этому правительству? это вопросъ, рѣшенія котораго можно дождаться черезъ 10-ть или 20-ть дней, а потому это вопросъ животрепещущій, и Гамбетта не оставилъ его безъ отвѣта:

„Наша оппозиція—объявляетъ ораторъ—будетъ *правительственная оппозиція* (une opposition de gouvernement); я желалъ бы не вносить въ нее никакой другой цѣли, кромѣ стремленія дѣлать самому добро и къ тому же побуждать другихъ. Я знаю, что есть страсть болѣе сильная, чѣмъ жажда власти: это—именно, зорко слѣдить за законною властью (какою Гамбетта уже призналъ власть правительства Тьера), сохраняя при этомъ справедливость, твердость и здравый смыслъ, и видѣть, какъ подъ естественнымъ давленіемъ идей и общественнаго мнѣнія совершаются важнѣйшія реформы, хотя бы и не нашими руками, а руками другихъ. (Это мѣсто въ рѣчи вызвало самыя шумныя рукоплесканія). И я, признаюсь въ томъ, отдамъ себя совершенно этому дѣлу, при такомъ политическомъ порядкѣ вещей, гдѣ республика будетъ признана законнымъ правительствомъ. Ибо, въ противность закону, могутъ возникать только незаконныя притязанія, и мы не допустимъ, чтобы для ниспроверженія права, намъ противопоставили какую-нибудь народную волю, исторгнутую изъ рукъ невѣжества и слабости, ни государственный переворотъ какого-нибудь принца, ни уличный заговоръ. И въ этомъ-то смыслѣ можно сказать о республиканскомъ правѣ, что оно выше покушеній силы или своеволія толпы".

Говоря такимъ образомъ, Гамбетта довольно ясно коснулся той своей теоріи, за которую его упрекаютъ, и которая состоитъ именно въ устройствѣ небывалой до сихъ поръ „республики Божіею милостью", республики, которая была бы, какъ республика, выраженіемъ народной воли, и въ тоже время стояла бы въ полной независимости

отъ этой воли, такъ, чтобы можно было не позволить ей выражаться. Правда, Гамбетта въ одномъ случаѣ употребляетъ выраженіе: *народная воля*, когда дѣло идетъ объ утвержденіи республики, и потомъ: *народный капризъ*, когда дѣло идетъ объ управленіи республикою; но и эта игра словъ не уничтожаетъ вышеприведеннаго парадокса, и въ допущеніи такого принципа для Франціи можетъ заключаться столько же опасности, сколько есть опаснаго въ тьеровской „республикѣ безъ республиканцевъ". Впрочемъ, въ этомъ и состоитъ тотъ cercle vicieux, тотъ безвыходный кругъ, въ которомъ давно уже вращаются безплодно всѣ лучшіе люди Франціи, а худшіе выходятъ изъ него весьма легко посредствомъ coup d'état и объявленія народной воли—„своеволіемъ толпы". Самъ Гамбетта чувствуетъ всю опасность проповѣдуемой имъ теоріи, но все же невольно является вопросъ: не потому ли онъ теперь чувствуетъ такую опасность, что власть пока въ другихъ рукахъ и ему предстоитъ не управленіе, а критика управленія или „правительственная оппозиція"? А что Гамбетта въ эту минуту вполнѣ искрененъ, въ этомъ убѣждаютъ дальнѣйшія слова его рѣчи— лучшая критика на его же собственную теорію:

„Все это возможно, заключаетъ Гамбетта, если все это будетъ дѣлано *честно* (si toutes ces choses sont *loyalement* pratiquées). Но въ дѣлахъ подобнаго рода не слѣдуетъ довѣрять всяческимъ заявленіямъ, и едва лишь будетъ замѣчено противорѣчіе между дѣйствіями власти и ея заявленіями, необходимо обнаруживать такое противорѣчіе и дѣлать народъ судьею".

А какъ отличить въ этомъ случаѣ „народную волю" и „своеволіе народа" (les caprices de la multitude),—на это мы не находимъ отвѣта; но одно уже указаніе на необходимость такого различенія доказываетъ, что во Франціи все еще нѣтъ полной вѣры въ народную способность къ самоуправленію, и будущая диктатура впередъ спѣшитъ оправдать свое появленіе. „Мы — говоритъ Гамбетта—поддержимъ республику лучше при помощи республиканскаго *меньшинства*, сильнаго, энергическаго, зорко слѣдящаго за большинствомъ"; — еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи и тогда сдѣлается очевидно, что, какъ ни различны между собою въ характерѣ и воззрѣніяхъ такія лица, какъ Гамбетта и Тьеръ, но въ концѣ концовъ гамбеттовская республика есть такая же „республика безъ республиканцевъ", о какой мечтаетъ Тьеръ, и отличается она отъ нея одною степенью: у Тьера для республики совсѣмъ не нужно республиканцевъ; Гамбетта довольствуется небольшимъ ихъ числомъ.

Рѣчь Гамбетты въ Бордо, мы сказали, совпала съ пресловутымъ парадомъ Тьера и блестящимъ займомъ; но она была предназначена для новыхъ выборовъ въ іюлѣ, съ которыми общественное мнѣніе, справедливо или несправедливо, думало связать всю будущность Фран-

ціи: быть или не быть республикѣ? Не быть республикѣ значило бы предать Францію всѣмъ бѣдствіямъ междоусобія и интригъ монархическихъ претендентовъ; быть республикѣ,—но и тутъ является опасность, если можно такъ выразиться, отъ республиканскихъ претендентовъ: умѣренные республиканцы не уступятъ мѣсто радикальнымъ, а еще менѣе можно ожидать уступки первымъ отъ послѣднихъ. И надъ всѣми этими партіями возвышается Франція, требующая для себя не власти, не славы, но возстановленія порядка, закона, возстановленія нормальнаго теченія общественной жизни. Въ послѣдній разъ эта самая Франція выразила свою волю въ февралѣ, и результатомъ февральскихъ выборовъ было бордосское національное собраніе; но тогда народу предложенъ былъ вопросъ внѣшній: дѣло шло не о республикѣ или монархіи во Франціи, а о томъ, заключать или не заключать миръ съ Пруссіею? Приверженцы монархіи обѣщали своимъ довѣрителямъ миръ; республиканскіе склонялись тогда болѣе къ продолженію войны. Страна предпочитала миръ, и вотъ какимъ образомъ февральское собраніе получило большинство монархическое; между тѣмъ миръ былъ заключенъ, а собраніе удержало за собою верховную власть и вліяніе на дѣла внутренняго устройства, къ чему собственно оно не имѣло полномочія, и слѣдовательно, перестало выражать собою волю народа. Оно не выражало воли народа также и потому, что, по удаленіи многихъ членовъ, въ немъ недоставало до полнаго числа 117-ти депутатовъ. Отсюда и произошла сама собою необходимость іюльскихъ выборовъ съ цѣлью укомплектованія собранія. Реакціонное большинство собранія было такъ ослѣплено своимъ случайнымъ перевѣсомъ и побѣдою надъ коммуною, что нисколько не сомнѣвалось въ томъ, что страна пришлетъ ему по крайней мѣрѣ 100 единомышленниковъ, и тогда для совершенія монархическаго coup d'état нужна будетъ простая подача голосовъ. Вотъ почему всѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ дня 2-го іюля, когда назначены были дополнительные выборы. Всѣ партіи открыли кампанію и борьба обѣщала быть упорною, судя по тому, что на 117 вакантныхъ мѣстъ въ собраніе явилось около 1000 кандидатовъ, и изъ этой тысячи предстояло выбрать только $^1/_{10}$ часть. Каждый изъ нихъ выставлялъ свое profession de foi и давалъ обѣщанія съ цѣлью собрать около своего имени возможно большее число голосовъ въ день выбора. Какъ ни странно было видѣть, но и бонапартисты осмѣлились явиться на арену выборовъ съ своими манифестами, несмотря на то, что страна довольно близко познакомилась съ результатами императорскаго режима; разумѣется, бонапартисты ни словомъ не упомянули о реставраціи имперіи, и только воспользовались ослѣпленіемъ Тьера въ торговой политикѣ: Руэръ обѣщалъ свободу торговли.

Среди этого хаоса манифестовъ, Гамбеттѣ предстоялъ выборъ меж-

ду всѣми уже существовавшими партіями; но именно этой ошибки Гамбетта и не сдѣлалъ: рѣчь въ Бордо показала его намѣреніе сдѣлать себѣ *независимое* положеніе отъ всѣхъ партій и образовать нейтральную почву, которая могла бы обезпечить ему дальнѣйшій образъ дѣйствій. Гамбетта характеризовалъ свою будущую партію новымъ во Франціи словомъ: „правительственная оппозиція" — une opposition de gouvernement, и въ глазахъ своихъ приверженцевъ явился вождемъ будущихъ виговъ Франціи; оставалось бы поздравить страну съ такимъ новымъ путемъ государственнаго развитія, еслибы большинство собранія и назначенное имъ правительство Тьера было дѣйствительно французскими тори, т.-е. настоящими консерваторами, какъ въ Англіи, а не просто реакціонерами въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ ихъ задача—возстановить одинъ изъ прежнихъ порядковъ вещей съ правительственною опекою, съ печатью, обремененною залогами и штемпелемъ, съ клерикализмомъ рука объ руку и т. под.

Результаты выборовъ обманули всеобщее ожиданіе и нанесли первый тяжелый ударъ деревенскому большинству собранія. Но это и совершенно естественно, если подумать о различіи положенія Франціи въ февралѣ и іюлѣ. Въ февралѣ нужно было выбрать депутатовъ, которые окончили бы войну, объявленную узурпаторомъ, предварительно истощившимъ страну, а потомъ накликавшимъ на нее враговъ; въ іюлѣ приходилось выбирать депутатовъ, которые положили бы конецъ внутренней войнѣ, а монархическая партія, съ ея тремя подраздѣленіями, могла бы только произвести внутреннюю борьбу. Такимъ образомъ, провинція, les ruraux, осталась въ іюлѣ такою же консервативною силою, какою она была въ февралѣ: во имя консерватизма она выбрала монархистовъ въ февралѣ, требуя мира внѣ; во имя того же консерватизма, т.-е. внутренняго мира, она послала въ іюлѣ около 100 республиканскихъ депутатовъ изъ общаго ихъ числа 117. Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить такой неожиданный результатъ провинціальныхъ выборовъ: не могла же „деревня", какъ прозвали провинцію въ февралѣ, преобразоваться къ іюлю того же года, и доказавъ въ началѣ года, какъ ее обвиняли, круглое невѣжество при выборѣ „деревенскаго большинства", въ половинѣ того же года обнаружить блестящій политическій тактъ и смыслъ.

За то Парижъ удивилъ обратнымъ явленіемъ при выборахъ, какъ бы въ поддержаніе своей вѣчной оппозиціи провинціямъ. Въ Парижѣ изъ общаго числа депутатовъ 21, только 5-ть принадлежатъ чистой республиканской партіи, а 16 — лицамъ, извѣстнымъ монархическими тенденціями и вообще рѣшившимся поддерживать правительство Тьера и притомъ не въ смыслѣ оппозиціи, какъ то объявилъ Гамбетта. Га-

зеты привели любопытную таблицу для сравненія радикальнаго Парижа въ февралѣ съ Парижемъ въ іюлѣ:

	Февраль.	Іюль.
В. Гюго	214.000	57.000
Гамбетта	191.000	114.000
Локроа	134.000	76.000
Ранкъ	126.000	71.000
Флоке.	93.000	77.000

Но нѣтъ сомнѣнія, что такое паденіе радикальной партіи, а вмѣстѣ съ нею и республиканской, выражаетъ вовсе не преобразованіе духа парижскаго населенія: главный контингентъ арестованныхъ и экспортированныхъ заимствованъ изъ радикальнаго Парижа; до сихъ поръ ихъ считаютъ до 31,000; по крайней мѣрѣ вдвое большее число изъ этой партіи воздержалось отъ подачи голосовъ, такъ какъ многіе опасались, при явкѣ къ избирательной урнѣ, быть узнанными полиціею.

Но какъ бы то ни было, нынѣшній разъ провинція рѣшила дальнѣйшую судьбу Франціи или, по крайней мѣрѣ, сильно повліяла на нее, доставивъ лѣвой сторонѣ національнаго собранія неожиданную и сильную помощь. Гамбетта, избранный, хотя и седьмымъ по порядку, въ депутаты въ трехъ мѣстахъ, занялъ свое мѣсто въ собраніи, и по просьбѣ Тьера, какъ говорятъ, согласился удержать за собою парижское представительство, чтобы не волновать городъ новыми выборами на его мѣсто. Другъ его, генералъ Федэрбъ, посвятившій Гамбеттѣ надняхъ написанную имъ исторію своего похода, и выбранный также въ депутаты, получилъ одну изъ высшихъ степеней ордена Почетнаго Легіона. Гамбетта, при появленіи своемъ въ собраніи, долго, долго разговаривалъ съ Тьеромъ; Тьеръ проѣхалъ въ коляскѣ съ Лорье, другомъ Гамбетты. Все это было тотчасъ подмѣчено газетами и комментировано въ пользу согласія вождей французскихъ „торіевъ" и „виговъ". Впрочемъ, цѣль Гамбетты — „правительственная оппозиція", и вѣроятно въ ближайшемъ будущемъ мы увидимъ настоящія отношенія этихъ лицъ другъ къ другу.

Но таковы преданія близкаго и отдаленнаго прошедшаго Франціи: тамъ всегда интересуются прежде всего отношеніями лицъ; régime personnel наложилъ свою печать на политическій характеръ страны. Послѣ выборовъ 2-го іюля, долженъ былъ представлять интересъ совсѣмъ другой вопросъ: можетъ ли правительство Тьера сохранить прежнее министерство, составленное въ согласіи съ прежнимъ составомъ палаты? Дѣло ограничилось одними слухами о подобныхъ перемѣнахъ, но въ дѣйствительности никакихъ перемѣнъ не оказалось. Даже вопросъ о распущеніи палаты и о созваніи новой, которая выразила бы вполнѣ волю страны, независимо отъ тѣхъ печальныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ была созвана настоящая палата въ февралѣ — какъ-то замялся, такъ какъ на этомъ настаивала одна лѣвая сторона;

но она теперь усилилась и потому не видитъ необходимости распущенія февральскихъ депутатовъ. Вопросъ о перенесеніи столицы изъ Версаля въ Парижъ не можетъ быть разрѣшенъ до снятія осаднаго положенія съ ex-столицы, а на это послѣднее не рѣшаются, такъ какъ во второй половинѣ іюля были назначены тамъ муниципальные выборы.

На муниципальные выборы, судя по новому походу, открытому монархическими органами, эти органы намѣревались спекулировать, вѣря по прежнему въ могущественное вліяніе Парижа на провинціи; на эти же выборы возложила свои надежды и ультра-радикальная республика. Вотъ почему правительство и не рѣшается снять осаднаго положенія въ Парижѣ, не имѣя увѣренности ни въ собственной силѣ, ни въ рѣшимости страны поддержать существующій порядокъ вещей. Притомъ, у правительства Тьера на рукахъ находилось 30,000 плѣнныхъ и арестованныхъ, которые дѣлали ему больше затрудненій, чѣмъ сдѣлали нѣмцамъ ихъ 300.000 военноплѣнныхъ, и политическій процессъ членовъ коммуны, отлагаемый со дня на день, можетъ опять повліять на состояніе умовъ. Съ другой стороны, страна требуетъ, и справедливо, скорѣйшаго очищенія страны отъ оккупаціи; германскій императоръ, правда, приказалъ, не ожидая всѣхъ формальностей уплаты перваго полумилліарда, очистить три департамента; но пруссаки стоятъ еще въ виду самого Парижа и ихъ удаленіе зависитъ не отъ одной уплаты контрибуціи, а также и отъ убѣжденія германскаго правительства, что внутри Франціи возстановленъ совершенный порядокъ, гарантирующій исполненіе условій мира. Но какимъ образомъ Тьеръ можетъ ожидать такой увѣренности отъ пруссаковъ, когда онъ самъ не считаетъ порядокъ вполнѣ надежнымъ и потому сохраняетъ осадное положеніе въ Парижѣ? До тѣхъ поръ, пока такое положеніе не прекращено, пруссаки вправѣ оставаться въ окрестностяхъ Парижа, ссылаясь на сомнѣніе самого Тьера въ прочности своей власти. Вотъ альтернатива, между которой колеблется въ эту минуту правительство Франціи: полное довѣріе къ странѣ привело бы къ самому прочному миру, но оно возможно при довѣріи къ собственнымъ силамъ, при ясномъ пониманіи программы дѣйствія; но ни того, ни другого не имѣется на лицо; стѣснительныя мѣры обезпечиваютъ настоящее, и то весьма краткое, но онѣ никогда не служатъ простымъ залогомъ мира и порядка въ будущемъ.

Но вотъ прошли и муниципальные выборы. Правительство Тьера можетъ считать себя какъ нельзя болѣе удовлетвореннымъ: изъ 30-ти членовъ около 23-хъ выбрано между приверженцами консервативной республики, и только 7 радикаловъ. И наканунѣ такихъ блестящихъ для Тьера выборовъ происходило то памятное засѣданіе національнаго собранія (22 іюля), когда явились туда петиціи епископовъ о

возстановленіи свѣтской власти папъ, что равнялось предложенію объявить войну Италіи! Какой торжественный случай для Тьера высказать, что новая Франція порываетъ всякую связь съ тѣмъ прошедшимъ, которое осуждается пока только на словахъ! Вмѣсто того Тьеръ произноситъ рѣчь самую двусмысленную, прячется за слова, намекаетъ на то, что въ настоящее время „лучше молчать, нежели говорить“, и тѣмъ не менѣе говоритъ, что относительно поднятаго епископами вопроса онъ „сегодня думаетъ то, что всегда думалъ и что будетъ думать всегда“, но по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, а также по любви къ отечеству и по благоразумію, онъ не рѣшится сдѣлать то, что „съ легкимъ сердцемъ“ сдѣлалъ годъ тому назадъ Эмиль Олливье. Эта рѣчь вызвала похвалы со стороны архіепископа Дюпанлу и со стороны Гамбетты. Смыслъ ея былъ тотъ, что „честь“ Франціи требуетъ собственно укрощенія Виктора-Эммануила, котораго Дюпанлу не преминулъ сравнить съ варваромъ Аларихомъ, но — non possumus! Съ гордостью Тьеръ упомянулъ также, что онъ невиновенъ въ соединеніи Италіи въ одно цѣлое, что онъ всегда предостерегалъ имперію отъ содѣйствія Италіи къ объединенію, какъ будто преступленіе Наполеона состояло въ томъ, что онъ помогалъ итальянскому народу, а не въ томъ, что онъ помогалъ всегда настолько, насколько его помощь ставила несчастную Италію въ начальную зависимость отъ него, и дозволяла Руэрамъ кричать Италіи „jamais“! если Италія осмѣливалась дѣйствовать самостоятельно! Тьеръ въ своей рѣчи выразилъ, такимъ образомъ, сожалѣніе, что Франція не можетъ въ нынѣшнемъ году обратиться къ Италіи съ тѣмъ же классическимъ jamais! Тысячу разъ правъ Гамбетта, что Францію нужно передѣлать до мозга костей; впрочемъ, это нисколько не помѣшало Гамбеттѣ поддержать возмутительную рѣчь Тьера, которая была отдаленнымъ эхомъ наполеоновской политики вмѣшательства. Вмѣсто того, чтобы отвергнуть прошеніе епископовъ, оно было передано въ руки министра иностранныхъ дѣлъ. Итакъ, правительство Тьера, не зажививъ старыхъ ранъ, записываетъ себѣ на память еще одну месть, еще одинъ „revanche“ — за папу!

Въ то время, какъ Франція, сдвинутая съ мѣста, продолжаетъ колебаться между старою рутиною и новыми идеями, не освободившись окончательно извнѣ отъ оккупаціи чужеземцевъ, а внутри отъ ру партій монархическихъ и республиканскихъ, чтобы установить республику независимую отвсюду, — Германія могла бы предаться обыкновенному теченію государственной и общественной жизни, еслибы, съ одной стороны, Эльзасъ и Лотарингія не требовали новыхъ заботъ, и съ другой, не поднялись клерикалы. Что касается до Эльзаса и Лотарингіи, то нельзя не отдать той справедливости нѣмецкому правительству, что его мѣры къ объединенію новыхъ странъ все же суще-

ственно отличаются отъ мѣръ, принимаемыхъ обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ. Забота о народномъ образованіи вызвала огромныя пожертвованія со стороны правительства; съ другой стороны, правительство рѣшилось во что бы то ни стало поддерживать въ завоеванной странѣ муниципальную свободу и предпочло этотъ путь другому, — а именно, управленію страною посредствомъ коронныхъ чиновниковъ, которые обыкновенно пользуются авторитетомъ правительства для наживы и личныхъ цѣлей, порождая, такимъ образомъ, ненависть и къ себѣ и къ тому, что̀ они представляютъ, а тѣмъ самымъ поддерживаютъ и усиливаютъ сепаратизмъ. Что нѣмцы въ этомъ отношеніи намѣрены дѣйствовать неуклонно, доказательствомъ тому служитъ то, что въ послѣднихъ числахъ іюля правительство назначило въ Эльзасѣ и Лотарингіи муниципальные выборы, хотя, конечно, безъ увѣренности въ томъ, что населеніе выберетъ лица, пріятныя новому правительству, но за то съ увѣренностью, что уваженіе къ муниципальной самостоятельности, рано или поздно, но всегда принесетъ лучшіе результаты, нежели бюрократическое начало. Одинъ изъ публицистовъ сдѣлалъ хорошее и вѣрное сравненіе правительства, прибѣгающаго къ административному насилію для поддержанія своей власти, съ охотникомъ дѣлать займы подъ высокіе проценты: въ минуту займа, кажется, такъ много денегъ въ рукахъ, а между тѣмъ заимодавецъ не замѣчаетъ, что самый корень его богатства подсѣченъ — высокими процентами. Эту истину поняли, какъ нельзя лучше, въ Германіи. Самая лучшая похвала, это похвала со стороны враговъ; и дѣйствительно, во время послѣднихъ дебатовъ въ версальскомъ собраніи о провинціальномъ управленіи, депутаты, отстаивавшіе децентрализацію и муниципальную свободу, въ числѣ аргументовъ въ свою пользу, указывали и на то, что нѣмцы ставятъ Эльзасъ и Лотарингію въ лучшее положеніе и болѣе независимое, нежели какъ то намѣрены сдѣлать французы съ своими же провинціями, вовсе незавоеванными. Но, какъ выразился Гамбетта, Франціи до сихъ поръ было суждено ставить въ теоріи высоко принципы разума и не имѣть возможности осуществить ихъ у себя.

Сила муниципальной свободы такова, что, какъ ни мало имѣетъ шансовъ Пруссія на успѣхъ при первыхъ выборахъ въ Эльзасѣ, но въ самой Франціи уже теперь обезпокоены результатомъ этихъ выборовъ. Такъ, мы читали въ одной корреспонденціи парижской газеты „Temps", — замѣтимъ мимоходомъ, ея редакція составлена, главнымъ образомъ, изъ эльзасцевъ, знающихъ хорошо свою страну и въ тоже время ревностно привязанныхъ къ Франціи, — мы читали въ этой корреспонденціи, что сельское населеніе, по своему обычному характеру начинаетъ индифферентно относиться къ новому владычеству, и даже въ городахъ нѣмцы могутъ разсчитывать на порядочный процентъ въ

случаѣ муниципальныхъ выборовъ. А между тѣмъ цѣль эльзасскихъ патріотовъ состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить все населеніе воздержаться отъ выборовъ, и тѣмъ показать свою непримиримость. Какъ ни ясно опасеніе того корреспондента, но все же мы думаемъ, что оно преувеличено, такъ какъ огромное большинство эльзасскихъ нѣмцевъ дѣйствительно искренно расположены къ Франціи, и могутъ дать хорошую тему для размышленія нашимъ нѣмцефобамъ въ Москвѣ, которые увѣряютъ, что нѣмцы вездѣ, гдѣ бы они ни были, усердно привязаны къ своему нѣмецкому „фатерланду". Эльзасъ служитъ живымъ доказательствомъ, что нѣмцы могутъ быть тѣсно слиты со страною, которая имъ чужда и по религіи, и по языку, и которая при этомъ, сравнительно съ нѣмцами, представляетъ „infériorité physique et morale".

Другую заботу Германіи составляютъ притязанія клерикальной партіи, которая, до сихъ поръ, не только не дѣлала затрудненій правительству, но шла съ нимъ очень часто рука-объ-руку, благодаря тому обстоятельству, что съ католическою партіею дѣйствовали за одно ортодоксальные протестанты, особенно въ вопросѣ о народномъ образованіи. Догматъ папской „непогрѣшимости", угрожающій независимости государства отъ церкви, вызвалъ въ Пруссіи, и особенно въ Баваріи, такія дѣйствія со стороны католическихъ епископовъ-ультрамонтановъ, какія могли являться развѣ во времена Григорія Гильдебранда. Баварскіе епископы, въ своихъ анаѳемахъ и посланіяхъ, весьма прозрачно указываютъ правительствамъ, что дальнѣйшія притѣсненія клерикальной партіи поведутъ къ усиленію революціонныхъ элементовъ, что̀ значитъ другими словами, что іезуиты не погнушаются, въ крайнемъ случаѣ, помочь крайнимъ радикаламъ, проклиная ихъ на словахъ и втайнѣ поддерживая ихъ революціонныя стремленія. Извѣстно, какъ вторая французская имперія часто вступала въ сдѣлки съ ультрамонтанами и отдавала ей себя въ руки, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ея пагубнымъ вліяніемъ на народныя массы. Такую же роль, очевидно, думали нѣмецкіе клерикалы разыграть въ германской имперіи, но, сколько можно судить по первымъ дѣйствіямъ нѣмецкихъ правительствъ, они не намѣрены подражать второй имперіи и пользоваться двусмысленными услугами клерикальной партіи. Крайнія требованія клерикаловъ были даже полезны въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, ортодоксальные протестанты отдѣлились отъ ультрамонтановъ. Особенно рѣшительно дѣйствовало прусское правительство, запретивъ епископамъ смѣщать преподавателей только за то, что они не признаютъ догмата о непогрѣшимости папъ. Въ ближайшемъ времени всѣ правительства федеративной имперіи намѣрены принять общія мѣры противъ ультрамонтановъ; они намѣрены объявить, что старая католическая церковь, какъ она была до догмата непогрѣшимости,

сохраняетъ всѣ свои права, утвержденныя государствомъ, но эти права не распространяются на новый расколъ, допустившій небывалый догматъ о папской непогрѣшимости. Такое рѣшеніе, если оно состоится, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать духу нашего времени, требующаго обоюдной независимости и для государства и для церкви, а при догматѣ папской непогрѣшимости независимость государства будетъ находиться въ постоянной опасности, особенно въ западной Европѣ, гдѣ вся цѣль парламентской жизни направлена къ тому, чтобы въ дѣлахъ человѣческихъ не допускать непогрѣшимости и все подвергать изученію и критикѣ. Во второй половинѣ іюля берлинскій кабинетъ сдѣлалъ новый шагъ въ своей церковной политикѣ: духовное вѣдомство католическихъ дѣлъ, какъ отдѣльное управленіе — закрыто.

Нынѣшнее лѣто парламентская жизнь западныхъ народовъ представляла чрезвычайное оживленіе, которому впрочемъ мало соотвѣтствовали результаты трудовъ, которые были положены и органами правительства, т. е. министерствами, и органами страны, т. е. депутатами. Въ Англіи нынѣшняя парламентская сессія, можно сказать, прошла совсѣмъ безслѣдно, такъ какъ никогда министерство Гладстона, правящее уже 2½ года, не встрѣчало такой упорной оппозиціи въ сильномъ меньшинствѣ палаты, и никогда верхняя не выступала противъ нижней съ такою рѣзкостью, какъ то случилось нынѣшній разъ. Билль о тайной подачѣ голосовъ, о которомъ мы говорили въ прошедшій разъ, почти не подвинулся впередъ и въ іюлѣ, и „механическое большинство" нижней палаты, какъ прозвалъ его глава оппозиціи Дизраэли, отчаявается, чтобы это дѣло рѣшилось въ эту сессію. А билль о военной реформѣ, или лучше сказать о прекращеніи продажи чиновъ въ арміи, три раза прошедшій благополучно въ нижней палатѣ, отвергнутъ верхнею палатою. Кончилось тѣмъ, что Гладстонъ рѣшился на мѣру, которую лордъ Элько назвалъ coup d'état: несмотря на отказъ верхней палаты, онъ склонилъ королеву рѣшить дѣло собственною властью и королевскимъ указомъ уничтожить въ Англіи продажу военныхъ чиновъ, установленную королевскимъ же указомъ. Такимъ образомъ, верхняя палата выиграетъ отъ своей рѣшимости пойти на перекоръ мнѣнію страны столько же, сколько французскіе легитимисты выиграли отъ рѣшительнаго іюльскаго манифеста графа Шамбора, выразившаго вѣрность Бурбоновъ бѣлому знамени, и докажетъ, что она сдѣлалась лишнею въ государственномъ механизмѣ Англіи и отжила свое время. Какъ бы ни была необычайна новая мѣра Гладстона, но въ виду того, что и въ Англію начинаютъ проникать и занимать общество революціонныя тенденціи, правительству трудно поддерживать ретроградныя стремленія верхней палаты: такое отношеніе правительства къ духу времени могло бы имѣть только одно послѣдствіе, а именно оно упустило бы изъ своихъ рукъ прогрес-

сивную инициативу и передало бы ее въ руки революціонныхъ партій. Революціонныя стремленія въ Англіи, или вѣрнѣе сказать, антимонархическія, обнаружились почти одновременно съ парижскою коммуною по поводу вопроса о приданомъ дочери королевы Алисѣ. Въ іюлѣ эти же стремленія выразились еще съ большею силою на послѣднемъ митингѣ въ Бэрмингамѣ, о которомъ даетъ отчетъ газета „Le Nord", и который былъ собранъ по случаю назначенія удѣла одному изъ сыновей Викторіи, принцу Артуру. Низшіе классы въ Англіи весьма далеки отъ теоретическаго радикализма, который на материкѣ придаетъ большой вѣсъ республиканскимъ формамъ правленія, а потому и ораторы на митингѣ не нападали на монархическіе принципы, и чтобы быть понятнѣе толпѣ, поставили вопросъ съ его экономической стороны, а именно по отношенію его къ бюджету. Допуская необходимость монархическаго принципа для Англіи, они требуютъ только, чтобы онъ стоилъ не дороже той пользы, которую онъ приноситъ странѣ, и съ этой точки зрѣнія они напали на королеву, которую они считаютъ достаточно богатою, чтобы содержать своихъ дѣтей на свой счетъ. Желая подкрѣпить свои разсужденія цифрами, одинъ изъ ораторовъ обратился прямо къ Артуру: „Вотъ, говорилъ онъ, молодой человѣкъ, которому приходится платить по 300 фунт. стерл. въ недѣлю за то, что онъ ничего не дѣлаетъ. Сколько между нами есть людей, которые едва имѣютъ одинъ фунтъ въ недѣлю, чтобъ содержать свое семейство, а между тѣмъ это все производители, которые своимъ трудомъ обогащаютъ страну! Въ земледѣльческихъ округахъ, гдѣ доходъ земледѣльца не превышаетъ 10 шиллинговъ въ недѣлю, можно накормить цѣлую толпу въ 600 человѣкъ на ту сумму, которую требуетъ отъ насъ этотъ почтенный молодой человѣкъ для того, чтобы жить въ праздности". Сама королева не была пощажена на этомъ митингѣ въ Бэрмингамѣ: „Мы не имѣемъ ничего противъ платы королевѣ, лишь бы она занималась дѣлами государства. Но если она проводитъ все свое время въ Осборнѣ или въ Бельморалѣ, если она отказывается отъ исполненія самыхъ простыхъ правилъ гостепріимства въ отношеніи иностранныхъ принцевъ, которые посѣщаютъ Лондонъ[1], если она, однимъ словомъ, хочетъ жить совсѣмъ какъ частное лицо, безъ всякой отвѣтственности и заботъ, внушаемыхъ ея высокимъ положеніемъ, то странѣ слѣдуетъ подумать, въ какой степени подобное положеніе вещей можетъ измѣнить обязательства страны въ отношеніи представительницы верховной власти". Въ виду такого броженія

[1]) Ораторъ намекаетъ на посѣщеніе въ іюнѣ Англіи нѣмецкимъ наслѣднымъ принцемъ, который остановился въ Лондонѣ въ прусскомъ посольствѣ и не былъ встрѣченъ королевою. По этому случаю былъ сдѣланъ даже вопросъ министрамъ въ палатѣ, которые и объяснили, что тутъ не было никакого намѣренія оказать неуваженіе одному изъ героевъ послѣдней войны.

умовъ, хотя и нисколько неугрожающаго, въ настоящемъ своемъ видѣ и при англійской привычкѣ къ свободѣ мнѣнія, существующему порядку вещей; все же правительство англійское, чуткое къ стремленіямъ страны, не могло въ настоящемъ случаѣ поддержать стремленій верхней палаты, и дѣйствительно, демократическіе органы Англіи отнеслись съ живѣйшею радостью къ тому, что консерваторы назвали coup d'état со стороны Гладстона. Когда отмѣна покупки офицерскихъ мѣстъ была рѣшена королевскимъ декретомъ, то палатѣ лордовъ не оставалось ничего иного дѣлать, какъ допустить второе чтеніе ненавистнаго ей билля, потому что въ этомъ же биллѣ опредѣляется *выкупъ* офицерскихъ мѣстъ, т.-е. вознагражденіе офицерамъ. Отбросивъ билль, лорды не спасли бы системы покупки мѣстъ, уже отмѣненной декретомъ, а только лишили бы офицеровъ вознагражденія. Вотъ почему верхняя палата въ засѣданіи $^{19}/_{31}$ іюля допустила билль ко второму чтенію, выразивъ притомъ порицаніе министерству за его образъ дѣйствій. Но уже прошло то время, когда выраженіе недовѣрія верхней палаты ниспровергало кабинеты. Лорды въ настоящемъ дѣлѣ нанесли ударъ только самимъ себѣ. Парламентскія засѣданія на континентѣ, какъ и въ Англіи, носили на себѣ всѣ слѣды вліянія на умы результатовъ послѣдней войны Франціи съ Пруссіею. Такъ, въ Австріи и въ Бельгіи обсуждались одинаково предложенія о военныхъ реформахъ и сопряженныхъ съ ними увеличеніяхъ бюджета. Въ Бельгіи, ретроградное министерство д'Анетана претерпѣло пораженіе, а въ Австріи— едва успѣло устоять, и бюджетъ прошелъ послѣ ожесточенной борьбы, потому что за интересами военнаго билля въ Австріи скрывались интересы борьбы старыхъ внутреннихъ партій — нѣмецкой и славянской, имперской и федеральной партій. Побѣды Пруссіи повліяли различно на обѣ партіи: министерство Гогенварта выиграло въ расположеніи славянъ, испуганныхъ новымъ положеніемъ Пруссіи, но опять не столько, сколько оно потеряло въ расположеніи нѣмецкой партіи, которая, въ результатахъ послѣдней войны, нашла для себя новую опору. Такимъ образомъ, министерство Гогенварта далеко не можетъ считать своего положенія обезпеченнымъ даже въ самомъ близкомъ будущемъ.

Въ Италіи нынѣшняя парламентская сессія была самою памятною изъ всѣхъ. Еще 27 марта 1861 года парламентъ объявилъ, что Римъ *долженъ* быть столицею Италіи; но, благодаря бонапартовскимъ интригамъ, только 10 декабря 1870 года палата опредѣлила, что Римъ *будетъ* столицею Италіи; но и послѣ этого нерѣшительность короля сдѣлала то, что наконецъ 1 іюля состоялось опредѣленное десять лѣтъ тому назадъ. Содержаніе нынѣшней сессіи показываетъ, что до сихъ поръ Италія, волею-неволею, должна была помышлять не о своемъ внутреннемъ устройствѣ, а о доведеніи до конца борьбы, навязанной ей ис-

торіею съ привидѣніемъ среднихъ вѣковъ—съ притязаніями папъ на свѣтскую власть. Цѣлыхъ 33 засѣданія было посвящено на папскій вопросъ, между тѣмъ какъ были отлагаемы въ сторону существеннѣйшіе вопросы по народному хозяйству и управленію. Но теперь Италія достигла своей формы; эта форма, правда, внутри пустая, и, безъ сомнѣнія, ближайшая задача правительства и народнаго представительства будетъ состоять въ томъ, чтобы наполнить эту форму жизнью, основанною на современныхъ условіяхъ. Правительство намѣрено къ будущей сессіи выработать весьма важный для Италіи проектъ новаго уголовнаго законодательства и проектъ для новыхъ основаній института присяжныхъ. И то, и другое было въ Италіи копіею съ французскихъ учрежденій, которыя мало соотвѣтствовали особенному положенію страны и дурно обезпечивали внутреннее ея спокойствіе и безопасность какъ лица, такъ и имущества.

Въ послѣднее время въ Турціи обнаружились съ полною ясностью и въ опредѣленной системѣ стремленія къ объединенію Порты, владѣнія которой разбросаны въ трехъ частяхъ свѣта и носятъ на себѣ самый разнообразный характеръ. До сихъ поръ Турція подавляла только попытки той или другой провинціи къ самостоятельности; нынѣшній разъ она сама хотѣла сдѣлать починъ къ поглощенію своихъ вассальныхъ провинцій, въ числѣ которыхъ находится и Египетъ. Но едва ли такія попытки могутъ привести къ какому-нибудь результату, такъ какъ Египетъ, по своему внутреннему развитію и цивилизаціи, стоитъ безконечно выше Турціи; въ Египтѣ даже введена представительная форма правленія, и еще нынѣшнимъ лѣтомъ паша созывалъ палату депутатовъ для занятія государственными дѣлами. Западная Европа слишкомъ заинтересована прогрессивнымъ развитіемъ Египта, который, со времени открытія Суэзскаго канала, пріобрѣлъ новое значеніе, и проекты объединенія Порты могутъ только повести къ важнымъ столкновеніямъ на Востокѣ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Монархія и либерализмъ въ Германіи.

Берлинъ, 24 (12) іюля.

Въ Германіи существуетъ, въ настоящее время, небольшое число честныхъ людей, оплакивающихъ преобразованіе и объединеніе Германіи, вызванныя счастливой войной съ Франціей: они опасаются, что черезъ это либеральныя идеи надолго затормозятся въ Германіи. Эти люди приводятъ въ доказательство своего мнѣнія, прежде всего, результаты парламентской дѣятельности послѣдней сессіи рейхстага, во время которой собраніе постоянно уступало желаніямъ правительства, что, впрочемъ, бывало и въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно искать источникъ своеобразнаго политическаго направленія, господствующаго нынѣ въ Германіи, въ созданіи конституціи сѣверо-германскаго союза и творцами настоящаго развитія считать людей, создавшихъ эту своеобразную конституцію, и тѣхъ, которые ее приняли. Эта конституція, какъ извѣстно, значительно уклоняется отъ обыкновеннаго образца: она не признаетъ основныхъ правъ народа, какъ, напр., прусская конституція — и это первый упрекъ, который ей дѣлаютъ; — она не признаетъ отвѣтственности министровъ, недостаточно твердо опредѣляетъ отношенія союзнаго совѣта къ рейхстагу и дѣлаетъ совершенно невозможнымъ проявленіе воли народа, — въ виду неограниченной власти главы имперіи, — какъ въ отдѣльныхъ государствахъ, такъ и въ самомъ рейхстагѣ, который хотя и обязанъ своимъ существованіемъ общей подачѣ голосовъ, но дѣло въ томъ, что при отказѣ въ суточныхъ деньгахъ избирательное право въ дѣйствительности затруднено высокимъ цензомъ. Затѣмъ, какъ особенныя обвиненія выставляются: покровительство арміи, привилегіи дворянства и весьма нелиберальное направленіе въ министерствѣ церковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Конечно, еще не бывало такого времени, когда бы всѣ были довольны, и чѣмъ шире развитіе политической жизни въ какомъ-нибудь государствѣ, тѣмъ строже критикуется всякій общественный актъ и примѣненіе его всегда вызываетъ оппозицію болѣе или менѣе ограниченной партіи. Слѣдовательно, существованіе такихъ жалобъ и обвиненій отнюдь не служитъ доказательствомъ ихъ основательности; они служатъ для безпристрастнаго наблюдателя лишь предѣломъ, до котораго должно идти изслѣдованіе. Не могу сказать, чтобы я былъ

согласенъ съ филистерской мудростью Горація, предписывающей искать истины въ золотой серединѣ, потому что истина можетъ находиться на *одной* какой-нибудь сторонѣ; но дѣло въ томъ, что партіи — какъ тѣ, которыя въ данную минуту стоятъ въ оппозиціи къ правительству, такъ и тѣ, которыя стоятъ за него — слишкомъ склонны довольствоваться формой вмѣсто содержанія и то, что онѣ называютъ своей программой, въ сущности не что иное, какъ вѣхи, между которыми слѣдуетъ искать направленія, котораго онѣ держатся.

Скептицизмъ является вообще результатомъ усидчиваго мышленія и изслѣдованія. Чѣмъ серьезнѣе отнесешься къ своей задачѣ, тѣмъ скорѣе найдешь, что невозможно вполнѣ уловить истину; что къ ней можно только приближаться и для того, чтобы быть добросовѣстнымъ, нужно всегда предвидѣть возможность ошибки. Предпославъ это объясненіе, я попытаюсь прослѣдить ходъ развитія Германіи за послѣдніе пять лѣтъ или около того, потому что нельзя указать опредѣленно начала какого-нибудь движенія. Изъ этого можно вывести, въ какомъ направленіи будетъ идти это развитіе. Само собой разумѣется, что этотъ обзоръ будетъ главнымъ образомъ касаться Пруссіи, потому что въ ней борьба за принципы велась всего ожесточеннѣе.

Итальянская кампанія 1859-го года и виллафранкскій миръ были поворотнымъ пунктомъ во внѣшней политикѣ Пруссіи и Германіи. Тогда Пруссія воспользовалась случаемъ вмѣшаться, въ качествѣ великой державы, въ европейскія дѣла, но тогдашніе министры или были неспособны, или же не имѣли удачи; а такъ какъ австрійскій императоръ предпочелъ заключить съ Франціей миръ, вмѣсто того, чтобы дожидаться прусской, далеко не безкорыстной помощи, то Пруссія, выражаясь вульгарно, прозѣвала удобную минуту. Дѣло было въ высшей степени непріятное и даже опасное, потому что Австрія свалила вину въ своемъ пораженіи на то, что Пруссія, ея естественная союзница, покинула ее въ минуту опасности и одно время можно было даже опасаться, что Австрія объявитъ войну Пруссіи. Говоря, что въ 1859-мъ году у Пруссіи не хватило умѣнья или удачи воспользоваться представившимся случаемъ, я долженъ также прибавить, что главная причина того, что удобная минута была пропущена, заключалась въ томъ, что армія не была готова къ войнѣ.

Въ одной брошюрѣ, написанной судебнымъ совѣтникомъ Твестеномъ, появившейся въ 1861-мъ году, нынѣ позабытой, но тогда надѣлавшей много шума и по поводу которой у автора была дуэль съ тогдашнимъ военнымъ министромъ Мантейфелемъ, доставившая ему мѣсто въ палатѣ депутатовъ, — было сказано между прочимъ: „Когда Фридрихъ Вильгельмъ III, дня за два до іенскаго сраженія, спросилъ генерала Пфуля, возможно ли измѣнить или улучшить положеніе дѣлъ

послѣдній отвѣчалъ ему: мы уже разбиты и всѣ усилія къ спасенію безполезны. Въ первый разъ королевское ухо внимало такимъ словамъ, и король разгнѣвался. Мы далеки отъ того, чтобы оправдывать грубую форму, въ какой они были высказаны, но не думаемъ, чтобы кто-нибудь могъ найти иной отвѣтъ, еслибы въ настоящую минуту вспыхнула война. Тогда намъ ничего не оставалось бы какъ драться, по мѣрѣ силъ, но результатъ, при теперешнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ, не представлялъ бы ни малѣйшаго сомнѣнія: жестокое пораженіе и поспѣшное заключеніе мира. Это мнѣніе сильно распространено и мы считаемъ необходимымъ открыто высказать его. Теперь не время предаваться иллюзіямъ. Слишкомъ дорого пришлось бы за нихъ поплатиться".

Эти слова показываютъ, каковы были сужденія публики спустя два года послѣ итальянской кампаніи, а потому еще поразительнѣе представляется то обстоятельство, что, не взирая на такую правильную оцѣнку военной слабости, палата депутатовъ, въ то время и позднѣе, такъ рѣшительно сопротивлялась реорганизаціи арміи; и это, конечно, происходило отъ того, что она не считала удовлетворительнымъ тотъ путь къ увеличенію военной силы, какой предлагало правительство.

Оппозиція противъ преобразованія арміи повела къ такъ-называемому внутреннему столкновенію. Долго существовавшая доктрина о равновѣсіи власти, главнѣйшій догматъ настоящаго конституціонализма, давно уже, и въ теоріи и на практикѣ, оказалась ошибочной. Въ самыхъ, повидимому, прочно возведенныхъ конституціонныхъ зданіяхъ перевѣсъ постоянно склоняется на *одну* какую-нибудь сторону, и если различныя власти не въ ладу другъ съ другомъ, то побѣда оказывается на той сторонѣ, которая сильнѣе. Въ Англіи, со времени великой революціи, перевѣсъ оказывается на сторонѣ парламента и королевская власть не дѣлаетъ тамъ больше попытокъ бороться противъ этого обстоятельства. Въ Пруссіи же, напротивъ того, власть неоспоримо находится въ рукахъ короля, и какъ скоро завязывалась борьба между нимъ и правительствомъ, то исходъ не могъ быть сомнительнымъ. 1848 годъ могъ просвѣтить на этотъ счетъ самыхъ близорукихъ, потому что, не взирая на сильное революціонное движеніе того времени, не взирая на живѣйшую симпатію, съ какою большинство населенія слѣдило за либеральными стремленіями національнаго собранія, когда это послѣднее, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, положило отказать въ налогахъ, оно было совершенно покинуто народомъ. Это было отнюдь не результатомъ перемѣны въ настроеніи народа, примѣры котораго мы находимъ не только во французской, но и въ англійской исторіи, да и у всѣхъ народовъ вообще: настоящая причина кажущейся измѣны заключалась въ томъ, что народъ, при всей своей любви къ свободѣ, питалъ (и до сихъ поръ питаетъ) сильную привязанность къ монархіи.

возстановленіи свѣтской власти папъ, чтó равнялось предложенію объявить войну Италіи! Какой торжественный случай для Тьера показать, что новая Франція порываетъ всякую связь съ тѣмъ прошедшимъ, которое осуждается пока только на словахъ! Вмѣсто того Тьеръ произноситъ рѣчь самую двусмысленную, прячется за слова, намекаетъ на то, что въ настоящее время „лучше молчать, нежели говорить", и тѣмъ не менѣе говоритъ, что относительно поднятаго епископами вопроса онъ „сегодня думаетъ то, чтó всегда думалъ и чтó будетъ думать всегда", но по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, а также по любви къ отечеству и по благоразумію, онъ не рѣшится сдѣлать то, чтó „съ легкимъ сердцемъ" сдѣлалъ годъ тому назадъ Эмиль Олливье. Эта рѣчь вызвала похвалы со стороны архіепископа Дюпанлу и со стороны Гамбетты. Смыслъ ея былъ тотъ, что „честь" Франціи требуетъ собственно укрощенія Виктора-Эммануила, котораго Дюпанлу не преминулъ сравнить съ варваромъ Аларихомъ, но — non possumus! Съ гордостью Тьеръ упомянулъ также, что онъ невиновенъ съ соединеніи Италіи въ одно цѣлое, что онъ всегда предостерегалъ имперію отъ содѣйствія Италіи къ объединенію, какъ будто преступленіе Наполеона состояло въ томъ, что онъ помогалъ итальянскому народу, а не въ томъ, что онъ помогалъ всегда настолько, насколько его помощь ставила несчастную Италію въ печальную зависимость отъ него, и дозволяла Руэрамъ кричать Италіи „jamais"! если Италія осмѣливалась дѣйствовать самостоятельно! Тьеръ въ своей рѣчи выразилъ, такимъ образомъ, сожалѣніе, что Франція не можетъ въ нынѣшнемъ году обратиться къ Италіи съ тѣмъ же классическимъ jamais! Тысячу разъ правъ Гамбетта, что Францію нужно передѣлать до мозга костей; впрочемъ, это нисколько не помѣшало Гамбеттѣ поддержать возмутительную рѣчь Тьера, которая была отдаленнымъ эхомъ наполеоновской политики вмѣшательства. Вмѣсто того, чтобы отвергнуть прошеніе епископовъ, оно было передано въ руки министра иностранныхъ дѣлъ. Итакъ, правительство Тьера, не зажививъ старыхъ ранъ, записываетъ себѣ на память еще одну месть, еще одинъ „revanche" — за папу!

Въ то время, какъ Франція, сдвинутая съ мѣста, продолжаетъ колебаться между старою рутиною и новыми идеями, не освободившись окончательно извнѣ отъ оккупаціи чужеземцевъ, а внутри отъ рукъ партій монархическихъ и республиканскихъ, чтобы установить республику независимую отвсюду, — Германія могла бы предаться обыкновенному теченію государственной и общественной жизни, еслибы, съ одной стороны, Эльзасъ и Лотарингія не требовали новыхъ заботъ, а съ другой, не поднялись клерикалы. Что касается до Эльзаса и Лотарингіи, то нельзя не отдать той справедливости нѣмецкому правительству, что его мѣры къ объединенію новыхъ странъ все же суще-

ственно отличаются отъ мѣръ, принимаемыхъ обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ. Забота о народномъ образованіи вызвала огромныя пожертвованія со стороны правительства; съ другой стороны, правительство рѣшилось во что бы то ни стало поддерживать въ завоеванной странѣ муниципальную свободу и предпочло этотъ путь другому, — а именно, управленію страною посредствомъ коронныхъ чиновниковъ, которые обыкновенно пользуются авторитетомъ правительства для наживы и личныхъ цѣлей, порождая, такимъ образомъ, ненависть и къ себѣ и къ тому, чтó они представляютъ, а тѣмъ самымъ поддерживаютъ и усиливаютъ сепаратизмъ. Что нѣмцы въ этомъ отношеніи намѣрены дѣйствовать неуклонно, доказательствомъ тому служитъ то, что въ послѣднихъ числахъ іюля правительство назначило въ Эльзасѣ и Лотарингіи муниципальные выборы, хотя, конечно, безъ увѣренности въ томъ, что населеніе выберетъ лица, пріятныя новому правительству, но за то съ увѣренностью, что уваженіе къ муниципальной самостоятельности, рано или поздно, но всегда принесетъ лучшіе результаты, нежели бюрократическое начало. Одинъ изъ публицистовъ сдѣлалъ хорошее и вѣрное сравненіе правительства, прибѣгающаго къ административному насилію для поддержанія своей власти, съ охотникомъ дѣлать займы подъ высокіе проценты: въ минуту займа, кажется, такъ много денегъ въ рукахъ, а между тѣмъ заимодавецъ не замѣчаетъ, что самый корень его богатства подсѣченъ — высокими процентами. Эту истину поняли, какъ нельзя лучше, въ Германіи. Самая лучшая похвала, это похвала со стороны враговъ; и дѣйствительно, во время послѣднихъ дебатовъ въ версальскомъ собраніи о провинціальномъ управленіи, депутаты, отстаивавшіе децентрализацію и муниципальную свободу, въ числѣ аргументовъ въ свою пользу, указывали и на то, что нѣмцы ставятъ Эльзасъ и Лотарингію въ лучшее положеніе и болѣе независимое, нежели какъ то намѣрены сдѣлать французы съ своими же провинціями, вовсе незавоеванными. Но, какъ выразился Гамбетта, Франціи до сихъ поръ было суждено ставить въ теоріи высоко принципы разума и не имѣть возможности осуществить ихъ у себя.

Сила муниципальной свободы такова, что, какъ ни мало имѣетъ шансовъ Пруссія на успѣхъ при первыхъ выборахъ въ Эльзасѣ, но въ самой Франціи уже теперь обезпокоены результатомъ этихъ выборовъ. Такъ, мы читали въ одной корреспонденціи парижской газеты „Temps", — замѣтимъ мимоходомъ, ея редакція составлена, главнымъ образомъ, изъ эльзасцевъ, знающихъ хорошо свою страну и въ тоже время ревностно привязанныхъ къ Франціи, — мы читали въ этой корреспонденціи, что сельское населеніе, по своему обычному характеру начинаетъ индифферентно относиться къ новому владычеству, и даже въ городахъ нѣмцы могутъ разсчитывать на порядочный процентъ въ

случаѣ муниципальныхъ выборовъ. А между тѣмъ цѣль эльзасскихъ патріотовъ состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить все населеніе воздержаться отъ выборовъ, и тѣмъ показать свою непримиримость. Какъ ни ясно опасеніе того корреспондента, но все же мы думаемъ, что оно преувеличено, такъ какъ огромное большинство эльзасскихъ нѣмцевъ дѣйствительно искренно расположены къ Франціи, и могутъ дать хорошую тему для размышленія нашимъ нѣмцефобамъ въ Москвѣ, которые увѣряютъ, что нѣмцы вездѣ, гдѣ бы они ни были, усердно привязаны къ своему нѣмецкому „фатерланду". Эльзасъ служитъ живымъ доказательствомъ, что нѣмцы могутъ быть тѣсно слиты со страною, которая имъ чужда и по религіи, и по языку, и которая при этомъ, сравнительно съ нѣмцами, представляетъ „infériorité physique et morale".

Другую заботу Германіи составляютъ притязанія клерикальной партіи, которая, до сихъ поръ, не только не дѣлала затрудненій правительству, но шла съ нимъ очень часто рука-объ-руку, благодаря тому обстоятельству, что съ католическою партіею дѣйствовали за одно ортодоксальные протестанты, особенно въ вопросѣ о народномъ образованіи. Догматъ папской „непогрѣшимости", угрожающій независимости государства отъ церкви, вызвалъ въ Пруссіи, и особенно въ Баваріи, такія дѣйствія со стороны католическихъ епископовъ-ультрамонтановъ, какія могли являться развѣ во времена Григорія Гильдебранда. Баварскіе епископы, въ своихъ анаѳемахъ и посланіяхъ, весьма прозрачно указываютъ правительствамъ, что дальнѣйшія притѣсненія клерикальной партіи поведутъ къ усиленію революціонныхъ элементовъ, что значитъ другими словами, что іезуиты не погнушаются, въ крайнемъ случаѣ, помочь крайнимъ радикаламъ, проклиная ихъ на словахъ и втайнѣ поддерживая ихъ революціонныя стремленія. Извѣстно, какъ вторая французская имперія часто вступала въ сдѣлки съ ультрамонтанами и отдавала ей себя въ руки, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ея пагубнымъ вліяніемъ на народныя массы. Такую же роль, очевидно, думали нѣмецкіе клерикалы разыграть въ германской имперіи, но, сколько можно судить по первымъ дѣйствіямъ нѣмецкихъ правительствъ, они не намѣрены подражать второй имперіи и пользоваться двусмысленными услугами клерикальной партіи. Крайнія требованія клерикаловъ были даже полезны въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, ортодоксальные протестанты отдѣлились отъ ультрамонтановъ. Особенно рѣшительно дѣйствовало прусское правительство, запретивъ епископамъ смѣщать преподавателей только за то, что они не признаютъ догмата о непогрѣшимости папъ. Въ ближайшемъ времени всѣ правительства федеративной имперіи намѣрены принять общія мѣры противъ ультрамонтановъ; они намѣрены объявить, что старая католическая церковь, какъ она была до догмата непогрѣшимости,

сохраняетъ всѣ свои права, утвержденныя государствомъ, но эти права не распространяются на новый расколъ, допустившій небывалый догматъ о папской непогрѣшимости. Такое рѣшеніе, если оно состоится, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать духу нашего времени, требующаго обоюдной независимости и для государства и для церкви, а при догматѣ папской непогрѣшимости независимость государства будетъ находиться въ постоянной опасности, особенно въ западной Европѣ, гдѣ вся цѣль парламентской жизни направлена къ тому, чтобы въ дѣлахъ человѣческихъ не допускать непогрѣшимости и все подвергать изученію и критикѣ. Во второй половинѣ іюля берлинскій кабинетъ сдѣлалъ новый шагъ въ своей церковной политикѣ: духовное вѣдомство католическихъ дѣлъ, какъ отдѣльное управленіе — закрыто.

Нынѣшнее лѣто парламентская жизнь западныхъ народовъ представляла чрезвычайное оживленіе, которому впрочемъ мало соотвѣтствовали результаты трудовъ, которые были положены и органами правительства, т. е. министерствами, и органами страны, т. е. депутатами. Въ Англіи нынѣшняя парламентская сессія, можно сказать, прошла совсѣмъ безслѣдно, такъ какъ никогда министерство Гладстона, правящее уже $2^1/_2$ года, не встрѣчало такой упорной оппозиціи въ сильномъ меньшинствѣ палаты, и никогда верхняя не выступала противъ нижней съ такою рѣзкостью, какъ то случилось нынѣшній разъ. Билль о тайной подачѣ голосовъ, о которомъ мы говорили въ прошедшій разъ, почти не подвинулся впередъ и въ іюлѣ, и „механическое большинство“ нижней палаты, какъ прозвалъ его глава оппозиціи Дизраэли, отчаявается, чтобы это дѣло рѣшилось въ эту сессію. А билль о военной реформѣ, или лучше сказать о прекращеніи продажи чиновъ въ арміи, три раза прошедшій благополучно въ нижней палатѣ, отвергнутъ верхнею палатою. Кончилось тѣмъ, что Гладстонъ рѣшился на мѣру, которую лордъ Элько назвалъ coup d'état: несмотря на отказъ верхней палаты, онъ склонилъ королеву рѣшить дѣло собственною властью и королевскимъ указомъ уничтожить въ Англіи продажу военныхъ чиновъ, установленную королевскимъ же указомъ. Такимъ образомъ, верхняя палата выиграетъ отъ своей рѣшимости пойти на перекоръ мнѣнію страны столько же, сколько французскіе легитимисты выиграли отъ рѣшительнаго іюльскаго манифеста графа Шамбора, выразившаго вѣрность Бурбоновъ бѣлому знамени, и докажетъ, что она сдѣлалась лишнею въ государственномъ механизмѣ Англіи и отжила свое время. Какъ бы ни была необычайна новая мѣра Гладстона, но въ виду того, что и въ Англію начинаютъ проникать и занимать общество революціонныя тенденціи, правительству трудно поддерживать ретроградныя стремленія верхней палаты: такое отношеніе правительства къ духу времени могло бы имѣть только одно послѣдствіе, а именно оно упустило бы изъ своихъ рукъ прогрес-

конечно; но онъ среди насъ и мы всѣ видали его: онъ одинъ изъ т[...] людей, которымъ уступаешь мѣсто и передъ которыми инстинкт[...] встаешь, такой, какимъ былъ Стилихонъ, неизвѣстный солдатъ, пре[...] чѣмъ не прославили его стихотворенія Клавдія.

„Кто бы онъ ни былъ, роль его проста. Твердою рукой за[...] неограниченную диктатуру и поставить себя на мѣсто всѣхъ [...] *товъ*, которые управляли нами въ послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ.

„Со временемъ для мыслителя будетъ занимательно изслѣдова[...] объяснить, какимъ образомъ Европа, въ теченіи цѣлаго столѣтія, у[...] жала бумажныхъ идоловъ и подчинялась имъ. Исторія показыва[...] намъ, что съ самыхъ раннихъ поръ и до нашихъ дней людьми упр[...] ляли люди: или храбрѣйшій, или мудрый, или самый ловкій рук[...] дили націями. Завоеваніе измѣняетъ, время отъ времени, распредѣ[...] ніе государствъ. Словомъ, событіями двигала человѣческая воля. [...] пережили странное явленіе: не человѣкъ больше дѣйствуетъ, а печат[...] ная фраза, именуемая *закономъ*, послѣ того, какъ она претерпѣла вс[...] каго рода критику, и была громко отвергнута половиной законода[...] лей—*за исключеніемъ одного* [1]).

„Въ рѣшительный часъ борьбы, сигналъ къ которой будетъ да[...] въ неожиданное время, побѣдитель, будетъ ли то теперешній гла[...] государства (т.-е. принцъ - президентъ), или же человѣкъ, котор[...] выдвинутъ впередъ событія,—тотъ, который переживетъ смерть вожд[...] или окажется способнѣе его, — будетъ ли онъ генералъ, полковник[...] или сержантъ, словомъ, тотъ, который послѣдній вложитъ саблю в[...] ножны, послѣ того, какъ революція будетъ подавлена, тотъ займетъ мѣсто въ спискѣ полезныхъ и великихъ людей. Ему стóитъ только сдунуть карточный домъ 1789 года, заявить: государство—это я. Только *онъ* можетъ дать Франціи правительство, которое ей прилично и к[...] торому она можетъ сочувствовать, то-есть: сильное, блестящее, сла[...] ное правительство, какимъ было правленіе Людовика XIV и Наполе[...] она I. Франція любитъ почетъ, блескъ, воинственные разсказы и во[...] ные праздники. Тщетно старались ее пріучить къ жалкому режиму рѣчей и подачи голосовъ. Народъ такъ мало къ нимъ склоненъ, что стыдится ихъ".

Какъ ни отвратительно-легкомысленны эти доктрины, къ сожалѣнію справедливо, что онѣ отвѣчали тогдашнему настроенію франц[...] зовъ. Да, въ самой Германіи было не мало людей, которые раздѣляли подобныя воззрѣнія и желали, на мѣсто закона, поставить голую власть, прикрытую, болѣе или менѣе, заманчивыми титулами, при чемъ, само собой разумѣется, они постоянно имѣли въ виду свои выгоды, потому

---

[1]) Этотъ нѣсколько натянутый переходъ намекаетъ, разумѣется, на парламентское законодательство, при которомъ рѣшеніе принадлежитъ большинству.

что желали господствовать *сами*. Но въ Германіи обстоятельства сложились иначе; народъ не былъ, подобно французскому, такъ утомленъ и истощенъ длиннымъ рядомъ потрясеній, чтобы желать, во что бы то ни стало, подчиниться тому, кто могъ ему гарантировать порядокъ; и хотя монархія, которая составляетъ самую рѣзкую противоположность идеѣ цезаризма, была нѣкоторое время ослѣплена успѣхомъ наполеоновской системы, однако инстинктивно не зашла такъ далеко, чтобы разрушить свою собственную основу: основой монархіи служитъ *законъ*, котораго не признаетъ цезаризмъ.

Но вышеупомянутый писатель съ необыкновенной правдой изобразилъ характеръ французской націи и пока Наполеонъ былъ въ состояніи удовлетворять ихъ стремленію къ блеску, славѣ и привольной жизни, до тѣхъ поръ тронъ его стоялъ непоколебимо и французы были вполнѣ довольны, не взирая на то, что у нихъ отобрали всѣ политическія вольности. Но эта система убаюкивать націю славой возможна только тогда, когда другія націи настолько глупы или слабы, что допускаютъ это. Завоевательной политикѣ Людовика XIV-го положенъ былъ конецъ, когда сосѣди согласились дать ей отпоръ соединенными силами, и продлись ихъ союзъ нѣсколько долѣе, Франціи не удалось бы удержать въ своемъ владѣніи ни единой изъ завоеванныхъ ею тогда провинцій. Со всѣмъ тѣмъ, блестящее на видъ правленіе Людовика XIV-го навлекло на Францію большія бѣды. Несмотря на то, Наполеонъ I дѣйствовалъ точно также (только еще хуже, чѣмъ Людовикъ XIV) и послѣдствія оказались тѣже самыя. Но народъ пріобрѣлъ такъ мало опыта, что при третьемъ Наполеонѣ повторилась таже исторія, при чемъ исходъ оказался бѣдственнѣе, чѣмъ когда-либо. До 4-го августа 1870 года, т.-е. вплоть до перваго пораженія французской арміи, вся Франція, за исключеніемъ весьма небольшой кучки людей, которые были впрочемъ по большей части честолюбцы, была исключительно бонапартистская; ровно четыре недѣли спустя парижане затѣяли одну изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ революцій, которая, какъ теперь несомнѣнно доказано, стала возможной вслѣдствіе неспособности или измѣны Трошю; императоръ былъ низложенъ и учреждена республика, и съ этого момента позабыта исторія послѣднихъ годовъ и Франція должна будто снова стать предметомъ поклоненія для всего свѣта. Какъ будто слова „республика“, какъ будто *форма* что-нибудь значила. Я часто бывалъ въ Швейцаріи и всякій, кто тамъ бывалъ, знаетъ, что тамъ подъ прикрытіемъ республиканской формы господствуетъ такая система притѣсненія и такое отсутствіе свободы, о которомъ въ прусской монархіи съ 1848 года не имѣли ни малѣйшаго понятія — тѣмъ болѣе теперь, когда законодательство устранило прежнія безчисленныя перегородки.

Со времени Монтескьё (оставляя въ сторонѣ древность) безконечно

много занимались преимуществами различныхъ государственныхъ формъ и было бы совершенно напрасно прибавлять еще лишнія черты къ этому спору. Я желаю только показать, какое направленіе приняло въ Германіи общественное мнѣніе. Въ эпоху полнаго отсутствія общественной жизни въ Пруссіи, при исключительномъ поклоненіи древности и тщательномъ устраненіи новѣйшей исторіи (вѣроятно потому, что боялись, какъ бы не заразила молодежь *конституціонными* идеями, которыхъ тогда страшились пуще всего) изъ гимназій, молодежь 30-хъ и 40-хъ годовъ, вышла съ такимъ республиканскимъ закаломъ, какой только можно себѣ представить. Тѣ изъ молодыхъ людей — и я говорю на основаніи многосторонняго опыта—которые знакомились, благодаря родителямъ или другимъ какимъ обстоятельствамъ, съ новѣйшей исторіей (при чемъ я имѣю въ виду преимущественно исторію эпохи, слѣдовавшей после 1815 года), съ государственнымъ правомъ, съ политическими и парламентскими событіями въ южной Германіи, во Франціи и въ Англіи, принадлежали, поступивъ въ университетъ и доживъ до великаго кризиса 1848 года, къ числу самыхъ умѣренныхъ и разсудительныхъ людей; напротивъ того, тѣ изъ молодыхъ людей, которые не знавали иного вліянія кромѣ гимназическаго и тѣхъ ученыхъ, но чрезвычайно ограниченныхъ преподавателей, которымъ знакома только классическая древность, только греки да римляне, становились республиканцами. Въ 1848 году какъ въ средѣ пожилыхъ людей, такъ въ особенности и средѣ молодежи находилось много настоящихъ и серьезныхъ республиканцевъ. Быстрое подавленіе революціи опустошило ихъ ряды: большинство скомпрометтированныхъ бѣжало въ Швейцарію, Англію и Америку; молодые удалились въ тихую, частную жизнь и перемѣнили постепенно свои воззрѣнія.

Идеальное республиканство, какое, напримѣръ, царствуетъ въ Шиллеровскомъ „Фіэско", бывшее долго любимѣйшимъ произведеніемъ молодежи, погасло и республиканцы преобразились въ демократовъ въ томъ измѣненномъ значеніи этого слова, что они признавали монархію и только желали обезпечить народу сильное вліяніе на правительство. Но сильная вначалѣ, демократическая партія сдѣлала большую ошибку, когда устранена была общая подача голосовъ въ 1849 году и замѣнена трехклассными выборами, въ томъ отношеніи, что не захотѣла принять участіе въ политической жизни, такъ что въ палатахъ борьба сосредоточилась между консервативной и конституціонной партіей. Первая, болѣе реакціонная, чѣмъ консервативная, обозначается, въ исторіи десятилѣтія отъ 1848—1858 год., подъ именемъ „партіи Крестовой газеты", послѣдняя сама себя охотно называла „старо-либеральной партіей" и дѣйствительно состояла по большей части изъ людей, гораздо раньше 1848 года раздѣлявшихъ либеральный образъ мыслей. Цѣлыхъ почти 10 лѣтъ длилась въ Пруссіи эта борьба между

ституціоналистами и реакціонерами; поводомъ къ ней служила конституція, которую подвергли пересмотру, затѣмъ чтобы устранить одинъ за другимъ всѣ ея либеральные принципы. Періодъ этотъ былъ отнюдь не блестящимъ, какъ по отношенію къ народу, такъ и монархіи. Но для послѣдней было великимъ счастіемъ, что она не поддалась неоднократно представлявшемуся искушенію произвести государственный переворотъ, который въ Австріи такъ глубоко поколебалъ всѣ существующія отношенія, и народъ хотя и безъ особенной энергіи, но съ непобѣдимымъ упорствомъ продолжалъ борьбу за свои права. Когда нынѣшній императоръ Вильгельмъ принялъ регентство, вслѣдствіе неизлечимой болѣзни своего брата, короля Фридриха Вильгельма IV, — онъ распустилъ министерство Мантейфеля, призвалъ въ верховный совѣтъ либераловъ и начерталъ правительственную программу, которая навсегда останется замѣчательнымъ историческимъ документомъ.

Слѣдующіе затѣмъ выборы въ палату депутатовъ привели въ нее огромное большинство умѣренныхъ либераловъ, одобрившихъ эту программу и постаравшихся привести ее въ исполненіе.

Послѣдовавшая затѣмъ борьба, несмотря на то, что о ней много было писано, не нашла еще себѣ безпристрастной оцѣнки. Я вовсе не поклонникъ теоріи, по которой считается, что нужно дать пройти много времени послѣ событій, прежде чѣмъ писать ихъ исторію. Это мнѣніе измышлено реакціонерами и поддерживается легковѣрными. Историкъ, который въ настоящее время считается первымъ въ Германіи, Леопольдъ фонъ - Ранке очень много содѣйствовалъ тому, чтобы привить молодому поколѣнію (а онъ былъ воспитателемъ нѣсколькихъ поколѣній) эту мнимую возвышенную точку зрѣнія. Чѣмъ старѣе дѣлается онъ, тѣмъ плодовитѣе. Архивы раскрываются передъ нимъ и онъ постоянно открываетъ новые горизонты. Но весь секретъ его искусства заключается въ томъ, что его историческія сочиненія изъяты отъ всякаго контроля, а предметы, о которыхъ онъ въ нихъ толкуетъ, до того индифферентны живымъ людямъ, что различіе во мнѣніяхъ развѣ въ кругу ученыхъ можетъ вызвать нѣкоторое оживленіе.

Силы, *создающія* исторію были гораздо менѣе многочисленны и менѣе сложны въ прежнія времена, чѣмъ теперь. При медленности сообщеній, событія развивались гораздо медленнѣе и могучій умъ могъ овладѣть ими. Въ настоящее время это едва ли возможно и всего менѣе въ Германіи, гдѣ при существующей *децентрализаціи* гораздо болѣе силъ взаимодѣйствуютъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и поэтому исторія *современности* неизбѣжна. Величайшіе историки писали исторію современности. Кому удалось затмить Ѳукидида, который началъ свое безсмертное и несравненное сочиненіе, когда вспыхнула Пелопонезская

война, потому что предвидѣлъ, что она приметъ огромные размѣры? Или быть можетъ Тацитъ писалъ не исторію *современности*?

Но Германія бѣдна и мало въ ней людей, у которыхъ есть настолько досуга, чтобы писать исторію своего времени. То, что имѣется въ этомъ родѣ, принадлежитъ къ самымъ топорнымъ, ремесленнымъ произведеніямъ и при одномъ взглядѣ на нихъ убѣждаешься, что они писаны по заказу и ради денегъ. И такъ какъ именно во время внутренняго столкновенія вся страна приняла сторону Пруссіи, то произнести въ настоящее время вполнѣ объективный приговоръ чрезвычайно трудно. Уже въ началѣ этого письма я упоминалъ объ ошибкѣ либеральной партіи, въ томъ отношеніи, что она вовсе не хотѣла слышать объ организаціи арміи, хотя война 1859 года и просвѣтила ее насчетъ недостаточности тогдашнихъ прусскихъ военныхъ силъ. Но также и правительство, по всей вѣроятности, легче достигло бы своей цѣли посредствомъ болѣе мягкой, примирительной политики. Борьба ожесточилась оттого, что правительство дѣйствительно полагало, что либеральная партія желаетъ унизить королевскую власть и перенести въ парламентъ центръ тяжести государственной силы. Борьба не была доведена до конца, но отложена, потому что Бисмаркъ сдѣлалъ диверсію и сталъ проводить національную политику. Но уже самое это рѣшеніе было уступкой либеральнымъ идеямъ, потому что въ новѣйшее время — за исключеніемъ краткой весны свободы въ 1848 году—всякая національная мысль преслѣдовалась какъ государственная измѣна. Часто употребляемое, но совершенно вѣрное выраженіе гласитъ, что Бисмаркъ со времени 1864 года свершилъ такія дѣла въ сферѣ нѣмецкой политики, какихъ желало большинство молодежи, хотя ее и преслѣдовали за это, какъ демагоговъ, и она провела лучшіе годы своей молодости въ тюрьмѣ. Большой прогрессъ сдѣлало министерство Бисмарка, когда устранило политическое давленіе, которое въ эпоху первой реакціи особенно чувствительно сказывалось для Берлина и большихъ городовъ. Во всякомъ случаѣ конституція давала пруссакамъ широкія права личной свободы и безопасности, но полиція такое своеобразное учрежденіе, что господствующая въ ней практика гораздо важнѣе для отношеній ежедневной жизни, чѣмъ права, гарантируемыя конституціями. И при этомъ эти отношенія опредѣляются не столько законодательствомъ, общей политикой министерства, вліяніемъ полицейскаго главы, сколько привычкой, обусловливаемой всѣмъ состояніемъ общества. Въ этомъ отношеніи нравы въ Пруссіи значительно улучшились и смягчились, хотя долгое время оставались грубыми, благодаря вліянію милитаризма и вообще неподвижности населенія.

Большимъ скачкомъ будетъ переходъ отъ этого второстепеннаго пункта политики къ такому чрезвычайно важному пункту, какъ общее

состояніе соціальныхъ отношеній. Французы гордятся тѣмъ, что у нихъ существуетъ соціальное *равенство* и, какъ извѣстно, они такъ страстно любятъ это равенство, что, обладая имъ, часто легко утѣшались въ утратѣ свободы. Это равенство выражается, во-первыхъ, въ равенствѣ передъ закономъ, которое существуетъ также и въ Германіи, и въ равенствѣ соціальной формы. Это послѣднее особенно поражаетъ иностранцевъ: нѣмецкіе и русскіе путешественники, пріѣзжающіе въ Парижъ—чѣмъ зачастую и ограничивается путешествіе по Франціи—не могутъ достаточно наговориться о томъ, какъ въ кофейняхъ ремесленникъ въ блузѣ сидитъ рядомъ съ офицеромъ и свободно обращается съ нимъ. И слово „*monsieur*", съ которымъ обращаются къ чистящему сапоги на улицѣ, и къ уличному коммиссіонеру представляется какъ бы идеаломъ равенства, котораго достигли французы. Но если не поддаваться внѣшней формѣ, то вскорѣ замѣтишь, что общественныя различія также рѣзки, какъ и въ Германіи и что привилегированные классы только благодаря мудрости, пріобрѣтенной горькимъ опытомъ, не выставляютъ на показъ своихъ претензій и преимуществъ. Но формальное равенство, по крайней мѣрѣ, въ послѣднюю войну новело къ весьма плохимъ результатамъ, потому что много содѣйствовало быстрому упадку дисциплины во французской арміи: уже послѣ перваго пораженія офицеры не оказывали никакого уваженія генераламъ, солдаты офицерамъ. Далѣе, вмѣсто аристократіи, почти истребленной въ великую революцію, выступилъ впередъ капиталъ, какъ единственный общественный факторъ, и повелъ къ еще худшимъ отличіямъ въ обществѣ, чѣмъ аристократія. Что соціализмъ именно во Франціи сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи и привелъ къ такимъ страшнымъ взрывамъ, объясняется только тѣмъ, что именно въ этой странѣ такъ глубоко укоренилась ненависть бѣдныхъ къ богатымъ.

Что касается политической свободы во Франціи, то—чтобы не забираться далеко — при Луи-Филиппѣ господствовалъ конституціонализмъ съ весьма ограниченной свободой, и несмотря на это безпристрастные французы склонны признать, что при этомъ правленіи Франція пользовалась наибольшей свободой, какая когда-либо выпадала ей на долю. Республика 1848-го послѣ весьма краткаго промежутка времени перешла въ сильнѣйшую реакцію, а что конституція, данная Наполеономъ III, не имѣетъ ничего общаго съ свободой — въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался. Республика, послѣдовавшая за имперіей, до сихъ поръ еще не оправдала своего имени ни единымъ истинно-либеральнымъ распоряженіемъ, а напротивъ того дала примѣръ такой кровопролитной и безграничной реакціи, которая даже въ богатой реакціями французской исторіи не имѣетъ себѣ подобнаго.

Въ это же самое время въ Германіи совершалась исполинская законодательная работа. Я не стану перечислять всего, что сдѣлано;

напомню только о новомъ уголовномъ кодексѣ. Но всего колоссальнѣе прогрессъ въ соціальномъ законодательствѣ. Въ тотъ моментъ, какъ я пишу это строки, 6,000 человѣкъ, составившихъ стачку на прошедшей недѣлѣ, собрались на громадный митингъ. При этомъ, какъ и при стачкахъ, они пользуются лишь правами, предоставленными имъ закономъ: составлять ассоціаціи и созывать собранія. Запрещено только тѣмъ, которые составляютъ стачку съ цѣлью прекратить работу, принуждать силой или угрозами тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые хотятъ продолжать работу, пристать къ нимъ. Но это только одна часть громаднаго и всеобъемлющаго законодательства. Такъ я могу привести: отмѣну тюремнаго заключенія за долги, отмѣну наложенія запрещенія на рабочіе инструменты, законъ о свободномъ переселеніи съ мѣста на мѣсто, законъ, прошедшій въ послѣднюю сессію, о тюремномъ заключеніи для управителей желѣзными дорогами, горными работами и подобными предпріятіями, сопряженными съ опасностью, за несчастные случаи, происшедшіе по ихъ винѣ.

Все это великое движеніе возбуждено людьми, принадлежащими къ партіи прогресса, какъ, напр., Шульце-Деличъ, т.-е. такими, которые въ политическомъ отношеніи принадлежатъ къ крайней лѣвой сторонѣ, а правительство вообще столь упорное, когда дѣло коснется малѣйшихъ уступокъ, на этотъ разъ само сдѣлало пол-пути. Мало того даже сѣверогерманскій парламентъ, какъ и теперешній рейхстагъ, несмотря на то, что въ этихъ двухъ собраніяхъ преобладаютъ консервативные и аристократическіе элементы,—шли рука объ руку съ правительствомъ. Все это соціальное законодательство радикальнѣе обставлено чѣмъ какое-нибудь изъ когда-либо существовавшихъ, а между тѣмъ оно совершилось безъ всякаго шума и безъ всякой торопливости.

Въ органахъ реакціонной партіи и въ буржуазныхъ кружкахъ раздается много жалобъ на новое законодательство, доказывающихъ все его значеніе. Никогда еще не совершалось такихъ большихъ соціальныхъ успѣховъ въ обратномъ движеніи. Самая отчаянная реакція во Франціи послѣ 1815 года, не менѣе жестокая реакція въ Австріи послѣ 1848 года не осмѣлились наложить руку на соціальныя пріобрѣтенія прошедшихъ революцій. Тогда дѣло шло главнымъ образомъ о положеніи сельскаго населенія, честь освобожденія котораго *безъ революціи*, по собственной иниціативѣ отъ тяготѣвшихъ на немъ путъ, принадлежитъ—хотя въ разныя эпохи—прусскому и русскому правительству. Величайшая слава, величайшая заслуга, какой только можетъ похвалиться правительство—это предупредить соціальную революцію (а въ сущности всѣ настоящія революціи соціальныя). Въ Россіи еще не существуетъ *четвертаго сословія*. Въ западной же Европѣ оно существуетъ и съ каждымъ днемъ все усиливается. Его нельзя приду-

шить, какъ это дѣлаютъ или стремятся сдѣлать ограниченные буржуа, управляющіе нынѣ дѣлами Франціи изъ Версаля: всякое насиліе вызываетъ кровавую отплату.

Съ этой точки зрѣнія нужно судить о внутренней политикѣ Бисмарка, если желаешь быть безпристрастнымъ. Бисмаркъ по всѣмъ своимъ убѣжденіямъ *юнкеръ* и неоднократно хвалился этимъ, уже будучи знаменитымъ. Симпатіи его принадлежатъ аристократіи и всего меньше любитъ онъ средніе классы, тѣ, что во Франціи называются буржуазіей, которые теперь во Франціи чуть ли не менѣе многочисленны, чѣмъ въ Германіи, хотя въ послѣдней все еще не существуетъ для нихъ особаго нѣмецкаго термина. Государственный канцлеръ не питаетъ къ нимъ ненависти, презрѣнія, и когда какой-нибудь городъ избираетъ его въ свои почетные граждане, онъ благодаритъ весьма вѣжливо. Но, съ одной стороны, Бисмаркъ не вѣритъ въ силу иниціативы буржуазіи (и въ этомъ онъ вполнѣ правъ), а поэтому не особенно цѣнитъ ее, какъ политическаго фактора, съ другой же стороны онъ видитъ, что буржуазія отлично управляется съ своими собственными дѣлами и не проситъ, да и не нуждается въ правительственномъ покровительствѣ, между тѣмъ какъ аристократія слаба, а рабочіе классы, которые, разъ сознавъ свою силу, становятся дѣйствительно страшно могущественными, требуютъ весьма осмотрительнаго образа дѣйствій со стороны правительства. Нужно предоставить имъ свободу дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ нужно удерживать ихъ отъ всякихъ излишествъ (къ которымъ они слишкомъ склонны). Императоръ Наполеонъ раздѣлялъ тѣ же идеи, но у него не было аристократіи, на которую онъ могъ бы опереться, такъ какъ вообще во Франціи не существуетъ аристократіи, и императорскій престолъ былъ окруженъ выскочками, а дать полную свободу рабочимъ классамъ онъ не рѣшался. Изданный въ 1864 году законъ о свободѣ стачекъ остался на бумагѣ, а въ 1867 году былъ даже запрещенъ конгрессъ ассоціацій въ Парижѣ.

Я уже замѣтилъ выше, какъ мало укоренился настоящій республиканскій элементъ въ Германіи, какъ послѣ 1848 года онъ быстро началъ падать и почти совершенно заглохъ. Съ 1858 года, когда теперешній императоръ принялъ бразды правленія, монархическія идеи получали постоянно все бóльшую силу и глубину. Даже эпоха внутренней борьбы не остановила этого движенія, а послѣ перваго военнаго успѣха въ 1864 году поклоненіе монархіи чрезвычайно усилилось. Въ настоящее время нигдѣ въ западной Европѣ монархія не стоитъ на такомъ прочномъ основаніи, какъ въ Пруссіи, и какъ ни перемѣнчивы настоящія времена, однако, можно съ увѣренностью сказать, что это настроеніе долго продержится. Съ прусской монархіей тѣсно связаны заботы о военномъ дѣлѣ и покровительство аристократіи. Что

касается перваго, то нельзя ждать, по крайней мѣрѣ, отъ настоящаго поколѣнія серьезной оппозиціи, которая могла бы повести къ такой же борьбѣ, какая была въ 1862 году. Предпочтеніе, оказываемое аристократіи (выраженіе „предпочтеніе" вообще не совсѣмъ точно, потому что заключаетъ ненавистную идею о *привилегіяхъ*, которыхъ собственно нѣтъ), вызываетъ много жалобъ. Но вполнѣ понятно, что правительство, порвавшее всѣ связи съ старинной системой опеки, ищетъ,—въ виду могущественнаго демократическаго теченія,—опереться на такіе элементы, которые могутъ оказывать противодѣйствіе. Что аристократія и свобода — вещи далеко не несовмѣстимыя, это доказано многочисленными примѣрами и въ новѣйшее время мы видимъ доказательство этому въ Англіи. До сихъ поръ, конечно, прусская аристократія не заявила себя свободолюбивой и свободномыслящей, но вѣдь она всего какихъ-нибудь лѣтъ двадцать какъ вкусила сладость политической жизни (прежде она ограничивалась придворной жизнью), а перемѣна воззрѣній все-таки дѣлается замѣтной.

Конечно, весь этотъ прогрессъ идетъ весьма тихо и его можно открыть лишь при ближайшемъ изслѣдованіи. Но самая эта медленность служитъ гарантіей противъ внезапныхъ и насильственныхъ реакцій, какія всегда бываютъ во Франціи и отъ которыхъ не спаслась Германія послѣ 1848 года. Монархія же тѣсно связана со всѣмъ этимъ прогрессомъ, со всѣмъ этимъ движеніемъ. Она, конечно, умѣряла прогрессъ, когда онъ казался слишкомъ стремительнымъ, но никогда не задерживала его.

Если я старался ясно изложить эти пункты, то это потому, что весьма возможно, что республика окрѣпнетъ во Франціи, что она окажется мудрѣе своихъ предшественницъ 1793 и 1848 годовъ. Въ такомъ случаѣ міръ снова переживетъ замѣчательное явленіе. Никто не думаетъ теперь навязать французамъ какую-нибудь форму правленія, помимо ихъ воли (какъ старались объ этомъ Пруссія и Австрія въ 1793 году, къ великому вреду самимъ себѣ), но противоположность между республикой и монархіей, несмотря на это, отразится на жизни всей западной Европы. Я полагаю, что монархія въ Германіи (и спеціально въ Пруссіи, задающей тонъ) попытается тогда доказать передъ цѣлымъ свѣтомъ, что она столько же, если не больше, чѣмъ республика, можетъ дать свободу, прогрессъ и соціальное благосостояніе, а народы будутъ весьма довольны этимъ мирнымъ соревнованіемъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Классицизмъ и филологія въ Италіи.

15-го (3-го) іюля, 1871.

Видя, какой живой интересъ принимаетъ въ Россіи печать въ вопросѣ объ изученіи классическихъ языковъ, я надѣюсь, что читатели „Вѣстника Европы“ не посѣтуютъ на меня, если я сообщу нѣкоторыя свѣдѣнія касательно настоящаго положенія классическаго изученія въ Италіи.

Было время, какъ вамъ хорошо извѣстно, когда Италіи принадлежало первенство, передъ всѣми образованными націями, въ дѣлѣ изученія классическихъ языковъ. Послѣ взятія Константинополя, ученые греки, эмигрировавшіе въ такомъ множествѣ на нашъ полуостровъ, унося съ собой драгоцѣнныя рукописи, произведенія ихъ древней и славной литературы, своимъ усердіемъ къ спасенію рукописей и къ распространенію произведеній древней литературы, насадили между нами любовь къ изученію древности и преимущественно языковъ греческаго и латинскаго. Любовь эта увеличилась до того, что вскорѣ въ Тосканѣ, въ Ломбардіи, въ Венеціи, въ Неаполѣ появились ученые, которые могли соперничать по части греческой эрудиціи съ самими греками, и разумѣется превосходили ихъ по изяществу своей латыни. Поэзія, филологія, философія чаще облекались въ форму греческую и латинскую, чѣмъ итальянскую, и при этомъ форма эта была до того благородна и изысканна, что по истинѣ Полиціано, Бембо, Саннаццаро, Вида, Фра-Касторо, Котта, Фламиніо и многіе другіе могли бы назваться современниками золотого вѣка латинской поэзіи, еслибы вмѣстѣ съ изящной формой умѣли найти болѣе естественное и болѣе живое содержаніе. Но плоды этой эрудиціи пропали даромъ для семнадцатаго столѣтія и даже частію для восемнадцатаго, въ которомъ однако блисталъ, какъ метеоръ, своей исторической и филологической эрудиціей Муратори, а философскія знанія Джамбаттисты Вико принесли въ ученый міръ новый методъ толкованія языка и исторіи.

Вико по истинѣ заслуживаетъ названіе предвозвѣстника новой науки и уваженіе, съ какимъ относятся къ нему въ настоящее время итальянцы и иностранцы, служитъ лучшимъ доказательствомъ способности итальянскаго ума къ строгому и поэтическому изученію филологіи. Потому что въ филологіи, быть можетъ болѣе, чѣмъ во всякой другой наукѣ, эрудиція, чтобы быть замѣчательной, полезной

и открывать новые горизонты, нуждается въ поэтическомъ дарѣ при научномъ умѣ. А итальянцы, благодаря счастливымъ природнымъ качествамъ, быть можетъ болѣе, чѣмъ всякій другой образованный народъ, соединяютъ въ себѣ эти два условія. Римскій элементъ, который присущъ нашему обществу, придаетъ тотъ оттѣнокъ серьезности національному характеру, который такъ часто изумляетъ иностранца-путешественника, не ожидающаго найти въ Италіи, благодаря злостнымъ разсказамъ путешественниковъ, что-либо выше Арлекина и Полишинеля. Этотъ элементъ серьезности, унаслѣдованный современнымъ итальянцемъ отъ своихъ римскихъ предковъ, слился, во многихъ частяхъ Италіи, съ различными чужеземными элементами, придающими нашему народу тотъ характеръ оригинальнаго разнообразія, который легко замѣчается всякимъ наблюдателемъ. Такимъ образомъ, въ Сициліи элементы греческій и арабскій, между неаполитанцами элементъ греческій, а въ различныхъ частяхъ Италіи элементы кельтскій и германскій, привитые къ прочной римской подкладкѣ, образовали новый народъ съ новыми способностями, съ сильно развитыми фантазіей и воображеніемъ, которыя были немыслимы въ римскомъ мірѣ. Вслѣдствіе того въ Италіи, рядомъ съ фалангой поэтовъ, существуетъ не менѣе значительная фаланга ученыхъ археологовъ, филологовъ и терпѣливыхъ изслѣдователей природы и исторіи. Итакъ, неудивительно, если въ настоящее время Италія, въ средѣ латинскихъ народовъ отличается наибольшей любовью къ филологіи и особенно дорожитъ новыми методами, которые нѣмцы ввели въ изученіе филологіи.

Не мало содѣйствовалъ распространенію этихъ методовъ между нами тотъ фактъ, что въ Италіи поселилось нѣсколько нѣмецкихъ книгопродавцевъ, какъ, напримѣръ, Германъ Лёскеръ, открывшій книжные магазины въ Туринѣ, Флоренціи и Римѣ; Валентинеръ, открывшій магазинъ въ Миланѣ, Дрюккеръ—въ Веронѣ, Мюнстеръ—въ Венеціи, Делькенъ—въ Неаполѣ. Всѣ эти почтенные нѣмцы, научая нашихъ неопытныхъ книгопродавцевъ, какъ слѣдуетъ вести дѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своей дѣятельности и уму, содѣйствуютъ умственнымъ сношеніямъ между Италіей и Германіей. Между прочимъ особенно велики заслуги г. Лёскера, по части филологіи, въ томъ отношеніи, что онъ поощряетъ итальянскихъ писателей писать оригинальныя произведенія для своихъ изданій и вмѣстѣ съ тѣмъ издаетъ въ итальянскомъ переводѣ наиболѣе замѣчательные лингвистическіе труды, появляющіеся въ современной Германіи. Такъ онъ издалъ первый санскрито-итальянскій словарь и санскритскую грамматику, и издаетъ *Corsi di Glottologia* профессора Асколи. Наконецъ, въ настоящее время онъ предпринялъ изданіе библіотеки или коллекціи книгъ на итальянскомъ языкѣ, долженствующихъ содержать народныя пѣсни, преданія, легенды, повѣсти и пословицы, собранныя во всей Италіи

Такъ, обѣщаетъ быть интереснымъ изданіе, предпринятое г. Лёскеромъ въ Италіи, изданіе, надъ которымъ работаютъ два талантливыхъ профессора пизанскаго университета: гг. Доменико Компаретти, знатокъ греческаго языка (замѣчу мимоходомъ, что онъ женатъ на русской и одинъ изъ немногихъ итальянцевъ знаетъ русскій языкъ и интересуется вашей литературой) и Алессандро д'Анкона, профессоръ исторіи и итальянской литературы.

Первый томъ этого собранія, появившійся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, содержитъ народныя пѣсни одной изъ самыхъ любопытныхъ частей Пьемонта, а именно, Монферрато. Въ числѣ этихъ пѣсенъ самыя замѣчательныя историческія и легендарныя, о существованіи которыхъ не подозрѣвали въ Италіи до 1857, 1858 и 1859 гг., когда кавалеръ Костантино Нигра, теперешній итальянскій посланникъ въ Парижѣ, собралъ и напечаталъ съ дѣльными примѣчаніями въ тогдашней туринской „Rivista Contemporanea“ нѣсколько народныхъ, пьемонтскихъ, легендарныхъ пѣсенъ. Въ настоящее время мнѣ извѣстно, что для того же самаго собранія профессоровъ Компаретти и д'Анкона, издаваемаго Лёскеромъ, г. Витторіо Имбріани готовитъ томъ народныхъ неаполитанскихъ пѣсенъ, а самъ Компаретти — томъ народныхъ сказокъ. Первыя итальянскія народныя сказки были изданы вашимъ корреспондентомъ два года тому назадъ; затѣмъ выступила г-жа Лаура Гонзенбахъ съ двумя томами сицилійскихъ сказокъ, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ; въ настоящее время я съ удовольствіемъ узналъ, что въ различныхъ итальянскихъ провинціяхъ нѣсколько юношей, преданныхъ наукѣ, собираютъ богатый матеріалъ, представляемый нашими сказками, о которомъ въ былое время никто не заботился. Въ Сициліи заслуживаетъ особаго упоминовенія молодой профессоръ Джузеппе Питре, благодаря своему прекрасному собранію народныхъ пѣсенъ, изданныхъ въ Палермо г-мъ Луиджи Педоне Лауріелемъ; этотъ послѣдній обѣщаетъ намъ также полное собраніе сицилійскихъ преданій, съ примѣчаніями г. Питре; это собраніе, кромѣ пѣсенъ, будетъ содержать пословицы, обычаи, вѣрованія, суевѣрія, сказки всей Сициліи и будетъ служить важнымъ памятникомъ для всѣхъ, кто изучаетъ народную итальянскую литературу.

Такъ какъ я упомянулъ объ издателяхъ Лёскерѣ и Педоне Лауріелѣ, какъ о людяхъ, содѣйствующихъ изученію народной литературы въ Италіи, то справедливость требуетъ упомянуть также и объ издателяхъ братьяхъ Нистри изъ Пизы и издателѣ Романьоли изъ Болоньи, издающихъ время отъ времени старинныя, неизданныя итальянскія рукописи, представляющія немалый интересъ для исторіи нашего языка и огромный интересъ для исторіи литературы. Въ сборникѣ Романьоли напечатанъ впервые романъ четырнадцатаго столѣтія,

озаглавленный *Il Paradiso degli Alberti*, надъ которымъ работалъ столько времени и предпослалъ ему ученое и прекрасно написанное предисловіе вашъ профессоръ А. Веселовскій, которому принадлежитъ также, изданная въ сборникѣ братьевъ Нистри, монографія о *Figlia del Re-di Dacia*. Миланскій издатель Тревъ напечаталъ *Storia comparata degli usi nuziali* Де-Губернатиса и другіе издатели поощряютъ у насъ этотъ родъ изданій.

Въ Болоньѣ издается небольшое обозрѣніе, подъ именемъ *Il Propugnatore*, спеціально посвященное изученію итальянской филологіи, а въ Веронѣ вышелъ, въ настоящее время, первый томъ новой *Rivista filologica-letteraria*, результатъ трудовъ юношей, но юношей преданныхъ своему дѣлу и старательныхъ. Остановлюсь затѣмъ на весьма важныхъ, для литературной исторіи романскихъ языковъ, трудахъ г. Адольфо Муссафіа, профессора романскихъ языковъ въ вѣнскомъ университетѣ; время отъ времени онъ читаетъ въ императорской академіи наукъ замѣчательныя лекціи объ языкѣ и литературѣ кельтовъ, которыя другой итальянецъ, о которомъ я упоминалъ выше, Константино Нигра, итальянскій посланникъ въ Парижѣ, печатаетъ въ *Revue Celtique*.

Какъ видите, этотъ родъ изученія отличается у насъ извѣстнымъ оживленіемъ и поэтому я считалъ согласнымъ съ задачей моихъ корреспонденцій: извѣщать васъ о нравственномъ и умственномъ движеніи въ нашей странѣ, — сообщить вамъ нѣкоторыя извѣстія касательно этого предмета.

Настоящимъ разсадникомъ этихъ занятій является, разумѣется, университетъ, гдѣ преподаваніе съ 1860-го года, благодаря молодымъ профессорамъ, занявшимъ въ немъ мѣсто, приняло, во всѣхъ отношеніяхъ, новое направленіе, соотвѣтствующее нашему времени. Старики, конечно, не относятся молчаливо и спокойно къ вліянію германской науки, проникшему въ школу. Но сказать по правдѣ, вмѣсто того, чтобы оспаривать доброкачественность новыхъ методовъ, на что у нихъ не хватаетъ аргументовъ, они воспользовались временнымъ безпорядкомъ, нѣкоторой неумѣренностью, излишней торопливостью въ примѣненіи новыхъ началъ, чтобы поднять ихъ на смѣхъ. Но имъ скоро придется положить оружіе, вслѣдствіе отступленія молодежи изъ ихъ собственной школы и вслѣдствіе затрудненія, въ какое они часто бываютъ поставлены касательно отвѣтовъ на нѣкоторые грамматическіе вопросы, задаваемые имъ молодежью, пропитанной новымъ ученіемъ. Имъ приходится, волей-неволей, признать, что обладать умѣньемъ бѣгло читать греческаго или латинскаго автора, хорошо переводить его и говорить на двухъ мертвыхъ языкахъ еще не значитъ глубоко изучить ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе добросовѣстные, повоевавъ нѣкоторое время противъ германской науки, начинаютъ сомнѣваться въ непо-

грѣшимости своихъ древнихъ грамматикъ, своихъ Донатовъ, Де-Колоніа, Бюрнуфовъ, если имъ случится достать какой-нибудь итальянскій переводъ тѣхъ несносныхъ нѣмецкихъ книгъ, величайшая хула противъ которыхъ заключается въ томъ, что они не могутъ ихъ читать, — и соглашаются, что нѣмецкія грамматики, если и не поощряютъ, быть можетъ, молодежи къ составленію красивыхъ фразъ, за то помогаютъ ей понимать многія и многія изъ формъ и выраженій греческихъ и латинскихъ, въ которыхъ она не могла себѣ, до того времени, отдать отчета. Если ученикъ спрашивалъ, бывало, у учителя о значеніи какой-нибудь формы, то учитель спокойно отвѣчалъ ему сухимъ и категорическимъ „такъ принято, потому что такъ принято". Теперь же учитель даетъ себѣ трудъ изслѣдовать происхожденіе, исторію и значеніе самыхъ замѣчательныхъ формъ и можетъ сообщить объ этомъ молодежи, которая день ото дня становится любознательнѣе. А учитель сознается, что не могъ никогда бы достичь такого результата безъ помощи нѣмецкой грамматики. Въ настоящее время, когда у насъ признано значеніе новѣйшихъ нѣмецкихъ грамматикъ греческаго и латинскаго языковъ, новѣйшее изданіе оригинальныхъ, итальянскихъ грамматикъ, составленныхъ для латинскаго языка профессоромъ Энрико Поццетти, а для греческаго профессоромъ Виджиліо Де Инама, еще болѣе облегчило ихъ изученіе. Труды двухъ молодыхъ людей, Доменико Пецци и Фуми, доставившихъ итальянской литературѣ переводы изслѣдованій Шлейхера, Лео Мейера, Курціуса, и вышедшихъ изъ итальянскихъ университетовъ въ послѣдніе десять лѣтъ, доказываютъ прекрасное направленіе, какое приняли въ нашихъ университетахъ филологическія занятія. Пецци вышелъ изъ туринскаго университета, Фуми учился въ флорентинскомъ институтѣ высшихъ наукъ и въ пизанскомъ университетѣ. Въ миланской академіи наукъ и литературы получилъ степень доктора г. Джузеппе Морози, авторъ прекрасной критической статьи о греческихъ нарѣчіяхъ отрантской земли. Изъ неаполитанскаго университета вышелъ г. Родольфо Керубини, въ настоящее время профессоръ въ флорентинской гимназіи, знающій много языковъ и отличный преподаватель греческаго и латинскаго по новѣйшимъ лингвистическимъ методамъ. Словомъ, почти всѣ итальянскіе университеты дали въ послѣдніе десять лѣтъ замѣчательныхъ молодыхъ докторовъ, которые съ честью служатъ новымъ методамъ. Изъ этого можно видѣть, что почти каждый итальянскій университетъ насчитываетъ, по крайней мѣрѣ, одного профессора филологіи, передающаго свою науку согласно принципамъ, которые прочно установлены въ нашемъ столѣтіи критическимъ геніемъ Германіи.

Между двумя системами, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, идетъ теперь послѣдняя борьба; черезъ двадцать лѣтъ отъ стариннаго преподаванія не останется и слѣда; новѣйшее же преподаваніе пригото-

витъ новое поколѣніе ученыхъ, которые значительно возвысятъ наше научное достоинство. Не знаю, дошелъ ли до васъ оттолосокъ ожесточенной полемики, которая вотъ уже почти три года какъ завязалась между знаменитымъ нѣмецкимъ филологомъ и самымъ изящнымъ изъ латинскихъ писателей нашего времени, то-есть между профессоромъ боннскаго университета Фридрихомъ Ричлемъ и Томмазо Валлаури, профессоромъ *латинскаго краснорѣчія* въ туринскомъ университетѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ современныхъ латинистовъ Валлаури пишетъ и говоритъ на латинскомъ языкѣ съ наибольшей легкостью и съ наибольшимъ краснорѣчіемъ и изяществомъ. Онъ вполнѣ овладѣлъ этимъ искусствомъ и не знаетъ себѣ соперника въ туринскомъ университетѣ. Въ туринскомъ университетѣ онъ всегда читаетъ свои лекціи на замѣчательно чистомъ и бѣгломъ латинскомъ языкѣ; его ученики, въ концѣ своего университетскаго курса, могутъ держать публичный диспутъ на хорошей латыни. Валлаури, какъ ораторъ и писатель, отличается большими достоинствами. Но, похваливъ его какъ профессора, я исчерпалъ все, что можно сказать о немъ хорошаго; въ его глазахъ всѣ результаты новѣйшей критики не имѣютъ никакой цѣны и не заслуживаютъ вниманія. Онъ не хлопочетъ объ изслѣдованіяхъ; для него достаточно преподавать искусство хорошо говорить и писать по-латыни, что же касается того, чтобы вдохнуть душу въ различныя формы языка и объяснить ихъ филологически, — это трудъ, который не по немъ и онъ пренебрегаетъ имъ. Поэтому онъ не пропускаетъ случая высказать, въ изысканно-изящной латинской фразѣ, порицаніе всякаго рода новаторамъ; онъ не щадитъ ни либераловъ въ политикѣ, ни свободы совѣсти, ни успѣховъ науки; всѣ выводы нѣмецкихъ ученыхъ изъ древнихъ греческихъ и латинскихъ документовъ въ его глазахъ не что иное, какъ плодъ капризной фантазіи. Но гдѣ онъ выказался особенно рѣзко, такъ это въ спорѣ, который завязался у него съ Ричлемъ касательно имени Плавта: Валлаури всегда читаетъ его *Marcus Accius Plautus*, согласно древнимъ изданіямъ, а Ричль предлагаетъ читать, согласно одной рукописи, *Titus Maccius Plautus*. Весьма возможно, что Валлаури правъ въ такомъ спеціальномъ и не важномъ вопросѣ, но онъ конечно не правъ, когда бросаетъ грязью въ нѣмецкихъ ученыхъ и отрицаетъ ихъ достоинства.

Ту роль, которую Валлаури играетъ въ Туринѣ, въ Пизѣ принялъ на себя профессоръ Ферруччи, преподающій латинскій языкъ въ этомъ университетѣ и директоръ пизанской библіотеки. Но тосканская мягкость удерживаетъ его отъ рѣзкостей, на которыя слишкомъ щедръ пьемонтскій профессоръ. Ферруччи проповѣдуетъ, какъ догматъ, непогрѣшимость Цицерона и безполезность нововведеній, выдаваемыхъ за науку и называемыхъ сравнительной филологіей. Этимъ двумъ замѣчательнымъ латинистамъ вторитъ хоръ изъ нѣсколькихъ про-

фессоровъ въ лицеяхъ и гимназіяхъ и другихъ господъ, о которыхъ не стóитъ упоминать.

Но за то я радъ, что могу привести много именъ профессоровъ, преподающихъ настоящую филологическую науку въ нашихъ университетахъ. Такъ, въ Туринѣ, Валлаури находитъ соперниковъ въ преподавателѣ греческаго языка, нѣмцѣ, профессорѣ Мюллерѣ и въ преподавателѣ сравнительной литературы, профессорѣ Джованни Флеккіа, авторѣ санскритской грамматики, но въ особенности отличившимся въ лингвистикѣ своими многочисленными статьями объ итальянскихъ нарѣчіяхъ, для которыхъ онъ готовитъ сравнительную грамматику. Въ Миланѣ профессоръ Асколи, еврей изъ Горицiи, бывшій банкиръ, стяжалъ европейскую славу своими глубокими изслѣдованіями о глоттологіи, своимъ мощнымъ анализомъ самыхъ мелкихъ формъ арійскихъ языковъ, преимущественно санскритскаго, зендскаго, греческаго, латинскаго и романскихъ. Въ Падуѣ, профессоръ Джузеппе Ферраи, неустанно старается сообщить итальянской молодежи результаты нѣмецкихъ изслѣдованій о древне-греческомъ языкѣ и литературѣ. Въ Пизѣ вышеупомянутые Компаретти и д'Анкона, профессоръ Эмиліо Теца, преподающій санскритскій языкъ, основали настоящую филологическую школу, изъ которой, время отъ времени, исходятъ прекрасные труды по греческой и итальянской литературѣ, по вопросамъ сравнительной, народной литературы. Во Флоренціи профессоръ Гаэтано Трецца, родомъ изъ Вероны, преподающій латинскій языкъ, издалъ недавно прекрасную монографію о Лукреціи; это одинъ изъ самыхъ ревностныхъ, способныхъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ новой критической, нѣмецкой школы. Въ другихъ итальянскихъ университетахъ новый ученый элементъ имѣетъ меньше и не такихъ способныхъ представителей.

Этому строгому изученію классическихъ языковъ мы обязаны тремя новѣйшими и прекрасными изданіями: новое изданіе Проперція, обработанное Доменико Карутти; новое критическое изданіе и переводъ г. Персія и одъ Горація, Сакки изъ Фаэнцы; новое изданіе остаткамъ греческаго оратора Лизія, обработанное сицилійскимъ профессоромъ Барчіа, и еще нѣсколько изданій на греко-албанскомъ нарѣчіи Сициліи профессора Джузеппе Спата, о языкѣ и народѣ албанскомъ. Этимъ языкомъ и этимъ народомъ въ настоящее время у насъ занимается не мало ученыхъ изъ числа ста тысячъ албанцевъ, которые въ пятнадцатомъ столѣтіи образовали колонію въ южной Италіи. Цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы пробудить въ Италіи интересъ къ албанскимъ дѣламъ, въ надеждѣ, что обновленная Италія современемъ вспомнитъ объ ихъ отчизнѣ и освободитъ ее изъ-подъ турецкаго ига. Они заботливо и съ любовью собираютъ всѣ преданія, живущія въ ихъ народѣ со временъ славнаго Скандербега, чтобы показать, какой геройскій духъ имѣлъ ихъ народъ и пробудить въ своихъ албан-

скихъ братьяхъ любовь къ роднне. Съ этой самою цѣлью они стараются слить во-едино и образовать одинъ языкъ изъ различныхъ нарѣчій, раздѣляющихъ въ ихъ отечествѣ албанцевъ Геги отъ албанцевъ Тоски. Въ этомъ направленіи преимущественно работаютъ въ Калабріи гг. Де-Рада (Джироламо и Джузеппе, отецъ и сынъ), составили грамматики и поэтическія антологіи на языкѣ, который, до сихъ поръ, существуетъ лишь въ ихъ представленіи.

Гораздо дѣльнѣе и талантливѣе изслѣдованія объ албанскомъ языкѣ Деметріо Камарда, куратора соединенныхъ грековъ въ Ливорно и автора *Grammatologia comparata della lingua Albanese*. Во всякомъ случаѣ сочиненія Камарда обозначаютъ важный моментъ въ исторіи изученія албанскаго языка и желательно было бы, чтобы его примѣръ нашелъ подражателей, не потому, чтобы можно было возлагать особенныя надежды на будущее албанскаго народа, но потому, что такой лингвистическій оазисъ въ южной Италіи въ высшей степени интересенъ. Извѣстная писательница Дора д'Истрія, урожденная принцесса Гика, изъ рода тѣхъ Гика, которые, прежде чѣмъ вступить на престолъ Румыніи и Валахіи, были членами одного могущественнаго албанскаго племени, написала нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіе о національности албанцевъ и съ этого времени итальянскіе албанцы считаютъ ее своей королевой; но, къ несчастію, если они нашли себѣ королеву, то не нашли еще своего народа.

Кромѣ университетовъ, у насъ въ Италіи существуютъ еще спеціальныя заведенія, въ которыхъ сосредоточено преподаваніе восточныхъ языковъ, и таковы армянская коллегія отцовъ мехитаристовъ въ Венеціи, азіатская коллегія, носившая одно время названіе китайской коллегіи въ Неаполѣ и коллегія пропаганды въ Римѣ. Главная задача, которой обязаны своимъ существованіемъ эти три учрежденія, была задачей религіозной; цѣлью ихъ было воспитать восточные народы въ католической религіи и образовать католическихъ проповѣдниковъ для Востока.

Но китайская коллегія, по приказанію министра народнаго просвѣщенія, въ недавнее время преобразована, согласно требованіямъ новѣйшаго времени; всѣ цѣли, съ какими принимаются пансіонерами въ коллегію восточные юноши, остались, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ коллегіи будутъ преподаваться экстернамъ главнѣйшіе живые языки Азіи, съ коммерческими цѣлями. Замѣчательному знатоку семитическихъ языковъ, графу Франческо Манискальки Эриццо изъ Вероны, поручено было заняться научной перестройкой всего заведенія, и онъ выполнилъ свою задачу нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; теперь коллегія будетъ приносить больше пользы, чѣмъ прежде, хотя, мнѣ кажется, она далеко не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ науки. Въ программѣ заключается торжественное исчисленіе языковъ, которые будутъ преподаваться, но

относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ, какъ, напр., индустанскаго, составитель программы впалъ въ ошибку, отличая нарѣчія отъ языковъ, раздѣляя то, чтб въ сущности одно и тоже; затѣмъ мнѣ сдается, что безполезно обѣщать преподаваніе языковъ, которыхъ никто въ Италіи не знаетъ и ради которыхъ необходимо прибѣгнуть къ помощи иностранныхъ преподавателей.

Манискальки пріобрѣлъ репутацію великаго оріенталиста своимъ великолѣпнымъ изданіемъ *Evangeliario Gerosolomitano*, и конечно мало кто въ Италіи можетъ соперничать съ нимъ въ знаніи сирійскаго и арабскаго языковъ. Но у него есть слабость воображать, что онъ знатокъ во всѣхъ языкахъ; какъ бы то ни было, у Манискальки громкое имя и громадное состояніе, а это много значитъ въ Италіи.

Заговоривъ объ оріенталистахъ, я долженъ еще упомянуть объ одномъ славномъ имени, а именно, о профессорѣ Микеле Амари, сицилійцѣ, бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, сенаторѣ, авторѣ прекрасныхъ историческихъ сочиненій о Сициліи и глубокомъ знатокѣ арабскаго языка, преподающемъ арабскій языкъ въ нашемъ институтѣ высшихъ наукъ. Кромѣ него есть еще: сицилійскій профессоръ Грегоріо Угдулена, депутатъ въ парламентѣ, хорошій знатокъ еврейскаго языка, преподающій греческій въ нашемъ институтѣ; пьемонтскій профессоръ Джузеппе Гиринчелло, другой замѣчательный преподаватель еврейскаго языка въ Туринѣ; ломбардскій аббатъ Черіани, ученѣйшій знатокъ сирійскаго языка, консерваторъ восточныхъ рукописей амброзіанской библіотеки въ Миланѣ; Фаустъ Лазиніо, профессоръ арабскаго языка въ пизанскомъ университетѣ и многіе другіе.

Въ нашихъ главныхъ университетахъ курсъ филологіи и философіи, дающій право на дипломъ преподавателя въ лицеѣ, продолжается четыре года; студенты четвертаго года обязаны посѣщать курсъ сравнительнаго изученія языковъ и литературы и держать экзаменъ по этимъ наукамъ. Преподаваніе идетъ различно въ различныхъ университетахъ. Въ Пизѣ, во Флоренціи, въ Римѣ, напр., въ основѣ преподаванія лежитъ санскритскій языкъ, отъ котораго профессоръ переходитъ къ сравнительному анализу языка, миѳовъ, легендъ, литературы и цивилизаціи. Напротивъ того, въ Туринѣ и въ Миланѣ профессоръ даетъ тщательный анализъ какой-нибудь части грамматики латинской, греческой или итальянской, и мало-по-малу переходитъ къ индусскимъ источникамъ. Каждый изъ этихъ двухъ методовъ имѣетъ свои преимущества, и различный успѣхъ, отличающій ихъ, зависитъ лишь отъ умѣнья преподавателя и доброй воли учениковъ, которые, впрочемъ, могутъ посвящать лишь короткое время на эти занятія, потому что, благодаря неудовлетворительности общаго образованія, профессора университетовъ обязаны преподавать молодежи то, чему она должна была бы выучиться въ гимназіи или въ лицеѣ. Я зналъ нѣкоторыхъ учени-

ковъ послѣдняго класса нѣмецкой гимназіи, которые читали и критически толковали своего Гомера такъ, какъ едва ли бы съумѣли это сдѣлать наши студенты на четвертомъ году своего пребыванія въ университетѣ. Что же это значитъ? Въ то время, какъ нѣмецкій юноша можетъ въ университетѣ посвятить себя какой-нибудь спеціальной отрасли науки и достичь въ ней замѣчательныхъ результатовъ, итальянскій юноша принужденъ пріобрѣтать общее образованіе, не углубляясь ни въ какую спеціальность. Я надѣюсь, что со временемъ улучшатся условія нашего общаго образованія, потому что ежегодно изъ университетовъ переходятъ въ лицеи преподавателями молодые профессора, понимающіе задачи нашего образованія. Немногіе хорошіе учителя подаютъ хорошій примѣръ и надо надѣяться, что многіе пожелаютъ ему послѣдовать. Остается также желать, чтобы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, долженствующемъ быть покровителемъ всякаго научнаго прогресса, бюрократическій педантизмъ уступилъ мѣсто уму и знанію и не чувствовалъ бы такого ужаса передъ новыми идеями, проникающими въ науку. Въ томъ видѣ, въ какомъ преподаваніе шло до сихъ поръ въ нашихъ школахъ, оно является долгой и скучной тратой времени. Мы видимъ, что юноши прилежные, воспитываемые дома, могутъ вполнѣ овладѣть латинскимъ и греческомъ языкомъ въ два года постоянныхъ занятій; и видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что восьмилѣтнее ученіе въ гимназіяхъ и лицеяхъ не дѣлаетъ юношей способными свободно прочитать латинскій текстъ и дѣлать подробный анализъ. Слѣдовательно, главный недостатокъ заключается въ преподаваніи; затѣмъ большой недостатокъ заключается въ томъ, что классическіе языки ровно преподаютъ всѣмъ, также и тѣмъ, кто не имѣетъ никакого расположенія къ ихъ изученію и никакой въ томъ надобности. Печальный недостатокъ сказывается и въ томъ, что терзаютъ молодые умы изученіемъ мертвыхъ языковъ прежде, чѣмъ они усвоятъ себѣ отечественный языкъ и познакомятся съ главнѣйшими иностранными живыми языками. Намъ слѣдуетъ, кромѣ того, убѣдиться въ слѣдующемъ фактѣ: что никто изъ нашихъ великихъ филологовъ не обязанъ своимъ знаніемъ общественной школѣ; большинство обязано себѣ самому, крѣпкой волѣ, безустаннымъ занятіямъ и естественной склонности, которая бываетъ очень велика въ Италіи. И здѣсь я повторю вышесказанное замѣчаніе, что у насъ фантазія всегда имѣетъ подкладкой серьезное настроеніе ума. Поэтъ Альфьери научился, будучи уже старикомъ и безъ всякой посторонней помощи, читать, переводить и писать по-гречески; поэтъ Фосколо (останки котораго были торжественно перенесены 24-го іюня изъ Лондона въ флорентинскій храмъ *Santa Croce*) перевелъ Каллимаха, комментировалъ „Божественную Комедію", Боккачіо и Петрарку; поэтъ Монти написалъ *la Proposta*, въ которой вдался въ самыя подробныя разсужденія объ итальянскомъ

языкѣ; поэтъ Леопарди семнадцати лѣтъ былъ уже знатокомъ греческаго языка, возбуждавшимъ удивленіе между учеными нѣмцами; поэтъ Джусти издаетъ сборникъ тосканскихъ пословицъ съ примѣчаніями; поэтъ Манцони вдается въ длинныя разсужденія объ итальянскомъ языкѣ, и подобныхъ примѣровъ двойной способности итальянскаго ума къ искусству и къ наукѣ я могъ бы привести безчисленное множество изъ всѣхъ вѣковъ, начиная съ Аллигіери.

Но ошибочно злоупотреблять такими счастливыми природными дарованіями и желать образовать въ школѣ изо всѣхъ юношей поэтовъ, латинистовъ и знатоковъ греческаго языка; результатъ такого злоупотребленія пагубенъ, потому что поощряетъ посредственность; вмѣсто того, чтобы помогать самымъ возвышеннымъ умамъ отличиться, ихъ принижаютъ къ уровню дюжинныхъ умовъ, посредствомъ образованія, приспособленнаго для всѣхъ, образованія поверхностнаго и недостаточнаго, могущаго лишь развить въ юношахъ претензію на большія знанія, а не само знаніе. Несомнѣнно, что изъ тысячи юношей, ежегодно выдерживающихъ экзаменъ греческаго и латинскаго языковъ, который даетъ имъ право претендовать на высшую степень образованія, немногіе десятки быть можетъ вынесли прочныя и положительныя знанія. Но виноватъ въ этомъ не греческій и не латинскій языки, но тѣ, кто имъ учится и кто ихъ преподаетъ. Ихъ преподаютъ и имъ учатся слишкомъ много людей и слѣдовательно преподаютъ и учатся дурно, ради экзамена и повинуясь министерскому предписанію, по схоластической рутинѣ, а не съ опредѣленной цѣлью воспользоваться своими знаніями со временемъ. Математику изучаютъ, чтобы разрѣшать вопросы практической пользы въ жизни; медицину изучаютъ, чтобы облегчать страданія человѣчества; всякая наука изучается ради ея примѣненія, но языки классическіе все еще изучаются большинствомъ изъ одного уваженія къ преданіямъ, нарушить которыя считается святотатствомъ и какъ все, что дѣлается безъ интереса, дѣлается безъ любви, безъ большого вниманія. Я представляю себѣ, что недалеко время, когда изученіе классическихъ языковъ сдѣлается привилегіей немногихъ, которые призваны внести свѣтъ въ свои занятія, чтобы увеличить научное наслѣдство, а большинство нашей молодежи посвятитъ себя изученію итальянскаго языка, знаніе котораго далеко не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени. Иные иностранцы лучше пишутъ и говорятъ по-итальянски, чѣмъ многіе итальянцы изъ нѣкоторыхъ провинцій, въ особенности южныхъ [1]). Они не хорошо знаютъ грамматику своего языка и поэтому пишутъ не только съ грубыми ошибками, но и съ отсутствіемъ логики. Мысль никогда

---

[1]) Какъ бы, при сокращеніи уроковъ отечественнаго языка въ пользу древнихъ, въ нашихъ гимназіяхъ, и у насъ не случилось тоже. — *Ред.*

не бываетъ ясной и послѣдовательной, потому что форма, долженствующая ее выражать, неопредѣленна и несовершенна. А при ихъ незнаніи языка усиліе, которое они дѣлаютъ, чтобы показать, что умѣютъ хорошо писать, приводитъ только къ аффектаціи, безвкусію въ сочиненіяхъ, понятно, не находящихъ себѣ читателей. Итакъ, наши школы прежде всего должны учить правильно писать и читать на родномъ языкѣ; поэтому слѣдуетъ считать драгоцѣннымъ подспорьемъ труды нѣкоторыхъ любителей итальянскаго языка, издаваемые время отъ времени, чтобы выяснить красоту тосканскаго нарѣчія передъ всѣми другими итальянскими нарѣчіями. Въ числѣ этихъ трудовъ я долженъ упомянуть о небольшой книгѣ, изданной недавно пьемонтскимъ аббатомъ Джамбаттистой Джуліани, комментаторомъ *Divina Commedia* въ нашемъ институтѣ высшихъ наукъ. Аббатъ цѣлые годы бродилъ по горамъ и доламъ Тосканы, изыскивая все, что могло увеличить и украсить сокровищницу родного языка. Эта книжечка содержитъ, въ формѣ народныхъ бесѣдъ и діалоговъ, опытъ словаря тосканскаго нарѣчія, что уже было частію выполнено въ *Vocabolario dell'uso Toscano*, составленномъ Пьетро Фанфани, директоромъ *Biblioteca Marucelliana*. Тѣмъ временемъ готовится изданіе новаго словаря народнаго языка, который, по совѣту Алессандро Манцони, министръ народнаго просвѣщенія приказалъ составить изъ матеріаловъ, доставляемыхъ флорентинскимъ нарѣчіемъ. Всѣ эти усилія возвысить достоинство родного языка не доказываютъ, чтобы въ Италіи пренебрегали богатствомъ нарѣчій; изученіе нарѣчій идетъ наравнѣ съ изученіемъ языка и пользуется такой же благосклонностью. Новые словари нарѣчій появляются во всѣхъ частяхъ полуострова. Вмѣстѣ съ тѣмъ театръ продолжаетъ поощрять литературныя произведенія на различныхъ нарѣчіяхъ; такъ въ Піемонтѣ постоянно растетъ число драмъ и комедій, написанныхъ на пьемонтскомъ нарѣчіи; въ Миланѣ самые замѣчательные изъ молодыхъ писателей обогащаютъ театръ комедіями на миланскомъ нарѣчіи. Тоже самое можно сказать и о другихъ провинціяхъ. Я не сожалѣю объ этихъ естественныхъ и самобытныхъ проявленіяхъ искусства; я понимаю, что такое разнообразіе средствъ въ выраженіи мысли въ Италіи доказываетъ и составляетъ наше богатство; но въ тоже самое время необходимо разработывать въ школахъ тотъ обще-итальянскій языкъ, на которомъ мы всѣ должны говорить и который долженъ служить доказательствомъ нашего единства, какъ для самой страны, такъ и для иностранцевъ. А этого послѣдняго результата мы достигнемъ, если урѣжемъ отъ педантическаго и поверхностнаго преподаванія греческаго и латинскаго языковъ часть драгоцѣннаго времени, которое намъ слѣдуетъ посвятить на изученіе и разработку нашего родного языка.

D. G.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Незагадочный писатель.

Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій. Загадочный человѣкъ. Эпизодъ изъ исторіи комическаго времени на Руси. Спб. 1871.

Авторъ этой книги, какъ видятъ читатели, человѣкъ совсѣмъ не загадочный и достаточно извѣстный именно съ той стороны, съ которой „писатели“ менѣе всего стремятся пріобрѣсти извѣстность. „Загадочный человѣкъ“, о которомъ толкуетъ этотъ незагадочный человѣкъ—Артуръ Бенни, англійскій подданный, родомъ полякъ, пріѣзжавшій въ Россію въ началѣ шестидесятыхъ годовъ съ цѣлью революціонной пропаганды и прослывшій въ Петербургѣ шпіономъ. Замѣшанный въ дѣло г. Кельсіева, онъ былъ высланъ изъ Россіи по приговору сената и, будучи раненъ въ битвѣ при Ментанѣ, умеръ въ одномъ изъ римскихъ лазаретовъ. Вотъ внѣшняя исторія этого человѣка. Г. Лѣсковъ-Стебницкій старался разсказать его внутреннюю исторію и снять съ него то пятно шпіона, которое нѣкоторое время лежало на немъ. Задачу эту г. Лѣсковъ исполняетъ удовлетворительно, но едва ли настояла надобность браться за нее, такъ какъ имя Бенни извѣстно было въ весьма ограниченномъ кружкѣ литераторовъ и такъ какъ обвиненія его въ шпіонствѣ пали отчасти сами собой, отчасти вслѣдствіе письма г. Тургенева, напечатаннаго въ „Спб. Вѣд.“ послѣ смерти Бенни. Отнынѣ это имя должно быть чисто отъ упрековъ подобнаго рода, но изъ книжки же г. Лѣскова видно, что подозрѣнія, лежавшія на Бенни, имѣли долю основанія въ то, по преимуществу подозрительное, время, когда достаточно было малѣйшаго повода, малѣйшей случайности, чтобъ на человѣка стали смотрѣть косо. Это было время реакціи, когда за такъ-называемыми неблагонамѣренными людьми совершались поиски усиленно-рьяные; естественно, что всякій, имѣвшій хотя отдаленное право считать себя въ какомъ-либо отношеніи политически неблагонамѣреннымъ человѣкомъ или просто человѣкомъ, не одобряющимъ реакціонныхъ мѣръ, весьма подозрительно относился къ людямъ, прошлое или настоящее которыхъ представлялось съ какой-либо стороны неяснымъ. Бенни именно былъ такимъ человѣкомъ. Съ одной стороны, онъ являлся довѣреннымъ лицомъ А. И. Герцена, человѣкомъ, мечтавшимъ о переворотѣ, съ другой—дружился съ людьми, не внушавшими большого довѣрія прогрессивному лагерю. Стоило одному сказать, что Бенни

шпіонъ, и подобное мнѣніе быстро становилось ходячимъ. Участіе Бенни въ „Сѣверной Пчелѣ“, которая заявляла себя очень ясно съ реакціонной стороны въ тотъ моментъ, когда такъ-называемый вопросъ о молодомъ поколѣніи былъ особенно жгучъ, усилило противъ него подозрительность въ противномъ лагерѣ. Такимъ образомъ, Бенни сдѣлался одною изъ тѣхъ жертвъ, которыхъ всегда много бываетъ въ подобные натянутые моменты народной жизни. Стóитъ вспомнить Францію во время минувшей войны, чтобъ понять это явленіе, въ которомъ мудрено обвинять людей подозрительныхъ. Понятно, что г. Лѣсковъ съ этой стороны совсѣмъ не смотритъ на это дѣло. Для него обвиненіе Бенни въ шпіонствѣ служитъ только къ выходкамъ противъ прогрессивной партіи, къ брани, къ негодованію и, наконецъ, къ клеветѣ на нѣкоторыхъ изъ ея представителей. Г. Лѣсковъ, очевидно, не понимаетъ, что, снимая клевету съ Бенни и клевеща на его противниковъ, онъ дѣлаетъ по меньшей мѣрѣ столь же дурное дѣло, какое дѣлали люди, подозрѣвавшіе Бенни. Мы говоримъ „по меньшей мѣрѣ“, хотя въ настоящемъ случаѣ эта условная форма совсѣмъ не идетъ. Бенни могъ отвѣчать на клевету, могъ открыто разъяснить, что подозрѣвающіе его въ столь гнусномъ дѣлѣ жестоко ошибаются; г. же Лѣсковъ бросаетъ клеветою въ тѣхъ, которые отвѣчать ему не могутъ.

Такъ, онъ представляетъ въ гадкой каррикатурѣ нѣкоего Никипоренко, давно умершаго; такъ онъ старается язвить какой-то либеральный кружокъ; такъ онъ бросается наконецъ въ совершенно ненужныя клеветы, и, напр., увѣряетъ, что Н. Г. Ч—скій „добивался сотрудничества у редакторовъ Московскихъ Вѣдомостей“, но „искательства его были отвергнуты“. Со стороны г. Лѣскова, все это — сознательная клевета, ибо ему не можетъ быть неизвѣстно, что „Москов. Вѣд.“ начали издаваться настоящими редакторами съ 1863 года, когда Н. Г. Ч—скій не имѣлъ никакой возможности предлагать кому-нибудь свое сотрудничество; что касается того времени, когда эти редакторы были не редакторами „Москов. Вѣд.“, а „Русскаго Вѣстника“, когда они не отличились еще извѣстнымъ направленіемъ, а проповѣдовали англійскій парламентаризмъ, то и въ это время Н. Г. Ч—скій не имѣлъ никакой надобности обращаться къ нимъ и не обращался. „Русскій Вѣстникъ“ былъ основанъ въ 1856 году, а съ 1854 Н. Г. Ч—скій уже дѣятельно участвовалъ въ „Современникѣ“ и по этому одному не имѣлъ никакой возможности сотрудничать въ другихъ изданіяхъ: съ „Современникомъ“ онъ былъ очень тѣсно и дружески связанъ и не имѣлъ никакихъ основаній оставлять этого журнала. Но еслибъ въ самомъ началѣ своей публицистической дѣятельности Н. Г. Ч—скій и обратился съ какою-нибудь статьею въ „Русскій Вѣстникъ“, то тутъ ничего несообразнаго не было бы, ибо въ концѣ пятидесятыхъ го-

довъ „Русскій Вѣстникъ“ и „Современникъ“ весьма незначительно разнились между собою въ направленіяхъ, и то, что̀ „Современникъ“ начиналъ проповѣдовать въ мажорномъ тонѣ, „Русскій Вѣстникъ“ проповѣдовалъ въ минорномъ. Они вовсе не стояли между собою діаметрально-противоположно, какъ это случилось потомъ, да и вся журналистика, московская и петербургская, находила возможнымъ вести пропаганду параллельно, безъ полемики; у нея былъ тогда только одинъ врагъ—цензура, и этотъ врагъ былъ общій всѣмъ, противъ котораго одно время и петербургская и московская журналистика сочли нужнымъ соединиться, для чего Н. Г. Ч—скій ѣздилъ къ редакторамъ „Русскаго Вѣстника“ въ качествѣ депутата отъ петербургской журналистики и переговаривался съ ними. Литературное участіе Н. Г. Ч—скаго въ московскихъ изданіяхъ ограничилось помѣщеніемъ замѣчательной статьи „Русскій человѣкъ на rendez-vous“ (по поводу „Аси“ г. Тургенева) въ „Атенеѣ“, который издавался однимъ изъ сооснователей „Русскаго Вѣстника“ Е. Ѳ. Коршемъ. Вотъ факты, которыхъ г. Лѣсковъ, повторяемъ, не могъ не знать, и которые онъ извратилъ ради той, съ перваго раза, непонятной злобы, которую продолжаетъ онъ питать ко всѣмъ, имѣющимъ счастіе находиться въ противномъ съ нимъ лагерѣ.

Мы сказали: „съ перваго разу непонятной злобы“, но настоящая книжка даетъ весьма удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: почему г. Лѣсковъ такъ упорно держится, въ своей дѣятельности, полицейско-беллетристической точки зрѣнія? Отвѣтъ этотъ мы находимъ на стр. 109, въ примѣчаніи къ строкамъ, въ которыхъ онъ разсказываетъ о слишкомъ откровенныхъ показаніяхъ Ничипоренки подъ арестомъ. Извѣстно, что русскій человѣкъ вообще откровененъ, и ужъ если разъ прорвался, то начнетъ разсказывать и то, о чемъ его спрашиваютъ, и то, о чемъ его никто не спрашиваетъ. Если спрашиваютъ его, напр., о томъ, былъ ли онъ у Иванова, то онъ не просто отвѣтитъ, что у Иванова точно былъ, но разскажетъ при этомъ, какимъ образомъ онъ къ Иванову пришелъ, кого встрѣтилъ по дорогѣ, и что̀ говорилъ съ встрѣчавшимися и что̀ встрѣчавшіеся ему говорили; мало этого: онъ разскажетъ и о томъ, что̀ онъ въ это время думалъ, къ кому намѣревался заѣхать, кому поклонился издали, и если этотъ послѣдній не узналъ его и не отвѣчалъ ему поклономъ, то онъ разскажетъ, почему онъ не былъ узнанъ, по какому случаю съ нимъ познакомился, когда, гдѣ, въ чьемъ домѣ, въ какомъ семействѣ, изъ кого это семейство состоитъ и какихъ убѣжденій его члены и т. п. Эта удивительно комическая черта русскаго человѣка, происходящая у него отъ отсутствія сосредоточенности, отъ размашистости натуры и обилія раскаянія. Само собой разумѣется, что г. Лѣсковъ этой черты не замѣтилъ, хотя Ничипоренко представлялъ собою очень хорошій субъектъ для изу-

ченія на немъ именно этой черты. Подъ арестомъ онъ написалъ цѣлые фоліанты показаній, по откровенности, конечно, превосходящіе знаменитыя „Confessions“ Жанъ-Жака Руссо. Въ примѣчаніи къ стр. 109, о которомъ мы упомянули, г. Лѣсковъ, разсказывая объ этой откровенности Ничипоренко, прибавляетъ: „Такъ, напр., онъ вспоминалъ, между прочимъ, и обо мнѣ, и описывалъ какой-то сторонній случай, вставилъ кстати, что въ это-де время „я познакомился съ литераторомъ Лѣсковымъ, который своимъ образомъ мыслей имѣлъ вредное вліяніе на мои понятія“, и далѣе опять о постороннемъ (?). Я самъ не читалъ этихъ касающихся меня строкъ, но слыхалъ о нихъ отъ Бенни и отъ другихъ людей (??), которымъ я вполнѣ вѣрю, да которымъ и не было никакой нужды лгать мнѣ. По этому поводу я *тщательно припоминалъ* (замѣтьте эту тщательность) себѣ всѣ мельчайшія подробности моихъ сношеній съ Ничипоренко, съ которымъ мы одно время жили вмѣстѣ у профессора И. В. Вернадскаго, но *ничего не могъ припомнить, чѣмъ* бы я могъ его *совратить съ добраго пути* (замѣтьте и это). Развѣ тѣмъ (?), что мы съ пр. Вернадскимъ иногда позволяли себѣ слегка трунить надъ его революціею, да *предсказывали* (курсивъ и подл.) ему его печальную судьбу, которая съ нимъ на его несчастіе мы и исполнилась“.

Если читателю недостаточно ясно, какимъ образомъ эти характерныя строки служатъ отвѣтомъ на вопросъ: почему г. Лѣсковъ такъ упорно держится, въ своей дѣятельности, полицейско-беллетристической точки зрѣнія?—то мы должны войти въ маленькія подробности. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, на Невскомъ проспектѣ, въ томъ домѣ, гдѣ теперь помѣщается банкирская контора гг. Жадимеровскаго и Баймакова, находилась фотографія Щербинина, спеціальность которой состояла въ сниманіи фотографическихъ карточекъ литераторовъ. Въ 1862-мъ году можно было видѣть въ рамкѣ, вывѣшенной у этой фотографіи, фотографическія карточки всѣхъ, даже самыхъ маленькихъ литераторовъ, и между ними г. Лѣскова и Ничипоренко. Оба они были сняты на одной карточкѣ и притомъ обнявшись, какъ закадычные друзья. Въ то время г. Лѣсковъ очевидно не находилъ въ Ничипоренко отталкивающихъ привычекъ, о которыхъ онъ теперь повѣствуетъ: „онъ былъ очень непріятенъ своимъ неряшествомъ и имѣлъ очень дурныя манеры и двѣ отвратительнѣйшія привычки: дергать безпрестанно носомъ, а во время разговора выдавливать себѣ пальцемъ изъ орбиты лѣвый глазъ.“ Надо думать, что на время сниманія карточки г. Лѣсковъ, обнявъ Ничипоренко, въ знакъ дружбы, уговорилъ его не дергать носомъ и не выдавливать лѣвый глазъ. Такимъ образомъ два друга, на изумленіе Петербурга, висѣли долго, вѣроятно до того момента, когда Ничипоренко былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость. Естественно, что г. Лѣсковъ долженъ былъ пере-

живать скверныя минуты за дружбу свою съ Ничипоренко и за годы „заблужденія“. Да, у г. Лѣскова также были эти годы заблужденія, эти годы безшабашнаго либерализма, горячей вѣры въ лучшее соціальное устройство; онъ съ пламеннымъ восторгомъ смотрѣлъ на явленія, которыя теперь осуждаетъ, и любилъ то, что теперь ненавидитъ, поклонялся тому, отъ чего теперь открещивается. Онъ даже лихорадочно слѣдилъ за московской студенческой исторіей и рѣшался на выходки глупѣйшаго свойства, какъ восторженный мальчикъ. Онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Бенни, который ничего отъ него не скрывалъ, и зналъ, конечно, очень хорошо всю ту Одиссею пропаганды Ничипоренко и Бенни, которую теперь онъ разсказываетъ со смѣхомъ и самодовольствомъ слѣдователя. Онъ, однимъ словомъ, былъ грѣшникомъ, былъ человѣкомъ скомпрометтированнымъ, предававшимся съ увлеченіемъ чтенію запрещенной литературы. Пишущій эти строки могъ бы разсказать многое въ дополненіе къ „Загадочному человѣку“ и освѣтить разсказъ такими подробностями, которыя бросили бы въ жаръ и холодъ г. Лѣскова. Но это до другого раза, до личныхъ воспоминаній о томъ времени, которое г. Лѣсковъ называетъ „комическимъ“, но которое вѣрнѣе можно назвать „временемъ молодыхъ восторговъ“. Десятилѣтняя давность минула уже этому времени, а потому о немъ можно говорить откровенно, не тѣмъ благонамѣренно-полицейскимъ тономъ, которымъ говоритъ г. Лѣсковъ, а тономъ благодушія и любви. Много было глупаго въ томъ времени, много было и хорошаго, какъ во всякой молодой, свѣжей жизни, когда человѣкъ дѣйствуетъ очертя голову, когда порывы ему такъ свойственны и такъ свободно, такъ беззаботно вырываются наружу. Намъ жалки эти люди, которые въ пору зрѣлости, въ пору окрѣпшихъ умственныхъ силъ и исчезновенія молодого энтузіазма, поворачиваются къ прошлому съ презрѣніемъ и смѣются надъ нимъ надорваннымъ, деревяннымъ, старческимъ смѣхомъ. Они или вырвали у себя сердце и бросили его на съѣденіе гадамъ, или никогда его не имѣли и въ лучшую пору своей жизни, въ пору „святыхъ упованій“ фальшивили и подстроивались подъ общій тонъ. Это нехорошіе люди....

Г. Лѣсковъ, конечно, поблагодаритъ насъ за эту откровенность, которая, къ тому же, необходима для объясненія его дѣятельности. Зная за собою грѣхи, г. Лѣсковъ вдругъ почувствовалъ приливъ раскаянія, и рѣшился покаяться; но покаяться прямо—для этого у него не хватило духу, и онъ выбралъ путь, на которомъ столь многіе спасались. Онъ не человѣкъ инииціативы, а подражатель. Онъ вдругъ бросился въ реакцію, вдругъ сталъ заявлять себя со стороны самой благонамѣренной и бичевать себя самого.... въ другихъ. Великіе подвижники обыкновенно бичевали свое собственное тѣло, томили себя голодомъ и жаждою, покрывали себя ранами и изнывали подъ паля-

щимъ солнцемъ. Въ натурѣ г. Лѣскова не было такихъ элементовъ и тотъ бичъ, который онъ обязанъ былъ направить на себя, онъ хлесталъ имъ по другимъ и надсаживался самодовольнымъ смѣхомъ. Онъ былъ какъ въ чаду въ это время, онъ рвался впередъ, закусивъ узду, ничего не разбирая, порывая связи, перескакивая черезъ рытвины, иронизируя, карриkатуря, клевеща. Онъ былъ въ упоеніи и наслаждался, воображая, что попалъ въ тотъ потокъ, за которымъ будущность; онъ плылъ по широкому, свободному руслу и смѣялся надъ тѣми, которыхъ забили волны въ непроходимый камышъ, которые или жались у берега или отчаянно бились у водоворота. Но „rira bien qui rira le dernier", и это время настало для г. Лѣскова. Онъ вдругъ увидѣлъ, что очутился въ непріятной компаніи, что отъ него сторонятся. Сдѣланнаго не воротишь, а боязнь за свою персону все-таки осталась у него, и вотъ онъ увидѣлъ себя въ необходимости плыть, какъ плылъ, и простирать свою благонамѣренность до геркулесовыхъ столбовъ, жертвуя всѣмъ прошлымъ. Даже теперь, пиша свои воспоминанія, онъ открещивается, какъ видѣли читатели изъ приведенной нами выписки, отъ прошлаго, онъ даже теперь не можетъ воздержаться отъ того, чтобъ не сказать, что онъ всегда, рѣшительно всегда, отличался крайнею благонамѣренностью, что онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Вернадскимъ „трунилъ" и „предсказывалъ". Вотъ вся его вина, все его прошлое — „трунить" и „предсказывать", точно онъ былъ странствующею цыганкою. Теперь онъ благоговѣетъ передъ редакторами „Моск. Вѣд.", но десять лѣтъ тому назадъ онъ обличалъ ихъ, онъ смѣялся надъ ними, онъ рьяно возставалъ противъ нихъ въ рядѣ статей въ „Русскомъ Инвалидѣ" или въ „Современномъ Словѣ" (не помнимъ хорошенько) г. Писаревскаго, подъ заглавіемъ „Литераторы бѣлой кости". За оговоръ его покойнымъ Ничипоренко, онъ отмстилъ ему настоящей книжкой, и этотъ же несчастный, жалкій человѣкъ, съ которымъ онъ велъ дружбу, послужилъ ему темою для увѣнчанія своего зданія благонамѣренности. Но не довольно ли? Чего еще опасаться г. Лѣскову, чего бичевать себя въ другихъ и представляться невинною вдовицею? Богъ не лишилъ его таланта, и таланта недюжиннаго: пусть онъ напишетъ намъ откровенныя свои признанія. Это было бы интереснымъ психологическимъ фактомъ, объясняющимъ весьма многое въ переходахъ человѣка отъ одной крайности къ другой....

Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны. Сочиненіе *Н. Аристова*. Варшава. 1871.

Вотъ книга, на которой можно отдохнуть, которую можно прочитать съ удовольствіемъ,—можетъ подумать читатель, разсматривая ее, особенно если онъ будетъ знать, что она написана авторомъ на степень доктора русской исторіи, напечатана въ Варшавѣ, гдѣ авторъ

состоитъ профессоромъ въ тамошнемъ университетѣ, и была защищаема въ Казани, гдѣ университетъ и призналъ за авторомъ тотъ титулъ, который онъ искалъ. Но читатель ошибется жестоко, какъ ошиблись мы, хотя и не жестоко. Дѣло въ томъ, что прежніе труды г. Аристова не давали намъ права ожидать отъ него чего-нибудь выдающагося, но и дурного отъ него мы не ожидали. Мы полагали, что авторъ никакой Америки открыть не можетъ, но можетъ написать, при нѣкоторомъ усердіи, порядочную книгу о такомъ, достаточно разработанномъ до него предметѣ, какъ „Московскія смуты въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны". Къ сожалѣнію, мы ошиблись. Г. Аристовъ убѣдился почему-то, что онъ можетъ открыть Америку, если не въ первый разъ, то въ десятый. Разъ убѣдившись въ этомъ, онъ возвѣстилъ ученому міру, что, хотя Америка открыта, но безъ него дѣло это обойтись не можетъ, на томъ солидномъ основаніи: что онъ такъ желаетъ. Съ этою цѣлью онъ принимается „глубоко изучать" — собственное его выраженіе — правленіе царевны Софіи Алексѣевны и открываетъ то, что давно уже открыто и даже записано въ учебники, именно, что Софія Алексѣевна была женщина даровитая, что характеръ ея въ нѣкоторыхъ прежнихъ изслѣдованіяхъ изображался слишкомъ въ черномъ свѣтѣ и что она не устояла въ борьбѣ съ братомъ и умерла въ монастырѣ. Г. Щебальскій посвятилъ этому цѣлое изслѣдованіе, г. Соловьевъ почти сошелся съ г. Щебальскимъ и даже покойный Устряловъ въ „Исторіи Петра Великаго" довольно близко къ истинѣ представилъ характеръ Софьи. Замѣтивъ, что онъ открылъ уже открытое, г. Аристовъ рѣшился идти дальше и написать панегирикъ Софьѣ. Извѣстно, что для панегириковъ никакихъ особенныхъ талантовъ не требуется и даже „глубокаго изученія" не нужно. Понявъ и это, г. Аристовъ начинаетъ отыскивать панегирики Софьѣ Алексѣевнѣ, чтобъ и на этомъ поприщѣ не особенно утруждать себя. Попадается ему въ одной журнальной статьѣ выписка изъ грамоты патріарха іерусалимскаго Досиѳея, въ которой онъ называетъ Софью „образцомъ добродѣтелей, отеческаго благородія пребываніемъ, царской державы строительницею, апостольской вѣры защитницею и поборницею". Нашъ историкъ замѣтилъ это въ нравоученіе читателямъ, вѣроятно полагая, что никому неизвѣстны отношенія восточныхъ патріарховъ къ русскимъ царямъ; затѣмъ встрѣтилъ онъ тамъ же выписку изъ грамоты патріарха цареградскаго Діонисія, который, описавъ разныя качества царевны, говоритъ: „мудростью ты предсѣдательствуешь и именемъ, и самымъ дѣломъ, какъ вторая Марѳа, а дѣвство сохраняешь, по примѣру пяти цѣломудренныхъ дѣвъ, съ ними же вградешь въ радость жениха". Замѣтивъ и это, хотя отъ патріарховъ ничего другого и ожидать было нельзя, нашъ историкъ съ паѳосомъ обличилъ патріарховъ, запла-

тившихъ Софьѣ, со всѣми другими, „черною неблагодарностью". Все это казалось бы невѣроятнымъ въ серьезномъ историческомъ изслѣдованіи, еслибъ не было напечатано на 5-й и 6-й стран. комическаго „сочиненія" г. Аристова. Оно дѣйствительно исполнено комизма и можно предполагать, что казанскій университетъ посвятилъ г. Аристова въ доктора единственно за эту веселую струю, пролитую имъ по всему сочиненію. Помимо патріарховъ, онъ обращается съ своими поисками за панегирикомъ къ Медвѣдеву и находитъ тамъ именно то, что́ ему нужно, т.-е. панегирикъ полнѣйшій. Это такъ восхитило его, что онъ немедленно замѣтилъ въ запискахъ Медвѣдева „громадныя достоинства" и заговорилъ на радости совсѣмъ не по-русски „Медвѣдевъ, какъ монахъ, не пускаетъ (упускаетъ?) изъ виду моральной стороны обстоятельствъ, хотя говоритъ о дѣлѣ вовсе не съ точки зрѣнія аскетической, но *по взгляду* дѣльнаго и гуманнаго человѣка (говоритъ по взгляду!...), для котораго всѣ люди равны и дорога одна правда". Отыскавъ Медвѣдева, онъ начинаетъ разыскивать у иностранцевъ, кто о Софьѣ хорошо говорилъ и кто худо. Корба онъ не одобряетъ за то, что онъ называлъ русскихъ „народомъ невѣжественнымъ", замѣчая, впрочемъ, что „самолюбивому иностранцу простительно было ошибаться... но совѣстно позднимъ русскимъ писателямъ, которые промахи Корба выдавали за несомнѣнные факты". Такіе воззванія у него, г. Аристова, встрѣчаются часто, какъ пріемъ исторической критики. Напр., говоря о программѣ для исторіи Петра, которую поручено было Екатериною I написать барону Шафирову, г. Аристовъ съ негодованіемъ восклицаетъ: „О народѣ, какъ создателѣ своей исторіи и силы, не было ни слова" (стр. 21). Въ самомъ дѣлѣ обидно, что Шафировъ не прочиталъ Бокля или, по крайней мѣрѣ, историковъ, жившихъ въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ. Тогда, по всей вѣроятности, онъ составилъ бы другую программу. Но какъ ни хорошъ этотъ пріемъ восклицанія и негодованія, онъ долженъ уступить мѣсто другому пріему исторической критики. Этотъ пріемъ также изобрѣтенъ г. Аристовымъ и заключается въ фразѣ: „по всей вѣроятности". Если иностранецъ дурно отзывается о наружности Софьи или ея честолюбіи, г. Аристовъ замѣчаетъ: „по всей вѣроятности онъ не былъ въ Россіи, хотя и говоритъ, что былъ". Никакихъ доказательствъ въ пользу этого небытія не приводится, кромѣ неизбѣжныхъ ошибокъ, которыя есть у всѣхъ современниковъ, русскихъ и иностранныхъ. При этомъ г. Аристовъ особенно заботится о наружности Софьи, точно для исторіи это имѣетъ какую-нибудь важность. „Шлёзингъ и Невиль о наружности Софьи говорятъ, какъ о безобразной и уродливой: *никогда не видавши ее* (?); напротивъ капитанъ Перри и Страленбергъ, *жившіе въ Россіи*, отзываются о ней съ похвалой, какъ о красивой, умной и дѣльной женщинѣ". Чтобъ понять всю наивность этихъ строкъ, всю ихъ дѣтскую хитрость, надо знать, что Шлёзингъ жилъ

въ Москвѣ въ 1684-мъ году, а Невиль въ 1689-мъ году, т.-е. въ то время, когда Софью они могли видѣть; между тѣмъ, какъ Перри и Страленбергъ, которыхъ онъ противопоставляетъ двумъ первымъ, будто бы небывавшимъ въ Россіи, дѣйствительно не могли видѣть Софьи, хотя тоже жили въ Россіи: Перри пріѣхалъ въ Россію, когда Софья уже была заключена въ монастырь, а Страленбергъ взятъ былъ въ плѣнъ въ битвѣ подъ Полтавой въ 1709-мъ году, когда Софья уже умерла (1704 г.). Мы не обратили бы вниманія на эти строки, еслибъ они не характеризовали вообще историческихъ пріемовъ г. Аристова: онъ во всемъ своемъ сочиненіи такъ поступаетъ, съ удивительною наивностью скрывая факты, которыхъ опровергнуть не можетъ, но которые не подходятъ къ задачѣ панегирика, касаются ли они такого незначащаго предмета, какъ наружность Софьи, или самыхъ важныхъ историческихъ обстоятельствъ. Въ такихъ пріемахъ вся оригинальность г. Аристова и даже ученость его, ибо только наивныя замѣчанія принадлежатъ ему, дѣльная же критика иностранныхъ и русскихъ писателей, современныхъ Петру и Софьѣ, всецѣло принадлежитъ Устрялову, котораго г. Аристовъ или списываетъ, или перефразируетъ. Чтó Устряловъ сказалъ о Корбѣ, то сказалъ и г. Аристовъ, добавивъ только приведенное выше восклицаніе; чтó Устряловъ сказалъ о Перри, то сказалъ и г. Аристовъ. Перри уѣхалъ изъ Россіи, поссорившись съ Петромъ. Устряловъ заподозрѣваетъ, поэтому, его приговоръ о Петрѣ. Г. Аристовъ заподозрѣваетъ его въ тѣхъ же выраженіяхъ, но прибавляетъ: „гдѣ обстоятельства излагаются посторонніе(?), тамъ онъ излагаетъ (что?) болѣе безпристрастно. Это можно сказать о правленіи Софіи". Но правленіе Софіи—нисколько не постороннее обстоятельство Петру, и Перри могъ хвалить Софію, насчетъ Петра, какъ г. Аристовъ порицаетъ Петра, чтобъ тѣмъ возвысить Софію. Правда, Перри не платили исправно жалованья, но какую непріятность сдѣлалъ Петръ г. Аристову — непонятно. Но вѣроятно какую-нибудь сдѣлалъ, иначе совсѣмъ непонятны тѣ булавочные уколы, которыми г. Аристовъ старается уколоть Петра, но уколоть какъ бы незамѣтно, какъ крѣпостная горничная свою барыню, какъ школьникъ своего учителя. Повидимому, г. Аристову надлежало бы быть скромнымъ, ибо онъ даже писать по-русски не умѣетъ, не только мыслить и соображать; но онъ, однако, щетинится, чтó выходитъ особенно смѣшно въ его курьезной книгѣ, гдѣ въ числѣ доказательствъ въ пользу царевны Софіи приводится даже цѣлая страница стиховъ, съ примѣчаніемъ: „Стихотвор. *гр. Ростопчиной.* Москвит. 1843, V. № 9, стр. 13—14". Воображала ли гр. Ростопчина, что ея стихотвореніе, помѣщенное на стр. 13—14 „Москвит." 1843, V, № 9, будетъ цитировано докторомъ русской исторіи въ числѣ историческихъ документовъ?... Конечно, не приходило, но г. Аристову приходятъ въ голову и не такія мысли. Посвятивъ 56 страницъ разбору записокъ и мнѣній

историковъ о Петрѣ и Софіи, онъ приходитъ къ такому заключенію, что „нельзя довѣрять прежнимъ многочисленнымъ и враждебнымъ царевнѣ сочиненіямъ и невозможно принимать на вѣру *ни одного изъ ихъ показаній*, если они не подтверждаются оффиціальными документами, или самими (самыми?) подробностями тогдашнихъ событій. Напротивъ, пять-шесть дѣльныхъ записокъ, которыя разсказываютъ *благопріятно* о дѣяніяхъ правительства, заслуживаютъ *похвалы* и довѣрія". Послѣ множества курьезовъ, которые мы встрѣтили на 55 стр., на 56-й мы ожидали встрѣтить такой же, но, признаемся, никогда еще, у самаго посредственнаго компилятора, мы не встрѣчали ни такого количества ихъ, ни такого качества. Докторъ русской исторіи наивно объявляетъ, что благопріятнымъ извѣстіямъ можно вѣрить, а неблагопріятнымъ нельзя и что благопріятныя, кромѣ того, „заслуживаютъ похвалы", точно г. Аристовъ состоитъ начальникомъ писателей XVII в. и обязанъ дѣлать имъ отмѣтки. Это—такой же новый пріемъ исторической критики, какъ и всѣ предыдущіе. Конечно, былъ бы понятенъ подобный выводъ историка, еслибъ онъ доказалъ, что записки, говорящія объ извѣстномъ лицѣ благопріятно, заслуживаютъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ записки противоположныхъ воззрѣній; но г. Аристовъ и не думаетъ ничего доказывать: онъ просто признаетъ то, что́ ему нравится, за достовѣрное, а то, что́ не нравится, за ложное. Медвѣдевъ для него верхъ совершенства, Матвѣевъ не заслуживаетъ никакого довѣрія. Устряловъ, сдѣлавъ характеристику обоимъ имъ, заключилъ ее такъ: „Оба сказанія, представляя событія съ разныхъ точекъ зрѣнія, много разнствуютъ въ подробностяхъ, и историку предстоитъ не малый трудъ угадать истину". Г. Аристовъ угадалъ ее безъ труда, признавъ одного и отвергнувъ другого. Мы часто упоминаемъ имя Устрялова и сопоставляемъ его съ г. Аристовымъ потому, что Устряловъ въ сравненіи съ г. Аристовымъ—великій историкъ, какъ по таланту, такъ по языку, такъ и по логикѣ. Кромѣ того это сопоставленіе необходимо потому, что г. Аристовъ говоритъ о тѣхъ же событіяхъ, что и Устряловъ въ своей „Исторіи Петра Великаго" и расходясь съ нимъ во взглядахъ на царевну Софію, копируетъ его во многомъ другомъ, въ особенности относительно мемуаровъ XVII—XVIII вѣка. Иногда онъ указываетъ этотъ источникъ, иногда нѣтъ, того не соображая, что „Исторія Петра Великаго" не библіографическая рѣдкость, а потому повѣрка у всѣхъ подъ руками. Переписывая Устрялова, онъ нерѣдко добавляетъ нѣчто свое, вѣроятно для приличія, а можетъ быть и ради либерализма; но это „нѣчто свое" обыкновенно столь же дальновидное, какъ приведенное нами мѣсто о запискахъ Перри, или какъ слѣдующая фраза о сочиненіи Галема: „Въ 1803 году составилъ сочиненіе о жизни Петра Великаго *Галемъ* почти исключительно по иноземнымъ источникамъ..., хотя сочиненіе его досёлѣ уважаютъ въ Германіи люди, *не понимающіе старинной жизни*

Россіи". Это перифразисъ Устрялова, но вмѣсто подчеркнутой нами наивной фразы у Устрялова стоитъ: „слабое (сочиненіе) для каждаго русскаго, сколько-нибудь знакомаго съ своими матеріалами". Иногда онъ вставляетъ въ выписки изъ Устрялова якобы либеральныя, но, по нашему мнѣнію, совсѣмъ неприличныя, въ историческомъ сочиненіи, фразы, въ родѣ: „особеннымъ лакействомъ отличался дворянинъ П. Н. Крекшинъ", — лакействомъ, само собою разумѣется, передъ Петромъ. Конечно, записки Крекшина плохи, но, во-первыхъ, г. Аристовъ не читалъ ихъ, такъ какъ напечатана только самая малая часть ихъ, а не всѣ, какъ утверждаетъ новѣйшій докторъ; во-вторыхъ, такая ненужная рѣзкость фразы доказываетъ только крайнюю бѣдность мысли у произносящаго приговоръ. Сравните этотъ приговоръ надъ Крекшинымъ г. Аристова и слѣдующій приговоръ надъ тѣмъ же писателемъ Устрялова: „Невѣжество въ событіяхъ, вымыслы, встрѣчаются на каждой страницѣ: онъ *слагалъ* предсказанія, выдумывалъ рѣчи, изобрѣталъ факты. Трудно вообразить, чтобы можно было такъ безсовѣстно обманывать современниковъ и потомство, какъ обманывалъ Крекшинъ... Все его сочиненіе есть не что иное, какъ цѣпь выдумокъ, перемѣшанныхъ съ немногими сказаніями историческими". Теперь скажите, кто же изъ нихъ двоихъ говоритъ, какъ серьезный историкъ и кто какъ раздраженный, недодумывающій человѣкъ?

Но не только Устряловъ великій историкъ въ сравненіи съ г. Аристовымъ,—г. Замысловскій, о которомъ говорили мы въ прошломъ мѣсяцѣ, передъ нимъ орелъ. Въ трудѣ г. Замысловскаго есть серьезная сторона, у г. Аристова ничего серьезнаго нѣтъ. Все его сочиненіе невообразимая путаница какихъ-то идей, на прокатъ занятыхъ то у славянофиловъ, то у г. Щебальскаго, то у г. Соловьева; путаница фактовъ, произвольно выбранныхъ у писателей, мемуары которыхъ не переварены имъ; путаница языка, который теменъ, какъ все остальное, какъ были темны сами „московскія смуты". Характера Софьи онъ ни мало не выяснилъ, а только запуталъ, но запуталъ, разумѣется, для самого себя только и для тѣхъ, которые пожелаютъ одолѣть его книгу. Съ одной стороны, Софья представляется ему идеаломъ всѣхъ совершенствъ, съ другой стороны онъ не можетъ отрицать ея участія въ смутахъ, въ переговорахъ со стрѣльцами, однимъ словомъ въ интригахъ, ибо, отвергнувъ интриги Софьи, придется причислить ее къ дюжиннымъ характерамъ: только интригами могла возвыситься, только съ помощью ихъ надѣялась она провозгласить себя самодержицею и затѣмъ закрѣпить свой тайный союзъ съ Голицынымъ открытымъ бракомъ. Но признать, что Софья интриговала, значитъ признать то, что другіе историки. Чтоже дѣлаетъ г. Аристовъ? Онъ говоритъ, что она „воспользовалась обстоятельствами", какъ будто это не все равно. Весь вопросъ въ манерѣ этого пользованія; мы знаемъ, что и во времена болѣе просвѣщенныя люди, добивающіеся власти, пе-

редъ средствами не останавливаются; въ XVII вѣкѣ тѣмъ менѣе можно требовать изысканности на этотъ счетъ. Но г. Аристову кажется иначе. Допустивъ, что Софья воспользовалась обстоятельствами, онъ, впрочемъ, допускаетъ и то, что обстоятельства воспользовались ею. „Во время волненій, говоритъ онъ, *стрѣльцы познакомились с энергіей, умными рѣчами и дѣльными распоряженіями царевны* и желали, чтобы она была правительницей, а не Наталья Кирилловна изъ ненавистной фамиліи Нарышкиныхъ. Софья не думала заранѣе обезпечить себя, хотя и могла, царскимъ вѣнцомъ; *это для проницательной и умной женщины непростительно, если она такъ жадно добивается власти*" (стр. 83). Наивность этого мѣста выше всякой похвалы, особенно хороша послѣдняя, подчеркнутая нами фраза, и хороша тѣмъ, что она обнаруживаетъ въ г. Аристовѣ благородныя чувства. По его мнѣнію, проницательной и умной женщинѣ „непростительно" добиваться жадно власти, а потому Софья ея и не добивалась жадно. Просто и умно. Пріемъ превосходный для адвокатовъ въ процессахъ затруднительныхъ: „умному и проницательному человѣку непростительно совершать преступленія, а потому онъ его и совершилъ". Но г. Аристовъ упустилъ изъ виду одно маленькое обстоятельство, явившись такимъ ловкимъ адвокатомъ Софьи: добиваются обыкновенно власти умные и проницательные люди, мужчины и женщины; не умные и не проницательные или совсѣмъ не добиваются, или добиваются такъ плохо, что на первыхъ же порахъ обнаруживаютъ всю свою несостоятельность и падаютъ. Г. Аристовъ приводитъ, на ряду съ стихотвореніемъ гр. Ростопчиной, въ защиту Софьи похвальный отзывъ о ней Екатерины II; но эта государыня видѣла въ Софьѣ свой прототипъ и ни мало не заботясь о тѣхъ средствахъ, которыя она употребила для достиженія власти, потому что и сама на этотъ счетъ выказала полную неразборчивость, смотрѣла только на результаты. Историкъ же обязанъ выяснить все, и причины и слѣдствія, и подвести итоги. Если онъ выясняетъ все это такъ, какъ г. Аристовъ, то онъ ни мало не историкъ...

По тѣмъ выпискамъ, которыя мы сдѣлали изъ сочиненія г. Аристова, можно уже судить о его слогѣ. Извѣстно, что нѣкоторые молодые писатели не обращаютъ на этотъ предметъ вниманія, считая его ниже своей задачи: для нихъ главное—идея. Но такъ какъ идея становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ лучше выражена, то слогъ все-таки необходимъ. И обыкновенно такъ бываетъ, что люди съ свѣтлыми идеями и выражаются ясно, почему и говорятъ: le style c'est l'homme. Такъ какъ у г. Аристова все крайне спутано и его идея вовсе не идея, а путаница, то, естественно, что и слогъ долженъ быть такой же. Дѣйствительно, истина эта на немъ подтверждается весьма наглядно. Приведемъ два-три примѣра:

„Враждебныя партіи ничего не обѣщали добраго, и вотъ стрѣльцы

хотѣли уставить порядокъ въ государствѣ, и достигли его, хотя не щадили враговъ своихъ. Можетъ быть, начатки семибоярщины и бироновщины не могли возрасти и заглохли съ этимъ мятежемъ (?!)".

„Кромѣ общей морали, въ этихъ словахъ слышится умный совѣтъ русскимъ царедворцамъ, дѣлать все по правдѣ и не подвергаться измѣненію колеса счастья".

„Особенно ревностно цѣлую ночь они (стрѣльцы) искали доктора Данила Гадена, родомъ еврея, который былъ лютеранской вѣры и перешелъ въ православную; онъ состоялъ *медикомъ* при царѣ Ѳеодорѣ и они думали, *что лекарь отравилъ его*". Кто кого отравилъ: Гаденъ ли царя Ѳеодора или лекарь медика?

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на ту легкость, съ какою получаются у насъ ученые титулы. За сочиненіе, частью переписанное изъ Устрялова, частью представляющее вавилонское смѣшеніе языковъ, здравыхъ понятій съ совершеннымъ сумбуромъ, человѣкъ удостоивается званія доктора исторіи. Чѣмъ руководился на этотъ разъ казанскій университетъ—мы не знаемъ, быть можетъ товарищескимъ чувствомъ, быть можетъ тѣмъ соображеніемъ, что г. Аристовъ профессорствуетъ не въ „заправскомъ", а въ варшавскомъ университетѣ. Во всякомъ случаѣ, не мѣшало бы быть строже, хотя бы въ томъ соображеніи, что вѣдь всѣ эти новые доктора впослѣдствіи сдѣлаются бременемъ для другихъ, болѣе достойныхъ силъ. Если же нельзя избѣжать, чтобы крайнія посредственности не получали высшихъ ученыхъ степеней, то нельзя ли, по крайней мѣрѣ, спеціализировать сіи послѣднія. Такъ, напр., г. Аристова облечь званіемъ не доктора исторіи, а званіемъ доктора царевны Софіи, другого — докторомъ царя Ѳеодора, третьяго — докторомъ финансовъ въ древней Руси, если онъ представитъ сочиненіе на степень доктора о финансахъ въ древней Руси...

Жизнь заключенныхъ. Обзоръ петербургскихъ тюремъ и относящихся до нихъ узаконеній и административныхъ распоряженій. *В. Н. Никитина.* Спб. 1871.

Книга г. Никитина представляетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, замѣчательное явленіе въ текущей литературѣ. Получивъ разрѣшеніе посѣщать петербургскія тюрьмы, г. Никитинъ изучилъ постановленія о нихъ и жизнь арестантовъ во всѣхъ подробностяхъ. Онъ вникъ въ хозяйственную часть, разговаривалъ съ арестантами по цѣлымъ часамъ, даже оставался ночевать въ тюрьмахъ и терпѣливо выносилъ всѣ непріятности, связанныя для частнаго человѣка съ задачею подобнаго рода. Результатомъ этихъ наблюденій явилась настоящая книга, исполненная большого интереса и богатая драгоцѣнными матеріалами. Г. Никитинъ разсказываетъ все съ замѣчательною откровенностью и останавливается въ молчаніи только передъ такими фак-

тами, обнародованіе которыхъ могло бы привести его самого въ одну изъ петербургскихъ тюремъ за то преступленіе, которое на русскомъ языкѣ, по своему безсмыслію, названія не имѣетъ, но которое слишкомъ хорошо извѣстно подъ именемъ диффамаціи. Однако и обнародованныхъ имъ матеріаловъ слишкомъ достаточно для того, чтобъ получить весьма грустное понятіе о многихъ петербургскихъ мѣстахъ заключенія. Читая эту книгу, невольно иногда спрашиваешь: неужели все это дѣлается въ Петербургѣ, въ столицѣ, въ центрѣ русскаго просвѣщенія и русской администраціи, а не гдѣ-нибудь въ уѣздномъ захолустномъ городкѣ, откуда хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь? Но правдивость автора, его безыскусственная простота выраженій, его честное чувство, проглядывающее на каждой страницѣ, ручаются намъ за то, что въ его книгѣ все правда, отъ первой строки до послѣдней. Это не оффиціальный ревизоръ, это человѣкъ, добровольно принявшій на себя тяжелую задачу и выполнившій ее съ замѣчательнымъ терпѣніемъ, настойчивостью и знаніемъ человѣческаго сердца. И—что рѣдко случается у насъ—за откровенность, за мрачную, но правдивую картину арестантскаго житья-бытья, за обнаруженіе взяточничества, за обнаруженіе похищеній, совершаемыхъ изъ скуднаго содержанія арестанта, ему отплатили назначеніемъ въ директоры попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Мы убѣждены, что книга эта прочтется многочисленными читателями, что на нее обратитъ вниманіе самое серьезное и администрація, а потому въ подробный разборъ ея мы не войдемъ и ограничимся лишь нѣсколькими фактами.

Всѣхъ мѣстъ заключенія въ Петербургѣ, кромѣ гауптвахтъ, пятнадцать, если считать въ этомъ числѣ тюремные казематы при двѣнадцати городскихъ частяхъ. А ихъ нельзя не считать, ибо въ нихъ ежедневно перебываетъ по нѣсколько сотъ человѣкъ (г. Никитинъ насчитываетъ отъ 600 до 700 человѣкъ ежедневно). И это едва ли не самыя смрадныя изъ мѣстъ заключеній; особенно хороши въ нихъ карцеры, гдѣ заключенному предоставляется сидѣть и лежать на голомъ полу и куда сквозь щели въ стѣнахъ свободно проникаютъ и дождь и снѣгъ. Удивительны и порядки, существующіе въ общихъ арестантскихъ частей, для характеристики которыхъ достаточно сказать, что въ нихъ „побоища и грабежъ въ сильномъ ходу и до сихъ поръ". И какой грабежъ: человѣка, взятаго на улицѣ, толкаютъ въ казематъ, наполненный уже массою людей, которая бросается на него какъ на добычу и мигомъ оставляетъ его въ рубищѣ, снимая съ него все, что снять можно; благо ему еще, если онъ не сталъ защищаться—въ такомъ случаѣ онъ отдѣлается потерею платья, часовъ, денегъ; но если онъ вздумаетъ вступить въ борьбу и отстоять свое имущество, его изобьютъ и оставятъ чуть живого. Такимъ образомъ попасть въ этотъ казематъ, значитъ подвергнуться жестокому нака-

ванію безъ всякаго суда. Особеннымъ интересомъ отличаются главы, посвященныя г. Никитинымъ петербургскому тюремному за́мку и пересыльной тюрьмѣ. Непосредственное начальство за́мка состоитъ изъ смотрителя и попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Въ вѣдѣніи этого послѣдняго находится нравственная и продовольственная часть. Продовольствіемъ завѣдуетъ одинъ изъ директоровъ, онъ же высыпаетъ деньги изъ кружекъ, куда милостиннолюбивые христіане опускаютъ свои гроши; насколько можно судить по фактамъ разбираемой нами книги, директоръ этотъ дѣйствуетъ вполнѣ безконтрольно, патріархальнымъ порядкомъ, въ силу котораго, какъ извѣстно, признается обиднымъ какой бы то ни было контроль. Мы всѣ отличаемся такою честностью, такіе безсребренники, что предложеніе повѣрять насъ равняется личному оскорбленію, и всѣмъ извѣстно, какой энергіи и борьбы стоило покойному государственному контролеру, Татаринову, привести эту часть въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ тою задачей, которую поставилъ законъ учрежденіемъ государственнаго контроля. Но если въ вѣдомствахъ, черпающихъ свои средства изъ бюджета, задача контроля частію достигнута, то въ дѣлахъ благотворенія она находится въ состояніи допотопномъ. Управленіе оберегаетъ въ тщательной тайнѣ всѣ свои денежныя операціи и, несмотря на настойчивость г. Никитина, никакихъ цифръ ему не сообщило, тогда какъ другія тюрьмы были въ этомъ отношеніи гораздо снисходительнѣе. Между тѣмъ цифры эти должны быть назидательны въ виду большого количества заключенныхъ въ за̀мкѣ, доходившаго, напр., въ 1869 до 5067 чел., а съ 1861 по 1870 г. включительно было тамъ заключенныхъ 33,671 человѣкъ. Если положить минимумъ содержанія арестанта по 10 коп. въ день, то получимъ за десять лѣтъ болѣе милліона рублей сер. Какъ бы то ни было, безконтрольное хозяйственное управленіе одного изъ директоровъ слишкомъ ярко выступаетъ и безъ цифръ въ фактахъ, сообщенныхъ г. Никитинымъ. Изъ содержанія благородныхъ арестантовъ отдѣляется ежедневно на пищу по 12 к. на человѣка, и на эти деньги они ѣдятъ по 3 кушанья въ скоромные дни и по 2— въ постные; изъ содержанія простолюдиновъ на пищу отдѣляется по 10 коп. на человѣка, и они имѣютъ пять дней по одному кушанью, и два дня — по два. Г. Никитинъ замѣчаетъ по этому поводу, что гвардейскіе солдаты получаютъ порціонныхъ по 3—4 коп. въ день, и, довольствуясь по-ротно, имѣютъ ежедневно два кушанья, „несравненно лучшія, нежели въ тюремномъ за̀мкѣ“. Какъ ухитряется директоръ по хозяйственной части на 12 к. отлично кормить арестанта изъ привилегированныхъ сословій и на 10 к. совсѣмъ плохо кормить простолюдиновъ („простолюдины выглядываютъ изнуренными, очень блѣдными, а иные едва ходятъ“)—это его тайна, въ которую онъ проникнуть не далъ нескромному частному ревизору. Кромѣ того, „бѣлье и обувь всѣхъ арестантовъ (простолюдины носятъ лапти) качествомъ на многое хуже, не-

жели въ другихъ тюрьмахъ...рубашки толстаго дерюжнаго холста, ворота ихъ завязываются тесемками, превратившимися въ веревочки". Что касается содержанія зданія, то „какъ въ камерахъ, такъ и на лѣстницахъ воздухъ чрезвычайно тяжелый, вездѣ пахнетъ сильно гнилостью... Коридоры нижняго этажа и особливо карцеры наводятъ паническій страхъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе; они мрачны, совершенно почти лишены свѣта, а дорога въ карцеры черезъ какіе-то темные лабиринты; площадка передъ карцерами мокрая и какъ тутъ, такъ и въ самыхъ карцерахъ сыро, стѣны пропитаны насквозь изрядною водою; ни наръ, ни постельниковъ въ карцерахъ мы не видали, такъ что провинившіеся и сидятъ и лежатъ на голомъ полу, причемъ на ночь имъ и раздѣться нельзя—холодно. Спеціалисты увѣряли насъ, что самый здоровый человѣкъ непремѣнно умретъ, если запереть его въ карцеръ на 3—4 недѣли". Въ самомъ законѣ, на основаніи котораго ведется управленіе зáмка, есть вопіющія аномаліи: такъ, напр., женщинамъ полагается кормовыхъ въ половинномъ противъ мужчинъ количествѣ, а дѣтямъ, находящимся въ мѣстахъ заключенія при родителяхъ, кормовыя производятся наравнѣ со взрослыми. Послѣднее очень гуманно, но почему женщины обязаны ѣсть вдвое меньше мужчинъ— хитрый Эдипъ, разрѣши! При зáмкѣ, какъ и вообще при всѣхъ мѣстахъ заключенія полагаются мастерскія, но въ дѣйствительности, въ надлежащемъ порядкѣ, они есть лишь въ тюрьмѣ морского вѣдомства да въ городской тюрьмѣ срочныхъ арестантовъ. Въ другихъ мѣстахъ заключенія ихъ или вовсе нѣтъ, или они въ плачевномъ видѣ. Изъ 460 мужчинъ, содержавшихся въ зáмкѣ въ іюлѣ 1870 года, занимались ремеслами лишь 65 человѣкъ, да готовили пищу и стирали бѣлье 25, остальные 395 челов. предавались томительному бездѣйствію. Но въ настоящее время зáмокъ все же въ лучшемъ положеніи, чѣмъ былъ онъ въ періодъ съ 1860 по 1867 годъ. Въ это время арестанты „цѣлые дни проводили на дворѣ, точно на привалѣ, играли, пѣсни пѣли, кутили безпрепятственно; водку не только сторожа приносили имъ безпрепятственно, но она содержалась въ самомъ зáмкѣ" подъ поломъ въ погребѣ, выложенномъ кирпичемъ. Завелись тамъ свои содержатели ссудныхъ кассъ, арсеналы оружія для взломовъ, фальшивые паспорты фабриковались въ значительномъ количествѣ. Статистика заключенныхъ ведется небрежно; о числѣ рецидивовъ совсѣмъ свѣдѣній нѣтъ; но г. Никитинъ встрѣтилъ одну женщину, которая поступила въ зáмокъ въ 18-й разъ.

Онъ спросилъ ее, за что она содержится.

— За кражу, батюшка, за кражу.

— И всѣ разы за кражи?

— Да, батюшка, все за кражу, потому я, старый человѣкъ, ни въ какія другія штуки не пускаюсь.

— Что же это васъ побуждаетъ все красть, да красть и маяться тутъ

— Такъ ужъ, батюшка, мнѣ, вѣрно, на роду написано: какъ увижу, что гдѣ плохо лежитъ—такъ ужъ, извини, батюшка, украду, безпремѣнно украду, потому я испорчена заговоромъ злыхъ людей. Только я, батюшка, краду-то, помни, не Богъ вѣсть что, а рубашечку, платочикъ напр., кофейникъ, юбочку, али башмаченки, и все вотъ такія малости. Уйти бы мнѣ изъ города, можетъ злой духъ бы и отсталъ, да некуда и не съ чѣмъ: я бѣдненькая, безродная, круглая сиротка на бѣломъ свѣтѣ. Жить мнѣ нечѣмъ, работать силъ нѣтъ, ну и поневолѣ стащишь, что нибудь на пропитаніе.

— Такъ вы бы лучше въ богадѣльню какую-нибудь пристроились, чѣмъ сюда попадать.

— Богадѣльни всѣ и безъ меня биткомъ набиты народомъ, попадать туда—надо денегъ, благодѣтелей, а у меня ничего этого тоже нѣтъ. Это разъ. А другое мнѣ, по привычкѣ, и здѣсь хорошо: я тутъ всякій уголокъ ужъ знаю и меня всѣ знаютъ; строгости и въ богадѣльняхъ такія же, какъ тутъ; кормятъ здѣсь насъ лучше, чѣмъ въ богадѣльняхъ. Такъ чего-жъ я тамъ, батюшка, не видала-то? Нешто такихъ же, какъ я, старухъ? Да я не уживусь съ ними: сварливы больно, а здѣсь то та, то другая что-нибудь разскажетъ, то новенькая прибудетъ за убивство примѣрно, такихъ рѣчей наслушаешься, что дивишься смѣлости нонѣшняго народа. Ну и живу себѣ по-маленьку, покуда Господь грѣхамъ терпитъ".

Что наши тюрьмы—школы разврата и всевозможныхъ преступленій, это давно извѣстно; но позволительно было сомнѣваться нѣсколько относительно петербургскихъ. На самомъ дѣлѣ выходитъ, что петербургскія тюрьмы служатъ такою же школою; пора бы давно приступить къ радикальному измѣненію ихъ устройства и не воспитывать ежегодно опасные элементы для общественнаго порядка и спокойствія. Волосъ становится дыбомъ отъ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя исповѣдуютъ заключенные, предоставленные самимъ себѣ. Мы столько разъ посылали заграницу чиновниковъ для осмотра тамошнихъ тюремъ, столько разъ тюремный вопросъ возбуждался и, однако, до сихъ поръ ни мало не двинулся впередъ. Иногда мы брали такіе иностранные образцы, которые едва ли чѣмъ-нибудь могутъ быть оправданы. Такова тюрьма морского вѣдомства, гдѣ арестанты обязаны молчаніемъ. Г. Никитинъ приводитъ характеристическій случай, бывшій въ этой тюрьмѣ:

„Одинъ заключенный сидѣлъ на цѣпи, за многія нарушенія правила молчать. Лицо, начальствовавшее въ тюрьмѣ, возъимѣло желаніе облегчить страданіе несчастнаго, пришло къ нему, въ карцеръ, чтобы поговорить съ нимъ. Тотъ, увидѣвъ предъ собою начальника, съ яростью рванулся-было къ нему, но, удержанный короткою цѣпью,—въ безсильномъ негодованіи отчаянно заскрежеталъ зубами, позеленѣлъ и заплакалъ навзрыдъ. Приказавъ спустить заключеннаго съ

цѣпи, начальникъ ласково, дружелюбно, велѣлъ ему сѣсть рядомъ съ собою и откровенно разсказать, что вынуждаетъ его мучить себя, да и другимъ дѣлать непріятности.

— Мнѣ Богъ далъ языкъ, чтобы имъ говорить, а здѣсь мнѣ этого не позволяютъ; не позволяютъ дѣлать то, что Богъ велѣлъ!.. отвѣчалъ онъ совершенно присмирѣвъ и глотая горючія слезы. Я не душегубъ, не воръ, а былъ пьянъ и потерялъ портупею; стало быть вина моя пустяшная и за это сидѣть здѣсь 8-мь мѣсяцевъ въ молчанку? Да помилуйте — за что же? Я не могу, никакъ не могу не заговорить, ежели вижу возлѣ себя людей! зарѣжьте меня, убейте меня лучше сразу, чѣмъ такъ мучить...

— Молчать установлено не мною, а закономъ, который и арестованные и начальство ихъ одинаково обязаны исполнять въ точности.

— Да вѣдь человѣческіе законы не должны же идти противъ божескихъ законовъ".

На этомъ мы заключаемъ наши выписки, еще разъ пожелавъ, чтобъ трудъ г. Никитина принесъ долю пользы заключеннымъ и внушилъ бы администраціи благую мысль о немедленномъ приведеніи тюремъ въ надлежащій порядокъ. Книга эта такъ характерна, что она, по нашему мнѣнію, не должна пройти безслѣдно, если только реформы на нашихъ устахъ не пустой звукъ.

Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ (фондахъ, акціяхъ и облигаціяхъ) Россіи. Руководство для помѣщенія капиталовъ. *И. К. Гейлеръ*, дѣйств. членъ Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. статистики. Спб. 1871.

При развитіи у насъ акціонерныхъ компаній и биржевой игры трудъ г. Гейлера является какъ необходимое пособіе для всѣхъ тѣхъ, которые, ввѣряя свои капиталы кредитному или акціонерному обществу, желаютъ сперва познакомиться съ финансовымъ состояніемъ этихъ предпріятій. Онъ состоитъ изъ двухъ частей; первая заключаетъ въ себѣ общія понятія о цѣнныхъ бумагахъ и биржевыхъ операціяхъ, вторая разсматриваетъ эти бумаги въ подробности. Кромѣ того, есть еще приложеніе, въ которомъ наиболѣе необходимыя данныя для сужденія о цѣнныхъ бумагахъ представлены въ таблицахъ; приложеніе заключается графическимъ изображеніемъ нашихъ биржевыхъ кризисовъ 1869-го и 1870-го годовъ. Первая часть книги г. Гейлера, кромѣ общихъ понятій о бумагахъ, ничего не заключаетъ; историческая сторона ея слишкомъ коротка и слишкомъ поверхностно касается выдающихся явленій послѣднихъ биржевыхъ кризисовъ. Имъ г. Гейлеръ посвятилъ двѣ-три страницы, едва упомянувъ о знаменитомъ Демутовомъ отелѣ, между тѣмъ какъ въ подобномъ „руководствѣ" не мѣшало бы сообщить именно о кризисахъ, какъ о результатахъ биржевыхъ спекуляцій, болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Крупныхъ и мелкихъ грабителей обыкновенно предаютъ суду и подвергаютъ предварительному аресту или тюремному заключенію; явныхъ и тайныхъ обманщиковъ также не щадятъ законы, какъ не щадятъ они тайныя и вообще безъ правительственнаго разрѣшенія дѣйствующія общества, хотя бы общества эти имѣли и невинную цѣль; но биржевая игра выработала себѣ особые законы, по которымъ не караются ни обманъ, ни подлогъ, ни тайное общество, явно дѣйствующее во вредъ публики. Такую именно роль играла Демутова биржа, предводимая однимъ молоднмъ банкиромъ, въ 1869 году. Вокругъ этого юноши сгруппировались мужи и старцы, купцы и чиновники, коммерсанты и генералы; юноша разыгрывалъ роль главы этого общества, которое ежедневно собирались у Демута и попивая шампанское, шутя и балагуря, гнала кверху акціи самыя неблагонадежныя и притомъ въ полномъ сознаніи, что онѣ неблагонадежны и что спекуляція ими — наглый обманъ. Тутъ же затѣвались желѣзно-дорожныя предпріятія, составлялись синдикаты для помѣщенія акцій, отсюда же выходили концессіонеры, и тутъ же перепродавали свои концессіи изъ рукъ въ руки. Иная дорога перебывала въ нѣсколько дней въ разныхъ рукахъ: концессіонеръ дѣлалъ уступку на верстѣ противъ цѣны, за которую онъ получилъ дорогу, и передавалъ предпріятіе другому, другой третьему, третій четвертому, который ужъ и брался строить дорогу. Первые же торговали только полученнымъ правомъ на постройку ея. Такимъ образомъ, были дороги, верста которыхъ по концессіи стоила 70 тысячъ р., а подрядчикъ, который бралъ ея постройку на себя, получалъ 40 и 30 тысячъ, остальныя же оставались у концессіонера; естественно, что подрядчикъ тоже желалъ нажить на дорогѣ и она строилась кое-какъ, лишь для пробнаго поѣзда. Въ настоящее время правительство приняло мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій, но два-три года тому назадъ они производились у всѣхъ на виду, какъ нѣчто совершенно законное. Демутова биржа способствовала этимъ спекуляціямъ произвольнымъ курсомъ бумагъ; нѣкоторыя изъ желѣзно-дорожныхъ акцій, еще за долго до выпуска своего, продавались уже съ огромной преміей, какъ, напримѣръ, либавскія акціи. Что всего печальнѣе въ этой исторіи— это участіе въ ней Общества Взаимнаго Кредита, помѣщавшагося въ то время въ Государственномъ Банкѣ и руководимаго директоромъ этого Банка. Подъ бумаги, не стоившія и рубля, оно выдавало десятки рублей, и выдавало въ полномъ сознаніи, что бумаги эти дѣйствительно ничего не стоили, и что курсъ ихъ есть произведеніе Демутовой биржи. Молодой банкиръ царилъ надо всѣмъ этимъ, и предписывалъ свои законы. Сегодня онъ гналъ бумаги вверхъ, завтра гналъ ихъ внизъ, послѣ завтра снова гналъ вверхъ, и голова кружилась у публики, которая предоставлена была вполнѣ этому спекулянту и его обществу и которая не находила руководи-

тельства даже у Государственнаго Банка, съ своей стороны тоже подчинявшагося этой дикой игрѣ и широко раздававшаго ссуды. Исторія когда-нибудь разскажетъ закулисную интригу этой игры и, конечно, не пощадитъ именъ съ дутой и незаслуженной репутаціей.

Вторая часть труда г. Гейлера составлена прекрасно; онъ не пощадилъ стараній, чтобъ сообщить ей возможную полноту и дать публикѣ руководящую нить среди этого зыбкаго болота „цѣнныхъ" бумагъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Восьмое засѣданіе комитета 10-го мая 1871 г.—1) Оставлено безъ послѣдствій прошеніе одной вдовы, за неуказаніемъ ею сочиненій ея мужа и вообще правъ ея на пособіе со стороны Общества.

2) Отклонены ходатайства: трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ лица эти не удовлетворяютъ условіямъ § 5 устава, и одного — о выдачѣ ссуды, такъ какъ никто изъ членовъ комитета не принялъ на себя ручательства въ вѣрности возвращенія ссуды.

3) Объявлена благодарность Общества: а) Т. И. Музыкантову—за посѣщеніе двухъ больныхъ, обращавшихся въ Общество за пособіемъ, и б) подписчику „Спб. Вѣдомостей", приславшему 15 руб. для выдачи въ пособіе семейству одного писателя.

4) Выдано 30 рублей въ единовременное пособіе находившемуся въ больницѣ и неимѣющему никакихъ средствъ къ жизни писателю.

Девятое засѣданіе комитета 24-го мая 1871 г. — 1) Выдано въ единовременное пособіе 100 р. дочери одного извѣстнаго въ свое время писателя, находящейся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ весьма болѣзненномъ положеніи.

2) Объявлена благодарность Общества Н. А. Шторху за содѣйствіе его комитету въ устройствѣ участи больной дочери одного писателя.

3) Выдано 100 р. въ пособіе одному литератору, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

4) Доложены свѣдѣнія о положеніи одного писателя. Обстановка его тяжелая: у него жена и двое дѣтей, изъ которыхъ одинъ только что родился; въ комнатѣ кровать, столъ, стулъ и табуретъ; болѣе ничего нѣтъ; денегъ совсѣмъ нѣтъ; надеждъ немного. Опредѣлено: выдать 50 р.

5) Отклонены: а) ходатайство о высылкѣ денегъ одному писателю, какъ по значительности просимой суммы, такъ и потому, что, на основаніи § 37 устава, пособія назначаются не иначе, какъ по просьбѣ самихъ нуждающихся въ пособіи или вслѣдствіе заявленія о томъ членовъ Общества, и б) просьбы пяти лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ § 5 устава.

6) Выдано 25 рублей въ пособіе молодому писателю, пріѣхавшему въ Петербургъ для пріисканія занятій и лишенному средствъ къ жизни.

7) Утверждено распоряженіе предсѣдателя о выдачѣ 50 р. въ пособіе одному писателю, задолжавшему за квартиру, и положено просить домовладѣльца его оказать снисхожденіе по взысканію долга.

8) Выдано въ ссуду 150 р. одному молодому ученому.

9) На основаніи пункта 2 § 1 устава, назначено въ пособіе 60 рублей молодому человѣку, для окончанія его образованія.

10) Оставлено безъ послѣдствій прошеніе сестры одного писателя о пособіи, такъ какъ другой братъ просительницы обѣщалъ самъ помочь ей.

Десятое засѣданіе комитета 7-го іюня 1871-го г.—1) Отклонено ходатайство одной просительницы, за недавнимъ полученіемъ ею пособія и непредставленіемъ трудовъ, которые могли бы оправдать новое.

2) Выдано 25 рублей вдовѣ писателя, по случаю смерти ея мужа и крайности ея положенія.

3) Положено: слѣдовавшіе къ выдачѣ умершей пенсіонеркѣ Общества, за текущую треть, 80 рублей отпустить сестрѣ ея, находящейся въ затруднительномъ положеніи.

4) Выдано въ ссуду одному молодому ученому 300 руб.

5) По докладу секретаря о бѣдственномъ положеніи одного писателя и его постоянныхъ литературныхъ трудахъ, отпущено этому писателю 25 р. для удовлетворенія первыхъ нуждъ по выходѣ его изъ больницы.

Отчетъ казначея Общества за май 1871 года.

I. Наличность кассы въ началѣ мѣсяца.

	руб.	к.	
Къ 1-му мая состояло въ кассѣ . . .			55,584 р. 76 к.
Въ томъ числѣ:			
Процентными бумагами . .	52,140	—	
На текущемъ счету. . . .	3,000	—	
Наличными деньгами . . .	444	76	
Итого . . .	55,584	76	

II. Приходъ.

Въ теченіе мая мѣсяца записано на приходъ		1,461 р. — к.
Въ томъ числѣ:		
1. Пожертвовано Государыней Императрицей	300 —	
2. Отъ Е. И. В. В. К. Алексѣя Александровича. . .	100 —	
3. Взносы 63 членовъ Общества	980 —	
4. Единовременное пожертвованіе одного лица . . .	1 —	
5. За смертью пенсіонерки возвращена третная пенсія	80 —	
Итого . . .	1,461 —	
Всего въ кассѣ и въ приходѣ		57,045 р. 76 к.

III. Расходъ.

Въ теченіе мая мѣсяца выписано въ расходъ		910 р. — к.
Въ томъ числѣ:		
1. Пенсіи 3-мъ лицамъ. . .	220 —	
2. Единовременное пособіе 7-ми лицамъ	415 —	
3. На воспитаніе дѣтей . .	125 —	
4. Ссуда одному лицу . . .	150 —	
Итого . . .	910 —	

IV. Наличность кассы въ концѣ мѣсяца.

По 31-е мая записано на приходъ . . .		57,045 р. 76 к.
По то же число вписано въ расходъ . .		910 „ — „
Къ 1-му іюня состояло въ кассѣ . . .		56,135 „ 76 „
Въ томъ числѣ:		
а) процентными бумагами. .	52,140 —	
б) На текущемъ счету. . .	3,750 —	
в) Наличными деньгами . .	245 76	
Итого . . .	56,135 76	

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей.

Всѣ прошенія, дѣла и бумаги въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ должны быть адресуемы на имя члена комитета, Алексѣя Сергѣевича Суворина, въ редакціи „Спб. Вѣд.", Васильевскій островъ, 3-я линія, домъ Юнкера.

Всѣ денежныя выдачи, по опредѣленію комитета, производятся казначеемъ Общества, Николаемъ Николаевичемъ Тютчевымъ (Малая Итальянская, домъ № 14, квартира № 17). Онъ же принимаетъ деньги, поступающія въ кассу литературнаго фонда, и выдаетъ квитанціи. На имя казначея, равнымъ образомъ, должны быть присылаемы росписки въ полученіи пенсій и пособій, высылаемыхъ иногороднымъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ Общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію, и въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, слѣдуетъ записывать вносимыя деньги въ особую, заведенную для того въ магазинѣ А. Базунова, книжку.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1871.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ.

[Сра]внительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ. *В. И. Шерцль.* Ч. 1. Харьковъ, 1871. Стр. 682. Ц. 4 р.

[Э]тотъ почтенный самостоятельный трудъ обни[ма]етъ собою первую часть сравнительной грам[ма]тики, Фонетику. Но авторъ не ограничился [зву]коизмѣненіемъ собственно въ языкахъ славян[ски]хъ, а предпослалъ имъ изслѣдованіе звуко[обр]азованія вообще въ индо-европейскихъ языкахъ [во]обще, г. Шерцль предпринялъ опытъ соединить [сра]внительную грамматику индо-европейскихъ язы[ков]ъ со сравнительною грамматикою языковъ сла[вян]скихъ. Трудъ его, такимъ образомъ, весьма [усл]ожнился конечно, тѣмъ болѣе, что авторъ не [огр]аничивается передачею предмета съ чужихъ [сло]въ, что было бы не такъ трудно сдѣлать, но [поль]зуясь всѣми трудами западныхъ и нашихъ [уче]ныхъ, какіе были ему доступны, многіе выво[ды] дѣлаетъ самостоятельно, и даже иногда слѣ[дуе]тъ своему мнѣнію въ классификаціи этихъ язы[ков]ъ. Трудъ г. Шерцля, когда онъ будетъ кон[чен]ъ, представитъ нѣчто болѣе руководства, ко[неч]но, и надо только желать, чтобы у нашего уче[наг]о достало энергіи и средствъ довести до окон[чан]ія такое предпріятіе, которое обогатитъ нашу [лин]гвистическую литературу.

[Ста]ниславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. *Алекс. Дю[ве]рнуа.* Москва, 1871. Стр. 213. Ц. 1 р. 25 к.

[М]онографія г. Дювернуа распадается на двѣ [час]ти; первая посвящена борьбѣ академическихъ [наці]й въ пражскомъ университетѣ въ 1348—1491 [г.], вторая описываетъ эпизодъ изъ полемики [меж]ду реалистами и номиналистами. Церковная [бор]ьба чеховъ съ нѣмцами въ началѣ XV-го [в.], распространеніе Гусомъ твореній Виклефа, [Кон]станцскій соборъ, наконецъ метафизическое [уче]ніе объ отношеніяхъ Бога ко вселенной — [вс]ѣ тѣ историческіе факты, которые изслѣ[дую]тся здѣсь въ формѣ сжатой, и при помощи [зам]ѣчательной начитанности. Книжка эта по [сво]ей формѣ изложенія не можетъ служить по[пул]ярнымъ чтеніемъ, но имѣетъ цѣну какъ ра[бот]а, сдѣланная на основаніи непосредственнаго [бл]изкаго знакомства съ источниками. Всѣ три [гла]вные момента ея равно интересны: борьба [наці]й, изъ которыхъ состоялъ древній пражскій [унив]ерситетъ, попытки ученой части духовенства [на] констанцскомъ соборѣ ограничить права пап[ско]й власти (мотивъ, совпадающій съ современ[ным]ъ теченіемъ въ томъ же германскомъ като[лич]ескомъ ученомъ духовенствѣ) и споръ номи[нали]стовъ съ реалистами, которыхъ ученіе въ [сущ]ности было введеніемъ пантеистическаго воз[зрен]ія въ богословіе. Фигура Гуса, впрочемъ, не[дост]аточно выдается среди всего этого, но авторъ [ви]димому и не имѣлъ въ виду воспроизведеніе [лиц]ъ историческихъ личностей.

Наши дни. Соч. *Б. Ауэрбаха.* Спб. 1871 г. Стр. 184. Ц. 1 р. 25 к.

Переводъ впечатлѣній знаменитаго беллетриста въ теченіи послѣдней войны. При началѣ ея Ауэрбахъ былъ близь рейнской границы, при концѣ ея онъ посѣтилъ Страсбургъ. Впечатлѣнія Ауэрбаха нельзя признать замѣчательными; политикъ онъ весьма наивный. Такъ онъ прусскому правительству даетъ совѣтъ созвать народныхъ учителей въ Эльзасѣ въ собраніе и поручить имъ рѣшить, какимъ образомъ должны быть устроены тамъ школы. Совѣтъ этотъ тѣмъ болѣе наивенъ, что Ауэрбахъ лично вовсе не убѣжденъ въ склонности прусскаго министра народнаго просвѣщенія къ либерализму. «Не слѣдуетъ упускать изъ виду», говоритъ онъ, что въ Эльзасѣ повсюду господствуетъ общая паника въ виду учебной реформы, предложенной прусскимъ министромъ Мюлеромъ (переводчикъ называетъ его Миллеромъ); эльзасцы опасаются, чтобъ не подчинили ихъ школы мѣстному духовенству». Эльзасцы, конечно, не напрасно опасаются этого. Но со стороны автора непослѣдовательно такое внушеніе, такъ какъ онъ только-что передъ тѣмъ сказалъ, что усилія французской администраціи офранцузить Эльзасъ посредствомъ духовенства одни именно и не имѣли успѣха. Мѣстами у Ауэрбаха проглядываетъ недостатокъ сочувствія къ пруссакамъ, которые во всякомъ случаѣ были дѣйствительными агентами объединенія Германіи, и которымъ принадлежитъ вся слава побѣды. Но замѣчательно, что Ауэрбахъ всего болѣе радуется не объединенію а именно «возвращенію» Эльзаса и Лотарингіи, когда самъ признаетъ, что эльзасцы упорно сопротивлялись этому «вторичному ихъ присоединенію къ германскому отечеству». Знаменитый романистъ сочинилъ даже на этотъ сомнительно-патріотическій мотивъ пѣсню, которая и была раздаваема солдатамъ при выдачѣ имъ жалованья. Ауэрбахъ сочинилъ ее, поговоривъ объ этомъ съ принцомъ Вильгельмомъ баденскимъ. Но пѣсня Ауэрбаха не многимъ лучше нашихъ солдатскихъ пѣсенъ, и никому бы не пришло въ мысль, что ее могъ написать Ауэрбахъ, еслибы онъ самъ не объявилъ этого. Такъ онъ поетъ о прежней печальной судьбѣ эльзасца:

> Geraubt von dem Franzosen
> Trägst du die rothen Hosen....

Очевидная реминисценція изъ пѣсенъ стараго коллеги Б. Ауэрбаха, Г. Гейне (Deutschland). Но у того эти двѣ риѳмы были прелестны потому именно, что несли мысль совсѣмъ не солдатскаго свойства. Здѣсь же имя воспѣвается буквально различіе цвѣта панталонъ, то самое различіе, которое у Гейне съ такимъ неподражаемымъ юморомъ описано въ Reisebilder.

ПОДПИСКА на „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1871 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 р**
ставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г.
15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ—**16**
въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ,* желающіе получать журналъ
или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи
вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ
адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною
Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала,
для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ,* для полученія журнала на домъ
подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р.
щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ,* исключительно
и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени,
миліи и *того почтоваго мѣста,* съ указаніемъ его губерніи и уѣзда
губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать
куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично,*
коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію,
городные; 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ
родскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія*
18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.;
Швія—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и
Швейцарія — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно
книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около
шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ
сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для
иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ
товъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ
бой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы
поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью
редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ
адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о
для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать
няго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя
ные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА,* въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается
въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой
ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ
зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ
Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно
Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія
мера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить

М. Стасюлевич
Издатель и отвѣтственный

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛ
Невскій просп., 30.